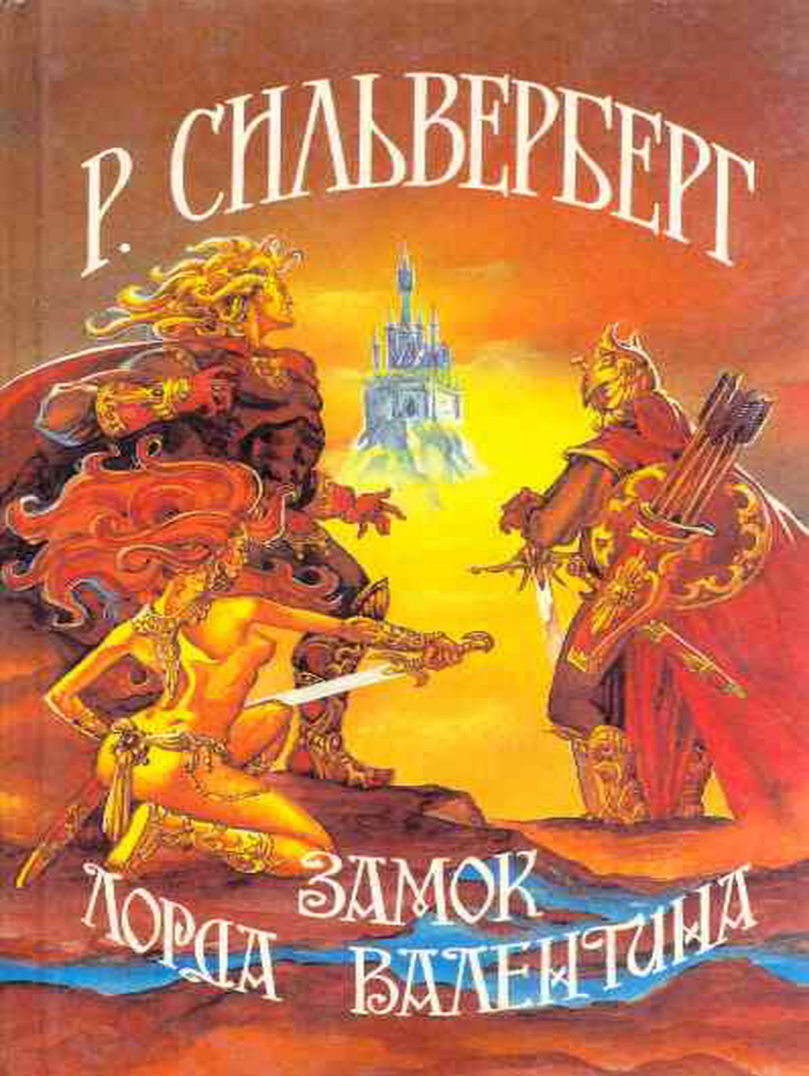
Р. СИЛЬВЕРБЕРГ



ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

Замок Лорда Валентина
Роберт Силверберг

Аннотация
Роберт Сильверберг. ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА
Книга Короля Снов
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Книга метаморфов
1
2
3

4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Книга Острова Сна
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Книга Лабиринта

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Книга Замка
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

16
17

Аннотация

Вчера ты правитель огромного государства, а сегодня ты бродяга, почти ничего не помнящий из своего прошлого. Вчера вершитель судеб миллионов подданных, сегодня жонглер. С этого момента начинется длинный, тяжёлый и опасный путь к замку лорда Валентина.

Первый роман трилогии о Валентине из цикла о планете Маджипур.

Роберт Сильверберг
ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

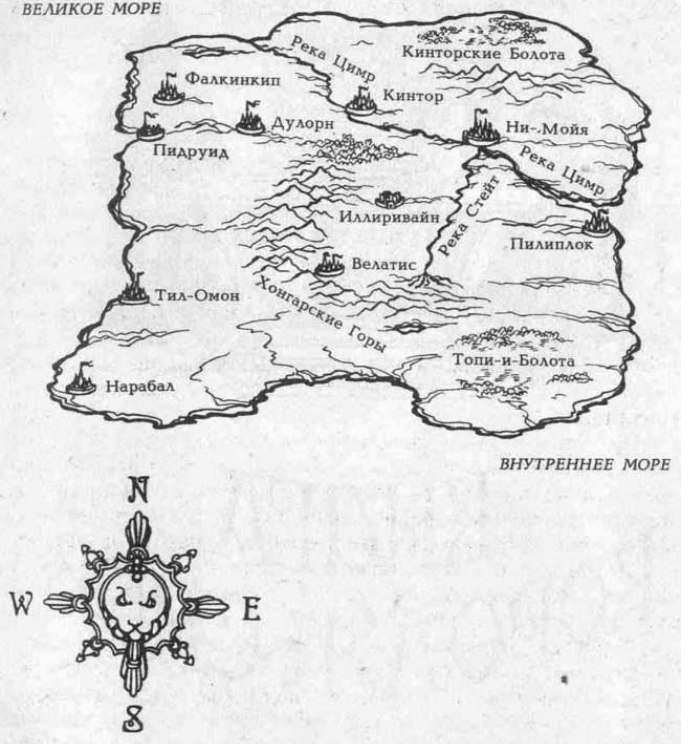
Книга Короля Снов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА КОРОЛЯ СНОВ

1

ЦИМРОЕЛЬ


ВЕЛИКОЕ МОРЕ
Река Цимр
Кинторские Болота
Фалкинкип
Кинтор
Дулорн
Ни-Мойя
Пидруид
Река Цимр
Иллиривайн
Река Стейт
Пилиплок
Велатис
Тил-Омон
Хонгарские Горы
Топи-и-Болота
Нарабал
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
N
W
E
S

После целого дня пути сквозь золотистую дымку, облепившую его, как тонкая влажная шерсть, Валентин подошел к гребню обнаженного белого камня и увидел сверху город Пидруид. Это была столица провинции, большая и великолепная, крупнейший город, который он видел, во всяком случае, с начала своих скитаний.

Валентин остановился, нашел место на краю мягкого, разрушенного белого гребня, сбросил обутой в сапог ногой мелкий щебень и сел, глядя вниз на Пидруид и моргая, как будто недавно проснулся. В этот летний день до сумерек оставалось еще несколько часов, и солнце висело высоко на юго-западе за Пидруидом, над Великим Морем. «Отдохну пока здесь,- подумал Валентин,- а потом пойду в город и найду себе место на ночь».

Вдруг он услышал, как с нависавшей над ним скалы посыпались камни, и, неторопливо повернувшись, посмотрел туда, откуда пришел. К нему приближался юный пастух, мальчик с волосами соломенного цвета и веснушчатым лицом, ведущий за собой двенадцать или пятнадцать верховых маунтов. Это были толстые, лоснящиеся существа с пурпурными шкурами, явно хорошо ухоженные. Животное самого мальчика

выглядело более старым и тощим.

- Эгей! - крикнул он Валентину.- Куда вы направляетесь?

- В Пидруид. А ты?

- Я тоже. Веду этих животных на рынок. Жарковатая работенка. У вас нет вина?

- Есть немного,- сказал Валентин и хлопнул по фляжке на бедре, где более воинственные люди носили оружие.- Хорошее красное вино, мне будет жаль, когда оно кончится.

- Дайте мне выпить, и я позволю вам доехать со мной до города.

- Хорошо,- сказал Валентин и встал. Мальчик тем временем спешился и спустился вниз. Валентин передал ему флягу. Мальчику было не более четырнадцати или пятнадцати лет, и для своего возраста он был маловат ростом, хотя грудь имел широкую и мускулистую. Он был едва по локоть Валентину, который был довольно высоким крепким мужчиной с широкими плечами.

Мальчик взболтнул вино во фляге, понюхал его, одобрительно кивнул и сделал большой глоток.

- Я глотал пыль всю дорогу от Фалкинкига! И еще эта влажная жара - она меня убивает! Еще час всухую - и мне конец.- Он вернул вино Валентину.- Вы живете в городе?

Валентин нахмурился.

- Нет.

- Значит, прибыли на фестиваль?

- Фестиваль?

- Так вы не знаете?

Валентин покачал головой. Он чувствовал на себе насмешливый взгляд мальчика и был смущен.

- Я путешествовал и не следил за новостями. В Пидруиде время фестиваля?

- Да,- сказал мальчик.- Он начнется в стардей большим парадом и празднованиями. Взгляните туда. Неужели вы даже сейчас не видите ЕГО прихода? - И он указал рукой.

Валентин посмотрел вдоль вытянутой руки мальчика и украдкой взглянул на южную часть Пидруида, но увидел только скопище крытых зеленой черепицей крыш и путаницу древних улочек, пересекающих друг друга безо всякой системы. Он снова покачал головой.

- Вон там,- нетерпеливо сказал мальчик.- Внизу - гавань. Видите? Корабли? Пять огромных кораблей с ЕГО знаменами, развевающимися на ветру? И эту процессию, входящую через Ворота Дракона? Я думаю, это его платформа въезжает сейчас в Арку Снов. Все еще не видите? Может, у

вас плохо с глазами?

- Я не знаю города,- мягко сказал Валентин.- Хотя, да, я вижу гавань и пять кораблей.

- Отлично. А теперь идите в сторону от моря - видите большие каменные ворота? И широкую дорогу, идущую сквозь них? И церемониальную арку в той же стороне?..

- Да, теперь вижу.

- А его знамя над повозкой?

- Чье знамя? Если я ошибаюсь, поправь меня, но...

- Чье? Конечно, Лорда Валентина! Знамя Лорда Валентина! Платформа Лорда Валентина! Личная гвардия Лорда Валентина, марширующая по улицам Пидруида! Вы не знаете, что прибыл Коронал?

- Нет, не знаю.

- И фестиваль! Как по-вашему, почему в это время лета устраивают праздник? По случаю прибытия Коронала!

Валентин улыбнулся.

- Я путешествовал и не следил за новостями. Хочешь еще вина?

- Там его осталось совсем немного,- сказал мальчик.

- Можешь его прикончить, в Пидруиде я куплю

еще.

Он передал ему фляжку и снова повернулся к городу, глядя вниз, вдоль склона, на лесистые предместья, на густонаселенный город и еще дальше, на берег моря и большие корабли, марширующих воинов и платформу Коронала. Должно быть, это был великий момент в истории Пидруида, ведь Коронал правил с отдаленной Замковой Горы, расположенной по другую сторону мира, так далеко, что и он, и она были почти легендарны. Короналы Маджипура нечасто посещали западный континент. Однако Валентин был странно неподвижен, узнав о присутствии своего блистательного тезки в городе, раскинувшемся внизу. «Я здесь, и Коронал здесь,- подумал он,- и сегодня ночью он будет спать в роскошном дворце владык Пидруида, а я буду спать на куче соломы, а потом будет великий фестиваль. Но что мне до этого?» Он чувствовал себя неловко, будучи таким спокойным перед лицом возбужденного мальчика. Это было просто невежливо.

- Прости меня,- сказал он.- Я так мало знаю о том, что произошло в мире за последние месяцы. Почему Коронал здесь?

- Он устраивает великое шествие,- сказал мальчик.- Через все части королевства. Это должно

увеличить его могущество. Вы знаете, Лорд Валентин всего два года как сел на трон вместо умершего брата, Лорда Вориакса. Вы знали, что Лорд Вориакс умер, а Лорд Валентин стал нашим Короналом?

- Я слышал об этом,- неопределенно ответил Валентин.

- Отлично. И вот теперь он здесь, в Пидруиде. Впервые с тех пор, как занял Замок, он путешествует по королевству. Сначала он побывал на юге, в провинции, вчера пристал к берегу Пидруида, а ночью вступил в город, и несколько дней здесь будет праздник, еда и питье для всех, игры, танцы, удовольствия и большая ярмарка, где я хочу подороже продать этих животных. Потом он отправится по суше через весь Цимроель, от столицы к столице, пройдя так много тысяч миль, что у меня болит голова при одной мысли об этом, а на восточном берегу сядет на корабль и поплывет обратно в Алханроель, к Замковой Горе, и никто из живущих в Цимроеле не увидит его лет двенадцать, а то и больше. А хорошо, наверно, быть Короналом! - рассмеялся мальчик.- Это было хорошее вино. Меня зовут Шанамир. А вас?

- Валентин.

- Валентин? ВАЛЕНТИН? Многообещающее

имя!

- По-моему, самое обычное.

- Но если добавить впереди ЛОРДа, вы были бы Короналом!

- Это не так просто. Кроме того, зачем мне хотеть стать Короналом?

- Власть,- сказал Шанамир, широко раскрыв глаза.- Прекрасная одежда, пища, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

- Обязанности,- мрачно дополнил Валентин.- Обуза. Ты думаешь, Коронал только и делает, что пьет золотое вино и устраивает шествия? Ты думаешь, он только ублажает себя?

Мальчик задумался.

- Наверное, нет.

- Он управляет миллионами и миллионами подданных, территориями таких огромными, что мы не можем даже представить. Выполнение решений Понтифекса, поддержание порядка и закона на всех землях - даже думать об этом тяжело, мальчик. Он предохраняет мир от разрушения и хаоса. Нет, я не завидую ему. Пусть занимается своим делом.

Подумав, Шанамир сказал:

- А вы не так глупы, как я думал, Валентин.

- Значит, ты думал, что я глуп?

- Признаться, да. Вы, взрослый человек, так мало знаете об очевидных вещах, и я, который моложе вас в два раза, должен объяснять их. Но, возможно, я недооценил вас. Ну что, едем вниз, в Пидруид?

2

Валентин хотел выбрать одно из животных, которых мальчик вел на рынок, но для него они все казались одинаковыми, поэтому он наугад вспрыгнул на одного из них, оказавшись в естественном седле существа. После долгого пути пешком очень хорошо было проехаться. Маунты были удобны, насколько это вообще возможно, да их и выводили для удобства, этих древних животных, этих колдовских существ прежних дней: сильных, неутомимых и терпеливых, способных превращать любой хлам в пищу. Умение разводить их давно забылось, но сейчас они размножались сами, подобно настоящим животным, и трудно было представить Маджипур без них.

Дорога в Пидруид на протяжении мили тянулась вдоль высоких гребней, затем начинался резкий спуск вниз, к прибрежной долине. Валентин позволил мальчику говорить и, пока они спускались, многое узнал о нем. По словам Шанамира, он пришел из местности, расположенной в двух с половиной днях пути к северо-востоку, где он, его отец и братья разводили маунтов для продажи на рынке Пидруида. Ему было тринадцать

лет, и он был высокого мнения о себе; до сих пор он никогда не покидал провинцию, столицей которой был Пидруид, но однажды намеревался выехать за ее пределы и попутешествовать по Маджипуру: совершить паломничество к Острову Сна и упасть на колени перед Леди, пересечь внутреннее море, достигнуть Алханроеля и подножия Замковой Горы, а потом отправиться на юг и, может быть, достигнуть влажных тропиков, жарких и бесплодных владений Короля Снов. Да и чем еще заниматься в таком богатом чудесами мире, как Маджипур, если не путешествовать по нему взад-вперед?

- А вы, Валентин? - спросил вдруг он.- Кто вы, откуда и куда направляетесь?

Убаюканный монотонным рассказом мальчика и мягкими движениями маунта, спускающегося вниз по извивающейся дороге, Валентин вздрогнул, как от удара, от этих вопросов и ответил:

- Я пришел из восточных провинций, и у меня нет никаких планов. Я хочу остаться здесь, пока у меня есть средства на жизнь.

- Но почему вы пришли сюда?

- А почему бы и нет?

- Ну хорошо,- сказал Шанамир.- Я чувствую ваше желание уклониться от ответа. Вы - младший

сын герцога из Ни-мойи или Пилиплока. Однажды вы увидели странный сон и были захвачены им, а ваш отец дал вам кошелек денег и приказал исчезнуть в дальних краях континента. Верно?

- Совершенно верно,- сказал Валентин и подмигнул.

- Вы собрали свои роялы и кроны и отправились в Пидруид разыгрывать из себя принца и жить там, пока не уйдут последние деньги, а потом хотите нанять морское судно и отправиться в Алханроель, а меня возьмете с собой, как своего оруженосца. Что вы скажете на это?

- Ты совершенно прав, мой друг. Вот только деньги... Мне нечем подкрепить эту часть твоей фантазии.

- Но у вас есть НЕМНОГО денег,- сказал Шанамир уже не так шутливо, как прежде.- Вы ведь не нищий, верно? В Пидруиде к нищим относятся очень плохо, там не одобряют бродяжничество.

- У меня есть несколько монет,- сказал Валентин.- Достаточно, чтобы провести здесь фестиваль и еще некоторое время. А потом посмотрим.

- Если вы отправитесь в море, возьмите меня с собой, Валентин.

- Если отправлюсь, то возьму,- пообещал он.

Сейчас они находились на середине склона.

Город Пидруид лежал на берегу большой бухты, окруженный со стороны суши низкими серыми холмами. Достигнув уровня моря, Валентин почувствовал легкий бриз, дующий ему в лицо - прохладный, ароматный, освежающий. С запада к берегу уже ползли белые клочья тумана, и оттуда тянуло соленым запахом воды. Валентина пугали размеры города, лежавшего перед ним, он никогда прежде не видел таких огромных городов.

Это был край континента. Весь Цимроель лежал за его спиной и, насколько он знал, он прошел континент из конца в конец, началом пути был один из восточных портов - Ни-мойи или Пилиплока. Правда, он был достаточно молодым человеком и сомневался, что можно совершить такое путешествие пешком в течение одной жизни. Он не помнил, чтобы до сего дня пользовался когда-либо верховыми маунтами, но, с другой стороны, знал, как ездить верхом. Он умело вскочил в широкое седло, и факт этот говорил за то, что он ездил на них и прежде. Впрочем, это не имело значения. Сейчас он был здесь и не испытывал нетерпения: он останется в Пидруиде до тех пор, пока не будет вынужден идти дальше. Валентина смешила тяга Шанамира к путеше-

ствиям. Мир был таким большим, что об этом не стоило и думать: три великих континента, два громадных моря - это было место, которое можно полностью охватить только во сне. Говорили, что Лорд Валентин, Коронал, живет в замке восьмитысячелетнего возраста, с пятью комнатами на каждый год его существования, и этот замок стоит на горе такой высокой, что она прокалывает небо - колоссальный пик в тридцать миль высотой, на склонах которого расположены пятьдесят городов размером с Пидруид. Такое даже представить мог не каждый. Мир был слишком велик, слишком стар и слишком густонаселен для мыслей одного человека. «Я поживу в этом городе,- решил Валентин,- найду способ заплатить за пищу и ночлег и буду счастлив».

- У вас, конечно, не заказана постель в гостинице,- сказал Шанамир.

- Конечно, нет.

- Это будет проблемой. Все гостиницы города наверняка полны, ведь сейчас время фестиваля, и Коронал уже здесь. Где вы будете спать, Валентин?

- Нигде. Под деревом, в куче тряпок, в городском парке. Кажется, это именно он справа от нас.

- Вы забыли мои слова о бродяжничестве? Вас

схватят и посадят на месяц, а когда выпустят, вам придется убирать навоз, чтобы скопить денег на дорогу. А уборщикам навоза платят так мало, что на это уйдет вся ваша жизнь.

- По крайней мере, у меня будет постоянная работа,- сказал Валентин.

Шанамир не улыбнулся.

- В городе есть гостиница для торговцев маунтами, и меня там знают, точнее, знают моего отца. Мы пойдем туда и что-нибудь подыщем. Что бы вы делали без меня?

- Вероятно, стал бы уборщиком навоза.

- Вы только так говорите...- Мальчик коснулся уха своего скакуна, остановил его и посмотрел на Валентина.- Я не понимаю вас. Вы либо дурак, либо самый беззаботный человек Маджипура.

- Я бы тоже хотел это знать,- сказал Валентин.

У подножия гряды холмов дорога соединилась с большим трактом, который шел на север, а затем поворачивал на запад, к Пидруиду. Новая дорога, широкая и прямая, идущая по дну долины, была помечена низкими белыми щитами с двойными знаками Понтифекса и Коронала - лабиринтом и звездным огнем - и была вымощена гладким серо-синим упругим веществом, скрывавшим все неровности. Вещество это, вероятно, было

очень древним, так же как многие вещи этого мира. Маунты бежали неутомимо. Синтетические создания, которыми они были, почти не чувствовали усталости и могли безо всяких жалоб пробежать от Пидруида до Пилиплока. Время от времени Шанамир оглядывался, проверяя, не сбились ли они с дороги, поскольку животные не были привязаны, но все было в порядке.

Солнце было окрашено в слабый бронзовый оттенок, и город лежал перед ними как на ладони. Дорога в этой части имела изумительный вид: по обе стороны ее росли благородные деревья в двенадцать раз выше человека со стройными суживающимися стволами, темно-голубоватой корой и могучими кронами блестящих зеленовато-черных листьев, острых как кинжалы. Из крон выступали изумительные грозди цветов от красного до желтого цвета, которые вспыхивали, как сигнальные огни, так далеко, насколько мог видеть Валентин.

- Что это за деревья? - спросил он.

- Огненные пальмы,- ответил Шанамир.- Пидруид славится ими. Они растут только возле берега и цветут одну неделю в году. Зимой они роняют прокисшие ягоды, из которых делают крепкий ликер. Вы будете пить его сегодня.

- Коронал выбрал хороший момент, чтобы приехать сюда.

- Я думаю, это не случайно.

Колонны сверкающих деревьев тянулись еще долго, и они ехали вдоль них, пока не открылись поля с первыми виллами. Затем начались пригороды с более скромными домами, еще дальше тянулась пыльная зона небольших заводов и наконец показалась древняя стена Пидруида в половину высоты огненных деревьев.

- Фалкинкипские Ворота,- объявил Шанамир.- Восточный вход в Пидруид. Сейчас мы входим в столицу, где живет одиннадцать миллионов человек, Валентин. Здесь можно найти все расы Маджипура, причем не только человеческие: скандары, хьорты, лиимены и все остальные. Говорят, есть даже небольшая группа Изменяющих Форму.

- Изменяющих Форму?

- Это древняя раса. Первые жители планеты.

- Мы называем их по-другому,- сказал Валентин.- Это МЕТАМОРФЫ?

- Да, они самые. Я слышал, что так их называют на востоке. Они пугают меня, эти Изменяющие Форму,- говорил Шанамир.- Без них это была бы счастливая планета. Они бродят вокруг, подра-

жают другим и творят зло. Я хочу, чтобы они оставались в своих собственных землях.

- В основном они так и делают.

- Но говорят, что по нескольку метаморфов живет в каждом городе.- Шанамир наклонился вперед и коснулся руки Валентина, торжественно глядя ему в лицо.- Их можно встретить везде. Например, сидящим на скале и смотрящим на Пидруид.

- Ты думаешь, что я замаскированный метаморф?

Мальчик хихикнул.

- А докажите, что это не так!

Валентин поискал способ доказать свою подлинность, но ничего не придумал и вместо этого сделал страшное лицо: растянул щеки, как будто они были резиновые, искривил губы и вытаращил глаза.

- Это мое настоящее лицо,- сказал он.- Ты раскрыл меня.

Оба рассмеялись и через Фалкинкипские Ворота въехали в Пидруид.

За воротами все выглядело очень древним: дома были построены в странном угловатом стиле, горбатые стены волнами поднимались к черепичным крышам, а сама черепица часто бы-

ла расколота и валялась среди буйных зарослей покрывавшей крыши мясистой травы, которая закреплялась в любой трещине или выбоине. Над городом висел густой туман, под которым было темно и прохладно, и потому почти в каждом окне горел свет. Главный тракт разветвлялся снова и снова, и скоро Шанамир увел своих животных в узкую улочку, правда, довольно прямую по сравнению с другими, отходившими от нее в разных направлениях. Улицы были забиты народом. Эти толпы вызывали у Валентина смутное беспокойство. Он не помнил, чтобы когда-либо вокруг него было так много людей. Валентин и Шанамир толкались, пробираясь вперед, минуя носильщиков, купцов, матросов, продавцов, жителей холмов, которые, подобно Шанамиру, пригнали маунтов или принесли на рынок свои изделия, путешественников в прекрасных халатах из пылающей парчи и маленьких девочек и мальчиков, крутившихся под ногами. В Пидруиде время фестиваля! Крикливые полотнища алой материи, натянутые поперек улицы по два-три на каждый квартал, ярко-зелеными надписями славили Лорда Валентина.

- Далеко до твоей гостиницы? - спросил Валентин.

- Она недалеко от центра города. Вы голодны?

- Немного. Даже больше, чем немного.

Шанамир сделал знак своим маунтам, и они покорно зашли в вымощенный булыжником тупик, где мальчик и остановил их.

Спешившись, он указал на крошечный закопченный киоск на другой стороне улицы, перед которым жарилась насаженная на вертел колбаса. Продавцом был лиимен, коренастый и тупоголовый, с покрытой оспинами серо-черной кожей и тремя глазами, которые сверкали как угли. Мальчик что-то знаками показал ему, и лиимен, протянув два вертела с колбасой, наполнил стаканы бледно-янтарным пивом. Валентин вынул монету и положил ее на прилавок. Это была прекрасная толстая монета, чистая и сверкающая, с закругленным краем, но лиимен смотрел на нее так, будто Валентин предлагал ему скорпиона. Шанамир поспешно сгреб монету с прилавка и положил одну из своих - квадратную медную монету с треугольным отверстием в центре. Забранную он вернул Валентину, и они удалились со своим обедом.

- Что я сделал не так? - спросил Валентин.

- За эту монету вы могли бы купить лиимена, всю его колбасу и месячный запас пива! Где вы

взяли ее?

- В кошельке.

- У вас есть еще такие?

- Возможно,- сказал Валентин. Он осмотрел монету, на одной стороне которой был изображен старый человек, худой и высохший, а на другой - молодой и энергичный. Стоимостью она была в пятьдесят роялов.- Значит, она слишком ценна, чтобы расплачиваться ею? - спросил он.- Что за нее можно купить?

- Пять моих маунтов,- ответил Шанамир.- Великолепную квартиру на год. Поездку в Алханроель и обратно. Для большинства из нас это заработок за много месяцев. Я вижу, вы не знаете стоимости вещей.

- Похоже на то,- смущенно ответил Валентин.

- Эта колбаса стоит десять вейтов. Сто вейтов составляют крону, десять крон - это роял, а в монете их пятьдесят. Теперь вы понимаете? Я разменяю ее для вас на рынке, а пока храните монету у себя. Это честный город и более-менее безопасный, но с кошельком, полным таких монет, вы искушаете судьбу. Почему вы не сказали мне, что носите с собой состояние? - Шанамир махнул рукой.- Потому, что не знали этого. Вы как-то странно наивны, Валентин. Вы мужчина, а я только мальчик, но

вы гораздо больше похожи на ребенка. Знаете ли вы вообще что-нибудь? Например, сколько вам лет? Ну, кончайте ваше пиво и едем дальше.

Валентин кивнул.

«Сто вейтов - крона,- подумал он,- а десять крон - роял. Что я отвечу Шанамиру на его вопрос о возрасте? Двадцать восемь? Тридцать два?» Он понятия не имел об этом. «Что если это важный вопрос? Ладно, пусть будет тридцать два. Это звучит достаточно хорошо. Да, мне тридцать два года, десять крон составляют роял, а сверкающий кружок с изображениями молодого и старого мужчины стоит пятьдесят роялов».

3

Дорога к гостинице лежала прямо через центр Пидруида, через районы, которые даже в эти поздние часы были заполнены народом. Валентин спросил, не связано ли это с приездом Коронала, но Шанамир ответил, что нет, город выглядит так всегда, ведь это главный порт на западном берегу Цимроеля. Отсюда уходят корабли к другим портам Маджипура, причем не только на этом оживленном берегу, но и через Внутреннее Море в дальнее плавание к Алханроелю, в путешествие, возможное только в лучшую часть года. Кроме того, отсюда велась кое-какая торговля с малонаселенным южным континентом, Суврaелем, сожженным солнцем краем Короля Снов.

- Сейчас мы пересечем Золотую Площадь,- сказал Шанамир.- На ее дальней стороне начинается Водный Путь, ведущий к пирсам, и наша гостиница в десяти минутах ходьбы этой дорогой. Думаю, вы найдете площадь удивительной.

Так оно и оказалось. Прямоугольная площадь была так огромна, что по ней могли маршировать две армии. Со всех сторон ее окружали огромные здания, широкие фасады которых были

выложены ослепительно сверкавшими золотыми пластинами. Но пересечь площадь сегодня вечером было невозможно. Въезд на площадь был перегорожен толстым канатом, за которым стояли самоуверенные и бесстрастные солдаты в форме телохранителей Коронала, скрестив руки на своих зеленых с золотом камзолах. Шанамир спрыгнул со своего маунта, рысью побежал вперед и быстро переговорил с одним из продавцов. Вернулся он разгневанный.

- Они блокировали все въезды на площадь. Пусть Король Снов пошлет им сегодня мерзкие сны!

- Что случилось?

- Коронал занял главный дворец - вон то высокое здание с золотыми завитками на стенах - и никто не может находиться рядом с ним этой ночью. Объехать площадь по короткой дороге мы тоже не можем, потому что вокруг собралась толпа желающих хоть мельком увидеть Лорда Валентина. Придется делать крюк на час или больше. Что ж, полагаю, сон - это не самое важное. Смотрите, вот он!

Шанамир указал на балкон, расположенный высоко на фасаде главного дворца. На нем появились пять фигур и в центре, конечно, находился

Коронал. Шанамир тянулся изо всех сил и становился на цыпочки, чтобы лучше увидеть. Валентин мог рассмотреть совсем немного: темноволосый мужчина, вероятно, без бороды, в тяжелой меховой мантии белого цвета, надетой поверх камзола зеленого или светло-голубого цвета. Коронал стоял на балконе, простирая руки к толпам людей, которые рисовали вытянутыми пальцами символы звездного огня и кричали его имя:

- Валентин! Валентин! Лорд Валентин!

Шанамир тоже кричал вместе со всеми:

- Валентин! Лорд Валентин!

Валентин почувствовал дрожь отвращения.

- Вы только послушайте их! - пробормотал он.- Кричат, как будто он сама Дивин, сошедшая в Пидруид пообедать. А ведь он обычный человек, разве не так? Когда его кишки полны, он опорожняет их.

Шанамира эти слова шокировали.

- Он - Коронал!

- Ну и что?

- Он управляет, он руководит законом, он удерживает мир от хаоса. Вы же сами говорили об этом. Разве это не заслуживает вашего уважения?

- Уважения - да. Но не обожания.

- В обожании королей нет ничего нового. Мой отец рассказывал мне о древних временах. Короли были и на Старой Земле и, держу пари, их там обожали, обожали гораздо более неистово, чем то, что вы видите сейчас.

- Да, конечно, но некоторых топили их собственные рабы, некоторых отравляли министры, некоторых душили жены, а некоторых свергал народ, и все они были похоронены и забыты.- Валентин неожиданно почувствовал растущий гнев и с отвращением сплюнул.- Так зачем же они нужны на Маджипуре? Этот Коронал и жуткий Понтифекс, скрывающийся в своем Лабиринте, и посылающий плохие сны Король Снов... Нет, Шанамир, может я слишком примитивен, чтобы понять, но все это не имеет для меня смысла. Это неистовство, эти дикие крики восторга! Держу пари, что никто не кричит от восторга, когда мэр Пидруида проезжает по улицам.

- Нам нужны короли,- упирался Шанамир.- Этот мир слишком велик, чтобы им могли править одни мэры. Нам нужен могучий и сильный символ, монарх, который подобен богу. Смотрите, смотрите! - мальчик указал на балкон.- Вон там, эта маленькая фигурка в белой мантии - Коронал

Маджипура. У вас мурашки не бегут по спине, когда я говорю это?

- Нет.

- Вы не содрогаетесь, зная, что в этом мире двадцать миллиардов человек и только один Коронал, которого сегодня вы видите! Наверное, первый и последний раз в жизни? Вы не испытываете благоговения?

- Нет.

- Вы странный человек, Валентин. Я никогда не встречал подобных вам. Как можно быть равнодушным, видя Коронала?

- Для меня это нетрудно,- сказал Валентин, пожав плечами, и сам слегка озадаченный.- Пойдем отсюда. Эта толпа утомляет, меня.

Это было долгое путешествие вокруг площади, поскольку улицы в основном сходились к ней, но несколько шли параллельно, и Валентин с Шанамиром двигались по все расширяющимся окружностям, стараясь попасть в западную часть города. В конце концов они достигли района гостиниц и маленьких лавочек и оказались у здания из черных балок, крытого соломой и с конюшней на заднем дворе. Шанамир разместил своих маунтов и через двор отправился к хозяину гостиницы, оставив Валентина одного. Ждать

пришлось долго. Даже здесь Валентину казалось, что он слышит приглушенные крики: «Валентин... Валентин... Лорд Валентин!» Но толпы людей, кричавших это имя, ничего не значили для него, ибо это было имя другого.

Наконец Шанамир вернулся.

- Все улажено. Дайте мне немного денег.

- Ту монету?

- Меньше, гораздо меньше. Полкроны или около того.

Валентин порылся в монетах, пытаясь разобрать их в тусклом свете лампы, а затем передал несколько изрядно потертых Шанамиру.

- За ночлег? - спросил он.

- Взятка привратнику,- ответил Шанамир.- Этой ночью найти место очень сложно. Один лишний человек означает меньше места для других, и если кто-нибудь посчитает по головам и возмутится, привратник должен будет выгнать нас. Идите за мной и ничего не говорите.

Они двинулись вперед. Вокруг пахло солью и плесенью. У входа, подобно огромной жабе, сидел серолицый хьорт, тасовавший игральные карты. Толстокожее существо едва взглянуло на них, Шанамир положил перед ним монету, и хьорт почти незаметным мерцанием головы разрешил им

пройти. Впереди была длинная узкая комната без окон, освещенная тремя светящимися шарами, излучавшими красноватый свет. По всему полу комнаты лежали матрацы и почти все занятые.

- Здесь,- сказал Шанамир, коснувшись одного из них носком ботинка. Он сбросил верхнюю одежду и лег, оставив место для Валентина.- Хороших снов.

- Хороших снов,- отозвался Валентин, сбросил ботинки, верхнюю одежду и опустился рядом с Шанамиром. Далекие крики звучали в его ушах, а может, Валентину просто казалось. Сегодня ночью могут быть сны, и он должен внимательно смотреть их, чтобы потом определить их значение, но сначала будет глубокий сон, сон уставшего человека. А что утром? Утром будет новый день - день, когда все может произойти. Все...

4

Конечно, это был сон. Валентин расположился на расстоянии от него и следил за сном, как его научили в детстве. Сны имели большое значение, их посылали Владыки, которые правили миром, и игнорировать сны было опасно, ведь они выражали только правду. Валентин видел себя идущим по обширной пурпурной равнине под гибельным багряным небом и разбухшим янтарным солнцем. Он был один, лицо было поцарапано, а глаза болели от напряжения. Он шел, а в земле открывались безобразные трещины, ярко-оранжевые внутри, из которых выскакивали странные существа, похожие на детские игрушки, пронзительно смеялись над ним и быстро скрывались в трещинах, которые тут же закрывались.

И все. Не настоящий сон - законченный, полный конфликтов и решений, а только отражение, странная сцена, кусочек какого-то более обширного полотна, еще не обнаруженного им. Валентин не мог сказать, послала сон благословенная Леди Острова Сна или же злобный Король Снов. Лежа в полусне, обдумывая это, Валентин

решил не углубляться в проблему. У него было странное чувство, будто он не существовал до позавчерашнего дня, и даже мудрость снов была сейчас скрыта от него.

Он заснул снова и спал крепко, так что его не разбудил шум недолгого, но сильного дождя. Снов больше не было. Разбудил Валентина свет, теплый золотисто-зеленый свет, льющийся из дальнего конца длинного узкого зала. Дверь была открыта, и Шанамира нигде не было. Он был один, если не считать пары храпунов в глубине комнаты.

Умывшись в водоеме у стены, Валентин вышел во двор, настороженный, энергичный, готовый ко всему, что может принести день. Утренний воздух был влажный, но теплый и свежий, от ночного тумана не осталось и следа, а на чистом небе пульсировало теплом летнее солнце. Во дворе росли три больших дерева, по одному вдоль каждой стены, с искривленными сучковатыми стволами толщиной в руку мужчины и похожими на лопату глянцевитыми листьями глубокого коричневого оттенка. Деревья цвели яркими желтыми цветами, похожими на маленькие трубы, но были на них и спелые плоды: тяжелые голубовато-белые ягоды, на которых сверкали

капли воды. Валентин смело сорвал одну и съел ее; она была сладкая, немного терпкая и напоминала очень молодое вино. Он сорвал следующую, потом еще одну.

Пройдя по двору, он заглянул в конюшню и увидел, что маунты Шанамира спокойно жуют солому. Самого паренька не было. Наверное, занят делами. Почувствовав запах жареной рыбы, Валентин понял, что голоден. Он толкнул расхлябанную дверь и оказался на кухне, где маленький усталый человек готовил завтрак для полудюжины жильцов различных рас. Повар равнодушно взглянул на Валентина.

- Еще не слишком поздно, чтобы поесть? - осторожно спросил Валентин.

- Занимай место. Рыба и пиво - тридцать вейтов.

Валентин нашел полукрону и положил на плиту. Повар сдал ему несколько медяков и бросил еще одно филе на свою сковороду. Валентин занял место у стены. Некоторые из завтракавших уже уходили, и одна из них, стройная молодая женщина с коротко стриженными черными волосами, остановилась перед ним.

- Пиво в этом кувшине,- сказала она.- Обслуживай себя сам.

- Спасибо,- сказал Валентин, но женщина была уже за дверью.

Он налил полную кружку - это был густой напиток с резким специфическим вкусом - и получил свою рыбу, свежеподжаренную и сладкую. Все это он съел очень быстро и вновь обратился к повару:

- Можно еще?

Тот кисло взглянул на него, но заказ выполнил.

Доедая рыбу, Валентин заметил, что постоялец с соседнего стола - хьорт с толстым телом, одутловатым лицом, пепельной кожей и большими глазами навыкате - внимательно смотрит на него. Это странное внимание было неприятно Валентину, и он посмотрел прямо на хьорта, который тут же отвел взгляд в сторону.

Однако через некоторое время хьорт повернулся к Валентину и сказал:

- Недавно прибыл сюда?

- Прошедшей ночью.

- Долго задержишься?

- По крайней мере на время фестиваля,- ответил Валентин.

В этом хьорте было нечто такое, что Валентину инстинктивно не нравилось. Хьорт казался

неприятным, грубым и обрюзгшим существом. И это было плохо. Хьорты не могли отвечать за свои взгляды и, вполне возможно, находили людей такими же неприятными, бледными и костлявыми существами с отвратительной гладкой шкурой.

Валентин чувствовал свою вину за такие мысли и не хотел быть необщительным. Чтобы как-то исправить дело, он равнодушно улыбнулся и сказал:

- Меня зовут Валентин. Я из Ни-мойи.

- Немалый путь,- сказал хьорт, шумно чавкая.

- Ты живешь здесь рядом?

- К югу от Пидруида. Я - Виноркис, торговец шкурами хайгусов.- Хьорт нарезал пищу тонкими ломтиками, потом снова переключил внимание на Валентина и уставился на него большими глазами.- Ты путешествуешь с этим мальчиком?

- Не совсем так. Я встретил его по пути в Пидруид.

Хьорт кивнул.

- Пойдешь обратно в Ни-мойю после фестиваля?

Поток вопросов вызывал раздражение, но Валентин старался оставаться вежливым, даже перед лицом такой бесцеремонности.

- Я еще не знаю,- сказал он.

- Значит, думаешь остаться здесь?

Валентин пожал плечами.

- Пока у меня нет никаких планов.

- Гмм,- сказал хьорт.- Хороший путь в жизни.

Это было сказано со свойственными хьортам гнусавыми интонациями, и трудно было понять - похвала это или порицание. Но Валентина это мало волновало, и, решив, что выполнил свой социальный долг, он прекратил разговор. Хьорту, казалось, тоже нечего было сказать; он закончил завтрак, со скрежетом отодвинул стул и неуклюжей, раскачивающейся походкой направился к двери, сказав:

- Приходи сегодня на рынок. Много увидишь.

В конце концов Валентин вышел во двор, где была в разгаре странная игра. Восемь фигур стояли у дальней стены, бросая друг другу кинжалы. Шестеро из них были скандарами, большими косматыми созданиями с четырьмя руками и грубой серой шкурой, но остальные двое были людьми. Это была стройная темноволосая женщина и худой мужчина с неестественно белой кожей и длинными белыми волосами - из тех, что завтракали, когда Валентин входил на кухню. Кинжалы летали с поразительной скоростью, сверкая в лучах утреннего солнца, и на всех лицах

было выражение мрачной сосредоточенности. Валентин не смог сосчитать, сколько кинжалов летало взад-вперед, их непрерывно ловили и снова бросали, все руки были заняты, и большая часть оружия рассекала воздух. «Жонглеры,- подумал он.- Практикуются в своем ремесле, чтобы выступить на фестивале». Четырехрукие скандары славились изумительной координацией движений, но мужчина и женщина, принятые в эту труппу, жонглировали так же ловко, как и их четырехрукие партнеры. Валентин стоял на безопасном расстоянии, зачарованно глядя на летающие кинжалы.

Затем один из скандаров буркнул: «Ап!», и картина изменилась: шестеро чужаков начали бросать кинжалы только друг другу, все увеличивая скорость своих движений, а двое людей отошли в сторону. Девушка улыбнулась Валентину.

- Эй, иди к нам!

- Что?

- Поиграй с нами! - Глаза девушки сверкали озорством.

- Очень опасная игра, я бы сказал.

- Все хорошие игры опасны. А ну! - Безо всякого предупреждения она бросила ему кинжал.- Как

тебя зовут, приятель?

- Валентин,- ответил он, раскрыв рот от изумления, и едва успел поймать кинжал за рукоятку.

- Хорошо сделано,- сказал светловолосый мужчина.- Попробуй этот!

И он тоже бросил кинжал. Валентин улыбнулся и поймал его, уже более ловко. Чужаки не обращали внимания на эту сцену, продолжая методически посылать каскады сверкающего оружия взад и вперед.

- Давай теперь ты! - крикнула девушка.

Валентин нахмурился и бросил слишком осторожно, боясь поразить ее. Кинжал, описав небольшую дугу, упал у ее ног.

- Ты мог бы сделать это и получше,- презрительно сказала она.

- Извини,- пробормотал он и бросил второй кинжал с большей силой.

Она спокойно перехватила его, поймала второй от светловолосого мужчины, а затем послала оба Валентину. Времени раздумывать не было. Двумя движениями он схватил оба. Пот выступил у Валентина на лбу, но ритм игры уже захватил его.

- А ну! - сказал он, бросил один клинок ей, поймал другой от светловолосого мужчины, послал его в воздух и встретил еще два, летевших друг

за другом. Ему хотелось надеяться, что это тренировочные, тупые кинжалы, но, поняв, что это не так, он отбросил мысли об этом. Валентин действовал как автомат, сосредоточенно и целеустремленно, глядя всегда на приближающийся кинжал и позволяя уходящему лететь как вздумается. Он двигался ровно: ловил - бросал, ловил - бросал, один клинок сменялся другим. Валентин понимал, что настоящий жонглер должен пользоваться обеими руками одновременно, но он-то не был жонглером, и все, что он мог,- это управлять координацией захватов и бросков. Впрочем, это получалось хорошо, хотя он не переставал думать, что если случится промах, он порежется. Жонглеры улыбнулись, и темп увеличился. Валентин непринужденно вернул им улыбку и продолжал ловить и бросать клинки еще две или три минуты, пока не почувствовал, что его реакция притупляется. Пора было останавливаться. Поймав один за другим три клинка, он намеренно выпускал их из рук, пока все не легли у его ног.

Оба жонглера зааплодировали. Скандары не прекращали своей жуткой круговерти лезвий, потом один из них крикнул: «Ап!», шестеро чужаков подхватили свои кинжалы и, не говоря

ни слова, удалились, направляясь к спальным помещениям.

Молодая женщина танцующей походкой приблизилась к Валентину.

- Меня зовут Карабелла,- сказала она.

Она была не выше Шанамира и старше его всего на несколько лет. Небольшое мускулистое тело буквально излучало неукротимую жизненную энергию. Девушка носила светло-зеленый камзол из плотной ткани с блестящей трехстворчатой раковиной гуанны у горла, а глаза у нее были такими же темными, как и волосы. Она одобрительно улыбнулась Валентину и спросила:

- Ты жонглировал раньше, приятель?

- Никогда,- ответил Валентин и вытер потный лоб.- Сложный спорт. Не знаю, как я не порезался.

- НИКОГДА?! - воскликнул светловолосый мужчина.- Никогда прежде не жонглировал? Ты хочешь сказать, что это у тебя от природы?

- Думаю, можно назвать это так,- сказал Валентин, пожав плечами.

- Но возможно ли такое? - спросил светловолосый.

- Я думаю, да,- сказала Карабелла.- Он был хорош, Слит, но он был не в форме. Ты видел, как его

руки двигались за клинками - нервно, нетерпеливо, не дожидаясь, когда рукоятка приблизится к пальцам? А броски - такие торопливые, такие необдуманные? Если человек тренировался прежде, он не сможет так непринужденно изображать неловкость, да и зачем ему это? У этого Валентина точный глаз.

- Глаз у него более чем точный,- буркнул Слит.- А его быстроте я даже завидую. У него явно талант.

- Откуда вы? - спросила Карабелла.

- С востока,- уклончиво ответил Валентин.

- Так я и думала. В вашей речи есть что-то странное. Вы из Велатиса? Или, может, из Кинтора?

- Да, примерно оттуда.

Уклончивость Валентина не осталась незамеченной, и Карабелла со Слитом обменялись быстрыми взглядами. Валентин подумал: «А не отец ли это с дочерью?» Нет, едва ли. Слит был явно не так стар, как казалось на первый взгляд. Скорее всего, средних лет, а странно обесцвеченные волосы и белая кожа добавляли ему лишние годы. Он был плотным, крепким мужчиной с тонкими губами и короткой белой бородой. Сейчас бледный, но когда-то несомненно яркий шрам тянулся через его щеку от уха до подбородка.

- А мы пришли с юга,- сказала Карабелла.- Я из

Тил-омона, а Слит - из Нарабала.

- Будете выступать на фестивале?

- Да. Недавно нас пригласила труппа Залзана Кавола во исполнение нового указа Коронала, касающегося службы гуманоидов. А вы? Что вас привело в Пидруид?

- Фестиваль,- ответил Валентин.

- Хотите заработать?

- Нет, просто посмотреть на игры и шествие.

Слит понимающе улыбнулся.

- Не будьте таким застенчивым, дружище. В продаже животных на рынке нет ничего позорного. Мы видели, что прошлой ночью вы пришли с мальчиком.

- Я встретил этого молодого пастуха только вчера,- сказал Валентин,- когда подходил к городу. Маунты принадлежат ему. Я доехал с ним до гостиницы, потому что впервые здесь. У меня нет профессии.

У входа появился один из скандаров. Это было неуклюжее существо огромных размеров, гораздо выше Валентина, сильное, с тяжелыми челюстями и узкими желтыми глазами. Его четыре руки висели ниже колен и заканчивались ладонями, похожими на большие корзины.

- Идем вовнутрь! - отрывисто сказал скандар.

Слит поклонился и направился к нему, а Карабелла на мгновение задержалась, улыбнувшись Валентину.

- Вы очень странный,- сказала она.- Вы не лжете, но в ваших словах нет правды. Я думаю, что вы мало знаете о своей собственной душе. Но вы мне нравитесь. Знаете, Валентин, от вас буквально исходят лучи невинности, простоты и чего-то еще. Я не знаю, что это такое.- Она робко, двумя пальцами, коснулась его руки.- Вы нравитесь мне. Может, мы пожонглируем еще.

Сказав это, она убежала, торопясь за Слитом.

5

Валентин вышел на извивающуюся улицу, обильно заросшую зеленью. Буйные лозы и деревья с толстыми, свивающимися вниз ветвями росли везде, отлично чувствуя себя во влажном климате. Вдалеке двигалась группа музыкантов, игравших то веселую, то вдруг какую-то резкую и сопящую мелодию, вероятно, репетировали перед большим шествием. По водосточной канавке бежал маленький ручеек пенистой воды, в котором резвились минтунсы, облезлые собаки и маленькие остроносые дроле. Все были заняты делом в этом городе, кроме Валентина, который бесцельно брел, не придерживаясь определенного маршрута.

На одной из улиц он остановился посмотреть на ребят, изображавших что-то вроде пантомимы. Один маленький мальчик с лоскутком золотистой материи, завязанной на лбу, делал угрожающие жесты в центре круга, а другие танцевали вокруг него, притворяясь испуганными, и распевали:

Старый Король Снов

Сидит на своем троне.
Он никогда не спит
И не бывает один.
Старый Король Снов
Обходит владения ночью,
И если вы будете плохи,
То он подарит вам страх.
Старый Король Снов
Имеет сердце из камня.
Он никогда не спит
И не бывает один.

Дети заметили наблюдающего Валентина и начали кривляться перед ним, гримасничая, заламывая руки и тыча в него пальцами. Улыбнувшись, Валентин пошел дальше.

Через некоторое время он вышел к воде. Длинные изогнутые пирсы уходили далеко в море и казались местами бешеной активности. Портовые грузчики четырех или пяти рас разгружали корабли, доставившие товары из различных портов трех континентов. Движение огромных тяжелых тюков сопровождалось громкими криками и гневными жестами. Валентин, наблюдавший за бурлящей жизнью порта, почувствовал толчок

в спину и повернувшись, увидел пухлолицего раздраженного хьорта, махавшего руками.

- Иди туда! - сказал хьорт.- Нам нужно больше работать. Субраельский корабль!

- Но я не...

- Быстро! Торопиться!

У Валентина не было настроения спорить; он направился к пирсу и присоединился к группе грузчиков, которые, громко крича, сгоняли с корабля скот. Валентин орал вместе с ними, пока животные - пронзительно визжащие годовалые блавы - не оказались в пути на скотный двор или бойню. Затем он незаметно ускользнул и двинулся по набережной, пока не оказался на пустом пирсе.

Валентин постоял несколько минут, глядя на море, коричнево-зеленое с белыми барашками волн, прищуриваясь, как будто это могло помочь увидеть Алханроель с его Замковой Горой, уходящей в небеса. Конечно, он ничего не увидел, ведь до Алханроеля были десятки тысяч миль океана, такого широкого, что не одна планета могла бы разместиться между берегами двух материков. Валентин опустил взгляд на землю и позволил воображению проникнуть в глубины Маджипура, гадая, что же лежит по другую сто-

рону планеты. География была для него загадкой; казалось, он забыл очень многое из того, что учил в школе, и сейчас пытался вспомнить. Может, он был сейчас напротив логова Понтифекса, старого и любящего уединение монарха. Впрочем, было более вероятно, что там лежит Остров Сна, где жила благословенная Леди Острова, где на открытых полянах ее жрецы и жрицы непрерывно пели, посылая приятные сновидения спящим всего мира. Валентин подумал, что очень трудно поверить, будто такие места существуют, что все эти существа живут на самом деле - Понтифекс, Леди Острова, Король Снов и даже Коронал, хотя он вчера видел его собственными глазами. Эти Владыки казались нереальными. Зато вполне реальными были пирсы Пидруида, гостиница, где он провел ночь, жареная рыба,. жонглеры, мальчик Шанамир и его маунты. Все прочее было фантазией, миражом.

Валентин проголодался. Остановившись у края набережной, он за пару медяков купил кусочки сырой синеватой рыбы, залитые горячим пряным соусом и насаженные на деревянные палочки. Рыбу он запил кубком огненного вина, поразительного золотого напитка, который на вкус казался горячее, чем соус. Затем он решил воз-

вращаться в гостиницу, но понял, что не знает ни ее названия, ни названия улицы, а только то, что она расположена недалеко от портового района. Небольшая потеря, если он никогда не найдет ее, ведь все свое имущество он носил на себе, но единственными людьми, которых Валентин знал в Пидруиде, были Шанамир и жонглеры, а ему не хотелось расставаться с ними так быстро.

Валентин пошел назад и скоро заблудился в путанице похожих друг на друга улочек, пересекавших Водный Путь. Трижды он натыкался на гостиницы, похожие на его, но каждый раз, подойдя ближе, видел, что ошибся. Время уже близилось к полудню, когда Валентин понял, что гостиницу найти не удастся. Ему стало грустно, когда он вспомнил о Карабелле, о прикосновении ее пальцев к его руке, о быстроте ее рук, когда она ловила ножи, и о глубине ее темных глаз. Все это прошло, подумал он, прошло и не стоит плакать об этом. До темноты ему нужно найти новую гостиницу и новых друзей.

Повернув за угол, Валентин понял, что попал на рынок Пидруида.

Это было обширное, огороженное место, почти такое же огромное, как Золотая Площадь, но здесь не было вздымающихся дворцов и отелей

с золотыми фасадами, а только бесконечные, крытые битой черепицей навесы, открытые скотные дворы и теснившиеся повсюду ларьки. Здесь присутствовали все ароматы и запахи мира и половина товаров вселенной была выставлена на продажу. Валентин окунулся в них, восхищенный и зачарованный. Под навесами на огромных крюках висели туши мяса, повсюду стояли бочки с пряностями. В одном из скотных дворов размещались птицы-прядильщики, клевавшие и пинавшие друг друга, пока вокруг торговались продавцы яиц и шерсти. В другом находились баки со сверкающими змеями, свернувшимися кольцом и извивающимися подобно языкам пламени; по соседству лежали небольшие выпотрошенные морские драконы, выставленные для продажи. Были там и общественные писцы, помогавшие неумеющим писать, и менялы, ловко орудовавшие валютами дюжины миров, и ряд сосисочных, совершенно похожих друг на друга.

Там были предсказатели судьбы, колдуны, жонглеры, правда, не те, которых знал Валентин, сидевшие на корточках рассказчики историй, которые за несколько медяков могли поведать о запутанных и непостижимых приключениях Лорда Стиамота, знаменитого Коронала вось-

митысячелетней давности, чьи подвиги были сейчас легендой. Валентин послушал минут пять, но не смог уловить смысла рассказа, державшего в напряжении пятнадцать или двадцать свободных от работы носильщиков. Он пошел дальше, мимо палатки, в которой золотоглазый вроон наигрывал на серебряной флейте вкрадчивые мелодии, заставляя повиноваться трехголовых существ, сидевших в плетеной корзине, мимо улыбающихся ребятишек, окликавших его и предлагавших раковины и четки, мимо торговцев тканями, на которых виднелся звездный огонь Коронала, мимо факира, висевшего над чаном со скверно выглядевшим кипящим маслом, мимо ряда толкователей снов, мимо переводчиков и продавцов драгоценностей, пока наконец не оказался на скотном дворе, где продавали верховых маунтов.

Тысячи сильных темно-красных животных были размещены от края до края рынка. Они стояли, спокойно и равнодушно поглядывая на происходящее. Для Валентина это зрелище оказалось таким же непонятным, как рассказы о Лорде Стиамоте: продавцы и покупатели стояли лицом друг к другу двумя длинными рядами и поочередно делали руками какие-то жесты, дополняя

эти движения гримасами, хлопая руками, а затем вдруг касаясь внешних сторон локтей. Никто не говорил ни слова, но все отлично понимали друг друга, потому что писцы, размещенные вдоль ряда, постоянно писали договора о продаже, которые заверялись отпечатками больших пальцев, а суетливые служащие прикрепляли этикетки с печатями Понтифекса в виде лабиринта на ляжки одного животного за другим. Двигаясь вдоль линии торга, Валентин наконец нашел Шанамира, яростно размахивавшего руками. Спустя несколько минут все было кончено, и мальчик с радостным воплем выскочил из линии торгующих. Схватив Валентина за руку, он весело закружился вокруг него.

- Все проданы! Все проданы! И за выгодную цену! - Он взял пачку счетов, переданную ему писцом.- Пошли со мной за деньгами, а потом уйдем отсюда. Долго вы спали?

- Думаю, что да. Когда я встал, гостиница была почти пуста.

- Я не решился будить вас, вы храпели, как блав. Что вы делали сегодня?

- В основном, изучал море. Сюда я забрел, пытаясь вернуться в гостиницу. Мне повезло, что я встретил тебя.

- Еще десять минут, и вы потеряли бы меня навсегда,- сказал Шанамир.- Вот мы и пришли.

Он потянул Валентина за руку и ввел в длинное, ярко освещенное помещение, где клерки за плетеными столами меняли чеки на монеты.

- Дайте мне ту монету,- прошептал Шанамир.- Я разменяю ее для вас.

Валентин вынул толстую сверкающую монету. Через несколько минут Шанамир вернулся.

- Это ваши,- сказал он, высыпая в протянутый Валентином кошель град монет, из которых несколько было пятиояловых, а остальные кроновые.- А это мое,- Шанамир, улыбаясь и показывая три большие пятидесятиояловые монеты, вроде той, что только что разменял для Валентина, засунул их в денежный пояс под курткой.- Это была выгодная поездка. Во время фестиваля всех охватывает стремление поскорее потратить деньги. А теперь идемте. Вернемся в гостиницу и отпразднуем это бутылкой огненного вина. Я угощаю!

Гостиница оказалась в пятнадцати минутах ходьбы от рынка, на улице, которая показалась Валентину знакомой. Он подозревал, что уже был здесь во время своих бесплодных поисков. Мальчик, довольный тем, что продал животных,

и возбужденный полученной за них ценой, снова и снова говорил о том, что будет делать в Пидруиде, прежде чем вернется в свой родной дом: танцевать, играть, пить и веселиться. Когда они сидели в таверне гостиницы за бутылкой вина, появились Слит и Карабелла.

- Можно присоединиться к вам? - спросил Слит.

- Это жонглеры,- сказал Валентин Шанамиру,- члены труппы скандаров, прибывшей, чтобы выступить на фестивале. Я встретил их сегодня утром.- Он представил всех троих, они сели, и Шанамир предложил выпить.

- Уже были на рынке? - спросил Слит.

- Был и все сделал,- ответил Шанамир.- Дали хорошую цену.

- И что теперь? - сказала Карабелла.

- Несколько дней фестиваля - и домой, в Фалкинкип.- Казалось, эта мысль слегка удручает его.

- А вы? - спросила Карабелла, глядя на Валентина.- У вас какие-то планы?

- Посмотреть фестиваль.

- А потом?

- Что-нибудь придумаю.

Когда вино кончилось, Слит махнул рукой, и принесли вторую бутылку. Валентин чувствовал,

что язык его слегка заплетается, а голова становится легкой.

- Что, если вам стать жонглером и присоединиться к нашей труппе? - сказала Карабелла.

Валентин удивился.

- Но ведь я ничего не умею!

- Умения у вас в избытке,- сказал Слит.- Единственное, чего вам не хватает, это тренировки, но мы с Карабеллой берем это на себя. Вы можете быстро научиться нашему ремеслу, в этом я готов поклясться.

- И я буду путешествовать с вами и жить жизнью бродячего актера, переходя из города в город?

- Да.

Валентин взглянул на Шанамира. Глаза мальчика сверкали. Валентин почти чувствовал его восторг и зависть.

- Но почему? - поинтересовался он.- Почему вы приглашаете чужака, новичка и невежду стать одним из вас?

Карабелла сделала знак Слиту. Тот вышел из-за стола, а она сказала:

- Залзан Кавол все объяснит. Это необходимость, а не каприз. Нам нужны рабочие руки, Валентин, и мы нуждаемся в вас.- Помолчав, она добавила:

- В этом городе вы чужой, а мы предлагаем вам компанию и средства к существованию.

Через некоторое время Слит вернулся вместе с огромным скандаром. Залзан Кавол выглядел устрашающе массивным и могучим. Он с трудом опустился на стул, который тревожно заскрипел под ним. Скандары были родом с открытого всем ветрам ледяного мира далеко отсюда и, хотя они поселились на Маджипуре тысячи лет назад, занимаясь ремеслами, требующими большой силы или необычайной остроты зрения, их постоянно раздражал теплый климат планеты.

Скандар налил себе вина внутренней парой рук, а внешнюю положил на стол. Потом произнес резким, громыхающим голосом:

- Я видел, как вы бросали ножи сегодня утром. Вы подходите для моих целей.

- Каких же?

- Мне нужен третий человек-жонглер и быстро. Вы знаете, что новый Коронал издал недавно указ относительно общественных развлечений?

Валентин улыбнулся и отрицательно покачал головой.

- Это очень глупый указ, но Коронал молод и, как мне кажется, принимает необдуманные решения. Указ гласит, что во всех труппах, состо-

ящих более чем из трех исполнителей, одна треть должна быть гражданами Маджипура человеческого происхождения. Он вступает в действие с этого месяца.

- Указ вроде этого,- сказала Карабелла,- может только поставить одну расу против другой в мире, где множество рас живут в мире уже тысячи лет.

Залзан Кавол нахмурился.

- Однако указ существует. Наверное, какой-то шакал из Замка наговорил Лорду Валентину, что другие расы становятся слишком многочисленными и люди Маджипура голодают, если мы работаем. Это глупость, и опасная. Обычно на такие указы можно не обращать внимания, но сейчас фестиваль Коронала и, если мы хотим получить разрешение на выступление, то должны подчиняться правилам, даже идиотским. Мои братья и я зарабатывали на жизнь жонглированием долгие годы и не причиняли никакого вреда людям, но теперь мы должны подчиниться. Поэтому я нашел в Пидруиде Слита и Карабеллу, и мы стали работать вместе. Сегодня тудей, следовательно, через четыре дня мы выступаем на шествии Коронала, и я должен иметь трех людей. Согласны вы стать нашим учеником, Валентин?

- Но разве можно научиться жонглировать за

четыре дня?

- Вы будете только учеником,- сказал скандар.- Мы подыщем вам какое-нибудь занятие на время парада, которое не опозорит ни вас, ни нас. Насколько я помню, закон не требует одинакового умения от всех членов труппы, но трое из нас должны быть людьми.

- А после фестиваля?

- Поедете с нами из города в город.

- Вы приглашаете меня разделить вашу жизнь, ничего обо мне не зная?

- Я ничего не знаю и ничего не хочу знать. Мне просто нужен жонглер вашей расы. Я буду платить за ваше жилье и питание, где бы мы ни оказались, и, кроме того, вы будете получать десять крон еженедельно.

Глаза Карабеллы странно блестели, как будто она хотела сказать ему: «Вы можете просить в два раза больше, Валентин, и получите свое». Но деньги были для него не главное. У него будет пища, место для сна, и, кроме того, он будет с Карабеллой и Слитом, двумя из трех людей, которых он знал в этом городе, да, пожалуй, и во всем мире. У него был провал в памяти там, где должны быть сведения о прошлом: он имел смутное представление о родителях, кузенах и

сестрах, о детстве где-то на востоке Цимроеля, учебе и путешествиях, но ничто из этого не было для него реальным, ничто не имело плотности и фактуры. Пустое место было и там, где должно находиться будущее, а эти жонглеры предлагали заполнить пустоту. Вот только...

- Есть одно условие,- сказал Валентин.

Залзан Кавол недовольно взглянул на него.

- Какое?

Валентин указал на Шанамира.

- Я думаю, этому мальчику надоело выращивать верховых маунтов в Фалкинкипе, и он хочет путешествовать. Я хочу, чтобы вы предложили ему место в вашей труппе, как...

- ВАЛЕНТИН! - воскликнул Шанамир.

- ...конюху или слуге, или даже жонглеру, если у него есть талант, и чтобы, если он захочет присоединиться к вам, вы предложили ему те же условия, что и мне. Что вы на это скажете?

Залзан Кавол некоторое время молчал, как будто прикидывая. Наконец он сказал:

- Ты хочешь присоединиться к нам, мальчик?

- Хочу ли я?.. Я?!

- Этого я и боялся,- мрачно сказал скандар.- Что ж, решено. Вы принимаетесь оба за тринадцать крон в неделю, с жильем и питанием. Идет?

- Идет,- сказал Валентин.

- Идет! - воскликнул Шанамир.

Залзан Кавол стукнул по столу и сказал:

- Слит, Карабелла, забирайте этого человека во двор и начинайте делать из него жонглера. А ты, мальчик, пойдешь со мной. Я хочу, чтобы ты взглянул на наших маунтов.

6

Они вышли наружу, и Карабелла побежала к спальным помещениям, чтобы принести снаряжение. Следя за ее бегом, Валентин испытывал удовольствие от грациозных движений, представляя игру гибких мускулов под одеждой. Слит сорвал с одного из Деревьев голубовато-белые ягоды и забросил их в рот.

- Что это такое? - спросил Валентин.

Слит бросил ему одну ягоду.

- Токка. В Нарабале, откуда я родом, побеги токки появляются утром, а к полудню уже высотой с дом. Но, конечно, в Нарабале почва кишит жизнью, и дождь идет каждое утро. Еще?

- С удовольствием.

Ловким щелчком Слит подбросил ягоду. Движение было почти незаметно, но эффектно. Слит вообще был очень экономично сложенным человеком, легким, как птица, без единой унции лишнего веса, его движения были точны, голос сух и невозмутим.

- Пожуйте семена,- посоветовал он, улыбнувшись Валентину.- Они добавляют мужества.

Вернулась Карабелла, неся многоцветные ре-

зиновые мячи, которыми ловко жонглировала, пока шла через двор. Дойдя до Валентина, она послала один мяч ему, а три Слиту, не сбившись при этом с ритма. Три мяча она оставила себе.

- Значит, не с ножами? - спросил Валентин.

- Ножи очень эффектны, но сегодня мы займемся основами,- сказал Слит.- Займемся философией искусства. А ножи пусть служат развлечению.

- Философией?

- А вы думали, жонглирование просто трюк? - удивленно спросил Слит.- Развлечение для зевак? Для получения нескольких крон на провинциальном карнавале? Конечно, все это есть, но прежде всего - это образ жизни, кредо, разновидность обожания.

- И поэзии тоже,- заметила Карабелла.

Слит кивнул.

- Да, и это тоже. И математики. Это учит спокойствию, контролю, равновесию и заключается в структуре движения. Это как бы молчаливая музыка. В основе же всего лежит дисциплина. Это звучит несколько претенциозно?

- Это и должно звучать претенциозно,- сказала Карабелла. В глазах ее было озорство.- Но все, что он сказал, правда. Вы готовы начать?

Валентин кивнул.

- Тогда успокойтесь,- сказал Слит.- Освободите свой разум от всех ненужных мыслей и расчетов. Загляните в центр своего бытия и постарайтесь остаться там.

Валентин поставил ноги попрочнее, сделал три глубоких вдоха, расслабил плечи, чтобы не чувствовать безвольно висящих рук, и стал ждать.

- Готовы? - спросил Слит.

- Готов.

- Мы научим вас основам нашего искусства. Жонглирование - это серия отдельных мелких движений, быстро следующих друг за другом, которые внешне кажутся одновременными. Эта одновременность только иллюзия, дружище. Все события происходят одно за другим.- Слит холодно улыбнулся. Казалось, что он говорит с расстояния в десять тысяч миль.- Закройте глаза, Валентин. Ориентация во времени и пространстве - основное условие. Думайте о том, где вы находитесь и стоите по отношению к этому миру.

Валентин представил себе Маджипур, огромный мяч, висящий в космосе, наполовину или даже больше поглощенный Великим Морем. Он видел себя, стоящего на краю Цимроеля, с морем за своей спиной и континентом, простираю-

щимся перед ним, и Внутреннее Море с точкой Острова Сна, а вдали Алханроель с выпуклостью Замковой Горы в нижней его части, и солнце, желтое с коричневато-зеленым оттенком, заливающее яркими лучами пыльный Суврaель и тропики, и луны где-то в стороне от него, а еще дальше звезды и другие миры, с которых пришли скандары, хьорты, лиимены и все остальные, и мир, с которого четырнадцать тысяч лет назад пришел его собственный народ,- Старую Землю - маленький голубой шарик, удивительно крошечный по сравнению с Маджипуром и наполовину забытый в каком- то другом уголке вселенной. Потом он отправился через космос обратно к этому миру, этому континенту, этому городу, этой гостинице, этому двору и этому маленькому участку почвы, на котором стояли его ноги, и сказал Слиту, что готов.

Слит и Карабелла стояли, расслабив руки, держа локти наружу, а предплечья горизонтально. В правой руке у каждого было по мячу. Валентин принял такую же позу.

- Представь, что у тебя в руках поднос с драгоценностями,- сказал Слит.- Если ты шевельнешь плечами или локтями, поднимешь или опустишь руки, драгоценности упадут. Представил? Се-

крет жонглирования в том, чтобы как можно меньше двигать телом. Пусть двигаются вещи, а ты контролируешь их движение и остаешься неподвижен.

Мяч, который Слит держал, вдруг перелетел из его правой руки в левую, хотя, казалось, он не сделал ни малейшего движения. Карабелла сделала то же самое, и Валентин тоже перебросил мяч из руки в руку, сознавая при этом свои движения.

- Вы слишком много пользуетесь запястьем и локтем,- сказала Карабелла.- Позвольте своей руке внезапно раскрыться, и пусть пальцы отойдут в стороны. Словно вы освобождаете пойманную птицу. Раз! Рука открыта, и птица улетела.

- Вообще не пользоваться запястьем? - спросил Валентин.

- Очень мало и стараться скрывать это. Бросок должен быть ладонью.

Валентин попытался. Короткие, направленные наружу движения предплечья, быстрые движения запястья, толчок из центра руки и центра бытия. Мяч перелетел в его левую руку.

- Верно,- сказал Слит.- Еще раз.

Снова и снова Валентин делал то же самое. Пятнадцать минут трое людей перебрасывали мячи из одной руки в другую. Они посылали их

по изящным, неизменным дугам перед своими лицами, не позволяя рукам отклоняться в стороны, чтобы поймать мяч: руки ждали, мячи двигались. Через некоторое время Валентин делал это уже автоматически. Из конюшни вышел Шанамир, изумленно уставился на них, а потом побрел прочь. Валентин не останавливался. Это перебрасывание одного мяча едва ли можно было назвать жонглированием, но это была хорошая тренировка движений, и он всецело отдавался ей.

Потом он вдруг понял, что Слит с Карабеллой прекратили бросать, и только он продолжает работать, как машина.

- А ну! - сказал Слит и бросил ему свежую ягоду, сорванную с лозы. Валентин поймал ее в перерыве между бросками мяча и держал так, будто собирался жонглировать, но Слит знаками показал, чтобы он ее съел. Это была его награда.

Потом Карабелла положила второй мяч в его левую руку и третий в правую.

- Ваши руки больше,- сказала она,- и для вас это будет легко. Смотрите на меня и делайте так же.

Она принялась бросать мяч из одной руки в другую, ловя его тремя пальцами и мячом, который держала в центре каждой ладони. Валентин

сделал то же самое. Ловить мяч полной ладонью было труднее, чем пустой, но не очень, и скоро он делал это уже без ошибок.

- А сейчас,- сказал Слит,- переходим к основам искусства. Делаем так...

Один мяч продолжал по-прежнему перелетать по высокой дуге из правой руки в левую, но пока он летел, Слит освобождал для него место, перебрасывая мяч, который держал в левой руке, в правую. Этот маневр казался довольно простым, но когда Валентин попробовал его повторить, мячи столкнулись и разлетелись в стороны. Карабелла, смеясь, подобрала их. Он попытался снова, с тем же самым результатом, и она показала ему, как бросать первый мяч, чтобы он приземлялся на дальней стороне его левой ладони, тогда как другой летел в стороне от этой траектории, переброшенный вправо. Потребовалось несколько попыток, чтобы научиться этому, но даже после этого у Валентина получалось не всегда: его глазам приходилось смотреть в слишком многих направлениях одновременно. Между тем, Слит продолжал менять мячи в руках, а Карабелла тренировала Валентина двойному броску час или около того. Сначала это было скучно, но потом, когда он овладел этим в совершенстве, скука

прошла, уступив место гармонии, и он знал, что может бросать мячи целый месяц, не уставая и не роняя их.

Потом Валентин вдруг обнаружил, что Слит жонглирует тремя мячами одновременно.

- Попробуйте,- сказала Карабелла.- Это только КАЖЕТСЯ невозможным.

Валентин тут же перестроился с легкостью, которая удивила его, так же как, наверное, удивила Слита и Карабеллу, потому что она захлопала в ладоши, а он, не сбиваясь с ритма, одобрительно проворчал что-то. Интуитивно Валентин бросал третий мяч, когда второй переходил из его левой руки в правую; он ловил его и тут же бросал, ловил-бросал, ловил-бросал, и всегда один мяч опускался в ожидающую руку, а один ждал броска. Так он продержался три, четыре, пять циклов, прежде чем понял, что сделал, и от удивления ошибся в расчетах, уронив мячи.

- У вас есть талант,- пробормотал Слит.- Явный талант.

Валентина смутило происшедшее, но то, что он уронил мячи, было менее важно, чем то, что он начал жонглировать ими с первой попытки. Он собрал их и начал снова. Слит повернулся к нему лицом и продолжал свое дело, которого так

и не прерывал. Подражая позе Слита и его движениям, Валентин начал бросать, уронил два мяча с первой попытки, покраснел, что-то буркнул, извиняясь, начал снова, и на этот раз уже не останавливался. Пять, шесть, семь циклов, десять, а затем он сбился со счета. Его сознание как бы раздвоилось: одна часть отвечала за точные и аккуратные захваты и броски, а другая следила за взлетающими и опускающимися мячами, производя мгновенные расчеты скорости, углов и темпа. Изучающая часть его разума непрерывно передавала данные той половине, которая отвечала за броски и захваты. Время, казалось, разделилось на множество малых отрезков, а мячи как будто замерли на своих местах - один постоянно в воздухе и по одному в каждой руке - и то, что в один момент различные мячи занимали одно и то же положение, казалось непостижимым. Каждый был всеми, и время, казалось, исчезло. Валентин не двигался, не ловил и не бросал, а только следил за полетом, происходившим вне времени и пространства. Сейчас он понял тайну искусства. Он вошел в бесконечность. Его расщепленное сознание вновь соединилось. Он проник во внутреннюю природу движения и понял, что движение было кажущимся, всего

лишь ошибкой восприятия. Его руки работали в настоящем, глаза изучали будущее, и все же это было только моментом настоящего.

Пока его душа уносилась к вершинам блаженства, малейшими оттенками своего иного, трансцендентного сознания Валентин ощущал, что он больше не стоит на месте, но как бы движется вперед, магически притягиваемый летающими мячами, которые все больше удаляются от него. Они уходили в глубь двора с каждой серией бросков, и он ощущал их сейчас, как бесконечный, непрерывный континуум, и шел за ними все дальше и дальше, пока не побежал, пошатываясь, через двор. Слит с Карабеллой отошли в сторону, а мячи в конце концов оказались вне пределов его досягаемости, и даже последний отчаянный рывок не достиг цели: мячи разлетелись в трех разных направлениях.

Задыхаясь, Валентин упал на колени и, услышав, как начали смеяться его инструкторы, засмеялся вместе с ними.

- Что произошло? - спросил он наконец.- Я все делал так хорошо, и вдруг... вдруг...

- Мелкие ошибки накапливаются,- сказала Карабелла.- Ваши броски постепенно выводили мячи из правильной плоскости их движения, вам

пришлось тянуться вперед, чтобы схватить их, а схватив, вы бросали их все дальше и дальше, и так до тех пор, пока преследовать их стало невозможно. Это случается со всеми начинающими. Не думайте об этом.

- Собирайте мячи,- сказал Слит.- Через четыре дня вы будете жонглировать перед Короналом.

7

Валентин тренировался часами, беря не более трех мячей одновременно, но повторяя это бесконечное количество раз, переходя от скуки к восторгу и снова к скуке так часто, что сама скука становилась восторгом. Его одежда была мокрой от пота, облепляя его, подобно теплому, влажному полотенцу. Он продолжал бросать мячи, даже когда начался один из коротких ливневых дождей Пидруида. Дождь кончился, и вечернее солнце начала закрывать легкая дымка тумана. Он смутно различал фигуры, двигавшиеся по двору: Слит, Карабелла, скандары, Шанамир, какие-то незнакомцы приходили и уходили, но он не обращал на них внимания. Он был пустым сосудом, в который налили это искусство, эту тайну, и он не смел остановиться, боясь потерять это и снова стать пустым.

А затем кто-то подошел к нему, и он вдруг оказался с пустыми руками, поняв, что Слит перехватил мячи один за другим. Еще какое-то время руки Валентина продолжали двигаться, а глаза не могли сфокусироваться ни на чем, кроме плоскости, в которой он бросал мячи.

- Выпейте,- сказала Карабелла, прикладывая стакан к его губам. Это было огненное вино, но он выпил его как воду.- У вас удивительный талант не только координации, но и сосредоточенности. Вы немного испугали нас, Валентин, когда не хотели останавливаться.

- К стардей вы будете лучше нас,- заметил Слит.- Сам Коронал будет аплодировать вам. Что вы сказали, Залзан Кавол?

- Я говорю, что он весь мокрый и нуждается в чистой одежде,- прогремел скандар и дал Слиту несколько монет.- Иди на базар, купи что-нибудь подходящее Для него, пока лавки еще открыты. Карабелла, отведи его к очистителю. Ужин через полчаса.

- Идите за мной,- сказала Карабелла.

Она повела все еще ошеломленного Валентина в сторону спальных помещений. Очиститель располагался под открытым небом, у стены здания.

- Животное! - гневно сказала девушка.- Мог бы сказать хоть слово похвалы. Но, видимо, это не для него, хотя вы и произвели на него впечатление.

- На Залзана Кавола?

- Да. Он был восхищен. Но разве можно хвалить людей, у них ведь всего две руки! Да, похвала не

в его обычае. Идите сюда.

Карабелла быстро разделась, и Валентин сделал то же самое, положив мокрую одежду на землю. У нее было стройное, гибкое тело, почти мальчишеское, если бы не маленькие округлые груди и бедра, белевшие под узкой талией. Ее мускулы отчетливо выделялись под кожей и были хорошо развиты. На одной из ягодиц красным и зеленым цветом был выколот цветок.

Девушка потянула его под очиститель, и они стояли рядом, пока вибрация избавляла их от пота и грязи. Затем, еще нагие, они вернулись в спальные помещения, где Карабелла надела брюки из мягкой серой ткани и чистую куртку. Потом вернулся с базара Слит с новой одеждой для Валентина: темно-зеленым камзолом с алой оторочкой, узкими красными брюками и легким плащом синего цвета, почти переходящего в лунный. Это был гораздо более элегантный костюм, чем тот, который он снял. Валентин почувствовал себя так, будто его повысили в звании, и, сопровождая Слита с Карабеллой на кухню, двигался с деланной надменностью.

На ужин было тушеное мясо, которое запили большим количеством огненного вина. Шестеро скандаров сидели на одном конце стола, четверо

людей - на другом. Закончив есть, Залзан Кавол и его братья без единого слова поднялись и удалились.

- Мы должны обидеться на них? - спросил Валентин.

- Это их обычное поведение,- ответила Карабелла.

Хьорт, который говорил с ним за завтраком, пересек комнату и навис над Валентином, глядя на него своими рыбьими глазами: видимо, у него была такая привычка. Валентин неловко улыбнулся.

- Видел, как вы жонглировали сегодня во дворе,- сказал Виноркис.- Это было довольно хорошо.

- Спасибо.

- Это ваше хобби?

- Сейчас да, но раньше этим я не занимался. Скандары приняли меня в свою труппу.

Это произвело впечатление на хьорта.

- В самом деле? И вы отправитесь с ними в путешествие?

- Похоже на то.

- Куда?

- Понятия не имею,- сказал Валентин.- Но, куда бы они ни решили идти, это будет достаточно хорошо для меня.

- Ах, эта свободная жизнь,- сказал Виноркис.- Я бы тоже хотел попробовать. Может, ваши сканда-ры возьмут и меня?

- Вы можете жонглировать?

- Я могу вести счета. Я жонглирую цифра-ми,- Виноркис громко расхохотался и хлопнул Валентина по спине.- Я жонглирую цифрами! Вам это нравится? Ну, ладно, спокойной ночи!

- Кто это? - спросила Карабелла, когда хьорт ушел.

- Я встретил его сегодня утром, за завтраком. Местный купец, я думаю.

Она скорчила гримасу.

- Он мне не понравился. Впрочем так легко не любить хьортов - они такие безобразные! - Она грациозно поднялась и потянулась.- Идем?

В эту ночь он снова спал крепко. Можно было ожидать сна о жонглировании, но вместо этого он вновь оказался один на пурпурной равнине - беспокойный признак для маджипурцев, ко-торые с детства знают, что повторяющиеся сны имеют особое значение, скорее всего, зловещее. Леди редко посылала повторяющиеся сны, но Ко-роль делал это постоянно. И снова видение было отрывочным. Дразнящие лица летали по небу, вихри пурпурного песка поднимались вдоль

тропинки, как будто существа с щелкающими когтями и хлопающими щупальцами, по земле змеились трещины, деревья имели глаза. Во всем таилась угроза и мрачные предчувствия. Правда, сон был без действующих лиц и в нем ничего не происходило, но это только усиливало зловещее чувство.

Мир снов сменился миром рассвета. На этот раз он проснулся, когда первые лучи света проникли в зал. Рядом с ним сладко спал Шанамир. Слит лежал, свернувшись как змея, в дальнем конце зала, рядом с ним была Карабелла, улыбавшаяся во сне. Скандары, вероятно, спали где-то в другом месте; единственными чужаками в комнате была пара шишковатых хьортов и трио вроонов, опутавшихся своими конечностями. Из сундука Карабеллы Валентин достал три мяча и вышел в туманный рассвет оттачивать свое умение.

Через час вышел Слит, увидел его и хлопнул в ладоши.

- А вы увлеченный человек, дружище. Но не утомляйте себя чрезмерно. Сегодня мы хотим научить вас более сложным вещам.

Утренний урок представлял собой вариации основной стойки. Сейчас, когда Валентин овладел секретом жонглирования тремя мячами так,

что один постоянно был в воздухе - а он, несомненно, овладел им, достигнув за полдня такого мастерства, какого, по словам Карабеллы, она добивалась много дней,- они двигались вокруг него, не нарушая общего ритма. Он жонглировал тремя мячами, поднимаясь по ступенькам и спускаясь вниз, жонглировал, сидя на корточках и стоя на одной ноге, подобно важной птице гихорне из пограничья Цимир, жонглировал стоя на коленях. Сейчас он был абсолютно уверен в гармонии рук и глаз и в том, что движения остальных частей его тела никак на нее не повлияют.

После обеда Слит усложнил его задачу: теперь Валентин бросал мячи из-за спины, из-под ноги, жонглировал, скрестив запястья. Карабелла научила его, как кидать мяч, чтобы он отскакивал от стены, и как посылать мяч из одной руки в другую, заставляя его падать обратно. Все это он освоил быстро. Карабелла и Слит перестали хвалить его быстроту и мастерство, но он то и дело ловил восхищенные взгляды, которыми они обменивались между собой, и это доставляло ему удовольствие.

Скандары жонглировали в другой части двора, репетируя номер, с которым должны выступать на параде, удивительный номер, включавший

ножи, серпы и горящие факелы. Время от времени Валентин поглядывал на них, восхищенный тем, чего достигли эти четырехрукие существа, но главное внимание он уделял своим занятиям.

Так прошел сидей, а наутро они начали учить его, как жонглировать булавами вместо мячей. Это оказалось сложной задачей, хотя принципы были те же самые. Булавы были больше и неудобнее, и Валентину пришлось подбрасывать их выше, чтобы иметь время поймать. «Вот так нужно держать ее,- говорила Карабелла,- так бросать, а так ловить»,- и он делал все, как она учила, напрягая большие пальцы снова и снова, и скоро освоил это.

- А сейчас,- сказала она,- положите два мяча в левую руку, а булаву возьмите в правую.

Он начал жонглировать, в первый момент смущенный различием масс, но это продолжалось недолго, и после этого он взял две булавы и один мяч, а вечером фодей работал уже с тремя булавами. Запястья у него болели, а глаза щурились от усилий, но он продолжал трудиться, не желая и почти не в силах остановиться.

В тот вечер Валентин спросил:

- А когда вы научите меня перебрасываться булавами с другими жонглерами?

Карабелла улыбнулась:

- Позднее.

- Но я могу делать это сейчас,- сказал он.

- Только не во время парада. Вы совершаете чудеса, но все же есть предел тому, чем вы можете овладеть за три дня. Если мы будем жонглировать с новичком, нам придется опуститься до вашего уровня, и Короналу это не понравится.

Он допускал справедливость ее слов и страстно мечтал о времени, когда сможет участвовать во взаимодействии жонглеров и посылать им булавы, ножи или факелы, как член единого сообщества с идеальной координацией.

Ночью фодей прошел дождь, необычно сильный для субтропического лета Пидруида, когда в основном шли короткие ливни. Утром файвдей двор развезло, и ходить по нему приходилось с опаской. Однако небо было чистым, а солнце ярким и горячим.

Шанамир, который бродил по городу все дни тренировок Валентина, сообщил, что подготовка к большому шествию идет полным ходом.

- Ленты, вымпелы и флаги висят везде,- говорил он, стоя на безопасном расстоянии, пока Валентин начинал утреннюю разминку с тремя булавами.- И знамена звездного огня висят ря-

дами от Фалкинкипских до Драконовых Ворот, а за Драконовыми - вдоль всего берега, миля за милей. Я слышал, что украшения делают из золотой ткани, а мостовую выкрасили в зеленый цвет. Говорят, это будет стоить тысячи роялов.

- И кто же платит? - спросил Валентин.

- Как это кто? - переспросил удивленный Шанамир - Народ Пидруида. А кому еще платить? Ни-мойе или Велатису?

- Пусть бы Коронал заплатил за свой фестиваль.

- Чьи еще это могут быть деньги, не считая, конечно, налогов со всего мира? Почему города Алханроеля должны платить за фестиваль в Цимроеле? Это честь - принимать Коронала, и Пидруид платит с радостью. Скажите, Валентин, как вы ухитряетесь бросать одну булаву и ловить другую в одно и то же время одной и той же рукой?

- Бросок происходит раньше, друг мой, но только чуть-чуть. Смотри внимательнее.

- Я и смотрю. Но никак не могу этого понять.

- После шествия, когда будет время, я покажу тебе, как это делается.

- А куда мы пойдем после фестиваля?

- Не знаю. Карабелла говорила, что на восток,

туда, где будут ярмарки, карнавалы или фестивали и где нанимают жонглеров.

- А я тоже стану жонглером?

- Если ты хочешь этого. Мне казалось, ты хочешь путешествовать по морю.

- Я просто хочу путешествовать,- сказал Шанамир.- И это не обязательно должно быть море. Мне очень не хочется обратно в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день проводить в конюшнях, чистя маунтов - нет, это не для меня. Ни за что на свете! Вы знаете, по ночам мне снилось, что я могу летать. Это был сон Леди, Валентин, я сразу понял это, и значит, должен идти туда, куда хочу. Когда вы сказали Залзану Каволу, чтобы он взял меня, если я захочу, меня даже затрясло. Я думал... я почувствовал...- Он взял себя в руки.- Валентин, я хочу быть таким же хорошим жонглером, как и вы.

- Я еще только начинающий,- однако самоуверенность его росла, и Валентин кидал булавы ниже и быстрее, рисуясь перед мальчиком.

- Я не могу поверить, что вы научились этому с тудей.

- Слит и Карабелла - хорошие учителя.

- Я никогда не видел, чтобы чему-либо учились так быстро,- сказал Шанамир.- У вас должна быть

необыкновенная память. Держу пари, что вы были кем-то важным, прежде чем стали бродягой. Вы кажетесь таким веселым, таким... простым и... и...

- Таким глубоким,- любезно подсказал Валентин, пытаясь бросить булаву из-за спины и ударяя себя при этом по левому локтю. Все три булавы разлетелись по мокрой земле, а он вздрогнул и потер больное место.- Вот тебе и мастер-жонглер...- Ты видел? Обычно уходят недели тренировок, чтобы научиться вот так бить себя по локтю!

- Вы еще подчините себе эти предметы,- серьезно заметил Шанамир.

8

Утро стардей, первого дня большого фестиваля Пидруида, Валентин встретил погруженным в спокойный сон зеленых холмов и прозрачных вод, испятнанных голубыми и желтыми анемонами. И вдруг чьи-то пальцы уткнулись в его бок, разбудив при этом. Он сел, моргая и что-то бормоча. Вокруг было темно. Над ним склонилась Карабелла. Он видел ее кошачью грацию, слышал ее мягкий смех, чувствовал аромат ее кожи.

- Почему так рано? - спросил он.

- Чтобы иметь хорошее место, когда подойдет Коронал. Быстрее! Все уже ушли.

Валентин встал. Его запястья слегка болели после жонглирования булавами, и он несколько раз встряхнул руками. Карабелла улыбнулась, взяла его за руки и осмотрела их.

- Вы будете великолепно жонглировать сегодня,- сказала она.

- Я надеюсь на это.

- Не беспокойтесь об этом, Валентин. Что бы вам ни пришлось делать, все вы будете делать одинаково хорошо. Уж к такого рода людям вы относитесь.

- А вы знаете сорт людей, к которым я отношусь?

- Конечно. И полагаю, что лучше вас. Валентин, вы можете объяснить разницу между сном и бодрствованием?

Он нахмурился:

- Я не понимаю вас.

- Было время, когда я думала, что вы живете во сне или спите наяву. Сейчас я так не думаю. Но Слит - да. Вы очаровали его, а Слита нелегко очаровать. Он был во многих местах, многое видел и испытал, и все же он постоянно говорит о вас и без устали восхищается вами.

- Не понимаю, чем я так заинтересовал его. Я считал себя довольно скучным.

- Зато другие так не считают.- Ее глаза блестели.- Идите одевайтесь, завтракайте и - на шествие. Утром мы будем смотреть, как проходит Коронал, днем - выступление, а ночью... ночью...

- И что же ночью?

- Ночью мы будем владеть фестивалем! - воскликнула она, отпрыгнув от него и исчезая за дверью.

В утреннем тумане труппа жонглеров добралась до места, которое Залзан Кавол закрепил за собой вдоль пути следования процессии.

Маршрут Коронала начинался на Золотой Площади, оттуда он должен был двигаться на восток вдоль изгибающегося бульвара, который вел к одним из второстепенных ворот города, затем к главной дороге, окаймленной двумя рядами огненных пальм в цвету, по которой Валентин и Шанамир вошли в Пидруид, а отсюда через Фалкинкипские Ворота снова в город, где должен был проследовать по Водному Пути через Арку Снов и Драконьи Ворота до берега залива и остановиться на главном стадионе Пидруида. Таким образом, шествие имело двойственный характер, сначала Коронал проходил мимо народа, затем народ шел мимо Коронала. Все это должно было растянуться на целые сутки.

Поскольку жонглеры были частью королевского представления, им было необходимо занять места где-нибудь у берега, иначе им никак не удастся вовремя добраться до стадиона к моменту своего выступления. Залзан Кавол получил отличное место возле Арки Снов, но это значило, что им придется провести лучшее время дня, ожидая, пока шествие приблизится к ним. Но тут уже ничего не поделаешь. Как и говорил Шанамир, город был щедро украшен орнаментами, знаменами и транспарантами, свисавшими с

каждого здания, с каждого фонаря. Мостовая была свежевыкрашена в цвета Коронала - ярко-зеленый с золотыми полосками.

В этот ранний час вдоль всего маршрута движения уже стояли толпы зрителей, и свободных мест не было, но толпа расступилась, когда подошли жонглеры-скандары и Зализан Кавол предъявил пачку билетов. Народ Маджипура обычно стремился к вежливости и уважению, поэтому только немногие затеяли спор о своем первенстве с шестью угрюмыми скандарами.

А затем началось ожидание. Утро было теплым, и быстро становилось жарко, а делать было совершенно нечего, только стоять и ждать, глядя на пустую мостовую, черную и блестящую кладку Арки Снов, Карабеллу, сжавшуюся слева от него, и Шанамира, прижимавшегося справа. Время тянулось бесконечно медленно, а темы для разговоров быстро иссякли. Единственный шанс развлечься появился, когда Валентин вдруг услышал поразившую его фразу из тихого разговора позади него:

- ...я нисколько не верю всем этим аплодирующим.

Валентин стал слушать внимательнее. Двое зрителей - судя по каким-то скользким голосам,

хайроги - говорили о новом Коронале, причем весьма неодобрительно.

- ...издано слишком много декретов, если вас интересует мое мнение. Регулирует то, регулирует это, сует свой нос куда попало. Этого делать нельзя!

- Он хочет показать, что работает,- мягко сказал другой.

- Нельзя! Нельзя. Дела шли хорошо без всех этих суетливых правил и при Лорде Вориаксе, и при Лорде Малиборе, который был перед ним. Все это довольно ненадежно, если вас интересует мое мнение.

- Тише! Сегодня день, когда нельзя так говорить.

- Если вас интересует мое мнение, мальчик еще не уверен, что он действительно Коронал, и ему кажется, что все следят за ним.

- Я не спрашиваю вашего мнения,- с тревогой прошипел второй голос.

- И еще одно. Эти имперские наблюдатели, появившиеся во всех местах. Чего он хочет добиться? Создать собственную всемирную полицию, следящую для Коронала? Зачем это? Что он замышляет?

- Если он что-то замышляет, вы будете первым,

от кого он избавится. Замолчите же, наконец!

- Я не имел в виду ничего плохого,- сказал первый хайрог.- Взгляните, как и многие другие, я несу знамя звездного огня. Я вполне лоялен, но мне не нравится такое ведение дел. Это долг гражданина - беспокоиться о состоянии королевства, разве не так? Если нам что-то не нравится, мы можем говорить об этом. Это в наших традициях, верно? Если мы позволим мелкие оскорбления сейчас, кто знает, до чего он дойдет через пять лет!

Интересно, подумал Валентин. Для некоторых новый Коронал вовсе не был предметом обожания. Интересно подсчитать, сколько здесь народа, проявляющего свой энтузиазм только из страха.

Хайроги замолчали. Валентин стал внимательно прислушиваться к другим разговорам, но не услышал ничего интересного. Снова время поползло медленно. Он переключил свое внимание на Арку и изучал, пока не запомнил все ее особенности, высеченные на ней изображения древних правителей Маджипура, героев мрачных времен, полководцев ранних войн с метаморфами, Короналов, предшествующих даже легендарному Лорду Стиамоту, Понтифексов древности, Леди, даривших милостивые благодеяния. По словам

Шанамира, Арка была самым старым строением Пидруида, возведенным девять тысяч лет назад, и высечена она из блоков черного велатисского мрамора, не поддающегося воздействию погоды. Проход под ней обеспечивал покровительство Леди и месяц хороших снов.

Слухи о шествии Коронала по Пидруиду время от времени оживляли ожидание. Говорили, что Коронал покинул Золотую Площадь, что он вышел на дорогу к Фалкинкипским Воротам, задержался, чтобы бросить пару пригоршней пятикроновых монет в секторе города, населенном в основном хьортами и вроонами, остановился у часовни помолиться за своего старшего брата Лорда Вориакса, нашел жару слишком сильной и отдыхал несколько часов, и вообще сделал то, сделал это, сделал что-то еще. Коронал, Коронал, Коронал! В этот день все внимание сосредоточилось на Коронале. Валентин задумался, что это может быть за жизнь: постоянно устраивать такие шествия, показывать самого себя в одном городе за другим на непрерывных парадах, улыбаться, махать руками, бросать монеты, принимать участие в бесконечном безвкусном спектакле, демонстрировать олицетворение в одном человеке мощи правительства, прини-

мать все эти знаки уважения, эти громкие крики восхищения и при этом еще ухитряться держать бразды правления. Да и были ли они, эти бразды? Система была такой древней, что, вероятно, не зависела от его личного мнения. Понтифекс, старый и традиционно одинокий, прячущийся в таинственном Лабиринте где-то в центре Алханроеля, издавал декреты, которые правили миром, а его наследник и приемный сын Коронал властвовал как исполнитель и первый министр с вершины Замковой Горы, за исключением случаев, когда устраивал церемониальные шествия, вроде этого, и был необходим только как символ величественности. Это мирный, солнечный мир, подумал Валентин, хотя у него тоже есть свои темные стороны. Например, почему Король Снов осмеливается бросать вызов авторитету благословенной Леди? Эти законы, эта конституционная пышность, эти расходы и шум ничего не значат, думал Валентин, это осталось с древних времен, когда все это, возможно, было необходимо. Но что это значило сейчас? Жить день за днем, дышать свежим воздухом, есть, пить и крепко спать. Все остальное было глупостью.

- Коронал идет! - крикнул кто-то.

За прошедший час такие крики раздавались

уже раз десять, а Коронала все не было. Но сейчас, когда только что прошел полдень, похоже было, что он действительно близко.

Шум аплодисментов предшествовал его появлению, а отдаленный рев, подобный грохоту моря, волной распространялся вдоль линии движения. Потом появился глашатай и герольды на маунтах, мчавшиеся галопом и все же ухитрявшиеся издавать своими губами трубные звуки. За ними следовали сотни личных телохранителей Коронала, как мужчины, так и женщины, люди и существа других рас, сливки Маджипура, стоявшие в своих экипажах и выглядевшие, как подумал Валентин, очень величественно и слегка глупо.

А потом показался личный экипаж Коронала.

Это была запряженная маунтами платформа, висевшая в нескольких футах над тротуаром. Обильно украшенная сверкающим полотном и мехом редких животных, она олицетворяла собой величие и ценность. На ней находились полдюжины высших чиновников Пидруида и окружающих провинций, и среди них на помосте из шелковистого красного дерева, благосклонно протягивая руки к зрителям по обе стороны дороги, ехал Лорд Валентин, Коронал, второй из

Владык Маджипура, а поскольку его приемный отец, Понтифекс, оставался в стороне и никогда не показывался простым смертным, возможно, истинное воплощение власти, которая правила этим миром.

- Валентин! - закричали вокруг.- Валентин! Лорд Валентин!

Валентин изучал своего величественного тезку так же, как раньше разбирал надписи на древней Арке Снов. Коронал был внушительной фигурой: мужчина выше среднего роста, с крепкими плечами и длинными сильными руками. Его кожа имела оливковый оттенок, черные волосы закрывали уши, а темная борода казалась короткой бахромой на его подбородке.

Когда гром аплодисментов обрушился на него, Лорд Валентин повернулся из стороны в сторону, благодаря легкими поклонами и подняв простертые руки в воздух. Платформа быстро миновала место, где стояли Валентин с жонглерами, и в это мгновение близости Коронал повернулся к ним, так что на секунду глаза Валентина и Лорда Валентина встретились. Казалось, между ними произошел разряд и проскочила искра. Улыбка Коронала была ослепительна, его темные глаза ярко горели, его мантия, казалось, жила своей

собственной жизнью, и Валентин замер на месте, околдованный величием и мощью. Сейчас он понимал страх Шанамира, страх всех этих людей от присутствия среди них Коронала. Правда, Лорд Валентин был всего лишь человеком, ему требовалось освобождать мочевой пузырь и набивать желудок, он спал по ночам и просыпался утром, подобно простым смертным, он пачкал узорчатые пеленки, когда был ребенком, и должен будет впасть в детство, когда состарится, но все же он вращался в священных кругах, он жил на Замковой Горе, как и его брат, умерший Лорд Вориакс, он был живым сыном Леди Острова Сна и приемным сыном Понтифекса, жил рядом с источниками силы и верил в свое предназначение править всем этим колоссальным миром, кишащим множеством существ. Такое существование, подумал Валентин, изменило его и создало ореол странности. И пока экипаж Коронала проплывал мимо, Валентин ощутил этот ореол и покорился ему.

Экипаж миновал жонглеров, мгновенье кончилось, и Лорд Валентин стал удаляться, все еще улыбаясь, простирая свои руки, грациозно кланяясь и сверкая ослепительным взглядом, но Валентин больше не испытывал присутствия гра-

ции и силы. Вместо этого он смутно чувствовал грязь и обман, хотя и не понимал почему.

- Идем быстрее,- буркнул Залзан Кавол.- Нам нужно добраться до стадиона.

Это оказалось довольно просто. Весь Пидруид, за исключением прикованных к постели и заключенных, стоял сейчас вдоль линии шествия. Боковые улицы были пусты, и через пятнадцать минут жонглеры были уже на берегу, а еще через десять достигли огромного стадиона. Здесь уже начинала собираться толпа. Тысячи людей устремлялись сюда, чтобы второй раз увидеть Коронала, когда он приблизится.

Скандары, став клином, грубо протискивались через толпу, а Валентин, Слит, Карабелла и Шанамир следовали у них в кильватере. Всех выступающих собирали на огороженной площадке с задней стороны стадиона, на обширном открытом пространстве у воды, и здесь, среди сотен артистов, уже царило что-то вроде сумасшествия. Здесь были огромные гладиаторы квиллы, по сравнению с которыми даже скандары выглядели хрупкими и нежными существами, группы акробатов, нетерпеливо карабкавшихся друг другу на плечи, целый кордебалет, три оркестра со странными инструментами других

миров, настроенными почему-то по-разному, укротители животных, державшие за веревки зверей всевозможных размеров и свирепости, капризы матери-природы - мужчина, весивший тысячу фунтов, женщина ростом одиннадцать футов и гибкая, как черный бамбуковый прут, вроон с двумя головами, лиимен, состоявший из трех существ, соединенных жуткими отростками голубовато-серой плоти, тянувшейся от талии к талии, и кто-то, чье лицо походило на топор, а низкое тело напоминало колесо. Их было так много, что у Валентина кружилась голова от вида, звуков и запахов этого потрясающего сборища.

Суетливые служащие, повязанные муниципальными шарфами, пытались привести в порядок эту массу исполнителей, и это им постепенно удавалось. Поругавшись с одним из них, Залзан Кавол вернулся, получив номер, который указывал положение его группы в очереди, а затем они долго искали своих соседей, что было совсем не легко, ибо все были в постоянном движении, и поиски места напоминали попытки прикрепить ярлыки к морским волнам.

Наконец жонглеры нашли свое место и встали между группой акробатов и одним из оркестров. После этого движение прекратилось, и им снова

пришлось простоять несколько часов. Во время ожидания исполнителям предложили закуски и напитки: слуги ходили среди них, разнося куски мяса на вертелах и бутылки с зеленым и золотым вином, причем платы не требовали. Воздух был горячим и тяжелым, и от запахов такого количества тесно стоящих тел многих рас и метаболизмов Валентину стало нехорошо. Через час, подумал он, я буду жонглировать перед Короналом. Как странно это звучит! К нему подошла Карабелла, довольная, жизнерадостная, как всегда улыбающаяся и полная энергии.

- Надеюсь, Дивин избавит нас от того, чтобы испытать это еще раз,- прошептала она.

Наконец у ворот стадиона началось какое-то движение, как будто открыли кран, и водоворот начал выносить первых артистов из этого замкнутого пространства. Валентин встал на цыпочки, но так и не разобрал, что там происходит. Прошло еще немало времени, прежде чем движение докатилось до их края. Затем очередь начала медленно двигаться вперед.

Со стадиона доносились разные звуки: музыка, визг зверей, смех, аплодисменты. Оркестр, предшествовавший труппе Залзала Кавола, готовился к выходу. Двенадцать музыкантов из трех негума-

ноидных рас несли причудливые инструменты, незнакомые Валентину: изгибы сверкающих латунью труб, странные кривобокие барабаны и маленькие пятиствольные дудки. Выглядело это довольно нежно, но когда они заиграли и двинулись, раздались далеко не нежные звуки. Последний музыкант прошел через большие двойные ворота стадиона, и назойливый мажордом важно выступил вперед, преграждая путь жонглерам.

- Залзан Кавол и его труппа,- объявил мажордом.

- Мы здесь,- сказал Залзан Кавол.

- Вы будете ждать сигнала, затем войдете и пойдете следом за музыкантами слева направо вокруг стадиона. Не начинайте выступления, пока не минуете большой зеленый флаг с эмблемой Коронала. Когда дойдете до павильона Коронала, остановитесь, выразите покорность и стойте на месте шестьдесят секунд, демонстрируя свое искусство. Потом идите дальше. Когда достигнете дальних ворот, уходите с арены. Гонорар получите после выступления. Все понятно?

- Вполне,- ответил Залзан Кавол.

Скандар повернулся к своей труппе. До этого момента он был только резок и груб, но тут вне-

запно раскрылся с другой стороны. Вытянув три руки к братьям, он обнял их, и что-то похожее на любящую улыбку появилось на его грубом лице. Затем скандар обнял Слита и Карабеллу, а потом подтащил к себе Валентина и сказал так мягко, как только мог:

- Вы быстро научились и сегодня покажете настоящее мастерство. Вы были для нас только необходимостью, но сейчас я доволен, что вы среди нас.

- Спасибо,- торжественно сказал Валентин.

- Жонглеры! - прокричал мажордом.

- Не каждый день,- сказал Залзан Кавол,- мы жонглируем перед Владыкой Маджипура. Пусть это будет наше лучшее представление.

Он махнул рукой, и труппа вошла в большие двойные ворота.

Впереди шли Слит с Карабеллой, жонглировавшие пятью ножами, которые бросали друг другу с большой осторожностью, затем с небольшим интервалом шел Валентин, жонглировавший тремя булавами и маскировавший своим напряженным видом простоту своего выступления, следом двигались шесть братьев-скандаров, все двадцать четыре руки которых бросали в воздух самые разные предметы. Шанамир, как слуга,

замыкал шествие, ничего не показывая.

Карабелла была прекрасна и неутомима: она весело подпрыгивала, щелкая каблуками и хлопая в ладоши, а рядом с ней выступал Слит, быстрый, как удар кнута, собранный, динамичный, показывавший настоящее мастерство, с которым он подхватывал в воздухе ножи и возвращал их партнерше. Время от времени Слит делал невероятно быстрые сальто, пока воздух Маджипура и его слабая гравитация на долю секунды задерживали ножи в верхней точке траектории.

Они шли вокруг стадиона, придерживаясь ритма скрипучих пищалок и труб оркестра, двигавшегося впереди. Огромная толпа, уже утомленная всеми этими новинками, реагировала слабо, но это не имело значения: преданность жонглеров была в их искусстве, а не в потных лицах, едва заметных с далеких мест.

Вчера Валентин придумал и потихоньку разучил прекрасный пассаж для своего выступления. Остальные ничего не знали об этом, и для новичка это было рискованное дело, а королевское представление было неподходящим местом для риска, хотя, подумал вдруг он, может, именно королевское представление и есть то место, на котором нужно подтягивать себя к уровню луч-

ших.

Итак, он схватил две булавы правой рукой, бросил их вверх и тут же услышал, как удивленно буркнул Залзан Кавол, но времени думать об этом не было - сверху уже опускались две булавы. Резко закрутив, Валентин послал между ними ту, что держал в левой руке. Затем ловко поймал по одной булаве каждой рукой, бросил ту, что была в правой, вверх, поймал опускающуюся и тут же уверенно и с большим облегчением перешел к своему обычному каскаду булав, не глядя по сторонам, пока шел следом за Слитом и Карабеллой по периметру гигантского стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, укротители, жонглеры перед ними и сзади, тысячи пустых лиц на местах, украшенные лентами аркады вельмож - Валентин не видел ничего этого, разве что подсознательно отмечал. Бросок, бросок, бросок и захват, бросок и захват, бросок и захват снова и снова, пока краем глаза он не увидел сверкающие зеленые с золотом занавеси по бокам павильона Коронала. Он повернулся лицом к Короналу. Это был трудный момент, ведь сейчас он делил свое внимание: заставляя летать булавы, он искал глазами Лорда Валентина и нашел его в центре павильона, Валентин молился о еще

одной встряске от обмена энергией, еще одном быстром контакте с иссушающими глазами Коронала. Он бросал автоматически точно, каждая булава поднималась на определенную высоту и опускалась между его большим и остальными пальцами, а он смотрел на Коронала, но на этот раз встряски не последовало. Принц был рассеян и вовсе не смотрел на жонглера. Скучая, он глядел куда- то через всю ширину стадиона, на каких-то других артистов, возможно, на клыкастых и когтистых животных или на обнаженных танцоров, а может, вообще ни на кого. Валентин упрямо считал шестьдесят секунд своего выступления, и к концу этой минуты ему показалось, что Коронал на мгновенье взглянул в его сторону, но не более того.

Затем Валентин снова двинулся. Карабелла и Слит уже подходили к выходу. Валентин повернулся на полоборота и сердечно улыбнулся скандарам, которые шли вперед под балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя предмет за предметом к множеству тех, что уже вертелись наверху. Задержавшись на мгновенье, Валентин продолжил обход стадиона.

И вот дальние ворота. Он поймал булавы и, дер-

жа их в руках, вышел во внешний мир. И вновь, едва он покинул Коронала, на него навалилась усталость и пустота, как если бы Лорд Валентин на самом деле не излучал энергию, а высасывал ее из остальных, создавая иллюзию светящегося ореола, и, удаляясь от него, человек испытывал только чувство потери. Кроме того, выступление закончилось: момент славы Валентина пришел и ушел, и никто его не заметил.

Никто, кроме Залзана Кавола, который выглядел сурово и раздраженно.

- Кто научил вас двойному броску? - требовательно спросил он, когда они оказались за воротами.

- Никто,- ответил Валентин.- Я придумал это сам.

- А если бы вы уронили булавы?

- Но разве я уронил?

- Это не место для демонстрации своего воображения,- буркнул скандар, но тут же немного смягчился.- Но я восхищен вами, вы вели себя хорошо.

От второго мажордома Залзан Кавол получил кошель с монетами и высыпал их в две внешние руки, быстро считая при этом. Большую часть он сунул в карманы, но по одной дал каждому из бра-

тьев, потом Слиту с Карабеллой и, подумав, более мелкие монеты дал Валентину и Шанамиру.

Валентин заметил, что они с Шанамиром получили по полкроны, а остальные по кроне на каждого. Но это было неважно: деньги можно не считать, пока несколько крон позвякивают в его сумке. Премия, хотя и маленькая, была неожиданной, и он мог быстро потратить ее сегодня ночью на вино и рыбу со специями.

Длинный день почти кончился. Туман, поднявшийся с моря, принес в Пидруид ранние сумерки, однако со стадиона по-прежнему доносились звуки представления. «Бедный Коронал.- подумал Валентин,- ему придется сидеть там еще долго».

Карабелла дернула его за руку.

- Идем,- настойчиво прошептала она.- Наша работа закончилась, и начинается фестиваль!

9

Она нырнула в толпу, и Валентин последовал за ней. Три булавы, привязанные веревкой к поясу, колотили его по бедрам. Он думал, что потерял Карабеллу, но нет, она была здесь, делая большие прыгающие шаги, а потом поворачиваясь и улыбаясь ему, зовя за собой. Валентин догнал ее на больших ступенях, которые вели вниз, к заливу. На баржах, привязанных в соседней гавани, были сложены огромные костры из бревен и, хотя ночь только начиналась, несколько из них были подожжены и горели холодным зеленым огнем, почти без дыма.

Весь город превратился в игровую площадку. Карнавальные палатки вырастали, как поганки после летнего дождя; по набережным разгуливали существа в странных костюмах, со всех сторон неслись музыка, смех, возбужденные голоса. Когда темнота сгустилась, зажгли еще несколько костров, и залив стал морем цветного огня; а потом на востоке взлетело несколько ракет, оставляя за собой светящийся след. Они поднялись высоко в небо и взорвались, обрушив потоки яркого огня на крыши самых высоких

домов Пидруида.

Карабелла словно обезумела, да и Валентин не отставал от нее. Рука об руку они безрассудно мчались через город от киоска к киоску, разбрасывая монеты, как гальки. Во многих киосках можно было поиграть, сшибая мячами кукол или опрокидывая неустойчивые конструкции. Карабелла со своим точным взглядом и верной рукой выигрывала почти все, что хотела, да и Валентину, хотя и менее умелому, досталась его доля призов. В некоторых палатках победителям давали кружки вина или куски мяса, в других какие-то дурацкие чучела или флаги с эмблемой Коронала, и от этих вещей они отказывались. Но они ели мясо, жадно пили вино и продолжали свой путь по ночному городу.

- Сюда! - крикнула Карабелла, и они присоединились к танцующим вроонам, хайрогам и пьяным хьортам, прыгавшим в танце, который, казалось, не имел никаких правил. Когда жестколицый хьорт обнял Карабеллу, она тоже обняла его, сжав так крепко, что ее маленькие сильные пальцы глубоко погрузились в обрюзгшее тело, а когда женщины-хайроги, змееволосые, с множеством качающихся грудей, окружили Валентина, он принимал их поцелуи и возвращал их с боль-

шим энтузиазмом, чем можно было ожидать.

Затем они отправились в театр под открытым небом, где неуклюжие куклы разыгрывали драмы резкими стилизованными движениями, потом, заплатив несколько вейтов, увидели морских драконов, угрожающе кружившихся в сверкающем резервуаре, а потом оказались в саду живых растений с южного берега Алханроеля, существ с мелкими щупальцами и высокими дрожащими стволами с глазами около вершины.

- Время кормления через полчаса,- сказал сторож, но Карабелла не остановилась, продолжая увлекать Валентина сквозь сгущающуюся темноту.

Вновь начался фейерверк, гораздо более эффектный на фоне ночи. Там были тройные звездные огни, которые образовали изображение Лорда Валентина, занявшее полнеба, затем ослепительные зеленые, красные и голубые вспышки собрались в изображение Лабиринта и мрачного лица старого Понтифекса Тивераса, а через мгновенье, когда цвета поблекли, новая вспышка осветила небеса, явив зрителям черты великой королевской матери, Леди Острова Сна, улыбающейся Пидруиду и всем его жителям. Это зрелище так глубоко тронуло Валентина, что

ему захотелось упасть на колени и заплакать от таинственного и пугающего восторга. Но в толпе не было места для этого, и он стоял, пока Леди не растаяла в темноте. Потом он протянул руку, крепко сжал руку Карабеллы и прошептал:

- Я хочу вина.

- Подождите, сейчас будет еще кое-что.

И точно - еще одна ракета, еще одна вспышка, на этот раз зазубренная, нескладная и желто-красная, и появилось другое лицо с тяжелыми челюстями и мрачными глазами. Это был четвертый Владыка Маджипура, самая темная и непонятная фигура в иерархии, Король Снов, Симонан Барьязид. Толпа замерла, ибо никто не любил Короля Снов, хотя все признавали его могущество, могущество плохой судьбы и страшного наказания.

А потом они пошли за вином. Руки у Валентина дрожали, и он быстро опрокинул две кружки, пока Карабелла с интересом смотрела на него. Ее пальцы играли его запястьем, но вопросов она не задавала. Свое вино она отставила, едва пригубив.

Следующая дверь, которая открылась перед ними на фестивале, вела в музей восковых фигур, сделанный в форме миниатюрного Лабиринта,

так что, войдя внутрь, повернуть было нельзя. Они дали сторожу несколько монет и прошли вперед. Из темноты появились герои, сделанные удивительно хорошо: они двигались и даже говорили на древних диалектах. Этот высокий воин назвал себя Лордом Стиамотом, победителем метаморфов, а это была легендарная Леди Тиин, его мать, Леди-воин, лично возглавившая оборону Острова Сна, когда его осадили аборигены. К ним присоединился еще один, утверждавший, что он Дворн, первый Понтифекс, фигура почти такая же далекая от эпохи Лорда Стиамота, насколько тот был далек от современности, а рядом с ним был Динитак Барьязид, первый Король Снов, персонаж гораздо менее древний. Все дальше углублялись Карабелла с Валентином, встречая множество мертвых Владык, отменно подобранный ассортимент Понтифексов, Леди, Короналов, великих правителей Конфалума, Престимиона и Деккерета, и Понтифекса Ариака, известного своей славой, и, миновав всех, увидели у выхода изображение краснолицего мужчины в узких черных одеждах, примерно лет сорока, черноволосого, темноглазого и улыбающегося. Не требовалось никаких объяснений, чтобы узнать Лорда Вориакса, последнего Коронала, брата

Лорда Валентина, ушедшего в расцвете своего царствования два года назад, умершего из-за какого-то глупого несчастного случая на охоте после восьмилетнего правления. Изображение поклонилось, простерло вперед свои руки и воскликнуло:

- Плачьте обо мне, братья и сестры, ибо я ушел до времени, и падение мое было тем страшнее, что я падал с такой высоты. Я был Лордом Вориаксом и долго думал о своей судьбе.

Карабелла вздрогнула.

- Мрачное место, но завершение его еще мрачнее. Идем отсюда!

И вновь она вела его по земле фестиваля, через игровые залы, аркады и ярко освещенные павильоны, мимо обеденных столов и домов наслаждений, нигде не задерживаясь, перелетая, подобно птице, с места на место, пока наконец, повернув за угол, они не оказались в темноте, выйдя за пределы зоны веселья. Издалека доносились хриплые звуки праздника и становился слабее свет горящих огней, а они двигались вперед, пока не почувствовали густой аромат цветов. Они были в саду, в парке.

- Идем,- буркнула Карабелла, держа его за руку.

Они вошли на освещенную лунным светом

поляну, где деревья переплелись по бокам, образовав что-то вроде беседки. Под ними еще сохранялось мягкое тепло дня, а от влажной почвы поднимался сладковатый аромат огромных цветов. Фестиваль и все его безумное возбуждение, казалось, остались в тысячах миль позади.

- Здесь мы и остановимся,- объявила Карабелла.

С преувеличенным рыцарством он снял свой плащ, а она постелила его на землю и скользнула в его объятия. Они лежали между двумя высокими кустами с серо-зелеными тонкими ветвями. Недалеко от них бежал ручей, а сверху с трудом пробивался рассеянный свет.

К бедру Карабеллы была привязана крошечная арфа, и сейчас она вытащила ее, сыграла короткое музыкальное вступление и начала петь холодным, чистым голосом:

Моя любовь чиста, как весна,
И так же мягка, как ночь,
Моя любовь сладка,
как ворованный плод.
Моя любовь чиста и светла.
Даже все богатство нашей земли,

Все жемчуга из моря,
Все сокровища Замковой Горы
Не заменят мне моей любви.

- Очень мило,- пробормотал Валентин.- И твой голос... твой голос так красив...

- А ты поешь? - спросила она.

- Ну... я полагаю, да.

Она передала ему арфу.

- Спойте для меня. Одну из любимых.

Он удивленно повертел в руках маленький инструмент, потом сказал:

- Я не знаю ни одной песни.

- Ни одной песни? Но ты должен их знать!

- Похоже, они все ушли из моей памяти.

Карабелла улыбнулась и взяла арфу обратно.

- Тогда я научу тебя нескольким,- сказала она.- Но не сейчас.

- Да, не сейчас.

Он коснулся губами ее губ. Она замурлыкала, и вдруг ее объятия стали сильнее. Когда глаза привыкли к темноте, Валентин стал видеть ее более ясно: маленькое остроконечное лицо, ясные лукавые глаза, глянцевитые черные волосы. Ноздри девушки раздувались в ожидании. На мгновенье его испугало то, что должно было произойти, и

он отпрянул от этих объятий, но тут же отбросил страх в сторону. Это была ночь фестиваля, он хотел ее, а она его.

Руки Валентина скользнули по ее спине, потом перебрались вперед, и он почувствовал ребра, лежавшие под кожей. Он помнил, как она выглядела, когда стояла нагая под очистителем: мускулы и кости, кости и мускулы, и мяса на ней было немного, за исключением бедер и ягодиц. Это был сгусток энергии. Через мгновение Карабелла была нагой, как и он сам. Он видел, что она дрожит, но не от холода, не от этой ароматной влажной ночи в тайной беседке. Казалось, ее сжимает какая-то странная, почти пугающая напряженность. Он гладил ее руки, ее лицо, ее мускулистые плечи, маленькие остроконечные груди, потом его руки прошлись по гладкой коже ее бедер. Она резко выдохнула и привлекла его к себе.

Их тела двигались в спокойном ритме, как будто они уже давно были любовниками и успели привыкнуть друг к другу. Ее стройные сильные ноги сжали его талию, и они покатились по земле, пока не оказались на самом берегу ручья, холодные брызги которого упали на их потные тела. Там они остановились, смеясь, а потом

покатились обратно. На этот раз они оказались напротив одного из серо-зеленых кустов.

- Сейчас! - крикнула Карабелла, и тут же Валентин услышал ее стон, а затем ее пальцы глубоко вдавились в его плоть, дикий спазм потряс ее тело, и в тот же момент он полностью сдался силам, которые владели им.

Потом он лежал, тяжело дыша, ошеломленный ее объятиями, и слушал, как колотится сердце.

- Мы будем спать здесь,- прошептала она.- Никто не побеспокоит нас этой ночью.

Она коснулась его лба своими мягкими волосами и легко поцеловала кончик носа. Она была неожиданна и игрива, как котенок: темная эротическая напряженность покинула ее, сгорев на огне страсти. Но Валентин был потрясен, ошеломлен и смущен. Да, он тоже испытал внезапный резкий экстаз, но в момент экстаза ему показалось, что он смотрит через ослепительно сверкающие ворота в таинственное королевство без цвета и формы, и он лишь случайно задержался на краю этого неизвестного, прежде чем упасть обратно в реальный мир.

Валентин не мог говорить и почти ничего не видел вокруг, поскольку не ожидал такой дезориентации, пришедшей за актом любви. Карабелла,

видимо, чувствовала его тревогу, потому что ничего не говорила, а только держала его, нежно покачивая, прижав его голову к груди и тихо напевая.

В теплоте ночи он постепенно погрузился в сон и, когда пришли сонные видения, они были грубыми и страшными.

Он вновь оказался на знакомой, лишенной растительности равнине. Те же самые издевающиеся лица злобно смотрели на него с пурпурного неба, но на этот раз он был не один. Перед ним смутно вырисовывалась темная фигура, и Валентин вдруг понял, что это его брат, хотя в свирепом пламени янтарного солнца не мог хорошо разглядеть его. По правилам сна на заднем плане играла резкая мрачная музыка, означавшая опасный, угрожающий, даже смертельный сон.

Двое мужчин должны были сойтись в поединке, и только один из них мог остаться в живых.

- Брат! - крикнул Валентин, шокированный и испуганный.- Нет!

Он шевельнулся, извиваясь, поплыл к поверхности сна и на мгновенье повис рядом с ней, но никто не мог убежать от снов или отвергнуть их, какими бы ужасными они ни были. Нужно было принимать их, какие есть, а избегание означало

неизбежную встречу лицом к лицу и поражение в реальной жизни.

Валентин вновь отправил себя вниз, через границу между явью и сном, и снова почувствовал угрожающее присутствие своего врага, своего брата.

Они оба были вооружены, но схватка была неравной, оружием Валентина была легкая рапира, а у его брата массивная сабля. Используя свое искусство и ловкость, Валентин попытался прорваться сквозь защиту брата, но это было невозможно. Тяжелые удары противника отбрасывали хрупкое лезвие Валентина в сторону и неумолимо теснили его назад, к изрезанной оврагами местности.

В небе кружились стервятники, а потом оттуда донеслась шипящая песня смерти. Скоро здесь должна пролиться кровь.

Шаг за шагом Валентин отступал, зная, что ложбина уже близко и отступление скоро станет невозможным. Его рука болела, глаза закрывались от усталости, на зубах скрипел песок, последние силы иссякали. Назад.... Назад...

- Брат! - с мукой крикнул он.- Во имя Дивин...

Его ..мольба была встречена смехом и непристойностями, а сабля обрушилась со всего раз-

маха. Валентин отразил удар, и ужасная дрожь сотрясла его оцепеневшее тело, когда металл столкнулся с металлом и от его оружия остался короткий обрубок. В то же мгновение он споткнулся о торчавшую из песка сухую корягу и тяжело упал на землю, приземлившись в путанице колючих ветвей. Огромный человек с саблей навис над ним, заслоняя солнце. Песня смерти превратилась в убийственный рев, а стервятники замахали крыльями и бросились вниз.

Спящий Валентин застонал, повернулся и крепче прижался к Карабелле, защищаясь ее теплом от страшного холода смертельного сна, окружающего его. Сейчас было довольно просто проснуться и убежать от ужаса этого зрелища, выплыв на безопасный берег сознания. Но нет, с безумной дисциплинированностью он вновь направил себя в глубь кошмара. Огромная фигура засмеялась, и сабля поднялась вверх. Мир зашатался и рассыпался. Препоручив свою душу Леди, Валентин стал ждать неизбежного удара.

Однако удар был неудачен. С глухим стуком сабля его брата погрузилась глубоко в песок, а строение сна изменилось. Теперь Валентин не слышал свистящей песни смерти, а в тело неожиданно влилась новая неизвестная энергия. Он

вскочил на ноги. Его брат, ругаясь, дергал саблю, стараясь вытащить ее из земли, и Валентин презрительно пнул ее.

А потом он бросился на противника с голыми руками.

Сейчас уже Валентин руководил дуэлью, а его пригнувшийся брат пятился под градом ударов, постепенно оседая на колени. Валентин колотил его, рыча как раненый медведь, качая своей окровавленной головой из стороны в сторону. Соперник принимал удары, даже не пытаясь защищаться, и только бормотал: «Брат... брат...», пока Валентин колотил его об песок.

И вот он уже лежит, а Валентин победно стоит над ним.

Теперь можно было и освобождаться от сна.

Вокруг было еще темно. Он заморгал спросонья, обхватил себя руками за бока и задрожал. Яростные картины, отрывочные, но мощные, проплывали в его обеспокоенном мозгу.

Карабелла задумчиво смотрела на него.

- С тобой все в порядке? - спросила она.

- Я видел сон.

- Ты трижды кричал, и я думала, ты проснешься. Страшный сон?

- Да.

- А что теперь?

- Я удивлен и испуган.

- Расскажи мне твой сон.

Это была интимная просьба, но разве они не были любовниками? Разве они не погрузились в мир снов вместе?

- Мне снилось, что я сражаюсь со своим братом,- хрипло сказал он.- Что мы бьемся на мечах в горячей голой пустыне, он подходит ближе, чтобы убить меня, но в последний момент я поднимаюсь с земли, почувствовав прилив сил, и... и... и бью его до смерти своими кулаками.

Ее глаза сверкали в темноте, она следила за ним, как осторожный дроле с глазами-бусинками.

- У тебя всегда такие жестокие сны? - спросила она через некоторое время.

- Думаю, что нет. Но...

- Что «но»?

- Тут не только жестокость... Карабелла, у меня нет брата!

Она улыбнулась.

- Ты думаешь, что сны точно соответствуют реальности? Валентин, Валентин, где тебя учили? Как известно, сны имеют большую глубину, чем действительность. Братом из твоего сна может

быть любой или никто: Залзан Кавол, Слит, твой отец, Лорд Валентин, Понтифекс Тиверас и даже я. Сны трансформируют наши мысли.

- Да, я знаю это. Но что это значит, Карабелла? Дуэль с братом... я должен быть убит им, и вместо этого убиваю сам...

- Ты хочешь, чтобы я объяснила твой сон? - удивленно спросила она.

- Я не вижу в нем ничего, кроме страха и тайны.

- Да, ты был плохим воином. Ты был мокр от пота и кричал снова и снова. Но мучительные сны вскрывают больше всего. Запомни это.

- Мой брат... У меня же нет брата...

- Это не имеет значения.

- Значит, тогда я воюю с самим собой? Я не понимаю. У меня нет врагов, Карабелла.

- Отец,- подсказала она.

Он обдумал это. Его отец? Валентин постарался вспомнить лицо человека с саблей, но нашел только темноту.

- Я не помню его,- сказал он.

- Он умер, когда вы были мальчиком?

- Думаю, да,- Валентин покачал головой.- Я не помню.. Я вижу большого человека... его борода темна, глаза тоже...

- Как его звали? Когда он умер?

Валентин снова покачал головой.

Карабелла наклонилась ближе, взяла его руки и мягко сказала:

- Валентин, где ты родился?

- На востоке.

- Да, ты говорил это. Но где, в каком городе, в какой провинции?

- Ни-мойя? - неопределенно сказал он.

- Ты спрашиваешь у меня или отвечаешь мне?

- Ни-мойя,- повторил он.- Большой дом, сад, рядом излучина реки. Да, я вижу себя там. Я плаваю в реке, охочусь в лесах герцога... Или мне это приснилось?

- Что?

- Я читал что-то подобное или же мне рассказывали эту историю.

- Как звали твою мать?

Он начал отвечать, но когда открыл рот, имя не назвал.

- Она умерла молодой?

- Галиара,- сказал Валентин неуверенно.- Именно так. Галиара.

- Прекрасное имя. Расскажи мне, как она выглядела.

- Она... она...- Он заколебался.- Золотые волосы,

как у меня. Душистая гладкая кожа... Ее глаза... ее голос звучал как... это так трудно, Карабелла!

- Иди сюда,- она вновь привлекла его к себе. Она была гораздо меньше его, но сейчас казалась значительно сильнее, и ему было хорошо от ее близости. Очень мягко девушка сказала: - Ты ничего не помнишь о себе, Валентин?

- Нет, совсем ничего.

- Ни где родился, ни откуда пришел, ни как выглядели родители или где провел последний стардей? - Руки Карабеллы гладили его голову, пальцы осторожно, но упорно ощупывали затылок.

- Что вы делаете? - спросил он.

- Пытаюсь обнаружить повреждения. Понимаешь, удар по голове мог стереть воспоминания.

- И там что-нибудь есть?

- Нет, ничего. Никаких следов. Но это ничего не значит. Это могло произойти месяц или два назад. Я посмотрю снова, когда взойдет солнце.

- Мне нравится, когда твои руки касаются меня, Карабелла.

- А мне нравится делать это,- сказала она.

Он тихо лежал рядом с ней. Их разговор только сейчас начал всерьез беспокоить его. Валентин понял, что у других людей есть воспоминания о

детстве и юности, они знают имена родителей и место, где родились, он же ничего этого не знает. Правда, у него есть смутные представления об этом и туман ненадежных воспоминаний прикрывает пустоту. Да, теперь он понял, что пустота есть, но не хотел вглядываться в нее. Почему, удивился Валентин, он не такой, как все? Почему его воспоминания не имеют сущности? Может, как считает Карабелла, его ударили по голове? Или у него просто слабая память, которая не способна запомнить происшедшее, и он уже годами ходит по Маджипуру, с каждым новым рассветом забывая случившееся вчера?

Больше они в ту ночь не спали. Ближе к утру они совсем неожиданно снова любили друг друга, молча, целеустремленно, совсем не похоже на первое игривое соединение. Потом встали, по-прежнему ничего не говоря, искупались в прохладном маленьком ручье, оделись и отправились через город к гостинице. По улицам еще шатались не пришедшие в себя люди, а над Пидруидом поднимался в небо яркий глаз солнца.

10

Убежденный Карабеллой, Валентин посвятил Слита в свой секрет и рассказал о своем сне и последовавшем разговоре. Маленький беловолосый жонглер задумчиво выслушал его, ни разу не прервав.

Когда Валентин закончил, он сказал:

- Вам нужно найти толкователя снов. Это слишком сильное послание, чтобы игнорировать его.

- Значит, по-вашему, это послание?

- Возможно,- сказал Слит.

- От Короля?

Слит вытянул руки, внимательно разглядывая кончики пальцев.

- Скорее всего. Вам нужно ждать и быть очень осторожным. Король никогда не посылает простых сообщений.

- Но это может быть и от Леди,- вмешалась Карабелла.- Сила его не должна ввести нас в заблуждение. Леди посылает сильные сны, если это требуется.

- А некоторые сны,- улыбнулся Слит,- приходят не от Леди и не от Короля, а из глубин нашей туманной памяти. Кто может определить это

без посторонней помощи? Валентин, найдите толкователя снов.

- Значит, он может помочь мне найти воспоминания?

- Толкователь снов или колдун - да. Если же сны не зависят от вашего прошлого, ничего не случится.

- Дело в том,- сказала Карабелла,- что такие сильные сны не приходят неожиданно, и ваша обязанность разобраться в этом. Если сон приказывает действовать, а вы не последуете приказу...- Карабелла содрогнулась.- Ваша душа ответит на это и скоро. Найдите толкователя, Валентин.

- Надеюсь,- обратился Валентин к Слиту,- что вы имеете понятие в этих вещах.

- Я только жонглер. Найдите толкователя.

- Можете вы рекомендовать мне кого-нибудь в Пидруиде?

- Мы вскоре покинем город. Подождите и у вас будет более богатый материал для толкователя.

- Я удивлюсь, если это действительно послание,- сказал Валентин.- К тому же от Короля! Какое дело может быть у Короля Снов к бродяге, вроде меня? В это трудно поверить. На Маджипуре двадцать миллиардов обитателей, и Король находит

время заняться кем-то не самым важным.

- В Суврaеле,- сказал Слит,- во дворце Короля Снов есть огромная машина, которая показывает весь этот мир и каждую ночь отправляет послания миллионам людей. Кто знает, как выбираются эти миллионы? В детстве меня кое-чему научили, и я знаю, что это правда: по крайней мере однажды, прежде чем покинуть этот мир, каждый из нас почувствует прикосновение Короля Снов к своему духу. Я знаю, что говорю.

- Вы?

- Да,- Слит коснулся своих прямых, грубых, белых волос.- Вы думаете, я родился беловолосым? Однажды ночью я лежал в гамаке в джунглях возле Нарабала (тогда я еще не был жонглером), и Король пришел ко мне, пока я спал, и отдал приказ моей душе, а когда я проснулся, мои волосы были уже такими. Мне было тогда двадцать три года.

- Приказ? - удивился Валентин.- Какой приказ?

- Приказ, превративший волосы мужчины из черных в белые за время между темнотой и рассветом,- сказал Слит. Он явно не хотел больше говорить об этом. Поднявшись на ноги, он взглянул на утреннее небо, словно хотел подняться к солнцу.- Хватит говорить об этом, дружище.

На фестивале еще есть кроны, которые можно заработать. Можете вы разучить еще несколько трюков, прежде чем Залзан Кавол отправит нас на работу?

Валентин кивнул. Слит принес мячи и булавы.

- Смотрите,- сказал он и встал рядом с Карабеллой. Она держала два мяча в своей правой руке, он - один в левой, а свободные руки они переплели между собой.- Это половинчатое жонглирование,- сказал Слит.- Простое дело даже для начинающих, но выглядит крайне сложно.

Карабелла бросила, Слит бросил и поймал; они сразу вошли в ритм обмена, легко посылая мячи взад-вперед и являя собой единое существо на четырех ногах, с двумя разумами и двумя жонглирующими руками. Действительно, это выглядит сложно, подумал Валентин.

- А теперь бросьте нам булавы! - крикнул Слит.

Когда Валентин резкими бросками послал каждую булаву в направлении правой руки Карабеллы, она одну за другой включила их в последовательность предметов, пока мячи и булавы не закружились от нее к Слиту и обратно в поразительном водовороте. Валентин по собственному опыту знал, как трудно иметь дело с таким множеством объектов. Он надеялся, что

через несколько недель дойдет до пяти мячей или четырех булав, но бросать по три того и другого одновременно, причем в половинчатом жонглировании, было подвигом, который поверг его в изумление. А потом пришла ревность, когда он осознал, что Слит тесно прижимается к телу Карабеллы, образуя с ней как бы единый организм, тогда как несколько часов назад она лежала с ним на берегу ручья в парке Пидруида.

- Попробуйте,- сказал Слит.

Он шагнул в сторону, а Карабелла заняла место рядом с Валентином - рука об руку. Они работали только с тремя мячами. Поначалу Валентину было трудно регулировать силу своих бросков, и некоторое время он посылал мячи за пределы досягаемости Карабеллы, но через десять минут наловчился, а через пятнадцать они работали так уверенно, словно занимались этим годы. Слит подбадривал его аплодисментами.

Появился один из скандаров, но не Залзан Кавол, а его брат Эфрон, который даже по скандарским меркам был суров и холоден.

- Вы готовы? - грубо спросил он.

В этот день труппа давала представление в частном парке одного из могущественных купцов Пидруида, который устраивал прием в честь

провинциального герцога. Карабелла и Валентин представляли новый номер, скандары оперировали тарелками, хрустальными бокалами и сковородками, а под конец вперед вышел Слит, чтобы жонглировать с закрытыми глазами.

- Разве это возможно? - испуганно спросил Валентин.

- Смотрите! - сказала Карабелла.

Валентин стал смотреть, но тут некоторые из присутствующих заявили, что сегодня сандей после великого и безумного стардей, что распорядители представления устали и почти спят и что им надоело мастерство музыкантов, акробатов и жонглеров, которых они наняли. Слит шагнул вперед, неся три булавы, и стал покрепче, на мгновение подняв голову, как будто прислушиваясь к ветру, который дул между мирами, а затем, глубоко вздохнув, начал жонглировать.

- Двадцать лет практики, лорды и леди Пидруида! - вскричал Залзан Кавол.- Для этого необходимо удивительное чувство слуха! Он улавливает шелест булавы, когда она летит из руки в руку!

Валентин не мог понять, как даже самый чуткий слух может уловить что-либо сквозь жужжание разговоров, звон тарелок и громкие выкрики Залзана Кавола, но Слит не делал оши-

бок, хотя было понятно, какое это трудное дело даже для него. Обычно он работал четко, как машина, неутомимый, как прядильный станок, но сейчас его руки двигались резкими рывками и выпадами, торопливо хватая булаву, которая крутилась почти за пределами досягаемости, и с отчаянной быстротой ловя ту, что опускалась слишком далеко. Да, это было удивительное жонглирование. Казалось, Слит держит в памяти схему размещения каждой из движущихся булав, подставляет свои руки туда, где они должны падать, и каждый раз находит их там. Он сделал десять, пятнадцать, двадцать обращений булав, затем поймал все три на грудь, сорвал повязку и отвесил глубокий поклон. Раздались аплодисменты. Карабелла подошла к Слиту и обняла его. Валентин восторженно похлопал его по плечу, и труппа покинула сцену.

В раздевалку Слит вошел, дрожа от напряжения, бусинки пота выступили на его лбу. Он жадно выпил кружку огненного вина.

- Они хоть обратили на меня внимание? - спросил он Карабеллу.- Заметили хоть что-нибудь?

- Некоторые - да,- мягко сказала она.

Слит сплюнул.

- Свиньи! Блавы! Сами не могут пройти от од-

ной стены комнаты до другой, а болтают, когда... когда артист...

Валентин никогда прежде не видел, чтобы Слит проявлял свой характер. Видимо, это жонглирование вслепую не улучшало нервную систему. Он обхватил разгоряченного Слита за плечи и наклонился к нему.

- Главное,- серьезно сказал он,- это демонстрация искусства, а не манеры зрителей. Вы были безупречны.

- Не совсем,- мрачно сказал Слит.

- Безупречны,- повторил Валентин.- И величественны. Какая разница, что скажут или сделают пьяные купцы? В конце концов, не для них же вы овладели этим искусством.

Слит слабо усмехнулся.

- Жонглирование вслепую проникает глубоко в душу.

- Я никогда прежде не видел у вас такой боли.

- Это проходит. Сейчас я уже чувствую себя лучше.

- Ваша боль - ваше собственное творение,- сказал Валентин.- Глупо было принимать в расчет это оскорбление. Я повторяю снова: вы были безупречны, а все остальное неважно.- Он повернулся к Шанамиру.- Сходи на кухню и посмотри,

нельзя ли нам получить мяса и хлеба. У Слита было тяжелое выступление, ему нужно подкрепиться, а одного огненного вина недостаточно.

Сейчас Слит выглядел просто усталым, от напряженности и ярости не осталось и следа. Он вытянул вперед руку.

- Ваша душа, Валентин, тепла и добра, а дух мягок и солнечен.

- От вашей боли больно и мне.

- Теперь я буду лучше скрывать свой гнев,- сказал Слит.- И потом, вы правы, Валентин: мы жонглируем для себя. А ОНИ - не в счет. Постараюсь не забывать этого.

Еще дважды в Пидруиде Валентин видел жонглирование вслепую; дважды он видел, как Слит стоял на сцене напряженный и опустошенный. Валентин заметил, что внимание зрителей не умаляло усталости Слита. Это было дьявольски трудно сделать, и награда маленького человека за его искусство была высока. Когда Слиту было плохо, Валентин делал все, чтобы создать для него комфорт. Для Валентина было большим удовольствием прислуживать ему.

И дважды к Валентину приходили темные сны. Однажды ночью видение Понтифекса подошло к нему и отвело к Лабиринту. Он вошел внутрь,

пройдя многими проходами и непостижимыми улицами, а изображение худого старого Тивераса плыло перед ним, как блуждающий огонек, зовя вперед, пока наконец он не достиг некой внутренней области великого Лабиринта, и вдруг Понтифекс исчез, а Валентин остался один в пустоте холодного зеленого света. Ноги его потеряли опору, и он стал падать к центру Маджипура. На другую ночь появился Коронал, ехавший на своей платформе через Пидруид. Он кивнул Валентину и пригласил сыграть с ним. Они бросали игральные кости и двигали фишки, а ставкой в игре был пакет белых суставов пальцев, и, когда Валентин спросил, чьи это кости, Лорд Валентин рассмеялся, дернул за свою жесткую бахромчатую бороду, указал пронзительными глазами на Валентина и сказал:

- Взгляни на свои руки.

Валентин взглянул и увидел, что руки его без пальцев.

Об этих снах Валентин снова рассказал Слиту и Карабелле, но они посоветовали ему не ходить к толкователю снов и вновь предложили навестить какую-нибудь жрицу сонного мира, когда они покинут Пидруид.

Отъезд был уже близко. Фестиваль закончился,

корабли Коронала больше не стояли в гавани, а дороги были забиты толпами, поскольку люди из провинции покидали столицу. Залзан Кавол предупредил свою труппу, что все оставшиеся в Пидруиде дела нужно сделать до утра, потому что после обеда они уходят.

Сообщение повергло Шанамира в странную удрученность, и Валентин заметил уныние мальчика.

- Я думал, тебе не терпится покинуть город. Что - тяжело уходить?

Шанамир покачал головой.

- Я готов идти в любое время.

- Тогда в чем дело?

- Прошлой ночью ко мне во сне пришли отец и братья.

Валентин засмеялся.

- Уже началась тоска по родине и ты не хочешь покидать провинцию?

- Не тоска по родине,- уныло ответил мальчик.- Они устали и лежали на дороге, а я ехал на упряжке маунтов. Они кричали, чтобы я помог им, но я проехал прямо через их беспомощные тела. Мне даже не нужно ходить к толкователю снов, чтобы понять, что это значит.

- Чувство вины за отказ от обязанностей по

дому?

- Вины? Да. Это все ДЕНЬГИ! - сказал Шанамир. В его голосе было что-то такое, будто он был мужчиной, старающимся объяснить что-то тупому ребенку.- Деньги, Валентин. Я выручил здесь за маунтов сто шестьдесят роялов. Целое состояние! Достаточно, чтобы моя семья прожила этот год и часть следующего! Они зависят от моего благополучного возвращения в Фалкинкип с ними.

- А ты собирался не отдавать их?

- Я был нанят Зализаном Каволом. Что если мы поедем другим путем? Если я понесу деньги домой, то могу никогда не найти вас снова в вашем пути через Цимроель. Если же я пойду с жонглерами, то украду деньги моей семьи, которые она ждет, в которых нуждается. Вы понимаете?

- Решение довольно просто,- сказал Валентин.- Далеко отсюда Фалкинкип?

- Два дня быстрой езды и три обычной.

- Довольно близко. Я уверен, что Зализан Кавол еще не выбрал маршрут. Я поговорю с ним прямо сейчас. Один город ничуть не хуже другого. Я попрошу его отправиться отсюда фалкинкипской дорогой. Когда мы будем рядом с фермой твоего отца, ты ускользнешь ночью, передашь деньги одному из своих братьев и вернешься обратно до

рассвета. А потом, не испытывая больше вины, ты будешь свободен в выборе своей дороги.

Глаза Шанамира широко раскрылись.

- Вы думаете завоевать благосклонность Залзана Кавола? Но как?

- Я могу попробовать.

- Он в гневе повалит вас на землю, если вы о чем-то попросите его. Он не допустит вмешательства в свои планы, как вы не позволите стаду блавов давать вам советы в делах.

- Все же я поговорю с ним,- сказал Валентин,- и тогда увидим. У меня есть причины думать, что Залзан Кавол не так груб, как кажется на первый взгляд. Где он сейчас?

- Готовит свой фургон к путешествию. Знаете, где это?

- Знаю,- сказал Валентин.

Жонглеры путешествовали между городами в фургоне, который располагался в нескольких кварталах от гостиницы, поскольку был слишком широк, чтобы проехать по узким улицам. Это был внушительный и дорогой экипаж, благородный и величественный, с большим искусством сделанный мастерами одной из внутренних провинций. Основная рама фургона была собрана из длинных легких перекладин упругого крылатого

дерева, скрепленных в широкие изогнутые полосы бесцветным ароматным клеем и связанных эластичными ивовыми ветвями, растущими на юге. Поверх этого элегантного каркаса были натянуты полосы дубленой шкуры стиков, сшитые между собой толстыми желтыми сухожилиями тех же стиков.

Добравшись туда, Валентин нашел Эрфона Кавола и еще одного скандара, Гибора Хаерна, которые старательно смазывали постромки фургона, изнутри которого доносились рокочущие гневные звуки, такие громкие и сильные, что казалось, фургон качается из стороны в сторону.

- Где ваш брат? - спросил Валентин.

Гибор Хаерн угрюмо кивнул на фургон.

- Сейчас не лучшее время вмешиваться.

- У меня к нему дело.

- У него у самого дело,- сказал Эрфон Кавол,- к вороватому маленькому колдуну, которому мы платили за то, что он вел нас по провинции, и который решил уйти от нас, едва мы собрались покинуть город. Идите, если хотите, но, смотрите, пожалеете.

Гневные крики из фургона стали еще громче, а потом дверь вдруг открылась настежь, и крошечная фигурка бросилась вперед. Это был старый

вроон, не больше игрушки-куклы, маленькое и легкое как перышко существо с клейкими щупальцевидными конечностями, шкурой зеленоватого оттенка и с огромными золотыми глазами, сейчас ярко горящими от страха. Пятно чего-то, что могло быть бледно-желтой кровью, покрывало щеку вроона рядом с его клювом.

Залзан Кавол появился мгновением позже: пугающая фигура с мехом, вставшим дыбом от гнева, и огромными, похожими на корзины, ладонями, бессильно хватавшими воздух.

- Ловите его! - закричал он братьям.- Не давайте ему уйти!

Эрфон Кавол и Гибор Хаерн тяжело поднялись и образовали косматую стену, закрывшую вроону путь к бегству. Маленькое существо, оказавшееся в ловушке, остановилось, закрутилось на месте, затем рухнуло перед Валентином.

- Лорд,- пробормотал вроон, обнимая его колени,- защитите меня! Он обезумел и в гневе может убить меня!

- Держите его, Валентин,- сказал Залзан Кавол и двинулся вперед.

Валентин заслонил съежившегося вроона и посмотрел в лицо скандара.

- Держите себя в руках. Убив этого вроона, все

мы останемся в Пидруиде навсегда.

- Об убийстве нет и речи! - загремел Залзан Кавол.- Я не желаю годами получать отвратительные послания.

- Он не будет убивать,- робко сказал вроон,- он просто ударит меня изо всей силы об стену.

- А из-за чего ссора? - спросил Валентин.- Может, я рассужу вас?

Залзан Кавол нахмурился.

- Этот спор вас не касается. Уходите, Валентин.

- Лучше я останусь, пока ваша ярость не пройдет.

Глаза Залзана Кавола вспыхнули от гнева. Он двинулся вперед и шел, пока не оказался в нескольких футах от Валентина, до которого донесся тяжелый запах разгневанного скандара. Вполне возможно, подумал Валентин, что он ударит об стену нас обоих. Эрфон Кавол и Гибер Хаерн смотрели со стороны, вероятно, они никогда прежде не видели открытого неповиновения брату. Молчание длилось долго. Руки Залзана Кавола были конвульсивно сжаты, но он оставался на месте.

Наконец скандар сказал:

- Этот вроон - колдун Аутифон Делиамбр, которого я нанял указывать мне дороги внутри

континента и охранять от происков Изменяющих Форму. Все эти недели он наслаждался в Пидруиде каникулами за мой счет, а когда пришло время покинуть его, заявил, чтобы я искал другого проводника, что у него есть более интересные дела, чем ездить от деревни к деревне. Так-то ты хранишь верность своему слову, колдун?

- Я стар и устал,- сказал вроон,- мое колдовство стало слабее, и, думаю, однажды я начну забывать дорогу. Но если ты все еще хочешь этого, я поеду с вами и дальше, Залзан Кавол.

Скандар изумился:

- Что?

- Я изменил свое решение,- вкрадчиво сказал Аутифон Делиамбр, отпуская судорожно сжимавшие ноги Валентина щупальца и отступая в сторону. Вроон скручивал и раскручивал свои многочисленные бескостные руки, как будто страшное напряжение покинуло его, и смело смотрел на огромного скандара.- Контракт остается в силе,- объявил он.

Изумленный Залзан Кавол сказал:

- Полтора часа назад ты клялся, что останешься здесь, в Пидруиде, игнорировал все мои мольбы и даже угрозы, привел меня в такой гнев, что я был готов разбить твое тело, невзирая на послед-

ствия, поскольку мертвые волшебники - плохие слуги, да и Король Снов стал бы мучить меня за такой поступок. Ты был упрям, отказывался от контракта и советовал мне искать проводника где-нибудь еще. А сейчас ты вдруг отказываешься от всего этого?

- Да.

- Сделай милость, объясни почему.

- Просто так,- сказал вроон.- За исключением того, что этот молодой человек нравится мне, что я восхищен его смелостью, добротой и теплом души, а поскольку он идет с вами, я тоже. Других причин нет. Ты удовлетворил свое любопытство, Залзан Кавол?

Скандар рычал и плевался от раздражения, свирепо размахивая внешней парой рук, как будто пытаясь освободиться от путаницы переплетенных ветвей. Мгновение казалось, что он сейчас взорвется, что лишь невероятным усилием воли он сохраняет контроль над собой. Наконец он сказал:

- Прочь с моих глаз, колдун, пока я не швырнул тебя о стену. И боже сохрани тебя, если после обеда ты не явишься, чтобы покинуть с нами город.

- В два часа дня,- вежливо подсказал Аутифон Делиамбр.- Я буду точен, Залзан Кавол.- Потом он

обратился к Валентину: - Спасибо, что защитили меня. Я у вас в долгу и расплачусь скорее, чем вы думаете.- Затем вроон быстро исчез.

Через некоторое время Залзан Кавол сказал:

- Глупо было становиться между нами, Валентин. Можно было пострадать.

- Я знаю.

- А если бы я повредил вас обоих?

- Я чувствовал, что вы можете сдержать свой гнев. Ведь это так, верно?

Залзан Кавол изобразил скандарский эквивалент улыбки.

- Да, я сдержал свой гнев, но только потому, что был изумлен вашей дерзостью, и мое удивление остановило меня. Еще мгновенье... или если бы Делиамбр продолжал перечить мне...

- Но он согласился сохранить контракт,- заметил Валентин.

- Действительно. Полагаю, что я многим обязан вам. Поиски нового проводника могли задержать нас на несколько дней. Спасибо, Валентин,- сказал Залзан Кавол с неуклюжей грацией.

- Значит, вы действительно обязаны мне?

Скандар вновь напрягся.

- Что вы имеете в виду?

- Мне нужна ваша благосклонность. Поскольку

я оказал вам услугу, может, и вы сделаете то же для меня?

- Продолжайте.- Голос Залзана Кавола был холоден.

Валентин глубоко вздохнул.

- Мальчик Шанамир родом из Фалкинкипа. Прежде чем отправиться с нами в дорогу, он должен выполнить очень важное поручение. Это дело семейной чести.

- Тогда пусть идет в Фалкинкип и возвращается к нам, где бы мы ни были.

- Он боится, что не сможет найти нас, если покинет на время.

- Чего же вы хотите, Валентин?

- Чтобы вы выбрали такой маршрут, который проходил бы в нескольких часах пути от дома мальчика.

Залзан Кавол уставился на Валентина убийственным взглядом, потом мрачно сказал:

- Сначала мой проводник заявляет, что наш контракт никудышный, потом меня удерживает от действия ученик жонглера и наконец мне предлагают выбрать маршрут ради семейной чести конюха. Поистине это день испытаний, Валентин.

- Конечно, если у вас нет каких-либо обяза-

тельств,- с надеждой сказал Валентин.- Фалкинкип всего в двух- трех днях пути на северо-восток. И мальчик...

- Довольно! - крикнул Залзан Кавол.- Мы идем в Фалкинкип, но на этом благосклонность кончается. А сейчас уходите. Эрфон! Хаерн! Фургон готов в дорогу?

11

Фургон труппы Залзана Кавола бал так же роскошен внутри, как и снаружи. пол его был из темных сияющих досок ночного дерева, скрепленных между собой с изумительной точностью. Сзади, в пассажирском отсеке, со сводчатого потолка свисали грациозные шнуры сухих семян и кисточек, а стены были покрыты меховыми драпировками, сложными инкрустациями и полотнищами тонких тканей. В фургоне имелась комната для пяти или шести скандаров, в средней части был склад всевозможных вещей: сундуков, пакетов, жонглерских механизмов и вообще всего хозяйства труппы, а впереди, на приподнятой платформе под открытым небом, было сиденье, достаточно широкое для двух скандаров или трех людей.

Хотя огромный и роскошный фургон годился герцогу или даже Короналу, вместе с тем он был воздушен и легок, легок достаточно для того, чтобы плавать на вертикальном столбе теплого воздуха, производимого магнитными роторами. До тех пор, пока Маджипур крутился вокруг своей оси, они будут работать, а фургон при этом висит

в футе или около того над почвой и его легко можно тащить упряжкой маунтов.

Около полудня они закончили погрузку своих вещей и отправились в гостиницу на ленч. Валентин поразился, увидев хьорта с выкрашенными в оранжевый цвет усами, занявшего место рядом с Залзаном Каволом. Скандар стукнул по столу, чтобы привлечь внимание, и проревел:

- Встречайте нашего нового дорожного управляющего! Это Виноркис, который будет помогать мне вести книги, следить за нашим имуществом и управлять всем тем, что сейчас висит на мне!

- Ну и ну! - пробормотала Карабелла.- Он нанял хьорта, и это жуткое существо будет неделями таращиться на нас?

Виноркис улыбнулся страшной хьортской улыбкой, показав тройные ряды упругих жевательных хрящей и глядя вокруг своими вытаращенными глазами.

- Так вы всерьез говорили о присоединении к нам! - сказал Валентин.- Я думал, вы шутите о своем жонглировании цифрами.

- Известно, что хьорты никогда не шутят,- серьезно сказал Виноркис и разразился ужасным смехом.

- А что с вашей торговлей шкурами хайгусов?

- Я полностью продал на рынке свой запас,- ответил хьорт.- И подумал о вас, не знающих, где вы будете завтра, и ни о чем не заботящихся. Это восхищает меня и вызывает зависть. Тогда я спросил себя: будешь ли ты всю жизнь продавать шкуры хайгусов, Виноркис, или хочешь попробовать что-нибудь новое? Может быть, бродячую жизнь? Поэтому, случайно подслушав, что Залзану Каволу нужен помощник, я предложил ему свои услуги. И вот я здесь!

- Да, вы здесь,- кисло сказала Карабелла.- Добро пожаловать!

Плотно подкрепившись, они начали собираться. Шанамир вывел из конюшни четверку маунтов Залзана Кавола и успокаивающе говорил с животными, пока скандары запрягали их. Залзан Кавол взял вожжи, его брат Хейтраг сел рядом с ним, а сбоку пристроился на корточках Аутифон Делиамбр. Шанамир на своем маунте ехал рядом, а Валентин вместе со Слитом, Карабеллой, Виноркисом и четырьмя скандарами забрался в уютное пассажирское отделение. Им пришлось довольно долго возиться, чтобы поудобнее устроить свои руки и ноги.

- Хэй! - резко крикнул Залзан Кавол, и они поехали через Фалкинкипские Ворота на восток,

по дороге, которой всего неделю назад Валентин вошел в Пидруид.

Летнее тепло тяжело лежало на прибрежной равнине, и воздух был густой и влажный. Яркие цветы огненных пальм уже начинали вянуть и гнить, и дорога была усеяна опавшими лепестками, как темно-красным снегом. В фургоне было несколько окон - тонких прочных листов из шкур стиков, отличного качества, тщательно подобранных и совершенно прозрачных - и в странном торжественном молчании Валентин смотрел на исчезающий вдали Пидруид, этот огромный город с одиннадцатью миллионами жителей, где он жонглировал перед Короналом, попробовал странные вина и пряную рыбу и провел фестивальную ночь в объятиях темноволосой Карабеллы.

Сейчас дорога перед ним была открыта, и кто знает, какие путешествия ждали его, какие события должны были произойти.

У него не было никакого плана, и потому он был готов к любому. Ему очень хотелось жонглировать снова, овладевать новыми трюками, закончить свое ученичество и объединиться со Слитом и Карабеллой в самых сложных выступлениях, а может, даже жонглировать с самими

скандарами. Слит предупреждал его, что только мастер может рискнуть жонглировать с ними, что их две пары рук дают им преимущество, преодолеть которое не может ни один человек, но Валентин видел, как Слит и Карабелла работали со скандарами, и, может быть, со временем он сможет делать то же самое. «Ну и тщеславие! - подумал он.- Чего еще я могу хотеть, кроме как стать мастером, достойным жонглировать с Залзаном Каволом и его братьями!»

- Вы вдруг стали таким счастливым, Валентин,- сказала Карабелла.

- Правда?

- Как солнце. От вас струится свет.

- Это светлые волосы,- любезно сказал он.- Они создают иллюзию.

- Нет, нет. Ваша улыбка...

Он положил свою руку на ее.

- Я думал о дороге, ждущей впереди. Свободная и сердечная жизнь, бродяжничество по Цимроелю, остановки для представлений, изучение новых номеров. Я хочу стать лучшим человеком-жонглером на Маджипуре!

- И у вас хорошие шансы,- сказал Слит.- Ваши природные таланты огромны, и вам нужна только тренировка.

- В этом я рассчитываю на вас с Карабеллой.

Карабелла тихо сказала:

- Пока вы думали о жонглировании, Валентин, я думала о вас.

- А я о вас,- смущенно прошептал он.- Только стеснялся произнести это вслух.

Фургон достиг участка дороги, серпантином поднимавшегося вверх к огромному плато. Подъем был труден. Местами повороты дороги были такие резкие, что фургон с трудом разворачивался, но Залзан Кавол оказался таким же ловким возницей, каким был жонглером, и преодолевал их один за другим. Вскоре они были на вершине. Далекий Пидруид казался сейчас всего лишь картой, нарисованной вдоль берега моря. Воздух здесь был суше, но вряд ли прохладнее. В это позднее время солнце как будто спустило с привязи свои лучи, от иссушающего тепла которых нельзя было нигде скрыться до заката.

Ночь они провели в пыльной деревушке у фалкинкипской дороги. Беспокойный сон снова пришел к Валентину, когда он лег на колючий матрац, набитый соломой: на этот раз он двигался между Владыками Маджипура. В широком зале с каменным полом в одном конце сидел на троне Понтифекс, в другом - Коронал, а с потол-

ка смотрел ужасный светлый глаз, подобный маленькому солнцу, безжалостно бросавший свирепые взгляды. Валентин нес какое-то сообщение от Леди Острова Сна, но не знал, вручить ли его Понтифексу или Короналу, к тому же любой Владыка по мере приближения Валентина начинал удаляться в бесконечность. Всю ночь он с трудом бродил взад-вперед по этому скользкому полу, с мольбой протягивая руки то к одному, то к другому Владыке, но каждый раз они уплывали вдаль.

На следующую ночь на окраине Фалкинкипа он снова увидел Понтифекса и Коронала. Это был смутный сон, и Валентин не запомнил ничего, кроме впечатления грозных величественных фигур, огромных, напыщенных сборищ и неудачных попыток связаться. Он проснулся с чувством глубокой и болезненной досады. Ясно было, что он получал сны из высших инстанций, но объяснить их он не мог.

- Владыки преследуют вас и не дают отдохнуть,- сказала Карабелла.- Вы как будто привязаны к ним прочными веревками. Это неестественно так часто видеть во сне могущественные фигуры. Я уверена, что это послания.

Валентин кивнул.

- В жаркие дни мне кажется, что я чувствую

холодные руки Короля Снов, лежащие на моих висках. А когда я закрываю глаза, его пальцы проникают в мою душу.

Тревога вспыхнула в глазах Карабеллы.

- Вы уверены, что это его послания?

- Нет, не уверен. Но я думаю...

- Может быть, Леди...

- Леди посылает добрые, мягкие сны,- сказал Валентин.- Боюсь, что это послания Короля. Но что он хочет от меня? Какое преступление я совершил?

Она нахмурилась.

- В Фалкинкипе, Валентин, сходите к толкователю.

- Да, я загляну к нему.

Аутифон Делиамбр неожиданно сказал, включаясь в разговор:

- Можно дать вам совет?

Валентин не заметил появления сморщенного вроона и сейчас удивленно смотрел вниз.

- Пардон,- бесцеремонно сказал колдун.- Я случайно подслушал вас. Вам кажется, что вас беспокоят послания?

- Это не может быть ничем больше.

- Вы уверены?

- Я не уверен ни в чем. Ни в своем, ни в вашем

имени, ни в дне недели.

- Послания редко бывают двусмысленными. Когда говорят Король или Леди, мы знаем это без сомнения,- сказал Делиамбр.

Валентин покачал головой.

- Мой разум в эти дни затуманен, и я ни в чем не уверен. Эти сны раздражают меня, и мне нужны ответы, хотя я не знаю, как следует задавать вопросы.

Вроон потянулся и взял руку Валентина одним из своих мягких щупалец.

- Доверьтесь мне. Ваш разум может быть затуманен, но мой - нет, и я ясно вижу вас. Меня зовут Делиамбр, вас - Валентин, и сегодня файвдей девятой недели лета. В Фалкинкипе есть толковательница снов Тисана, мой друг и союзник, которая поможет вам найти вашу собственную дорогу. Идите к ней и скажите, что я посылаю ей привет и любовь. Пришло время компенсировать причиненный вам ущерб, Валентин.

- Ущерб? Какой ущерб?

- Идите к Тисане,- жестко сказал Делиамбр.

Валентин нашел Залзана Кавола, который говорил с несколькими жителями деревни. Когда скандар кончил и повернулся к Валентину, тот сказал:

- Я прошу разрешить мне провести ночь стардей вне труппы, в Фалкинкипе.

- Тоже дело семейной чести? - саркастически спросил Залзан Кавол.

- Это мое личное дело. Можно?

Скандар пожал плечами.

- С вами творится что-то странное, и это беспокоит меня. Но делайте, как хотите. Завтра мы все равно выступаем в Фалкинкипе на ярмарке. Спите, где хотите, но утром сандей будьте готовы к отъезду.

12

Фалкнип не шел ни в какое сравнение с огромным Пидруидом, но и маленьким назвать его было нельзя. Это был окружной центр, столица обширного фермерского района. В нем и вокруг него жили примерно семьсот пятьдесят тысяч человек, и в пять раз больше населяли сельскую местность. Правда, темп жизни здесь отличался от того, что Валентин видел в Пидруиде. Возможно, тут играло роль расположение на сухом, горячем плато, а не на влажном берегу, но люди здесь двигались неторопливо и обдуманно.

Шанамир исчез в стардей. Он тайком проскользнул на ферму отца, лежавшую в нескольких часах ходу на север от города, где - как рассказал на следующее утро Валентину - оставил деньги, заработанные в Пидруиде, и записку, в которой сообщал, что уходит искать приключений и набираться мудрости. При этом он ухитрился проскочить незамеченным. Правда, он не думал, что отец легко смирится с потерей таких умелых рук, и, боясь, что муниципальные надзиратели смогут найти его, предложил провести остаток их стоянки в Фалкинкипе, спрятавшись в фур-

гоне. Валентин объяснил это Зализану Каволу, и тот согласился со своей обычной язвительной любезностью.

В тот день жонглеры смело вступили на ярмарку. Впереди шли Слит и Карабелла: он бил в барабан, она стучала в тамбурин и весело пела:

Берегите вы роялы, берегите кроны.
Приходите и садитесь перед нами.
Приходите и смотрите на жонглеров,
Изумленье и веселье будут с вами.
Берегите дюймы, берегите мили,
Мы заставим самых мрачных улыбнуться.
В воздухе, чтоб все вы не уснули,
Пусть танцуют мячики и блюдца!
Пусть заботы не тревожат вас сегодня.
Получайте радость с удивленьем.
Кто с деньгами расстается без сомнений,
Будет жить в хорошем настроеньи!

Но радость и удивление были в тот день далеки от Валентина, и он жонглировал плохо. Валентин

был встревожен большим количеством беспокойных снов и, возбужденный тщеславными мечтами, превосходившими его теперешнее мастерство, пытался превзойти себя. Дважды он ронял булавы, но Слит притворялся, что это часть номера, и толпа прощала ошибки. Простить их самому себе было гораздо сложнее. Когда на арену вышли скандары, он мрачно ушел в сторону.

Валентин издалека смотрел, как шесть огромных косматых существ сплетали двадцать четыре свои руки в точные и безошибочные узоры. Каждый жонглировал семью ножами, которые то и дело перелетали от одного к другому, и это было очень эффектно. Напряжение росло по мере того, как острые клинки летали взад и вперед. Спокойные фермеры Фалкинкипа были зачарованы зрелищем.

Глядя на скандаров, Валентин все больше сожалел об ошибках в своем выступлении. С самого Пидруида ему хотелось вновь оказаться перед публикой, его руки хотели вновь почувствовать булавы и мячи, а когда этот момент пришел, он оказался так неловок... Но ничего, будут еще другие рыночные площади, другие ярмарки. Труппа будет год за годом ходить по всему Цимроелю, и он станет блистать своим умением и поражать

публику, которая будет снова и снова выкрикивать имя Валентина, вызывая его на бис, пока сам Залзан Кавол не почернеет от зависти. Король жонглеров, Коронал представлений! А почему бы и нет? У него есть талант. Валентин улыбнулся, настроение у него улучшилось. Было это результатом действия вина, или же просто взяла верх его природная веселость? Он занимался этим всего неделю, а посмотрите, чего уже достиг! Кто может сказать, что для этого нужно меньше года практики?

К нему подошел Аутифон Делиамбр.

- Тисана живет на улице Продавцов Воды,- сказал крошечный колдун.- Она ждет вас.

- Значит, вы говорили ей обо мне?

- Нет,- сказал Делиамбр.

- И все же она ждет меня. Это колдовство?

- Что-то вроде,- сказал вроон, изгибая щупальца, что соответствовало пожатию плечами.- Скорее идите к ней.

Валентин кивнул и посмотрел вокруг: сканда-ры ушли, а Слит с Карабеллой демонстрировали жонглирование одной рукой. Как элегантно они двигаются вместе, подумал он. Как они спокойны и уверенны, как пластичны их движения. И как прекрасна она... Валентин и Карабелла не были

любовниками с той фестивальной ночи, хотя порой спали бок о бок. С тех пор прошла неделя, и он чувствовал, что отдалился от нее, хотя и не получал от нее ничего, кроме теплоты и поддержки. Эти сны были проблемой, которая отвлекала его. Значит, сейчас поговорить с Тисаной, а потом, может, завтра,- снова обнять Карабеллу...

- Улица Продавцов Воды,- повторил Валентин.- Очень хорошо. На ее жилище есть какой-нибудь знак?

- Там спросите,- ответил Делиамбр.

Когда Валентин собрался идти, из фургона вышел Виноркис и сказал:

- На ночь в город, не так ли?

- По делу,- отозвался Валентин.

- Не хотите компании? - хьорт засмеялся своим грубым, громким смехом.- Мы можем посетить вместе несколько таверн, а? Мне хотелось бы на несколько часов уйти от всех этих жонглирований.

Смущенный Валентин сказал:

- Мое дело нужно делать лично.

Виноркис некоторое время смотрел на него.

- Не очень-то вы дружелюбны.

- Извините, но я действительно должен быть один. Поверьте, сегодня ночью я не собираюсь

заглядывать в таверны.

Хьорт пожал плечами.

- Ну, хорошо. Я только хотел помочь вам: показать город, сводить в пару моих любимых мест...

- В другой раз,- сказал Валентин и быстро удалился.

Найти улицу Продавцов Воды оказалось довольно легко - это был упорядоченный город, не в пример средневековой путанице Пидруида, и на каждом крупном перекрестке имелась четкая и понятная карта города, но найти дом толковательницы снов Тисаны было гораздо труднее, потому что улица была длинной и те, кого он спрашивал о направлении, просто указывали на север. Валентин точно следовал этим указаниям и наконец добрался до маленького, серого, сложенного из валунов дома, расположенного в жилой части, далеко от рыночной площади. На своей потрепанной непогодой двери дом нес два символа Владык: перекрещенные молнии, которые ставил Король Снов, и треугольник в треугольнике, бывший эмблемой Леди Острова Сна.

Тисана была женщиной более чем средних лет, полной, необычайно высокой, с широким сильным лицом и холодным испытующим взглядом. Когда-то черные волосы, густые и распущенные,

были тронуты сединой и закрывали плечи. Ее руки только слегка высовывались из-под хлопковой блузы, которую она носила, и на вид были очень сильны, хотя с них и свисали складки плоти. Вообще она казалась могучей и мудрой.

Женщина приветствовала Валентина по имени и предложила чувствовать себя как дома.

- Как вы уже, конечно, знаете, я принес вам привет и любовь Аутифона Делиамбра,- сказал он.

Толковательница снов серьезно кивнула.

- Да, этот мошенник сообщил мне. Но его любовь стоит всех его фокусов. Передайте ему от меня то же самое.

Она обошла по кругу маленькую темную комнату, задернула занавески, зажгла три толстые красные свечи и воскурила фимиам. Обстановка была очень простой: высоко поднятый плетеный ковер в серых и черных тонах, почтенного возраста деревянный стол, на котором стояли свечи, и высокий платяной шкаф в античном стиле. Занимаясь приготовлениями, она продолжала говорить:

- Я знаю Делиамбра почти сорок лет, можете мне поверить. Мы встретились в дни царствования Тивераса, на фестивале в Пилиплоке, когда в город прибыл Коронал, Лорд Малибор, кото-

рый потом утонул во время охоты на морских драконов. Маленький вроон был хитрецом уже тогда. Мы стояли на улице, приветствуя Лорда Малибора, и Делиамбр сказал: «Вы знаете, он умрет раньше Понтифекса», причем таким тоном, будто предсказывал дождь при южном ветре. Было ужасно говорить так, но Делиамбра это не волновало. И странное дело: Коронал умер первым, а Понтифекс живет до сих пор. Сколько, по-вашему, сейчас Тиверасу? Сто? Сто двадцать?

- Понятия не имею,- сказал Валентин.

- Он стар, очень стар. Прежде чем войти в Лабиринт, Тиверас долгое время был Короналом и, представьте, сидит там уже при третьем Коронале. Будет удивительно, если он переживет и Лорда Валентина.- Ее глаза остановились на Валентине.- Полагаю, Делиамбр знает и это. Вы выпьете со мной?

- Да,- сказал Валентин, испытывая неудобство от ее грубоватых манер и чувствуя, что она знает о нем гораздо больше, чем он сам.

Тисана достала резной каменный графин и налила две внушительные порции, но не пряного огненного вина Пидруида, а более темной и густой жидкости, сладкой, с привкусом мятных лепешек, имбиря и других, более таинственных

специй. Валентин сделал маленький глоток, потом второй, и после этого женщина небрежно сказала:

- Вы знаете, оно содержит наркотик.

- Наркотик?

- Да, для разговора.

- О да, конечно.- Собственное невежество смущало Валентина. Он нахмурился и уставился на свой бокал. Вино было темно-красным, почти пурпурным, и на поверхности его виднелись искаженные отражения горящих свечей. Что это за процедура? - недоумевал он. Может, сейчас ей нужно рассказать о своих недавних снах? Ждать и смотреть, смотреть и ждать... Он быстро допил напиток, и старая женщина тут же наполнила бокал снова.

- Давно был ваш последний разговор? - спросила она.

- Боюсь, что очень давно.

- Несомненно. Что же, пришло время дать мне мой гонорар. Полагаю, вы найдете плату высокой.

Валентин потянулся за кошельком.

- Сейчас я прошу десять крон. Новые налоги и прочие хлопоты... Во времена Лорда Вориакса было пять, а когда я впервые занялась этим де-

лом, при Лорде Малиборе, то брала две или две с половиной. Десять крон не тяжелы для вас?

Это была его недельная плата у Залзана Кавола, но он - не зная как и почему - прибыл в Пидруид со множеством денег в кошельке - около шестидесяти роялов - и большая часть их сохранялась. Он дал толковательнице снов роял, она небрежно бросила монету в зеленую фарфоровую вазу на столе. Валентин зевнул, и женщина внимательно посмотрела на него. Он выпил снова, и снова она наполнила бокалы; его разум постепенно затуманивался. Хотя до ночи было еще далеко, он чувствовал, что вот-вот заснет.

- Идите к сонному ковру,- сказала Тисана, задувая две свечи из трех. Потом сбросила блузу и предстала перед ним обнаженной.

Это было неожиданно. Может, сонный разговор включал некую разновидность сексуального контакта? С этой старой женщиной? Впрочем, теперь она не казалась такой старой: ее тело выглядело на добрых двадцать лет моложе, чем лицо. Конечно, не девичье тело, но еще вполне крепкое, без морщин, с тяжелыми грудями и крепкими гладкими бедрами. Возможно, эти толковательницы были чем- то вроде святых проституток, подумал Валентин. Она кивнула, чтобы он разделся, и

Валентин сбросил свою одежду в сторону. Они легли в полутьме на толстый плетеный ковер, и она обняла его руками, но в этом объятии не было ничего эротического, оно было скорее материнским. Валентин расслабился. Его голова покоилась на мягкой теплой груди и бороться со сном стало очень трудно. Ее запах бил ему в ноздри, сильный, приятный запах, похожий на аромат нестареющих игольчатых деревьев, росших на высоких пиках севера у самой границы снегов.

Запах был резким и чистым. Женщина мягко сказала:

- В королевстве снов язык говорит только правду. Давайте же без страха войдем туда вместе.

Валентин закрыл глаза.

Высокие пики у самой границы снегов... Свежий ветер обдувал скалы, но ему вовсе не было холодно, хотя его босые ноги стояли на сухой каменистой почве. Тропа лежала перед ним, крутая, идущая по склону, тропа, образованная широкими серыми плитами, лежавшими в виде гигантской лестницы, ведущей в укатанную туманом долину, и Валентин без тени сомнения начал спуск. Он понимал, что эта картина еще не была его сном, а только прелюдией к нему, что

он только начинал свое ночное путешествие. На пути вниз он проходил мимо поднимающихся фигур, знакомых ему по последним ночам. Там был Понтифекс Тиверас с пергаментной кожей и морщинистым лицом, с трудом шедший на дрожащих ногах, и Лорд Валентин, Коронал, поднимавшийся смело и уверенно, большими шагами, и умерший Лорд Вориакс, как бы спокойно плывший над ступенями, и великий Коронал-воин Лорд Стиамот, правивший восемь тысяч лет назад, и, кажется, Понтифекс Ариок, который шесть тысяч лет назад отказался от Лабиринта, провозгласил себя женщиной и стал Леди Острова Сна. Потом прошел великий правитель Лорд Конфалум и не менее великий Лорд Престимион, унаследовавший власть после него; во времена их царствования Маджипур достиг вершины своего величия и силы. Затем прошел Залзан Кавол с колдуном Делиамбром на спине, и Карабелла, нагая и коричневая, бежавшая с неистощимой энергией, и таращивший глаза Виноркис, и Слит, жонглировавший на ходу огненными мечами, и Шанамир, и лиимен, продававший шкворчащую колбасу, и светлоглазая Леди Острова, и опять старый Понтифекс, и Коронал, и взвод музыкантов, и двадцать хьор-

тов, несших на золотых носилках Короля Снов, ужасно старого Симонана Барьязида. Туман стал гуще, а воздух более сырым, и Валентин дышал короткими болезненными вздохами, как будто вместо спуска все время шел вверх, стремясь достигнуть линии игольчатых деревьев и голых гранитных скал, защищавших высокие горы, босой на обжигающем снегу и спеленутый серым одеялом облаков, которые закрывали от него весь Маджипур.

В небесах звучала благородная строгая музыка, устрашающие медные хоры, игравшие торжественные и мрачные мелодии, подходящие для церемонии облачения Коронала. И действительно, его облачали: дюжина сгибающихся слуг надевала на него плащ и корону звездного огня, но он покачал головой и отослал их прочь, собственноручно снял корону и передал ее своему брату, угрожающему саблей, сбросил свою прекрасную мантию и раздал ее по клочкам беднякам, которые обернули ими свои ноги и разнесли по всем провинциям Маджипура, что он отказался от своего высокого положения и своей власти. Он снова обнаружил, что спускается по каменным ступеням горной тропы, разыскивая долину туманов, лежащую в недосягаемой дали.

- Но почему вы идете вниз? - спросила Карабелла, преграждая ему путь, но он ничего не ответил и, когда маленький Делиамбр указал вверх, коротко пожал плечами и начал подъем, через поля сверкающих красных и голубых цветов, через луга золотой травы и высоких зеленых кедров. Он чувствовал, что это не обычный пик, на который он поднимается, спускается и снова поднимается, а, скорее всего, сама Замковая Гора, уходящая в небеса на тридцать миль, и его целью на вершине было место, где жил Коронал, замок, который называли Замком Лорда Валентина, а до этого Замком Лорда Вориакса, Лорда Малибора и многих других могущественных принцев, которые правили с Замковой Горы. Каждый оставлял свой отпечаток на растущем замке и давал ему свое имя, пока жил в нем. Первым на Замковой Горе поселился Лорд Стиамот, победитель метаморфов, построивший скромное жилье, которое расширяли все остальные. Я вновь вернусь в Замок, подумал Валентин, и он будет моей резиденцией.

Но что это такое? Тысячи рабочих разбирают огромное здание! Разборка зашла далеко, и все внешние сооружения были уже уничтожены: опоры и арки, которые построил Лорд Вориакс,

огромный зал трофеев Лорда Малибора, библиотека, которую собрал Тиверас в годы своей бытности Короналом, и многое другое. Все эти комнаты были теперь только грудами кирпичей, образовавшими насыпи на склонах Горы, и они продолжали работать, разбирая более древние постройки: дом-сад Лорда Конфалума, арсенал Лорда Деккерета, архивный склеп Лорда Престимиона, разбирая их кирпич за кирпичом, подобно саранче, очищающей поля во время сбора урожая.

- Подождите! - крикнул Валентин.- Не делайте этого! Я вернулся, я снова беру свою мантию и корону!

Но разрушительная работа продолжалась, как будто замок был из песка и течение воды размывало его. Чей-то мягкий голос сказал:

- Слишком поздно, слишком поздно! - и исчезла сторожевая башня Лорда Ариока, и парапеты Лорда Тимина, и обсерватория Лорда Кинникена со всей аппаратурой для наблюдения звезд, а сама Замковая Гора задрожала и закачалась, когда исчезновение замка нарушило ее равновесие, и рабочие неистово забегали с кирпичами в руках, ища ровное место, где их можно сложить, и страшная вечная ночь опустилась на них, гибну-

щие звезды пухли и корчились в небе, а машины, отгонявшие холод космоса от вершины Замковой Горы, перестали работать, и теплый влажный воздух устремился вверх. В глубине планеты послышались рыдания, а Валентин стоял среди этого растущего хаоса, простирая в темноте свои руки...

Следующее, что он увидел, были утренние лучи солнца. Он заморгал и сел, смущенный и недоумевающий, что это за гостиница и что случилось с ним ночью, отчего он лежит голый на толстом плетеном ковре, в странной теплой комнате, а какая-то старая женщина заваривает чай. Может...

Да, конечно, толковательница снов Тисана, Фалкинкип, улица Продавцов Воды...

Нагота смущала его, и потому он быстро оделся.

- Выпейте это,- сказала Тисана.- Я сейчас приготовлю завтрак, пока вы окончательно проснетесь.

Он с сомнением уставился на кружку, которую она подавала ему.

- Это чай,- сказала она.- Чай и ничего больше. Время снов прошло.

Валентин медленно пил чай, пока женщина

суетилась в маленькой кухне. Внутри у него все оцепенело, как будто он допировался до бесчувствия и сейчас должен подсчитать, сколько нужно платить. Он помнил, что видел странные сны, но не испытывал никакого недомогания, только это оцепенение, странное, сосредоточенное спокойствие, почти пустоту. Было ли это следствием визита к толковательнице снов? Он не мог этого понять и был похож на маленького ребенка, потерявшегося в огромном и сложном мире.

Они поели в молчании. Тисана, казалось, внимательно изучала Валентина через стол. Прошлой ночью она много болтала, пока наркотик не подействовал, но сейчас казалась подавленной и ушедшей в себя, как будто ей нужно было побыть одной при подготовке к толкованию его сна.

Наконец она вымыла посуду и сказала:

- Как вы себя чувствуете?

- Очень спокойным.

- Хорошо. Это очень важно. Возвращаться от толковательницы снов суматошно - это напрасная трата денег. Впрочем, я не сомневаюсь, что ваш дух крепок.

- Да?

- Крепче, чем вам кажется. То, что должно

было раздавить обычного человека, оставило вас нетронутым. Вы не обращаете внимания на невзгоды и смеетесь в лицо опасностям.

- Вы говорите очень общо,- сказал Валентин.

- Я - оракул, а оракулы никогда не говорят конкретно,- сказала она.

- А мои сонные послания? Скажите вы, наконец, что это такое?

Она на мгновение задумалась.

- Я не уверена.

- Но вы же их видели! По крайней мере, скажите, кто их послал: Леди или Король?

- Это не так просто,- сказала она, сплетая пальцы.- Однако я уверена, что ваши послания пришли не от Леди.

- Значит, если это вообще послания, то они от Короля?

- Здесь есть некая неопределенность. Вокруг них есть ореол Короля, но это не ореол посланий. Я знаю, вы сочтете это непонятным, я и сама не могу этого понять. Думаю, Король Снов следит за вашими делами, интересуется вами, но вряд ли он входит в ваши сны. И это смущает меня.

- Вы встречались с чем-нибудь подобным прежде?

Толковательница снова покачала головой:

- Нет.

- Значит, это и есть ваш ответ? Сплошная тайна и ничего определенного?

- Ответа вы еще не получили,- сказала Тисана.

- Простите мое нетерпение.

- Извинения тут не нужны. Дайте мне вашу руку, и я кое-что скажу вам.- Она потянулась к нему через стол, схватила за руку и после долгой паузы сказала: - Вы упали с высокого места и сейчас должны начать подниматься туда.

Он усмехнулся.

- С высокого места?

- Высочайшего.

- Высочайшее место Маджипура,- сказал он,- это вершина Замковой Горы. По-вашему, я должен подниматься ТУДА?

- Да, туда.

- Очень уж крутой подъем вы мне предлагаете. Я могу потратить на это дело всю свою жизнь.

- И все же, Лорд Валентин, этот подъем ждет вас, и не я возложила на вас эту обязанность.

Он удивленно раскрыл рот, услышав этот королевский титул, потом громко рассмеялся над ее вульгарной шуткой.

- Лорд Валентин? Вы оказываете мне слишком большую честь, мадам Тисана. Не Лорд Валентин,

а просто Валентин, жонглер из труппы скандара Залзана Кавола.

Она не сводила с него взгляда, а потом тихо сказала:

- Прошу прощения. Я не хотела вас обидеть.

- Почему это должно обижать меня? Но не называйте меня королевским титулом. Жизнь жонглера достаточно интересна, даже если сны иногда заносят меня высоко.

Она не мигая смотрела на него.

- Хотите еще чая?

- Я обещал скандару, что буду готов к отъезду ранним утром, и поэтому должен идти. Что еще вы можете сказать мне?

- Разговор окончен,- сказала Тисана.

Этого Валентин не ожидал. Он ждал интерпретации, анализа, толкования, совета, а она всего лишь...

- Значит, я упал и должен вновь подняться на вершину? Это все, что вы можете сказать мне за роял?

- В наши дни цены на все выросли,- спокойно ответила она.- Вы чувствуете себя обманутым?

- Вовсе нет. Товар стоил платы.

- Сказано вежливо, но неискренне. И все же вы получили то, что хотели. Со временем это станет

ясно для вас.

Тисана поднялась, и Валентин встал вслед за ней. Вокруг нее был ореол уверенности и мощи.

- Желаю хорошего путешествия,- сказала толковательница.- И безопасного подъема.

13

Аутифон Делиамбр был первым, кто приветствовал Валентина, вернувшегося от толковательницы снов. В это тихое утро маленький вроон тренировался возле фургона в жонглировании с осколками какой-то блестящей кристаллической субстанции. Однако это было колдовское жонглирование: Делиамбр только притворялся, что бросает и ловит их, а на самом деле двигал предметы усилием мысли. Он стоял под сверкающим каскадом, и мерцающие предметы мчались друг за другом по кругу, похожие на гирлянду, оставаясь в воздухе, хотя Делиамбр не касался их.

Когда появился Валентин, вроон дернул своими руками-щупальцами, и сверкающие предметы тут же упали вниз, образовав при этом плотный пакет, который Делиамбр ловко подхватил в воздухе, а затем протянул Валентину.

- Это куски храма, построенного в городе хайрогов Дулорне, который лежит в нескольких днях пути к востоку отсюда. Это место сказочной красоты. Вы бывали там?

Загадки прошедшей ночи все еще тяжелым грузом лежали на плечах Валентина, и в это раннее

утро ему было не до восторгов Делиамбра. Пожав плечами, он сказал:

- Я не помню.

- Вы бы помнили, если бы были там. Это город света, город замерзшей поэзии! - вроон щелкнул клювом - это был его эквивалент улыбки.- Или, может, вы не должны помнить? Но скоро вы снова побываете там.

- Снова? Я не был там никогда.

- Если вы уже были там однажды, то будете снова, когда мы туда явимся. Если же нет, то нет. Да, я забыл сказать: Дулорн - наша следующая остановка, как говорит наш возлюбленный скандар.- Хитрые глаза Делиамбра смотрели на Валентина.- Я вижу, вы многому научились у Тисаны.

- Оставьте меня в покое, Делиамбр.

- Она удивительна, не так ли?

Валентин попытался пройти мимо.

- Я ничему не научился там,- резко сказал он.- Я просто потерял вечер.

- О, нет, нет! Время никогда не теряется зря. Дайте мне вашу руку, Валентин.- Сухое щупальце вроона обвилось вокруг пальцев Валентина, и Делиамбр торжественно сказал: - Я знаю это, и знаю хорошо: ВРЕМЯ НИКОГДА НЕ ТЕРЯЕТСЯ ЗРЯ.

Куда бы вы ни шли, что бы вы ни делали, все идет на ваше образование. Даже когда вы не можете усвоить урок сразу.

- Когда я уходил, Тисана говорила мне примерно то же,- мрачно проворчал Валентин.- Я думаю, вы с ней в сговоре. И чему же я научился? Я вновь видел во сне Короналов и Понтифексов, поднимался и спускался по горным тропам. Толковательница снов глупо пошутила над моим именем, а я лишился рояла, который лучше было потратить на вино. Нет, я ничего не достиг.

Он попытался вырвать руку из хватки Делиамбра, но вроон держал с неожиданной силой. Валентин почувствовал странное ощущение, как будто по его разуму прокатился аккорд мрачной музыки и где-то под поверхностью его сознания замерцало и вспыхнуло изображение, подобное морскому дракону, плавающему в глубине. Однако он не мог ясно разглядеть его: суть ускользала, и это было хорошо. Он боялся понять, что же это такое. Мрачная и непонятная боль захлестнула его душу. На мгновение ему показалось, что дракон «в глубине его бытия поднимается, плывет через мрак затуманенной памяти к уровню яви. Это испугало его. Знание, страшное и угрожающее знание пряталось в нем и сейчас угрожало

вырваться на свободу. Он пробовал сопротивляться и бороться. Валентин видел маленького Делиамбра, смотревшего на него с огромным напряжением, как будто пытавшегося передать ему силу, необходимую для отпора этому темному знанию. С внезапной силой Валентин вырвал руку из хватки вроона и пошатываясь пошел к фургону скандаров. Его сердце бешело колотилось, в висках стучало, он чувствовал усталость и головокружение. Сделав несколько нерешительных шагов, он повернулся и гневно сказал:

- Что вы сделали со мной?

- Я только прикоснулся своей рукой к вашей.

- И передали мне дикую боль!

- Я дал вам доступ к вашей собственной боли,- тихо сказал Делиамбр.- И больше ничего. Вы носите боль внутри себя, Валентин, не чувствуя ее, но она стремится выйти наружу. И этого не избежать.

- Я собираюсь помешать этому.

- У вас нет выбора. Борьба уже началась.

Валентин покачал болящей головой.

- Я не хочу боли и не хочу борьбы. Всю эту неделю я был счастливым человеком.

- Счастливым во сне?

- Эти сны скоро покинут меня. Они должны

быть предназначены для кого-то другого.

- Вы верите этому, Валентин?

Валентин помолчал, потом сказал:

- Я хочу, чтобы мне позволили быть тем, кем я хочу быть.

- И кем же?

- Странствующим жонглером. Свободным человеком. Почему вы мучаете меня, Делиамбр?

- Я буду рад, если вы станете жонглером,- мягко сказал вроон.- Я вовсе не желаю вам зла, но то, что хочет человек, часто мало согласуется с тем, что записано на скрижалях истории.

- Я буду мастером-жонглером,- сказал Валентин.

- Я желаю вам этого,- вежливо ответил Делиамбр и ушел.

Валентин медленно выдохнул воздух. Все тело его было напряжено. Он сел на корточки и опустил голову вниз, потом лег, вытянув руки и ноги, стараясь освободиться от странных уз, начавших овладевать им. Постепенно он немного расслабился, но какая-то тревога все же осталась и напряжение не до конца покинуло его. Эти мучительные сны, эти извивающиеся в его памяти драконы, эти знаки и предзнаменования...

Из фургона вышла Карабелла и остановилась

рядом с ним, глядя, как он корчится.

- Я помогу вам,- сказала она, присела рядом и потянула его вперед, так что ее сильные пальцы погрузились в напряженные мускулы его шеи и спины. Он почувствовал, что напряженность спадает, хотя настроение оставалось все таким же мрачным.

- Разговор не помог вам? - мягко спросила она.

- Нет.

- Вы не можете говорить об этом?

- Пожалуй, нет,- ответил он.

- Как хотите.

И все же она продолжала ждать, ее глаза настороженно смотрели на него с участием и состраданием.

- Я едва понял то, что эта женщина говорила мне, а то, что понял, не могу принять. Но я не хочу говорить об этом.

- Когда бы вы ни надумали, Валентин,- я здесь. Когда бы вы ни почувствовали потребность выговориться...

- Но не сейчас, а может, и никогда.

Он чувствовал, что Карабелла тянется к нему, стремится облегчить боль, поселившуюся в его душе, чувствовал ее любовь. Валентин заколебался, борясь с собой, потом прерывающимся

голосом сказал:

- То, что она говорила мне...

- Да, да...

Нет! Говорить об этих вещах значило придать им реальность, которой они не имели. Они были абсурдны, фантастичны, невероятны.

- ...все это ерунда,- закончил он.

В глазах Карабеллы был упрек, и он отвел свой взгляд в сторону.

- Можете вы допустить такое? - грубо сказал он.- Эта безумная старуха наговорила мне множество ерунды, и я не хочу обсуждать это ни с вами, ни с кем-либо еще. Это был МОЙ разговор, и я не хочу делиться им. Я...- Тут он увидел удивление на ее лице, сбился и закончил совсем другим тоном: - Давайте жонглировать мячами, Карабелла.

- Сейчас?

- Да, прямо сейчас.

- Но...

- Я хочу, чтобы вы научили меня взаимодействию между жонглерами, обмену мячами. Пожалуйста...

- Но через полчаса мы должны уезжать!

- Пожалуйста,- повторил он.

Она кивнула, взбежала по ступеням в фургон и через мгновение появилась с мячами. Они

отошли в сторону, чтобы иметь побольше свободного места, и Карабелла бросила ему три мяча. Она была мрачна.

- Что-то не так? - спросил он.

- Изучать новый номер, когда голова занята какими-то проблемами,- не самая удачная мысль.

- Это должно успокоить меня,- сказал он.- Давайте попробуем.

- Как хотите.

Чтобы размяться, она начала жонглировать тремя мячами, которые держала в руках. Валентин последовал ее примеру, но его руки были холодны, а пальцы не хотели реагировать вовремя и, выполняя это простейшее упражнение, он несколько раз уронил мяч. Карабелла ничего не сказала и продолжала жонглировать, пока он начинал один неудачный каскад за другим. Раздражение его все росло. Она больше не пыталась убедить его, что сейчас не подходящий момент для учебы, но ее молчание, ее взгляд, даже ее поза - все без слов говорило об этом. Валентин отчаянно пытался войти в ритм, вы УПАЛИ С ВЫСОКОГО МЕСТА,- услышал он голос толковательницы СНОВ,- И СЕЙЧАС ДОЛЖНЫ НАЧАТЬ СНОВА ПОДНИМАТЬСЯ ТУДА. Он закусил губу. Как можно сосредоточиться, когда тебя мучают

такие мысли? Рука и глаз, подумал он, рука и глаз, об остальном нужно забыть, и ВСЕ ЖЕ, ЛОРД ВАЛЕНТИН, ЭТОТ ПОДЪЕМ ЖДЕТ ВАС, И НЕ Я ВОЗЛОЖИЛА НА ВАС ЭТУ ОБЯЗАННОСТЬ. Нет, нет, нет... Его руки дрожали, пальцы были кусочками льда. Одно неверное движение, и мячи разлетелись в стороны.

- Пожалуйста, Валентин,- мягко сказала Карабелла.

- Давайте булавы.

- С ними будет еще хуже. Вы хотите сломать палец?

- Булавы,- повторил он.

Пожав плечами, она собрала мячи и ушла в фургон. Оттуда вышел Слит, зевнул и небрежно кивнул, приветствуя Валентина. Утро начиналось. Один из скандаров полез под фургон приводить что-то в порядок. Карабелла вернулась, неся шесть булав, следом за ней вышел Шанамир, махнул Валентину рукой и ушел кормить маунтов. Валентин взял булавы. Чувствуя на себе холодный взгляд Слита, он заставил себя стать в стойку, бросил вверх одну булаву и небрежно поймал. Все молчали. Валентин попробовал снова и ухитрился держать булавы в воздухе секунд тридцать, но затем они разлетелись, причем

одна больно стукнула его по макушке. Валентин поймал взгляд Аутифона Делиамбра, стоявшего в стороне, и снова собрал булавы. Карабелла продолжала жонглировать, стараясь не смотреть в его сторону. Валентин бросил булавы, уронил одну, бросил снова, уронил вторую, бросил в третий раз и вновь после неверного захвата уронил.

Сделав вид, что ничего особенного не случилось, он собрал булавы, но на этот раз Слит подошел к нему и осторожно взял за запястья.

- Не сейчас,- сказал он.- Дайте мне булавы.

- Я хочу практиковаться.

- Жонглирование - это не терапия. У вас что-то не так, вот дело и не идет. Если вы будете продолжать, то можете разрушить ритм, входить в который снова придется неделями.

Валентин попробовал освободиться, но Слит держал его с неожиданной силой. Карабелла бесстрастно продолжала жонглировать в нескольких шагах от них, и наконец Валентин сдался. Пожав плечами, он передал булавы Слиту, который отнес их обратно в фургон. Мгновением позже из него вышел Залзан Кавол, старательно чесавший свою шкуру спереди и сзади, как будто ища блох, и рявкнул:

- Все сюда! Мы уезжаем!

14

Дорога к городу хайрогов Дулорну шла через богатые фермерские районы, зеленые и плодородные под глазом летнего солнца. Подобно большей части Маджипура, это была густонаселенная местность, в которой создали широкую сельскохозяйственную зону, ограниченную оживленными городами-полосами, и фургон весь день ехал то мимо ферм, то через города. Здесь, в Дулорнском Рифте, тянувшемся на восток от Фалкинкипа, климат был особенно подходящим для фермерства, поскольку Рифт был открыт своим северным концом полярным дождям, которые смягчали субтропическую жару, делая ее умеренной и предсказуемой. Растения росли круглый год, и сейчас как раз было время сбора урожая сладких желтых клубней стаджи, из которых делали хлеб, и таких фруктов, как ниук и глейн.

Красота пейзажа смягчила мрачные мысли Валентина. На коротких остановках он переставал думать о вещах, не имевших отношения к происходившему вокруг, и позволял себе наслаждаться бесконечной чередой чудес, которой был Маджипур. Тонкие черные стволы деревьев ниук

росли ровными геометрически правильными рядами, уходящими за горизонт; повозки фермеров - хьортов и людей - двигались подобно армии вторжения по полям стаджи, собирая тяжелые клубни.

К полудню они добрались до совершенно потрясающего места - одного из заповедных лесов. Висевшая на воротах яркая зеленая табличка объявляла: ЗАПОВЕДНИК ПУЗЫРЧАТЫХ ДЕРЕВЬЕВ. Здесь была расположена выдающаяся девственная полоса дулорнских пузырчатых деревьев. Эти деревья выделяют газы легче воздуха, которые держат их верхние ветви в невесомом состоянии. По достижении зрелого возраста их стволы и корневые системы атрофируются, и они почти полностью зависят от питательных веществ, находящихся в атмосфере. Иногда, будучи уже старыми, эти деревья полностью отрываются от земли и дрейфуют по ветру, образуя новые колонии далеко от прежней. Пузырчатые деревья находятся как на Цимроеле, так и на Алханроеле, но в последнее время становятся редкостью. Эта роща расположена вдали от жителей Маджипура официальным декретом 12-го Понтифекса Конфилума и Коронала Лорда Престимиона.

Жонглеры двигались по лесной дороге молча и

несколько минут не замечали ничего необычного. Затем Карабелла, шедшая впереди, миновала плотные сине-черные заросли кустов и удивленно вскрикнула.

Валентин бросился к ней. Девушка стояла, окруженная чудесами.

Пузырчатые деревья были везде, на всех стадиях роста. Молодые деревца, не выше, чем Делиамбр или Карабелла, выглядели удивительно неуклюже с переплетенными толстыми ветвями странного серебристого оттенка, отходящими под невероятными углами от приземистых мясистых стволов. У деревьев пятнадцати или двадцати футов высотой стволы начинали утончаться, а ветви распухать, так что сейчас раздувшиеся сучья опасно торчали во все стороны, а у более старых деревьев стволы ссыхались до такой степени, что становились всего лишь чешуйчатыми отростками, которыми пышная крона соединялась с почвой. Высоко вверху они качались от легкого ветра, лишенные листьев, с надутыми ветвями, похожими на пузыри. Серебристые молодые ветви с возрастом становились полупрозрачными, так что деревья казались стеклянными моделями самих себя, ярко сверкающими в лучах солнца, под которым раскачивались. Даже Залзан Кавол

казался тронутым красотой деревьев. Скандар подошел к одному из самых высоких, чья сверкающая переплетенная крона парила высоко вверху, и осторожно, почти благоговейно, обхватил своими пальцами узкий ствол. Валентин подумал, что Залзан Кавол хочет оторвать ствол и пустить пузырчатое дерево лететь по воздуху, подобно сверкающему бумажному змею, но нет, скандар отпустил дерево и отошел в сторону, бормоча что-то про себя.

Еще долго они шли вдоль пузырчатых деревьев, наблюдая, как на разных стадиях их роста постепенно ссыхаются стволы и раздуваются ветви. Деревья не имели ни листьев, ни цветов, и трудно было поверить, что это действительно растения, такими стекловатыми они казались. Это было волшебное место. Тьма в его недавнем настроении казалась сейчас непонятной Валентину. Как можно в чем-либо сомневаться на планете, полной таких загадок?!

- Эгей! - крикнула Карабелла.- Ловите!

Она почувствовала смену его настроения и сходила в фургон за мячами. Теперь она бросила три из них ему, и он легко послал их в основной каскад, окруженный со всех сторон сверкающими пузырчатыми деревьями.

Карабелла стояла в нескольких футах от него, и три или четыре минуты они жонглировали каждый в отдельности, пока не начали делать это в одном ритме. Теперь они жонглировали вместе, являясь каждый отражением другого, и Валентин почувствовал, что все более глубокое спокойствие охватывает его с каждым новым циклом бросков. Пузырчатые деревья мягко покачивались на ветру, заливая все вокруг яркими отраженными лучами. Мир был тих и спокоен.

- Когда я скажу,- тихо произнесла Карабелла,- бросьте мяч из своей правой руки в мою левую, как будто перебрасываете из одной своей руки в другую. Раз... два- три... четыре... пять... ПОШЕЛ!

И Валентин бросил ей мяч по правильной дуге, а она ему. Только с большим трудом ему удалось поймать летящий мяч и включить его в круговорот, продолжая свой собственный каскад, пока не пришло время бросать снова. Взад-вперед, взад-вперед, бросок...

Поначалу это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, но все же Валентин смог сделать это без промахов, а после нескольких циклов делал уже без труда, легко обмениваясь с Карабеллой мячами, как будто практиковался в этом уже не один месяц.

- Эй! - крикнул Слит.- Давайте и мне!

На мгновение Валентина поставила в тупик эта новая задача, но он заставил себя действовать автоматически, бросать, когда это казалось необходимым, ловить то, что приближалось к нему, и постоянно удерживать мячи, двигавшиеся между его руками. Поэтому, когда Слит и Карабелла начали обмениваться мячами, он сумел включиться в общий узор и поймать мяч от Слита вместо Карабеллы.

- Раз-два, раз-два,- считал Слит, заняв место между Валентином и Карабеллой и сделав себя лидером группы. Он подавал мячи то одному, то другому в ритме, который оставался неизменным долгое время, а затем вдруг увеличил частоту подачи. Это значительно превысило способности Валентина. Внезапно ему показалось, что в воздухе оказались дюжины мячей, он попытался поймать их, но упустил все и, смеясь, опустился на теплую землю.

- Все-таки есть предел и вашим возможностям,- весело сказал Слит.- Честно говоря, я уже начал сомневаться, что вы обычный смертный!

Валентин улыбнулся.

- Боюсь, что достаточно смертный.

- Завтракать! - крикнул Делиамбр, стоявший

у горшка с тушеным мясом, висевшего на треножнике над пылающим костром. Скандары, занимавшиеся своей репетицией в другой части рощи, появились как из-под земли и моментально умяли свои порции. Виноркис тоже быстро опустошил тарелку. Валентину и Карабелле подали последним, но это их мало заботило. От напряжения Валентин был покрыт потом, кровь весело бежала по жилам, а долгая ночь страшных непонятных снов казалась сейчас такой далекой, как будто осталась в Фалкинкипе.

Всю вторую половину дня фургон спешил на восток. Вокруг тянулась земля хайрогов, населенная почти исключительно этой рептилиеподобной расой. Когда опустилась ночь, труппа была еще в полудне пути от провинциального центра Дулорна, где Залзан Кавол собирался дать представление. Делиамбр объявил, что недалеко расположена сельская гостиница, и они ехали до тех пор, пока не достигли ее.

- Нам хватит одной кровати,- сказала Карабелла Валентину.

В коридоре по пути к своей комнате они повстречали Делиамбра, который на мгновение остановился, коснулся их рук своими щупальцами и буркнул:

- Хороших снов.

- Хороших снов,- автоматически повторила Карабелла.

Но Валентин не разделял ее привычного уважения, ибо прикосновение колдуна-вроона вновь заставило зашевелиться в его душе дракона. Это выглядело так, словно Делиамбр считал себя врагом спокойствия Валентина и пробуждал в нем неясный страх и опасения, от которых не было защиты.

- Идем,- хрипло буркнул Валентин Карабелле.

- Торопитесь? - Она рассмеялась легким звенящим смехом, который тут же замер, когда она заметила его возбуждение.- Валентин, что случилось?

- Ничего.

- Ничего?

- Могу я, как другие люди, иногда позволить себе плохое настроение?

- Когда ваше лицо так изменяется, это похоже на тень, закрывающую солнце. И так внезапно...

- Что-то в Делиамбре,- сказал Валентин,- беспокоит и тревожит меня. Когда он прикасается ко мне...

- Делиамбр вполне безвреден, хотя и хитер, как все колдуны, особенно врооны. Это темное

начало есть во многих маленьких людях, но вам нечего бояться Делиамбра.

- В самом деле? - Он открыл дверь и пропустил ее вперед.

- В самом деле,- ответила она.- Вам незачем бояться кого бы то ни было, Валентин. Все вокруг влюбляются в вас. В этом мире никто не может причинить вам вреда.

- Хорошо бы поверить в это,- сказал он, а Карабелла опрокинула его на кровать.

Они обнялись, и их губы коснулись друг друга, сначала мягко, потом сильнее, и вот уже их тела слились. Он не был в ней уже неделю и ждал этого момента со страстным желанием и восторгом, но происшествие в коридоре лишило его желания. Карабелла почувствовала его холодность, но решила не обращать на это внимания, и ее гибкое энергичное тело искало его с горячностью и рвением. Сначала он заставлял себя отвечать, а потом заставлять стало ни к чему, хотя он все еще оставался в стороне от своих ощущений, как зритель, наблюдающий за их любовью. А потом все кончилось, и только лунный свет, лившийся через окно, освещал их лица.

- Хороших снов,- пробормотала Карабелла.

- Хороших снов,- повторил он.

Она заснула почти сразу. Валентин прижимал ее стройное теплое тело к своему и совсем не испытывал сонливости. Через некоторое время он отодвинулся и принял свою любимую позу: лег на спину, скрестив руки на груди, но сон не приходил. Он пытался отвлечься, считая блавов, представлял себя жонглирующим со Слитом и Карабеллой, пытался расслабить все тело, но ничего не помогало. Не в силах уснуть, он подпер голозу рукой и лежал, глядя на Карабеллу, прекрасную в лунном свете.

Она продолжала спать. Щеки ее слегка подрагивали, глаза двигались под веками, грудь ровно поднималась и опускалась. Прижав пальцы к губам, она что-то неразборчиво бормотала, стараясь подтянуть колени поближе к груди. Ее гибкое нагое тело было так прекрасно, что Валентину захотелось коснуться его, погладить ее прохладные бедра, коснуться губами маленьких тугих сосков, но мешать спящим не следовало, это было бы непростительным нарушением. Поэтому он удовлетворился созерцанием, любя ее издалека и чувствуя, как возвращается желание.

А потом Карабелла в страхе закричала.

Глаза ее открылись, но она ничего не говорила - верный признак послания. Дрожь сотрясала все

ее тело. Она повернулась к Валентину, и он держал ее в объятиях, пока она металась и стонала, защищаясь от демонов тьмы мощью своих рук. Наконец ярость ее сна пошла на убыль, и Карабелла расслабилась, прижавшись к его груди.

Так она лежала некоторое время, и Валентин решил, что она погрузилась в спокойный сон. Но Карабелла не спала, хотя и не двигалась, как будто размышляя над своим сном, сопоставляя его, пытаясь вырваться из него в королевство яви. Вдруг она села прямо и закрыла рот руками. Остекленевшие глаза ее были широко открыты.

- Мой Лорд! - прошептала она, потом попятилась от него, ползя по кровати, как краб, одной рукой прикрывая грудь, а другой защищая лицо. Губы ее дрожали. Валентин потянулся к ней, но она в ужасе бросилась прочь и упала на жесткий деревянный пол, где скорчилась, как будто пытаясь прикрыть свою наготу.

- Карабелла! - удивленно позвал Валентин.

Она взглянула на него.

- Лорд... Лорд... пожалуйста... простите меня... лорд...

Она вновь сжалась, скрестила пальцы в знак звездного огня и отвесила почтительный поклон, который делали только при встрече с Корона-

ЛОМ.

15

Решив, что все это ему приснилось и сон продолжается, Валентин поднялся, нашел тунику Карабеллы и отдал ей, потом оделся сам. Она по-прежнему сгибалась перед ним, ошеломленная и потрясенная. Когда он попытался утешить ее, женщина рванулась в сторону и еще больше сжалась.

- Что случилось, Карабелла? - спросил он.

- Мне приснилось... мне приснилось, что вы были...- она заколебалась.- Это было так ужасно...

- Расскажите мне, и, если смогу, я объясню тебе этот сон.

- Его незачем объяснять, он говорит сам за себя.- Она вновь сделала знак звездного огня, а потом произнесла холодным, бесцветным голосом: - Мне приснилось, что вы были настоящим Короналом Лордом Валентином, что у вас забрали всю вашу мощь, а все воспоминания пересадили в другое тело и бросили вас возле Пидруида вести ленивую, праздную жизнь и бродить по стране, пока кто-то другой правит вместо вас.

Валентин почувствовал себя на краю ужасной пропасти, и почва затряслась у него под ногами.

- Это было послание? - спросил он.

- Да, послание. Не знаю, от Леди или от Короля, но это был не мой сон, а что-то, что вложили мне в голову извне. Я видела вас, лорд...

- Не нужно говорить об этом.

- ...на вершине Замковой Горы, и ваше лицо было лицом другого Лорда Валентина, темноволосого мужчины, для которого мы жонглировали. Затем вы направились с Горы вниз, в великое путешествие по всем землям и, когда были на юге, в моем родном городе Тил-омоне, вам дали наркотик, захватили во сне, пересадили в это тело и вышвырнули прочь. И никто не в силах понять, что вас волшебством лишили вашей королевской власти. А я касалась вас, лорд, делила с вами постель и была фамильярна тысячью других способов. Сможете ли вы забыть это, лорд?

- Карабелла!

Она съежилась и задрожала.

- Взгляни на меня, Карабелла.

Она покачала головой. Валентин встал перед ней на колени и коснулся рукой ее подбородка. Девушка вздрогнула, как будто он брызнул на нее кислотой, мускулы ее напряглись. Он снова коснулся ее.

- Подними голову,- мягко сказал он,- и посмотри

на меня.

Она робко взглянула на него, как будто смотрела на солнце.

- Я - Валентин, жонглер, и ничего больше,- сказал он.

- Нет, лорд.

- У Коронала волосы темные, а у меня золотистые.

- Умоляю вас, лорд, простите меня. Вы пугаете меня.

- Тебя пугает бродячий жонглер?

- Меня пугает не тот, кем вы стали сейчас. С этим человеком я подружилась и люблю его. Меня пугает тот, кем вы были, лорд. Вы стояли рядом с Понтифексом и пробовали королевские вина. Вы ходили по высочайшим местам Замковой Горы и знали величайших Владык мира. Это был правдивый сон, лорд, ясный и реальный, и он не оставляет никаких сомнений. Вы - настоящий Коронал, и я касалась вашего тела, а вы касались моего, а это кощунство, что простая женщина, вроде меня, подходила к Короналу так близко. Я умру за это.

Валентин улыбнулся.

- Даже если я был Короналом, любимая, то это было в другом теле, а в том, которое вы обнимали

сегодня ночью, нет ничего святого. Но я никогда не был Короналом.

Ее внимательный взгляд был устремлен на него, а голос, когда Карабелла заговорила, дрожал уже меньше:

- Вы ничего не помните о своей жизни до Пидруида. Вы не могли назвать отца и рассказывали о своем детстве в Ни-мойе, сами не веря себе, а потом угадывали имя своей матери. Разве не так?

Валентин кивнул.

- А Шанамир рассказал мне, что в вашем кошельке было много денег, но вы понятия не имели об их стоимости и хотели купить колбасу за пятьдесят роялов. Верно?

Он снова кивнул.

- Вы как будто прожили всю жизнь взаперти и никогда не держали в руках денег. Вы знаете так мало, Валентин! Вам нужно учиться... как ребенку...

- Согласен, что-то случилось с моей памятью. Но разве это делает меня Короналом?

- То, как вы жонглируете, как движетесь, как держите себя, сияние, исходящее от вас,- все говорит, что вы рождены повелевать...

- Неужели?

- Когда вы появились среди нас, мы решили,

что вы, должно быть, изгнанный принц, может быть, герцог, но теперь мой сон... он не оставил больше сомнений, лорд...

Ее лицо было белым от напряжения. На мгновение Карабелла пересилила свой страх, но только на мгновение, и сейчас дрожала снова. И этот страх был заразительным - Валентин тоже начал испытывать его. Но была ли в этом хоть частица правды? Действительно ли он настоящий Коронал, которого касались руки Тивераса в сердце Лабиринта и на вершине Замковой Горы?

Он вновь услышал голос толковательницы снов Тисаны. ВЫ УПАЛИ С ВЫСОКОГО МЕСТА И СЕЙЧАС ДОЛЖНЫ НАЧАТЬ СНОВА ПОДНИМАТЬСЯ ТУДА,- сказала она. Но это невозможно, немыслимо, и ВСЕ ЖЕ, ЛОРД ВАЛЕНТИН, ЭТОТ ПОДЪЕМ ЖДЕТ ВАС, И НЕ Я ВОЗЛОЖИЛА НА ВАС ЭТУ ОБЯЗАННОСТЬ. Нет, невозможно. Кроме того, его сны, в которых брат должен убить его, и вместо этого погибает сам, и эти Короналы и Понтифексы, шедшие через тайники его души, и все остальное. Возможно ли это? Едва ли.

- Ты не должна бояться меня, Карабелла,- сказал он.

Она вздрогнула. Он потянулся к ней, и она бросилась в сторону, крикнув:

- Нет! Не трогайте меня! Мой лорд...

Валентин мягко произнес:

- Даже если я был когда-то Короналом - как странно и глупо это звучит для меня - даже если и так, Карабелла, то я больше не Коронал, и происшедшее между нами не было кощунством. Сейчас я Валентин, жонглер, кем бы я ни был в прежней жизни.

- Вы понимаете, лорд.

- Я понял, что Коронал - такой же человек, как все, только несет на плечах больше ответственности, чем другие, но в нем нет ничего магического и ничего пугающего, за исключением власти, а я ее не имею.

- Нет,- сказала Карабелла.- Коронал прикасается к высшей милости, и это остается с ним навсегда.

- Короналом может стать любой, для этого неважно происхождение человека. Короналы были из всех районов Маджипура, из всех слоев общества.

- Лорд, вы не понимаете. Быть Короналом - значит прикасаться к высшей милости. Вы правили Маджипуром, ходили по Замковой Горе, вы продолжаете линию Лорда Стиамота, Лорда Деккерета и Лорда Престимиона, вы брат Лор-

да Вориакса и сын ЛЕДИ ОСТРОВА. И я должна думать о вас как об обычном мужчине и не бояться вас?

Валентин потрясенно уставился на нее. Он вспомнил, как шел через свою собственную память, когда, стоя на улице, увидел Лорда Валентина, Коронала, как почувствовал себя перед милостью и мощью и понял, что быть Короналом - значило стоять от всех в стороне, быть тем, кто держит в руках власть над двадцатью миллиардами, кто несет в себе энергию тысяч лет и известнейших принцев, кому суждено однажды войти в Лабиринт и принять власть Понтифекса. Для него все это было непостижимо, он тонул в этом, был ошарашен и поглощен этими мыслями. Но это же абсурд - бояться себя! Погружаться в глубины страха перед своим воображаемым величием? Он только жонглер Валентин и ничего больше!

Карабелла всхлипнула. Еще немного и может начаться истерика. У вроона наверняка должны быть лекарства, от которых ей станет легче.

- Подожди,- сказал Валентин.- Я через минуту вернусь. Пойду спрошу у Делиамбра чего-нибудь успокаивающего.

Он выбежал из комнаты, спустился вниз, гадая,

какую комнату занимает колдун. Все двери были закрыты. Валентин уже решил стучать наугад, надеясь, что не наткнется на Залзана Кавола, когда из темноты донесся сухой голос:

- Что-то мешает вам спать?

- Делиамбр?

- Да. Идите сюда.

Сощурившись, Валентин присмотрелся и заметил вроона, сидевшего скрестив щупальца в позе размышления. Делиамбр поднялся.

- Я думал, что скоро вы придете искать меня,- сказал он.

- У Карабеллы было послание, и ей нужно лекарство, чтобы успокоиться. У вас есть что-нибудь подходящее?

- Есть, но не лекарство, а прикосновение. Но это тоже помогает. Идемте.

Маленький вроон проскользнул по коридору и вошел в комнату, которую Валентин делил с Карабеллой. Она не двигалась, по-прежнему скорчившись возле кровати с туникой, валявшейся рядом. Делиамбр направился к ней, и его цепкие усики осторожно обхватили ее за плечи. Напряженные мышцы Карабеллы расслабились, и она поникла, как будто лишившись всех костей. Ее тяжелое дыхание начало затихать, и наконец

она подняла голову. Теперь девушка была гораздо спокойнее.

Указав на Валентина, она сказала:

- Мне снилось, что он был... что его...- она заколебалась.

- Я знаю,- сказал Делиамбр.

- Это неправда,- твердо сказал Валентин.- Я только жонглер.

Делиамбр мягко заметил:

- Вы только жонглер СЕЙЧАС.

- Вы тоже верите в эту ерунду?

- Это было очевидно с самого начала, когда вы встали между скандаром и мной. Это поступок короля, сказал я себе и прочел в вашей душе...

- ЧТО?!

- Профессиональный трюк. Я заглянул в вашу душу и увидел, что было сделано с вами...

- Но это же невозможно! - запротестовал Валентин.- Вынуть разум человека из его тела и поместить в другое, а на его место...

- Невозможно? Нет,- сказал Делиамбр.- Думаю, что нет. В историях, приходящих к нам с Суврaеля, говорится, что это искусство изучают при дворе Короля Снов. До нас доходят слухи о каких-то странных экспериментах.

Валентин мрачно взглянул на его щупальца.

- Это невозможно сделать.

- Я сам так решил, впервые услышав об этом, но потом изменил свое мнение. Есть много колдовских штучек, почти таких же великих, как эти секреты, а я всего лишь маленький колдун. Семена этого искусства живут долго, и, может быть, какой-то суврaельский колдун нашел, наконец, способ прорастить их. Валентин, будь я на вашем месте, то не отвергал бы этой возможности.

- Изменение тел? - удивленно сказал Валентин.- Это не мое настоящее тело? Тогда кто же это?

- Кто знает? Какой-нибудь человек погиб от несчастного случая, возможно, утонул, подавился куском мяса или отравился ядовитыми грибами, во всяком случае, умер так, что его тело осталось целым, и после смерти был помещен в тайное место, где душу Коронала перенесли в его пустой череп. Другой мужчина, навсегда покинувший свое тело, быстро занял освобожденный череп Коронала, возможно, даже сохранив память Коронала, которая соединилась с его собственной, так что он мог участвовать в маскараде управления, как настоящий монарх...

- Я не могу допустить такого объяснения,- упрямо сказал Валентин.

- И все же,- продолжал Делиамбр,- заглянув в

вашу душу, я увидел это и почувствовал страх - в моей профессии не часто встречаются с Короналами или с такими явными доказательствами измены. Потом я подумал, что нужно забыть обо всем, что я видел, и некоторое время серьезно взвешивал этот план, пока не понял, что не смогу этого сделать, что до конца моих дней меня будут терзать ужасные сны, если я забуду о том, что узнал. Я сказал, что в мире есть много требующего ремонта, и волей Дивин я должен стать в ряды исправляющих его. И сейчас это исправление начинается.

- Ничего этого не было,- сказал Валентин.

- И все же,- не сдавался Делиамбр,- предположим, что они напали на вас в Тил-омоне, изгнали вас из вашего тела и посадили на трон узурпатора. Допустим, что все было так. Что вы должны сделать?

- Ничего.

- Ничего?

- Да,- сказал Валентин.- Пусть Короналом будет тот, кто ХОЧЕТ им быть. Пусть я когда-то жил на Замковой Горе, но сейчас-то я здесь, и никто не заставит меня вернуться туда. Я - жонглер и счастливый человек. А счастлив ли Коронал? Или Понтифекс? У меня отняли власть? Что ж,

значит, мне повезло. Я не хочу получать обратно эту ношу.

- Но она была предназначена вам.

- Предназначена? - Валентин рассмеялся.- Нужно быть сумасшедшим, Делиамбр, чтобы рваться к власти, а я вполне нормален. Управление - это тяжкая ноша и огромная поденная работа. Я не хочу этого.

- И все же,- сказал Делиамбр,- кто был Короналом, тот останется им навсегда. Вы будете излечены и вернетесь на свое место, Лорд Валентин.

- Не называйте меня так!

- Этот титул вновь будет принадлежать вам,- сказал Делиамбр.

Валентин гневно отбросил это предположение. Он взглянул на Карабеллу: она спала на полу. Осторожно он поднял ее и положил под покрывало. Потом сказал Делиамбру:

- Уже поздно, и сегодня ночью было сказано много глупостей. У меня голова гудит от этих разговоров. Сделайте со мной то же, что с ней, колдун, дайте мне сон и не говорите больше о долге. Мы должны выступать завтра, и я хочу отдохнуть перед представлением.

Он ответил:

- Хорошо. Ложитесь в постель.

Валентин вытянулся рядом с Карабеллой. Врон коснулся его, сначала мягко, потом сильнее, и Валентин почувствовал, что разум его затуманивается. Вскоре, подобно густому белому туману, поднимающемуся с моря, к нему пришел сон.

И приснился ему сон, и было в нем такое яркое и свирепое зарево, что Валентин сразу понял - это послание.

Он увидел себя идущим через страшную пурпурную равнину, которую так часто посещал в своих последних сновидениях. Но на этот раз он безошибочно знал, где находится эта равнина: не в области фантазии, а на далеком континенте Сувраель, лежавшем под ослепительным обнаженным солнцем, а эти трещины в почве были шрамами лета, высасывавшими ту немногую влагу, что в ней была.

Безобразные извивающиеся растения с разбухшими серыми листьями безвольно лежали на земле, а вверх поднимались жуткие суставчатые шипы. Валентин шел быстро, сквозь жару и безжалостные укусы ветра. Он опаздывал, опаздывал во дворец Короля Снов, где должен был давать представление.

Дворец неясно виднелся впереди, зловещий,

весь в черных пятнах теней, с паукообразными башенками и зубчатыми галереями, такой же остроконечный и отталкивающий, как и растения пустыни. Казалось, что это скорее тюрьма, чем дворец, по крайней мере снаружи. Однако внутри все было по-другому: там было прохладно, во дворах били фонтаны, всюду висели мягкие плюшевые шторы, а в воздухе чувствовался аромат цветов. Слуги кланялись Валентину, приглашая во внутренние помещения, где сняли с него посыпанную песком одежду, искупали и вытерли досуха легкими, как перышко, полотенцами.

Потом ему дали новую одежду, элегантную и украшенную драгоценными камнями мантию, предложили ледяное вино серебристого цвета и кусочки нежного неизвестного мяса и наконец провели в огромный сводчатый зал, где сидел Король Снов.

Валентин издалека увидел, как он сидит на троне: Симонан Барьязид, враждебный и непредсказуемый Владыка, который из этой открытой всем ветрам пустыни посылал по всему Маджипуру свои страшные послания. Это был крупный мужчина с безбородым лицом и большими челюстями. Глубоко посаженные глаза были обведены темными кругами, а на коротко подстриженной

щетинистой голове он носил золотую диадему своей власти - усиливающий мысли аппарат, который Барьязид придумал тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, толстый, как и отец, а справа - сын Минакс, его наследник, человек тощий и отталкивающий, темнокожий и остролицый, как будто заточенный ветрами пустыни.

Небрежно махнув рукой, Король Снов приказал Валентину начинать.

Он жонглировал ножами - десятью или пятнадцатью - тонкими сверкающими стилетами, которые наверняка пронзили бы его руку, ошибись он хоть немного, но он хватал их легко, жонглируя так, как мог только Слит или даже Залзан Кавол, виртуозно владевший этим искусством.

Валентин стоял неподвижно, делая легкие движения руками и запястьями, и ножи высоко взлетали, описывали дугу и опускались точно в ожидающие пальцы. Так они поднимались и падали, поднимались и падали, и постепенно траектория их движения стала приобретать форму звездного огня - эмблемы Коронала, а потом, когда Валентин был близок к кульминационному моменту своего представления, ножи замерли в

воздухе и повисли над его ищущими пальцами, не опускаясь в них.

Затем из-за трона вышел хмурый человек со свирепым взглядом - Доминин Барьязид, третий сын Короля Снов - широко шагая, направился к Валентину и легким презрительным движением смахнул с воздуха звездный огонь из ножей, собрав их в свою мантию.

Король Снов насмешливо улыбнулся.

- Вы превосходный жонглер, Лорд Валентин. Наконец-то вы нашли свое истинное призвание.

- Я - Коронал Маджипура,- ответил Валентин.

- БЫЛИ Короналом. А сейчас вы бродяга и не можете быть никем другим.

- Ленивый,- сказал Минакс.

- Трусливый и праздный,- продолжил Кристоф.

- Уклоняющийся от своего долга,- закончил Доминин.

- Вы лишились своего места,- сказал Король Снов.- Так что идите и жонглируйте, жонглер Валентин. Идите, лентяй. Идите, бродяга.

- Я - Коронал Маджипура,- твердо повторил Валентин.

- Больше нет,- сказал Король Снов. Он коснулся руками диадемы на своем лбу, и Валентин зашатался, словно земля расступилась у него под

ногами. Когда он снова поднял взгляд, то увидел, что Доминин Барьязид одет теперь в зеленый камзол и горностаевую мантию Коронала. Лицо и тело его изменились и стали лицом и телом Лорда Валентина, а из жонглерских ножей, которые он забрал у Валентина, образовалась корона, которую его отец, Симонан Барьязид, возложил на его голову.

- Видишь?! - крикнул Король Снов.- Власть ушла к достойному! Иди, жонглер! Иди!

Валентин побежал в багряную пустыню и увидел бешеный круговорот песчаной бури, мчавшейся к нему с юга, он попытался ускользнуть, но буря шла к нему уже со всех направлений.

Он закричал:

- Я - Лорд Валентин, Коронал Маджипура! - но его голос потерялся в реве ветра, а на зубах заскрипел песок. Он крикнул: - Это измена, захват власти! - но крик унесло в сторону. Валентин взглянул на дворец Короля Снов, но его уже не было видно, и огромное всепоглощающее чувство потери овладело им.

А потом он проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом с ним, а комнату освещали бледные лучи рассвета. Хотя это был чудовищный сон, послание зловещее и

грозное, он чувствовал себя вполне уравновешенно. До сих пор он пытался отрицать правду, но теперь это стало невозможным, каким бы странным и фантастичным это ни казалось. В другом теле он был Короналом Маджипура, и вот это тело вместе с личностью кем-то похищены у него. Могло ли такое случиться? Сон такой мощности невозможно было ни забыть, ни проигнорировать. Валентин попробовал заглянуть в глубинные слои своего разума, пытаясь приподнять завесу и вспомнить церемонии на Горе, виденную мельком королевскую пышность, вкус ответственности, но ничего не получилось. Вообще ничего. Он был жонглером и не мог вспомнить ни одного эпизода своей жизни до прихода в Пидруид. Как будто он родился на склоне горы, за мгновение до того, как пастух Шанамир наткнулся на него, родился с деньгами в кошельке, фляжкой хорошего вина на бедре и фальшивыми воспоминаниями в памяти.

Но если все это правда и он был Короналом? Неужели это так? Что ж, тогда он должен идти вперед, свергнуть тирана и вернуть себе свое законное положение. Это должно быть его обязанностью, но думать так казалось ему абсурдом. От этих мыслей у него пересохло горло, а сердце в

груди заколотилось как сумасшедшее. Свергнуть этого черноволосого мужчину, который с помпой проехал по Пидруиду? Как это можно сделать? Как хотя бы просто приблизиться к Короналу? Правда, однажды это было сделано, но где гарантия, что это можно сделать снова, к тому же бродячему жонглеру, который совершенно не верит в вероятность этого? Кроме того, Валентин чувствовал, что у него не хватит способностей для управления страной.

Если он действительно был Короналом, его, должно быть, долго учили на Замковой Горе, как пользоваться своей властью, но сейчас от того обучения не осталось и следа. Как может он стать монархом, не имея даже понятия о том, чем тот занимается?

А еще... еще...

Валентин взглянул на Карабеллу. Она не спала: глаза ее были широко открыты и она молча смотрела на него. Страх все еще не покинул ее, но это было уже не так ужасно.

- Что вы будете делать, лорд? - спросила она.

- Зови меня, как и прежде, Валентином.

- Если вы мне прикажете...

- Значит, я приказываю,- сказал он.

- Скажите, Валентин, что вы будете делать?

- Путешествовать со скандарами,- ответил он.- Продолжать жонглировать, чтобы до конца постичь это искусство, и смотреть свои сны. Я буду выжидать и стараться понять. Что еще я могу сделать, Карабелла? - Он мягко положил свою руку на ее, и на мгновение она сжалась от прикосновения, но потом это прошло, и она положила другую руку поверх его. Валентин улыбнулся.- Что еще я могу сделать, Карабелла?

Книга метаморфов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА МЕТАМОРФОВ

1

Город хайрогов Дулорн был архитектурным чудом, городом холодного блеска, который простирался на двести миль в сердце огромного Дулорнского Рифта. Даже занимая такую обширную площадь, город упрямо тянулся, ввысь: сверкающие башни причудливой формы устремлялись вверх, подобно огромным острым клыкам, растущим из земли. Единственным строительным материалом в городе был естественный камень - светлый, воздушный кальцит с высокой

отражательной способностью, который сверкал не хуже алмазов. Дулорнцы придавали ему форму остроконечных высоко поднятых структур и украшали им балюстрады и балконы, огромные великолепные опоры с парившими высоко вверху консолями, сталактиты и сталагмиты со сверкающими гранями, кружевные мосты, перекинутые над улицами, колоннады, купола и пагоды. Труппа жонглеров Залзана Кавола подъехала к городу с запада почти ровно в пол- День, когда солнце высоко висело прямо впереди и казалось, что вокруг башен лляшут языки белого пламени. Валентин от восторга затаил дыхание. Что за удивительное место! Какая изумительная легкость форм!

Четырнадцать миллионов жителей Дулорна делали его одним из крупных городов Маджипура. Валентин слышал, что на Алханроеле города такого размера не представляли ничего особенного, и даже здесь, на Цимроеле, многие могли бы поспорить с ним и даже превзойти. Однако, наверняка, не было другого города такой красоты, подумал он. Дулорн был холоден и горяч одновременно. Его сверкающие шпили требовали непрерывного внимания, подобно холодной, непреодолимой музыке, подобно звукам органа,

несущимся через темноту космоса.

- Здесь для нас нет гостиницы! - весело воскликнула Карабелла.- Мы будем жить в отеле, с чистыми и мягкими подушками!

- Неужели Залзан Кавол будет настолько щедр? - спросил Валентин.

- Щедр? - засмеялась Карабелла.- У него не будет выбора. Дулорн предлагает только первоклассное жилье. Если мы остановимся здесь, то будем спать либо на улице, либо как герцоги, середины не будет.

- Как герцоги,- повторил Валентин.- А почему бы и нет?

Утром, перед отъездом из гостиницы, он заставил Карабеллу поклясться, что никогда и никому она не расскажет о событиях последней ночи. Ни Слиту, ни Залзану Каволу, ни даже толкователю снов. Он потребовал от нее клятвы именем Леди, Понтифекса и Коронала. Более того, он заставил ее вести себя с ним так, будто он всегда был и всю оставшуюся жизнь будет просто Валентином, странствующим жонглером. Добиваясь такой клятвы, Валентин говорил с силой и величием настоящего Коронала, так что бедная Карабелла, стоя на коленях, так тряслась от страха, будто он действительно носил корону. При этом он чув-

ствовал себя мошенником, считая, что странные сны нисколько не повысили его величия. Однако забыть о них было нелегко и предупреждения следовало хранить в тайне. С Аутифона Делиамбра он тоже стребовал клятву, удивляясь при этом, что доверяет вроону и колдуну, но голос Делиамбра был так искренен, когда он клялся хранить его секрет...

- Кто еще знает об этом? - спросил Делиамбр.

- Только Карабелла. Но я связал ее обещанием.

- Вы ничего не говорили хьорту?

- Виноркису? Ни слова. А почему вы спрашиваете?

- Он слишком внимательно смотрит за вами и задает много вопросов. Мне это не нравится.

Валентин пожал плечами.

- Хьортов очень легко не любить. Но чего вы боитесь?

- Он слишком хорошо закрывает свой мозг и остается темным для меня. Держитесь от него подальше, Валентин, или он доставит вам неприятности.

Жонглеры вошли в город и по широкой сверкающей улице направились к отелю, ведомые Делиамбром, в памяти которого, казалось, были запечатлены картины любого уголка Маджи-

пура. Фургон остановился перед великолепной высокой башней фантастической архитектуры, с минаретами, сводчатыми арками и сверкающими восьмиугольными окнами. Выйдя из фургона, Валентин замер, в страхе глядя на нее.

- Вы выглядите так, будто вас ударили дубиной по голове,- грубовато сказал Залзан Кавол.- Никогда прежде не видели Дулорна?

Валентин неопределенно махнул рукой. В его памяти не было ничего об этом городе, но кто, однажды увидев, может забыть такое?

Однако вопрос требовал ответа, и он просто сказал:

- Есть ли что-нибудь более величественное на всем Маджипуре?

- Да,- ответил гигант-скандар.- Миска горячего супа. Кружка крепкого вина. Шипенье жаркого на открытом огне. Вы не будете есть прекрасную архитектуру. Для умирающего от голода вся Замковая Гора не стоит черствой корки.

Залзан Кавол поднял свой багаж и, широко шагая, направился в отель. Смущенный Валентин сказал ему вслед:

- Но я говорил только о красоте города!

Телкар, самый молчаливый из скандаров, заметил:

- Залзан Кавол восхищен Дулорном больше, чем вы можете себе представить, но он никогда не признает этого.

- Он признает восхищение только Пилиплоком, городом, где он родился,- добавил Гибор Хаерн.- Он считает предательством говорить хорошо о чем-либо еще.

- Т-с-с! - прошипел Эрфон Кавол.- Он идет!

Их старший брат вновь появился в двери отеля.

- Ну? - буркнул он.- Почему вы стоите здесь? Репетиция через полчаса! - Его желтые глаза горели, как улесных зверей. Он что-то проворчал, угрожающе сжал свои четыре кулака и снова исчез.

Странное существо, подумал Валентин. Он подозревал, что где-то глубоко под этой косматой шкурой скрывается личность вежливая и даже добрая, но Залзан Кавол изо всех сил старался скрыть это.

Жонглеры были включены в представление в Бесконечном Цирке Дулорна, муниципальном веселье, которое продолжалось целый год. Хайроги, преобладавшие в этом городе и прилегающих районах, спали не по ночам, а сезонно, два или три месяца подряд, обычно зимой, а проснувшись, без конца требовали развлечений.

По словам Делиамбра, они платили хорошо, и в этой части Маджипура всегда был спрос на странствующих артистов.

Когда труппа собралась на послеполуденную репетицию, Залзан Кавол объявил, что сегодня им предстоит выступать между четырьмя и шестью часами утра.

Валентина это вовсе не обрадовало. После вчерашних ночных откровений он надеялся получить сегодня руководство к действию, но на что можно рассчитывать, если он проведет самые плодотворные часы ночи на сцене?

- Мы можем поспать раньше,- заметила Карабелла.- Сны приходят в любое время. Или вы надеетесь на послание?

Это было дерзкое замечание от того, кто еще недавно дрожал от страха перед ним. Валентин улыбнулся, давая понять, что не обиделся - он разглядел сомнения, таившиеся под ее насмешкой - и сказал:

- Я могу вообще не заснуть, зная, что должен встать так рано.

- Пусть Делиамбр поможет вам,- предложила девушка.

- Я предпочитаю найти собственную тропу в сон,- сказал Валентин.

Этим он и занялся после репетиции и ужина, состоявшего из вяленой говядины и холодного голубого вина. В своей комнате, прежде чем лечь в постель - прохладные гладкие простыни, как и говорила Карабелла,- он устремил свой дух к Леди Острова, умоляя отправить ему послание. Это было вполне допустимо и часто делалось, но не часто помогало. Леди была именно тем, чья помощь требовалась Валентину сейчас. Если он действительно свергнутый Коронал, то она - его родная мать и может подтвердить это и указать направление дальнейших поисков.

Засыпая, он пытался наглядно представить Леди и ее Остров, достичь ее через разделявшие их тысячи миль, однако ему мешала пустота в памяти. Вероятно, каждый взрослый маджипурец знал характерные черты Леди и географию Острова так же хорошо, как лицо своей матери и окрестности своего города, но искалеченная память Валентина зияла пустотой, которую он пытался заполнить своим воображением. Как она выглядела той ночью в фейерверке над Пидруидом? Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо, а остальное? Допустим, волосы черные и блестящие, черные, как у ее сыновей Лорда Валентина и умершего Лорда

Вориакса. Глаза карие, теплые, настороженные. Губы полные, щеки с ямочками, в углах глаз - сетка морщин. Величавая, крепкая женщина прогуливается по саду буйных кустов - желтых танигалов, камелий, элдиронов, багряных твалов - и все вокруг бурлит жизнью. Она останавливается сорвать цветок, закрепляет его в волосах и движется дальше, по белым мраморным плитам, которые тянутся между кустами, пока не доходит до широкого каменного патио на склоне холма, на котором она живет, и смотрит вниз, на террасы, широким изгибом спускающиеся к морю. Потом она смотрит на восток, к Цимроелю, закрывает глаза, думает о своем изгнаннике-сыне, собирается с силами и отправляет послание, чтобы вдохнуть надежду и храбрость в душу Валентина...

В этом месте Валентин погрузился в глубокий сон. И действительно, Леди пришла к нему. Однако он встретил ее не на склоне холма, а в каком-то пустом городе в пустыне, среди разрушенных колонн и разбитых вдребезги алтарей. Они шли друг к другу с разных сторон полуразрушенного форума, в призрачном лунном свете. Ее лицо было закрыто, и она отвернула его от Валентина. Он узнал тяжелые кольца ее темных волос, аро-

мат кремовых элдиронов и понял, что находится перед Леди Острова, но ему хотелось ее улыбки, которая согрела бы это мрачное место, он хотел утешения ее нежных глаз, а видел только покрывало, плечи и голову.

- Мать? - неуверенно спросил он.- Мать, это я, Валентин. Ты не узнала меня? Взгляни на меня, мать!

Подобно призраку, она прошла мимо него, скользнула между двумя разрушенными колоннами, расписанными сценами подвигов великих Короналов, и исчезла.

- Мать! - крикнул он.

И тут сон кончился. Валентин хотел было вернуться в него, но не смог. Окончательно проснувшись, он лежал, глядя в темноту, снова видя эту закутанную фигуру и пытаясь понять ее значение. Она не узнала его. Неужели он так изменился, что даже родная мать не может понять, кто скрывается в этом теле? Или он никогда не был ее сыном и она просто не могла узнать его? Ответов не было. Если душа темноволосого Лорда Валентина и помещена в тело Валентина, Леди Острова не дала ему никакого знака, и он был так же далек от понимания, как тогда, когда закрывал свои глаза.

«Куда я лезу, подумал он, в какие невероятные размышления, в какое сумасшествие!»

Сон снова сморил его, но, как ему показалось, через минуту чья-то рука коснулась его плеча и кто-то тряс его, пока он неохотно не вернулся в реальный мир. Карабелла...

- Два часа ночи,- сказала она.- Залзан Кавол ждет нас в фургоне через полчаса. Вы спали?

- Пытался. А ты?

- Даже не ложилась,- ответила она.- Это безопаснее. В некоторые ночи лучше не спать.- Когда Валентин начал одеваться, она робко улыбнулась.- Можно я приду к вам снова, Валентин?

- Тебе это понравилось?

- Я поклялась вести себя с вами так, как вела до того, как узнала... О, Валентин, это было так страшно! Но теперь... вы позволите составить вам компанию? Завтра ночью?

- А что если я Коронал?

- Пожалуйста, не задавайте таких вопросов.

- И все-таки?

- Вы приказали мне называть вас Валентином и относиться к вам как к Валентину. Так я и буду делать, если позволите.

- Ты веришь, что я Коронал?

- Да,- прошептала она.

- И это больше не пугает тебя?

- Немного. Вы так добры ко мне.

- Хорошо.

- Я весь день думала об этом. И я поклялась вам всеми Владыками, что буду думать о вас как о Валентине.- Она улыбнулась.- Я поклялась Короналу, что притворюсь, будто он не Коронал, и потому должна вести себя осторожно: называть вас Валентином, не показывать, что боюсь вас, и вообще вести себя так, будто ничего не случилось. Так я приду к вам завтра ночью?

- Да.

- Я люблю вас, Валентин.

Он привлек ее к себе.

- Спасибо, что преодолела свой страх. Я люблю тебя, Карабелла.

- Залзан Кавол разозлится, если мы опоздаем,- сказала она.

2

Бесконечный Цирк Дулорна был полной противоположностью наиболее типичной архитектуре города: огромное, плоское, безо всяких украшений здание, идеально круглое, примерно девяносто футов в высоту, стояло на пустыре в восточной части города. Огромное пространство в центре было отведено под устрашающих размеров сцену, а вокруг тянулись места для зрителей, концентрическими кругами поднимавшиеся к самой крыше.

Это место могло вместить тысячи, может, даже сотни тысяч, и Валентин был потрясен, увидев его почти полностью заполненным в середине ночи. Разглядеть самые дальние ряды было трудновато, но он вполне мог представить огромное количество зрителей, сидевших и лежавших на своих местах. Почти все были хайрогами, хотя встречались и редкие в это время хьорты, врооны и люди. На Маджипуре не было мест, полностью населенных одной какой-то расой - древние декреты правительства, восходящие ко временам нечеловеческих поселений, запрещали такие концентрации, за исключением резерваций

метаморфов, но хайроги жили кланами и стремились собираться вместе в самом Дулорне и вокруг него. Теплокровные и млекопитающие, они имели несомненные признаки рептилий, делавшие их неприятными для большинства других рас: быстрые, раздвоенные красные языки, серые чешуйчатые шкуры и холодные зеленые немигающие глаза. Волосы росли у них черными медузообразными прядями, которые завивались кольцами, а их запах, сладковатый и едкий одновременно, был неприятен для не принадлежащих к их расе.

Двигаясь с труппой к сцене, Валентин был довольно рассеян. Время было выбрано неудачное: в этот период его активность была минимальна и ему не хотелось ничем заниматься сейчас. Кроме того, его давила тяжесть странного сна. Что значил этот отказ Леди, эта невозможность связаться с ней? Когда он был просто жонглером Валентином, смысл этого не имел для него особого значения, его занимало лишь повышение своего мастерства. Но сейчас эти двусмысленные и беспокойные откровения обрушились на него, заставив задуматься о своей судьбе и дальнейших поступках. Все это ему не нравилось, и он уже испытывал ностальгическую печаль по добрым

старым временам, когда в счастливом неведении явился в Пидруид.

Однако скоро эти мысли покинули его: под свирепыми взглядами прожекторов не было времени думать о чем- либо, кроме своей работы.

Сцена была колоссальной, и одновременно на ней происходило очень многое. Колдуны-врооны манипулировали летающими цветными огнями, клубами зеленого и красного дыма; дрессировщик животных работал с дюжиной толстых змей, стоявших на хвостах; группа сверкающих танцоров с гротескно истощенными телами прыгала по сцене, рассыпая вокруг яркие блики от многогранных серебряных зеркал; несколько маленьких оркестров, размещенных в разных частях сцены, играли на оловянных и деревянных инструментах. Были там и акробат с одним пальцем на руке, и женщина-канатоходка, и левитатор, и трио стеклодувов, возводивших вокруг себя стеклянную клетку, и группа клоунов-берсеркеров, и еще многое, чего Валентин просто не успел рассмотреть. Зрители, сидевшие или лежавшие в полутьме, имели не так уж много времени, чтобы разглядывать все это - как вскоре понял Валентин, гигантская сцена медленно двигалась, вращаясь на скрытых подшипниках,

и в течение часа или двух делала полный оборот, представляя каждую выступающую группу каждой части аудитории.

- Все это плавает в бассейне ртути,- прошептал Слит.- За этот металл можно купить три провинции.

Перед лицом такой конкуренции в глазах зрителей жонглерам пришлось показывать самые эффектные трюки, а это значило, что новичок Валентин почти исключался из представления, лишь изредка подавая другим ножи или факелы. Карабелла танцевала на вершине серебристой сферы в два фута диаметром, катавшейся неправильными кругами, и жонглировала пятью шарами, горевшими ярко-зеленым светом. Слит забрался на ходули, став при этом выше скандаров - крошечная фигурка высоко вверху, хладнокровно перебрасывающая из руки в руку три огромных, в красно-черные крапинки яйца молекахена, которые он принес вечером с рынка. Если бы он уронил яйца такого размера и веса, шлепок был бы очень заметен, а унижение огромно, но с тех пор как Валентин узнал его, Слит не уронил ничего, и в ту ночь яйца остались целы. Что касается шести скандаров, то они встали в виде звезды спиной друг к другу и жонглировали

горящими факелами, бросая их назад через плечо. Этот обмен факелами происходил с удивительной точностью, траектории летящих факелов были рассчитаны безошибочно, и ни один волосок на шкурах скандаров не был опален.

Сцена вращалась круг за кругом, и представление продолжалось полчаса с пятиминутным отдыхом в центре, где собирались сотни незанятых артистов. Валентину хотелось сделать что-нибудь более значительное, чем его элементарное жонглирование, но Залзан Кавол запретил ему это: он еще не готов, сказал скандар, хотя для новичка достиг превосходных успехов.

Только утром труппе позволили покинуть сцену. Оплата здесь была почасовая и выдавалась молчаливым хайрогом, сидевшим в киоске под трибунами. Некоторые выступления продолжались всего несколько минут, а потом выражение всеобщего презрения изгоняло артистов, но Залзан Кавол и его труппа, которым гарантировали два часа работы, оставалась на сцене четыре. Они могли бы пробыть там и пять, если бы братья Залзана Кавола, собравшись вокруг него, не убедили его закончить.

- Его жадность просто удивительна,- тихо сказала Карабелла.- Сколько, он думает, можно бросать

эти факелы, пока один не выскользнет? Даже скандары и те устают.

- Ну, сам-то он не кажется уставшим,- сказал Валентин.

- Да, он, может быть, и жонглирующая машина, но его братья - простые смертные. Я рада, что они набрались смелости остановиться.- Она улыбнулась.- Я и сама достаточно устала.

Выступление жонглеров было таким удачным, что их наняли еще на четыре дополнительных дня. Настроение У Залзана Кавола поднялось - хайроги придавали своим развлечениям большое значение - и он обещал каждому премию в пять крон.

Все хорошо, подумал Валентин. Однако ему не захотелось долго оставаться среди хайрогов, и после второго дня выступлений он начал проявлять нетерпение.

- Вы хотите двигаться дальше,- сказал Дели-амбр. Это было утверждение, а не вопрос.

Валентин кивнул.

- Мне хочется знать дорогу, которая ждет нас впереди.

- К Острову?

- Зачем вы вообще говорите с людьми? - спросил Валентин.- Ведь вы все ясно видите в их головах.

- На этот раз я не заглядывал в ваш разум. Это и так достаточно ясно.

- Да, идти к Леди. Кто еще может сказать мне, кто я такой на самом деле?

- У вас еще есть сомнения? - спросил Делиамбр.

- У меня нет доказательств, кроме снов.

- Которые говорят правду.

- Да,- сказал Валентин,- но сны могут быть иносказательными, метафоричными или фантастическими. Глупо понимать их буквально, без подтверждения, и я надеюсь, что Леди может дать его. Как далеко отсюда до Острова, колдун?

Делиамбр на мгновение закрыл свои большие золотистые глаза.

- Тысячи миль,- сказал он.- Нужно идти на восток через Кинтор или Велатис, обойти территорию метаморфов, а затем спуститься по реке от Ни-мойи до Пилиплока, откуда суда паломников уходят к Острову.

- И сколько времени это потребует?

- Чтобы достичь Пилиплока? С нашей теперешней скоростью - около пятидесяти лет. Странствовать с этими жонглерами, останавливаться тут и там на неделю или больше...

- А если я покину труппу и пойду один?

- Тогда месяцев шесть. Если бы мы имели воз-

душные корабли, которые делают в других мирах, добраться до Пилиплока было бы делом одного-двух дней, но нам на Маджипуре приходится обходиться без многих изобретений, которыми пользуются другие народы.

- Шесть месяцев? - Валентин нахмурился.- А во что обойдется наем экипажа и проводника?

- Двадцать роялов. Вам нужно очень долго жонглировать, чтобы заработать столько.

- Ну, хорошо,- сказал Валентин,- а что делать, добравшись до Пилиплока?

- Плыть на Остров. Это путешествие длится недели.

Достигнув Острова, вы получите жилье на нижней террасе и начнете подъем.

- Подъем?

- Молитвы, очищение и посвящение. Так вы будете двигаться с террасы на террасу, пока не достигнете Террасы Поклонения, являющейся порогом Внутреннего Храма. Я вижу, вы ничего не знаете об этом?

- С моей памятью что-то сделали, Делиамбр.

- Да, конечно.

- А что во Внутреннем Храме?

- Вы будете служить Леди и, если захотите встретиться с ней, то подвергнетесь специаль-

ным обрядам и будете ждать вызывающего сна.

- А сколько длится весь этот процесс? - смущенно спросил Валентин.- Террасы, посвящение, прислужничество, вызывающий сон?

- По-разному. Иногда пять лет, иногда десять. А может, всю жизнь. У Леди нет времени встречаться с каждым паломником.

- И нет другого способа получить аудиенцию?

Делиамбр издал кашляющий звук, заменяющий у него смех.

- Какого? Стучать в дверь храма, кричать, что вы ее измененный сын, и требовать, чтобы вас впустили?

- Почему бы и нет?

- Потому,- сказал Делиамбр,- что внешние террасы Острова служат фильтрами, предупреждающими такие вещи. Вообще, до Леди добраться нелегко и это займет годы.

- Я знаю способ.- Валентин взглянул на маленького колдуна.- Я могу достигнуть ее разума, если буду на Острове. Я буду кричать ей, буду убеждать ее вызвать меня. Может, и получится.

- Может быть.

- С вашей помощью это можно сделать.

- Этого я и боялся,- сухо сказал Делиамбр.

- Вы же можете отправлять послания. Вы може-

те достигнуть если не самое Леди, то кого-нибудь близкого к ней. Шаг за шагом, подтягивая себя все ближе, можно сократить бесконечный процесс движения по террасам...

- Пожалуй, это можно сделать,- сказал Делиамбр.- Но уверены ли вы, что я захочу отправиться вместе с вами?

Валентин долго молчал, глядя на вроона.

- Я уверен в этом,- сказал он наконец.- Вы изображаете нежелание, но именно вы подсовываете мне новые мысли, вынуждая двигаться к Острову. И чтобы вы были рядом. Я прав, а, Делиамбр? Вы еще более нетерпеливы, чем я сам.

- О! - сказал колдун.- Это все же случилось.

- Я прав? - повторил Валентин.

- Если вы решили идти на Остров, Валентин, я буду рядом с Вами. Но решили ли вы?

- Почти.

- Вашему решению не хватает силы,- сказал Делиамбр.

- Тысячи миль... Годы ожидания... Труды и интриги... Почему я хочу сделать это, Делиамбр?

- Потому, что вы Коронал и должны занять свое место.

- Первое, может, и правда, хотя я сомневаюсь в этом, а второе вообще под вопросом.

Делиамбр хитро взглянул на него.

- Вы согласны жить под властью узурпатора?

- Но что для меня Коронал и его правление? Он живет на другом конце мира, а я всего лишь бродячий жонглер.- Валентин вытянул пальцы вперед и смотрел на них так, будто впервые увидел свои руки.- Я могу сберечь себе много сил, если останусь с Залзаном Каволом и позволю другому человеку, кто бы он ни был, остаться на троне. Что, если он мудрый и справедливый узурпатор? Какая польза Маджипуру, если я прогоню его и сяду на его место? Делиамбр, Делиамбр, разве, говоря такое, я поступаю как король? Где мое страстное желание власти? Как я могу быть правителем, если меня не волнует происходящее?

- Вы уже говорили об этом: ваш дух, как и ваше лицо, подвергся изменению.

- Может быть, моя королевская натура, если и была когда-то, ушла безвозвратно? Это страстное желание власти...

- Вы уже дважды произнесли эту фразу,- сказал Делиамбр.- Одного желания тут мало. Настоящий король не стремится к власти, а ответственность стремится к нему и всецело овладевает им. Этот Коронал еще новый человек, он сделал очень мало, но устраивает пышные шествия, и люди уже

ворчат по поводу его первых декретов. Вы говорите, что он может быть мудрым и справедливым, но как может быть справедливым узурпатор? Он преступник, Валентин, и правит с чувством вины и страхом, терзающим его во сне. Со временем эти страхи отравят его, и он станет тираном. Неужели вы сомневаетесь в этом? Он будет устранять каждого угрожающего ему, если понадобится, будет даже убивать. Яд, разошедшийся по его жилам, будет влиять на жизнь всей планеты, воздействовать на каждого гражданина. А вы, сидя здесь и глядя на свои пальцы, не видите своей ответственности? Как вы можете говорить: СБЕРЕЧЬ СЕБЕ МНОГО СИЛ? Как будто неважно, кто является королем! Нет, это очень важный вопрос, лорд, вы были выбраны и обучены для этого, и лотереи здесь никакой не было. Или вы верите, что Короналом может стать каждый?

- Да. Это случайный дар судьбы.

Делиамбр хрипло рассмеялся.

- Возможно, так было девять тысяч лет назад. Это династия, лорд.

- Приемная династия?

- Точно. Со времен Лорда Ариока, а может, даже раньше. Короналов выбирали среди небольшой группы семейств, не более чем из сотни кланов, и

все они жили на Замковой Горе и участвовали в управлении. Очередной Коронал уже обучается, хотя знают это только он и несколько советников и два или три дублера, которые тоже должны быть выбраны. Но сейчас линия прервана, в нее вклинился пришелец, и это не принесет ничего, кроме зла.

- А что, если узурпатор просто наследник, которому надоело ждать?

- Нет,- сказал Делиамбр.- Это немыслимо. Никто, подготовленный в Короналы, не смог бы свергнуть законного, освященного принца. Кроме того, почему претендент стал Лордом Валентином, а не кем-то другим?

- И почему же?

- Да потому, что нынешний обитатель Замковой Горы никогда не получал права находиться там и должен быть изгнан прочь, а единственный, кто может сделать это - вы.

Валентин вздохнул.

- Вы требуете слишком многого.

- Этого требую не я, а история,- сказал Делиамбр.- История требует сделать выбор между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между причинами и их отсутствием. И силы порядка и созидания всегда фокусировались

на одном лидере: короле, президенте, председателе, первом министре, генералиссимусе (можете выбрать любое слово), короче говоря, монархе. Здесь это Коронал или, точнее говоря, Коронал, правящий от имени Понтифекса, бывшего когда-то Короналом, и потому, лорд, очень важно, кто является Короналом, а кто - нет.

- Да,- сказал Валентин.- Вероятно.

- Вы будете долго колебаться между этими ДА и ВЕРОЯТНО,-сказал Делиамбр,- но в конце концов ДА победит и вы отправитесь в паломничество на Остров, а потом, с благословения Леди, доберетесь до Замковой Горы и займете свое настоящее место.

- Ваши слова пугают меня. Даже если я мог управлять, даже если меня учили этому, все эти вещи исчезли из моей памяти.

- Страх уйдет, и ваша память снова вернется к вам.

- Но время идет, а мы сидим здесь, в Дулорне, развлекая хайрогов.

- Скоро это кончится, лорд,- сказал Делиамбр,- и мы отправимся на восток. Верьте этому.

Было что-то заразительное в этой самоуверенности Делиамбра, и на мгновение колебания и неуверенность покинули Валентина, но, ко-

гда колдун ушел, он снова вернулся в суровую действительность. Может, просто нанять пару маунтов и завтра вместе с Делиамбром отправиться в Пилиплок? А как быть с Карабеллой, занявшей вдруг в его жизни такое место? Бросить ее в Дулорне? А Шанамир? Мальчик был привязан к Валентину, а не к скандарам, и его нельзя оставлять. Сколько может стоить путешествие вчетвером через огромный Цимроель - еда, жилье, перевозки, потом паломничество на Остров и расходы на нем, пока он получит доступ к Леди? Аутифон Делиамбр полагал, что путешествие в Пилиплок обойдется в двадцать роялов для одного, значит, для четверых или даже пятерых, если Слит присоединится к ним, это составит сто роялов или даже больше. Скажем, сто пятьдесят роялов до самой нижней террасы Острова. Валентин порылся в кошельке. Когда он обнаружил себя на горе перед Пидруидом, у него было более шестидесяти роялов плюс роял или два, которые он заработал с труппой. Мало, слишком мало. Он знал, что у Карабеллы почти нет денег, Шанамир вернул своей семье сто шестьдесят роялов, полученных за проданных маунтов, а Делиамбр, если и имел какие-то ценности, был связан контрактом с группой вспыльчивых скандаров.

Что же делать? Оставалось только ждать, планировать и надеяться, что Залзан Кавол выберет путь на восток. Оставалось копить кроны, выполнять свои обязательства и ждать, пока придет время для ухода к Леди.

3

Через несколько дней после их отъезда из Дулорна Валентин отвел Залзана Кавола в сторону, чтобы поговорить с ним о направлении движения. Стоял теплый день позднего лета, и на восточном склоне Рифта, где они остановились для ленча, все было окутано пурпурным туманом. Низкие, холодные и влажные тучи цвета лаванды плыли по ветру, который постоянно дул вверху.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен этой погодой. Его серый мех, багряный от капелек тумана, слипся и висел сосульками, и скандар то и дело тер его, пытаясь вернуть ему естественный вид. Валентин понял, что сейчас не лучший момент для разговора, но было слишком поздно: отступление было отрезано.

Залзан Кавол глухо сказал:

- Кто из нас начальник труппы, Валентин?

- Несомненно, вы.

- Тогда почему вы пытаетесь управлять мною?

- Я?!

- В Пидруиде,- продолжал скандар,- вы предложили мне идти в Фалкинкип для спасения семейной чести вашего слуги. Кстати, именно вы

заставили меня принять в труппу этого пастуха, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Со всем этим я согласился, сам не знаю почему. Потом вы вмешались в мою ссору с врооном...

- Мое вмешательство пошло на пользу,- сказал Валентин,- и вы сами признали это.

- Но вмешательство само по себе непривычно для меня. Вы понимаете, что я абсолютный хозяин в этой труппе?

Валентин пожал плечами.

- Никто и не спорит с вами.

- Но вы понимаете это? Мои братья понимают. Они сознают, что тело может иметь только одну голову,- конечно, если это не тело су-сухериса, но мы сейчас говорим не о нем,- и здесь я являюсь этой головой, от меня идут все планы и инструкции, от меня одного.- Залзан Кавол мрачно улыбнулся.- По-вашему, это тирания? Нет, это просто действительность. У жонглеров никогда не будет демократии, Валентин. Одна голова придумывает номер, только одна, иначе начнется хаос. А сейчас, чего вы хотите от меня?

- Только узнать наш маршрут.

Скандар сказал с едва сдерживаемым гневом:

- Зачем вам это? Мы наняли вас, и вы идете туда, куда идем мы. Ваше любопытство неуместно.

- Это только кажется, что мне все равно. Некоторые маршруты устраивают меня больше, чем другие.

- Устраивают? Вас? У вас есть свои планы? Вы же говорили, что их нет!

- Сейчас появились.

- И что это за планы?

Валентин глубоко вздохнул.

- В конечном счете я хочу совершить паломничество на Остров и стать приверженцем Леди. Корабли паломников отплывают из Пилиплока, от которого нас отделяет весь Цимроель, и, если вам все равно, куда идти, я хочу предложить отправиться в Велатис или, может быть, в Тил-омон или Нарабал, вместо...

- Вы больше не служите у меня,- холодно сказал Залзан Кавол.

Валентин не понял.

- Что?

- Вы уволены. Мой брат Эрфон выдаст вам десять крон. Я хочу, чтобы через час вы покинули нас.

Валентин почувствовал, что краснеет.

- Это так неожиданно! Я просто спросил...

- Вы просто спросили! И в Пидруиде вы просто спросили, и в Фалкинкипе, и на следующей

неделе в Мазадоне вы тоже просто спросите. Вы разрушаете мое спокойствие, Валентин, и это перевешивает ваше значение как жонглера. Кроме того, вы ведете себя вероломно.

- Вероломно? К чему или к кому?

- Вы нанялись к нам, надеясь использовать нас как транспорт, чтобы добраться до Пилиплока. Ваши обязательства были просто лицемерием, и я считаю это предательством.

- Когда я нанимался к вам, в моей голове не было ничего, и я был готов ехать с труппой куда угодно. Но все изменилось, и у меня появилась причина совершить паломничество.

- Почему же вы допустили эти изменения? Где ваше чувство долга перед своими нанимателями и учителями?

- Разве это предательство считать, что есть дела более важные, чем завтрашнее представление? - спросил Валентин.

- Это-то и заставляет меня избавиться от вас,- сказал Залзан Кавол.- Я хочу, чтобы вы все время думали о жонглировании, а не о времени отплытия корабля паломников из Шкиниборской гавани.

- Но в этом нет ничего страшного. Когда я жонглирую - я жонглирую. Я уйду из труппы, когда

мы достигнем Пилиплока. Но пока...

- Довольно,- сказал Залзан Кавол.- Собирайтесь и уходите. Добирайтесь до Пилиплока сами и плывите на Остров. Я больше не нуждаюсь в вас.

Скандар выглядел вполне серьезным. Хмурый от пурпурного тумана, то и дело приглаживая свою мокрую шкуру, Залзан Кавол тяжело повернулся и пошел прочь. Валентин дрожал от напряжения и страха. Мысль уйти сейчас и добираться до Пилиплока одному ошеломила его. Он вдруг почувствовал себя частью этой труппы, членом тесно связанной упряжки и вовсе не хотел разлучаться с ними. По крайней мере, не прямо сейчас, пока он может оставаться с Карабеллой и Слитом и продолжать повышать мастерство своих рук, двигаясь на восток к своей странной судьбе.

- Подождите! - крикнул Валентин.- А как же закон?

Залзан Кавол свирепо взглянул на него через плечо.

- Какой закон?

- Который требует держать в вашей труппе трех людей,- сказал Валентин.

- Я возьму на ваше место мальчика-пастуха,- парировал Залзан Кавол,- и научу его чему смогу.

Валентин стоял ошеломленный. Его разговор с Залзаном Каволом проходил в роще маленьких растений с золотистыми листьями, которые, вероятно, были психочувствительны, потому что по ходу ссоры листочки начали скручиваться и сейчас почернели в радиусе десяти футов от него. Он коснулся одного. Он был ломкий и безжизненный, как будто обожженный, и Валентин почувствовал смущение, что стал причиной такого разрушения.

- Что случилось? - спросил Шанамир, неожиданно появляясь и удивленно глядя на скрученную листву.- Я слышал громкие голоса. Скандар...

- Он уволил меня,- рассеянно сказал Валентин,- потому что я спросил, куда мы поедем дальше, и сказал, что хочу совершить паломничество на Остров.

Шанамир уставился на него.

- Вы хотите совершить паломничество? Я ничего не знал!

- Это недавнее решение.

- Тогда,- воскликнул мальчик,- мы совершим его вместе! Идемте соберем свои вещи, уведем пару маунтов у этих скандаров и уедем!

- Ты хочешь этого?

- Конечно!

- До Пилиплока тысячи миль, а мы только вдвоем, никто не ведет нас и...

- Но почему бы и нет? - сказал Шанамир.- Смотрите: мы верхом доедем до Кинтора, оттуда на речном корабле в Ни-мойю, потом вниз по Цимру, к берегу континента, а в Пилиплоке сядем на корабль паломников... Что-то не так, Валентин?

- Я привязался к этим людям. У них я научился своему искусству. Я... я...- Валентин смущенно замолчал. Был ли он учеником жонглера или Короналом-изгнанником? Было ли его предназначением корпеть среди этих косматых скандаров или надлежало не теряя времени двигаться к Острову, а оттуда с помощью Леди - к Замковой Горе? Эти сомнения ставили его в тупик.

- Может, цена? - спросил Шанамир.- Это вас тревожит? В Пидруиде у вас было более пятидесяти роялов, и что-то из них должно было остаться. У меня тоже есть несколько крон. Если нам понадобится больше, вы сможете заработать, жонглируя на корабле, а я могу чистить животных или...

- Куда это вы собрались идти? - спросила Карабелла, появляясь из леса.- И что случилось с чувственниками? У вас какие-то неприятности?

Валентин кратко поведал ей о своем разговоре с Зал- заном Каволом.

Она выслушала его молча, прижав руку к губам, а когда он окончил, ни слова не говоря повернулась и бросилась туда, куда ушел скандар.

- Карабелла! - крикнул Валентин, но она уже исчезла из виду.

- Нужно идти,- сказал Шанамир.- Мы можем выехать через полчаса и до наступления ночи будем далеко отсюда. Давайте так: вы собираете наши вещи, а я беру двух маунтов, веду их вокруг и вниз по склону к маленькому озеру, которое мы миновали, когда поднимались сюда. Мы встречаемся у него, в роще капустных деревьев.- Шанамир нетерпеливо взмахнул руками.- Торопитесь! Я должен увести животных, пока поблизости нет скандаров, а они могут появиться в любую минуту!

Шанамир исчез в лесу, а Валентин остался стоять как парализованный. Уйти сейчас, так внезапно, не имея времени подготовиться к такому резкому повороту? А что с Карабеллой? Не сказать ей даже: до свидания? А Делиамбр? Слит? Он направился к фургону собирать свои вещи, но остановился в нерешительности, обрывая сухие листья с чувственников, как будто, удаляя их, мог заставить отрасти новые. Постепенно он заставил себя смотреть на происшедшее менее

мрачно. Это было почти благословением. Если он останется с жонглерами, это на месяцы или даже годы задержит постижение им реальности, наверняка скрытой в нем. И Карабелла может не быть частью этой реальности. Поэтому ему надлежало отбросить прочь свое потрясение и горе и отправляться в Пилиплок к судам паломников. Иди, сказал он себе, собирай свои вещи: Шанамир ждет с маунтами у капустных деревьев. И все-таки он не мог сдвинуться с места.

А потом перед ним появилась Карабелла. Лицо ее горело.

- Все улажено,- сказала она.- Я попросила Делиамбра поработать с ним. Помните, небольшой трюк с прикосновением щупальца? Он изменил свое мнение или, точнее, мы изменили его.

Валентина поразило чувство облегчения, которое он испытал при этом.

- Я могу остаться?

- Если пойдете к нему и попросите прощения.

- Прощения за что?

Карабелла улыбнулась.

- Это не имеет значения. Он обиделся на вас, Бог знает почему! Скажем, его мех промок, а нос замерз - кто знает это точно? Он скандар, Валентин, у него свои понятия о добре и зле. Нельзя требо-

вать, чтобы он думал, как человек. Вы разозлили его, и он уволил вас. Попросите взять вас обратно, и он сделает это. Идите к нему сейчас. Идите!

- Но... но...

- Но что? Теперь вы становитесь в позу? Вы хотите, чтобы вас взяли обратно, или нет?

- Конечно, да.

- Тогда идем,- сказала Карабелла. Она схватила его за руку и потянула за собой.- Ну, пожалуйста,- мягко попросила она.- Пожалуйста, идите к нему, Валентин. Если вы покинете труппу, я тоже покину ее, а мне этого не хочется. Идите. Пожалуйста...

- Хорошо,- сказал Валентин, и она повела его за собой, через топкую, смоченную туманом почву, к фургону. Залзан Кавол мрачно сидел на ступеньках, завернувшись в сырой плащ. Валентин подошел к нему и прямо сказал:

- Я не хотел разгневать вас и прошу у вас прощения.

Залзан Кавол издал низкий ворчливый звук, почти за порогом слышимости.

- Вы причиняете мне одни неприятности,- сказал он,- но я почему-то готов простить вас. С сегодняшнего дня вы не будете говорить со мной, если я не заговорю с вами первым. Вы поняли?

- Да, понял.

- Вы не будете вмешиваться в маршрут нашего движения.

- Понял,- сказал Валентин.

- Если вы снова выведете меня из себя, то будете уволены без выходного пособия и через десять минут должны будете исчезнуть с моих глаз, даже если мы будем в резервации метаморфов и ночь будет на подходе. Вы поняли?

- Понял,- сказал Валентин.

Он ждал, что сейчас от него потребуют поклонов, поцелуев волосатых пальцев скандара и других проявлений почтения. Карабелла стояла в стороне и затаив дыхание смотрела, как бы ожидая взрыва, который положит конец зрелищу Владыки Маджипура, выпрашивающего прощение у бродячего жонглера-скандара.

Залзан Кавол смотрел на Валентина презрительно, как мог бы смотреть на холодную рыбу, поданную ему на завтрак. Потом он кисло сказал:

- Я не требую, чтобы мои служащие знали то, что их не касается, но вам скажу, что Пилиплок - это мой родной город, время от времени я возвращаюсь туда и однажды хочу вернуться окончательно. Как скоро это произойдет,

зависит от обязательств, которые мне нужно выполнить тут и там, но знайте, что наш путь лежит в основном на восток, хотя могут быть и отклонения с этого направления, ибо мы должны зарабатывать себе на жизнь. Надеюсь, это удовлетворит вас. Когда мы достигнем Пилиплока, вы можете оставить труппу, если к тому времени не раздумаете плыть на Остров, но если кроме мальчика-пастуха вы уведете с собой еще кого-нибудь, я потребую судебного постановления против этого и буду преследовать вас судебным порядком. Вы поняли?

- Понял,- сказал Валентин, хотя и сомневался, что выполнит этот пункт требований скандара.

- И последнее,- сказал Залзан Кавол.- Я прошу вас помнить, что вам платят в неделю много крон плюс расходы и премии за выступления в нашей труппе. Если я замечу, что вы думаете о паломничестве к Леди, ее прислужниках или о чем-либо еще, когда жонглируете, я расторгну наше соглашение. Эти последние несколько дней вы были в недопустимо дурном настроении, Валентин. Больше это не должно повториться. Мне нужны три человека в труппе, но не обязательно те, кого я имею сейчас. Вы поняли?

- Понял,- сказал Валентин.

- Тогда идите.

Когда они отошли подальше, Карабелла спросила:

- Это было очень неприятно для вас?

- Я думаю, это было очень неприятно для Залзана Кавола.

- Он просто волосатое животное!

- Нет,- серьезно сказал Валентин.- Он чувствующее существо, равное нам по своему положению, и с ним нужно говорить соответственно. Он только выглядит как животное.- Валентин улыбнулся, и Карабелла улыбнулась ему в ответ, хотя и немного раздраженно. Потом он сказал: - Общаясь с людьми, чувствительными в вопросах чести и гордости, правильнее будет потворствовать их желаниям, особенно, если они восьми футов ростом и выплачивают вам жалованье.

- А паломничество? - спросила она.- Вы действительно хотите совершить его? Когда вы это решили?

- В Дулорне, после разговора с Делиамбром. Есть вопросы относительно моей личности, на которые я должен ответить, и если кто-нибудь может помочь мне, то только Леди Острова. Поэтому я пойду к ней или хотя бы попытаюсь. Но все это в далеком будущем, и я обещал Залзану

Каволу не думать о таких вещах.- Он взял ее за руку.- Спасибо вам, Карабелла, что помирили нас. Я еще не готов отделиться от труппы, и мне вовсе не хочется потерять вас, едва найдя.

- Почему вы думаете, что должны потерять меня, если скандар обещал позволить вам уйти? - спросила Карабелла.

Он улыбнулся.

- Спасибо вам и за это тоже. А сейчас я должен идти вниз, в рощу капустных деревьев, и сказать Шанамиру, чтобы он вернул маунтов, которых украл для нас.

4

Район между Дулорном и другим крупным городом - Мазадоной - был заселен относительно редко. По словам Делиамбра, большая его часть была королевским лесным заповедником. Это обеспокоило Залзана Кавола, боявшегося, что жонглеры не найдут работы в этих местах. Кроме того, ехать по болотистым полям, засеянным рисом, и плантациям саженцев лусавендра было не очень-то приятно, но выбора не было, и они продолжали двигаться по дороге среди лесов, тянувшихся и к северу, и к югу. Погода была сырая, с неба моросило, а они ехали мимо деревень, ферм и изредка встречавшихся густых рощ толстоствольных капустных деревьев - приземистых, с массивными белыми плодами, свисавшими прямо с коры. Однако по мере приближения к Мазадонскому Лесному Заповеднику капустные деревья сменились плотными чащами поющих папоротников, желтолистных и внешне стекловидных, которые издавали пронзительные звуки, когда к ним приближались. Это было бы не так страшно - немелодичные звуки папоротников имели некое грубоватое очарование, подумал

Валентин,- но чащи папоротников населяли надоедливые маленькие существа, гораздо более неприятные, чем растения: зубастые и крылатые грызуны, которых называли дхимсами и которые повисали в воздухе рядом с фургоном, стоило тому задеть за звучащее растение. Размером с мизинец, они были покрыты золотистым мехом и взлетали в таких количествах, что затмевали солнце. Негодующе киша вокруг, они время от времени кусались своими крошечными, но острыми зубами. Покрытые густым мехом скандары, сидевшие на переднем сиденье, не обращали на них внимания и только отмахивались, когда они подбирались слишком близко, но, обычно флегматичные, маунты сильно беспокоились и несколько раз даже отказывались идти дальше. Шанамир, вышедший, чтобы успокоить животных, получил полдюжины болезненных щипков, а когда бросился обратно в фургон, множество дхимсов пробрались туда вместе с ним. Слит получил опасный укус в щеку возле левого глаза, а Валентин, окруженный дюжинами приведенных в ярость существ, был искусан в обе руки. Карабелла методически уничтожала дхимсов стилетом, пронзая их с решимостью и большим мастерством, но все пережили отвратительные

полчаса, прежде чем последний из пришельцев был уничтожен.

За территорией дхимсов и поющих папоротников путешественники попали в район удивительного явления. Это был широкий открытый луг, на котором поднимались сотни черных гранитных игл, каждая в несколько футов шириной и около восьмидесяти футов высотой - природные обелиски, оставшиеся после каких-то непостижимых геологических событий. Для Валентина это было место удивительной красоты, для Залзана Кавола - еще одно место, мимо которого они быстро проезжали, направляясь к очередному фестивалю, где можно было найти работу, но для Аутифона Делиамбра это было еще что-то: местом, таящим возможную угрозу. Вроон наклонился вперед и долго смотрел через окно фургона на обелиски. Наконец он сказал Залзану Каволу:

- Остановитесь.

- Что такое?

- Я хочу кое-что проверить. Позвольте мне выйти.

Залзан Кавол что-то недовольно буркнул и дернул поводья. Делиамбр выбрался из фургона и заскользил на своих щупальцах к странным каменным образованиям. Потом он исчез из виду,

появился снова и продолжал двигаться зигзагами от одного шпиля к другому.

Вернулся он мрачный.

- Смотрите туда,- сказал он, указывая вверх.- Видите лозы, протянутые от одного камня к другому? А маленьких животных, ползущих по ним?

Валентин с большим трудом разглядел сеть тонких красных нитей, протянутых между шпилями в сорока или пятидесяти футах над землей, потом заметил полдюжины обезьяноподобных животных, движущихся от обелиска к обелиску, раскачиваясь на руках и ногах.

- Это похоже на ловчую сеть,- удивленно заметил Залзан Кавол.

- Так оно и есть,- сказал Делиамбр.

- Но почему они не путаются в ней? Вообще, что это за животные?

- Лесные братья,- ответил вроон.- Вы знаете о них.

- Нет. Расскажите мне.

- Они беспокоят меня. Это дикое племя живет в центре Цимроеля, но обычно не заходит так далеко на запад. Метаморфы охотятся на них ради пищи или, возможно, из спортивного интереса, я не вполне уверен. Они смышлены больше,

чем собаки и дроле, но меньше, чем цивилизованный народ. Их боги - деревья двикка, у них есть подобие племенной структуры, они знают, как пользоваться отравленными дротиками, и причиняют массу неудобств путникам. Их пот содержит энзимы, делающие их невосприимчивыми к клейкому веществу ловчих сетей, которые они используют.

- Если они будут досаждать нам,- сказал Залзан Кавол,- мы уничтожим их. Вперед!

Миновав луг с обелисками, они в тот день больше не видели лесных братьев, но на следующий Делиамбр снова заметил клочья ловчих сетей на вершинах деревьев, а через день после этого события путники, уже углубившиеся в лесной заповедник, подъехали к роще колоссальных деревьев. По словам колдуна-вроона, это и были двикка, священные для лесных братьев.

- Это объясняет их присутствие так далеко от территории метаморфов,- сказал Делиамбр.- Должно быть, эта стая пришла сюда выразить свое почтение этим деревьям.

Двикка были огромных размеров, и пять из них стояли в стороне, среди чистого поля. Их стволы, покрытые коричнево-красной корой, образовывавшей отчетливые чешуи с глубоки-

ми трещинами между ними, были в диаметре больше, чем длина фургона Залзана Кавола, и, хотя не очень высокие, они все же достигали ста или около того футов. Их могучие ветви, каждая со ствол обычного дерева, тянулись в стороны на такое расстояние, что под гигантской кроной дерева мог укрыться целый легион. На стеблях толщиной с бедро скандара висели листья, большие жесткие плоскости, тяжело свисавшие вниз и бросавшие непроницаемую тень. На каждой ветке висели два или три огромных желтоватых плода шарообразной формы, добрых двенадцати или пятнадцати футов в ширину. Один из них недавно упал с ближайшего дерева. Вероятно, день был тогда дождливый, земля мягкая, и сейчас он лежал в небольшом кратере, треснув пополам, так что в алой массе были видны крупные черные семена.

Валентин понял, почему эти деревья были богами лесных братьев. Это были растения-монархи, перед которыми он и сам вполне мог стать на колени.

- Их плоды вкусны,- сказал Делиамбр,- и действуют опьяняюще на людей и некоторые другие расы.

- А на скандаров? - спросил Залзан Кавол.

- На скандаров тоже.

Зализан Кавол засмеялся.

- Тогда мы попробуем их. Эрфон! Телкар! Соберите куски этого плода для нас!

Делиамбр нервно заметил:

- Лесные братья считают землю под каждым деревом священной. Они недавно были здесь и должны вернуться и, если они найдут нас оскверняющими рощу, они нападут, а их дротики могут убить.

- Слит, Карабелла, вы будете охранять нас слева! Валентин, Шанамир и Виноркис - справа. Кричите, если увидите хотя бы одну маленькую обезьяну.- Зализан Кавол махнул своим братьям и приказал: - Собирайте фрукты, а мы с Хаерном будем защищать вас отсюда. Колдун останется в нами.- Он снял с пирамиды два излучателя и дал один Хаерну.

Делиамбр неодобрительно буркнул:

- Они ходят, как призраки, и появляются из ниоткуда...

- Хватит! - оборвал его Зализан Кавол.

Валентин занял наблюдательный пункт в пятидесяти ярдах перед фургоном, настороженно глядя на темный, загадочный лес. В любую секунду можно было ждать смертоносного дротика,

летящего к нему. Это было очень неприятное чувство. Эрфон Кавол и Телкар, неся вдвоем большую плетеную корзину, направились к упавшему плоду, через каждые несколько шагов останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Достигнув его, они начали осторожно обходить его вокруг.

- А что, если толпа лесных братьев пирует сейчас прямо за этой штукой? - спросил Шанамир.- Допустим, Телкар наткнется на них и...

Ужасный крик, похожий на рев оскорбленного самца бидлака, донесся от дерева и прервал его рассуждения. Перепуганный Эрфон Кавол галопом помчался обратно к фургону, впрочем на мгновение позже не менее испуганного Телкара.

- Животные! - кричал свирепый голос.- Свиньи и отцы свиней! Насиловать женщину, наслаждающуюся ланчем! Я отучу вас насильничать! Я наведу порядок, чтобы вы и думать про это забыли! Стойте на месте, волосатые животные! Стойте, я говорю, стойте!

Из-за плода двикки вышла самая большая женщина из всех, которых когда-либо видел Валентин, существо такое огромное, что казалось сродни этим деревьям. В ней было футов семь роста, может даже больше, и ее гигантское тело походило на гору плоти, стоящую на ногах, креп-

ких, как колонны. Одежда ее состояла из серых кожаных брюк и рубашки, расстегнутой почти до пояса, так что видно было огромные трясущиеся шары грудей, размером с голову мужчины. Ее волосы висели оранжевыми космами, светло-синие глаза горели. В руке она держала вибромеч внушительной длины, которым размахивала с такой силой, что Валентин, стоявший в ста футах от нее, почувствовал легкий ветерок. Щеки и груди женщины были измазаны алым соком плода двикки.

Тяжело ступая, она большими шагами двинулась к фургону, крича о насилии и требуя мести.

- Что это такое? - спросил Залзан Кавол с таким ошеломленным видом, какого Валентин у него еще не видел. Потом он взглянул на братьев.- Что вы сделали с ней?

- Мы даже не коснулись ее,- сказал Эрфон Кавол.- Мы высматривали лесных братьев, и Телкар неожиданно наткнулся на нее, споткнулся и схватил ее за руку, чтобы устоять...

- Ты сказал, что вы ее даже не коснулись! - напомнил Залзан Кавол.

- Ничего, о чем она говорит, не было. Просто произошел несчастный случай.

- Сделай что-нибудь,- поспешно сказал скандар

Делиамбру, ибо гигантская женщина была уже совсем рядом.

Помрачневший вроон вышел вперед, встал перед фургоном и поднял щупальца к видению, нависавшему над ним, как огромная башня.

- Мир,- мягко сказал Делиамбр, обращаясь к атакующей великанше.- Мы не хотели причинить вам вреда.- Говоря, он увлеченно жестикулировал, творя мирное заклинание, проявлявшее себя слабым голубоватым сиянием в воздухе перед ним. Казалось, оно подействовало на огромную женщину, потому что та остановилась в нескольких футах от фургона.

Так она некоторое время стояла, помахивая из стороны в сторону вибромечом, потом одернула свою рубашку. Сердито глядя на скандаров, она выделила Эрфона Кавола и Телкара и сказала глубоким рокочущим голосом:

- Что эти двое хотели сделать со мной?

- Они просто пошли собрать куски плода двикки,- ответил Делиамбр.- Вы видели корзину, которую они несли?

- Мы понятия не имели, что вы там,- буркнул Телкар,- и просто хотели обойти вокруг плода, проверить, нет ли там лесных братьев. Вот и все.

- И упали на меня, и осквернили бы, не будь я

вооружена?

- Я потерял опору под ногами,- заверил Телкар.- И я вовсе не собирался приставать к вам. Я высматривал лесных братьев и, когда вместо этого наткнулся на что-то таких размеров...

- Что?! Новые оскорбления?

Телкар глубоко вздохнул.

- Я хотел сказать... Когда я так неожиданно... когда вы...

- Мы не думали...- начал было Залзан Кавол, но тут Валентин, смотревший на все это с растущим весельем, подошел и сказал:

- Если бы они собирались насиловать, то не стали бы делать это при такой большой аудитории. Кроме того, мы принадлежим к той же расе, что и вы, и не позволили бы им.- Он указал на Карабеллу.- Эта женщина, леди, так же искусна в своем деле, как и вы в своем. Будьте уверены, если бы скандары хотели причинить вам вред, она одна могла бы остановить их. Случилось обычное недоразумение. Спрячьте свое оружие и чувствуйте себя в безопасности.

Великаншу явно успокоили вежливость и обаяние Валентина. Она медленно опустила вибромеч, выключила его и прикрепила к поясу.

- Кто вы? - ворчливо спросила она.- И кто все

эти путники?

- Меня зовут Валентин, мы странствующие жонглеры, а этот скандар - Залзан Кавол - хозяин нашей труппы.

- А я - Лизамон Хултин,- представилась великанша.- Меня нанимают как телохранителя или воина, хотя в последнее время работы было мало.

- Мы теряем время,- сказал Залзан Кавол,- а нам еще нужно кое-что сделать.

Лизамон Хултин отрывисто кивнула.

- Да, конечно. Вы, разумеется, знаете, что это опасная территория?

- Лесные братья? - спросил Валентин.

- Точно. Впереди деревья буквально кишат ими.

- А вы их не боитесь? - поинтересовался Дели-амбр.

- Я говорю на их языке,- ответила Лизамон Хултин.- Я вела с ними переговоры и заключила союз. Вы думаете, я просто так ела здесь плод двикки? Я, может, и толста, но не глупа, маленький колдун.- Она переключилась на Залзана Кавола: - Куда вы направляетесь?

- В Мазадону,- ответил скандар.

- В Мазадону? Для вас есть работа в Мазадоне?

- Мы надеемся на это,- сказал Залзан Кавол.

- Там для вас не будет ничего. Я только что пришла из Мазадоны: там недавно умер герцог и по всей провинции объявлен трехнедельный траур. Или вы будете жонглировать на похоронах?

Залзан Кавол помрачнел.

- Нет работы в Мазадоне? Нет работы во всей провинции? А как же наши расходы? Мы ничего не получали с самого Дулорна! Что же делать?

Лизамон Хултин выплюнула кусок мякоти плода двикки.

- Меня это мало волнует. В любом случае вы не сможете проехать в Мазадону.

- Почему?

- Из-за лесных братьев. Они блокировали дорогу в нескольких милях отсюда и требуют дань от проезжающих. Думаю, они не позволят вам проехать. Вам повезет, если они не закидают вас своими дротиками.

- Они позволят нам проехать! - воскликнул Залзан Кавол.

Женщина-воин пожала плечами.

- Без меня - нет.

- Без вас?

- Я же сказала, что говорю на их языке и могу помочь вам отделаться небольшой суммой. Вас

это интересует? Думаю, пяти роялов хватит.

- А что лесные братья делают с деньгами? - спросил скандар.

- О, это не для них,- беззаботно ответила она.- Пять роялов для меня, а им я предложу что-нибудь другое. Идет?

- Это абсурд! Пять роялов! Это целое состояние!

- Я не торгуюсь,- спокойно сказала она,- этого требует моя честь. Удачной дороги.- Женщина холодно взглянула на Телкара и Эрфона Кавола.- Если хотите, можете взять часть плода перед тем как ехать. Но советую вам не жевать его, когда встретите лесных братьев!

Она повернулась с неуклюжим изяществом и направилась к огромному плоду, лежавшему под деревом. Вынув меч, она отсекла три больших куска и презрительно подтолкнула их к двум скандарам, которые с немалым трудом уложили их в плетеную корзину.

- Все в фургон! - сказал Залзан Кавол.- Мы едем в Мазадону!

- Сегодня вы далеко не уедете,- сказала Лизамон Хултин и громко расхохоталась.- Скоро вы вернетесь сюда, если, конечно, уцелеете!

5

Отравленные дротики лесных братьев беспокоили Валентина. Внезапная и ужасная смерть таилась среди густых и загадочных зарослей папоротников с серебристыми коробками семян, среди гроздьев грибов, бледных и пятнистых, с коричневыми кратерами. В таком странном месте могло случиться все что угодно.

Но сок плода двикки быстро разрядил напряженность. Виноркис разрезал один из кусков и раздал кубики мякоти. Она имела резкий сладковатый вкус, зернистую текстуру, а на языке быстро таяла, и алкалоиды, содержащиеся в ней, через кровь проникали в мозг быстрее, чем самое крепкое вино. Валентин почувствовал себя бодро и, откинувшись назад, обнял одной рукой Карабеллу, а другой - Шанамира. Сидевший впереди Залзан Кавол, видимо, тоже попробовал двикки, потому что пустил маунтов вскачь, что совсем на него не походило. Обычно сдержанный Слит, отрезав еще кусок плода, начал петь развеселую песню:

Лорд Бархолд пришел на берег Белка

На этом месте фургон остановился, причем так резко, что Слит полетел вперед и упал на колени Валентина, а ломоть мягкой влажной мякоти двикки шлепнул Валентина по лицу. Громко смеясь, тот начал вытираться, а когда снова смог видеть, то разглядел, что все собрались в передней части фургона и смотрят между скандарами, сидящими на кучерском сиденье.

- Что такое? - спросил Валентин.

- Ловчая сеть,- сказал Виноркис совершенно трезвым голосом,- блокирует дорогу. Великанша сказала правду.

И действительно, клейкие и жесткие красные лозы тянулись от папоротника к папоротнику, образуя прочную и упругую сеть. Лес, окружавший дорогу в этом месте, был совершенно непроницаем, а ловчая сеть преграждала дорогу. Ехать дальше фургон не мог.

- Насколько прочны эти нити? - спросил Валентин.

- Излучателями мы справимся с ними за пять минут,- сказал Залзан Кавол.- Но взгляните туда.

- Лесные братья...- тихо сказала Карабелла.

Они были везде, киша на деревьях и прыгая с одного на другое, но при этом не приближаясь к

фургону ближе ста ярдов. С близкого расстояния они казались менее похожими на обезьян и скорее напоминали дикарей более разумных видов. Это были маленькие, нагие существа с гладкой голубовато-серой кожей и тонкими конечностями. Их безволосые головы были узки и длинны, с плоскими лбами, а вытянутые шеи казались непрочными и слабыми. Груди у них были впалые, а тела в целом выглядели очень костлявыми. Все они - и мужчины, и женщины - носили копьеметатели из тростника, привязанные ремнями к бедрам. Они указывали на фургон и болтали между собой, издавая свистящие звуки.

- Что делать? - спросил Залзан Кавол у Делиамбра.

- Полагаю, нанять женщину-воина.

- Никогда!

- В таком случае,- сказал вроон,- будем жить в фургоне до конца своих дней или же вернемся в Дулорн и будем искать другую дорогу.

- Мы можем договориться с ними,- сказал скандар.- Иди к ним, колдун, и говори с ними на сонном, обезьяньем или вроонском языке. Любые слова, которые могут подействовать. Скажи им, что у нас срочное дело в Мазадоне, что мы должны выступить на похоронах герцога, и они будут

обязательно наказаны, если задержат нас.

- Говорите это САМИ,- спокойно ответил Делиамбр.

- Я?

- Первого, кто выйдет из фургона, они проткнут своими дротиками. Я предпочитаю уступить эту честь другому. Может быть, их испугают ваши размеры и они примут вас за своего короля. А может, и нет.

Глаза Залзана Кавола сверкнули.

- Вы отказываетесь?

- Мертвый колдун,- сказал Делиамбр,- недалеко уведет вас по этой планете. Я кое-что знаю об этих существах. Они непредсказуемы и очень опасны. Ищите другого посланца, Залзан Кавол. Наш контракт не требует, чтобы я рисковал жизнью ради вас.

Залзан Кавол что-то раздраженно буркнул.

Загнанные в тупик, они сидели несколько долгих минут. Лесные братья начали спускаться с деревьев, оставаясь на значительном расстоянии от фургона. Некоторые из них кружились и прыгали на дороге, издавая немелодичные звуки, похожие на жужжание огромных насекомых.

- Выстрел из излучателя отбросит их назад,- сказал Эрфон Кавол.- Нам не составит труда сжечь

ловчую сеть, а потом...

- А потом они будут гнаться за нами через лес, швыряя дротики каждый раз, как кто-нибудь высунется,- закончил Залзан Кавол.- Нет. Их могут быть тысячи вокруг нас, и они видят нас, а мы их нет. Нечего и думать победить их силой.

Огромный скандар угрюмо доел кусок двикки, потом немного помолчал, хмурясь и время от времени грозя кулаками маленьким существам, блокировавшим дорогу. Наконец он с горечью сказал:

- До Мазадоны еще несколько дней пути, а эта женщина сказала, что там мы все равно не найдем работы и нам придется идти в Борджакс или в Тагобар. Пройдут недели, прежде чем мы заработаем хотя бы крону. Но здесь мы сидим в ловушке, пойманные этими обезьянами с отравленными дротиками. Валентин!

- Да? - отозвался испуганно Валентин.

- Я хочу, чтобы вы выбрались из фургона, вернулись и привели сюда эту женщину-воина. Предложите ей три рояла за освобождение нас от этих тварей.

- Вы это серьезно? - спросил Валентин.

Карабелла, задыхаясь, произнесла:

- Нет! Вместо него пойду я!

- Это почему? - раздраженно спросил Залзан Кавол.

- Валентин... он может заблудиться... может не найти...

- Ерунда,- сказал скандар, нетерпеливо взмахивая рукой.- Дорога идет прямо, а Валентин силен и быстр. И потом, это опасное дело, а ваше мастерство слишком ценно, чтобы рисковать им, Карабелла. Пойдет Валентин.

- Не делайте этого,- прошептал Шанамир.

Валентин заколебался. Ему вовсе не нравилась идея покинуть относительно безопасный фургон и идти пешком через лес, полный смертельно опасных существ. Но кто-то должен был сделать это и, конечно, не медлительные, тяжелые скандары и не кривоногий хьорт. Для Залзана Кавола он был наименее ценным членом труппы.

- Женщина-воин просила пять роялов,- напомнил Валентин.

- Предложите ей три.

- А если она откажется? Она же говорила, что честь не позволяет ей торговаться.

- Три,- повторил Залзан Кавол.- Пять роялов - это огромное состояние, и даже трех слишком много за эту работу.

- Вы хотите, чтобы я бежал через полный опас-

ностей лес и предложил ей недостаточную сумму за работу, которую совершенно необходимо выполнить?

- Вы отказываетесь?

- Если я рискую своей жизнью,- сказал Валентин,- должна быть хотя бы надежда на соглашение. Дайте мне пять роялов для нее.

- Приведите ее сюда,- сказал скандар,- и я сам поговорю с ней.

- Ведите сами,- ответил Валентин.

Карабелла, напряженная и бледная, сидела, качая головой, Слит подмигнул Валентину, призывая не сдаваться, а Шанамир с покрасневшим лицом и дрожащий всем телом был на грани взрыва. Валентин даже подумал, не зашел ли он в разговоре со скандаром слишком далеко.

Мех Залзана Кавола встал дыбом, как будто судорога гнева сжала его могучие мускулы. Несомненно, последнее проявление Валентином независимости взбесило его до крайности, но в глазах скандара явно читался подсчет всех «за» и «против»: он прикидывал, что выгоднее - дать выход своему гневу или прикрыть глаза на неповиновение. Возможно, он даже спрашивал себя, уместна ли сейчас его бережливость, не глупо ли настаивать на своем.

После долгой напряженной паузы Залзан Кавол, шипя, выдохнул воздух и, нахмурившись, полез за кошельком. С кислой миной он отсчитал пять блестящих монет по одному роялу.

- Берите,- буркнул он.- И поспешите.

- Я побегу так быстро, как смогу.

- Если бежать для вас слишком тяжело,- сказал Залзан Кавол,- берите одного из маунтов и скачите на нем. Но, что бы вы ни выбрали, делайте это быстро.

- Я побегу,- ответил Валентин и начал открывать заднее окно фургона.

Когда он протискивался через него, его плечи зудели в ожидании сильного удара дротиком, но ничего не произошло, и скоро он уже легко бежал вниз по дороге. Лес, который казался таким зловещим из фургона, сейчас выглядел более безобидно и даже гроздья грибов и папоротники выглядели довольно элегантно с их семенными коробками, сверкавшими в лучах послеполуденного солнца. Его длинные ноги двигались в ровном ритме, а сердце работало без перебоев. Бег успокаивал, даже гипнотизировал, почти так же, как жонглирование.

Валентин бежал довольно долго, не обращая внимания на время и расстояние, пока не решил,

что забрался достаточно далеко. Но как можно было пробежать мимо чего-то такого заметного, как пять деревьев двикки? Может, он беззаботно пропустил развилку и сбился с пути? Нет, это невозможно, подумал он и продолжил бег, пока наконец огромные деревья с гигантским плодом, упавшим с ближайшего из них, не появились перед ним.

Однако великанши поблизости не было. Валентин окликнул ее, потом обошел деревья вокруг. Никого. В страхе он подумал, что, двигаясь дальше к Дулорну, возможно, найдет ее, но сейчас, когда он остановился, все мышцы ног протестовали против такой нагрузки, а сердце отчаянно колотилось. Нет, ему явно не хотелось бежать дальше.

Валентин заметил маунта, привязанного в нескольких сотнях ярдов от деревьев двикка - огромного зверя с широкой спиной и толстыми ногами, в самый раз подходящего для туши Лизамон Хултин. Валентин направился к нему, огляделся вокруг и увидел тропу, ведущую вниз к ручью.

Земля резко обрывалась вниз, образуя зазубренную скалу, и Валентин выглянул из-за ее края. Поток, вытекавший из леса, падал вдоль

скалы вниз, в каменный бассейн, лежавший в сорока футах ниже, и рядом с этой лужей лежала Лизамон Хултин, загоравшая после купания. Она лежала лицом вниз и рядом с ней лежал ее вибромеч. Валентин в страхе смотрел на ее широкие мускулистые плечи, мощные руки, массивные колонны ее ног и шары ягодиц.

Потом он окликнул Лизамон Хултин.

Женщина немедленно повернулась и села, оглядываясь вокруг.

- Я здесь,- сказал он. Лизамон взглянула в его направлении, и Валентин скромно отвернулся, но она только рассмеялась над его скромностью. Поднявшись, она самым естественным жестом потянулась за своей одеждой.

- Это вы,- сказала она.- Можете спуститься сюда, я вас не боюсь.

- Я знаю, вам не нравится, когда вас беспокоят на отдыхе,- осторожно сказал Валентин.

К тому времени, когда он спустился, она натянула свои брюки и старалась застегнуть рубашку, чтобы прикрыть могучие груди.

- Мы наткнулись на преграду,- сказал он.

- Естественно.

- Нам нужно попасть в Мазадону, и скандар послал меня нанять вас.- Валентин показал пять

роялов Залзана Кавола.- Вы поможете нам?

Она взглянула на сверкающие монеты в его руке.

- Это стоит семь с половиной роялов.

Валентин нахмурился.

- Но раньше вы говорили пять.

- Это было раньше.

- Скандар дал мне только пять роялов, чтобы заплатить вам.

Она пожала плечами и начала расстегивать рубашку.

- В таком случае я продолжаю загорать. Вы можете стоять или сидеть, но ближе не подходите.

Валентин тихо сказал:

- Когда скандар хотел сбить вашу цену, вы отказались торговаться, сказав, что этого не позволяет ваша честь. Мое же понимание чести требует придерживаться уже названной цены.

Лизамон хлопнула руками по бедрам и рассмеялась, смех был таким громким, что Валентин удивился, как его не сдуло. Рядом с этой женщиной он чувствовал себя игрушкой: по весу она превосходила его более чем на сто фунтов и была, по крайней мере, на голову выше. Успокоившись, она сказала:

- До чего же вы храбры или глупы! Я могу уни-

чтожить вас одним ударом руки, а вы стоите здесь, уча меня чести!

- Думаю, вы не причините мне вреда.

Лизамон с интересом смотрела на него.

- Может, и нет. Но вы рискуете, приятель. Я легко выхожу из себя и тогда наношу повреждения большие, чем сама хочу.

- Будь что будет. Мы должны попасть в Мазадону, и только вы можете заставить убраться лесных братьев. Скандар готов заплатить пять роялов, но не больше.- Валентин встал на колени и положил на камни бассейна пять сверкающих монет.- Правда, у меня есть немного личных денег и, если это поможет вам принять решение, я добавлю их к гонорару.- Он порылся в кошельке, нашел монету в роял, потом еще одну, положил их к остальным и с надеждой взглянул на нее.

- Пяти будет достаточно,- сказала Лизамон Хултин.

Она сгребла монеты Залзана Кавола, оставив добавленные Валентином, и начала подниматься по тропе.

- Где ваш маунт? - спросила она, отвязывая своего.

- Я пришел пешком.

- Пешком? ПЕШКОМ?! Вы пробежали весь путь?

- Она уставилась на него.- Что за преданный работник! Он хорошо заплатил вам, чтобы заставить пойти на такой риск?

- Не особенно.

- Так я и думала. Хорошо, садитесь позади меня. Этот маунт даже не заметит вашего веса.

Она вскарабкалась на животное, которое, хотя и было огромным для своего вида, выглядело карликовым и хрупким по сравнению с ней. Валентин после некоторого колебания уселся сзади и обхватил руками ее талию. При всей ее массе на теле женщины не было жира, а только твердые мускулы.

Когда они добрались до фургона, он был по-прежнему закрыт и лесные братья продолжали сновать вокруг.

Валентин и женщина спешились. Лизамон Хултин безо всякого страха вышла вперед и что-то крикнула лесным братьям высоким пронзительным голосом. Из-за деревьев донесся ответ. Она крикнула снова, и снова ей ответили. Потом последовал долгий, возбужденный разговор, со множеством увещеваний и восклицаний.

Наконец она повернулась к Валентину.

- Они откроют для вас проход, но за плату.

- Сколько они хотят?

- Не за деньги. За услугу.

- И какую же услугу мы можем оказать лесным братьям?

- Я сказала им, что вы жонглеры, и объяснила, что это значит. Они позволят вам проехать, если вы выступите для них. Иначе они хотят убить вас и сделать игрушки из ваших костей, но не сегодня, потому что сегодня святой день для лесных братьев, а в такие дни они не убивают. Мой вам совет - выступите.- Она помолчала и добавила: - Яд, которым они пользуются, действует не особенно быстро.

6

Залзан Кавол негодовал - выступать для обезьян и без гонорара! - но Делиамбр указал ему, что лесные братья стоят в эволюционном ряду выше обезьян. Слит добавил, что они сегодня не репетировали и тренировка пойдет им только на пользу, а Эрфон Кавол заверил, что это будет не обычное представление, а плата за проезд через часть леса, которую эти существа контролируют. Впрочем, у них в любом случае не было выбора, и потому они вышли с булавами, мячами и серпами, оставив в фургоне факелы, которые, как Делиамбр сказал, могут испугать лесных братьев и толкнуть на что-нибудь непредсказуемое. Выбрав самое чистое место, они начали жонглировать.

Лесные братья восхищенно следили за ними. Сотни и сотни их вышли из леса и сидели на корточках рядом с дорогой, глядя во все глаза, покусывая кончики пальцев и тихо переговариваясь между собой. Скандары обменивались серпами, ножами, булавами и топориками, Валентин орудовал булавами, Слит с Карабеллой показывали все, на что были способны. Так про-

шел час, потом другой, солнце начало клониться в направлении Пидруида, а лесные братья все смотрели, жонглеры жонглировали, и никто, казалось, не собирался убирать ловчую сеть с деревьев.

- Мы будем заниматься этим всю ночь? - спросил Залзан Кавол.

- Тише,- сказал Делиамбр.- Не нужно обид. Наши жизни в их руках.

Они воспользовались удобным случаем, чтобы отрепетировать новые номера. Скандары оттачивали номер с перехватом, выхватывая друг у друга предметы, что выглядело очень смешно у этих огромных свирепых существ. Валентин работал со Слитом и Карабеллой, обмениваясь булавами, а потом они со Слитом остались вдвоем, а Карабелла с Шанамиром принялись отважно крутить между ними «колесо». Так прошел третий час.

- Эти лесные братья уже получили от нас развлечений на пять роялов,- буркнул Залзан Кавол.- Когда это кончится?

- Вы жонглируете очень умело,- сказала Лизамон Хултин,- и они наслаждаются этим зрелищем. Мне самой это доставляет удовольствие.

- Это радует,- кисло ответил Залзан Кавол.

Начало смеркаться. По-видимому, приход темноты изменил настроение лесных братьев, потому что они вдруг потеряли интерес к представлению. Пятеро из них вышли вперед и принялись убирать преграду. Их маленькие руки с острыми пальцами легко управлялись с клейкими нитями, в которых безнадежно запутался бы любой другой. Через несколько минут путь был свободен, и лесные братья исчезли в темноте под деревьями.

- Есть ли у вас вино? - спросила Лизамон Хултин, когда жонглеры собрали свои вещи и готовились ехать дальше.- Это глазенье вызвало у меня чудовищную жажду.

Залзан Кавол начал было говорить о все уменьшающихся запасах, но было уже поздно: Карабелла, свирепо глянув на своего хозяина, подала фляжку. Женщина-воин осушила ее одним могучим глотком и вернула обратно. Потом вытерла губы рукавом рубашки и рыгнула.

- Неплохо,- сказала она.- Дулорнское?

Карабелла кивнула.

- Эти хайроги знают толк в питье, даром что змеи! В Мазадоне вы не найдете ничего подобного.

- Так говорите, три недели траура? - спросил

Залзан Кавол.

- Не меньше. Все общественные развлечения запрещены, и на каждой двери висит желтая траурная лента.

- А отчего умер герцог? - спросил Слит.

Великанша пожала плечами.

- Одни говорят, что его до смерти перепугало послание от Короля, другие, что он подавился куском недожаренного мяса, а третьи - что он перебрал, развлекаясь с тремя своими наложницами. Но разве это важно? Он умер, в этом нет сомнений, а все остальное ерунда.

- И работы там нет? - мрачно уточнил Залзан Кавол.

- Нет. До самого Тагодара или еще дальше.

- Недели без заработков...- буркнул скандар.

- Да, вам не повезло,- сказала Лизамон Аултин.- Но я знаю, где вам дадут хорошую цену.

- Да,- сказал Залзан Кавол.- Думаю, это Кинтор.

- Кинтор? Нет, я слышала, там живут плохо. Урожай кленнета этим летом невелик, купцы уменьшили кредит, и, я думаю, там будут тратить на развлечения немного. Нет, я говорю об Иллиривойне.

- Что?- воскликнул Слит так, будто в него вонзился дротик.

Валентин порылся в памяти, ничего не нашел и шепнул Карабелле:

- Где это?

- Южнее Кинтора.

- Но южнее Кинтора земли метаморфов.

- Верно.

Залзан Кавол оживился впервые с тех пор, как они наткнулись на ловчую сеть. Оглядевшись по сторонам, он спросил:

- И какая работа есть для нас в Иллиривойне?

- В следующем месяце Изменяющие Форму устраивают фестиваль,- ответила Лизамон Хултин.- Там будут танцы, различные состязания и веселые представления. Я слышала, что иногда труппы из имперских провинций заходят в резервацию и зарабатывают огромные суммы за время фестиваля. Изменяющие Форму не уважают имперские деньги и быстро расстаются с ними.

- Действительно,- сказал Залзан Кавол, и жадные огоньки вспыхнули в его глазах.- Я слышал то же самое, но мне никогда не случалось проверить правдивость этих слов.

- Вы сделаете это без меня! - крикнул вдруг Слит.

Скандар уставился на него.

- Что?!

Слит казался таким напряженным, будто жонглировал вслепую всю вторую половину дня. Его губы побелели, глаза смотрели в одну точку и были неестественно яркими.

- Если вы пойдете в Иллиривойн,- сказал он,- я уйду от вас

- Не забывайте о нашем контракте,- заметил Залзан Кавол.

- Все равно. Ничто не заставит меня последовать за вами на земли метаморфов. Законы Империи там не действуют, и наш контракт кончится, едва мы пересечем границу резервации. Я не люблю Изменяющих Форму и отказываюсь рисковать жизнью на их землях.

- Мы поговорим об этом позднее, Слит.

- Мое решение и тогда не изменится.

Залзан Кавол огляделся вокруг.

- Хватит об этом. Мы потеряли здесь много часов. Спасибо за помощь,- холодно поблагодарил он Лизамон Хултин.

- Желаю вам выгодного путешествия,- сказала женщина и направилась к лесу.

Поскольку они потеряли так много времени у сети, Залзан Кавол решил двигаться всю ночь, что противоречило его обычаям. Валентин, измученный долгим бегом, часами жонглирования

и не очень хорошо чувствуя себя после съеденного плода двикки, уснул, прижавшись к стене фургона, и ничего не чувствовал до самого утра. Последнее, что он слышал, была ожесточенная перепалка о риске проезда по землям метаморфов. Делиамбр полагал, что опасности Иллиривойна преувеличены слухами, Карабелла считала, что, если Слит нарушит контракт, Залзан Кавол будет преследовать его в судебном порядке, а Слит с почти истерической убежденностью утверждал, что он боится метаморфов и не должен заходить к ним. Шанамир и Виноркис тоже выражали страх перед Изменяющими Форму, которые, по их словам, были угрюмы, хитры и опасны.

Проснувшись, Валентин обнаружил, что его голова удобно лежит на коленях Карабеллы. Яркий солнечный свет освещал внутренность фургона. Они стояли в каком-то большом и красивом парке, на голубовато-серой лужайке, окруженной узкими остроконечными деревьями большой высоты. Со всех сторон поднимались низкие холмы.

- Где мы? - спросил он.

- На окраине Мазадоны. Скандар как безумный ехал всю долгую ночь.- Карабелла рассмеялась.- А вы спали как убитый.

Снаружи, в нескольких ярдах от фургона, ожесточенно спорили Залзан Кавол и Слит. Маленький беловолосый мужчина в гневе казался раза в полтора выше. Он расхаживал взад и вперед, размахивал кулаками, кричал и, казалось, был на грани истерики. Скандар, наоборот, выглядел довольно спокойным. Он возвышался над Слитом, сложив на груди все свои руки, и только изредка холодно отвечал на его выпады.

Карабелла повернулась к Делиамбру.

- Это продолжается уже достаточно долго. Колдун, вы можете вмешаться прежде, чем Слит скажет что-нибудь действительно безрассудное?

Вроон меланхолично взглянул на нее.

- Слит так испуган метаморфами, что отбрасывает все увещевания. Возможно, это связано с тем посланием от Короля, которое он получил когда-то в Нарабале и от которого его волосы побелели. А может, и нет. В любом случае, для него самое разумное - отделиться от труппы, невзирая на последствия.

- Но он нужен нам!

- А если он уверен, что в Иллириволне с ним произойдет что-то ужасное? Можете вы заставить его отбросить эти страхи?

- Может, я смогу успокоить его,- сказал Вален-

тин.

Он встал, чтобы выйти, но в этот момент Слит с потемневшим и застывшим лицом ворвался в фургон. Не говоря ни слова маленький жонглер начал собирать свои немногочисленные вещи, а затем, все с той же яростью, выскочил наружу и, широко шагая, направился к невысоким холмам на севере.

Они беспомощно смотрели ему вслед. Никто не пытался его догнать, пока он почти не скрылся из виду. Наконец Карабелла сказала:

- Я пойду за ним и заставлю изменить свое решение.

И она бросилась к холмам.

Залзан Кавол окликнул ее, когда она пробегала мимо, но она не обратила на него внимания. Скандар, покачав головой, вызвал из фургона остальных.

- Куда она направилась? - спросил он.

- Попытаться вернуть Слита,- сказал Валентин.

- Безнадежно. Слит решил покинуть труппу. Думаю, он еще пожалеет об этом. Валентин, теперь на вас ложится большая ответственность, и я увеличиваю ваше жалованье на пять крон в неделю. Это вас устраивает?

Валентин кивнул. Он подумал о тихом, неза-

метном присутствии Слита в труппе и испытал острою боль потери.

А скандар продолжал:

- Делиамбр, как вы, конечно, поняли, я решил поискать работу для нас у метаморфов. Вам известна дорога в Иллиривойн?

- Я никогда не был там,- ответил вроон.- Но я знаю, где это.

- А кратчайший путь?

- Я думаю, что отсюда до Кинтора, потом миль четыреста на восток на речном корабле, а от Верфа начинается дорога, ведущая на юг, в резервацию. Не гладкая дорога, но, надеюсь, достаточно широкая для фургона. Я еще проверю это.

- И сколько нам потребуется времени, чтобы достичь Иллиривойна?

- Возможно, месяц, если не будет задержек.

- Как раз к началу фестиваля метаморфов,- сказал Залзан Кавол.- А какие задержки вы имеете в виду?

- Обычные,- ответил Делиамбр.- Природные явления, поломки фургона, местные беспорядки. В центре континента все устроено не так хорошо, как на берегу. В путешествии по этой части есть некоторый риск.

- Уж будьте уверены! - прогремел знакомый

голос.- Защита, вот что вам нужно!

И Лизамон Хултин подъехала к ним вплотную.

Она выглядела вполне отдохнувшей, как будто не ехала верхом всю ночь и маунт ее был не слишком уставшим. Зализан Кавол изумленно спросил:

- Как вы оказались здесь так быстро?

- Лесными тропами. Едете в Иллиривойн, не так ли?

- Да,- ответил скандар.

- Я так и думала, решив поехать за вами, чтобы предложить свои услуги. Сейчас я без работы, и вы едете в опасные районы, поэтому, рассуждая логически, нам следует объединиться. Я гарантирую вам безопасность до Иллиривойна.

- Ваша цена слишком высока для нас.

Она усмехнулась.

- Вы думаете, я всегда прошу пять роялов за такую малую работу? Я запросила так много потому, что вы разозлили меня, наступив на меня во время ленча. За другие пять роялов я доведу вас до Иллиривойна, сколько бы времени это ни заняло.

- Три,- угрюмо сказал Зализан Кавол.

- А вы, я вижу, ничему не научились.- Великанша сплюнула под ноги скандару.- Я не торгуюсь.

Езжайте в Иллиривойн без меня, и пусть удача сопутствует вам. Хотя в этом я сомневаюсь.- Она подмигнула Валентину.- А где еще двое?

- Слит отказался идти в Иллиривойн. Десять минут назад он устроил здесь скандал.

- Я его понимаю. А женщина?

- Она пошла за ним, чтобы уговорить вернуться. Вон туда.- Валентин указал на тропу, поднимавшуюся к холмам.

- ТУДА?

- Между этими двумя холмами.

- В рощу хищных деревьев? - В голосе Лизамон Хултин звучало недоверие.

- А что это такое? - спросил Валентин.

Одновременно с ним Делиамбр сказал:

- Хищные деревья? Здесь?

- Этот парк отведен для них,- объяснила великанша.- Но ведь у подножия холмов есть предупреждающие знаки... Они пошли туда? Пешком? Спаси их Дивин!

Залзан Кавол раздраженно заметил:

- За все, что я вынес, они могут съесть его дважды, но она мне нужна!

- Так же, как и я,- сказал Валентин, потом повернулся к женщине-воину: - Если мы поедем туда верхом, то, может быть, найдем их до того, как

они войдут в рощу хищных деревьев.

- Ваш хозяин считает, что не может позволить себе заплатить за мои услуги.

- Пять роялов? - спросил Залзан Кавол.- Отсюда до Иллиривойна?

- Шесть,- холодно сказала она.

- Пусть шесть. Но верните их обратно! Верните немедленно!

- Да,- с отвращением сказала Лизамон Хултин.- У ваших людей нет чувств, а у меня нет работы, поэтому мы вполне подходим друг другу. Возьмите одного из маунтов,- обратилась она к Валентину,- и следуйте за мной.

- Вы хотите забрать его? - заныл Залзан Кавол.- Так я вообще останусь без людей!

- Я приведу его обратно,- сказала великанша.- А если повезет, и тех двух тоже.- Она прыгнула в седло и сказала: - Едем.

7

Тропа постепенно поднималась, а голубовато-серая трава походила на бархатный ковер. Трудно было поверить, что в этом прелестном парке таится какая-то угроза, но, когда они добрались до места, где тропа шла вверх под более острым углом, Лизамон Хултин буркнула что-то и указала на голый деревянный столб, торчавший из земли. Рядом с ним, наполовину скрытый травой, лежал упавший щит. Валентин разглядел на нем слова:

ОПАСНОСТЬ

Дальше пешком не ходить

написанные большими красными буквами. Слит в гневе не заметил его, а Карабелла пропустила знак в спешке или же просто не придала ему значения.

Тропа быстро поднималась, и скоро они достигли дальнего склона холма, где не было высокой травы, но деревья росли плотно. Лизамон Хултин, ехавшая впереди, придержала своего маунта, когда они въехали в сыроватую и таинственную рощицу, где деревья с гибкими крепкими стволами росли с большими промежутками, образуя высоко вверху плотный навес из переплетенных

ветвей.

- Смотрите, вот первые хищные деревья,- сказала великанша.- Грязные твари! Если бы я правила этой планетой, то поднесла бы факел к каждому из них, но Коронал стремится быть любителем природы и хранит их в королевском парке. Дай Бог, чтобы ваши друзья оказались достаточно умны и держались от них подальше!

На голой земле, на открытых местах между деревьями росли растения без стеблей колоссальных размеров. Их листья, четырех или пяти дюймов в ширину и восьми-девяти футов в длину, с острозубыми краями и металлически блестевшей поверхностью, были собраны в широкие розетки. В центре каждой виднелась глубокая чаша диаметром в фут, до половины заполненная мерзко выглядевшей зеленоватой жидкостью, из которой торчали какие-то сложные приземистые органы. Валентину показалось, что он видит там лезвия ножей, соединенные парами точилки и еще что-то, похожее на частично погруженные в жидкость цветы.

- Это плотоядные растения,- сказала Лизамон Хултин.- На земле лежат их охотничьи усики, которые чувствуют присутствие мелких животных, хватают их и тащат ко рту. Смотрите.

Она направила своего маунта к ближайшему хищному Дереву. Когда животное было еще в добрых двадцати футах от него, что-то похожее на длинный хлыст начало вдруг извиваться в гниющей массе старых листьев. Потом с неприятным хлопающим звуком вокруг бабки животного, сразу над копытом, захлестнулась петля. Маунт, как обычно спокойный, удивленно фыркнул, когда усик напрягся, пытаясь подтащить его к разинутому рту в центре цветка.

Женщина-воин вытащила свой вибромеч, наклонилась и быстро перерезала усик. Обмякнув, тот упал, и в ту же секунду со всех сторон растения в воздух взметнулась дюжина других.

Женщина заметила:

- Этой твари не хватает сил, чтобы затащить такое большое существо в свою утробу, но и маунт не сможет вырваться на свободу. Со временем он ослабеет и умрет, и тогда его подтащат ближе. Одно растение может прожить целый год на таком количестве мяса.

Валентин содрогнулся. Неужели Карабелла пропала в лесу из этих растений? Ее милый голос навсегда замолк в одном из этих страшных существ, а ее быстрые руки, ее сверкающие глаза... Нет, не может быть.

- Как нам найти их? - спросил он.- Ведь может быть уже слишком поздно.

- Как их зовут? - спросила великанша.- Крикните их по именам. Они должны быть близко.

- Карабелла! - отчаянно закричал Валентин.- Слит! Карабелла!

Мгновением позже он услышал слабый ответный крик, но Лизамон Хултин услышала его первой и уже двигалась вперед. Валентин увидел Слита, опустившегося на одно колено, которое глубоко погрузилось в землю, препятствуя усику, захлестнувшему другую ногу, подтащить его к хищнику. Карабелла держала его за грудь в отчаянной попытке оттащить назад. Происходящее заставило усики соседних растений взвиться в воздух и бешено извиваться во всех направлениях. Слит держал в руке нож, которым безуспешно пытался перерезать канат, поймавший его, а на земле виднелась глубокая борозда, показывавшая, что его уже подтащили на четыре или пять футов к ждущему рту. Дюйм за дюймом он проигрывал борьбу за свою жизнь.

- Помогите нам! - крикнула Карабелла.

Легким прикосновением своего меча Лизамон Хултин перерезала усик, державший Слита. Освободившись, тот резко откинулся назад, едва не

попав в объятия другого растения, но с акробатической ловкостью вывернулся, ускользнул от опасной нити и вскочил на ноги. Женщина-воин подхватила его и быстро посадила на маунта перед собой. Валентин приблизился к Карабелле, стоявшей в безопасном месте между двумя хлещущими усиками, и посадил ее к себе.

Она так крепко уцепилась за него, что у Валентина заболели ребра. Повернув женщину, он обнял ее, нежно поглаживая и прижав ее ухо к своим губам. Облегчение, испытанное при этом, поразило его: он даже не предполагал, что она так много значит для него. Постепенно ее страх прошел, но он чувствовал, что она еще продолжает дрожать.

- Еще минуту...- прошептала она.- Слит уже начинал терять опору под ногами... Я чувствовала, как он скользит к этому растению.- Карабелла содрогнулась.- Откуда она взялась?

- Залзан Кавол нанял ее защищать нас по дороге в Иллиривойн.

- Она уже отработала свое жалованье,- сказала Карабелла.

- Следуйте за мной,- распорядилась Лизамон Хултин.

Она выбирала дорогу через рощу очень осто-

рожно, и все же ее маунта хватали за ногу дважды, а Валентинового - один раз. Каждый раз великанша рассекала усик. Скоро они выбрались на чистое место и поскакали по тропе вниз, к фургону. Настроение скандаров улучшилось, когда они подъехали.

Залзан Кавол холодно обратился к Слиту:

- Вы выбрали не самый лучший маршрут для своего ухода.

- Он не хуже того, что собираетесь выбрать вы,- ответил Слит.- Прошу вас простить меня. Я пойду в Мазадону пешком и попробую подыскать себе какую- нибудь работу.

- Подождите,- вмешался Валентин.

Слит вопросительно взглянул на него.

- Нам нужно поговорить. Отойдем в сторону.

Валентин положил свою руку на плечо маленького мужчины и повел его к поросшей травой поляне, прежде чем Залзан Кавол успел вызвать у Слита новый приступ гнева.

Слит настороженно спросил:

- В чем дело, Валентин?

- Я сделал все, чтобы Залзан Кавол нанял великаншу. Не будь этого, хищники сожрали бы вас.

- Я благодарен вам за это.

- Мне нужно от вас кое-что большее, чем просто

благодарность,- сказал Валентин.- Можно сказать, что вы обязаны мне жизнью.

- Возможно.

- И потому взамен за это я прошу вас отказаться от своего решения.

Глаза Слита сверкнули:

- Вы не представляете, чего просите!

- Метаморфы - странные и несимпатичные существа, тут я с вами согласен, но Делиамбр говорит, что они не так опасны, как часто утверждают. Останьтесь в труппе, Слит.

- Вы думаете, это просто каприз?

- Вовсе нет, но это нерациональное решение.

Слит покачал головой.

- Однажды я получил от Короля послание, в котором метаморф играл страшную роль. Нужно прислушиваться к таким посланиям, и потому я не желаю приближаться к месту, где живут эти существа.

- В посланиях не всегда содержится вся правда.

- Согласен. Но это бывает часто. Валентин, Король показал мне, что у меня есть жена, которую я люблю больше своего искусства, жена, которая жонглирует со мной так, как это делает Карабелла, но только гораздо лучше, как будто мы являемся одним человеком.- Лицо Слита

блестело от пота, и он заколебался было, но через мгновение продолжал: - Мне приснилось, Валентин, что однажды пришли Изменяющие Форму, украли у меня жену и заменили ее одним из своих членов, так ловко замаскировав его, что я не заметил разницы. И вот, мы выступали перед Короналом, Лордом Малибором, который правил тогда и вскоре после этого утонул, и наше жонглирование было совершенно. Это была гармония, которой больше не было в моей жизни, и Коронал наградил нас отличным мясом и вином, выделил нам спальню, драпированную шелками. Там я обнял ее, и мы занялись любовью, но когда я вошел в нее, она изменилась, превратившись в метаморфа, ужасное существо с резиновой серой кожей, хрящами вместо зубов и глазами, как грязные лужи. И это существо целовало меня и прижималось ко мне... С той ночи,- продолжал Слит,- я не искал женского тела, боясь, что такое произойдет наяву. Я никому не рассказывал этой истории и не могу согласиться с решением идти в Иллиривойн, где нас будут окружать Изменяющие Форму.

Сострадание охватило Валентина, он взял Слита за руку и молча держал ее некоторое время, как будто сила его рук могла уничтожить память

об ужасном ночном кошмаре, искалечившем душу Слита. Опустив его наконец, Валентин медленно сказал:

- Такой сон действительно ужасен. Но мы учились использовать свои сны и не позволять им раздавить нас.

- Этот сон трудно использовать, если не учитывать предупреждения держаться подальше от метаморфов.

- Вы восприняли его слишком прямолинейно. Что, если здесь кроется нечто более замаскированное? Вы говорили с толкователями?

- Я считал это ненужным.

- Но ведь именно вы посоветовали мне посетить толкователя снов. Я запомнил ваши слова: Король никогда не посылает простые послания.

Слит иронически улыбнулся.

- Мы всегда лучше лечим других, чем самих себя, Валентин. Как бы то ни было, слишком поздно идти к толкователю со сном пятнадцатилетней давности, и я сейчас в плену у него.

- Так освободите себя!

- Как?

- Что говорят родители, когда ребенку снится, что он падает, и он просыпается в страхе? Что падение во сне не стоит принимать всерьез, потому

что оно на самом деле не может ему повредить. Или что ребенок должен быть благодарен за падение во сне, потому что такой сон - хороший сон, что он говорит о силе и мощи, что ребенок не падал, а летел туда, где он может чему-то научиться, если не позволит беспокойству и страху захватить его сонный мир.

- Что ребенок должен быть благодарен за сон,- закончил Слит.

- Именно. И точно так же со всеми другими «плохими» снами: мы должны не пугаться их, а быть благодарны за их мудрость и следовать им.

- Да, так говорят детям. Однако и взрослые не всегда принимают такие сны лучше детей. Я помню, как вы сами, Валентин, кричали во сне.

- Я пытаюсь учиться от своих снов, но они могут быть темными.

- Чего же вы хотите от меня, Валентин?

- Чтобы вы пошли с нами в Иллиривойн.

- Почему это так важно для вас?

- Вы принадлежите к этой труппе. С вами мы единое целое, а без вас - распадемся.

- Скандары - мастера жонглирования, а мы с Карабеллой попали в труппу по той же причине, что и вы - во исполнение глупого закона. Вы заработаете свое жалованье, буду я с вами или нет.

- Кроме того, я учился от вас этому искусству.

- Вы можете учиться у Карабеллы. Она так же искусна и, кроме того, ваша любовница, которая знает вас лучше, чем я смогу когда-нибудь узнать. И храни вас Дивин,- закончил Слит с внезапным страхом в голосе,- потерять ее среди Изменяющих Форму в Иллиривойне!

- Этого я не боюсь,- сказал Валентин и вытянул руки к Слиту.- Мне нужно, чтобы вы остались с нами.

- ПОЧЕМУ?

- Я ценю вас.

- И я ценю вас, Валентин. Но идти с Залзаном Каволом в Иллиривойн слишком мучительно для меня. Почему вам необходимо настаивать на том, чтобы я терпел эту боль?

- Вы излечитесь от нее,- сказал Валентин,- если пойдете с нами и увидите, что метаморфы всего лишь безвредные примитивные существа.

- Я могу жить с моей болью,- ответил Слит.- Цена за излечение кажется мне слишком высокой.

- Да, мы можем жить с самыми ужасными ранами. Но почему не попытаться излечить их?

- Есть что-то еще, о чем вы не говорите, Валентин.

Валентин помолчал, ожидая, пока дыхание его

успокоится, потом сказал:

- Да.

- Что же это такое?

С некоторым сомнением Валентин произнес:

- Скажите, Слит, я фигурировал в ваших снах с тех пор, как мы встретились в Пидруиде?

- Да.

- Ив каком образе?

- Какое это имеет значение?

- Были у вас сны,- сказал Валентин,- что я могу оказаться кем-то более могучим, чем сам себя считаю?

- Ваше поведение сказало мне об этом в нашу первую встречу. И потом феноменальный талант, с которым вы научились нашему искусству, и содержание вашего сна, которым вы поделились со мной.

- И кем я был в этих снах?

- Персоной могучей и милостивой, обманом лишенной своего высокого положения. Может быть, герцогом. Или принцем.

- А может, выше?

Слит облизал губы.

- Да, может, и выше. Чего вы хотите, Валентин?

- Сопровождайте меня в Иллиривойн и дальше.

- Вы хотите сказать, что в моих снах содержится правда?

- Это я еще изучаю,- сказал Валентин.- Но думаю, что да. Я все больше и больше убеждаюсь, что она должна быть в них. Послания говорят, что она там есть.

- Мой лорд...- прошептал Слит.

- Возможно.

Изумленно глядя на него, Слит начал опускаться на колени. Валентин торопливо подхватил его и поставил прямо.

- Этого не нужно,- сказал он.- Другие могут увидеть. Я хочу, чтобы никто даже не подозревал об этом. Не нужно становиться передо мной на колени, Слит, или делать пальцами звездный огонь, пока я не убедился в правдивости всего этого.

- Мой лорд...

- Я по-прежнему жонглер Валентин.

- Я боюсь, мой лорд. Сегодня я был на волосок от смерти, но это испугало меня меньше, чем стоять здесь и разговаривать с вами о таких вещах.

- Зовите меня Валентином.

- Но могу ли я? - спросил Слит.

- Вы делали это пять минут назад.

- Это было до того, как...

- Ничего не изменилось, Слит.

- Все изменилось, мой лорд.

Валентин тяжело вздохнул. Он чувствовал себя самозванцем, мошенником, вертящим Слитом для своих целей и каких-то низменных потребностей.

- Если все изменилось, значит, вы последуете за мной, если я прикажу? Даже в Иллиривойн?

- Если буду должен,- удивленно ответил Слит.

- Метаморфы не причинят вам вреда, и вы уйдете от них излеченным от боли, мучающей вас. Вы верите в это, не так ли, Слит?

- Мне страшно идти туда.

- Вы нужны мне,- сказал Валентин.- У меня нет выбора, и Иллиривойн - часть моего путешествия. Я прошу вас следовать туда за мной.

Слит склонил голову.

- Если это нужно, мой лорд.

- Я прошу и даже требую называть меня Валентином и перед остальными оказывать мне не больше уважения, чем вы оказывали мне вчера.

- Как вам угодно,- сказал Слит.

- ВАЛЕНТИН.

- Валентин,- неохотно повторил он.- Как вам угодно... Валентин.

- Тогда идемте.

И он повел Слита обратно к фургону. Залзан

Кавол, как обычно, нетерпеливо прогуливался, а остальные готовили фургон к дороге. Обращаясь к скандару, Валентин сказал:

- Я уговорил Слита изменить свое решение. Он едет с нами в Иллиривойн.

Залзан Кавол ошарашенно уставился на него.

- Как вы ухитрились сделать это?

- Да,- вставил Виноркис,- что вы сказали ему?

С веселой улыбкой Валентин ответил:

- Думаю, это скучно объяснять.

8

Теперь темп путешествия ускорился. Целыми днями фургон катился по дороге, иногда не останавливаясь до позднего вечера. Лизамон Хултин ехала верхом, хотя ее маунт, каким бы сильным он ни был, больше нуждался в отдыхе, чем те, что тащили фургон, и время от времени она отставала, используя для задержек любой удобный случай: везти ее тушу было непростой работой для любого животного.

Они ехали от города к городу, которые разделяли скромные полосы растительности. Этот район Мазадоны был местом, где погоня за прибылью держала многие миллионы работников, ведь Мазадона была воротами ко всем землям северо-западного Цимроеля для товаров, идущих с востока, и главной перевалочной базой сухопутных перевозок из Пидруида и Тил-омона. Они быстро проследовали через множество одинаковых городов: Синтион, Апортель, Дойректин, через самое Мазадону, Борджакс и Тагодар, расположенный за ним, все затихшие и замершие на период траура по последнему герцогу, и везде в знак скорби висели желтые полосы ткани.

Валентину казалось бессмысленным закрывать всю провинцию из-за смерти герцога. Что же должны делать эти люди, думал он, если умрет Понтифекс? Как они отреагировали на преждевременную кончину Лорда Вориакса два года назад? Впрочем, подумал он, может, они относились к своему местному герцогу более серьезно, поскольку тот был фигурой реальной и живущей среди них, тогда как тысячи миль отделяли народы Цимроеля от Замковой Горы и Лабиринта, и Владыки Маджипура должны были казаться им абстрактными фигурами, мифическими и нереальными. На планете, такой большой, как эта, центральная власть могла осуществлять только символический контроль. Валентин подозревал, что стабильность Маджипура зависела от социальных договоров, благодаря которым местные правители - провинциальные герцоги или муниципальные мэры - согласились поддерживать указы имперского правительства, с условием, что они могут делать все, что им нравится, на своих собственных территориях.

Как, спросил он себя, могут существовать такие договоры, когда Коронал не помазанный и посвященный владыка, а узурпатор, лишенный милости Дивин, благодаря которой держится

такая хрупкая конструкция?

Валентин ловил себя на том, что все больше и больше думает о таких вопросах во время долгих, монотонных часов путешествия на восток. Такие мысли удивляли его своей серьезностью, он терял привычную легкость и простоту мысли первых дней в Пидруиде, он чувствовал, что все больше обогащается и растет его умственная энергия. Это было так, словно завеса, скрывавшая его разум, все более утончалась и настоящий интеллект выходил наружу.

Валентин все еще не был уверен, но его сомнения с каждым днем ослабевали.

В снах он часто видел себя в положении власти. Однажды ночью он, а не Зализан Кавол, вел труппу жонглеров; на другую ночь он в царской мантии председательствовал на каком-то совете метаморфов, которые казались ему жуткими туманными призраками, не державшими определенной формы больше минуты, а на следующую он увидел себя на рынке в Тагодаре, судящим мелкие споры продавцов одежды и торговцев браслетами.

- Вы видите? - сказала Карабелла.- Все эти сны говорят о могуществе и величии.

- Могущество? Величие? Сидя на бочке и вер-

ша справедливость над торговцами хлопком и льном?

- В снах многие вещи меняются. Эти видения могут оказаться метафорами.

Валентин улыбнулся, но в душе признал возможность такой интерпретации.

В одну из ночей, когда они были возле Кинтора, у него было самое определенное видение о его предполагаемой прежней жизни. Он находился в комнате, обшитой редкими и красивыми породами дерева: сверкающими панелями семотана, банникопа и темного красного дерева. Валентин сидел за остроугольным столом из полированного палисандрового дерева, заваленным документами. В его правой руке была корона звездного огня, секретари подобострастно склонялись перед ним, а за огромными сводчатыми окнами виднелся безбрежный воздушный океан, словно он смотрел со склона Замковой Горы. Было ли это только фантазией или же неким фрагментом похороненного прошлого, который вырвался на свободу и стремился из сна подняться к поверхности его сознания? Он описал комнату и стол Карабелле и Делиамбру, надеясь, что они подскажут, как выглядит комната Коронала в действительности, но они не имели об

этом никакого понятия. Вроон спросил, каким он воспринимал себя, когда сидел за палисандровым столом: был ли он золотоволосым, подобно Валентину, едущему в фургоне жонглеров, или же темным, как Коронал, устроивший пышное шествие через Пидруид и западные провинции?

- Темным,- тут же ответил Валентин, а затем нахмурился.- Или же нет? Я сидел за столом и не видел мужчину, который там был, потому что сам БЫЛ им. А еще... еще...

- В мире снов мы часто видим себя своими собственными глазами,- заметила Карабелла.

- Я мог быть и темным, и светлым,- сказал Валентин.- То одним, то другим... и суть ускользнула от меня.

- Верно,- подтвердил Делиамбр.

После утомительного сухопутного путешествия они были теперь почти в Кинторе. Этот главный город северной части Цимроеля лежал на изрезанных землях, с многочисленными озерами, возвышенностями и темными, практически непроходимыми лесами. Дорога, выбранная Делиамбром, провела фургон через юго-западные предместья, известные как Горячий Кинтор, потому что там находились геотермальные диковины - огромные шипящие гейзеры и широкое парящее

озеро, которое пузырилось и зловеще булькало, а в миле или двух от него находились фумаролы, из которых каждые несколько минут вырывались облака зеленоватых газов, сопровождаемые глубокими и странными подземными стонами. Небо здесь было покрыто огромными облаками цвета тусклого жемчуга, и, хотя вокруг еще царило лето, холодные резкие ветры с севера уже приносили осеннюю прохладу.

Цимр, крупнейшая река Цимроеля, отделяла Горячий Кинтор от остального города. Когда путешественники углубились в него, фургон неожиданно выехал из района узких улочек и оказался на широкой эспланаде, ведущей к Кинторскому Мосту. При виде его Валентин в удивлении разинул рот.

- В чем дело? - спросила его Карабелла.

- Река... Я даже не представлял, что она может быть такой большой!

- Реки вам неизвестны?

- Между Пидруидом и этим местом не было ни одной сколько-нибудь значительной,- ответил он.- А о том, что было до Пидруида, я не помню.

- На всем континенте нет рек, сравнимых с Цимром,- сказал Слит.- Так что смело можете удивляться.

Темные воды Цимра уходили к горизонту насколько хватало глаз. Река была такой широкой, что казалась более похожей на залив. С большим трудом можно было разглядеть на другом ее берегу прямоугольные башни Кинтора. Восемь или десять могучих мостов соединяли берега в этом месте, таком широком, что Валентин не мог понять, как их сумели построить. Тот, что лежал прямо перед ними - Кинторский Мост - был в четыре раза шире дороги и имел форму высоких арок, перекинутых от одной отмели до другой. Ниже по течению возвышался мост совершенно иной формы: тяжелое кирпичное сооружение, покоившееся на удивительно высоких опорах, а вверх по течению был другой, который казался сделанным из стекла и ярко сверкал на солнце.

- Это мост Коронала,- сказал Делиамбр,- справа от него Мост Понтифекса, а еще ниже по течению - Мост Снов. Все они очень древние и известные.

- Но почему мосты строили в таком широком месте реки? - удивленно спросил Валентин.

- Это одно из самых узких мест,- ответил Делиамбр.

Протяженность Цимра, по словам вроона, составляла семь тысяч миль. Северо-западнее Дулорна он вырвался из пасти Рифта и двигался

в юго-восточном направлении через весь север Цимроеля, к прибрежному городу Пилиплоку и Внутреннему Морю. Эта река, судоходная по всей своей длине, была быстрым и удивительно широким потоком, который извивался широкими петлями, подобно огромной змее. На ее берегах располагались сотни богатых городов, крупных внутренних портов, из которых Кинтор был самым западным. На дальней окраине Кинтора, тянувшейся к северо-востоку и с трудом различимой на фоне туманного неба, возвышались зазубренные вершины Кинторского Пограничья - девять огромных гор, на холодных склонах которых жили племена грубых и гордых охотников. Иногда этих людей можно было встретить в Кинторе, где они обменивали шкуры и мясо на другие товары.

В ту ночь в Кинторе Валентину приснилось, что он входит в Лабиринт, чтобы поговорить с Понтифексом.

Это был не смутный и туманный сон, а очень резкий и болезненный. Он стоял под ярким зеленым солнцем на пустынной равнине и видел перед собой храм без крыши, с плоскими белыми стенами, который, как сказал Делиамбр, был воротами Лабиринта. С ним были вроон, Лизамон

Хултин и Карабелла, но когда Валентин шагнул на истертую платформу между этими белыми стенами, он был один. Существо зловещего и отталкивающего вида вышло ему навстречу. Это существо не было человеком и в то же время не принадлежало ни к одной из нечеловеческих рас Маджипура - не лиимен, хайрог, вроон, скандар, хьорт или су-сухерис, а что-то таинственное и беспокоящее: мускулистое толсторукое существо с пятнистой красной кожей, грубой куполообразной головой, на которой почти невыносимым гневом горели желтые глаза. Низким, резонирующим голосом оно потребовало от Валентина объяснений, зачем ему нужен Понтифекс.

- Кинторский Мост нуждается в починке,- ответил Валентин,- и долг Понтифекса заниматься такими вопросами.

Желтоглазое существо рассмеялось.

- Ты думаешь, это озаботит Понтифекса?

- Я обязан воззвать к его помощи.

- Тогда входи.- Охранник с сардонической вежливостью махнул рукой и отступил в сторону. Когда Валентин прошел мимо, существо издало рычание и захлопнуло ворота за его спиной. Отступление было отрезано. Перед ним тянулся узкий извивающийся коридор, освещенный

ярким белым светом, который резал глаза. Несколько часов Валентин спускался по спиральной дорожке, а затем стены коридора разошлись, и он оказался в другом храме из белого камня. Существо с кожей в красных оспинах, может, даже то же самое, что прежде, вновь преградило ему путь, рыча от непонятного гнева.

- Взгляни на Понтифекса,- сказало существо.

Валентин посмотрел вдаль и увидел сидящего на троне монарха Маджипура, одетого в черно-красную мантию и увенчанного королевской тиарой. Понтифекс Маджипура был монстром со множеством рук и ног, с лицом мужчины и крыльями дракона, и сидел на троне, ревя как сумасшедший. Ужасный свистящий звук вырывался из его губ, а запах, шедший от Понтифекса, был страшным зловонием. Его черные кожистые крылья с силой молотили по воздуху, обдавая Валентина порывами ветра.

- Ваше величество,- сказал Валентин, поклонился и повторил: - Ваше величество...

- Ваша светлость,- ответил Понтифекс, рассмеялся, потянулся к Валентину и дернул его вперед. Потом Валентин оказался на троне, а Понтифекс, безумно хохоча, побежал по ярко освещенному коридору, размахивая крыльями и что-то прон-

зительно крича, пока не скрылся из вида.

Валентин проснулся весь в поту, в объятиях Карабеллы. В ее глазах был испуг, как будто ужас его снов был для нее ясен, и она некоторое время держала его, ничего не говоря, пока он наконец не понял, что проснулся. Потом она нежно погладила его по щеке и сказала:

- Вы кричали три раза.

Он отхлебнул вина из бутылки, стоявшей возле постели, и ответил:

- Бывают случаи, когда тяжелее спать, чем бодрствовать. Мои сны - это тяжелая работа, Карабелла.

- В вашей душе много такого, что стремится выразить себя, мой лорд.

- И выражает очень энергично,- заметил Валентин.- Если сны - источник мудрости, я не хотел бы становиться мудрее до рассвета.

9

В Кинторе Залзан Кавол купил для своей труппы билеты на корабль, направляющийся к Ни-мойе и Пилиплоку. По реке они должны были добраться до небольшого города Верф, который был воротами территории метаморфов.

Валентин пожалел, что нужно выходить в Верфе, когда он легко мог бы за десять или пятнадцать роялов проплыть весь путь до Пилиплока и сесть на корабль, идущий к Острову Сна. Его предназначением была вовсе не резервация метаморфов, а Остров Леди, где он, возможно, найдет подтверждение видениям, которые мучили его. Но до этого было еще далеко.

Судьба, подумал Валентин, не торопится, а не спеша двигается к определенной, хотя и не всегда понятной цели. Он не был больше беззаботным бездельником из Пидруида и, хотя не был уверен, что это такое, но чувствовал определенный смысл во внутренних изменениях. Он видел себя актером какой-то большой и удивительной драмы, развязка которой еще очень далеко в пространстве и времени.

Речной корабль был гротескной и причудли-

вой постройкой, впрочем, достаточно красивой. Океанские корабли, вроде тех, что стояли в гавани Пидруида, были грациозны и крепки, ведь им приходилось проходить тысячи миль между гаванями, а речной корабль был приземистым и широким, скорее, плавающей платформой, чем кораблем, и, как будто это компенсировало безвкусие его строителей, был весь покрыт орнаментом. Огромный, высоко парящий мост висел над тройной носовой фигурой, покрашенной в красный и желтый цвета, огромная центральная палуба была размером с деревенскую площадь со множеством статуй, павильонов и игровых комнат, а на корме поднималась вверх многоэтажная постройка, в которой жили пассажиры. На нижних палубах размещается груз, четвертый класс, обеденные залы и каюты экипажа, а также машинное отделение, из которого торчали две гигантские дымовые трубы, поднимавшиеся к небу, как рога демона. Весь каркас корабля был деревянным, потому что металл был слишком дорог на Маджипуре, а камень для использования на море был не пригоден. Поэтому плотники напрягали свое воображение, и почти каждый квадратный фут поверхности был разукрашен завитками, причудливыми панелями, выступаю-

щими брусьями и просто цветами сотен видов.

Ожидая отплытия, Валентин, Делиамбр и Карабелла прогулялись по палубе, на которой толпились граждане из многих районов и всех рас Маджипура. Валентин видел людей Пограничья с гор, поднимавшихся за Кинтором, хайрогов в дулорнских нарядах, людей из влажных южных земель, ходивших в прохладных белых одеждах, путешественников в роскошных мантиях малинового и зеленого цвета, которые, по словам Карабеллы, были типичны для западного Алханроеля, и многих других. Вездесущие лиимены продавали свою неизменную жареную колбасу; чиновники-хьорты гордо выступали, давая справки и инструкции тем, кто их спрашивал, и тем, кто этого не делал; семья су-сухерисов в просвечивающих зеленых мантиях, привлекавшая внимание своими невероятными двухголовыми телами, пробиралась сквозь толпу с высокомерным выражением на лицах, и толпа уважительно расступалась перед ними. Но кроме всего этого, на борту оказалась небольшая группа метаморфов.

Делиамбр увидел их первым. Маленький вроон издал кудахтающий звук и схватил Валентина за руку.

- Видите их? Надеюсь, что Слит этого не видит.

- Кого именно? - спросил Валентин.

- Вон, у перил. Стоят отдельно и кажутся смущенными. Сейчас они в своей естественной форме.

Валентин посмотрел туда. Их было пятеро взрослых и трое молодых. Это были стройные, угловатые, длинноногие существа, самый старший из которых был выше его, но казался хрупким и невесомым. Кожа их была желтоватой с зеленым оттенком. Их лица походили на человеческие, за исключением того, что скулы были острыми, как лезвия, губ почти не было видно, носы были уменьшены до небольших шишек, а глаза были узкими и без век. Валентин никак не мог понять, ведут ли эти метаморфы себя высокомерно или робко. Впрочем, они должны были уважать себя на враждебной им территории, эти туземцы, принадлежащие к древней расе, эти потомки тех, кто владел Маджипуром до того, как сюда пришли первые земные поселенцы четырнадцать тысяч лет назад. Он никак не мог отвести от них глаз.

- Как они изменяют свою форму? - спросил он.

- Их кости не соединены, как у большинства других рас,- ответил Делиамбр.- Под нажимом мускулов они могут смещаться и занимать новое положение. На коже у них есть клетки, способ-

ные к мимикрии, которые изменяют ее цвет и структуру, и другие приспособления. Взрослые могут изменять себя почти мгновенно.

- А для чего они это делают?

- Кто знает? Наиболее вероятный ответ, что целью было выживание расы в этом мире, а это невозможно без изменения формы. Это должно иметь для них какую-то ценность.

- Очень малую,- язвительно вставила Карабелла,- если, имея такую мощь, они позволили вырвать этот мир из своих рук.

- Изменения формы слишком мало для защиты,- ответил Делиамбр,- когда люди, путешествующие от одной звезды к другой, захватывают твой дом.

Метаморфы волновали Валентина. Для него они были свидетелями истории Маджипура, археологическими реликтами, выжившими с тех времен, когда здесь не было ни людей, ни скандаров, ни вроонов, ни хайрогов, а только эти хрупкие зеленые люди, населявшие колоссальную планету. Это продолжалось до прихода переселенцев - пришельцев, а в конечном счете завоевателей. Как давно это было! Валентину очень хотелось, чтобы они показали свои трансформации, скажем в скандара или лиимена, прямо сейчас, на его глазах, но они оставались

неподвижными.

Внезапно из толпы выскочил возбужденный Шанамир. Схватив Валентина за руку, он затараторил:

- Знаете, кто еще плывет с нами? Я слышал разговор грузчиков: здесь целая семья метаморфов.

- Не так громко,- сказал Валентин.- Посмотри-ка туда.

Мальчик взглянул и содрогнулся.

- Ну и жуткие же твари!

- Где Слит?

- На мосту с Залзаном Каволом. Они хотят получить разрешение на выступление сегодня ночью. Если он увидит их...

- Он должен столкнуться с метаморфами рано или поздно,- буркнул Валентин, потом обратился к Делиамбру: - Это обычно для них - находиться вне резервации?

- Они есть везде, но никогда в большом количестве и редко в своем настоящем виде. Говорят, что одиннадцать из них живет в Пидруиде, шесть в Фалкинкипе, девять в Дулорне...

- Замаскировавшись?

- Да, под хайрогов, хьортов или людей.

Метаморфы начали покидать палубу. Они двигались с большим достоинством, но не так,

как группа су-су- херисов - в них не было ничего высокомерного и, казалось, они бы скорее хотели стать невидимыми.

- Они живут на своих землях добровольно или по принуждению? - спросил Валентин.

- Думаю, понемногу и того, и другого. Когда Лорд Стиамот полностью завоевал их, он заставил их покинуть Алханроель. Цимроель был тогда почти пуст - только прибрежные заставы - и им позволили войти во внутренние части. Они выбрали территорию между Цимром и южными горами, доступ куда можно легко контролировать, и забрались туда. Сейчас стало традицией, что метаморфы живут только на этих землях, за исключением тех, что неофициально живут в городах, но я не знаю, имеет ли эта традиция силу закона. Скорее всего, они обращают мало внимания на декреты, исходящие из Лабиринта или Замковой Горы.

- Если законы Империи так мало значат для них, не рискуем ли мы, отправляясь в Иллирив войн?

Делиамбр рассмеялся.

- Дни, когда метаморфы атаковали пришельцев, чтобы отомстить, далеко позади, это я гарантирую. Они робкий и замкнутый народ. Вреда они

нам не причинят, и, возможно, мы покинем их страну, нагрузившись деньгами, которые так любит Залзан Кавол. А вот и он сам.

Залзан Кавол вместе со Слитом подошли к ним. Оба выглядели довольными.

- Мы получили право на выступление,- объявил скандар.- Пятьдесят крон за час работы, сразу после обеда! Мы покажем им самые простые трюки. Зачем утомлять себя перед Иллиривойном?

- Нет,- сказал Валентин,- мы покажем все самое лучшее.- Он твердо посмотрел на Слита.- На борту корабля группа метаморфов, и, возможно, они донесут весть о нашем выступлении до Иллиривойна раньше нас.

- Верно подмечено,- сказал Залзан Кавол.

Слит испуганно съежился. Ноздри его раздувались, губы крепко сжались, а левой рукой он сделал святой знак.

Валентин повернулся к нему и сказал низким голосом:

- Сейчас начинается процесс излечения. Жонглируйте для них так, будто перед вами двор Понтифекса.

- Они мои враги! - хрипло заметил Слит.

- Только не эти. Они не похожи на тех, из ваших снов, что причинили вам столько вреда.

- Мне противно быть с ними на одном корабле.

- Теперь этого не избежать,- сказал Валентин.- И потом, их всего восемь. Это будет хорошая практика перед встречей, ждущей нас в Иллиривойне.

- Иллиривойн...

- Этого не избежать,- повторил Валентин.- И вы клялись мне, Слит...

Мгновение Слит молча смотрел на Валентина, потом прошептал:

- Да, мой лорд.

- Тогда идемте. Пожонглируйте со мной, нам обоим нужна тренировка.

Они нашли тихое место на нижней палубе и начали работать с булавами. Поначалу их роли странным образом перемешались: Валентин жонглировал безупречно, а Слит был неуклюж, как новичок, постоянно ронял булавы и немного помял себе пальцы. Но через несколько минут самоконтроль взял верх. Он наполнил воздух булавами и принялся обмениваться ими с Валентином таким сложным образом, что тот в конце концов взмолился о пощаде и попросил Слита вернуться к более выполнимым каскадам.

Этой ночью, выступам на палубе - впервые с импровизированного выступления для развлечения лесных братьев - они показали программу,

с которой еще никогда не выходили к публике. Жонглеры разбились на три группы по три - Слит, Карабелла и Валентин; Залзан Кавол, Телкар и Гибор Хаерн; Хейтраг Кавол, Ровори и Эрфон Кавол - и начали одновременный тройной обмен в одном и том же ритме. Одна группа сканда-ров жонглировала ножами, другая - горящими факелами, а люди - серебряными булавами. Это было одно из самых суровых испытаний, которые проходил Валентин. Симметрия номера зависела от точности его выполнения. Если бы кто-нибудь из девяти уронил один из предметов, все впечат-ление было бы испорчено. Валентин был самым слабым звеном и, следовательно, все зависело от него.

Однако он не уронил булавы и аплодисменты, разразившиеся после последнего броска, прозву-чали громом. Кланяясь, Валентин заметил семью метаморфов, сидевшую в нескольких рядах от него. Он взглянул на Слита, который кланялся снова и снова, все более низко. Когда они спры-нули со сцены, Слит сказал:

- Я увидел их, когда мы начали, а потом забыл о них. Я забыл о них, Валентин! - Он рассмеял-ся.- Они нисколько не похожи на существо из моего сна.

10

Эту ночь они спали в сырых и забитых народом внутренностях речного корабля. Валентин лежал на слабо пружинящем полу между Шанамиром и Лизамон Хултин, и близость женщины-воина привела к тому, что он спал очень плохо. Прежде всего, ему мешал ее мощный храп,- но еще сильнее был страх, что, когда ее огромное тело покатится, она запросто раздавит его. И действительно, несколько раз она наваливалась на него, и ему стоило большого труда освободиться. Впрочем, скоро она успокоилась, и Валентин постепенно погрузился в сон.

Во сне он был Короналом, Лордом Валентином, с оливковой кожей и черной бородой, и вновь сидел на Замковой Горе, держа в руках знак власти, а затем он оказался в южном городе. Он знал, что это город Тил-омон на дальней стороне Цимроеля, а он присутствует здесь на большом пиру в его честь. За столом был и другой высокий гость, мужчина с мрачными глазами и грубой кожей - Доминин Барьязид, второй сын Короля Снов. Доминин Барьязид налил вина в честь Коронала и предложил тост, крича о долгой жизни, пред-

сказывая славное царствование, которое станет в один ряд с Лордом Стиамотом, Лордом Престимионом и Лордом Конфалумом. И Лорд Валентин выпил, потом еще и еще, все больше краснея и веселея, и предложил тост за своего гостя, за мэра Гил-омона, за герцога провинции, за Короля Снов Симонана Барьязида, за Понтифекса Тивераса, за Леди Острова - свою возлюбленную мать... а кубок все наполнялся и наполнялся янтарным и красным вином и голубым вином юга, пока он уже не мог больше пить и пошел в свою спальню, где тут же погрузился в сон. Пока он спал, вокруг него двигались какие-то фигуры, мужчины из свиты Доминина Барьязида подняли его и, завернув в шелковую простыню, понесли куда-то, а он не мог сопротивляться, его руки и ноги не подчинялись ему, как будто это происходило во сне. Потом Валентин увидел себя на столе в потайной комнате, но теперь его волосы были золотистыми, а кожа - светлой, а у Доминина Барьязида было лицо Коронала.

- Заберите его в какой-нибудь город на севере,- сказал фальшивый Лорд Валентин,- оставьте там и пусть идет, куда хочет.

Сон продолжался, но Валентин вдруг почувствовал, что задыхается, и, проснувшись, обнаружил,

что Лизамон Хултин положила одну из своих мускулистых рук ему на лицо. С некоторым трудом он освободился, но уснуть снова ему не удалось.

Утром он никому ничего не сказал о своем сне: пришло время держать информацию при себе, потому что она приближалась к делам государственным. Уже второй раз ему снилось, что Доминин Барьязид занимает его место Коронала, а Карабелле несколько недель назад приснилось, что неизвестные враги накачали его наркотиками и похитили его личность. Все эти сны могли ничего не доказывать, являясь только фантазией или иносказанием, но теперь Валентин сомневался в этом. Все это было слишком последовательно и повторялось слишком часто.

А если Барьязид сейчас носит корону звездного огня? Что тогда?

Валентин из Пидруида только пожал бы плечами и сказал: какая разница - один повелитель или другой, но теперешний Валентин, плывущий из Кинтора в Верф, смотрел на вещи более рассудительно. В этом мире имелся баланс власти, баланс, создаваемый тысячелетиями, система, которая развивалась со времен Лорда Стиамота или еще более ранних, забытых правителей первых веков колонизации Маджипура. В этой

системе недосягаемый Понтифекс управлял энергичным и динамичным Короналом, а чиновник, известный как Король Снов, выполнял приказы правительства и наказывал нарушителей законов, всей своей силой вторгаясь в сны спящих, а Леди Острова, мать Коронала, помогала смягчить это своей мудростью. Система была крепка, иначе бы не продержалась так много тысяч лет, и, подчиняясь ей, Маджипур был счастливым и процветающим миром, зависящим, правда, от капризов природы, но, в основном, свободным от конфликтов и страданий. Что же будет теперь, думал Валентин, если сын Короля Снов отодвинул в сторону законного Коронала и вставил себя в этот божественно предопределенный баланс? Какой вред государству, какое нарушение общественного спокойствия!

Но что может сказать свергнутый Коронал, который решил согласиться с изменением своей судьбы? Это не было отречением, да и были ли вообще в истории Маджипура отречения? Не становится ли он тем самым сообщником Доминина Барьязида в разрушении порядка?

Последние сомнения покинули его. Когда жонглер Валентин получил первый намек на то, что он может быть настоящим Лордом Валенти-

ном, Короналом, это показалось ему смешным и странным. Это было абсурдом, безумием и фарсом, не больше. Однако строение его снов несло в себе элемент правдоподобия. В самом деле, произошла чудовищная вещь, и важность ее только теперь стала для него ясна. Его задача, выполнить которую он должен без дальнейших расспросов,- восстановить справедливость.

Но как это сделать? Подняться в своем жонглерском костюме на Замковую Гору и вызвать Коронала?

Утро Валентин провел тихо, ничем не выдав своих мыслей. Большую часть времени он стоял у перил, глядя на далекий берег. Огромные размеры реки были выше его понимания: местами она была так широка, что земли не было видно, а в других местах то, что казалось Валентину берегом, было островами огромных размеров. Течение было быстрым, и огромный корабль резво двигался на восток.

День был ясный, и река сверкала под солнечными лучами. После обеда из тучи, такой маленькой, что солнечные лучи продолжали освещать все вокруг, начался небольшой дождь. Потом дождь усилился и, к великой досаде Залзана Кавола, жонглерам пришлось прервать второе

выступление.

Этой ночью Валентин постарался лечь рядом с Карабеллой, предоставив скандарам воевать с храпящей Лизамон Хултин. Он с нетерпением ждал новых снов, но то, что он увидел, было простой бесформенной смесью фантазии и хаоса, безымянных улиц и незнакомых лиц, ярких огней и кричащих красок, абсурдных бесед, отрывочных разговоров и туманных картин. Утром корабль достиг порта Верф у южного берега реки.

11

- Провинция метаморфов,- сказал Аутифон Далиамбр,- называется Пьюрифайн. На севере ее ограничивают дальние пригороды Верфа, на западе Эскарп Велатиса, на юге горы Гонхары, а на востоке - река Стейш, важный приток Цимра. Я своими глазами видел каждую из этих пограничных зон, хотя никогда не входил в сам Пьюрифайн. Войти туда нелегко, потому что Эскарп Велатиса - это стена в милю высотой и в триста длиной. Гонхары продуваются ветрами и непроходимы, а Стейш - это дикая, неуправляемая река, полная стремнин и водоворотов. Единственный рациональный путь ведет через Верф и Пьюрифайнские Ворота.

Жонглеры находились всего в нескольких милях к северу от этого входа, оставив позади тусклый торговый город Верф. Дождь, несильный, но настойчивый, продолжался все утро. Местность по сторонам была спокойной, с песчанистой почвой и плотными рядами карликовых деревьев с бледно-зеленой корой и узкими трепещущими листьями. В фургоне почти не говорили. Слит, казалось, погрузился в размышления, Карабелла

в среднем отсеке жонглировала тремя красными мячами, скандары, не занятые в управлении фургоном, занимались какой-то запутанной игрой с игральными костями. Шанамир дремал, Виноркис делал записи в дневнике, Делиамбр, освещенный крошечными колдовскими свечами, развлекался простыми заклинаниями, а Лизамон Хултин, которая прицепила своего маунта к упряжке, тянувшей фургон, и спряталась внутрь от дождя, храпела, как вытащенный на берег морской дракон, а просыпаясь, жадно глотала дешевое серое вино, купленное в Верфе.

Валентин сидел в углу, думая о Замковой Горе. На что может походить гора в тридцать миль высотой? На одинокий каменный столб, подобно колоссальной башне уходящий во тьму ночи? Если Эскарп Велатиса в милю высотой был, по словам Делиамбра, непреодолимой стеной, то каким же барьером будет стена в тридцать раз более высокая? Какую тень отбрасывает Замковая Гора, когда солнце находится на востоке? Протягивается ли она через весь Алханроель? И как получают воздух для дыхания и тепло города на ее склонах? Валентин слышал о каких-то древних машинах, которые производят тепло и свет, сверхъестественных машинах забытой

технологической эры тысячелетней давности, когда древние искусства, принесенные с Земли, были еще широко распространены здесь, но не мог понять, как такие машины работали. Он думал о достижениях Замковой Горы и о здании с сорока тысячами комнат на ее вершине - Замке Лорда Валентина - и не мог вспомнить его! Замок Лорда Валентина. Было ли такое место на самом деле или же и Замок, и Гора - всего лишь сказка, видение фантазия, вроде тех, что приходят во сне? Замок Лорда Валентина! Он представлял его тесно обхватывающим вершину горы, подобно яркому пятну краски всего в несколько молекул толщиной, пятну, которое стекало по склонам горы, вытягивая вниз свои щупальца. И в этой пышности внутреннего убранства замка - Коронал, темнобородый Лорд Валентин. Правда, сейчас его там не было, он совершал великое шествие по королевству в Ни-мойе или каком-то другом восточном городе. И я, подумал Валентин, жил когда-то на этой Горе? Жил в этом Замке? Что же я делал, когда был Короналом? Какие издавал декреты, с кем виделся? Все это было непостижимо, однако он чувствовал растущее убеждение, что призраки, населяющие его память, обретают все большую плотность. Он знал

сейчас, что родился не в Ни-мойе у излучины реки, как подсказывали фальшивые воспоминания, а в одном из Пятидесяти Городов, размещенных на Горе, почти у самого Замка, и был воспитан при королевском дворе среди тех, из кого выбирались правители, что его детство и юность были полны привилегий и удобств. Он еще не помнил своего отца, который должен был быть одним из правителей королевства, и не мог ничего сказать о своей матери, за исключением того, что ее волосы были темны, а кожа смугла, как когда-то его собственная, и - тут воспоминания его уходили в никуда - что однажды она долго обнимала его и плакала, а потом сказала, что Вориакс выбран Короналом на место утонувшего Лорда Малибора, и с этого момента она становится Леди Острова Сна. Было ли это правдой или он придумал это только сейчас? Ему могло быть - тут Валентин заколебался, подсчитывая,- двадцать два года, когда Вориакс стал Короналом. Могла ли его мать обнимать его тогда и плакать оттого, что становится Леди? Или, скорее, радоваться, что она и ее старший сын становятся Владыками Маджипура? Может, она плакала и радовалась одновременно. Валентин покачал головой. Эти сцены, эти моменты великой истории: сможет ли

он вернуться к ним или обречен навсегда жить с помехой, поставленной перед ним теми, кто украл его прошлое?

В этот момент вдалеке раздался ужасный взрыв, а потом долгое низкое гудение, привлекшее внимание всех в фургоне. Это продолжалось несколько минут и постепенно сменилось размеренной пульсацией, которая вскоре стихла.

- Что это было? - воскликнул Слит, нащупывая на подставке излучатель.

- Мир, мир,- сказал Делиамбр.- Это звук Пьюрифайнского Фонтана. Мы приближаемся к границе.

- Пьюрифайнский Фонтан? - спросил Валентин.

- Подождите и увидите,- ответил Делиамбр.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол повернулся на переднем сиденье и громко крикнул:

- Где этот вроон?! Колдун, дорога блокирована!

- Это Пьюрифайнские Ворота,- сказал Делиамбр.

Баррикада, сделанная из крепких глянцевито-желтых бревен, связанных ярко-изумрудной веревкой, перегораживала дорогу, а слева от нее находилось караульное помещение, занятое двумя хьортами в официальной форме серо-зеленого

цвета. Они приказали всем выйти из фургона под дождь, хотя сами остались под защитным навесом.

- Куда направляетесь? - спросил более толстый хьорт.

- В Иллиривойн, на фестиваль Изменяющих Форму. Мы жонглеры,- сказал Залзан Кавол.

- Разрешение на въезд в Провинцию Пьюрифайн? - потребовал другой хьорт.

- Никакого разрешения не нужно,- сказал Делиамбр.

- Ты слишком уверен, вроон. Согласно месячной давности указу Лорда Валентина, Коронала, ни один гражданин Маджипура не может войти на земли метаморфов без законного дела.

- Наше дело вполне законно,- проворчал Залзан Кавол.

- Тогда у вас должно быть разрешение.

- Но мы даже не знали, что оно нужно! - запротестовал скандар.

Хьорты равнодушно смотрели на него, готовые в любую секунду переключиться на что-нибудь другое.

Залзан Кавол взглянул на Виноркиса, как будто ожидая, что тот как-то повлияет на своих соотечественников, но тот только пожал плечами. Тогда

Залзан Кавол свирепо уставился на Делиамбра и сказал:

- В твои обязанности, колдун, входит давать мне советы в таких делах.

- Ни один колдун не может изменить закон, принятый во время его путешествия по заповедным лесам и другим удаленным местам,- ответил вроон.

- Но что нам теперь делать? Возвращаться обратно в Верф?

Эта мысль зажгла огонек надежды в глазах Слита: после всего отказаться от визита к метаморфам! Но Залзан Кавол вовсе не был рад. Рука Лизамон Хултин потянулась к рукояти ее вибромеча. Валентин замер и тихо сказал скандару:

- Хьорты не всегда неподкупны.

- Хорошая мысль,- буркнул тот и вытащил свой кошель.

Мгновенно внимание хьортов переключилось на него, и Валентин решил, что это была верная тактика.

- Возможно, я найду нужный документ,- сказал Залзан Кавол.

Он демонстративно вынул из кошеля две монеты по одной кроне, двумя руками взялся за толстокожие руки хьортов, а двумя другими

вложил в них монеты, улыбаясь при этом самой милой своей улыбкой. Хьорты обменялись взглядами, в которых не было восторга, и презрительно позволили монетам упасть на грязную землю.

- Крона?! - недоверчиво пробормотала Карабелла.- Он надеялся купить их за КРОНУ?

- Подкуп чиновника имперского правительства - это серьезное преступление,- зловеще объявил толстый хьорт.- Вы арестованы и будете направлены для суда в Верф. Оставайтесь в своем экипаже, пока не прибудет конвой.

Залзан Кавол казался оскорбленным. Он завертелся, начал что-то говорить Валентину, захлебнулся этим, гневно замахал Делиамбру, издавая рычащие звуки, а потом заговорил на своем языке с тремя ближайшими к нему братьями. Лизамон Хултин вновь начала нащупывать рукоять меча, и Валентин почувствовал отчаяние. Через мгновение здесь могли быть два мертвых хьорта, и все жонглеры станут беглецами от закона здесь, на краю Пьюоифайна. Это вряд ли ускорит его путешествие к Леди Острова.

- Быстрее сделайте что-нибудь,- тихо сказал Валентин Аутифону Делиамбру.

Но колдун уже и сам начал действовать. Шагнув вперед, он подобрал монеты и вновь протянул их

хьортам, сказав при этом:

- Простите, но вы уронили эти мелкие монеты.

Он сунул их им в руки и на мгновение обвил их запястья своими щупальцами.

Когда он отпустил их, более худой хьорт сказал:

- Ваша виза действительна только на три недели, и вы должны покинуть Пьюрифайн через эти ворота. Все другие выходы для вас закрыты.

- И кроме того, очень опасны,- добавил другой. Он махнул рукой, и невидимые фигуры отодвинули баррикаду в сторону, открыв проход в пятнадцать футов шириной, чтобы фургон мог проехать.

Когда они въехали, Залзан Кавол злобно сказал Валентину:

- В будущем не давайте мне незаконных советов. А вы, Делиамбр, изучите хорошенько правила, касающиеся нас. Иначе нас могут задержать, и мы лишимся заработка.

- Если бы вы подкупали их роялом вместо кроны,- сказала Карабелла, но так, что скандар не слышал,- все было бы гораздо проще.

- Это неважно,- сказал Делиамбр.- Нас все-таки впустили, не так ли? Это было только малое колдовство, более дешевое, чем подкуп.

- Эти новые законы...- сказал Слит.- Так много указов!

- Новый Коронал,- заметила Лизамон Хултин,- хочет показать свою силу. Они всегда делают это. А вы знаете, что один из этих законов лишил меня работы?

- Как это? - спросил Валентин.

- Я была телохранителем у купца из Мазадоны, который боялся соперников. Лорд Валентин ввел новый налог на телохранителей, для всех, кто не принадлежит дворянству, равный моему годовому жалованию, и мой хозяин, будь прокляты его уши, уволил меня! Два года и до свидания, Лизамон, спасибо за все, и можешь взять в подарок бутылку моего лучшего бренди.- Она громко рыгнула.- Сегодня я была защитницей его никчемной жизни, а завтра стала излишней роскошью, и все благодаря Лорду Валентину! О, бедный Вориакс! Вам не кажется, что его убил брат?

- Придержите свой язык! - сказал Слит.- Такие вещи на Маджипуре не случаются.

Однако она упорствовала.

- Несчастный случай на охоте, говорите? А Лорд Малибор, утонувший во время рыбалки? Почему наши Короналы начали умирать так странно? Раньше такого не случалось, не так ли? Они

стремились стать Понтифексами и спрятаться в Лабиринте, а теперь Лорд Малибор пошел на корм морским драконам, а Вориакс получил в спину стрелу из арбалета.- Она снова рыгнула.- Может, там, на Замковой Горе, им слишком хочется попробовать вкус власти?

- Хватит.- сказал Слит, недовольный разговором.

- Едва выбирается новый Коронал, как все принцы теряют надежду на успех, но стоит Короналу умереть и надежды возвращаются снова. Когда умер Вориакс и к власти пришел Валентин, я сказала...

- Прекратите! - крикнул Слит.

Он поднялся во весь свой рост, едва доставая до груди женщине-воину, и глаза его горели, как будто он собирался ударить ее. Лизамон осталась спокойной, но ее рука постепенно подбиралась к рукояти меча. Валентин спокойно заметил:

- Она вовсе не хотела оскорбить Коронала. Просто она выпила вина, и это развязало язык.- Потом он обратился к Лизамон Хултин: - Простите его, хорошо? Мой друг излишне вспыльчив в этой части мира.

Вторичный грохот, в пять раз более звучный и в пятьдесят раз более пугающий, чем тот, что

они слышали полчаса назад, прервал разговор. Маунты поднялись на дыбы, фургон накренился, а Залзан Кавол начал сыпать проклятиями со своего места впереди.

- Пьюрифайнский фонтан,- объявил Делиамбр.- Одно из величайших зрелищ Маджипура.

Валентин и Карабелла вышли из фургона, остальные последовали за ними. Они находились на открытом участке дороги, где маленькие деревья с зелеными стволами отступали в стороны, образуя что-то вроде природного амфитеатра, уходящего на полмили от дороги. В его дальнем конце извергался гейзер, но гейзер, походивший на то, что Валентин видел в Горячем Кинторе, как морской дракон походил на мелкую рыбешку. Это была колонна пенящейся воды, казавшаяся выше самых высоких зданий Дулорна, белый столб, поднимавшийся на пятьсот-шестьсот футов, может, даже больше, и вырывавшийся из земли с огромной силой. На его верхнем конце единство нарушалось, и потоки воды разлетались, переливаясь всеми цветами радуги и окаймляя колонну. Теплые брызги наполняли воздух.

Извержения следовали одно за другим - невероятное количество воды с невероятной силой устремлялось в небо. Валентин чувствовал, что

его тело дрожит от мощи действующих тут сил. Он смотрел на это в страхе и удивлении и был почти потрясен, когда понял, что явление кончается: колонна все уменьшалась и была теперь не более четырехсот футов, потом трехсот... Казалось, она погружается в землю, вот она уже сорока футов, тридцати, и вот на том месте, где только что был ревущий столб, остались лишь лужи теплой воды.

- Каждые тридцать минут,- сказал Аутифон Делиамбр.- Говорят, что с тех пор, как метаморфы живут на Маджипуре, этот гейзер не опаздывал ни разу. Это их святое место. Видите паломников?

Тяжело задышав, Слит начал делать святые знаки, и Валентин положил руку на его плечо. Действительно, метаморфы, Изменяющие Форму, пьюривары - дюжина или больше - собрались на обочине у чего-то, похожего на часовню. Они смотрели на путешественников, и Валентин подумал, что настроены они не очень дружелюбно. Несколько аборигенов зашли ненадолго за спины других, а когда появились снова, то выглядели странно туманными и неясными, но это было еще не все, потому что они подвергались трансформациям. У одного появились огромные,

похожие на пушечные ядра груди - карикатура на Лизамон Хултин, у другого выросли четыре косматые скандарские руки, у третьего появились белые волосы, как у Слита. При этом они издавали странные тонкие звуки, которые могли быть смехом. Затем вся группа исчезла в лесу.

Валентин не отпускал плеча Слита, пока не почувствовал, что напряжение покинуло маленькое тело жонглера. Тогда он сказал:

- Ловкий трюк! Если бы мы могли делать такое - выращивать посреди представления добавочные руки!

- Я бы предпочел оказаться в Нарабале,- сказал Слит,- или Пилиплоке или вообще в любом месте, лишь бы подальше отсюда.

- А я - в Фалкинкипе, выносить помои моих маунтов,- вставил бледный и дрожащий Шанамир.

- Они не хотели причинить нам вреда,- сказал Валентин.- Это было интересное испытание, которого мы никогда не забудем.

Он широко улыбнулся, но никто не последовал его примеру, даже Залзан Кавол выглядел странно недовольным, как будто задумался наконец о погоне за роялами, приведшей их на земли метаморфов. Валентин взглянул на Делиамбра.

- Далеко отсюда до Иллиривойна? - спросил он.

- Он лежит где-то впереди,- ответил вроон.- А как далеко, я понятия не имею. Мы приедем туда, когда приедем.

Это был не очень-то обнадеживающий ответ.

12

Это была дикая страна, не испорченная аванпостами эпохи ранней цивилизации Маджипура. Изменяющие Форму жили среди лесов, где ежедневные ливни очищали воздух и вызывали бурный рост растений. С севера, через проход между Эскарпом Велатиса и Гонхарами, приходили частые шторма, и, когда влажный воздух поднимался к предгорьям Гонхар, дожди проливались на и так топкую почву. Деревья росли высокими, со стройными стволами, тянувшимися вверх и образовывавшими густой навес над землей; сети ползучих растений и лиан соединяли вершины деревьев, каскады темных, заостренных листьев сверкали, как отполированные дождем. Там, где в лесу были бреши, Валентин видел сквозь них далекие, укрытые зеленым плащом горы, страшные и таинственные. Животных здесь было не так много, как могло показаться на первый взгляд: редкие красно-желтые змеи скользили по кустам, изредка встречались зелено-пурпурные птицы, а один раз перед фургоном выскочил испуганный билантон и тут же исчез среди деревьев, выбив частую дробь своими острыми маленькими ко-

пытами. Вероятно, были здесь и лесные братья, потому что фургон проехал мимо нескольких рощ двикки. И уж конечно, ручьи были полны рыбы и рептилий, на земле кишели и рылись в ней насекомые и грызуны фантастических оттенков и форм, и, как было известно Валентину, каждое из многочисленных темных озер таило своих чудовищных аморфиботов, которые выбирались по ночам поохотиться на любую добычу, оказавшуюся в пределах досягаемости их массивных тел. Но ни одно из этих существ не показывалось, пока фургон спешил на юг по узкой неровной дороге.

Зато повсюду виднелись признаки присутствия пьюриваров - тут и там хорошо утоптанные тропы вели в джунгли, у дороги виднелись одиночные плетеные хижины, а по дороге, направляясь к Фонтану, шли группы паломников. По словам Делиамбра, они были народом, который жил охотой и рыболовством, сбором фруктов и орехов и, вероятно, приближался к сельскому хозяйству. Вероятно, когда-то их цивилизация была более развитой, как можно было судить по развалинам огромных каменных городов тысячелетней давности, которые можно было датировать ранним пьюриварским временем, еще до прибытия

звездолетов. Правда, по словам Делиамбра, были историки, утверждавшие, что это руины древних человеческих поселений, уничтоженных в бурный допонтифексиальный период двенадцать или тринадцать тысяч лет назад. В любом случае, метаморфы, если они когда-то вели более сложный образ жизни, сейчас предпочитали жить в лесу. Было ли это прогрессом или шагом назад, Валентин не мог сказать.

После полудня звуки Пьюрифайнского Фонтана перестали доноситься сзади, а лес стал более открытым. Дорога стала плохо видна и неожиданно раздвоилась. Залзан Кавол взглянул на Делиамбра, а тот на Лизамон Хултин.

- Будь прокляты мои кишки, если я что-нибудь могу сказать,- прогудела великанша.- Выберем одну наугад, и у нас будет пятьдесят шансов из ста попасть в Иллиривойн.

Однако у Делиамбра была идея получше, и, встав на колени в грязь, он прочел вопросительное заклинание. Потом вытащил из сумки пару кубиков колдовского ладана и, защищая от дождя своим плащом, зажег. Поднялся бледно-коричневый дым. Вроон вдохнул его, и щупальца его начали извиваться.

Женщина-воин фыркнула и сказала:

- Это только обман. Он помашет своими руками, а потом скажет наугад. Пятьдесят из ста, что мы попадем в Иллиривойн.

- Левое ответвление,- сказал наконец Дели-амбр.

Это было хорошее колдовство или, может, счастливая догадка, но вскоре стали появляться признаки присутствия метаморфов. Теперь это были не одинокие хижины, а маленькие группы плетеных жилищ, стоявшие через каждую сотню ярдов. Пешеходов тоже стало больше. В основном это были дети, несущие легкие свертки на ремнях, свисавших с их голов. Многие останавливались, когда фургон приближался, и смотрели на него, издавая что-то вроде детского лепета.

Несомненно, они приближались к крупному поселению. Дорога теперь была забита толпами детей и более взрослых метаморфов, а хижины стали неисчислимыми. За детьми никто не присматривал, и они практиковались в искусстве трансформации, когда фургон проезжал мимо, и принимали многочисленные формы, в большинстве своем весьма странные: один отращивал себе ноги, как ходули, другой шупальцеобразные руки вроона, которые висели почти до земли, третий раздувал свое тело, пока оно не стало

шарообразным.

- Кто тут кого развлекает? - спросил Слит.- Мы их или они нас? Эти люди отвратительны!

- Успокойтесь,- мягко сказал Валентин.

Карабелла мрачно заметила:

- Я думаю, что развлекаются здесь вон те темные. Смотрите!

Прямо впереди по обочинам дороги была дюжина больших плетеных клеток. Группа носильщиков, видимо, только что поставили их на землю и теперь отдыхали рядом. Через решетки клеток высовывались маленькие руки с длинными пальцами, и цепкие хвосты цеплялись за них. Когда фургон проезжал рядом, Валентин увидел, что клетки полны лесными братьями, посаженными туда по три-четыре вместе. Зачем это делалось? Может, их предназначали в пищу? Или хотели замучить во время фестиваля? Валентин содрогнулся.

- Подождите! - воскликнул Шанамир, когда они миновали последнюю клетку.- Что это там такое?

Последняя клетка была больше остальных, и сидели в ней не лесные братья, а какой-то другой пленник, существо, несомненно, разумное, высокое и странное, с темно-голубой кожей,

свирепыми пурпурными глазами, необычайно напряженными и яркими, и широким тонкогубым разрезом рта. Его одежда - зеленая ткань - была превращена в лохмотья и испачкана темными пятнами, возможно кровью. Существо держалось за решетку своей клетки, с ужасной силой тряся и дергая ее, и хрипло просило жонглеров о помощи со странным, совершенно незнакомым акцентом. Фургон ехал дальше.

Похолодев, Валентин сказал Делиамбру:

- Это существо не с Маджипура!

- Нет,- ответил Делиамбр.- Я никогда прежде не видел таких.

- Я видела однажды,- заметила Лизамон Халтин.- Это инопланетянин с какой-то соседней звезды, вот только я забыла ее название.

- Но как мог оказаться здесь инопланетянин? - спросила Карабелла.- В наши дни движение между звездами невелико и на Маджипур приходит мало кораблей.

- И все-таки оно есть,- сказал Делиамбр.- Мы еще не совсем отрезаны от звездных линий, хотя в торговле между мирами считаемся глухим захолустьем. И...

- Вы что, все спятили? - раздраженно воскликнул Слит.- Сидите тут, как школьники, обсуждая

торговлю между мирами, а в этой клетке разумное существо просит о помощи. Может, его поджарят и съедят на фестивале метаморфов, а мы не обращаем внимания на его крики и развлекаемся трепом? - Он гневно фыркнул и направился к скандарам на переднем сиденье. Валентин, опасаясь неприятностей, пошел следом. Слит дернул Залзана Кавола за плащ.

- Вы видели это? - требовательно сказал он.- Вы слышали? Этот инопланетянин в клетке?

Не поворачиваясь, Залзан Кавол сказал:

- И что?

- Вы игнорируете его крики?

- Это не наше дело,- спокойно ответил скандар.- У них должна быть причина держать это существо взаперти.

- Причина? Да, чтобы поджарить его на обед! И мы будем в следующем горшке. Я прошу вас вернуться назад и освободить...

- Это невозможно.

- По крайней мере, спросить, почему его держат в клетке! Залзан Кавол, возможно, мы едем к своей смерти! Вы так торопитесь достичь Иллириволна, что проезжаете мимо того, кто может знать что-то об условиях, царящих здесь, и кто попал в такое бедственное положение?

- Слит говорит верно,- заметил Валентин.

- Ну, хорошо! - фыркнул Залзан Кавол и остановил фургон.- Идите и узнайте, Валентин! Но поскорее!

- Я пойду с ним,- сказал Слит.

- Останьтесь здесь. Если ему нужен телохранитель, пусть берет великаншу.

Это было разумно, и Валентин позвал Лизамон Хултин.

Они вышли из фургона и, широко шагая, направились назад, к клеткам. Тут же лесные братья подняли пронзительный крик и принялись хлопать по решеткам. Носильщики-метаморфы, вооруженные, как только теперь заметил Валентин, грозно выглядевшими короткими кинжалами из полированного рога или дерева, неторопливо выстроились на дороге, не давая Валентину и Лизамон Хултин подойти ближе к большой клетке. Один метаморф, вероятно вожак, вышел вперед и с угрожающим спокойствием стал ждать вопросов.

Валентин негромко обратился к великанше:

- Они говорят на нашем языке?

- Наверное. Попробуйте.

- Мы труппа бродячих жонглеров,- сказал Валентин громким чистым голосом,- едем вы-

ступать на фестивале, который должен быть в Иллиривойне. Далеко ли до него?

Метаморф, который был на полголовы выше Валентина, казался удивленным.

- Вы уже в Иллиривойне,- холодно ответил он.

Валентин облизал губы. От метаморфов шел острый запах, резкий, но не неприятный. Их странные, наклоненные глаза были пугающе невыразительны. Валентин сказал:

- К кому нужно обратиться, чтобы договориться о выступлении в Иллиривойне?

- Данипьюр беседует со всеми чужаками, приходящими в Иллиривойн. Вы найдете ее в Доме Услуг.

Манера метаморфов говорить холодно сбивала Валентина с толку. Помолчав, он сказал:

- И еще одно. Мы видели, что в большой клетке вы держите существо, не известное нам. Можно спросить, с какой целью?

- Это наказание.

- Преступнику?

- Да, так это называется,- сдержанно ответил метаморф.- А почему это интересует вас?

- Мы чужаки в этой земле. Если всех чужаков здесь сажают в клетки, мы предпочтем поискать работу в другом месте.

На мгновенье проблеск каких-то чувств - развлечения? удовлетворения? - появился вокруг рта и носа метаморфа.

- Почему это вас пугает? Вы преступники?

- Едва ли.

- Тогда вы не будете посажены в клетку. Выразите свое уважение Данипьюр и все вопросы адресуйте к ней. А я должен выполнить свою задачу.

Валентин взглянул на Лизамон Хултин, и та пожала плечами. Метаморф отошел, и им не оставалось ничего другого, как вернуться обратно в фургон.

13

Иллиривойн был не городом и не деревней, а чем-то средним, сборищем многих низких, казавшихся временными строений из прутьев и дерева, тянувшихся вдоль немощеных улиц, которые, казалось, уходили далеко в лес. Все это выглядело недолговечным, как будто Иллиривойн несколько лет назад размещался где-то еще, а через несколько следующих - переместится на новое место. На то, что в Иллиривойне фестиваль, указывали самые разные идолы, размещенные почти перед каждым домом - толстые столбы, на которых висели яркие ленты и куски меха. Кроме того, на многих улицах возвышались помосты.

Найти Дом Услуг и Данипьюр оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, окруженную с трех сторон маленькими куполообразными строениями с причудливыми волнистыми крышами, а с четвертой - большой постройкой, первым трехэтажным зданием, которое они видели в Иллиривойне, с тщательно ухоженным садом серо-белых кустов перед ним. Залзан Кавол направил фургон к свободному месту на площади.

- Идем со мной,- сказал он Делиамбру.- Посмотрим, до чего можно договориться.

Они пробыли в Доме Услуг довольно долго, а когда появились, с ними была женщина-метаморф, несомненно Данипьюр, и они стояли втроем между кустов, разговаривая. Данипьюр на что-то указывала, Залзан Кавол попеременно кивал и качал своей головой, Аутифон Делиамбр, карлик по сравнению с двумя высокими существами, делал частые грациозные жесты дипломатического примирения. Наконец Залзан Кавол и вроон вернулись в фургон. Настроение скандара улучшилось.

- Мы прибыли вовремя,- объявил он.- Фестиваль уже начался. Завтра ночью будет главный праздник.

- Они заплатят нам? - спросил Слит.

- Похоже на то,- сказал Залзан Кавол.- Но они не могут дать нам пищу и жилище, поскольку в Иллиривойне нет гостиниц. Кроме того, в городе есть особые зоны, куда нам запрещено входить.

Толпы торжественных, молчащих детей проходили мимо них, пока фургон двигался от площади к тому месту, где они могли расположиться. Под вечер они устроили репетицию, но, хотя Лизамон Хултин старалась очистить сцену от юных мета-

морфов и держать их вдали, невозможно было помешать им вернуться обратно, проскальзывая между деревьями и кустами, и таращиться на жонглеров. Валентин счел работу перед ними лишающей присутствия духа, да и не он один: Слит был напряжен и необычно неуклюж, и даже Залзан Кавол, мастер из мастеров, впервые на памяти Валентина уронил булаву. Молчание детей беспокоило, они стояли как пустоглазые статуи, которые высасывали энергию и не давали ей вернуться обратно, но еще более неприятными были их трюки с превращениями, когда они переходили из одной формы в другую так же небрежно, как человеческие дети могли бы сосать палец. Формы, которые они принимали, были грубыми, с трудом узнаваемыми копиями жонглеров, вроде тех, что старые метаморфы показывали раньше, у Пьюрифайнского Фонтана. Дети принимали эти формы ненадолго - их умение было еще невелико - но в паузах между номерами Валентин видел, как у них отрастают золотые волосы, как у него, белые, как у Слита, и черные, как у Карабеллы, или они становятся медведеподобными и многорукими, как скандары, а то пытаются имитировать лица, индивидуальные особенности, выражения,- все искривленное, как в кривом зеркале.

Путешественники спали в ту ночь, набившись в фургон и лежа один возле другого. Валентин только время от времени погружался в сон или легкую дрему, но в основном лежал без сна, слушая громкий храп Лизамон Хултин и странные звуки, которые издавали скандары. Наконец, уже глубокой ночью, он погрузился в настоящий сон и к нему пришли видения, туманные и бессвязные, в которых он видел метаморфов, ведущих процессию пленников - лесных братьев и голубокожих чужаков - по дороге к Пьюрифайнскому Фонтану, который извергается и возвышается над миром, как колоссальная белая гора. Под утро он снова заснул, а незадолго до рассвета его разбудил Слит, тряся за плечо.

Валентин сел, протирая глаза.

- Что такое?

- Выйдем наружу, нам нужно поговорить.

- Но еще темно!

- Неважно. Идемте.

Валентин зевнул, потянулся и поднялся на ноги. Вместе со Слитом они осторожно вышли из фургона. Утро было темным и холодным, а от земли поднимался туман.

- У меня было послание,- сказал Слит.- Я думаю, от Леди.

- О чем?

- О голубокожем существе в клетке, которого они называют преступником, понесшим наказание. В моем сне он пришел ко мне и сказал, что он вовсе не преступник, а только путешественник, который по ошибке вошел на земли метаморфов и был схвачен, потому что здесь есть обычай во время фестиваля бросать чужаков в Пьюрифайнский Фонтан. И я увидел, как это делали: жертве связывали руки и ноги и бросали в бассейн Фонтана, а когда происходило извержение, она летела высоко в небо.

Валентин почувствовал холод, и совсем не от утреннего тумана.

- Мне снилось нечто подобное,- сказал он.

- В моем сне я увидел больше,- продолжал Слит.- Мы тоже в опасности, и если мы освободим чужака, он поможет нам, но если мы оставим его умирать, то не уйдем из Пьюрифайна живыми. Вы знаете, Валентин, я боюсь Изменяющих Форму, но этот сон что-то новое. Это пришло ко мне с яркостью послания. Это нельзя игнорировать, как страхи глупого Слита.

- Что вы хотите делать?

- Освободить чужака.

Валентин встревоженно сказал:

- А если это действительно преступник? Какое право мы имеем вмешиваться в законы Пьюривара?

- Право послания,- сказал Слит.- Может, лесные братья тоже преступники? Мы среди дикарей, Валентин.

- Нет, они не дикари, а просто странный народ, который живет не так, как другие расы Маджипура.

- Я решил выпустить голубокожего на свободу. Если не с вашей помощью, то в одиночку.

- Сейчас?

- А что, будет лучшее время? - спросил Слит.- Сейчас темно и тихо. Я открою клетку, и он выскользнет в джунгли.

- Вы думаете, клетку не охраняют? Нет, Слит, подождем. Это не имеет смысла. Позвольте мне побольше разузнать об этом пленнике, почему он сидит в клетке и что можно сделать для него. Если они хотят принести его в жертву, то сделают это в кульминационную точку фестиваля. Еще есть время.

- Послание пришло ко мне,- сказал Слит.

- Мне снилось нечто подобное.

- Но не послание.

- Да, не послание. И все же я думаю, что в вашем

сне есть правда. Я помогу вам, Слит. Но не сейчас. Еще не время для этого.

Слит казался обеспокоенным. Очевидно, в мыслях он был уже на пути к клеткам, и сопротивление Валентина расстроило его.

- Слит?

- Да?

- Верьте мне. Еще не время, но оно придет.

Валентин смотрел прямо на жонглера. Слит вернул ему взгляд с той же твердостью, затем внезапно его решимость исчезла, и он опустил глаза.

- Да, мой лорд,- тихо сказал он.

В течение дня Валентин пытался получить информацию о пленнике, но успеха не достиг. Клетки - одиннадцать с лесными братьями и двенадцатая с чужаком - были сейчас установлены на площади напротив Дома Услуг в четыре ряда, с клеткой чужака на самом верху, высоко над землей. Вооруженные кинжалами метаморфы охраняли их.

Валентин приблизился, но был еще на середине пути через площадь, когда его остановили и охранник сказал:

- Вам запрещено входить сюда.

Лесные братья принялись греметь своими

решетками, а голубокожий крикнул, произнося слова так, что Валентин с трудом понял его:

- Беги, глупец, пока тебя тоже не убили!

А может, это только показалось ему?

Охрана образовала плотный кордон вокруг этого места, и Валентин вернулся обратно. Он попробовал было расспросить ближайших к нему детей, но они упрямо молчали, глядя на него холодными глазами-бусинками, перешептывались друг с другом и совершали мелкие частичные превращения, отращивая у себя его светлые волосы. Потом они вдруг бросились в стороны и разбежались, как будто он был демоном.

Все утро метаморфы входили в Иллиривойн, собираясь из дальних лесных поселений. Они приносили с собой самые разные украшения: венки, флаги, украшенные зеркалами столбы, высокие мачты с вырезанными на них таинственными рунами, каждый, казалось, знал, что делать, и все были заняты. После восхода солнца дождя не было. Было ли это колдовством, припасенным метаморфами для своего главного праздника, или просто совпадением, Валентин не знал.

После обеда подготовка к фестивалю шла полным ходом. Небольшие группы музыкантов

играли тяжелые, пульсирующие мелодии со странным ритмом, а толпы метаморфов медленно и величаво танцевали, двигаясь при этом, как фигуры из ночного сна. На некоторых улицах устраивались гонки, и судьи, размещенные вдоль линии бега, делали какие-то непонятные жесты, когда бегуны проносились мимо. Из киосков, видимо, установленных ночью, раздавали супы, тушеное мясо, напитки и жареное мясо.

Валентин чувствовал себя в этом месте пришельцем. Никто, кроме детей, не обращал на него внимания, да и те, очевидно, воспринимали как диковину, служащую для их развлечения.

Залзан Кавол назначил репетицию на вечер позади фургона. Валентин прибыл туда одним из первых, довольный, что может уйти с забитых толпами улиц. Он нашел на месте только Слита и двух скандаров. Ему показалось, что Залзан Кавол взглянул на него как-то странно. Было что-то новое и беспокоящее в поведении скандара, и через несколько минут Валентин спросил его:

- Что-то идет плохо?

- А что может быть плохо?

- У вас какое-то отсутствующее выражение лица.

- У меня? Ничего подобного. Это всего лишь сон,

который я видел прошлой ночью.

- Вам снился голубокожий пленник?

Залзан Кавол удивился.

- Почему вы так решили?

- Он приснился мне и Слиту.

- Мой сон не имел ничего общего с голубокожим существом,- ответил скандар.- И я не хочу обсуждать этого. Это глупость, всего лишь глупость.- Залзан Кавол отошел, поднял связанные парами ножи и начал раздраженно жонглировать ими.

Валентин пожал плечами. Он даже не предполагал, что у скандаров тоже бывают сны, которые могут обеспокоить их. Впрочем, конечно же: они были гражданами Маджипура и имели все свойства народов, живших здесь, а потому должны были жить полной и богатой жизнью, подобно всем остальным, с посланиями от Короля и Леди. Хотя и в этом была своя странность. Залзан Кавол так скрывал свои чувства, так не хотел показывать другим свои жадность, нетерпение или раздражение, что Валентин удивился, когда он признался, что его заставил задуматься увиденный сон.

Репетиция прошла хорошо. Затем жонглеры скромно пообедали фруктами и ягодами, кото-

рые Лизамон Хултин собрала в лесу, и запили их последним вином, которое привезли из Кинтора. На многих улицах Иллиривойна горели костры, и со всех сторон неслась музыка различных оркестров, создавая жуткую какофонию звуков. Валентин ждал, что представление состоится на площади, но нет, метаморфы в чем-то, что, наверное, было священными костюмами, вышли из темноты и отвели их в совершенно другую часть города к огромному свободному пространству овальной формы, которое уже окружали сотни и даже тысячи зрителей. Залзан Кавол и его братья внимательно осмотрели землю в поисках неровностей, которые могли помешать выступлению. Обычно в этом участвовал и Слит, но тут Валентин заметил, что Слит куда-то исчез. Может, у него иссякло терпение и он решил действовать? Валентин уже собирался идти на поиски, когда Слит появился, тяжело дыша.

- Я иду с площади,- сказал он, понизив голос.- Клетки по-прежнему стоят одна на другой, но большинство охранников, должно быть, на танцах. Мне удалось обменяться несколькими словами с пленником, прежде чем меня прогнали.

- И...?

- Он сказал, что в полночь его принесут в жертву в Фонтане. Все, как в моем сне. А завтра ночью то же самое ждет нас.

- Что?!

- Клянусь Леди,- сказал Слит. Его взгляд был как бурав.- Только пообещав вам, мой лорд, я пришел в это место. Вы гарантировали, что со мной не случится ничего плохого.

- Ваши страхи казались нерациональными.

- А сейчас?

- Я начинаю менять свое мнение,- сказал Валентин - Но мы покинем Иллиривойн в добром здравии, обещаю вам это. После выступления я поговорю с Зализаном Каволом, а потом посоветуюсь с Делиамбром.

- Как мне хочется поскорее убраться отсюда!

- Сегодня метаморфы пьют и веселятся, и вероятность того, что они заметят наш отъезд, уменьшается,- сказал Валентин.- И не забывайте, что из-за одних слухов об опасности Зализан Кавол ни за что не отменит представления. Мы будем выступать, а потом решим, как выпутаться из этого положения. Что вы на это скажете?

- Я ваш, мой лорд, - ответил Слит.

14

Это было великолепное представление, и никто из жонглеров не был в лучшей форме, чем Слит, который показывал жонглирование вслепую и делал это безупречно. Скандары с головокружительной непринужденностью бросали друг другу факелы, Карабелла прыгала на катающемся шаре, а Валентин жонглировал, танцуя, прыгая, стоя на коленях и бегая. Метаморфы сидели вокруг них концентрическими кругами, разговаривали мало и совсем не аплодировали, глядя на представление с непостижимой степенью концентрации.

Работать перед такой аудиторией было тяжело. Это было хуже репетиции, когда нет ни одного зрителя, но сейчас-то их были тысячи, и они ничего не давали артистам. Они были похожи на статуи и не выражали ни одобрения, ни поощрения, а только что-то, что можно было принять за равнодушие. Видя это, жонглеры предлагали более сложные и удивительные номера, но больше часа это не получало никакого отклика.

А затем метаморфы вдруг начали жонглировать сами, пытаясь подражать тому, что делали члены труппы.

По двое, по трое они вышли вперед из темноты и расположились в центре круга, всего в нескольких ярдах от жонглеров. При этом они быстро изменяли свою форму, так что шестеро из них выглядели теперь, как огромные косматые скандары, один стал маленьким и гибким, как Карабелла, другой принял вид Слита, а последний, золотоволосый и высокий, изображал Валентина. В этом натягивании на себя обличий жонглеров не было ничего смешного: Валентину это показалось зловещим и угрожающим, а когда он посмотрел в сторону не выступающих членов труппы, то увидел, что Аутифон Делиамбр в тревоге размахивает щупальцами, Виноркис хмурится, а Лизамон Хултин размеренно покачивается взад-вперед, как будто готовясь к сражению.

Залзана Кавола смутило это представление.

- Продолжайте,- сказал он раздраженно.- Мы здесь, чтобы выступать перед ними.

- Я думаю,- заметил Валентин,- мы здесь, чтобы развлекать их, но вовсе не как жонглеры.

- И все же мы будем продолжать!

Он дал знак и вместе с братьями начал потрясающий обмен острыми и опасными предметами. Слит после секундного колебания набрал пол-

ные руки булав и закрутил каскад, так же как и Карабелла. Руки Валентина остались пусты: он чувствовал, что не сможет сейчас жонглировать.

Девять метаморфов рядом с ними тоже начали жонглировать.

Это было всего лишь подражание без настоящего умения делать это. Насмешка и ничего больше. Они держали в своих руках черные плоды с толстыми шкурами, куски дерева и другие обычные предметы и перебрасывали их из руки в руку, подобно детской пародии на жонглирование. Даже в этих простых действиях они то и дело ошибались и быстро наклонялись, чтобы поднять упавшее. Их выступление зажгло аудиторию, чего не смогли сделать настоящие жонглеры. Сейчас метаморфы гудели - было ли это их аплодисментами? - ритмично раскачивались и хлопали руками по коленям. Валентин видел, что некоторые изменяли себя почти наобум, принимая странные, чередующиеся формы людей, хьортов или су-сухерисов, или же превращая свои тела в скандаров, Карабеллу или Делиамбра. В одно из мгновений он видел в рядах перед собой шесть или семь Валентинов.

Жонглеры мрачно продолжали выполнять свои номера еще несколько минут, делая их

плохо, роняя булавы, пропуская удары, нарушая привычные комбинации. Гудение метаморфов становилось громче.

- Смотрите, смотрите! - крикнула вдруг Карабелла, указывая на девятерых жонглеров, из которых один изображал Валентина.

Валентин взглянул туда.

То, что делал метаморф, превосходило всякое понимание и заставило его задрожать от страха и удивления. Метаморф начал вибрировать между двумя формами. Одна была изображением Валентина - высокого, широкоплечего, большерукого и золотоволосого молодого человека, вторая изображала Лорда Валентина, Коронала.

Метаморфозы были почти мгновенными, подобно вспышкам света. Только что Валентин видел перед собой своего двойника, а в следующий момент на его месте появлялся чернобородый Коронал, фигура могучая и величественная. Затем он исчезал и вновь появлялся простой жонглер. Гудение все усиливалось: толпа одобряла зрелище. Валентин... Лорд Валентин... Валентин...

Глядя на это, Валентин чувствовал, что по спине у него бегают мурашки, волосы у него встали дыбом, колени дрожали. Невозможно было ошибиться в важности этой удивительной

пантомимы. Все эти недели он надеялся получить подтверждение тому, что узнал из снов, но получить его здесь? В этом лесном городе, среди аборигенов планеты?

Он попеременно смотрел в свое собственное лицо и в лицо Коронала.

Остальные восемь жонглеров прыгали и скакали в кошмарном танце, их ноги высоко поднимались и опускались вниз, фальшивые руки извивались во все стороны, фальшивые волосы раздувал ночной ветер, а фигура Валентина оставалась прежней, показывая то одно лицо, то другое. А потом все кончилось. Девять метаморфов стояли в центре круга, протягивая свои руки к аудитории, а остальные аборигены вскочили с мест и танцевали самым диким образом.

Представление закончилось. По-прежнему танцуя, метаморфы исчезли в ночи, направляясь к киоскам и играм своего фестиваля.

Ошеломленный Валентин медленно повернулся и увидел замершие, потрясенные лица своих товарищей. У Залзана Кавола отвисла челюсть, руки его безвольно висели. Его братья собрались группой возле него, их глаза были расширены страхом и потрясением. Слит был смертельно бледен, щеки Карабеллы, наоборот, покраснели.

Валентин вытянул к ним руку. Залзан Кавол, спотыкаясь, вышел вперед и остановился в нескольких футах от Валентина. Он заморгал и облизал губы языком; казалось, он изо всех сил пытается заговорить. Наконец он сказал тонким, нелепым для него голосом:

- Мой Лорд?..

Сначала он сам, потом его братья неуверенно и неуклюже опустились на колени. Дрожащими пальцами скандар сделал знак звездного огня, и его братья повторили этот жест. Слит, Карабелла, Виноркис и Делиамбр тоже опустились на колени. Шанамир, раскрыв рот, испуганно смотрел на Валентина, казалось, что удивление парализовало его. Потом он медленно опустился на землю.

- Вы что, все спятили? - воскликнула Лизамон Хултин.

- На колени и моли о пощаде! - хрипло приказал ей Слит.- Ты видишь его, женщина? Это Коронал! На колени!

- Коронал? - смущенно повторила она.

Валентин вытянул руки к ним всем в жесте поддержки и благословения. Они были испуганы происшедшим, впрочем, как и он сам, но его страх быстро прошел, и место его заняли сила и уверенность. Казалось, само небо кричит ему:

Вы Лорд Валентин, который был Короналом на Замковой Горе, и однажды вернетесь туда, если будете бороться за это. В него сейчас вливалась сила его прежней высочайшей должности. Даже здесь, в этих залитых дождями глухих районах, в этом ветхом городе аборигенов, весь в поту от недавно кончившегося выступления, в обычной грубой одежде, Валентин ощущал себя тем, кем был когда-то, и, хотя не понимал сущности происшедшей с ним метаморфозы, больше не сомневался в реальности посланий, пришедших к нему во снах. Он не чувствовал ни вины, ни стыда, принимая почтительное поклонение от коленопреклоненных товарищей.

- Встаньте,- мягко сказал он.- Встаньте все. Мы должны покинуть это место. Шанамир, собирай маунтов. Залзан Кавол, готовьте фургон в дорогу.- Потом он повернулся к Слиту.- Все должны быть вооружены. Пусть кто знает, как обращаться с излучателями, возьмут их, остальные берите кинжалы. Присмотрите за этим.

- Мой Лорд,- с трудом произнес Залзан Кавол,- во всем этом есть привкус сна. Подумать только, что все эти недели я ехал, грубо говорил и ссорился с...

- Потом,- прервал его Валентин.- У нас нет вре-

мени обсуждать это сейчас.

Он повернулся к Лизамон Хултин, которая казалась занятой разговором с самой собой: ее губы шевелились, она размахивала руками, что-то объясняя себе и обсуждая с собой потрясающие события. Тихим, но сильным голосом Валентин сказал:

- Вы были наняты, чтобы сопровождать нас до Иллиривойна, но сейчас мы нуждаемся в вашей силе еще больше, чем прежде. Согласны ли вы остаться с нами до Ни-мойи или еще дальше?

- Они делали для вас звездный огонь,- сказала она.- Они встали на колени, а метаморфы... они...

- Я был когда-то Лордом Валентином, Короналом. Примите это и поверьте. Сейчас королевство попало в опасные руки. Оставайтесь со мной, Лизамон, и отправимся на восток, восстанавливать справедливость.

Она прижала огромную мускулистую руку к губам и изумленно уставилась на него, а потом начала постепенно оседать, но он покачал головой и схватил ее за локоть, чтобы не позволить ей стать на колени.

- Идемте,- сказал он.- Сейчас это неважно. Уйдем отсюда!

Они собрали свои жонглерские принадлеж-

ности и сквозь темноту отправились через весь город к фургону. Шанамир и Карабелла были уже далеко впереди. Скандары двигались единой тяжеловесной группой, и от их поступи дрожала земля; Валентин никогда прежде не видел, чтобы они двигались так быстро. Он бежал за ними следом, рядом со Слитом, а кривоногий и медлительный Виноркис старался держаться рядом. Замыкала поход Лизамон Хултин. Она подхватила Делиамбра и посадила маленького колдуна на изгиб своей левой руки, а в правой несла обнаженный вибромеч.

Когда они приблизились к фургону, Слит спросил Валентина:

- Мы освободим пленника?

- Да.

Он позвал Лизамон Хултин. Та поставила Делиамбра на землю и последовала за ним.

Со Слитом во главе они побежали к площади. К радости Валентина, она была почти пуста, и только несколько метаморфов охраняли клетки. Двенадцать клеток по-прежнему стояли рядами: четыре внизу, затем два ряда по четыре и три, а венчала все клетка с голубокожим чужаком. Прежде чем охранники опомнились, Лизамон Хултин была среди них. Она хватала их по двое

сразу и вышвыривала с площади.

- Только не убивать,- предостерег Валентин.

Слит по-обезьяньи быстро вскарабкался на кучу клеток.

Добравшись до вершины, он начал резать толстые прутья, которые держали дверь клетки закрытой. Быстрыми движениями ножа он полосовал прутья, пока Валентин оттягивал их. Скоро они были перерезаны, и Валентин открыл дверь. Чужак выбрался наружу, расправляя затекшие конечности и вопросительно глядя на своих освободителей.

- Идите с нами,- сказал Валентин.- Наш фургон там, за площадью. Вы понимаете?

- Да, понимаю,- сказал чужак. Его голос был глубоким и резонирующим с резкими окончаниями каждого слога. Не говоря больше ни слова, он соскользнул мимо клеток с лесными братьями на землю, где Лизамон Хултин закончила расправу с охранниками и аккуратно свалила их в одну кучу.

Случайно Валентин коснулся веревки на ближайшей к нему клетке с лесными братьями. Тут же сквозь решетку просунулись маленькие руки и начали дергать засов. Валентин перешел к следующей клетке. Сверху спустился Слит.

- Минутку,- сказал Валентин.- Работа еще не кончена.

Слит вынул нож и принялся за дело. Через мгновение все клетки были открыты, и лесные братья растворились в ночи.

Когда они бежали к фургону, Слит спросил:

- Почему вы сделали это?

- А почему бы и нет? - вопросом ответил Валентин.- Лесные братья тоже хотят жить.

Шанамир со скандарами уже подготовили фургон к движению: маунты были запряжены, ротор пущен. Последней запрыгнула внутрь Лизамон ХулТин. Она захлопнула за собой дверь и крикнула Залзану Каволу, который тут же тронулся.

И вовремя, потому что вдали появилась группа метаморфов, которые бешено жестикулировали и громко кричали. Фургон набирал скорость, и постепенно преследователи отстали и скрылись из виду, когда фургон въехал в темноту джунглей.

Слит тревожно оглянулся назад.

- Вы думаете, они еще преследуют нас?

- Они ходят только пешком и не могут догнать нас,- сказала Лизамон Хултин.- Мы в безопасности.

- Вы уверены? - спросил Слит.- Что, если они зайдут с другой стороны и перехватят нас?

- У нас еще будет время подумать об этом,- сказала Карабелла.- Мы движемся быстро.- Она вздрогнула.- И дай нам Дивин никогда больше не видеть Иллириввойна!

Все молчали, а фургон очень быстро скользил вперед.

Валентин сидел немного в стороне от других. Это было неизбежно, хотя и огорчало его, ведь он еще был больше Валентином, чем Лордом Валентином, и для него казалось странным и неприятным сидеть отдельно от своих друзей. Но тут ничего нельзя было сделать. Карабелла и Слит, раньше узнавшие о его личности, пришли к пониманию этого каждый по-своему; Делиамбр, который знал правду еще раньше самого Валентина, никогда особо не боялся этого, но другие, хотя и подозревали, что Валентин может оказаться кем-то большим, чем беззаботный бродяга, были ошарашены знанием о его действительном ранге, пришедшим к ним во время гротескного представления метаморфов. Они смотрели на него во все глаза, они молчали и сидели в неудобных позах, как будто боялись сутулиться в присутствии Коронала. Но как вообще нужно вести себя в присутствии Владыки Маджипура? Не могли же они сидеть так вечно, делая для

него звездный огонь! Жесты казались Валентину абсурдными, комическими движениями пальцев и ничем больше; его растущее осознание своей важности еще не дошло до их принятия.

Чужак представился им как Кун с Кианимота, звездного мира, расположенного относительно недалеко от Маджипура. Он был мрачен и задумчив. Впрочем, Валентин допускал, что это только его человеческое мнение о чуждом ему существе, а на самом деле Кун, как и все жители Кианимота, был воплощением веселья и любезности. Однако он сомневался в этом.

Кун прибыл на Маджипур три года назад по делам, в сущность которых он не пожелал вдаваться. Он горестно сказал, что величайшей ошибкой его жизни было то, что, общаясь с веселыми маджипурцами, он растратил все деньги, а потом отправился на Цимроель, не отдавая себе отчета, что на этом континенте нет космопорта, с которого он мог бы вернуться на родину, и, что еще глупее, рискнул забраться на территорию метаморфов, думая, что сможет компенсировать потерю торговлей с метаморфами. Но вместо этого они схватили его, сунули в клетку и неделями держали в ней, собираясь бросить в Фонтан в кульминационный момент своего фестиваля.

- Может, это было бы и к лучшему,- сказал он.- Один удар воды, и путешествие закончилось бы. Я устал от Маджипура, и если мне суждено умереть в этом мире, я бы предпочел, чтобы это случилось скорее.

- Извините, что спасли вас,- сказала Карабелла.

- Нет, нет, я вовсе не хочу быть неблагодарным. Вот только...- Кун сделал паузу.- Это место доставило мне много горя, но, честно говоря, таким же был и Кианимот. Есть ли во вселенной хоть одно место, где жизнь не причиняет страданий?

- А чем вам плохо здесь? - спросила Карабелла.- Мы считаем, что здесь вполне терпимо. Даже худшее довольно сносно, если принять во внимание его альтернативу.- Она рассмеялась.- Вы всегда такой мрачный?

Чужак пожал плечами.

- Если вы счастливы, я восхищен и завидую вам. Для меня существование болезненно, а жизнь бессмысленна. Но это слишком темные мысли для того, кого только что освободили. Спасибо вам за помощь. Скажите только, кто вы, что привело вас в Пьюрифайн и куда вы направляетесь сейчас?

- Мы жонглеры,- сказал Валентин, бегло оглядев всех остальных,- и приехали сюда потому, что рас-

считывали найти здесь работу. Если же говорить о дальнейшем маршруте, то, достигнув Ни-мойи, мы хотим спуститься по реке до Пилиплока.

- А оттуда?

Валентин неопределенно махнул рукой.

- Некоторые из нас хотят совершить паломничество на Остров. Вы знаете, что это такое? А другие... я не могу сказать, куда они поедут.

- Я должен добраться до Алханроеля,- сказал Кун.- Моя единственная надежда в возвращении домой, которое невозможно с этого континента. Возможно, в Пилиплоке я смогу договориться о переезде через море. Можно мне ехать с вами?

- Конечно.

- Но у меня нет денег.

- Это заметно,- сказал Валентин.- Но неважно.

Фургон быстро двигался сквозь ночь. Никто не спал.

Начался легкий дождь. В темноте леса опасности могли грозить со всех сторон, но ничего нельзя было разглядеть, и фургон катился дальше без остановки.

Спустя час Валентин поднял взгляд и увидел Виноркиса, стоящего перед ним. Тот смотрел своим рыбьим взглядом и дрожал от странного напряжения.

- Мой лорд? - сказал он тонким голосом.

Валентин кивнул хьорту.

- Вы дрожите, Виноркис?

- Мой лорд... я должен сделать ужасное признание...

Слит открыл глаза и мрачно уставился на него. Валентин сделал ему знак успокоиться.

- Мой лорд...- начал Виноркис и запнулся. Потом начал снова: - Мой лорд, в Пидруиде ко мне подошел мужчина и сказал: «Высокий, светловолосый чужестранец остановился в одной из гостиниц, и нам известно, что он совершил чудовищное преступление». Этот мужчина предложил мне кошель с кронами, если я проберусь поближе к светловолосому чужестранцу, пойду куда бы он ни пошел и каждые несколько дней буду доносить имперским прокторам о его поступках.

- Шпион? - спросил Слит, и его рука потянулась к кинжалу на бедре.

- Кто был этот мужчина? - быстро спросил Валентин.

Хьорт покачал головой.

- Судя по одежде, кто-то из слуг Коронала. Имени его я не знаю.

- И вы отправляли эти донесения?

- Да, мой лорд,- пробормотал Виноркис, глядя

на свои ноги.- В каждом городе. Через некоторое время я уже с трудом верил, что вы можете быть преступником, я понял, что душа у вас добрая и мягкая, но поскольку взял деньги и получал все новые за очередные донесения...

- Позвольте мне убить его! - хрипло попросил Слит.

- Никаких убийств,- сказал Валентин.- Ни сейчас, ни потом.

- Он опасен, мой лорд!

- Сейчас уже нет.

- Я никогда не верил ему,- сказал Слит.- Так же, как Карабелла и Делиамбр. И не только потому, что хьорт. В нем было что-то хитрое и непонятное.

- Простите меня, мой лорд,- взмолился Виноркис.- Я понятия не имел, кого предавал.

- Вы верите ему? - воскликнул Слит.

- Да,- сказал Валентин.- Почему бы и нет? Он не мог знать, кто я, пока... пока я сам не узнал этого. Он говорит, что следил за светловолосым мужчиной и извещал об этом правительство. Разве это плохо? Он просто служил Короналу или думал, что служит ему. Его преданность нельзя вознаграждать ударом кинжала, Слит.

- Мой лорд, иногда вы бываете слишком наив-

ны,- сказал Слит.

- Возможно. Но не сейчас. Мы можем многое узнать, простив этого хьорта, и ничего, убив его.- Повернувшись к Виноркису, Валентин сказал: - Я прощаю вас, Виноркис, только прошу быть таким же преданным настоящему Короналу, как вы были преданы фальшивому.

- Клянусь, мой лорд.

- Хорошо. А сейчас отбросьте свой страх и попробуйте заснуть.

Винокрис сделал знак звездного огня и удалился, сев в среднем помещении рядом с двумя скандарами.

- Это было неразумно, мой лорд,- сказал Слит.- Что если он продолжает шпионить за нами?

- В этих джунглях? И кому же он отправляет донесения?

- А когда мы покинем джунгли?

- Я думаю, ему можно доверять,- сказал Валентин,- Конечно, его признание может быть только уловкой, чтобы отвести от себя подозрения. Я не так наивен, как вы думаете, Слит, и прошу вас не спускать с него глаз, когда мы снова вернемся к цивилизации. Но, думаю, вы найдете, что его раскаяние вполне искренне. Кроме того, я хочу использовать его.

- Использовать, мой лорд?

- Шпион может привести нас к другим шпионам, а они будут, Слит. Почему бы Виноркису не поддерживать контакты с другими имперскими агентами, а?

Слит подмигнул ему.

- Я понял вашу идею, мой лорд!

Валентин улыбнулся, и оба замолчали.

Да, сказал он себе, ужас и раскаяние Виноркиса были искренни. Кроме того, это дало Валентину необходимое ему знание: если Коронал был готов платить за сведения о каком-то бродяге, следующем из Пидруида в Иллиривойн, то так ли уж незначителен этот бродяга? По спине у него пробежали мурашки. Больше, чем что-либо другое, признание Винокриса подтвердило все, что Валентин узнал о себе. Несомненно, если техника, которой пользовались для пересадки разума в новое тело, была новой и относительно непроверенной, заговорщики, не зная, как долго возвращается стертая память, не могли позволить изгнаннику-Короналу бродить по стране свободно и безнадзорно. Значит, должен был быть шпион и, вероятно, не один, а если узурпатор узнает, что к Валентину возвращаются воспоминания, должны последовать превентив-

ные акции. Его удивляло, как старательно силы империи выслеживали его, стремясь перехватить в путешествии к Алханроелю.

Фургон двигался сквозь черноту ночи. Делиамбр и Лизамон Хултин вели с Зализаном Каволом бесконечное совещание о маршруте: второе крупное поселение метаморфов - Авендройн - лежало где-то к юго-востоку от Иллиривойна, в долине между двумя высокими горами, и было вполне вероятно, что дорога, которой они следовали, приведет их туда. Весело въехать в другой город метаморфов едва ли было разумным решением. Весть об освобождении пленника и бегстве фургона могла опередить их и все же еще более опасным было повернуть назад, к Пьюрифайнскому Фонтану.

Валентин, который вообще не спал, сотни раз прокручивал в памяти пантомиму метаморфа. Да, это казалось сном, но сны не бывали такими прямолинейными: Валентин стоял так близко от своего двойника-метаморфа, что мог коснуться его, и видел все подробности смены от светлого до темного и обратно. Метаморфы знали правду и более хорошо, чем он сам. Могли ли они читать в душах, как сделал когда-то Делиамбр? Что они чувствовали, зная, что низвергнутый Коронал

находится среди них? Конечно, не страх: Коронал лы были для них ничем, разве что символом их поражения тысячи лет назад. Должно быть, им казалось ужасно забавным, что преемник Лорда Стиамота жонглирует булавами на их фестивале, развлекая их глупыми трюками и танцами вдали от пышности Замковой Горы. Коронал в их собственной грязной деревушке... Как это странно, подумал он. И как похоже на сон.

15

Перед рассветом стали видны огромные горы. Авендройн был уже недалеко. С уважением, которого никогда не выказывал прежде, Залзан Кавол направился на корму, посоветоваться с Валентином, что делать дальше. Залечь среди деревьев и ждать ночи, чтобы попытаться миновать Авендройн, или попробовать сделать это днем?

Командование, несомненно, было за Валентином. Он на мгновение задумался, стараясь казаться прозорливым и мудрым, потом сказал:

- Если мы поедем вперед днем, то будем слишком заметны. С другой стороны, если мы потеряем весь день, прячась здесь, то дадим им время подготовиться к встрече.

- Ночью,- сказал Слит,- в Иллиривойне снова будет фестиваль, как, вероятно, и здесь. Мы можем проскользнуть мимо них, пока они веселятся, но днем у нас нет шансов.

- Верно,- согласилась Лизамон Хултин.

Валентин огляделся.

- Карабелла?

- Ожидая ночи, мы дадим метаморфам время

догнать нас. Я за то, чтобы ехать вперед.

- Делиамбр?

Вроон осторожно сцепил кончики своих щупалец.

- Вперед. Объехать Авендройн и двигаться к Верфу. Из Авендройна должна быть вторая дорога к Фонтану.

- Да,- сказал Валентин и взглянул на Залзана Кавола.- Я согласен с Делиамбром и Карабеллой. А вы?

Залзан Кавол нахмурился.

- Я бы предпочел, чтобы колдун поднял фургон в воздух и опустил ночью в Ни-мойе. Если же нет, то... ехать без задержек.

- Пусть так и будет,- сказал Валентин.- А когда доберемся до Авендройна, пошлем разведчиков найти дорогу, огибающую город.

Они поехали дальше, удвоив с рассветом осторожность. Время от времени начинался дождь, но теперь это был не легкий дождик, а скорее тропический ливень, тяжелая канонада капель, грохотавших по крыше фургона. Валентин был рад дождю: может, это задержит метаморфов в домах, когда они будут проезжать мимо.

Вскоре стали попадаться разбросанные тут и там плетеные хижины, означавшие близость

города. Дорога снова и снова разветвлялась, и Делиамбр каждый раз разрешал возникшие затруднения, пока они не поняли, что должны быть возле Авендройна. Лизамон Хултин и Слит отправились на разведку и вернулись через час с хорошими новостями: одна из двух дорог впереди вела в самое сердце Авендройна, где шла подготовка к фестивалю, а другая сворачивала на северо-восток, огибая город и проходя через сельскохозяйственный район на дальних склонах гор.

Они выбрали северо-восточную дорогу и без происшествий обогнули Авендройн.

Близился вечер, когда они миновали перевал и спустились на широкую, залитую дождем, темную лесистую равнину, которая представляла собой восточную границу территории метаморфов. Залзан Кавол яростно гнал фургон вперед, останавливаясь только когда Шанамир заявлял, что маунтам совершенно необходим отдых и еда.

Ближе к ночи, когда они ехали под дождем по неровной дороге, начались неприятности.

Валентин ехал в среднем отсеке с Делиамбром и Карабеллой, большинство остальных спали, а правили фургоном Хейтраг Кавол и Гибор Хаерн.

Внезапно спереди донесся треск и грохот, и через мгновение фургон остановился.

- Ветром повалило дерево! - сказал Хейтраг Кавол.- Дорога перед нами закрыта.

Залзан Кавол вполголоса выругался и, толкнув, разбудил Лизамон Хултин. Валентин не мог разглядеть впереди ничего, кроме кроны одного из лесных гигантов, блокирующего дорогу. Расчистка ее могла занять часы и даже дни. Скандары взвалили на плечи излучатели и вышли - на разведку. Валентин последовал за ними. Темнота быстро сгущалась. Дул порывистый ветер, и почти горизонтальные струи дождя секли их лица.

- Придется поработать! - раздраженно проворчал Залзан Кавол.- Телкар! Ты будешь резать здесь, снизу! Роворн! Твое дело - сучья! Эрфон!..

- Может, быстрее вернуться назад и попробовать другое ответвление дороги? - предложил Валентин.

Эта мысль поразила Залзана Кавола, как будто он никогда не задумывался об отступлении. Обдумав ее, он наконец сказал:

- Да, в этом есть смысл. Если мы...

Но в этот момент второе дерево, еще больше первого, рухнуло на землю в ста ярдах за ними. Фургон оказался в ловушке.

Валентин первым понял, что должно произойти.

- Все в фургон! Это засада! - И он бросился к открытой двери.

Но было уже поздно. Из темнеющего леса выскочила толпа метаморфов - пятнадцать-двадцать, а может, и еще больше. Залзан Кавол издал ужасный гневный крик и открыл огонь из излучателя. Луч света странного лавандового цвета прошел по обочине дороги, и двое отвратительно обугленных метаморфов повалились на землю. Но в тот же миг Хейтраг Кавол издал странный булькающий звук и упал с древком, торчащим из его шеи, а Телкар рухнул, цепляясь за другое, пробившее его грудь.

Задняя стена фургона вдруг вспыхнула и находившиеся внутри посыпались наружу, возглавляемые Лизамон Хултин, поднявшей над головой свой вибромеч. На Валентина набросился метаморф, имевший его собственное лицо. Ударом ноги он отбросил его в сторону, повернулся и полоснул ножом второго. Это было странно - наносить рану. В жутком очаровании он смотрел на жидкость бронзового цвета, хлынувшую из нее.

Валентин-метаморф снова был рядом. Его когти целились в глаза, но Валентин увернулся и

ткнул его ножом. Лезвие глубоко погрузилось в тело, и метаморф отшатнулся, схватившись за грудь. Валентин замер, потрясенный, но только на мгновение. Потом повернулся к следующему.

Сражаться и убивать было для него новым испытанием, и душа его наполнилась болью, но ничего не делать значило сейчас просить о смерти. Он колол и резал, резал и колол. Потом откуда-то донесся голос Карабеллы:

- Как у вас дела?

- Все в порядке,- проворчал он.

Залзан Кавол, видя, что его драгоценный фургон горит, схватил одного из метаморфов за талию и швырнул в огонь; двое других бросились на него, но еще один скандар схватил их и сломал как палки своими двумя парами рук. В общей свалке Валентин заметил Карабеллу, боровшуюся с метаморфом и прижимавшую его к земле с силой, развитой годами жонглирования, а неистовый Слит мстительно топтал ногами еще одного. Однако фургон горел. Деревья были полны метаморфами, ночь быстро опускалась, дождь лил как из ведра, а фургон горел...

Жар от огня все усиливался, и центр сражения сместился к обочине дороги и лесу. Положение становилось все более угрожающим, ибо в

темноте нельзя было отличить друга от врага. Изменение метаморфами своей формы увеличивало неразбериху, хотя в пылу битвы они не могли долго удерживать эти трансформации и то, что казалось Слитом, Шанамиром или Залзаном Каволом, быстро обретало свою настоящую форму.

Валентин сражался неистово. Он был мокрым от своего пота и крови метаморфов, сердце его колотилось от бешеного напряжения. Тяжело дыша широко раскрытым ртом, он шел через толпу врагов с усердием, которое удивляло его, ни на мгновение не останавливаясь передохнуть.

Метаморфы были вооружены только самым простым оружием и потому, хотя их было так много, численность их быстро уменьшалась. Лизамон Хултин производила страшное опустошение своим вибромечом, держа его обеими руками и обрубая сучья с деревьев и конечности метаморфов. Уцелевшие скандары, заливая все вокруг потоками огня, подожгли полдюжины деревьев и усеяли землю вокруг себя трупами метаморфов. Слит уничтожал их, как будто желая отомстить за всю боль, которую перенес из-за них; Кун и Виноркис тоже сражались с невероятной энергией.

А потом все кончилось так же внезапно, как и началось.

Озаренные пламенем горящего фургона, повсюду лежали мертвые метаморфы, среди которых выделялись два мертвых скандара. Лизамон Хултин получила неглубокую, но сильную кровоточащую рану на бедре, Слит потерял половину куртки и получил несколько мелких порезов, Шанамиру расцарапали когтями щеку. Валентин тоже получил несколько пустяковых царапин и порезов, а его руки налились свинцом от усталости. Однако серьезных ран у него не было. Делиамбр... кстати, где Делиамбр? Колдуна-вроона нигде не было видно. В страхе Валентин повернулся к Карабелле и сказал:

- Вроон остался в фургоне?

- По-моему, все выскочили, когда вспыхнул огонь.

Валентин нахмурился. Молчание леса нарушил только жуткий рев пламени и тихий, насмешливый стук дождя.

- Делиамбр! - крикнул Валентин.- Делиамбр, где вы?

- Здесь,- ответил высокий голос откуда-то сверху. Валентин поднял взгляд и увидел колдуна, уцепившегося за толстый сук в пятнадцати футах

от земли.

- Война не принадлежит к моим талантам,- вежливо объяснил Делиамбр и упал прямо в руки Лизамон Хултин.

- Что будем делать? - сказала Карабелла, и Валентин понял, что она спрашивает у него. Он был командиром. Залзан Кавол стоял на коленях рядом с телами братьев и казался ошеломленным их смертью и потерей своего драгоценного фургона.

- Нам осталось только идти через лес. Если держаться дороги, можно встретить новых метаморфов. Шанамир, что с маунтами?

- Мертвы,- всхлипнул мальчик.- Все мертвы. Метаморфы...

- Значит, пешком. Это будет долгое путешествие. Делиамбр, как далеко, по-вашему, до Стейша?

- Полагаю, несколько дней пути. Но мы не знаем, в каком направлении идти.

- Идти нужно все время вниз,- сказал Слит.- Реки не текут вверх. Если мы пойдем на восток, то обязательно найдем ее.

- Если нам не помешают горы,- заметил Делиамбр.

- Мы найдем реку,- жестко сказал Валентин.-

Стейш впадает в Цимр у Ни-мойи, не так ли?

- Да,- подтвердил Делиамбр,- но его течение очень бурное.

- Придется рискнуть. Думаю, мы сумеем быстро построить плот. Идемте. Промедление грозит новым нападением.

Они не смогли ничего спасти из фургона: ни одежды, ни пищи, ни каких-то жонглерских приспособлений. Пропало все, кроме того, что они взяли с собой, выходя навстречу нападавшим. Для Валентина это не было большой утратой, но для других, особенно для Залзана Кавола, это был сокрушительный удар. Фургон долгое время был их домом.

Нелегко было заставить Залзана Кавола уйти с этого места. Он казался застывшим и не хотел покидать тела своих братьев и останки фургона. Валентин мягко заставил его встать. Некоторые метаморфы, сказал он, уцелели в стычке и удрали; скоро они могут вернуться с подкреплением, и потому опасно оставаться здесь. Они быстро выкопали неглубокую могилу в мягкой почве и похоронили Телкара и Хейтрага Кавола. Потом в темноте, под продолжающимся дождем, отправились туда, где, по их представлениям, был восток.

Они шли больше часа, пока не стало слишком темно, потом остановились и сели, тесно прижимаясь друг к другу. С первыми лучами зари они поднялись, мокрые, закоченевшие, и снова двинулись через лес. Дождь прекратился. Лес здесь был менее похож на джунгли и идти по нему было легче. Задержки вызывали только встречавшиеся время от времени быстрые потоки, которые приходилось переходить вброд. В одном из них Карабелла потеряла почву под ногами, и ее выловила Лизамон Хултин, в другом поток сбил с ног Шанамира и в последний момент его спас Кун. Они шли до полудня, потом два часа отдохнули, подкрепившись найденными корнями и ягодами, и шли до темноты.

Так прошли два следующих дня.

На третий день они вышли к роще двикки - восьми толстым приземистым лесным гигантам, с огромными разбухшими плодами, свисающими с них.

- Пища! - заревел Залзан Кавол.

- Пища, священная для лесных братьев,- сказала Лизамон Хултин.- Будьте осторожны!

Изголодавшийся скандар не обратил на нее внимания и уже готов был срезать излучателем один огромный фрукт, как Валентин резко

сказал:

- Нет! Я запрещаю это!

Залзан Кавол недоверчиво уставился на него. На мгновение к нему вернулись старые привычки и, казалось, он сейчас ударит Валентина, но все-таки он сумел сдержаться.

- Смотрите,- сказал Валентин.

Из-за каждого дерева выглядывали лесные братья, вооруженные копьеметами. Видя, что их окружили гибкие, обезьяноподобные существа, усталому Валентину захотелось, чтобы их скорее убили. Но это была лишь минутная слабость. Взяв себя в руки, он сказал Лизамон Хултин:

- Спросите, не дадут ли они нам пищи и не покажут ли дорогу к Стейшу. Если они потребуют плату, мы можем жонглировать для них камнями или кусками плодов.

Женщина-воин, ростом в два раза выше любого из лесных братьев, вышла вперед и долго говорила с ними. Вернулась она улыбаясь.

- Они знают, что мы освободили в Иллиривойне их братьев! - сказала она.

- Значит, мы спасены! - воскликнул Шанамир, а Валентин добавил:

- Новости в этом лесу расходятся быстро.

Лизамон Хултин продолжала:

- Мы их гости. Они накормят и проводят нас.

В ту ночь путники досыта наелись плодов двикки, других лесных деликатесов и смеялись впервые с тех пор, как попали в засаду. После этого лесные братья показали им что-то вроде танца, а Слит, Карабелла и Валентин ответили импровизированным жонглированием, используя предметы, собранные в лесу. Затем Валентин погрузился в глубокий спокойный сон. В своих снах в ту ночь он умел летать и видел себя парящим над вершиной Замковой Горы.

Утром группа щебечущих лесных братьев проводила их к реке, протекавшей в трех часах ходьбы от рощи двикки, и попрощалась с ними.

Река была широка, хотя даже отдаленно не походила на могучий Цимр, и текла на север удивительно быстро, с такой энергией, что глубоко прорезала свое ложе, образовав во многих местах высокие каменные стены. Тут и там из воды поднимались безобразные каменные останцы, а ниже по течению Валентин заметил белые водовороты над порогами.

Постройка плотов заняла полтора дня. Они валили молодые стройные деревья, росшие на берегу, подравнивали их ножами и острыми камнями и связывали вместе лианами. Результат

едва ли был красив, но плоты, хотя и довольно грубые, казались вполне пригодными для путешествия по реке. Всего их было три: один для скандаров, другой для Куна, Виноркиса, Лизамон Хултин и Слита, а третий заняли Валентин, Карабелла, Шанамир и Делиамбр.

- Вероятно, мы потеряем друг друга, когда поплывем вниз,- сказал Слит.- Нужно выбрать место для встречи в Ни-мойе.

- Стейш и Цимр,- сказал Делиамбр,- сливаются в месте, называемом Ниссиморн. Там есть широкий песчаный берег. Предлагаю встретиться там.

- Хорошо, пусть будет Ниссиморн,- согласился Валентин.

Он перерезал веревку, крепившую их плот к берегу, и тот понесся вниз по реке.

Первый день путешествия был небогат событиями. Иногда встречались пороги, но не очень сложные, и они благополучно миновали их. Карабелла выказала умение управлять плотом и ловко проводила его между каменными глыбами.

Через некоторое время плоты начали разделяться. Тот, на котором плыл Валентин, попал в какое-то течение и вырвался вперед. Валентин надеялся, что к утру остальные догонят его, но их

не было, и он решил двигаться дальше.

Все вперед и вперед скользили они по бесконечной водяной ленте. После полудня второго дня плавание стало более тяжелым. Район заметно понижался по мере приближения к Цимру, и река кипела и бурлила. Валентин забеспокоился, нет ли впереди водопадов. У них не было карты, и узнать о приближении к ним они могли только оказавшись с ними рядом. Оставалось надеяться, что эта быстрая вода доставит их в Ни-мойю, не причинив никакого ущерба.

А что потом? Лодкой до Пилиплока, там кораблем паломников на остров Сна и каким-нибудь образом добиться разговора с его матерью, Леди. А дальше? Что делать дальше? Как можно получить трон Коронала, если лицо твое - вовсе не лицо Лорда Валентина, истинного правителя? Это казалось Валентину невозможным. Может, лучше остаться здесь, в лесу, управляя своей маленькой группкой? Они вполне готовы считать его тем, кем он теперь сам считал себя, но в мире миллиардов людей, в этой империи огромных городов, лежащих за краем горизонта, как может он убедить неверящих, что он, жонглер Валентин, был...

Нет, это глупые мысли. Никогда с тех пор, как

без воспоминаний и прошлого он подошел к гребню горы, над лежащим внизу Пидруидом, ему не хотелось управлять другими, и, если он командует этой маленькой группой, то только потому, что этого потребовали обстоятельства. И все же он командовал, хотя осторожно и мягко. Так и должно быть, пока он путешествует по Маджипуру. Он старался поступать так, как казалось ему правильным, и, возможно, его направляла Леди. Если Дивин захочет, он снова вернется на Замковую Гору. Бояться было нечего, будущее спокойно разворачивалось перед ним и...

- ВАЛЕНТИН!-крикнула Карабелла.

Из реки словно выросли огромные каменные зубы. Повсюду были валуны и огромные белые водовороты, а прямо впереди - зловещий и стремительный спуск, место, где Стейш ревя мчался по серии уступов к долине, лежащей далеко внизу. Валентин сжал свой шест, но никакой шест не мог им сейчас помочь. Его заклинило между двумя камнями и вырвало из рук Валентина, а мгновением позже раздался ужасный скрежет, когда легкий плот налетел на подводный камень и перевернулся. Валентина швырнуло в холодную воду и потащило вперед, как пробку. На мгновение он поймал запястье Карабеллы, но

течение тут же вырвало ее и, как он ни старался, его завертело и утащило под воду.

Задыхаясь и кашляя, Валентин пытался держать голову над водой, но, когда ему это удалось, он был уже далеко внизу. Обломков разбитого плота нигде не было видно.

- Карабелла! - пронзительно закричал он.-Шанамир! Делиамбр!

Он кричал, пока не сорвал голос, но рев порогов покрывал его крики, так что он едва слышал сам себя. Ужасная боль утраты парализовала его дух. Значит, все погибли? Его друзья, его любимая Карабелла, хитрый маленький вроон, умный и дерзкий Шанамир, все мгновенно утонули? Нет, нет, это немыслимо. Только что рядом с ним были существа из плоти и крови, и вот остались только имена? Нужно продолжать кричать, пока река несет его вперед.

- КАРАБЕЛЛА! - крикнул ОН.- ШАНАМИР!

Цепляясь за камни, он пытался остановить свое невольное движение вниз, но сейчас он был в центре порогов и течение не отпускало его. Измученный и полупарализованный от горя, Валентин прекратил сопротивление и позволил тащить себя вниз по гигантской лестнице реки - крошечная игрушка, которая кружилась

и подскакивала. Он поджал колени к груди и закрыл голову руками, стараясь уменьшить до предела поверхность тела, соприкасавшуюся с камнями. Мощь реки была устрашающей. Здесь и закончится, подумал он, великое приключение Валентина с Маджипура, бывшего Коронала, потом бродячего жонглера, а сейчас человека, разрываемого на куски безымянными и беззаботными силами природы. Он препоручил себя Леди, которая, как он думал, была его матерью, жадно глотнул воздуха и помчался вперед, крутясь в водоворотах, а потом сильно ударился обо что-то и решил, что пришел его конец. Но это был не конец, и он тут же ударился снова так, что затрещали ребра, заколотил руками по воздуху и, видимо, потерял сознание, потому что больше ничего не чувствовал.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на россыпи гальки в тихом боковом ответвлении реки. Ему казалось, что его часами трясли в стаканчике для игральных костей, а потом выбросили как ненужную вещь. Тело его болело, а в легких что-то хрипело, когда он глубоко вдыхал. Валентин дрожал всем телом, и кожу его покрывали мурашки. Он был один под широким безоблачным небом на краю диких земель, а

где-то впереди была цивилизация, и река тащила по камням тела его мертвых друзей.

Однако он был жив, в этом не было сомнений. Один, избитый, беспомощный, сломленный горем, но... живой. Значит, приключение продолжалось. Медленно, с огромным усилием, Валентин выбрался на берег и осторожно опустился на широкий плоский камень. Онемевшими пальцами он расстегнул свою одежду и положил ее сушиться под теплыми лучами солнца. Потом взглянул на реку, надеясь увидеть плывущую Карабеллу или Шанамира с Делиамбром, сидящим у него на плечах, но там не было никого. Впрочем, это не значит, что они мертвы, сказал он себе. Их могло выбросить на берег где-то ниже по течению. Отдохну здесь немного, решил Валентин, а потом пойду искать других. С ними или без них я пойду вперед, к Ни-мойе, Пилиплоку и Острову Сна, все вперед и вперед - до Замковой Горы или еще чего-то, ждущего меня. Вперед! Вперед! Вперед!..

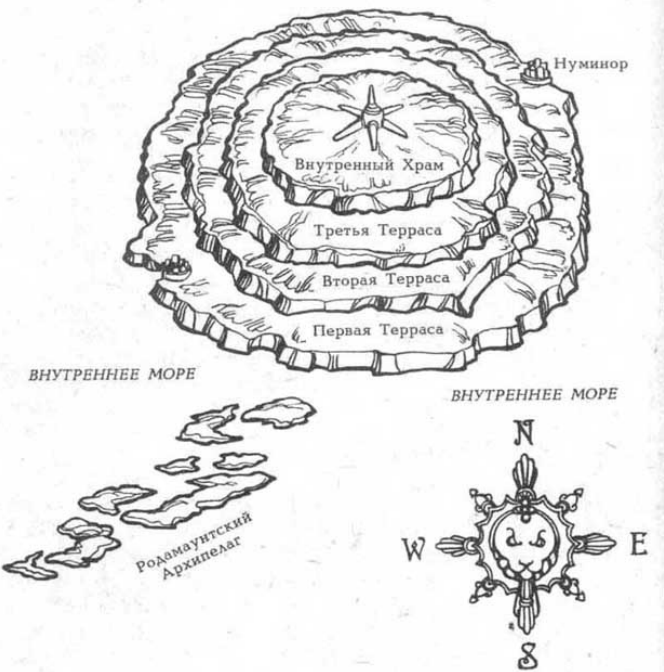
Книга Острова Сна

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КНИГА ОСТРОВА СНА

1

ОСТРОВ СНА


Нуминор
Внутренний Храм
Третья Терраса
Вторая Терраса
Первая Терраса
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
Родамаунтский Архипелаг
N
W
E
S

Валентину казалось, что прошли месяцы или даже годы, пока он лежал на своем теплом плоском камне там, куда выбросил его неистовый Стейш. Шум реки звучал в его ушах, успокаивая. Солнечные лучи окружали его туманным золотым ореолом, и он сказал себе, что их прикосновение вылечит его синяки, ссадины и ушибы, если только он пролежит здесь достаточно долго. Подсознательно он чувствовал, что нужно встать, поискать убежище, а затем начать поиски своих спутников, но сил ему хватало только на то, чтобы переворачиваться с боку на бок.

Валентин чувствовал, что ведет себя не так, как пристало Короналу Маджипура. Это было позволительно купцам, завсегдатаям таверн или жонглерам, но тот, кто претендовал на власть, должен был подчиняться более строгим правилам. А потому, сказал он себе, нужно подняться, одеться и идти вдоль берега на север, пока не достигнешь тех, кто поможет тебе вновь занять свое высокое место. Но он оставался там, где был. Коронал или нет, но но растратил всю свою энергию, пока его несло через пороги. Лежа здесь, он наглядно представлял себе огромность Маджипура, многие тысячи миль его земель, проходящих под его ногами. Это была планета

достаточно большая, чтобы стать удобным домом для двадцати миллиардов человек, планета огромных городов, удивительных парков, лесных заповедников, священных районов, сельскохозяйственных территорий, и Валентину казалось, что если он встанет, ему придется преодолеть все это колоссальное пространство пешком, шаг за шагом. Гораздо проще было оставаться там, где он был.

Что-то легонько пощекотало его спину, что-то упругое и настойчивое. Он не обратил на это внимания.

- Валентин?

Щекотка повторилась, и почти одновременно с ней его затуманенный мозг осознал, что кто-то зовет его по имени, следовательно, это один из его спутников, спасшийся, как и он сам. Радость охватила его, собрав жалкие остатки сил, Валентин приподнял голову и увидел маленькую многорукую фигуру Аутифона Делиамбра, стоящего рядом с ним. Колдун собирался коснуться его в третий раз.

- Вы живы! - воскликнул Валентин.

- Несомненно. Так же как и вы.

- А Карабелла? Шанамир?

- Я не видел их.

- Так я и думал,- мрачно буркнул Валентин. Он закрыл глаза, опустил голову, и свинцовое отчаяние снова навалилось на него.

- Идемте,- сказал Делиамбр.- Впереди у нас долгое путешествие.

- Я знаю и потому не хочу никуда идти.

- У вас что-то болит?

- Едва ли. Но я хочу отдохнуть, Делиамбр, отдохнуть сто лет.

Щупальца колдуна коснулись Валентина в дюжине мест.

- Серьезных повреждений нет,- буркнул вроон.- Вы практически здоровы.

- Я-то да,- сказал Валентин.- А как обстоят дела с вами?

- Врооны хорошие пловцы, даже такие старые, как я. Я цел и мы можем идти дальше, Валентин.

- Позднее.

- Как Коронал Маджи...

- Коронал Маджипура,- перебил его Валентин,- не проходит пороги Стейша на кое-как слепленном бревенчатом плоту. Короналу не нужно день за днем бродяжничать в этих диких местах, спать под дождем и не есть ничего, кроме орехов и ягод. Коронал...

- Коронал не должен позволять своим поддан-

ным видеть его в состоянии растерянности и вялости,- резко ответил Делиамбр.- А один из них как раз идет сюда.

Валентин моргнул и сел. Широко шагая, к ним приближалась Лизамон Хултин. Женщина-воин казалась слегка расстроенной, одежда ее была изодрана в клочья, а гигантское тело покрывали многочисленные синяки, но голос, когда она заговорила, гремел, как всегда.

- Эгей! Вы целы?

- Думаю, да,- ответил Валентин.- Вы не видели кого-нибудь еще?

- Карабеллу и мальчика в полумиле ниже по течению.

Валентин вновь воспрянул духом.

- С ними все в порядке?

- Во всяком случае с ней.

- А Шанамир?

- Никак не приходит в себя. Карабелла послала меня искать колдуна, и я нашла его быстрее, чем надеялась. Фу, что за река! Плот выскользнул из-под нас так быстро, что это было почти забавно.

Валентин потянулся за своей одеждой, обнаружил, что она еще мокрая, и, пожав плечами, вновь положил на камень.

- Нужно немедленно идти к Шанамиру. Есть

новости от Куна, Слита и Виноркиса?

- Нет. Я упала в воду, а когда вынырнула, была уже одна.

- А скандары?

- Никаких признаков присутствия.- Лизамон повернулась к Делиамбру.- Где, по-вашему, мы находимся?

- Понятия не имею,- ответил вроон.- Во всяком случае благополучно покинули земли метаморфов. Отведите меня к мальчику.

Лизамон Хултин посадила Делиамбра на плечо и широко зашагала вдоль реки, а Валентин захромал следом, неся в руках свою мокрую одежду. Через некоторое время они добрались до Карабеллы и Шанамира, расположившихся на белом песке небольшой бухточки, окруженной густыми зарослями тростника с пурпурными стеблями. Шанамир лежал без сознания, дышал тяжело, и кожа его была странного темного оттенка.

- Валентин! - крикнула Карабелла, вскочила и бросилась к нему.- Я видела, как вас уносило в сторону, а потом... потом... Я думала, что никогда больше не увижу вас!

Он крепко прижал ее к себе.

- Я думал точно так же. Я думал, что потерял тебя навсегда, любимая.

- Вы не ранены?

- В общем, нет,- сказал он.- А ты?

- Меня кидало и бросало до тех пор, пока я не забыла, как меня зовут. Потом я попала в спокойное место и выплыла на берег. Шанамир уже был здесь, но он никак не приходил в себя. Потом из леса вышла Лизамон и сказала, что попробует найти Делиамбра, и... С ним все будет в порядке, колдун?

- Минуточку...- буркнул Делиамбр, прикладывая кончики щупалец к груди и лбу мальчика, словно собираясь перекачивать энергию. Шанамир что-то проговорил и зашевелился. Его глаза на мгновение открылись, закрылись и открылись снова. Хриплым голосом он начал что-то говорить, но Делиамбр сказал, чтобы он замолчал и лежал, пока к нему не вернутся силы.

Нечего было и думать идти куда-то сегодня. Валентин и Карабелла соорудили грубое укрытие из тростника, а Лизамон Хултин собрала немного плодов и молодых побегов пининны. Поев, они молча сели возле реки, глядя на эффектный закат солнца. Фиолетовые и золотистые полосы пересекали огромный купол неба, отражаясь в светло-оранжевых и пурпурных тонах в воде. Потом появились оттенки бледно-зеленого, ат-

ласно-красного, шелковисто-малинового, а затем первые признаки серого и черного. Наконец опустилась ночь.

Утром все чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы двигаться дальше. Шанамир уже не выглядел больным: заботы Делиамбра и собственная молодость восстановили его силы.

Починив как могли свою одежду, они двинулись на север, идя по берегу, пока это было возможно, а затем по лесу из андродрагм и цветущих алабандинов, которые росли по берегам реки. Воздух был нежным и мягким, а солнце, светя сквозь верхушки деревьев, дарило тепло усталым странникам.

Через три часа пути Валентин уловил запах дыма и, что было гораздо интереснее, запах жареной рыбы. Это словно подстегнуло его, и он пошел быстрее, готовый купить, выпросить или украсть немного этой рыбы, ведь прошло уже много дней с тех пор, как он последний раз пробовал жареную пищу. Под крутым, покрытым осыпью склоном, на белых камнях, таких ярких, что на них было больно смотреть, Валентин заметил три фигуры, согнувшиеся возле огня, а прикрыв глаза рукой, он разглядел, что одна из них - это человек с бледной кожей и копной неправдоподобно бе-

лых волос, другая - длинноногий и голубокожий чужак, а третья - хьорт.

- Слит! - закричал Валентин.- Кун! Виноркис!

Он бросился к ним, скользя и падая на камнях.

Они следили за его приближением спокойно, а когда он подбежал, Слит протянул ему палку с насаженным на нее куском розового мяса какой-то речной рыбы.

- Поспели как раз к ленчу,- любезно сказал он.

Валентин уставился на него.

- Как вы оказались так далеко впереди? Как вы разожгли костер и поймали эту рыбу? Что вы...

- Ваша рыба остынет,- сказал Кун.- Сначала поешьте, а вопросы потом.

Валентин поспешно откусил кусок - никогда прежде он не пробовал более восхитительного, нежного мяса - и, повернувшись, крикнул товарищам, чтобы они спускались вниз. Но они уже и сами спешили: Шанамир - крича и подпрыгивая на бегу, Карабелла - грациозно прыгая с камня на камень, Лизамон Хултин, несущая Делиамбра,- громко топоча своими ножищами.

- Рыбы хватит на всех! - объявил Слит.

Они выловили не меньше дюжины рыб, которые плавали в мелкой, выложенной камнями луже возле костра. Кун умело выхватывал их

из воды, бросал на камень и свежевал, а Слит держал куски над огнем.

Слит объяснил, что когда их плот развалился, они уцепились за его часть, состоявшую - из трех бревен, и ухитрились продержаться на ней весь путь через пороги. Они смутно припомнили, что видели место, где Валентин выбрался на берег, но, проплывая мимо, не заметили его самого, а потом плыли еще несколько миль вниз по реке, прежде чем пришли в себя настолько, что рискнули оставить свои бревна и плыть к берегу. Кун наловил рыбы голыми руками, и Слит сказал, что у него самые быстрые руки, которые он когда-либо видел, и что из него вышел бы отличный жонглер. В ответ Кун усмехнулся - впервые на лице чужака появилось что-то, кроме мрачной сосредоточенности.

- А огонь? - спросила Карабелла.- Вы добыли его, щелкнув пальцами?

- Мы пытались,- ответил Слит,- но это была слишком напряженная работа. Поэтому мы пошли в деревню рыбаков, лежащую за излучиной, и попросили занять нам огня.

- Рыбаков? - удивленно переспросил Валентин.

- Застава лиименов,- пояснил Слит,- которые, наверное, не знают, что основное занятие их ра-

сы - продавать колбасу в западных городах. Они приютили нас на прошлую ночь и согласились довезти сегодня до Ни-мойи, чтобы мы могли ждать наших друзей в Ниссиморна.- Он улыбнулся.- Думаю, сейчас нам придется нанимать вторую лодку.

- Мы так близко от Ни-мойи? - спросил Дели-амбр.

- Два часа на лодке до слияния рек.

Мир уже казался Валентину не таким мрачным, а печаль, переполнявшая его, не такой сокрушительной. У них снова была вполне реальная пища, он знал, что впереди лежит дружественное селение, а то, что скоро они покинут этот дикий край, вселяло бодрость. Только одно беспокоило его в эту минуту: судьба Залзана Кавола и его братьев.

Деревня лииименов действительно была рядом - около пятисот населявших ее плоскоголовых и темнокожих существ отнеслись к путешественникам без особого любопытства. Рыбаки жили в скромных, крытых соломой хижинах возле реки, собирали урожай с маленьких садиков и держали флотилию грубых лодок. Их диалект был довольно труден, но Слит мог разговаривать с ними и ухитрился договориться не только о

второй лодке, но и о покупке новой одежды для Лизамон Хултин и Карабеллы.

Вскоре после обеда, с четырьмя молчаливыми лииименами в качестве экипажа, путники плыли вниз по реке к Ни-мойе.

Река была здесь такой же быстрой, как и прежде, но порогов не было, и две лодки спокойно плыли вдоль густонаселенных сельских районов.

Потом река расширилась и стала спокойной, превратившись в большой поток глубокого голубого цвета. Берега теперь были плоские и открытые, и, хотя поселения по обоим берегам были, несомненно, городами с населением во много тысяч человек, они казались всего лишь деревушками по сравнению с гигантскими просторами. Впереди открывалось темное, огромное водное пространство, тянувшееся, казалось, до горизонта, как если бы это было море.

- Цимр,- объявил лиимен, сидевший за рулем лодки Валентина.- Стейш здесь кончается. Ниссиморн - слева.

Валентин заметил огромный полумесяц приближающегося берега, поросшего густыми зарослями пальм странной односторонней формы: пурпурные ветви с листьями торчали с одной

стороны, подобно перьям. Когда они подплыли ближе, Валентин изумленно уставился на грубо связанный плот, вытащенный на берег, и четыре сидевшие рядом с ним гигантские косматые четырехрукие фигуры.

2

Залзан Кавол не видел ничего особенного в своем путешествии. Его плот спокойно прошел все пороги, а потом они поплыли по течению до Ниссиморна, где расположились лагерем и с растущим нетерпением стали ждать, недоумевая, что задержало остальных. Скандару и в голову не пришло, что другие плоты могли развалиться.

- У вас были неприятности? - с искренним недоумением спросил Залзан Кавол.

- Немного,- сухо ответил Валентин.- Но главное, что мы снова вместе и эту ночь проведем в настоящем жилище.

Они двинулись дальше и скоро миновали слияние Стейша и Цимра, где вода была так широка, что Валентин никак не мог воспринять это как место встречи двух рек. В городе Ниссиморне они распростились с лиименами и пересели на паром, который должен был доставить их в Нимойю, крупнейший город Цимроеля.

Город казался волшебным. Его зажигающиеся тут и там огни ярко сверкали на фоне покрытых лесами холмов. Огромные пальцы свай уходили в воду, а у причалов толпились большие и малые

суда. Пидруид, казавшийся Валентину таким огромным в первые дни путешествия, был карликом по сравнению с этим городом.

Только скандары, Кун и Делиамбр видели Ни-мойю прежде. Делиамбр рассказал о чудесах города: о Галерее Тонкой Ткани - торговом пассаже в милю длиной, возвышавшемся над землей на почти невидимых канатах; о Парке Легендарных Животных, где собраны раритеты маджипурской фауны, поставленные развитием цивилизации на грань вымирания; о Кристаллическом Бульваре - сверкающей улице вращающихся отражателей, от которых болели глаза; о Большом Базаре - площади в пятнадцать квадратных миль, где бесчисленные тысячи крошечных лавчонок под одной крышей создавали что-то вроде лабиринта; о Музее Миров, Комнате Волшебства, Герцогском Дворце, который превосходил размерами только Замок Лорда Валентина, и о многом другом, что звучало для Валентина более похожим на легенду и миф, чем на что-то, что можно встретить в реальном городе. Но все это могло подождать, пока он не вернется в Ни-мойю в мантии Коронала.

Пока паром приближался к берегу, Валентин собрал всех вместе и сказал:

- Сейчас мы должны определить наши дальнейшие пути. Я собираюсь ехать отсюда в Пилиплок, а потом на Остров. Я глубоко признателен вам за помощь и хотел бы видеть вас рядом и дальше, но не могу предложить ничего, кроме бесконечного путешествия и, возможно, преждевременной смерти. Надежда на успех весьма призрачна, а препятствия ужасны. Итак, кто-нибудь из вас идет со мной?

- Хоть на другую сторону мира! - воскликнул Шанамир.

- Я тоже,- сказал Слит, и Виноркис повторил его слова.

- Неужели вы сомневались во мне? - спросила Карабелла.

Валентин улыбнулся и посмотрел на Делиамбра, который сказал:

- Ставка в этом - святость королевства. Как я могу не последовать за истинным Короналом, куда бы он ни пошел.

- Для меня это очень смутно,- сказала Лизамон Хултин.- Я не понимаю, как Коронал мог покинуть свое настоящее тело, но сейчас у меня нет другой работы, и я с вами, Валентин.

- Спасибо вам всем,- сказал Валентин.- Надеюсь, что смогу поблагодарить более существенно в

пиршественном зале Замковой Горы.

- А скандары вам больше не нужны, мой лорд? - спросил Залзан Кавол.

Этого Валентин не ожидал.

- Вы тоже идете?

- Наш фургон сгорел, наше братство разрушила смерть, и мы потеряли весь реквизит. Я не чувствую тяги к паломничеству, но пойду за вами на Остров и дальше, если только нужен вам. Мои братья согласны со мной.

- Вы нужны мне, Залзан Кавол. И если при королевском дворе есть должность жонглера, я обещаю, что вы получите ее.

- Спасибо, мой лорд.

- Туг есть еще один доброволец,- сказал вдруг Кун.

- Вы тоже? - удивленно спросил Валентин.

Суровый чужак ответил:

- Меня мало волнует, кто является королем этой планеты, но поступить так заставляет меня моя честь. Если бы не вы, я бы погиб в Пьюрифайне и теперь в долгу перед вами.

Валентин покачал головой.

- Мы сделали то, что сделал бы на нашем месте любой цивилизованный человек. Так что никакого долга нет.

- Я смотрю на это иначе. Кроме того,- сказал Кун,- моя жизнь до сих пор была обыденной и пустой. Я присоединюсь к вам и сделаю ваше дело своим. Может, со временем я даже поверю в него и, если умру, делая вас королем, долг будет уплачен. Достойно принятой смертью я смогу расплатиться со вселенной за бесцельно прожитую жизнь. Итак, можете ли вы использовать меня?

- От всего сердца приветствую вас,- сказал Валентин.

Паром пристал к берегу. На ночь они остановились в самом дешевом прибрежном отеле, который смогли найти. Валентин предложил сложить капиталы и назначить Шанамира и Залзана Кавола казначеями, поскольку они лучше других знали цену деньгам. У самого Валентина еще оставались деньги, которые он имел в Пидруиде, а Залзан Кавол неожиданно достал из потайного кармана стопку десятирояловых монет. Этого должно было хватить, чтобы добраться до Острова Сна.

Утром они купили билеты на речной корабль, такой же как тот, что доставил их из Кинтора в Верф, и начали свое путешествие к Пилиплоку, крупному порту в устье Цимра.

Тысячи миль отделяли их от восточного берега,

но по широкой груди Цимра корабли двигались быстро и спокойно. Из кусков дерева, которые выпросил у команды, Слит вырезал жонглерские булавы, Карабелла где-то нашла мячи для жонглирования, а за едой скандары прятали в ладонях и уносили с собой тарелки, так что постепенно труппа обзаводилась реквизитом для работы, и на третий день они уже заработали несколько крон, устроив представление на палубе. Залзан Кавол постепенно вновь обретал свою грубоватую самоуверенность, хотя был еще странно подавлен и его душа ходила на цыпочках в таких ситуациях, которые прежде вызывали бурю гнева.

Это была родная земля четырех скандаров, которые родились в Пилиплоке и начали свою карьеру, колеся по городам огромной провинции. Знакомые места заставили скандаров ожить, и Залзан Кавол принялся обстоятельно рассказывать о своих ранних странствиях здесь, успехах и неудачах - весьма немногочисленных - и о разговоре с импрессарио, который увел его искать счастья на другом конце Цимроеля. Валентин подозревал, что здесь было какое-то насилие, может, даже путаница с законами, но вопросов задавать не стал.

Однажды ночью, выпив вина, скандары впервые с тех пор, как Валентин присоединился к ним, запели свою песню, тоскливую и мрачную:

Темно мое сердце,
Темны мои страхи,
Затуманены мои глаза
И полны слез.
Смерть и горе,
Смерть и горе
Идут за нами,
Куда бы мы ни пошли.
Далекие земли,
В которых я скитаюсь,
Далекие холмы
И реки родины.
Смерть и горе,
Смерть и горе
Идут за нами,
Куда бы мы ни пошли.
Моря драконов
И земли боли -
Я не увижу

Снова свой дом.
Смерть и горе,
Смерть и горе
Идут за нами,
Куда бы мы ни пошли.

Песня была такой однообразно мрачной, а огромные скандары выглядели так нелепо, когда, раскачиваясь, пели ее, что поначалу Валентин и Карабелла едва не рассмеялись. Однако потом Валентин понял, что песня могла отражать истинные чувства; скандары действительно ВСТРЕЧАЛИСЬ со смертью и горем, и, хотя сейчас они были близки к дому, прожили большую часть жизни вдали от Пилиплока. Возможно, подумал Валентин, быть скандаром на Маджипуре вовсе не сладко.

Лето уже кончилось, и на востоке Цимроеля начался сухой сезон, когда с юга дуют теплые ветры, растения замирают до прихода весенних дождей, и, как сказал Залзан Кавол, нравы из просто вспыльчивых становятся резкими и преступными. Валентин нашел этот район менее интересным, чем джунгли средней части континента или субтропики дальнего запада, но после нескольких дней внимательных наблюдений

решил, что в этом есть своя суровая красота, сдержанная и строгая, непохожая на буйство природы запада. Как и все остальные, он был доволен и рад, когда после долгого плавания по неизменной и, казалось, бесконечной реке Залзан Кавол объявил, что видит окраины Пилиплока.

3

Пилиплок был почти так же стар и велик, как его двойник на другом краю континента - Пидруид, но дальше этого сходство не шло. Пидруид был построен безо всякого плана - случайная путаница улиц, авеню и бульваров, причудливо пересекающихся между собой, тогда как Пилиплок отличала строгая, почти маниакальная точность.

Он располагался на мысе огромных размеров на южном берегу устья Цимра. Река здесь была невероятно широка - шестьдесят или семьдесят миль в месте впадения во Внутреннее Море - и несла массу ила, придававшую голубовато-серым водам океана темный оттенок, хорошо заметный на сотни миль от устья. Северный мыс речного устья был меловой скалой в милю высотой и много миль шириной, и в ясную погоду его было видно даже из Пилиплока - сверкающая белая стена, ярко освещенная солнечными лучами. Там не было ничего, что можно было бы использовать как гавань, и потому там никогда не селились, оставляя это место как священный заповедник. Приверженцы Леди жили здесь в таком отры-

ве от всего мира, что никто не появлялся у них столетиями. Зато Пилиплок был полной противоположностью этого: одиннадцать миллионов жителей населяли город, который расходился строго радиальными улицами от величественной природной гавани. Серии изогнутых поперечин пересекали линии этих радиальных спиц: внутри торговый район, затем зона промышленности и отдыха, а снаружи жилые районы, резко отличающиеся от остальных уровнем богатства и замедленным темпом жизни. В Пилиплоке была высока концентрация скандаров, отчего Валентину казалось, что каждый третий принадлежит к расе Залзана Кавола, и было страшновато смотреть на такое количество огромных скандаров, важно шагающих по улицам. Здесь жило также много аристократических двухголовых су-сухерисов, торговцев предметами роскоши, тонкими тканями и драгоценными камнями. Воздух здесь был сух почти до хруста, и, чувствуя упругий южный ветер, Валентин начал понимать, что имел в виду Залзан Кавол, говоря о буйных нравах, зажигаемых этим ветром.

- Он когда-нибудь перестает дуть? - спросил он у скандара.

- В первый же день весны,- ответил Залзан

Кавол.

К этому времени Валентин надеялся быть уже в другом месте. Однако тут же появилась проблема. С Залзаном Каволом и Делиамбром он отправился к Шкиниборской Пристани на восточном конце пилиплокской гавани, чтобы договориться о переезде на Остров. За прошедшие месяцы Валентин столько раз представлял себе этот город и эту пристань, что они превратились в его мозгу в почти легендарное место огромных размеров и возвышенной архитектуры, поэтому он был очень разочарован, обнаружив, что главное место швартовки судов паломников было ветхим полуразрушенным сооружением с шелушащейся зеленой краской и хлопающими на ветру знаменами.

Однако худшее было еще впереди. Пристань казалась покинутой. Через некоторое время Залзан Кавол обнаружил расписание отплытий, висевшее в темном углу билетного дома. Корабли паломников отплывали на Остров первого числа каждого месяца, за исключением осенних, когда плавание было затруднено из-за неблагоприятных ветров. Последний корабль в этом сезоне ушел неделю назад, а следующий должен быть через три месяца.

- Три месяца! - воскликнул Валентин.- Что нам делать в Пилиплоке три месяца? Жонглировать на улицах? Попрошайничать? Воровать? Прочтите расписание еще раз, Залзан Кавол!

- Оно останется прежним,- отозвался скандар.

- И ни один корабль не плавает в этот период? - спросил Валентин.

- Только корабли-драконы,- сказал Залзан Кавол.

- А что это такое?

- Рыбачьи суда, которые охотятся за морскими драконами. Эти твари собираются в стаи в это время года, и их легко добывать. Но чем это может помочь нам?

- Как далеко заходят в море эти суда? - спросил Валентин.

- Иногда до Родамаунтского Архипелага, если драконы плывут на восток.

- А где это?

- Это длинная цепь островов во Внутреннем Море,- сказал Делиамбр.- Примерно на полпути к Острову Сна.

- Заселенные?

- И довольно плотно.

- Хорошо. Между ними, конечно, есть торговля. Что если мы наймем один из кораблей-драконов,

чтобы он доставил нас как можно дальше в Архипелаг, а там найдем какого-нибудь местного капитана, который отвезет нас на Остров?

- Может быть,- сказал Делиамбр.

- Есть какое-нибудь правило, требующее, чтобы паломники прибывали на определенных кораблях?

- Я не слышал ничего подобного,- сказал вроон.

- Корабли-драконы не захотят утруждать себя пассажирами,- возразил Залзан Кавол.- Они не занимаются подобными вещами.

- Может, несколько роялов заставят их заинтересоваться этим?

Скандар продолжал сомневаться.

- Понятия не имею. Их ремесло и так достаточно выгодно, и потому они смотрят на пассажиров, как на помеху или плохую примету. Они наверняка откажутся перевезти нас на Архипелаг, если это лежит в стороне от их промысловых угодий. И даже если мы доберемся до Архипелага, нельзя быть уверенным, что кто-то согласится везти нас дальше.

- Но, с другой стороны,- сказал Валентин,- все это довольно просто устроить. У нас есть деньги, и я охотнее потрачу их на то, чтобы уговорить капитана перевезти нас, чем выложу их за трех-

месячное проживание в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Для них была выделена целая секция побережья в три или четыре мили шириной, утыканная пристанями, у которых стояли дюжины огромных деревянных кораблей, снаряженных для нового охотничьего сезона, который только что начался. Корабли-драконы были построены по одному проекту, как показалось Валентину, довольно зловещему. Это были большие раздутые посудины с блестящими корпусами, причудливыми трехзубцовыми мачтами, страшными оскаленными мордами на бушпритах и длинными остроконечными хвостами на корме. Большинство были разрисованы пурпурно-желтыми глазами или хищно выглядевшими рядами белых зубов. Высокие палубные надстройки щетинились башенками для гарпунеров и громадных лебедок для сетей, а также испачканными кровью платформами для разделки туш. Валентину показалось неуместным пользоваться таким кораблем для достижения мирного и священного Острова Сна, но другого способа не было.

Впрочем, даже этот способ скоро стал казаться сомнительным. Они шли от корабля к кораблю, от верфи к верфи, и капитаны кораблей, без особо-

го интереса выслушав их предложения, отвечали отказом. В основном говорил Залзан Кавол, ибо большинство капитанов были скандарами и можно было надеяться на их симпатию к существу своего дела. Но ничто не могло убедить их.

- Вы будете обузой для команды,- сказал первый капитан.- Забросите свои инструменты, будете мучиться морской болезнью, надоедать многочисленными просьбами...

- Мы не фрахтуем корабль для перевозки пассажиров,- сказал второй.

- Архипелаг лежит южнее нашего района охоты,- ответил третий.

- Я долго верил,- сказал четвертый,- что корабль- дракон, вышедший в море с пассажирами на борту, никогда не вернется в Пилиплок, и мне не хочется проверять это суеверие.

- Паломники меня не интересуют,- ответил им пятый.- Пусть Леди перенесет вас на Остров, если захочет. На моем корабле вы туда не попадете.

Шестой тоже отказался, добавив, что ни один капитан не согласится помочь им. Седьмой сказал то же самое. Восьмой, прослышав, что группа сухопутных бродяг ходит по докам, отказался даже говорить с ними.

Девятый капитан, старая седая скандарка с ред-

кими зубами и выгоревшим мехом, была более дружелюбна, чем другие, хотя тоже не захотела принять их на свое судно. Но, по крайней мере, она дала им совет.

- На Пристани Престимиона,- сказала она,- вы найдете капитана Горзвала и его «Брангалин». У Горзвала было несколько неудачных рейсов, и сейчас он сидит без денег. Я слышала в таверне, как он пытался договориться о заеме для ремонта корабля. Может, надежда на неожиданную прибыль от пассажиров заставит его помочь вам.

- А где эта Пристань Престимиона? - спросил Залзан Кавол.

- Это к западу от Деккерета и Кинникена, за старой свалкой.

Часом позже, бросив первый взгляд на корабль капитана Горзвала, Валентин мрачно подумал, что его настоящее место на той самой свалке. Судно выглядело так, будто вот-вот развалится на куски. Оно было меньше и старше других виденных им судов и в какой-то момент своей долгой истории перенесло ремонт, в результате которого стало непропорциональным, с малоподходящими балками, и странно накренилось на правый борт. Нарисованные вдоль ватерлинии глаза и зубы потеряли свой глянец, носовая фигура по-

косилась, остроконечный хвост лишился восьми или девяти футов длины, видимо, от сильного удара разгневанного дракона, мачты тоже потеряли несколько ярдов. Команда корабля, похожая на сонных мух, была занята свертыванием канатов и ремонтом паруса.

Сам капитан Горзвал выглядел таким же усталым, как и его судно. Его мех был грубым и свалявшимся, плечи поникли и весь он как будто олицетворял усталость и поражение. Впрочем, он тут же оживился, когда Залзан Кавол спросил о перевозке пассажиров на Родамаунтский Архипелаг.

- Сколько вас?

- Двенадцать. Четверо скандаров, хьорт, вроон, пятеро людей и еще один... чужак.

- Все паломники, говорите?

- Да.

Горзвал небрежно сделал знак Леди и сказал:

- Вы знаете, что пассажирам не годится плавать на кораблях-драконах, но я в долгу перед Леди за последний удачный улов и сделаю исключение. Деньги вперед?

- Конечно,- сказал Залзан Кавол.

Валентин облегченно вздохнул. Это был жалкий, ветхий корабль, и Горзвал, вероятно, был

третьеразрядным мореплавателем, преследуемым неудачами, но все же он согласился взять их.

Горзвал назвал свою цену и в явном напряжении ждал, когда с ним начнут торговаться. То, что он просил, было раза в два меньше того, что они безуспешно пытались предлагать другим капитанам. Залзан Кавол, привыкший торговаться, не колеблясь предложил сбросить три рояла. Горзвал, явно встревоженный, согласился уменьшить цену на полтора рояла, а скандар выразил готовность согласиться, если он сбросит еще несколько крон, однако Валентин, пожелевший несчастного капитана, оборвал торг, сказав:

- Довольно. Когда мы отплываем?

- Через три дня,- сказал Горзвал.

Отплытие затянулось на четыре - Горзвал туманно говорил о каком-то дополнительном ремонте, но Валентин понял, что он имел в виду, только обнаружив несколько серьезных пробоин. Лизамон Хултин сообщила ему, что, судя по слухам, ходящим в тавернах, Горзвал пытался заложить часть своего улова, чтобы нанять плотников, но желающих не нашлось. По ее словам, у него была сомнительная репутация: здравый смысл у него отсутствовал, удача его не баловала,

а команда была больной и неумелой. Однажды он вообще не нашел морских драконов и вернулся в Пилиплок пустым, в другом плавании потерял руку, которую откусил небольшой дракон, а в последнем «Брангалин» налетел средней частью на рассерженное животное и едва не простился с днищем.

- Мы сделали бы лучше,- закончила Лизамон Хултин,- если бы отправились на Остров вплавь.

- Возможно, мы принесем нашему капитану больше удачи, чем он имел до сих пор,- сказал Валентин.

Слит рассмеялся.

- Если бы один оптимизм мог возвести человека на трон, вы, мой лорд, были бы уже на Замковой Горе.

Валентин рассмеялся вместе с ним. Однако после Пьюрифайна он не хотел вести этих людей к новой катастрофе на борту болезненного судна. После всего, что было, они последовали за ним, поверив в его сны и загадочную выходку метаморфа, и ему будет стыдно и больно перед ними, если, торопясь добраться до Острова, он ввергнет их в новое горе. И все же Валентин чувствовал симпатию к безрукому, неряшливому Горзвалу. Он мог быть неудачливым моряком, но вполне

годился в рулевые для Коронала, который по иронии судьбы ухитрился за одну ночь потерять трон, память и самое личность.

Накануне отплытия Виноркис отозвал Валентина в сторону и беспокойно сказал:

- Мой лорд, за нами следят.

- Откуда вы знаете?

Хьорт улыбнулся и пригладил свои оранжевые усы.

- Если ты сам немного шпионил, то всегда заметишь других шпионов. Я обратил внимание на седого скандара, слонявшегося вокруг дока последние несколько дней и расспрашивавшего людей Горзвала. Один из корабельных плотников сказал мне, что его интересовали пассажиры Горзвала и цель их путешествия.

Валентин нахмурился.

- Я надеялся, что мы ускользнули от них в джунглях!

- Мой лорд, они снова обнаружили нас в Нимойе.

- Значит, мы должны потеряться на Архипелаге,- сказал Валентин.- И внимательно следить по дороге за другими шпионами. Спасибо вам, Виноркис.

- Не за что, мой лорд. Это мой долг.

Сильный ветер дул с юга в то утро, когда корабль вышел в плавание. Во время погрузки Виноркис высматривал на пристани назойливого скандара, но его не было видно. Он сделал свое дело, решил Валентин, и надзор от имени узурпатора будет продолжать другой наблюдатель.

Путь их лежал на восток и юг: корабли-драконы привыкли всю дорогу до охотничьих территорий двигаться против неблагоприятного ветра. Это было тяжелое занятие, но избежать его было невозможно, поскольку морских драконов можно было ловить только в этот период. «Брангалин» имел дополнительную силовую установку, но толку от нее было мало, ибо горючее любого вида было редкостью на Маджипуре. С почти величественной неловкостью «Брангалин» развернулся к ветру и двинулся из пилиплокской гавани в открытое море.

Это было самое маленькое - Внутреннее - море Маджипура, разделявшее восток Цимроеля от запада Алханроеля. Хотя и немалых размеров - около пяти тысяч миль от берега до берега - оно было лишь лужей по сравнению с Великим морем, занимавшим большую часть территории планеты. Внутреннее Море было более человеческим по масштабам и на полпути между

континентами делилось пополам Островом Сна - достаточно большим для других миров, но здесь не заслужившим звания континента - и несколькими цепочками островов.

Из всех животных Маджипура морские драконы были самыми крупными. Новорожденными они были невелики, всего пять или шесть футов в длину, но продолжали расти всю жизнь, а она у них была долгой, хотя никто и не знал насколько. Горзвал, позволивший своим пассажирам делить с ним стол и ставший очень болтливым, когда все его тревоги остались позади, с удовольствием рассказывал истории об огромных размерах морских драконов. Один из них, пойманный в царствование Лорда Малибора, имел сто девяносто футов длины, другой - во времена Конфалума - двести сорок, а в период, когда Престимион был Понтифексом, а Лорд Деккерет Короналом, выловили еще более огромного. Но чемпионом, по словам Горзвала, был тот, который дерзко заплыл почти в пилиплокскую гавань в правление Тимина и Лорда Кинникена и был в длину триста пятнадцать футов. Этот монстр, известный как Дракон Лорда Кинникена, ушел невредимым, потому что весь флот кораблей-драконов был тогда далеко в море. Якобы охотники видели его

снова в следующем веке, в год, когда Лорд Вориакс стал Короналом, но никто не пошел на него с гарпуном, и среди охотников он пользовался плохой репутацией.

- Сейчас он должен быть в длину футов пятьсот,- сказал Горзвал,- и я молю небо, чтобы с ним встретился какой-нибудь другой капитан, когда он снова вернется в наши воды.

Валентин видел только маленьких морских драконов, выпотрошенных, посоленных и высушенных, которых продавали на рынках Цимроеля, и однажды попробовал их мясо, которое было жестким и имело резкий запах. В таком виде продавались драконы длиной меньше десяти футов. Мясо более крупных, футов до пятидесяти, разделывали и продавали на восточном берегу Цимроеля, но трудности с транспортировкой не позволяли доставлять его на рынки, удаленные от моря. Драконы большей длины были слишком старыми, чтобы их есть, но из них получали масло, заменявшее нефть, и другие ископаемые гидрокарбонаты, редкие на Маджипуре. Кости морских драконов использовались в архитектуре, поскольку были крепки как сталь, но гораздо более доступны, яйца, сотнями извлекаемые из животов взрослых самок, использовались в

медицине. Кожа драконов, их крылья, вообще все находило свое применение и ничего не пропадало.

- Это, к примеру, молоко дракона,- сказал Горзвал, предлагая гостям бутылку бледно-голубой жидкости.- В Ни-мойе или Кинторе за бутылку, вроде этой, платят десять крон. Возьмите, попробуйте.

Лизамон Хултин неуверенно сделала маленький глоток и тут же выплюнула на пол.

- Это молоко дракона или его моча? - спросила она.

Капитан холодно улыбнулся.

- В Дулорне,- сказал он,- то, что вы выплюнули, обошлось бы вам по крайней мере в крону.- Он протянул бутылку Слиту, который покачал головой, затем Валентину. Поколебавшись, Валентин приложил ее к губам.

- Горько,- сказал он,- и вкус какой-то затхлый, но, в общем, ничего страшного. А в чем заключается его секрет?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

- Возбуждает! - прогудел он.- Горячит кровь! Продлевает жизнь! - Он весело указал на Залзана Кавола, который, не задавая вопросов, сделал большой глоток жидкости.- Видите? Скандар

знает! Жителя Пилиплока не нужно упрашивать выпить это.

Карабелла сказала:

- МОЛОКО дракона? Они млекопитающие?

- Да. Они вынашивают внутри яйца, и детеныши рождаются живыми, по десять или двенадцать сразу, а по животу у самок ряды сосков. А вам что, показалось странным молоко от драконов?

- Я считала их рептилиями,- сказала Карабелла,- а рептилии не дают молока.

- Лучше считайте драконов драконами. Не хотите попробовать?

- Спасибо, нет,- ответила она.- Мне не нужно горячить кровь.

Питание в каюте капитана, решил Валентин, было лучшей частью путешествия. Характер у Горзвала был добрый, а стол вполне приличный, с мясом, вином, рыбой разных сортов и, конечно, мясом драконов. Правда, корабль у него был скрипучим, расползающимся, плохо спроектированным и еще хуже сохранившимся, а команда - дюжина скандаров и несколько хьортов и людей - была необщительна и часто просто враждебна. Очевидно, охотники на драконов гордились своей исключительной судьбой, и даже команду такого захудалого корабля, как «Брангалин», оскорбляло

присутствие среди них посторонних, когда они занимаются своим таинственным делом. Только Горзвал казался вполне гостеприимным, но он явно был благодарен им за деньги, которые позволили ему хорошо оснастить корабль.

Они были сейчас далеко от суши, и бледно-голубой океан сходился с бледно-голубым небом, уничтожая всякое понятие места и направления. Курс был на юго-юго-восток, и чем дальше они удалялись от Пилиплока, тем жарче становился ветер, горячий и сухой.

- Мы называем ветер посланием,- сказал Горзвал,- ведь он приходит прямо с Суврaеля. Это маленький подарок Короля Снов, восхитительный, как все его подарки.

Первые драконы появились на вторую неделю после выхода из Пилиплока. Горзвал предсказал их появление за день, сказав, что видел во сне, будто они близко.

- Каждому капитану снятся драконы,- объяснил он.- Наш разум настроен на них, и мы чувствуем, когда они приближаются. Есть женщина-капитан, которую зовут Гвидраг, они ей снятся за неделю, а иногда и еще раньше. У меня это получается хуже, но все же я гарантирую, что через десять - двенадцать часов мы их встретим.

Валентин не поверил гарантиям скандара-капитана, но через некоторое время марсовый закричал:

- Драконы!

Сорок-пятьдесят или даже больше животных плавали перед носом «Брангалина». Это были большебрюхие, неуклюжие создания с длинными толстыми шеями, тяжелыми трехгранными головами, короткими хвостами, заканчивающимися широкими плоскостями, и торчащими краями костей, пересекающими их высоко поднятые спины. Крылья были самой странной их чертой. Они больше походили на крылья летучей мыши, чем на плавники - темные и кожистые, растущие из массивных тел под шеей морского дракона и достигающие середины тел. Большинство драконов заворачивались в крылья, как в плащи, но некоторые полностью расправляли их между длинными, хрупкими пальцами-костями и как будто покрывали воду вокруг себя удивительным черным покрывалом.

Большинство драконов были молодыми, двенадцати или пятнадцати футов в длину, но было много и новорожденных, шестифутовых или около того, свободно плещущихся в воде или сжимающих соски своих матерей, которые стре-

мились быть в центре стаи. Вокруг стаи плавали несколько монстров; их колючие гребни торчали высоко из воды, похожие на центральные холмы плавучих островов. Они были невообразимо огромны, трудно было даже представить их размеры, но два или три не меньше корабля. Когда Горзвал проходил мимо него по палубе, Валентин спросил:

- Надеюсь, здесь нет Дракона Лорда Кинникена?

Капитан снисходительно улыбнулся.

- Ну, кинникенский, по крайней мере, в три раза больше этих. Да что там в три! Больше! Эти едва достигают ста пятидесяти футов.

Валентин попробовал представить дракона в три раза большего, чем эти, но его разум взбунтовался. Это было то же самое, что пытаться увидеть всю Замковую Гору сразу.

Корабль готовился к охоте. Это была довольно спокойная операция. На воду спустили лодки, на носу каждой из которых сидел скандар с пикой в руке. Лодки медленно двигались среди кормящихся драконов, пикинер наносил удары то тут, то там, стараясь не лишать матерей всех детенышей сразу. Потом этих молодых драконов подтащили за хвосты к лодкам, а когда те

вернулись к кораблю, добычу подняли наверх. Только когда было добыто несколько дюжин молодых, охотники отправились за более крупной добычей. Лодки подняли обратно, и гарпунер - огромный скандар с бледно-голубой дорожкой, выстриженной на его груди,- занял свое место в башенке. Он неторопливо выбрал себе оружие и вставил его в катапульту, пока Горзвал маневрировал, подводя корабль к выбранной жертве. Гарпунер прицелился; дракон беспечно продолжал пастись. Валентин поймал себя на том, что задержал дыхание и сжал руку Карабеллы. А потом темное древко гарпуна вылетело из катапульты.

Гарпун наполовину вошел в выпяченную спину дракона, футов девяносто длиной, и море ожило.

Раненый дракон хлестал по водной поверхности своим хвостом и нескладными крыльями, которые колотили по воде с бешеной силой, словно животное пыталось подняться в воздух и улететь, таща за собой «Брангалин». При этой первой неистовой вспышке боли матери-драконы тоже раскрыли свои крылья, собирая детенышей под свою защиту, и, мощно ударяя своими хвостами, поплыли прочь, а самые крупные особи стаи, те самые монстры, просто погрузились в

воду, позволив себе скользнуть в глубины с минимальным расходом энергии. Осталась только дюжина или около того драконов юношеского возраста, которые поняли, что произошло что-то тревожное, но не знали, как на это реагировать; они плавали широкими кругами вокруг своего раненого товарища, держа крылья наполовину поднятыми и легонько ударяя ими по воде. Тем временем гарпунер совершенно спокойно выбрал новое оружие и всадил в добычу второй и третий дротики.

- Лодки! - крикнул Горзвал.- Сети!

Снова были спущены лодки, и охотники поплыли вперед. Добравшись до круга возбужденных драконов, они бросили в воду какие-то гранаты, которые взорвались с глухим звуком, выбросив облака ярко-желтой краски. Казалось, эти взрывы и краска повергли оставшихся драконов в безумный ужас. Неистово колотя крыльями и хвостами, они быстро скрылись из виду. Осталась только жертва, еще живая, но быстро теряющая силы. Дракон тоже поплыл, направляясь на север, но ему приходилось тащить за собой всю массу «Брангалина», и он слабел прямо на глазах. Люди в лодках попытались заставить дракона приблизиться к кораблю, в то же время те, кто управлял

сетью, спустили колоссальную плетеную паутину, которую какой-то внутренний механизм сначала раскрыл, а затем вновь закрыл, когда дракон запутался в ее петлях.

- Лебедки! - проревел Горзвал, и сеть вытащили из воды.

Дракон повис в воздухе, и его огромный вес заставил корабль накрениться. Гарпунер в своей башенке готовился к решающему удару. Схватив катапульту всеми четырьмя руками, он поднял ее и со свирепым рычанием выпустил гарпун. Мгновением позже пришел ответный звук: глухой стон умирающего дракона. Гарпун вошел в его череп, и могучие крылья забились в последней судороге.

Дракона подняли на разделочную платформу, и работа началась. Валентин некоторое время следил за кровавым спектаклем, затем направился вниз, а когда через несколько часов вернулся, скелет дракона возвышался на палубе как музейный экспонат: огромные белые арки ребер венчал странный шипастый гребень, и охотники занимались его разборкой.

- Вы кажетесь мрачным,- сказала ему Карабелла

- Мне не нравится это искусство,- ответил он.

Валентину казалось, что Горзвал может набить добычей весь трюм корабля, продолжая истреблять эту стаю драконов, но тот ограничился несколькими детенышами и всего одним взрослым, причем не самым крупным, после чего отправился дальше. Залзан Кавол объяснил, что есть определенная норма, установленная Короналами в прошлые века, чтобы предотвратить полное истребление животных: стаи только прорежались, но не уничтожались целиком. Кроме того, нужно было быстро поднимать драконов на борт, пока не появились хищники и команда, которая охотилась слишком жадно, могла потерять собственную добычу.

Первая добыча в сезоне, казалось, сделала команду Горзвала более общительной. Их угрюмое молчание постепенно таяло: они смеялись, веселились, пели:

Нарядный, смелый Малибор
Любил волнение на море.
Покинул Гору Малибор,
Чтоб порезвиться на просторе.
Он подготовил свой корабль -
В поход идем, не в гости.

Блестят на солнце паруса
И мачты из слоновой кости.

Валентин и Карабелла услышали певцов - это было отделение, разливавшее в бочонки ворвань - и пошли на корму, чтобы быть к ним поближе. Карабелла быстро уловила простую мелодию и стала тихонько наигрывать ее на своей карманной арфе, добавляя маленькие причудливые проигрыши между куплетами.

На волны смотрит Малибор,
Ища в воде дракона,
Который топит корабли
Без права и закона.
«Король-дракон,- воскликнул он,-
Приди ко мне сразиться».
На зов откликнулся дракон
И не замедлил появиться.
«Тебя услышал я, мой лорд,
И вызов принимаю».
Он был в двенадцать миль длиной,
А сколько вглубь - не знаю.

- Смотрите,- сказала Карабелла.- Залзан Кавол...

Скандар стоял, обхватив себя всеми руками, и лицо его было мрачно. Казалось, его вовсе не восхищает песня. Почему бы?

Сражался храбро Малибор,
Текли потоки крови.
Корабль качался на волнах
В волнующемся море.
Король-дракон коварен был
И, хоть сражались долго,
Он Малибора проглотил,
Как божию коровку.
И напоследок вам, друзья,
Хочу я так сказать:
Как бы охотник ни хитрил -
Он может дичью стать.

Валентин улыбнулся и хлопнул в ладоши; Зал-зан Кавол свирепо посмотрел на него и, широко шагая, направился к нему, обиженный и негодующий.

- Мой лорд! - воскликнул он.- И вы терпите эту непочтительность...

- Не кричите «мой лорд» так громко,- сказал Валентин.- Непочтительность, говорите? Что вы

имеете в виду?

- Никакого уважения к ужасной трагедии! Никакого уважения к павшему Короналу! Никакого уважения...

- Залзан Кавол! - лукаво сказал Валентин.- Значит, вы такой любитель порядочности и честности?

- Я знаю, что хорошо и что плохо, мой лорд. Смеяться над смертью Лорда Малибора - это...

- Относитесь к этому проще, мой друг,- мягко сказал Валентин, положив руку на одно из предплечий скандара.- Там, куда ушел Лорд Малибор, ему глубоко безразлично уважение или неуважение. Я считаю, что песня прекрасная. Если уж я не обиделся, то почему обижаетесь вы?

Но Залзан Кавол продолжал ворчать и бушевать.

- Если позволите, мой лорд, вы еще не совсем вернулись к понимаю истинного смысла вещей. Если бы я был вами, я бы пошел к этим морякам и приказал им никогда больше не петь такого в моем присутствии.

- В моем присутствии? - с широкой улыбкой сказал Валентин.- А почему мое присутствие должно беспокоить их больше, чем, скажем, драконья слюна? Кто я такой для них? Пассажир,

которого они с трудом выносят. Если я скажу им что-то подобное, то через минуту окажусь за бортом и драконы пообедают мной. Подумайте об этом, Залзан Кавол! И успокойтесь, приятель. Это просто соленая матросская песня.

- И все равно...- буркнул скандар, чопорно удаляясь.

Карабелла хихикнула.

- Он так серьезно относится к этому!

Валентин начал напевать:

И напоследок вам, друзья,
Хочу я так сказать:
Как бы охотник ни хитрил -
Он может дичью стать!

- Да, это так,- сказал он.- Любимая, ты не могла бы мне помочь? Когда эти люди закончат свою работу, отзови одного из них в сторону - скажем, краснобородого, с глубоким басом - и попроси его научить тебя словам. А затем научи меня, и я попробую спеть это Залзану Каволу, чтобы заставить его улыбнуться. Как оно там...

«Тебя услышал я, мой лорд,
И вызов принимаю».
Он был в двенадцать миль длиной,

А сколько вглубь - не знаю.

Прошла почти неделя, прежде чем они снова увидели драконов, и на этот раз не только Карабелла и Валентин заучили песенку, но и Лизамон Хултин тоже. Ей доставляло большое удовольствие напевать ее своим хриплым баритоном, прохаживаясь по палубе. Однако Залзан Кавол продолжал хмуриться и фыркал каждый раз, как слышал ее.

Вторая стая драконов была гораздо больше первой, и Горзвал позволил взять из нее несколько дюжин детенышей, одного среднего размера и одного титана - по крайней мере ста тридцати футов длиной. Это дало работу всем на несколько следующих дней. Палуба была красной от крови драконов, а костей и крыльев было так много, что команда запарилась, доводя их до приемлемых размеров. На столе у капитана появились новые деликатесы из таинственных внутренних частей существа, и Горзвал, все более возбужденный, принес четыре бочонка прекрасного вина, неожиданного у хозяина, бывшего на грани банкротства.

- Пилиплокское золотистое,- сказал он, щедро разливая его.- Я берег это вино для какого-нибудь специального случая, и вот он пришел. Вы при-

несли нам удачу.

- Ваши друзья-капитаны не будут в восторге, услышав это,- сказал Валентин.

- Они теряют, мы выигрываем. За ваше паломничество, друзья мои! - воскликнул скандар-капитан.

Сейчас они двигались через более ароматные воды. Горячий ветер из Субраеля смягчался у края тропиков, и влажный бриз приходил сюда с юго-запада, от далекого Стоендарского Полуострова Алханроеля. Вода была глубокого зеленого оттенка, морские птицы стали встречаться чаще, водоросли местами росли так густо, что мешали навигации, а под поверхностью плавали яркие разноцветные рыбы - добыча драконов, которые, открыв рты, плавали среди кишевших вокруг мелких морских обитателей. Родамаунтский Архипелаг был уже не так далеко, и Горзвал собирался полностью загрузиться здесь: на «Брангалине» было место для нескольких крупных драконов, двух среднего размера и примерно сорока мелких. Затем он высадит пассажиров и возьмет курс на Пилиплок.

- Драконы! - донесся сверху крик марсового.

Это была очень крупная стая, и шипастые спины торчали из воды повсюду. Два дня «Бран-

галин» плыл среди них, заполняя свои трюмы. На горизонте виднелись другие корабли, но они были слишком далеко, чтобы обвинить их в нарушении границ охотничьих территорий.

С лица Горзвала не сходил румянец от радости за успех рейса. Часто он сам садился в лодку, а однажды даже поднялся в башенку к гарпунам. От веса добытых драконов корабль теперь глубоко сидел в воде.

На третий день драконы все еще плавали вокруг «Брангалина», не испуганные устроенной резней и не собирающиеся удирать.

- Ну, еще одного,- пообещал Горзвал,- а затем идем к островам.

Для последней охоты он выбрал восьмидесятифутового дракона.

Валентину все это уже наскучило, и, когда гарпунер послал третий дротик в свою жертву, он, повернувшись, пошел в дальний конец палубы. Там был Слит, и они встали у поручней, глядя на восток.

- Как, по-вашему, можно увидеть отсюда Архипелаг? - спросил Валентин.- Меня снова тянет на твердую землю, чтобы кончилась эта вонь от драконьей крови.

- Зрение у меня хорошее, мой лорд, но мы в

двух днях пути от островов и, думаю, увидеть их нельзя. Но...- Слит вдруг замер.- Мой Лорд?

- Что?

- К нам плывет остров, мой лорд!

Валентин взглянул туда, но поначалу ничего не понял: было утро, и поверхность моря ярко сверкала. Слит взял руку Валентина и указал в нужном направлении. Только тогда Валентин увидел: остроконечный драконий гребень рассекал воду, поднимаясь все выше и выше, а под ним смутно виднелось невероятно огромное тело.

- Дракон Лорда Кинникена! - хрипло сказал Валентин.- И он движется прямо на нас!

4

Кинникенский дракон или какой-то другой, более мелкий, но он был достаточно велик и мчался прямо на них без колебаний, как будто ангел мести или слепая стихия.

- Где Горзвал? - спросил Слит.- Оружие... машины...

Валентин рассмеялся.

- Это то же, что пытаться остановить обвал голыми руками. Вы хорошо плаваете, Слит?

Большинство охотников были заняты своей добычей, но потом кто-то увидел дракона, и палуба закипела от бешеной активности. Гарпунер резко повернулся и стоял, вырисовываясь на фоне неба, с оружием в каждой руке. Другие заняли примыкающие башенки. Валентин в поисках Карабеллы, Делиамбра и всех остальных заметил Горзвала, бегущего на нос: скандар был вне себя, глаза его горели и казалось, что он смотрит на посланника смерти.

- Спустить лодки! - закричал кто-то, и лебедки заработали. Охотники бешено суетились вокруг них. Один из хьортов с черными от страха щеками замахнулся на Валентина кулаком и грубо

схватил его за руку, бормоча:

- Это ты привел его к нам! Никого из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то сбоку вывернулась Лизамон Хултин, отшвырнула хьорта в сторону, а затем обняла Валентина своими могучими руками, как будто защищая от угрозы, которая могла возникнуть.

- Вы знаете, хьорт прав,- спокойно сказал Валентин.- Наша группа больна дурными предзнаменованиями. Сначала Залзан Кавол потерял свой фургон, а теперь бедняга Горзвал теряет...

И в это мгновение страшный удар атакующего дракона обрушился на борт «Брангалина».

Корабль накренился, как будто его толкнула гигантская рука, затем с головокружительной скоростью качнулся обратно. Жуткая дрожь сотрясла его. Затем пришел второй удар - крыльями по корпусу, потом третий, и «Брангалин» закачался на воде, как пробка.

- Пробоина! - отчаянно крикнул кто-то.

По палубе катались незакрепленные предметы, огромный котел обрушился на трех членов команды, кости драконов, гремя, перекатывались от борта к борту. Корабль продолжал раскачиваться и крениться. Валентин мельком увидел огромного дракона с той стороны, где еще висела

недавняя добыча, делавшая судно неустойчивым. Монстр развернулся и бросился в очередную атаку. Теперь можно было не сомневаться в целенаправленности его штурма.

Дракон ударил, «Брангалин» закачался, а Валентин недовольно заворчал на Лизамон Хултин, почти полностью заключившую его в объятия. Он понятия не имел, где находятся другие и живы ли они еще. Ясно было одно: корабль обречен. Он уже опасно кренился, и вода вливалась в его трюм. Хвост дракона поднялся рядом до уровня палубы и ударил снова. Все растворилось в хаосе, Валентин почувствовал, что летит, и увидел приближающуюся воду. Пока он погружался все глубже, в ушах у него звучала баллада о Лорде Малиборе. Действительно, этот Коронал около десяти лет назад захотел поохотиться на дракона и вышел из Пилиплока на прекрасном корабле, который потом пропал со всей командой. Никто не знал, что произошло, но - как подсказали Валентину его пестрые воспоминания - правительство держалось версии внезапного шторма. Однако скорее, подумал он, это был зверь-убийца, мститель из драконьего рода.

Он был двенадцать миль длиной,

А сколько вглубь - не знаю.

И сейчас та же судьба должна была постигнуть второго Коронала, преемника Малибора. Эта мысль странным образом лишила его возможности двигаться. Валентин думал, что умирает на порогах Стейша, но выжил. Здесь же, отделенный от земли сотнями миль моря, с буйствующим на расстоянии вытянутой руки монстром, он еще больше был уверен в своей гибели, но не собирался оплакивать себя. Дивин явно лишила его своей благосклонности. Больше всего его огорчало то, что вместе с ним должны умереть те, кого он любил, умереть потому, что были преданны, потому что поклялись следовать за ним в его путешествии на Остров, потому что связали себя с несчастливым Короналом.

Он погрузился глубоко в сердце океана, и теперь ему было не до счастья. Сейчас он боролся за возможность дышать: кашлял, задыхался, выплевывая воду, и глотал ее снова. «Карабелла», подумал он, и темнота поглотила его.

То, что Валентин ничего не помнил из своего прошлого, давало пищу для мыслей о философии смерти. Он смутно помнил, что все души возвращаются в Божественный Источник в тот последний момент, когда уходит освобожденная

жизненная энергия, и идут по Мосту Прощения, мосту, который является главной ответственностью Понтифекса. Но правда ли то, что за ним есть другой мир, и, если да, то каков он? Валентин никогда не задумывался над этим, однако сейчас он пришел в себя в месте настолько странном, что это превосходило все, что могли представить себе люди.

Может, это была загробная жизнь? Он находился в огромном помещении, в безмолвной комнате с влажными розовыми стенами и крышей, местами высокой и куполовидной, подпираемой могучими колоннами, а местами почти касающейся пола. На этой крыше размещались большие пылающие шары, излучавшие слабый голубой свет, как будто флюоресцентный. Воздух был тяжелый, полны испарений с острым горьким вкусом, очень неприятный. Валентин лежал на мокрой скользкой поверхности, грубой на ощупь, с глубокими морщинами и непрерывно пульсирующей. Приложив к ней руку, он почувствовал содрогание где-то внутри. Текстура поверхности не походила ни на что из виденного им прежде, а эти слабые, но ощутимые движения внутри наполнили его Удивлением, как будто то, куда он попал, было не загробным миром, а всего

лишь гротескной галлюцинацией.

Пошатываясь, Валентин поднялся на ноги. Одежда его была мокрой, один ботинок где-то потерялся, легкие казались полными воды, и он весь дрожал. Кроме того, нелегко было держаться прямо на этой непрерывно трясущейся поверхности. Оглядевшись вокруг, он увидел что-то вроде тусклых бледных растений, гибких, мясистых и безлистных, поднимающихся из почвы. Они тоже дрожали от каких-то внутренних напряжений. Двигаясь между двумя высокими колоннами, а потом через место, где потолок и пол почти соприкасались, Валентин заметил что-то вроде пруда какой-то зеленоватой жидкостью. Все остальное терялось в сумраке.

Подойдя к этому бассейну, он заметил нечто очень странное: сотни разноцветных рыб, из тех, что плавали вокруг корабля до того, как началась охота. Сейчас они не плавали, они были мертвы и наполовину разложились. Дно бассейна под ними покрывал ковер из рыбьих костей в несколько футов толщиной.

Внезапно раздался ревущий звук, как будто над головой у Валентина пронесся шквал. Он повернулся. Стены комнаты двигались, отходя назад и образуя в потолке широкое отверстие, из

которого хлынул поток, толщиной с его бедро. Валентин едва успел достичь одной из подпирающих колонн и ухватиться за нее руками, а напирающая вода с силой устремилась дальше. Казалось, половина Внутреннего Моря льется мимо него, и на мгновение ему почудилось, что сейчас его руки разомкнутся, но тут поток ослаб и вода ушла сквозь щели, появившиеся вдруг в полу, оставив множество бьющихся рыб. Пол конвульсивно задрожал, и мясистые хлысты постепенно загнали всю рыбу в зеленый бассейн, едва попав в который, они тут же перестали двигаться.

И тут Валентин понял.

Я вовсе не умер, подумал он, и это не место для загробной жизни. Я в брюхе у дракона.

Потом он начал смеяться. Откинув назад голову, он разразился безумным смехом. Да и что еще он мог сделать? Кричать? Ругаться? Огромное животное проглотило его одним глотком, всосав Коронала Маджипура как неосторожную рыбью мелочь. Но он был слишком велик, чтобы передвинуть его в пищеварительный бассейн, и потому остался там, где был - на полу драконьей утробы в этом огромном пищеварительном канале. А что теперь? Заняться подсчетом рыб?

Делить их поровну с драконом? Поселиться здесь и провести остаток дней, питаясь сырой рыбой?

«Все это очень смешно», подумал Валентин.

Однако это было трагедией для всех остальных, увлекаемых к смерти в разбитом «Брангалине». Мысль об этом заставила его страдать. Живой голос Карабеллы умолк навсегда, удивительное искусство рук и глаз Слита было навеки потеряно, скандары больше не заполнят воздух крутящимися каскадами ножей, серпов и факелов, а Шанамир, едва начавший жить...

Нет, это были невыносимые мысли, он должен забыть об этом, думая только о своем абсурдном положении. Освободив свой разум от горя и боли, он рассмеялся снова и простер руки к далеким стенам странной комнаты.

- Это Замок Лорда Валентина! - крикнул он.- Тронный зал! Я приглашаю вас всех пообедать со мной в главном пиршественном зале!

И откуда-то из мрачного далека ему ответил гремящий голос:

- Я принимаю ваше предложение!

Пораженный, Валентин замер.

- Лизамон?

- Нет, Понтифекс Тиверас и его косоглазый дядя! Это вы, Валентин?

- Да! Где вы?

- В глотке этого вонючего дракона! А вы?

- Недалеко от вас! Но я вас не вижу!

- Пойте,- сказала она.- Стойте, где вы есть, и пойте. Я попробую пройти к вам.

Валентин запел так громко, как только мог:

Нарядный, смелый Малибор

Любил волнение на море...

Снова раздался ревущий звук, и снова глоток огромного существа обрушил каскад морской воды и кучу рыбы.

- Держитесь, Валентин! - крикнула Лизамон.- Держитесь крепче!

Он держался, пока силы не покинули его, а затем опустился на пол, мокрый и тяжело дышащий. Откуда-то издалека великанша окликнула его, и он отозвался. Теперь ее голос звучал ближе. Она попросила его продолжать петь, и Валентин затянул:

На волны смотрит Малибор,

Ища в воде дракона,

Который топит корабли...

Время от времени до него доносился ее голос,

оравший отрывки из баллады и при этом украшавший их непристойностями, пока сама она пробиралась по лабиринту драконьих внутренностей, а потом он вдруг увидел ее слабо светящийся силуэт, неясно вырисовывавшийся над ним. Валентин улыбнулся, и Лизамон улыбнулась в ответ.

Однако зрелище единственного выжившего снова пробудило в его памяти воспоминание о тех, кому это не удалось, и еще раз погрузило его в печаль и стыд. Валентин отвернулся, закусив губу.

- Мой лорд? - удивленно спросила она.

- Остались только мы двое, Лизамон.

- Да, и этим можно хвалиться!

- Но другие-то... они бы жили сейчас, не будь так глупы, чтобы пойти со мной через весь мир...

Она поймала его за руку.

- Мой лорд, если они умерли, то разве траур вернет их к жизни?

- Я знаю, что нет, но...

- Мы с вами невредимы, мой лорд. Если мы потеряли наших друзей, это действительно повод для печали, но чувствовать себя в этом виноватым... Они последовали за вами по собственному выбору, разве не так, мой лорд? И если их время

пришло, что ж, нужно смириться с этим. Что еще мы можем сделать? Отбросьте прочь свою печаль и радуйтесь, что мы невредимы.

Он вздрогнул.

- Да, мы невредимы и печаль не вернет погибших обратно. Но насколько невредимы мы сами? Как долго можем мы выжить здесь, Лизамон?

- Достаточно долго, чтобы выбраться на свободу.- И она вынула из ножен свой вибромеч.

Валентин удивился.

- Вы думаете, можно прорезать дорогу наружу?

- Почему бы и нет?

- При первом же прикосновении этой штуки к драконовой плоти он погрузится на самое дно моря. Нам безопаснее остаться здесь, чем плыть к поверхности с глубины в пять миль.

- Говорят, что вы не теряете оптимизма в самых сложных ситуациях,- сказала женщина-воин.- Где же этот оптимизм сейчас? Дракон живет у поверхности и вглубь не ныряет. А если мы все-таки окажемся в пяти милях над водой, то что с того? По крайней мере это будет быстрая смерть. Или вы собираетесь дышать этой вонючей мерзостью всегда?

Очень осторожно Лизамон Хултин коснулась кончиком вибромеча стены. Влажная плоть слег-

ка вздрогнула, но не отпрянула.

- Видите, здесь нет нервов,- сказала она, продвигая оружие немного глубже и делая разрез. Дрожь продолжалась, а она втыкала меч все глубже.

- Как по-вашему, дракон проглотил еще кого-нибудь, кроме нас? - спросила она.

- Я слышал только ваш голос.

- А я только ваш. Фу, что за монстр! Я пыталась удержать вас, когда мы полетели за борт, но последний удар заставил меня ослабить хватку. Как бы там ни было, мы оказались в одном и том же месте.

Она уже вырезала в стене желудка отверстие в фут глубиной и в два фута шириной. Казалось, животное вообще не чувствует этого хирургического вмешательства. Мы похожи на личинок, грызущих его изнутри, подумал Валентин. Лизамон Хултин предложила:

- Пока я режу, вы можете посмотреть вокруг - может, найдете еще кого-нибудь. Но не уходите слишком далеко, хорошо?

- Я буду осторожен.

Он выбрал направление вдоль желудка и на ощупь пошел в полутьму, дважды остановившись, чтобы переждать вторжение воды, и постоянно крича в надежде, что кто- нибудь отзовется.

Но ответа не было. Отверстие в стене было теперь огромным: Валентин увидел Лизамон глубоко внутри драконьей плоти, по-прежнему пробивающуюся наружу. Со всех сторон громоздились куски отсеченного мяса, и кровь покрывала все ее тело. Работая, она весело напевала:

Сражался храбро Малибор,
Текли потоки крови.
Корабль качался на волнах
В волнующемся море.

- Как вы думаете, далеко еще? - спросил он.
- Полмили или около того.
- Правда?

Она рассмеялась.

- Я думаю, десять - пятнадцать футов. Идите сюда, расчищайте проход за мной. Это мясо громоздится быстрее, чем я его отсекаю.

Чувствуя себя мясником и нисколько не радуясь этому, Валентин схватил куски отрезанной плоти и начал выбрасывать их из прохода, швыряя как можно дальше. Мясистые хлысты, торчавшие из пола желудка, тут же оживились и принялись подталкивать их к пищеварительному бассейну. Валентин содрогнулся от ужаса: похоже, здесь

приветствовали любой белок.

Глубже и глубже уходили они в стену драконьего желудка. Валентин пытался подсчитать ее возможную толщину, принимая длину существа не менее трехсот футов, но запутался в арифметике. Им приходилось работать в закрытом помещении, в жаркой, вонючей атмосфере. Кровь, сырое мясо, пот и узость полости - трудно было вообразить более отвратительное место.

Валентин оглянулся.

- Отверстие смыкается за нами!

- У твари, которая живет вечно, должна быть способность к регенерации,- буркнула великанша, продолжая отсекать все новые пласты. Валентин беспокойно смотрел на новую плоть, появлявшуюся как по волшебству и заживлявшую рану с феноменальной скоростью. Что если их замурует в этом отверстии? и задушит сходящейся плотью? Лизамон Хултин старалась не показывать своей тревоги, но он видел, что она заработала быстрее. Глубокий разрез совсем закрылся сзади. Лизамон Хултин рубила, а Валентин продолжал покорно убирать отрубленное, но теперь она явно устала, ее гигантская сила заметно уменьшалась, и, казалось, что проход зарастает так же быстро, как и прорубается.

- Не знаю... смогу ли я... пробиться...- буркнула она.

- Тогда дайте мне меч!

Она рассмеялась.

- Берегитесь! Вам этого не сделать! - И она неистово вернулась к своему занятию. Сейчас было невозможно сказать, где они находятся: они пробивались через область, где не было никаких ориентиров. Ворчание женщины становилось все резче и отрывистее.

- Может, попробуем вернуться обратно в желудок? - предложил он.- Прежде чем нас сожмет так, что...

- Нет! - рявкнула она.- Только вперед! Здесь уже не так мясисто... это больше похоже на мышцы...

И тут на них хлынула морская вода.

- Пробились! - воскликнула Лизамон Хултин.

Она повернулась, схватила Валентина, как будто он был куклой, и толкнула его вперед, в отверстие в боку монстра. Ее руки плотно обхватывали его бедра: еще один могучий удар, и Валентин едва успел наполнить легкие воздухом, прежде чем проскользнуть между стенами и прохладные зеленые объятия океана. Лизамон Хултин последовала за ним, продолжая крепко держать его, сначала за щиколотки, потом за

запястья, и они как пробки помчались вверх, к поверхности.

Казалось, прошли часы, пока они неслись к ней. Лоб у Валентина раскалывался от боли, ребра, казалось, вот-вот треснут, грудь была в огне. Мы поднимаемся от самого дна моря, мрачно подумал он, и утонем прежде, чем достигнем поверхности, или же наша кровь закипит, как у ныряльщиков Тил-омона, уходящих на слишком большую глубину за глазными камнями, или нас раздавит давление, или...

Он вылетел на поверхность, выскочив из воды почти на всю длину тела, и с плеском рухнул обратно. Утомленный и дрожащий, он безвольно качался на воде, стараясь отдышаться. Лизамон Хултин плавала рядом с ним, а теплое, прекрасное солнце восхитительно сияло прямо над ними.

Он был жив, невредим и свободен от дракона, правда, находился где-то на поверхности Внутреннего Моря в сотнях миль от какой-либо земли.

5

Когда первые мгновения изнеможения прошли, Валентин поднял голову и огляделся вокруг. Дракон был еще виден: огромный горб над поверхностью всего в нескольких сотнях ярдов. Но он выглядел спокойным и медленно удалялся. От «Брангалина» не было и следа - только разбросанные по поверхности океана балки. Не было видно и других уцелевших.

Они подплыли к ближайшей балке с большим куском корпуса и уцепились за нее. Долгое время никто не говорил ни слова. Наконец Валентин произнес:

- Что сейчас? Плыть к Архипелагу? Или проще прямо на Остров Сна?

- Плавание - это тяжелая работа, мой лорд. Мы можем подняться на спину дракона.

- Но как управлять им?

- Дергая за крылья,- предложила она.

- Что-то я сомневаюсь в этом.

И снова они замолчали. Потом Валентин сказал:

- В брюхе дракона нам, по крайней мере, каждые несколько минут доставляли свежую рыбу.

- Да, гостиница была большая,- согласилась Лизамон Хултин.- Вот только плохо вентилировалась. Нет уж, я предпочитаю быть здесь.

- Но сколько мы сможем плавать тут?

Она как-то странно посмотрела на него.

- Мой лорд, вы сомневаетесь, что нас спасут?

- По-моему, все говорит за это.

- Однажды я видела во сне пророчество Леди,- сказала великанша,- что смерть придет ко мне в сухом месте, когда я буду очень старой. Сейчас я еще молода, а это место наименее сухое на всем Маджипуре, за исключением, пожалуй, середины Великого Моря, так что : бояться вам нечего. Я не погибну здесь, а значит, и с вами ничего не случится.

- Удобное откровение,- сказал Валентин.- Но что нам делать?

- Мой лорд, можете вы отправить послание?

- Я был Короналом, а не Королем Снов.

- Но ведь любой разум может связаться с другим Я, разумом, если действительно захочет! Вы думаете, только у Короля и Леди есть такие способности? Маленький колдун Делиамбр разговаривал с другими разумами по ночам, Горзвал говорил, что беседовал во сне с драконами, а вы...

- А я этого не могу, Лизамон. Разум, который оставили мне, не пошлет никакого послания.

- А вы попробуйте. Попытайтесь связаться с вашей матерью, Леди, или с ее людьми на Острове, или с народом Архипелага. У вас есть сила. Я простой глупый меченосец, но ваш разум, лорд, сочли достойным Замка, и сейчас, когда это необходимо...- Великанша, казалось, преобразилась.- Сделайте это, Лорд Валентин! Зовите на помощь, и помощь придет!

Валентина это не убедило. Он мало знал о сети сонных коммуникаций, которые, казалось, связывали вместе всю планету. Конечно, были Владыки Острова и Суврaеля, вроде бы рассылавшие послания с помощью механических усилителей, но сейчас, плавая по океану на куске дерева с телом и одеждой, покрытыми кровью огромного животного, которое недавно проглотило его, Валентин был до того иссушен бесконечными несчастьями, что даже его легендарная вера в удачу и чудеса почти исчезла,- как мог он надеяться вызвать помощь через такое огромное расстояние?

Он закрыл глаза, стараясь сконцентрировать всю энергию своего разума в одной точке, глубоко внутри черепа. Потом представил яркую вспышку света, луч, который он мог выпустить наружу.

Однако это было бесполезно. Ему все время казалось, что вот-вот какое-нибудь зубастое существо начнет отгрызать его ноги. Валентина постоянно отвлекал страх, что любое послание, которое он сможет отправить, дойдет только до дракона, который уничтожил «Брангалин» и почти весь его экипаж, а сейчас захочет вернуться назад и закончить свое дело. И все же он попытался. При всех своих сомнениях он должен был испробовать ради Лизамон Хултин. Затаив дыхание он изо всех сил старался произвести что-то, что могло передать его послание.

Всю вторую половину дня он снова и снова пытался сделать это. Темнота сгустилась быстро, и вода странно засветилась, мерцая призрачным зеленоватым светом. Из страха, что могут соскользнуть с балки и потеряться, они не решались спать одновременно и делали это по очереди. Вокруг них плавали какие-то существа, обозначая свои следы холодным огнем.

Время от времени Валентин снова пытался отправить послание, но не видел, чем это может помочь.

Ближе к утру он начал засыпать и в полудреме увидел танцующих на воде угрей. Как в тумане пытался он достичь своим разумом далеких лю-

дей на островах, а потом погрузился в глубокий сон, и все исчезло.

Проснулся он, когда рука Лизамон Хултин коснулась его плеча.

- Мой лорд!

Он открыл глаза и изумленно уставился на нее.

- Мой лорд, вы можете прекратить отправлять послания. Мы спасены!

- Что?

- Лодка, мой лорд! Видите, с востока?

Он устало приподнял голову и взглянул туда. Действительно, к ним приближалась небольшая лодка, весла которой сверкали на солнце. Галлюцинация, подумал он. Иллюзия. Мираж.

Однако лодка становилась все больше, и вот она уже здесь. Чьи-то руки подхватили его, вытащили из воды, и он устало вытянулся, а потом кто-то поднес к его губам бутылку с прохладным напитком. Затем с него сняли сырую, грязную одежду и завернули во что-то чистое и сухое. Прибывших было трое: двое мужчин и женщина с длинными гривами рыжевато-коричневых волос и в непривычной одежде. Валентин слышал, как Лизамон Хултин говорила с ними, но слова были туманны и смутны. Интересно, связано ли прибы-

тие этих спасателей с его попытками связи? Кто они: ангелы? духи? Валентин смутно чувствовал рядом Лизамон Хултин и хотел сказать, чтобы она не открывала его инкогнито, но у него не хватило сил даже для этого, и оставалось только надеяться, что она достаточно умна, чтобы не ляпнуть чего-нибудь вроде: «Это скрывающийся Коронал Маджипура. Нас обоих проглотил дракон, но мы сумели освободиться...» Едва ли эти люди безоговорочно поверят им. Валентин слабо улыбнулся и погрузился в сон без сновидений.

Проснувшись, он обнаружил, что находится в приятной, залитой солнцем комнате, перед ним расстилается широкий золотистый берег и Карабелла смотрит на него с интересом.

- Мой лорд? - мягко сказала она.- Вы слышите меня?

- Это сон?

- Это остров Мардигал в Архипелаге,- сказала она.- Вас подобрали вчера, вместе с великаншей. Эти островитяне - рыболовы, и вышли в море искать уцелевших, когда корабль пошел ко дну.

- Кто еще уцелел? - быстро спросил Валентин.

- Здесь со мной Делиамбр и Залзан Кавол. Островитяне говорят, что Куна, Шанамира, Виноркиса и нескольких скандаров подобрали люди с со-

седнего острова. Некоторые из охотников за драконами воспользовались своими лодками и тоже добрались до острова.

- А Слит? Что со Слитом?

- О Слите ничего не известно; но поиски продолжаются. Может быть, он спасся на одном из островов. Их здесь вокруг дюжины. Дивин так долго оберегала нас, что сейчас мы не можем потеряться.- Она улыбнулась.- Лизамон Хултин рассказала удивительную историю, как вас двоих проглотил огромный дракон и вы пробились наружу с помощью вибромеча. Островитянам это понравилось. Они сочли это самой восхитительной легендой со времени истории о Лорде Стиамонте и...

- Это было на самом деле,- сказал Валентин.

- Мой лорд?

- Дракон, проглотивший нас. Она говорит правду.

Карабелла хихикнула.

- Когда я впервые узнала из снов, кто вы такой на самом деле, я поверила этому, но когда вы говорите мне...

- Внутри дракона,- нетерпеливо сказал Валентин,- были огромные колонны, поддерживающие свод его желудка, и отверстие в одном конце,

через которое морская вода вливалась туда каждые несколько минут. Она приносила с собой рыбу, которую маленькие хлысты подталкивали к зеленоватому бассейну, в котором она переваривалась и где должны были перевариться и мы, если бы нам не повезло. Она говорила вам это? Или вы думаете, мы проводили время, придумывая историю, чтобы удивить вас?

Глядя на него широко раскрытыми глазами, Карабелла сказала:

- Да, она говорила о том же самом. Но мы думали...

- Это правда, Карабелла.

- Значит, это чудо Дивин и вы прославитесь, когда придет время!

- Я уже почти прославился,- язвительно заметил Валентин,- как Коронал, который потерял свой трон и занялся жонглированием. Это обеспечит мне место в балладах рядом с Понтифексом Ариоком, сделавшим себя Леди Острова. Дракон только украсит созданную обо мне легенду.- Мысли его вдруг перескочили на другое.- Надеюсь, вы не говорили этим людям, кто я такой?

- Ни слова, мой лорд.

- Хорошо. Пусть так будет и дальше. И так уже с нами связано достаточно много невероятного.

Стройный, загорелый островитянин с огромной копной светлых волос принес Валентину поднос с пищей: немного прозрачного супа, нежный кусок печеной рыбы и ломоть какого-то плода с темно-индиговой мякотью и маленькими пурпурными семечками. Валентин с жадностью принялся за еду.

Поев, он вместе с Карабеллой отправился прогуляться по берегу.

- Снова я думал, что ты потеряна для меня навсегда,- мягко сказал он.- Я думал, что никогда больше не услышу твой голос.

- Я так много значу для вас, мой лорд?

- Больше, чем я могу выразить словами.

Она печально улыбнулась.

- Это очень хорошие слова, Валентин? Хоть я и говорю вам ВАЛЕНТИН, на самом деле вы - ЛОРД Валентин, и кто знает, сколько прекрасных женщин было у вас и сколько их ждет на Замковой Горе!

Он уже и сам задумывался об этом. Была ли у него там любовница? А может, их было много? Может, он собирался жениться? Его прошлое скрывало очень многое. Что если он достигнет Замка и женщина, которая ждет его, придет к нему?..

- Нет,- сказал он.- Ты моя, Карабелла, а я - твой, и что бы там ни было в прошлом - если вообще что-то было - это только прошлое. Сейчас у меня другое лицо и другая душа.

Его слова не убедили ее, но девушка не стала подвергать их сомнению, а он легким поцелуем согнал печаль с ее лица.

- Спой мне,- попросил он,- песню, которую пела в Пидруиде, в фестивальную ночь. «Все сокровища Замковой Горы не заменят мне моей любви...»

- Я знаю другую, похожую на эту,- сказала она и взялась за свою карманную арфу.

Моя любовь одета в мантию паломника

Далеко за морем,

Моя любовь стремится к Острову Сна -

За сонное море.

Сладка моя любовь и чиста, как заря.

Далеко за морем,

Потерялась моя любовь на высоком острове

За сонным морем.

Добрая Леди далекого Острова,

Далеко за морем,

Наполняет мои сны улыбкой милого

Из-за сонного моря.

- Эта песня другая,- сказал Валентин.- Более печальная. Спой мне ту, любимая.

- В другой раз.

- Пожалуйста. Сейчас время радости и воссоединения, Карабелла. Спой, пожалуйста.

Она улыбнулась и вновь взялась за арфу.

Моя любовь чиста, как весна,

И так же мягка, как ночь.

Моя любовь сладка, как ворованный плод...

Да, подумал он, эта песня лучше. Он нежно положил руку девушке на затылок и гладил его, пока они гуляли по берегу. Вокруг было удивительно красиво, тепло и мирно. Разноцветные птицы садились на извивающиеся ветви маленьких деревьев, а кристально чистое море, спокойное и прозрачное, плескалось у их ног. Воздух был мягкий и влажный, с ароматом каких-то незнакомых цветов. Издалека доносился смех и веселая, звонкая музыка. Как это соблазнительно, подумал Валентин, отбросить все фантазии о Зам-

ковой Горе, навсегда поселиться на Мардигале, на рассвете уходить на рыбацкой лодке в море, а остаток каждого дня веселиться под жарким, сияющим солнцем...

Но такое самоотречение было не для него. После обеда Залзан Кавол и Аутифон Делиамбр, оба здоровые и хорошо отдохнувшие после тяжелого испытания на море, пришли поговорить с ним, и скоро они уже обсуждали способы продолжения путешествия.

Залзан Кавол, скупой, как всегда, имел денежный пояс на себе, когда «Брангалин» пошел ко дну, и, по крайней мере, половина их денег уцелела, даже если Шанамир потерял остальное. Скандар разложил сверкающие монеты.

- С этим,- сказал он,- мы можем нанять людей, чтобы они довезли нас до Острова. Я говорил с нашими хозяевами. Этот Архипелаг имеет девятьсот миль в длину и насчитывает три тысячи островов, из которых более восьмисот обитаемы. Никто не хочет отправляться на Остров, но за несколько роялов мы можем нанять большой тримаран, который доставит нас до Родамаунт Граун - центрального острова Архипелага, а там мы, вероятно, найдем транспорт на оставшуюся часть пути.

- Когда мы можем выехать? - спросил Валентин.

- Как только соберемся вместе,- сказал. Делиамбр.- В этот момент несколько наших людей плывут сюда с ближайшего острова Бурбона.

- Кто именно?

- Кун, Виноркис и Шанамир,- ответил Залзан Кавол.- С ними мои братья Эрфон, Роворн и капитан Горзвал. Гибор Хаерн погиб в море - я видел, как его ударило балкой и утащило под воду,- а о Слите нет никаких сведений.

Валентин коснулся косматой руки скандара.

- Я скорблю о вашей потере.

Залзан Кавол ничем не выдал своего горя.

- Скорее нужно радоваться, что некоторые из нас еще живы, мой лорд,- быстро сказал скандар.

Вскоре лодка с Бурбона доставила остальных. Было много объятий, а потом Валентин повернулся к Горзвалу, который стоял в стороне, потирая обрубок своей руки. Казалось, капитан корабля-дракона чем-то потрясен.

Валентин хотел обнять этого несчастного, но едва он приблизился, Горзвал опустился на колени, ткнулся лбом в песок и замер так, дрожа и делая вытянутыми руками знак звездного огня.

- Мой лорд... - хрипло прошептал он.- Мой

лорд...

Валентин недовольно посмотрел вокруг.

- Кто проговорился?

Мгновение было тихо, затем испуганный Шанамир сказал:

- Я, мой лорд. Но я не хотел ничего плохого. Скандар был так опечален потерей своего корабля... я хотел утешить его рассказом о том, кем был его пассажир и что своим путешествием он стал частью истории Маджипура. Это было еще до того, как мы узнали, что вы тоже спаслись.- Губы мальчика задрожали.- Мой лорд, я не хотел ничего плохого!

Валентин кивнул.

- И ничего плохого не случилось. Я прощаю тебя. Горзвал?

Съежившийся капитан остался у ног Валентина.

- Встаньте, Горзвал. Я не могу говорить с вами так.

- Мой лорд?

- Поднимитесь на ноги.

- Мой лорд...

- Пожалуйста, Горзвал, встаньте!

Пораженный скандар уставился на Валентина и произнес:

- ПОЖАЛУЙСТА? Вы сказали ПОЖАЛУЙСТА?

Валентин засмеялся.

- Я совсем забыл о привычках правителя. Все верно: Встать! Я приказываю!

Скандар, дрожа, поднялся. Он выглядел очень жалким, этот трехрукий скандар, его мех свалялся и был в песке, глаза налились кровью, взгляд бы потуплен.

- Я принес вам несчастье,- сказал Валентин,- поэтому примите мои извинения, и, если когда-нибудь судьба улыбнется мне, я возмещу все ваши убытки и вознагражу за страдания. Я обещаю вам это. Что вы собираетесь делать сейчас? Собрать свою команду и вернуться в Пилиплок?

- Я никогда не вернусь туда. У меня нет корабля, нет репутации, нет денег. Я потерял все и никогда не смогу этого вернуть. Мои люди освободились от договоров, когда «Брангалин» пошел ко дну. Я разорен и остался один.

- Тогда идемте со мной на Остров Сна.

- Мой лорд?

- Вы не можете остаться здесь. Думаю, островитяне предпочтут не принимать вас к себе, и, вообще, тут неподходящий для скандаров климат. Кроме того, я думаю, охотник на драконов не сможет стать рыбаком, чтобы испытывать

боль утраты каждый раз, когда забрасывает сети. Идемте с нами. Если мы не уйдем дальше Острова, то останемся там, прислуживая Леди, а если продолжим свои поиски, вы удостоитесь чести подняться на Замковую Гору. Что вы на это скажете, Горзвал?

- Мне страшно быть с вами рядом, мой лорд.

- Неужели я так ужасен? Может, у меня драконья пасть? Разве у этих людей лица зеленые от страха? - Валентин хлопнул скандара по плечу и, обращаясь к Залзану Каволу, сказал: - Никто не сможет вернуть вам потерянных братьев, но я, по крайней мере, даю вам другого компаньона вашей расы. А сейчас давайте готовиться к отплытию. До Острова еще много дней пути.

Через час Залзан Кавол договорился о судне, которое повезет их на восток. В этот же вечер гостеприимные островитяне устроили роскошный пир с холодным зеленым вином, сладкими фруктами и свежим мясом морского дракона. Это последнее вызвало у Валентина тошноту, и он отодвинул его в сторону, но потом увидел, что Лизамон Хултин уплетает его так, будто это последнее, что она ест в своей жизни. Пересилив себя, он откусил небольшой кусок, и вдруг обнаружил у него такой неотразимо приятный вкус, что

забыл обо всех неприятностях, связанных с морскими драконами. Пока они ели, солнце зашло, хотя было еще довольно рано, и небо неожиданно окрасилось трепетными оттенками янтарного и фиолетового, красного и золотистого. Воистину это были благословенные острова, подумал Валентин, место необыкновенно веселое даже для мира, где большинство мест были счастливыми и большинство желаний осуществлялось. Население казалось, в основном, однородным - красивые длинноногие люди с нестрижеными золотистыми волосами и мягкой кожей медового цвета, хотя среди них были разбросаны врооны и даже хайроги, и Делиамбр сказал, что на других островах Архипелага живут существа других рас. По словам Делиамбра, острова не подвергались влиянию континентов и жили своей жизнью, почти ничего не зная о судьбах большого мира. Когда Валентин спросил одну из хозяек, не проплывал ли мимо острова Лорд Валентин, Коронал, во время своего недавнего путешествия по Цимроелю, женщина озадаченно взглянула на него и простодушно спросила:

- А разве Коронал не Лорд Вориакс?

- Я слышал, что он умер два года назад,- заметил другой островитянин, и, похоже, это явилось

новостью для большинства людей, собравшихся за столом.

В ту ночь Валентин разделил свой коттедж с Карабеллой. Они долго стояли рядом на веранде, глядя на сверкающую полосу лунного света, тянувшуюся через море к далекому Пилиплоку. Валентин думал о морских драконах, пасущихся в этом море, о монстре, в животе которого он провел некоторое время, и с болью вспоминал о двух пропавших товарищах - Гиборе Хаерне и Слите - один из которых был сейчас на дне моря, да и второй, вероятно, тоже. Какое большое путешествие, подумал он, вспоминая Пидруид, Дулорн, Мазадону, Иллиривойн, Ни-мойю, вспомнил бегство через лес, водовороты Стейша, холодность пилиплокских капитанов и взгляд дракона, когда тот обрушился на обреченное судно Горзвала. Такое большое путешествие, так много миль пройдено и так мало осталось до того, как он сможет ответить на вопросы, терзающие его душу.

Карабелла молчала, прильнув к нему. Ее отношение к нему постоянно развивалось и сейчас стало смесью страха и любви, уважения и непочтительности. Она принимала и уважала его как настоящего Коронала, но помнила о его наивности, невежестве и незнании, которое

не уменьшилось до сих пор. Она явно боялась потерять его, когда он снова станет самим собой. В своем ежедневном общении с миром она была гораздо компетентнее его, гораздо более сведущей, и это расцвечивало ее взгляд на него, заставляя видеть Валентина одновременно пугающим и похожим на ребенка. Он понимал это, но ничего не делал, хотя фрагменты его прежней индивидуальности и всестороннего образования возвращались к нему почти ежедневно, и с каждым днем он все больше привыкал командовать, хотя большая часть его бывшей личности была еще недосягаема. Темная фигура Лорда Валентина, которым он когда-то был и которым должен был однажды стать снова, пряталась глубоко в душе и проявлялась очень редко.

Наконец Карабелла сказала:

- О чем вы думаете, Валентин?

- О Слите. Я потерял этого стойкого маленького человека.

- Он вернется. Мы найдем его на четвертом острове отсюда.

- Надеюсь.- Валентин обнял ее за плечи.- Еще я думаю о том, что же случилось и что еще должно произойти. Я как будто двигаюсь сквозь мир снов, Карабелла.

- Кто может с уверенностью сказать, что такое сон, а что нет? Мы поступаем так, как нас заставляет Дивин, и не задаем вопросов, потому что ответов на них нет. Вы понимаете, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы. Если вы спросите, я могу сказать вам, что такое день, что у нас сегодня на обед и как называется остров, но где нет вопросов, там нет и ответов.

- В этом я и не сомневаюсь,- сказал Валентин.

6

Залзан Кавол нанял самую крупную рыбацкую лодку на острове - чудесный бирюзовый тримаран, называвшийся «Гордость Мардигала». Это было восхитительное пятидесятифутовое судно, возвышавшееся на трех своих гладких корпусах, а его паруса, безупречно чистые и сияющие в утренних лучах солнца, окаймлялись яркой красной полосой, придававшей ему праздничноли- кующий вид. Капитаном судна был мужчина средних лет, один из самых процветающих рыбаков острова, по имени Григитор, высокий и стройный, с волосами, висевшими до пояса, и кожей такой блестящей, что она казалась намазанной маслом. Он был одним из тех, что спасли Делиамбра и Залзана Кавола, когда первая весть о тонущем корабле достигла острова. Экипажем были пять его сыновей и дочерей, все рослые, красивые и похожие на него.

Для начала они отправились на Бурбон, лежавший в получасе ходьбы под парусами, а затем вошли в мелкий пролив с зеленоватой водой, отделявший два самых дальних острова от остальных. Морское дно здесь покрывал чистый

белый песок, и солнечные лучи легко доходили До него, образуя сверкающие узоры и освещая подводных жителей: лоб, дергающихся крабов, длинноногих омаров, множество рыб самых кричащих цветов и зловещих, прячущихся в песке угрей. Был даже один маленький морской дракон, слишком близко подошедший к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей Григитора хотела, чтобы они поплыли за ним, но отец покачал головой, сказав, что их долг - доставить пассажиров прямо на Родамаунт Граун.

Все утро они плыли под парусами и миновали три больших острова - Рихелур, Гриалон и Вамиар, как назвал их капитан, а в полдень бросили якорь для ленча. Двое из детей Григитора отправились на охоту, двигаясь, как великолепные животные - обнаженные в сверкающей воде,- быстро накалывая копьями раков и рыб. Григитор сам приготовил пищу - кубики сырого рыбьего мяса, залитые красным соусом,- которые они запивали острым зеленым вином. Поев немного, Делиамбр уселся на кончик одного из внешних корпусов, внимательно глядя на море. Валентин заметил это и хотел подойти к нему, но Карабелла поймала его за руку.

- Он в трансе,- сказала она.- Оставьте его.

После ленча они задержались на несколько минут, дождавшись пока маленький вроон спустился со своего места и присоединился к ним. Колдун казался довольным.

- Я послал свой разум вперед,- заявил он,- и принес хорошие новости. Слит жив!

- Действительно, хорошие новости! - воскликнул Валентин.- Где он?

- На одном из островов этой группы,- Делиамбр неопределенно махнул пучком щупалец.- Он с несколькими людьми Горзвала, которые бежали от несчастья на лодке.

- Скажите, что это за остров, и мы найдем его,- попросил Григитор.

- У него форма круга с отверстием с одной стороны и водой в центре. Люди там темнокожие и носят длинные волосы, а в ушах у них драгоценные камни.

- Кангрисорн,- тут же сказала одна из дочерей Григитора.

Отец кивнул.

- Да, это Кангрисорн,- подтвердил он.- Поднимайте якорь!

Кангрисорн лежал в часе пути, как показывала карта Григитора. Это был один из полудюжины маленьких песчаных атоллов, и визит сюда лю-

дей с Мардигала был редким событием, поэтому задолго до того, как тримаран вошел в гавань, лодки с детьми Кангрисорна окружили судно пришельцев. Они были так же темны, как мардигальцы, зототисты и по-своему красивы - со сверкающими белыми зубами и волосами такими темными, что казались почти синими. Смеясь и размахивая руками, они провели тримаран через вход в лагуну, и там, сидя на корточках у края воды, действительно был Слит, загорелый и слегка оборванный, но в целом невредимый. Он жонглировал пятью или шестью шарами выцветшего белого коралла перед аудиторией, которая состояла из нескольких дюжин островитян и пяти членов команды Горзвала - четырех людей и хьорта.

Горзвал, казалось, боялся встречи со своими бывшими работниками. Во время утреннего плавания он начал было обретать прежнюю уверенность в себе, но, когда тримаран вошел в лагуну, напряжение его возросло. Карабелла первой прыгнула в мелкую воду и бросилась обнимать Слита; Валентин последовал за ней, а Горзвал прятался сзади, опустив глаза.

- Как вы нашли нас? - спросил Слит.

Валентин указал на Делиамбра.

- Колдовство, как же еще? Вы в порядке?

- Я думал, что умру от морской болезни по пути сюда, но за последние два дня пришел в себя.- Он содрогнулся и продолжал: - А вы? Я видел, как вас утащило под воду, и думал, что все кончено.

- Да, это так выглядело,- согласился Валентин.- Это странная история, которую я расскажу вам в другой раз. А теперь мы снова вместе, верно, Слит? Все, кроме Гибора Хаерна,- печально добавил он,- который погиб в катастрофе. Но мы взяли в компаньоны Горзвала. Идите сюда, Горзвал! Разве вы не рады снова увидеть своих людей?

Горзвал буркнул что-то непонятное, глядя между Валентином и остальными и стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Валентин понял ситуацию и повернулся к членам экипажа, собираясь спросить, не заболел ли их бывший капитан от пережитого потрясения, и очень удивился, увидев, что все пятеро лежат у его ног.

Смущенный Слит сказал:

- Я думал, что вы умерли, мой лорд, и не удержался - рассказал им вашу историю.

- Я вижу,- сказал Валентин,- новости распространяются быстрее, чем хотелось бы, хотя все вы торжественно обещали мне молчать. Ну да ладно, Слит, это можно простить.- Он повернулся

к остальным.- Встаньте. Это ползанье по песку не приведет ни к чему хорошему.

Они поднялись. Их презрение к Горзвалу было невозможно скрыть, но его затушевывало потрясение, которое они испытывали в присутствии Коронала. Валентин быстро выяснил, что двое из пяти - хьорт и один из людей - решили остаться на Кангрисорне в надежде найти способ вернуться в Пилиплок и продолжать заниматься своим делом. Остальные трое решили сопровождать Валентина в паломничестве на Остров.

Новыми членами быстро растущего отряда были две женщины - Панделон и Кордеин - и мужчина по имени Тсем. Валентин приказал им подойти и принял от них клятву верности, церемония которой вызывала у него неясное раздражение. Он все еще привыкал к внешним проявлениям своего положения.

Григитор и его дети не обращали внимания на коленопреклоненных людей, целующих руки их пассажиру. Это было хорошо: Валентин не хотел, чтобы мир узнал о возвращении к нему памяти, пока он не поговорит с Леди. Он был еще не уверен в своей стратегии и надежности своей власти. Кроме того, рекламируя свое существование, он может привлечь внимание нынешнего

Коронала, который вряд ли обрадуется, узнав, что конкурент движется к Замковой Горе.

Тримаран продолжил свое путешествие от острова к острову, оставаясь в прибрежных водах и только изредка рискуя углубиться в более глубокие, голубые воды. Они проплыли мимо Лорманара, Секундайла и Гархувена, мимо Розена, Пиплината и большой изогнутой песчаной косы под названием Дамозал. На острове Сангив они остановились набрать свежей воды, на Мусорне загрузили овощи и фрукты, а на Кадибире - бочонки с молодым розовым вином этого острова. Наконец, после многих дней пути мимо этих небольших, залитых солнцем местечек, они вошли в просторную гавань Родамаунт Граун.

Это был большой остров вулканического происхождения, окруженный черными берегами и имевший вдоль южного берега великолепные природные волноломы. Родамаунт Граун доминировал в Архипелаге, как самый крупный, с населением, как утверждал Григитор, пять с половиной миллионов. Два города-близнеца, как крылья, раскинулись по обе стороны бухты, склоны центральной островной вершины тоже были заселены и застроены домами из раттана и окупика, стройными рядами поднимавшимися

почти до середины склона. За последней линией домов склоны плотно покрывали джунгли, а над самой вершиной виднелся плюмаж белого дыма, поскольку Родамаунт Граун был действующим вулканом. Григитор сказал, что последнее извержение было лет пятьдесят назад, но, глядя на безупречные дома и нетронутые леса над ними, поверить в это было трудно.

Отсюда «Гордость Мардигала» должен был вернуться домой, но Григитор устроил путешественников на еще более величественный тримаран под названием «Родамаунт Квин», который должен был перевезти их на Остров Сна. Его шкипером была Намуринта, женщина царственного спокойствия, с длинными прямыми волосами, такими же белыми, как у Слита, и молодым лицом без морщин. Она была привередлива и насмешлива, очень внимательно изучила своих пассажиров, как будто пытаясь определить, что заставило такую разношерстную компанию отправиться в паломничество, однако только сказала:

- Если вам откажут на Острове, я верну вас на Родамаунт Граун, но это обойдется вам еще в некоторую сумму.

- И часто на острове отказывают паломникам?

- спросил Валентин.

- Нет, когда они приходят в свое время. Но, полагаю, вам известно, что корабли паломников не плавают осенью, и на Острове могут быть не готовы принять вас.

- Такие трудности нас не пугают,- самоуверенно заметил Валентин. Карабелла хихикнула, а Слит как-то неестественно кашлянул.- Я уверен,- продолжал Валентин,- что мы не встретим препятствий больших, чем те, которые уже преодолели.

- Меня восхищает ваша решительность,- сказала Намуринта и сделала команде знак готовиться к отплытию.

Восточная часть Архипелага немного загибалась к северу, и острова здесь были в основном непохожи на Мардигал и его соседей, являясь, главным образом, вершинами затонувшей горной цепи, а не плоскими коралловыми платформами. Изучая карты Намуринты, Валентин решил, что эта часть Архипелага была когда-то длинным полуостровом, выступавшим из юго-западной части Острова Сна, но в давние времена поглощенным Внутренним Морем. Только самые высокие вершины остались над водой, и между ними лежали сотни миль открытого моря

- трудный путь для тримарана, даже такого оснащенного, как «Родамаунт Квин».

Однако путешествие прошло без приключений. Они останавливались в четырех портах - Хеллирате, Семпи- фиоре, Диммиде и Гваделуме,- чтобы запастись водой и продуктами, а потом спокойно миновали Родамаунт Оунз, последний остров Архипелага, и вышли в Ангехойерский Пролив, отделявший Архипелаг от Острова Сна. Это было широкое, но мелкое пространство, богатое морскими обитателями и поставлявшее островитянам множество рыбы. Исключение составляла самая восточная сотня миль, образующая священный периметр Острова. В этих водах водились огромные шарообразные существа, называемые волевантами, которые глубоко укреплялись на дне и жили, фильтруя планктон через свои жабры. Эти существа постоянно извергали потоки питательных веществ, которые привлекали к ним огромное количество морских жизненных форм. В следующие несколько дней Валентин видел дюжины волевантов: пухлых шарообразных мешков глубокого карминового цвета, от пятидесяти до восьмидесяти футов длиной, лишь на несколько футов возвышавшихся над поверхностью моря. На их шкурах имелись

темные полукруглые отметины, которые казались Валентину глазами, носом и губами, так что он видел лица, серьезно смотревшие на него из воды, и волеванты представлялись ему существами глубоко меланхоличными, философами и мудрецами, вечно думающими над проблемами прилива и отлива.

- Они навевают на меня печаль,- сказал он Карабелле.- Вечно парящие здесь, привязанные хвостами к валунам и медленно качающиеся от течения. Какие они задумчивые!

- Задумчивые?! Примитивные твари, ничуть не лучше губок!

- Посмотри на них внимательно, Карабелла. Они хотят летать, парить... они смотрят в небо, в этот воздушный мир, но все, что могут, это висеть над волнами, покачиваться и набивать себя невидимыми организмами. Прямо перед их лицами лежит другой мир, но войти в него - значит для них смерть. Неужели это тебя не трогает?

- Глупости,- сказала Карабелла.

На второй день плавания в проливе «Родамаунт Квин» встретил пять рыбацких лодок, которые собирали волевантов, вытаскивая их на поверхность и разрезая. Они снимали их огромные шкуры и резали на небольшие куски, которые за-

тем сушили на палубах. Валентин был потрясен.

Когда я снова стану Короналом, подумал он, я запрещу убивать этих существ. Однако потом ему пришло в голову, что он хочет издать закон на основании одних симпатий, не изучая факты, и он спросил Намуринту, где используются шкуры волевантов.

- В медицине,- ответила та,- для поддержания стариков, когда их кровь начинает кружить лениво. Один из них содержит лекарство, которого хватит всем островам на год или даже больше: то, что вы видите, редкое событие.

Когда я вновь стану Короналом, решил Валентин, то воздержусь от решения, пока не узнаю всю правду, если это вообще возможно.

И все-таки волеванты наполнили его странными чувствами, которые ослабли, только когда они миновали эту зону и вошли в прохладные голубые воды, окружавшие Остров Сна.

7

Теперь Остров был ясно виден на востоке и увеличивался с каждым часом. Валентин видел его только во снах и фантазиях, которые не основывались ни на чем, и он был не совсем готов к восприятию этого места.

А оно было огромно, что не удивительно на планете, которая сама была гигантской и где так много предметов имели размер под стать другим планетам. Но Валентин заблуждался, думая, что Остров должен быть чем-то удобным и доступным. Он ждал чего-то раза в два-три большего, чем Родамаунт Граун, и это оказалось глупостью. Остров Сна, как он теперь видел, закрывал весь горизонт и с этого расстояния казался таким же огромным, как берег Цимроеля через день или два после выхода из Пилиплока. Это был остров, но единственной причиной, по которой он назывался островом, а не континентом, было то, что континенты были колоссальны, а он просто очень большой.

Кроме того, Остров ослеплял. Подобно мысу в устье реки у Пилиплока, это был скальный вал чистого белого мела, который ярко сверкал под

лучами послеполуденного солнца. Мел образовывал стену в сотни футов высотой и, возможно, сотни миль длиной вдоль западного берега Острова. Поверху этой стены тянулась темно-зеленая кромка леса, вдали, ближе к центру Острова, виднелась вторая стена мела, тоже увенчанная лесом, а за ней и третья, так что с этой стороны Остров имел вид нескольких ярусов, поднимающихся к некой неизвестной и, возможно, недоступной центральной твердыне.

Указывая вперед, Намуринта сказала:

- Этот проход в скалах ведет в Талейс, куда пристают корабли паломников. Это одна из двух гаваней Острова. Вторая - Нумино - находится со стороны Алханроеля. Впрочем, вы паломники и должны сами знать все это.

- У нас было мало времени для учебы,- сказал Валентин.- Это паломничество началось довольно неожиданно.

- Вы проведете остаток своих жизней здесь, прислуживая Леди? - спросила она.

- Да, служа Леди,- сказал Валентин,- но, думаю, не здесь. Остров только пересадочная станция для некоторых из нас, точка большого путешествия.

Намуринта удивленно посмотрела на него, но больше вопросов не задавала.

Свежий ветер дул с юго-запада, и «Родамаунт Квин» быстро приближался к Талейс. Скоро огромная белая стена заполнила все поле зрения, а проход в скалах превратился в гавань - огромную выемку V-образной формы в белизне стены. С полными парусами тримаран вошел в нее. Волосы Валентина, сидевшего на носу, развевались на ветру. Его охватил благоговейный страх при виде этого места. Скалы почти вертикально поднимались на высоту в милю или больше, а у их основания была ровная полоска земли, ограниченная широким белым пляжем. С одной стороны были верфи, пирсы и доки, казавшиеся карликовыми в сравнении с этим гигантским амфитеатром. Трудно было представить, как кто-то может подняться из этого порта по скалам к внутренним частям Острова - место было природной крепостью.

Вокруг было тихо. В гавани не было кораблей и царила жуткая, отдающая эхом тишина, в которой завывания ветра или пронзительные крики редких чаек приобретали величественный смысл.

- Есть здесь кто-нибудь? - спросил Слит.- Кто встретит нас?

Карабелла закрыла глаза.

- Остается идти вокруг к Нуминору или возвращаться на Архипелаг...

- Нет,- сказал Делиамбр.- Нас встретят. Отбросьте свои страхи.

Тримаран скользнул к берегу и подошел к свободному пирсу. Величие окружающего подавляло здесь, в глубине V-образной гавани, со скалами, поднимавшимися так высоко, что вершины их не было видно.

Уверенность Делиамбра казалась неуместной. Вокруг никого не было. Тишина казалась такой полной, что Валентину хотелось заткнуть уши руками. Они ждали, обмениваясь неуверенными взглядами.

- Пойдем на разведку,- сказал он наконец.- Лизамон, Кун, Залзан Кавол - осмотрите здания слева. Слит, Делиамбр, Виноркис, Шанамир - справа. Панделон, Тесм и Роворн, дойдите до поворота берега и загляните за него. Горзвал, Эрфон...

Валентин с Карабеллой и Кордеин направились прямо вперед, к подножию титанических меловых скал. Что-то вроде тропы начиналось здесь и вело к почти вертикальному склону, к верхней грани скал, где исчезало между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, требовалась ловкость лесных братьев и дерзость

прыгунов на канате, однако другого выхода с берега явно не было. Валентин заглянул в маленькую деревянную лачугу у основания тропы, но не нашел ничего, кроме салазок, вероятно, использующихся для подъема. Он выкатил одни из них, поставил у начала тропы и осмотрел, но так. и не понял, как привести их в действие.

Поставленный в тупик, он вернулся к пирсу. Большинство уже собрались там.

- Это место покинуто,- сказал Слит.

Валентин взглянул на Намуринту.

- Сколько времени займет переход отсюда на другую сторону?

- К Нуминору? Недели. Но я не пойду туда.

- У нас есть деньги,- сказал Зализан Кавол.

Она равнодушно пожала плечами.

- Мое дело - рыболовный промысел, а скоро пойдут рогатые рыбы. Если я повезу вас в Нуминор, то пропущу их, да и половину сезона гиссонов тоже. Возместить это вы не сможете.

Скандар вынул пятирояловую монету, как будто ее блеск мог изменить мнение капитана, но та отодвинула ее.

- За половину того, что вы уже заплатили, чтобы нанять судно, я отвезу вас обратно на Родамаунт Граун, но это все, что я могу сделать для вас. Через

несколько месяцев корабли паломников снова начнут плавать, и в эту гавань придет жизнь. Тогда, если захотите, я вновь привезу вас сюда за ту же половину цены. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам, но я уйду отсюда еще до наступления темноты.

Валентин задумался над ситуацией. Это неожиданное препятствие угрожало задержать его до зимы или даже дольше, и все это время Доминин Барьязид будет править на Замковой Горе, издавать новые законы, переделывать историю и укреплять свое положение. Что же делать? Он взглянул на Делиамбра, но колдун не предлагал никакого выхода. Они не могли подняться по этой скале, не могли взлететь на нее или допрыгнуть до бесконечно желанного, но все же недостижимого леса, который плащом покрывал ее вершину.

- Вы можете подождать еще день? - спросил Валентин.- Конечно, за дополнительную плату. Может, утром мы найдем кого-нибудь, кто...

- Я далеко от Родамаунт Граун,- ответила Намуринта,- и очень хочу снова увидеть его берега. Проведя здесь лишний час, вы не получите ничего или даже меньше, чем ничего. Сейчас плохой сезон, люди Леди не ждут никого и не появятся

здесь.

Шанамир легонько дернул Валентина за рукав.

- Вы же Коронал Маджипура,- прошептал мальчик.- ПРИКАЖИТЕ ей ждать! Проявите себя и поставьте ее на колени!

Улыбнувшись, Валентин мягко сказал:

- Думаю, этот номер не пройдет. Я где-то забыл свою корону.

- Тогда пусть Делиамбр заставит ее согласиться!

Это было возможно, но не нравилось Валентину: Намуринта привезла их сюда добровольно, и они должны позволить ей уйти. И потом, скорее всего, ожидание здесь один-два дня действительно было бессмысленным. Но с другой стороны...

- Лорд Валентин! - донесся издалека женский голос.- Сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани. Это была Панделон, плотник Горзвала, которая вместе с Тесмом и Роворном пошла смотреть, что находится за поворотом берега. Она махала руками, подзывая к себе, и Валентин бросился к ней. Остальные последовали за ним.

Когда он добрался до нее, она повела его через мелководье вокруг торчащей глыбы камня,

закрывавшей небольшой участок берега. Там он увидел одноэтажное строение из розового песчаника с эмблемой Леди - треугольник в треугольнике - которое, вероятно, было чем-то вроде часовни. Перед ним был сад цветущих кустов, усыпанных красными, голубыми, оранжевыми и желтыми цветами. Двое садовников, мужчина и женщина, ухаживали за ними. Они восприняли появление Валентина без всякого интереса. Он неловко сделал знак Леди, и они повторили его жест.

- Мы паломники,- сказал Валентин,- и нам нужно подняться на террасу.

- Вы пришли не вовремя,- сказала женщина. Лицо ее было широкое и бледное, усыпанное веснушками. В голосе ее не было ничего дружеского.

- Виной тому наше желание служить Леди.

Женщина пожала плечами и вернулась к своему занятию. Мужчина, мускулистый и невысокий, с редкими седыми волосами, сказал:

- В это время года вам нужно было идти в Нуминор.

- Мы пришли с Цимроеля.

Это вызвало проблеск внимания.

- Против драконьих ветров? У вас было трудное

путешествие.

- Было несколько тревожных моментов,- сказал Валентин,- но все это уже позади. Сейчас мы испытываем только радость, что наконец-то достигли Острова.

- Леди утешит вас,- равнодушно сказал мужчина и принялся подстригать ветви кустов.

После паузы, которая становилась пугающей, Валентин спросил:

- А дорога на террасу?

Веснушчатая женщина ответила:

- Вы не сможете преодолеть ее.

- Но вы поможете нам?

Молчание.

- Это займет немного времени,- сказал Валентин,- и больше мы не будем мешать вам. Покажите нам дорогу.

- У нас есть дела здесь,- ответил лысеющий мужчина.

Валентин облизал губы и взглянул на Делиамбра: сейчас бы очень пригодилось колдовское принуждение. Однако Делиамбр игнорировал намек. Валентин подошел к нему и буркнул:

- Коснитесь их щупальцами и заставьте помочь нам.

- Думаю, мое колдовство немногого стоит на

этом святом Острове,- сказал Делиамбр.- Попробуйте сделать это сами.

- Но я не умею!

- Попробуйте,- сказал вроон.

Валентин вновь повернулся лицом к садовникам. Я Коронал Маджипура, сказал он себе, и сын Леди, которой служат эти двое. Сказать что-нибудь подобное садовникам он не мог, но мог передать это, используя силы души. Он встал прямо и двинулся к центру своего бытия, как делал, готовясь к жонглированию перед требовательной публикой, и улыбнулся, улыбка его была так тепла, что раскрылись бутоны на ветвях цветущих кустов. Через мгновение садовники, оторвавшись от работы, увидели это и уставились на него, удивленные, потрясенные и... покорные. Он омыл их своей пылающей любовью.

- Мы прошли тысячи миль, чтобы попасть к Леди,- мягко сказал он,- и просим вас во имя Дивин, которой вы оба служите, сопровождать нас в нашем пути, ибо это очень важно для нас, и мы устали от путешествия.

Они заморгали, как будто из-за серых туч перед ними появилось солнце.

- У нас есть дела здесь,- неуверенно сказала женщина.

- Мы не собирались подниматься, пока сад требует ухода,- пробормотал мужчина.

- Ваш сад процветает,- продолжал Валентин,- и будет процветать, даже если вы отлучитесь на несколько часов. Помогите нам, пока не опустилась темнота. Мы просим только указать нам дорогу, и я обещаю, что Леди наградит вас за это.

Садовники все еще сомневались. Они переглянулись, потом посмотрели на небо, как будто желая убедиться, что уже поздно. Хмурясь, они поднялись, стряхнули песок с коленей и, как сомнамбулы, двинулись к воде. Выйдя на основной берег, они подошли к подножию скалы, где начинала свой подъем к небу вертикальная тропа.

Намуринта была еще здесь, почти готовая к отплытию. Валентин подошел к ней.

- Большое спасибо за вашу помощь,- сказал он.

- Вы остаетесь?

- Мы нашли дорогу на террасу.

Она улыбнулась, искренне обрадованная.

- Я не стремлюсь покинуть вас, но Родамаунт Граун зовет меня. Желаю вам удачи.

- А я желаю вам безопасной дороги домой.

Он повернулся, чтобы уйти.

- Еще один вопрос,- сказала капитан.

- Да?

- Когда та женщина позвала вас, она назвала вас Лордом Валентином. Что это значит?

- Шутка,- ответил Валентин,- просто шутка.

- Мне говорили, что ЛОРДОМ Валентином зовут нового Коронала, который правит уже год или два.

- Да,- сказал Валентин.- Но он темноволосый мужчина. Это была просто шутка, игра слов, потому что я тоже Валентин. Удачной дороги, Намуринта.

- Удачного паломничества, Валентин.

Он направился к скале. Садовники вывели из лачуги несколько салазок, разместили их друг за другом на дорожке и молча пригласили путешественников занять места. Валентин вместе с Карабеллой, Делиамбром, Шанамиром и Куном поднялся на первые. Женщина-садовник вошла в лачугу, где, вероятно, размещалось управление салазками, и тут же они свободно повисли над дорожкой и начался головокружительный подъем на вершину белой скалы.

8

- Вы пришли на Террасу Аттестации,- сказал аколют Талинот Эсулд.- Здесь вы должны обрести душевное равновесие. Когда придет время двигаться дальше, ваша дорога будет лежать на Террасу Начала, а затем - на Террасу Зеркал, где вы станете лицом к лицу с самим собой. Если то, что вы увидите, удовлетворит вас и ваших провожатых, вы отправитесь дальше, ко Второй Скале, где вас будет ждать другая группа террас. И так будет продолжаться до Террасы Поклонения, а там, если милость Леди пребудет с вами, вы достигнете вершины - Внутреннего Храма. Но не думаю, что это произойдет быстро, не думаю даже, что это вообще произойдет. Те, кто ЖДУТ достижения Леди, имеют минимальную вероятность достигнуть ее.

От этого известия настроение Валентина ухудшилось, ибо он не просто хотел достичь Леди, это было жизненно важно для него. И все же он понял, что имел в виду аколют: в этом святом месте никто не мог требовать особого отношения к себе. Здесь было не место для Коронала. Сущностью бытия Коронала являлось обладание властью,

мудрое, если он был способен к мудрости, но в любом случае - твердое и прочное. Сущностью же паломника было смирение. В этом противоречии было легко потеряться, но у Валентина не было выбора - он должен был дойти до Леди.

Что ж, по крайней мере, он достиг внешней границы владений Леди. На вершине скалы их встретили нисколько не удивленные аколюты, и сейчас, выглядя набожно и робко в своих бледных мантиях паломников, они собрались в длинном низком строении из гладкого розового камня, стоявшем у гребня скалы. Плиты того же розового камня образовывали полукруглую променаду, тянувшуюся вдоль края леса, венчавшего скалу: это была Терраса Аттестации. За ней снова был лес, а другие террасы, видимо, еще дальше. Затем, невидимая оттуда, где они находились сейчас, поднималась Вторая Скала. Валентин знал, что была еще и третья, поднимавшаяся над второй где-то в сотнях миль к центру Острова, и это был самый священный район, где находился Внутренний Храм и где жила Леди.

Быстро опустилась ночь. Валентин смотрел перед собой через круглое окно и видел темнеющее небо и широкую темную поверхность моря, освещенную багровыми лучами солнца, уходящего

к Пилиплоку. Валентин внимательно взглянул на Талинот Эсулд, своего первого гида в этом месте - высокого, с молочно-белой кожей и бритой головой. Он мог быть любого пола. Валентин полагал, что это мужчина, «за» говорил его рост и ширина плеч, но изящество лицевых костей и слабо заметные дуги над странными голубыми глазами свидетельствовали о другом.

Талинот Эсулд объяснял все: ежедневный распорядок молитв, работ и размышлений, систему толкования снов, устройство жилых кварталов, диетические ограничения, которые исключали вина, некоторые специи и многое другое. Валентин пытался заучить все это, но требований, обязательств и обычаев было так много, что они опутали его разум, и он перестал заниматься этим, надеясь, что ежедневная практика исподволь научит его всему.

Когда стало темно, Талинот Эсулд повел их из зала для обучения в обеденный зал, миновав по дороге сверкающий, выложенный камнями бассейн, где они искупались, прежде чем получили свои мантии, и где должны были купаться дважды в день, пока не покинут эту террасу. На обед подали простую пищу из супа и рыбы, безвкусной и непривлекательной, несмотря на то

что все были чертовски голодны. Прислуживали им новички вроде них самих, в светло-зеленых мантиях. Большой зал был заполнен только частично - время обеда уже почти прошло. Валентин взглянул на других паломников. Они были всех сортов: примерно половина людей, довольно много вроонов и хайрогов, редкие вкрапления скандаров, несколько лиименов и хьортов, а в дальнем углу - небольшая группа су-сухерисов. Похоже, в сети Леди попадали все расы Маджипура, кроме одной.

- Метаморфы тоже ищут Леди? - спросил Валентин.

Талинот Эсулд ответил с ангельской улыбкой:

- Если метаморф придет к нам, мы примем его. Но они не принимают участия в наших обрядах. Они живут по-своему, как будто одни на всем Маджипуре.

- Может, некоторые приходят сюда, маскируясь под другие формы? - предположил Слит.

- Мы определяем это,- спокойно ответил Талинот Эсулд.

После обеда они получили комнаты - индивидуальные помещения чуть больше клозетов - в похожем на улей здании. Ложе, раковина, место для одежды и больше ничего. Лизамон Хултин

сердито уставилась на свою.

- Никакого вина,- сказала она,- меч забрали, а теперь еще я должна спать в этом ящике? Думаю, что паломничество - это большая глупость, Валентин.

- Постарайтесь привыкнуть. Мы пройдем через Остров так быстро, как только сможем.

Он вошел в свою комнату, расположенную между комнатами женщины-воина и Карабеллы. Тотчас же световой шар потускнел, и, едва опустившись на ложе, Валентин погрузился в сон, хотя час был еще ранний. Когда сознание покинуло его, новый свет вспыхнул в его разуме, и он увидел Леди, вне всякого сомнения, Леди Острова.

Валентин и прежде много раз видел ее в снах - нежные глаза, темные волосы, цветок за ухом, кожа оливкового цвета,- но сейчас изображение было резче, более подробное, и он заметил мелкие морщины в уголках ее глаз, крошечные зеленые камни в мочках ушей и тонкую серебряную ленту, пересекавшую ее лоб. Он протянул к ней руки и сказал:

- Мать, я здесь. Позови меня к себе, мать.

Она улыбнулась ему, но ничего не ответила.

Они были в саду, и вокруг цвели алабандины.

Леди стригла растения маленьким золотым инструментом, удаляя цветочные бутоны, так, что оставшиеся должны были дать более крупные цветы. Валентин стоял рядом с ней, ожидая, когда она повернется к нему, но она продолжала работать, и наконец сказала, по-прежнему не глядя на него:

- Кто-то должен постоянно делать свое дело, чтобы все шло хорошо.

- Мать, я Валентин, твой сын!

- Видишь, на каждой ветке пять бутонов? Если их оставить, они все откроются, но я убираю по одному здесь и здесь, и остальные будут великолепны.

Пока она говорила, алабандины наполняли воздух таким нежным ароматом, что он ошеломил его. Большие желтые лепестки расходились в стороны, открывая внутри черные тычинки и пестики. Она легонько коснулась их, рассыпая в воздухе пурпурную пыльцу, и сказала:

- Ты - тот, кто ты есть, и всегда будешь им.

Потом сон изменился, и в нем не осталось ничего от Леди. Теперь была беседка из колючих кустов, которые протягивали к нему упругие ветви, колоссальных размеров птицы и другие картины, не говорившие ему ничего связного.

Проснувшись, он немедленно пошел к своему толкователю снов, аколюту, которого звали Стауминап, такому же бритому и неопределенного пола, как Талинот Эсулд, но, скорее всего, не женщине. Вчера Валентин уяснил, что эти аколюты были на середине посвящения и вернулись со Второй Скалы прислуживать здесь новичкам.

Толкование снов на Острове ничем не походило на то, что он испытал в Фалкинкипе у Тисаны. Здесь не было наркотиков и не требовалось ложиться рядом; он просто вошел к толкователю и описал свой сон. Стауминап бесстрастно выслушал его. Валентин подозревал, что толкователь имел доступ к его сну, когда он переживал его, и хотел сравнить его восприятие со своим, увидеть, какие пропасти и противоречия лежат между ними. Поэтому он излагал сон именно так, как помнил, как он сказал во сне: «Мать, я Валентин, твой сын!» - и смотрел, как Стауминап прореагирует. С тем же успехом он мог изучать меловую стену скалы.

Когда он закончил, толкователь сказал:

- А какого цвета были цветы алабандинов?

- Желтые с черными центрами!

- Любовные цветы. На Цимроеле алабандины пурпурные с желтыми центрами. Какие цвета

нравятся вам больше?

- У меня нет привязанностей,- сказал Валентин.

Стауминап улыбнулся.

- Алабандины Алханроеля желтые с черными центрами. Сейчас вы можете идти.

Такое же толкование бывало каждый день: таинственные замечания, а может, и не таинственные, но допускающие разные толкования. Стауминап был как бы хранилищем его снов, и Валентин начинал привыкать к этому.

Привыкал он и к ежедневной работе. Каждое утро он два часа работал в саду, занимаясь легкой отделкой и прополкой сорняков, а после полудня становился каменщиком и выкладывал плиты террасы. Были еще долгие сеансы размышлений, в которых не требовалось никакого руководства, а нужно было только сидеть в комнате и смотреть на стены. Он почти не видел своих спутников по путешествию, за исключением тех моментов, когда они вместе купались утром и перед обедом. Было очень легко войти в ритм этого места и отбросить в сторону прежде необходимое. Тропический воздух, аромат миллионов цветов, мягкие тона всего, что было здесь, усыпляли и успокаивали, как теплая ванна.

Но Алханроель лежал в тысячах миль к востоку, а он не продвинулся к нему ни на дюйм с тех пор, как оказался на Террасе Аттестации. Уже неделя прошла безуспешно. Во время сеансов размышлений Валентин развлекался, представляя, как собирает своих людей и уходит ночью, тайком минуя террасу за террасой, преодолевая Вторую и Третью Скалу и появляясь перед Леди на пороге ее храма. Впрочем, он подозревал, что недалеко уйдет здесь, где сны были открытой книгой.

Это беспокоило его, хотя он знал, что беспокойство не поможет его продвижению, и старался расслабиться, Целиком погружаясь в полученные задания, очищая свою память от всех принуждений и привязанностей, чтобы таким образом открыть дорогу к снам, которыми Леди звала к себе. Однако это не давало эффекта. Он собирал сорняки, обрабатывал теплую богатую почву, носил ведра известкового раствора и заливал им продолжение террасы, сидел, скрестив ноги в часы размышлений, и ночь за ночью, перед тем как лечь в постель, молил, чтобы Леди появилась и позвала его.

- Пришло время вам прийти ко мне,- говорил он, но ничего нет происходило.

- Сколько это будет продолжаться? - спросил он

однажды у Делиамбра.- Уже пятая неделя! Или даже шестая... я сбился со счета. Сколько - год? два? пять?

- Многие паломники хотели бы это знать,- сказал вроон.- Я говорил с одной хьорткой, которая служила в патруле при Лорде Вориаксе. Она провела здесь четыре года и, похоже, смирилась с тем, что останется навсегда на самой дальней террасе.

- Ей незачем идти куда-то еще: здесь достаточно приятная гостиница, Делиамбр. Но у меня...

- ...есть важное дело на востоке,- закончил Делиамбр.- И потому вы не можете остаться здесь. Это парадокс вашего затруднительного положения, Валентин. Вы стремитесь отвергнуть эту цель, но ваш отказ от нее сам по себе является целью. Вы видите это?

- Конечно, вижу. Но что мне делать? Как притвориться, что мне все равно: останусь я здесь навсегда или нет?

- Притворство невозможно. Только когда это произойдет на самом деле, вы двинетесь вперед. Но не раньше.

Валентин покачал головой.

- Это похоже на утверждение, что мое спасение зависит от никогда не думающей птицы гихор-

ны. Когда я пытаюсь не думать об этом, как будто большие стаи этих птиц пролетают через мой разум. Что мне делать, Делиамбр?

Но у Делиамбра не было других предложений, а на следующий день Валентин узнал, что Шанамир и Виноркис переведены на Террасу Начала.

Прошло еще два дня, прежде чем Валентин снова увидел Делиамбра. Колдун заметил, что Валентин плохо выглядит, и тот ответил с нетерпением, которого не мог сдержать:

- А что бы вы хотели? Вы знаете, сколько сорняков я выдергал, сколько каменной кладки уложил, пока в Алханроеле Барьязид сидит на Замковой Горе...

- Успокойтесь,- мягко сказал Делиамбр.- Это не похоже на вас.

- Успокоиться? Сколько я могу быть спокойным?

- Возможно, ваше терпение испытывают. В таком случае, мой лорд, вы провалили испытание.

Валентин задумался, потом сказал:

- Меня восхищает ваша логика. Но, может быть, испытывают мою изобретательность. Делиамбр, вложите сегодня в мою голову вызывающий сон.

- Вы же знаете, что мое колдовство мало стоит на этом острове.

- Все же попробуйте. Придумайте послание от Леди и вложите его в мой разум, а потом посмотрим.

Пожав плечами, Делиамбр коснулся на мгновение руки Валентина, и тот почувствовал слабую дрожь контакта.

- Ваше колдовство еще действует,- сказал он.

В эту ночь к нему пришел сон, в котором он как волевант плавал в купальном бассейне, привязанный к камням какой-то мембраной, росшей из его ног. Когда он попытался освободиться, на ночном небе появилось улыбающееся лицо Леди, которая прошептала ему: «Иди, Валентин, иди ко мне!», и мембрана растворилась, а он поплыл вверх, несомый ветром к Внутреннему Храму.

Валентин передал сон Стауминапу, и тот выслушал его так, будто он рассказывал о прополке сорняков в саду. На следующую ночь Валентин притворился, что имел тот же самый сон, и снова не получил никаких комментариев. Тогда он рассказал его в третий раз и попросил объяснить.

Стауминап ответил:

- Объяснение вашего сна в том, что ни одна птица не летает с чужими крыльями.

Валентин покраснел и крадучись вышел из комнаты.

Спустя пять дней Талинот Эсулд объявил ему, что он получил право перейти на Террасу Начала.

- Но почему? - спросил он у Делиамбра.

- Это бессмысленный вопрос в деле духовного прогресса,- ответил вроон.- Вероятно, что-то изменилось в вас.

- Но это же был незаконный вызывающий сон!

- А может, и нет,- сказал колдун.

Один из аколютов повел его по лесной тропе на следующую террасу. Дорога была запутанной, удивительно зигзагообразной, и несколько раз они поворачивали и, казалось, шли в противоположном направлении. Валентин уже потерял всякое чувство направления, когда спустя несколько часов они вышли на открытое пространство огромных размеров. Пирамиды темно-голубых камней футов в десять высотой поднимались через равные интервалы по всей террасе.

Жизнь здесь была такой же - лакейские задания, размышления, ежедневные толкования снов, совершенно аскетические квартиры, скудная пища. Но, кроме того, здесь начинались священные инструктажи, в которых благосклонность Леди объяснялась туманными притчами и окольными

диалогами.

Поначалу Валентин слушал все это, не отдыхая. На третий день его поразило, что аколют говорил о Леди, как о политической силе. Как понял Валентин, она была смягчающей силой, смесью любви и веры, соединяющей вместе центры власти этого мира. Она рассылала свои магические сны-послания - при этом было трудно поверить, что каждую ночь она касается разумов миллионов людей - и было ясно, что ее спокойный дух утешает и успокаивает планету. Валентин знал, что аппарат Короля Снов посылает специфические сны, которые хлещут виновных и предостерегают колеблющихся, и послания эти могут быть свирепыми. Но как теплота океана смягчает климат суши, так Леди смягчала резкость сил, контролирующих Маджипур, и теология, которая возникла вокруг личности Леди, как Воплощения Божественной Матери, была только отражением разделения власти, которое придумали первые правители Маджипура.

Поэтому он слушал с большим интересом. Он отбросил на время свое стремление двигаться к верхним террасам, чтобы большему научиться здесь.

Валентин был совершенно одинок на этой

террасе, и это было ново для него. Шанамира с Виноркисом нигде не было видно - может, они уже попали на Террасу Зеркал? - а остальные, как он знал, остались позади. Больше всего он скучал по сверкающей энергии Карабеллы и сардонической мудрости Делиамбра. Его дни как жонглера, казалось, ушли далеко, и никогда не вернутся. Время от времени в часы досуга он срывал плоды с деревьев и кидал их по старым знакомым образцам к удивлению проходящих мимо новичков и аколютов. Один из них, широкоплечий, чернобородый мужчина по имени Фарсал, оказывался рядом каждый раз, как Валентин начинал жонглировать.

- Где вы научились этому искусству? - спросил он однажды.

- В Пидруиде,- ответил Валентин.- Я был в труппе жонглеров.

- Наверное, это была прекрасная жизнь.

- Верно,- сказал Валентин, вспоминая волнение перед выходом на арену в Пидруиде, перед выходом на сцену Дулорнского Бесконечного Цирка и все остальные незабываемые картины прошлого.

- Можно ли научиться этому искусству,- спросил Фарсал,- или оно бывает врожденным?

- Научиться может любой, у кого точный глаз и готовность к собранности. Сам я научился в прошлом году в Пидруиде за неделю или две.

- Я был уверен, что вы жонглировали всю жизнь!

- Нет, я начал только в прошлом году.

- Но что заставило вас заняться этим?

Валентин улыбнулся.

- Мне нужны были средства к существованию, а на фестиваль Коронала в Пидруид пришли бродячие жонглеры, которым срочно требовалась пара рук. Они-то и научили меня так быстро, как я только смог.

- Может, вы покажете это мне?

- Пожалуйста,- сказал Валентин и бросил чернобородому один из плодов, которыми жонглировал,- твердый зеленый бишавар.- Бросайте его из одной руки в другую, пока не разомнете пальцы. Вам нужно научиться нескольким основным приемам и некоторым особенностям восприятия, которое дает практика, а потом...

- А что вы делали до того, как стали жонглером? - спросил Фарсал, бросая плод.

- Бродяжничал,- ответил Валентин.- Теперь держите руки вот так...

Он тренировал Фарсала полчаса, стараясь

учить его, как это делали Карабелла и Слит в Пидруиде. Это было желанное разнообразие в здешней монотонной жизни. У Фарсала были умелые руки и точный глаз, он учился быстро, хотя и не так быстро, как когда-то Валентин. В течение нескольких дней он усвоил большинство элементарных приемов и мог уже жонглировать, хотя и не очень изящно. Он оказался болтлив и, перебрасывая бишвары из одной руки в другую, непрерывно говорил. По его словам, родился он в Ни-мойе, много лет был купцом в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который поверг его в смятение и отправился в паломничество на Остров. Он рассказал о своем брате, о ненадежных сыновьях, своих удачах и потерях огромных состояний у игорных столов и хотел знать все о Валентине: его семье, стремлениях, мотивах, приведших его к Леди. Валентин отвечал на эти вопросы как можно более правдоподобно, пропуская мимо ушей самые неудобные для него, и продолжал заниматься жонглированием.

В конце второй недели - работа, учеба, размышления, свободное время, проведенное в жонглировании с Фарса- лом - Валентин почувствовал, что нетерпение вновь овладевает им и ему снова хочется двигаться вперед.

Он понятия не имел, сколько здесь всего террас - девять? девяносто? - но если проводить на каждой по столько времени, потребуются годы, чтобы достичь Леди. Нужно было как-то сократить процесс подъема.

Мнимый вызывающий сон, похоже, не сработал. Валентин явился с рассказом о нем к Силимейн, своему толкователю снов здесь, но на нее это произвело впечатление не большее, чем на Стауминапа. Во время периодов размышлений и ложась ночью спать, он пытался достичь разума Леди и умолить ее вызвать его, однако это ни к чему не привело.

Тогда он стал спрашивать сидевших рядом с ним в столовой, сколько времени они провели на Террасе Начала.

- Два года,- сказал один.

- Восемь месяцев,- сказал другой, и оба казались вполне довольными.

- А вы? - спросил Валентин Фарсала.

Тот ответил, что прибыл сюда за несколько дней до Валентина и вовсе не стремится уходить.

- Куда вам спешить отсюда? По-моему, можно служить Леди, где бы ты ни был. Эта терраса ничуть не хуже всех других.

Валентин кивнул, хотя вовсе не был с ним согласен.

На третьей неделе ему показалось, что в конце поля стаджи он видит работающего Виноркиса, но он не был уверен, а расстояние было слишком велико, чтобы кричать. Впрочем, на следующий день, когда Валентин стоял, жонглируя с Фарсалом у купального бассейна, он увидел Виноркиса, несомненно Виноркиса, смотревшего с другой стороны площади. Валентин извинился и бросился к нему. После стольких недель разлуки со своими друзьями увидеть одного из них, пусть даже хьорта, было очень приятно.

- Значит, это вы были на поле стаджи,- сказал Валентин.

Виноркис кивнул.

- За последние дни я несколько раз мельком видел вас, мой лорд. Но эта терраса так велика... Я никак не мог подойти к вам поближе. Когда вы прибыли?

- Через неделю после вас. Есть тут еще кто-нибудь из наших?

- Насколько я знаю, нет,- ответил хьорт.- Был Шанамир, но он ушел дальше. Я вижу, вы не утратили своего жонглерского искусства, мой лорд. А кто ваш партнер?

- Человек из Пилиплока. У него ловкие руки.

- А язык?

Валентин нахмурился.

- Что вы имеете в виду?

- Мой лорд, рассказывали вы этому человеку о своем прошлом и будущем?

- Конечно, нет,- ответил Валентин.- Нет, Виноркис! Едва ли шпионы Коронала могут быть здесь, на Острове Леди!

- Почему бы и нет? Разве сюда так трудно проникнуть?

- Но почему вы подозреваете...

- Прошлой ночью, после того, как видел вас на полях, я пришел сюда справиться о вас. Один из тех, кого я спрашивал - ваш новый друг, мой лорд. Я спросил его, знает ли он вас, а в ответ он начал расспрашивать меня. Являюсь ли я вашим другом, где мы познакомились, зачем пришли на Остров и так далее. Мой лорд, меня беспокоит, когда чужаки задают вопросы, особенно здесь, где учат оставаться вдали от других.

- Вы слишком подозрительны, Виноркис.

- Может, и так. Но будьте осторожны, мой лорд.

- Обязательно,- сказал Валентин.- Он не узнает от меня ничего, кроме того, что уже узнал, а это главным образом жонглирование.

- Он может уже знать о вас очень многое,- мрачно заметил хьорт.- Но мы будем следить за ним так же, как он следит за вами.

Предположение, что он мог быть под надзором даже здесь, встревожило Валентина. Разве здесь не святилище? Валентину хотелось бы, чтобы рядом с ним были Слит или Делиамбр. Сегодняшний шпион мог стать убийцей позднее, когда Валентин окажется ближе к Леди и станет представлять большую опасность для узурпатора.

Впрочем, Валентин, казалось, не приближался к Леди. Еще одна неделя прошла в тех же занятиях, что и прежде. Потом, когда он уже начал верить, что проведет остаток своих дней на Террасе Начала, и достиг грани, за которой все становилось безразлично, его отозвали с поля и велели готовиться к переходу на Террасу Зеркал.

9

Третья терраса была местом ослепительной красоты и своим блеском напомнила Валентину Дулорн. Она прижималась к основанию Второй Скалы - устрашающей вертикальной стене из белого мела, которая казалась абсолютной преградой для дальнейшего продвижения. Когда солнце было на западе, скала так ослепительно сверкала, что болели глаза и сердце сжималось от страха.

Кроме того, здесь были зеркала - огромные, грубовысеченные плиты полированного черного камня, стоявшие повсюду на террасе, так что куда бы ты ни смотрел, везде встречал свое собственное изображение, как будто горящее внутренним светом. Поначалу Валентин критически изучал себя, выискивая изменения, вызванные путешествием: след усталости или стресса. Однако ничего подобного не было, он видел знакомого золотоволосого улыбающегося мужчину, махал себе рукой и любезно подмигивал, а через неделю или около того вообще перестал замечать эти отражения. Если бы ему приказали игнорировать зеркала, он, вероятно, жил бы в постоянном

напряжении, невольно поглядывая на них и отводя взгляд в сторону, но никто здесь не говорил ему, чему служат эти зеркала или какую позу он должен принимать перед ними, и со временем он просто забыл о них. Это, как он понял позднее, было ключом к продвижению вперед: эволюция духа изнутри, растущее умение видеть и отбрасывать все, не относящееся к делу.

Он был здесь совершенно один. Ни Шанамира, ни Виноркиса, ни Фарсала. Валентин продолжал высматривать чернобородого мужчину: если он был шпионом, то, несомненно, найдет способ следовать за Валентином с террасы на террасу. Но Фарсал не появлялся.

Валентин оставался на Террасе Зеркал одиннадцать дней, а затем отправился вперед в обществе пяти других новичков, поднявшись на салазках к краю Второй Скалы и Террасы Посвящения.

Отсюда открывался величественный вид на первые три террасы, лежавшие далеко внизу, и далекое море. Валентин едва мог разглядеть Террасу Аттестации - только тонкая розовая линия среди зелени лесов - но огромная Терраса Начала устрашающе расстилалась в средней части нижнего плато, а Терраса Зеркал лежала прямо внизу, сверкая в полуденных лучах солнца, как

миллион ярких огней.

Постепенно для него становилось неважным, как быстро он движется. Время потеряло свое значение, и Валентин полностью вошел в ритм этого места. Он работал на полях, посещал долгие сессии духовных инструктажей, проводил много времени в темном строении с каменной крышей, которое было часовней Леди. Время от времени он вспоминал, что собирался быстро двигаться к сердцу Острова, к женщине, которая жила там, но сейчас все это казалось ему маловажным. Он стал настоящим паломником.

За Террасой Посвящения лежала Терраса Цветов, потом Терраса Преданности и Терраса Отказа. Все они составляли Вторую Скалу, которую заключала Терраса Подъема, бывшая последней стадией перед вступлением на плато, где жила Леди. Каждая из террас, как понимал теперь Валентин, полностью окружала Остров, так что здесь на каждой могли быть миллионы послушников или даже больше, и каждый паломник видел только крохотную часть целого пояса. Как много усилий было вложено в создание всего этого! Как много жизней было отдано служению Леди! И каждый паломник двигался внутри сферы молчания: здесь не завязывалась дружба, не

было обменов секретами и любовных объятий. Фарсал был таинственным исключением из этого правила, как будто существовал вне времени и в стороне от обычных ритуалов жизни.

Здесь, в этой средней зоне Острова, меньшее значение уделялось учебе, а большее - работе. Когда он достиг Третьей Скалы, то понял, что присоединился к тем, кто несет в большой внешний мир работу Леди, поскольку не сама она отправляла большинство посланий, а миллионы аколютов Третьей Скалы, чьи разумы и души становились усилителями благосклонности Леди. Однако не каждый достигал Третьей Скалы: многие из старших аколютов проводили декады на Второй Скале, выполняя администраторские функции, безо всякой надежды, да и желания, двигаться вперед к более сложным обязанностям внутренней зоны.

На третью теделю на Террасе Преданности Валентин пережил то, что несомненно было вызывающим сном.

Он увидел себя пересекающим опаленную пурпурную Равнину, которую видел во сне в Пидруиде. Солнце висело низко над горизонтом, и небо было мрачным и унылым, а прямо перед ним лежали два широких черных хреб-

та, вздымавшихся, как огромные разбухшие руки. В засыпанной валунами долине между ними был виден последний красноватый отблеск солнечных лучей, странный маслянистый свет, зловещий и скорее пятнистый, чем сияющий. Холодный сухой ветер дул из этой странно освещенной долины, принося вздохи и пение: меланхолическую мелодию, плывущую вместе с ветром. Валентин шел уже несколько часов, но результата не было: горы не приближались, а пески пустыни становились все шире по мере его движения. Он все больше слабел, угрожающие миражи танцевали перед ним. Он видел Симонана Барьязида, Короля Снов, и трех его сыновей, видел ужасно старого Понтифекса, ревущего на своем подземном троне, видел чудовищных аморфиботов, лениво ползающих по дюнам, и рыла массивных думкаров, поднимавшихся из песка и зондировавших воздух в поисках добычи. Все это шипело, гнусавило и шептало; насекомые роились скверными маленькими облачками, и, кроме того, начал падать дождь сухого песка, засыпавший ему глаза и ноздри. Валентин устал и готов был в любой момент сдаться, остановиться, лечь на песок и позволить движущимся дюнам закрыть его, но что-то влекло его вперед. Впереди,

в долине, двигалась взад и вперед улыбающаяся женщина, Леди, его мать, и пока он видел ее, он не переставал стремиться к ней. Он чувствовал тепло ее присутствия и притяжение любви.

- Иди,- прошептала она.- Иди ко мне, Валентин! - Ее руки протянулись к нему через эту ужасную пустыню чудовищ.

Его плечи обвисли, колени подогнулись. Он не мог идти дальше, хотя и знал, что должен.

- Леди,- прошептал он,- я дошел до предела, я должен отдохнуть и поспать!

Что-то теплое и яркое вспыхнуло между горами.

- Валентин! - позвала она.- Валентин, сын мой!

Он с трудом удерживал глаза открытыми: так соблазнительно было лечь на теплый песок!

- Вы - мой сын,- дошел до него голос Леди,- и нужны мне.

Едва она сказала эти слова, как он почувствовал в себе новые силы и пошел быстрее, а потом легко побежал по покрытой коркой земли пустыне, его сердце забилось быстрее, шаги стали шире. Расстояние быстро уменьшалось, и Валентин ясно увидел ее, ждущую его на террасе из фиолетовых камней, улыбающуюся, протягивающую к нему свои руки и произносящую его имя голосом,

который звучал, подобно колоколам Ни-мойи.

Когда он проснулся, ее голос все еще звучал в его ушах. За окном светало. Удивительная энергия захлестнула его. Он поднялся, отправился к большому аметистовому бассейну, в котором купались на Террасе Преданности, и смело окунулся в прохладную воду. Затем он направился в комнату Менесипты, своей здешней толковательницы снов, и излил перед ней свой сон. Менесипта сидела молча.

Холодность ее приема остудила энтузиазм Валентина. Он вспомнил визит к Стауминапу на Террасе Аттестации с обманным вызывающим сном о волевантах и то, как быстро тот раскусил этот сон. Но сейчас обмана не было. Делиамбр, который мог вложить его в память, был далеко.

Наконец Валентин сказал:

- Как вы оцениваете это?

- Сон с известными обертонами,- спокойно сказала Менесипта.

- И это все, что вы можете сказать?

Она удивленно взглянула на него.

- А что еще вы хотели услышать?

Валентин в отчаянии сжал кулаки.

- Если бы ко мне пришел человек и рассказал такой сон, я бы назвал его сном вызова.

- Очень хорошо.

- Вы согласны? Можете вы назвать его сном вызова?

- Если это доставит вам удовольствие.

- Дело не в моем удовольствии,- раздраженно сказал Валентин.- Каждый сон может быть вызовом или не быть им. Что вы думаете об этом?

Туманно улыбаясь, толковательница снов сказала:

- Я считаю ваш сон вызовом.

- И что же?

- Что? Вернитесь к своим внутренним обязанностям.

- Сон вызова, как я понимаю это,- жестко сказал Валентин,- требует прибытия к Леди.

- Действительно.

- Значит, я не отправлюсь сейчас во Внутренний Храм?

Менесипта покачала головой.

- Никто не уходит со Второй Скалы во Внутренний Храм. Только когда вы достигнете Террасы Поклонения, вызывающий сон станет достаточной причиной для движения дальше. Ваш сон интересен и важен, но это ничего не меняет. Вернитесь к своим обязанностям, Валентин.

Дрожа от гнева, он вышел из ее комнаты. Он

знал, что вел себя глупо, что простого сна было недостаточно, чтобы смести оставшиеся барьеры, отделяющие его от Леди, и все же ждал этого, надеялся, что Менесипта хлопнет в ладоши, радостно крикнет и немедленно переведет его во Внутренний Храм. Ничего подобного не произошло, и разочарование было болезненным и приводящим в ярость.

А потом боль еще больше усилилась. Когда через два часа он вернулся с полей, его перехватил какой-то аколют и резко сказал:

- Вам приказано немедленно отправиться в гавань Талейс, где новые паломники ждут вашего руководства.

Валентин был ошеломлен. Меньше всего он ждал возвращения обратно, в начальную точку подъема.

Он должен был уйти немедленно, пешком и в одиночку, двигаться с террасы на террасу и прибыть на Террасу Аттестации в кратчайший срок. Интендант террасы снабдил его продуктами, чтобы хватило до Террасы Цветов, кроме того, ему дали указатель направления - амулет, который пристегивался на руку, реагировал на зарытые в землю дорожные метки и издавал высокий свистящий звук.

В полдень он покинул Террасу Преданности, но дорога, которую он выбрал, вела вперед, к Террасе Отказа, а не назад - к берегу.

Решение пришло внезапно и с непостижимой силой. Он просто НЕ МОГ позволить себе вернуться обратно. Вступление на запретный путь на этом высоко дисциплинированном острове было весьма рискованно, но у него не было выбора.

Валентин обошел край террасы и нашел травянистую дорожку, которая пересекала по диагонали поля для отдыха. Здесь он должен был повернуть налево, к внешним террасам, но вместо этого, чувствуя себя очень заметным, повернул направо и быстро пошел внутренним. Скоро он вышел из населенной части террасы, и дорога сузилась с широкого мощеного шоссе до обычной тропы, зажатой с обеих сторон лесом.

Через полчаса он подошел к развилке и, когда наугад выбрал левое ответвление, тихий свистящий звук амулета- указателя направления исчез, Валентин вернулся и пошел направо. «Полезное изобретение»,- подумал он.

Он шел до тех пор, пока не стемнело, а затем расположился в прелестной роще, рядом с ручьем, и поужинал сыром с нарезанным ломтиками мясом. Спал он беспокойно, лежа на холодной

сырой земле между двумя высокими деревьями.

Первые розовые лучи рассвета разбудили его. Он шевельнулся, потянулся и открыл глаза. Быстро искупаться в ручье, потом легкий завтрак, а затем...

И тут Валентин услышал какие-то звуки в лесу за собой - кто-то шел через кусты, ломая ветви. Он тихо скользнул за толстый ствол дерева, стоявшего на берегу ручья, осторожно выглянул из-за него и увидел крепко сложенного чернобородого мужчину, выходящего из подлеска. Мужчина замер и внимательно осмотрелся.

Это был Фарсал. В мантии паломника, но с кинжалом, привязанным к левому предплечью.

Не больше двадцати пяти футов разделяли двух мужчин. Валентин нахмурился, размышляя, что делать. Где Фарсал нашел кинжал на этом мирном острове? И какая причина, кроме желания убить, могла заставить его идти за Валентином через лес?

Насилие было чуждо Валентину, но неожиданное нападение на Фарсала казалось единственно возможным выходом. Он несколько раз качнулся взад-вперед, как будто готовился жонглировать, и выскочил из своего укрытия.

Фарсал повернулся и ухитрился выхватить

кинжал из ножен, как только Валентин обрушился на него. Резким движением Валентин ударил его ребром ладони по руке, и кинжал упал на землю. Мгновением позже мясистые руки сжали Валентина в могучей хватке.

Они стояли неподвижно, лицом к лицу. Фарсал был на голову ниже Валентина, но шире в плечах и более крепко сложен. Он пытался швырнуть Валентина на землю, тот изо всех сил старался освободиться, и ни один не достигал своей цели, хотя жилы набухли на их лбах, а лица покраснели от напряжения.

- Это безумие,- пробормотал Валентин.- Давайте разойдемся. Я не хочу причинять вам вред.

Вместо ответа Фарсал усилил хватку.

- Кто послал вас? - спросил Валентин.- Что вы хотите от меня?

Молчание. Могучие руки продолжали безжалостно сдавливать его. Валентин начинал задыхаться, боль ослепляла его. Он попробовал развести локти в стороны и ослабить захват, но ничего не вышло. Лицо Фарсала безобразно искривилось от усилий, глаза его смотрели свирепо, губы были плотно сжаты. Медленно, но неумолимо он толкал Валентина к земле.

Сопротивляться этой ужасной хватке было

невозможно. Валентин резко прекратил борьбу и расслабился. Застигнутый врасплох Фарсал покачнулся, а Валентин позволил своим коленям согнуться и не сопротивлялся, когда тот швырнул его на землю. Однако упал он легко, на спину, подтянув ноги к груди, и, когда Фарсал яростно бросился на него, Валентин резко распрямил ноги, изо всех сил ударив своего противника в живот.

Задыхаясь, ошеломленный Фарсал отшатнулся назад. Валентин вскочил на ноги, схватил его руками, набравшими силу за месяцы жонглирования, грубо повалил на землю и навалился на него сверху, прижав коленями распростертые руки Фарсала, а руками держа его плечи.

Как странно это, подумал Валентин, сражаться врукопашную с другим существом! Все это походило на сон.

Фарсал злобно смотрел на него, скребя ногами по земле в тщетных попытках сбросить с себя Валентина.

- А теперь говорите,- сказал Валентин.- Расскажите, что все это значит. Вы пришли сюда убить меня?

- Я ничего не скажу.

- Это вы-то, так много говоривший прежде?

- Это было давно.

- Что же мне делать с вами? - спросил Валентин.- Если я освобожу вас, вы снова броситесь на меня, но если я буду держать вас здесь, то и сам ничего не смогу сделать.

- Вы не сможете держать меня долго.

Фарсал снова напрягся. Его сила была огромна, но Валентин держал крепко. Лицо Фарсала побагровело, на горле выступили жилы, глаза смотрели с яростью и гневом. Довольно долго они лежали неподвижно, затем он собрался с силами и рванулся вперед. Валентин не выдержал этого чудовищного рывка. Это был момент, когда ни один из мужчин не контролировал положение: Валентин был полуотброшен в сторону, а Фарсал корчился и извивался, пытаясь освободиться совсем. Ухватившись за мощные плечи Фарсала, Валентин попытался прижать их к земле, но тот вывернулся и ткнул пальцами в глаза Валентину. Валентин пригнулся, а затем, не задумываясь над тем, что делает, схватил Фарсала за черную бороду и дернул в сторону, ударив головой о камень, торчавший из влажной почвы рядом с ними.

Фарсал хрюкнул и замер.

Вскочив на ноги, Валентин подобрал кинжал и стоял, держа его. Он весь дрожал, но не от страха,

а от пережитого напряжения, как дрожит тетива лука, с которой только что сорвалась стрела. Его ребра болели от страшных объятий, а мускулы рук и плеч трепетали каждый в своем ритме.

- Фарсал? - сказал он, осторожно трогая его ногой.

Никакого ответа. Умер? Нет, огромный бочонок груди медленно поднимался и опадал, и Валентин слышал хриплое дыхание.

Валентин взглянул на нож. Что теперь? Слит сказал бы, что нужно прикончить его, прежде чем он придет в себя, но это было невозможно. Никто не должен убивать, разве что при самозащите. Убить другое существо означало до конца жизни получать наказующие сны, как месть за убийство. Однако не мог он и просто уйти, оставив Фарсала приходить в себя за своей спиной. Сейчас бы очень пригодился кусок ловчей сети... Валентин осмотрелся, увидел крепко выглядевшую лиану с зеленовато-желтым стеблем, толщиной в палец, ползущую вверх по, дереву, и несколькими ударами отсек пять кусков. Затем обмотал их вокруг Фарсала, который шевелился и стонал, но в сознание не приходил. Через десять минут он был крепко связан от груди до щиколоток. Валентин попробовал разорвать лиану, но та

выдержала его рывки.

Собрав свои немногочисленные вещи, он заторопился прочь.

Встреча в лесу потрясла его. Не только сама схватка, которая была достаточно варварской и долго еще будет беспокоить его, но и мысль о том, что его врага уже не удовлетворяло простое наблюдение за ним, и он был послан убить. Но если это так, подумал он, могу ли я сомневаться в истинности видений, говорящих, что я - Лорд Валентин?

Валентин с трудом воспринимал понятие преднамеренного убийства. Никто не должен был лишать жизни другое существо. В мире, который он знал, это было основой. Никто, даже узурпатор, свергнутый им, не смел убивать его из страха перед темными снами, которые придут после этого, но, вероятно, сейчас он был готов пойти на этот страшный риск. Если только, подумал Валентин, Фарсал, увидев меня идущим к внутренней зоне Острова, не решился на убийство сам, стремясь таким страшным путем заслужить признательность своего хозяина.

Темное дело. Валентин содрогнулся и, широко шагая по лесной тропинке, то и дело оглядывался назад, ожидая снова увидеть чернобородого муж-

чину, преследующего его.

Но погони не было. К середине второй половины дня Валентин увидел вдали Террасу Отказа и плоское белое лицо Третьей Скалы за ней. Никто не обратил внимания на самовольного паломника, тихо бредущего среди миллионов других. Он вошел на Террасу Отказа с невинным выражением лица, как будто имел все основания находиться здесь. Это было богатое и обширное место с рядом высоких строений из темно-голубого камня у восточного края и рощей деревьев басса, плоды которых висели на расстоянии вытянутой руки. Валентин добавил в свой узелок полдюжины нежных, сочных плодов басса и направился к бассейну, где избавился от грязи первого дня путешествия. Затем, совсем осмелев, нашел столовую и получил порцию супа и тушеного мяса. После этого так же осторожно, как пришел, он направился в дальний конец террасы, поскольку уже темнело.

И вновь он спал на импровизированной лесной постели, засыпая и вновь просыпаясь при мысли о Фарсале, а когда рассвело, поднялся и двинулся дальше. Белая стена Третьей Скалы неясно виднелась высоко над лесом.

Он шел весь этот и следующий день, но, каза-

лось, совсем не приблизился к ней. Идя пешком через эти леса, он, по его подсчетам, делал не больше пятнадцати или восемнадцати миль в день, а до Третьей Скалы могло быть пятьдесят или восемьдесят. Тогда сколько же было до Внутреннего Храма? Это путешествие могло занять недели. Однако он продолжал идти, и походка его стала даже более легкой: эта лесная жизнь нравилась ему.

На четвертый день Валентин достиг Террасы Подъема, ненадолго задержался, чтобы освежиться, провел ночь в тихой роще, а утром пошел дальше, пока не добрался до основания Третьей Скалы.

Он ничего не знал о механизме, который двигал салазки вдоль стены. С места, где он стоял, видно было маленький поселок подъемной станции: несколько коттеджей, аколютов, работающих на полях, салазки, стоявшие у подножия стены. Сначала он хотел дождаться темноты, а затем попробовать угнать салазки, но потом передумал: подъем на эту головокружительную высоту без посторонней помощи, используя инструмент, которого он не знал, казался слишком рискованным. Однако мысль силой заставить аколютов поднять его нравилась ему еще меньше.

Но нужно было выбирать из двух зол. Приведя в порядок испачканную за время путешествия мантию, он напустил на себя вид высшей власти и величаво двинулся к подъемной станции.

Аколюты - их было трое - приняли его холодно.

- Подъемник готов к действию? - спросил он.

- У вас дело на Третьей Скале?

- Да,- Валентин улыбнулся им своей самой ослепительной улыбкой, демонстрируя силу и уверенность, потом сказал: - Я - Валентин из Алханроеля, по специальному вызову к Леди. Наверху меня ждут, чтобы проводить во Внутренний Храм.

- А почему мы ничего не знаем об этом?

Валентин пожал плечами.

- Откуда мне знать? Возможно, чья-то ошибка. Неужели ждать, пока бумаги дойдут до вас? И заставлять ждать Леди? Нет уж, запускайте подъемник!

Аколюты хмурились, качали головами, недоуменно переглядывались.

- Все это очень странно. Кто, вы говорите, должен сопровождать вас там?

- Верховная Толковательница Тисана из Фалкинкипа собственной персоной! И она тоже должна ждать, пока вы здесь надумаете? Вам

хочется отвечать перед ней за эту задержку? Да знаете ли вы, какой характер у Верховной Толковательницы?!

- Верно, верно,- нервно согласились аколюты, кивая друг другу, как будто такая персона действительно существовала и ее гнев был чем-то очень страшным.

Валентин понял, что выиграл. Нетерпеливыми жестами он принялся подгонять их и вскоре сидел в салазках, спокойно поднимавшихся к высочайшей и самой священной из трех скал Острова сна.

10

Воздух на вершине Третьей Скалы был чистый и прохладный, ведь этот уровень Острова лежал в тысячах футов над уровнем моря, и здесь, в орлином гнезде Леди, окружающая среда отличалась от двух нижних ступеней. Деревья были высокие, стройные с похожими на иглы листьями и симметрично растущими ветвями, а кусты и растения под ними имели толстые глянцевые листья и крепкие упругие стволы. Оглянувшись обратно, Валентин не увидел моря, а только леса Второй Скалы и слабый намек на Первую у самого горизонта.

Дорога, изящно выложенная каменными блоками, вела от края Третьей Скалы к лесу. Не колеблясь Валентин ступил на нее. Он понятия не имел о топографии этого уровня, за исключением того, что здесь много террас и последняя из них, где ждали вызова Леди, называлась террасой Поклонения. Валентин не надеялся пройти всю дорогу до порога Внутреннего Храма, но хотел зайти так далеко, как только сможет, а когда его схватят как нарушителя, сказать свое имя и попросить отправить его к Леди. Остальное будет

зависеть от ее милосердия и благосклонности.

Его остановили прежде, чем он достиг внешней террасы Третьей Скалы.

Пятеро аколютов в золотых с красным мантиях внутренней иерархии вышли из леса и выстроились поперек дороги. Их было пятеро, трое мужчин и две женщины, все преклонного возраста, и они не выказывали никакого страха перед ним.

Одна из женщин, беловолосая, с тонкими губами и темными напряженными глазами, сказала:

- Я - Лоривайд Террасы Теней и именем Леди спрашиваю, как вы сюда попали.

- Я - Валентин из Алханроеля,- ровно ответил он,- плоть от плоти Леди, и вы должны отвести меня к ней.

Наглое заявление не заставило иерархов даже улыбнуться.

- Вы утверждаете свое родство с Леди? - спросила Лоривайд.

- Я ее сын.

- Ее сына зовут Валентин, он Коронал и живет на Замковой Горе. Что за безумие вы говорите?

- Передайте Леди, что ее сын Валентин пришел к ней через Внутреннее Море и весь Цимроель, и что он светловолосый мужчина. Больше я ничего

не прошу.

Один из мужчин рядом с Лоривайд сказал:

- Вы носите мантию Второй Скалы, и вам запрещено подниматься сюда.

Неопределенно махнув рукой, Валентин сказал:

- Я понимаю это. Мой подъем был недозволенным, нелегальным и самонадеянным. Но этого требуют интересы всего государства. Если мое послание достигнет Леди с опозданием, вы ответите за это.

- Мы здесь не привыкли к угрозам,- заметила Лоривайд.

- Я и не угрожаю, а говорю о неизбежных последствиях.

Женщина справа от Лоривайд сказала:

- Он сумасшедший. Нужно забрать его и подвергнуть лечению.

- И наказать служащих снизу,- сказал второй мужчина.

- Нужно узнать, с какой он террасы и как ему позволили уйти оттуда,- добавил второй.

- Я прошу вас только передать мое послание Леди,- спокойно повторил Валентин.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к месту, где находились три платформы

и ждали множество молодых аколютов. Ясно, что они готовились к серьезным неприятностям. Лоривайд сделала знак одному из аколютов и отдала короткий приказ, а затем пятеро иерархов поднялись на одну из платформ и вскоре исчезли из виду.

Аколюты направились к Валентину. Не слишком церемонясь, они схватили его и погнали к платформе. Он улыбнулся и дал понять, что не собирается сопротивляться, но они крепко держали его и грубо запихнули на сиденье. Платформа поднялась в воздух, и по сигналу маунты потащили его вперед, к ближайшей террасе.

Терраса Теней была широким местом с низкими зданиями и большими каменными площадями, и тени, давшие ей имя, были черными, как чернила, таинственными, всепокрывающими пятнами ночи, которые странным узором падали на абстрактные каменные статуи. Путешествие Валентина по этой террасе было недолгим. Его пленители остановились у квадратного здания без окон, ловко открыли дверь, которая бесшумно скользнула в сторону, и ввели Валентина внутрь.

Потом дверь закрылась, не оставив после себя ни следа.

Он был пленником.

Комната была квадратной, унылой, с низким потолком. Единственный тусклый светильник горел зеленоватым светом. В комнате был очиститель, раковина, комод, матрац и больше ничего.

Отправят ли они его послание к Леди? Или, может, оставят здесь, пока не выяснят подробности его появления на Третьей Скале?

Прошел час или два. Пусть меня отправят на допрос или даже к палачу, думал он, только бы не это молчание, эта скука, это одиночество. Он начал считать шаги. Комната была не совсем квадратной: одна пара стен была на полтора шага длиннее другой. Он поискал очертания двери, но так ничего и не нашел. Вероятно, она была бесшовной, и это не доставило ему особой радости. Еще через некоторое время Валентин начал придумывать диалоги и мысленно приукрашивать их: Валентин и Делиамбр, Валентин и Леди, Валентин и Карабелла, Валентин и Лорд Валентин. Однако это развлечение скоро надоело ему.

Внезапно послышался слабый воющий звук, в стене появилось небольшое отверстие, и в комнату просунули поднос. Они дали ему печеную рыбу, гроздь винограда и кубок холодного красного сока.

- Сердечно благодарю вас за этот банкет,- громко сказал он, ощупывая пальцами стену в поисках места, через которое скользнул поднос, но ничего не нашел.

Поев, он продолжил мысленные диалоги, беседуя со Слитом и старой толковательницей снов Тисаной, с Зализаном Каволом и капитаном Горзвалом. Он расспрашивал их о детстве, надеждах, снах, политических воззрениях, вкусах в пище, напитках и одежде. Потом эта пара утомила его, и он вытянулся на матраце.

Сон его был скорее дремотой, полдюжину раз нарушенной промежутками мрачного бодрствования. Его сны были неровными: в них участвовали Леди, Фарсал, Король Снов, вождь метаморфов и иерарх Лоривайд, но все они произносили слова путаные и мрачные. Когда он, наконец, проснулся, в комнату просунули поднос с завтраком.

Так прошел долгий день.

Валентин никогда не думал, что день может быть таким бесконечным. Делать было нечего, вообще нечего и это ничегонеделанье тянулось без конца. Он пытался жонглировать своими приборами, но они были легкими и непрочными вещами, и это было то же самое, что жонглиро-

вать перьями. Он пытался жонглировать своими ботинками, но их было только два, а жонглировать двумя предметами было просто глупо. Тогда он принялся жонглировать воспоминаниями, вспоминая все, что случилось с ним, начиная с Пидруида, но перспектива заниматься этим многие часы не нравилась ему. Он размышлял до тех пор, пока в ушах у него не появилось какое-то тупое жужжание. Согнувшись в центре комнаты, он пытался угадать момент, когда появится очередная порция пищи, но напряженное ожидание быстро утомило его.

На вторую ночь Валентин попытался связаться с Леди. Он приготовился ко сну, и, когда его разум начал освобождаться от сознания, он попробовал задержаться между сном и явью, в состоянии, подобном трансу. Это было довольно трудно, ибо если он слишком сильно сосредоточивался, то полностью просыпался, а если расслаблялся, то начинал погружаться в сон. Долгое время он балансировал таким образом, стараясь вспомнить то, чему научил его когда-то Делиамбр.

Наконец он послал свой разум вперед.

- МАТЬ?

Он представил, что его душа поднимается с Террасы Теней и плывет внутрь Острова, минуя

террасу за террасой, к сердцу Третьей Скалы - Внутреннему Храму, в комнату, где отдыхала Леди.

- МАТЬ, ЭТО ВАЛЕНТИН, ТВОЙ СЫН ВАЛЕНТИН. Я ТАК МНОГО ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ ТЕБЕ, МАТЬ, И О МНОГОМ СПРОСИТЬ! НО СНАЧАЛА ПОМОГИ МНЕ ДОСТИЧЬ ТЕБЯ.

Валентин продолжал лежать. Он был совершенно спокоен. Казалось, разум его пылает чистым белым светом.

- МАТЬ, Я НА ТРЕТЬЕЙ СКАЛЕ, В КАМЕРЕ ПЛЕННИКОВ ТЕРРАСЫ ТЕНЕЙ. Я ПРИШЕЛ ИЗДАЛЕКА, НО ТЕПЕРЬ МЕНЯ ОСТАНОВИЛИ. ПОШЛИ ЗА МНОЙ, МАТЬ!

- МАТЬ...

- ЛЕДИ...

- МАТЬ...

Он уснул, однако свет продолжал гореть, и Валентин уловил первую дрожь музыки сна, вступление в первую фазу контакта. А потом пришли видения. Он больше не был пленником, а лежал под холодными белыми звездами на огромной круглой платформе полированного камня, похожей на алтарь, а к нему подошла женщина в белой мантии, с блестящими черными волосами. Она опустилась на колени рядом с ним,

легонько коснулась его и нежно произнесла:

- Вы - мой сын Валентин, и я сделаю, чтобы весь Маджипур знал об этом. А сейчас я зову вас к себе.

И это было все. Проснувшись, он ничего не мог вспомнить, кроме этого.

В то утро подноса с завтраком ему не принесли. Впрочем, он не знал, было ли сейчас настоящее утро или он проснулся среди ночи. Шли часы, но подноса не было. Может, они забыли о нем? Или хотели уморить его голодом? Он испытал приступ страха: было ли это лучше скуки? Пожалуй, он выбрал бы скуку. Он крикнул, хотя и знал, что это бесполезно: это место было запечатано, как могила. Как могила... Валентин мрачно взглянул на стопку старых подносов, стоявшую у дальней стены, вспомнил удивление и радость от пищи, колбасу лииименов, рыбу, которую Кун и Слит жарили на берегу Стейша, вкус плодов двикки, резкий привкус огненного вина Пидруида. Голод все набирал силу, а кроме того, он был испуган. Сейчас его мучила не скука, а страх. Наверное, они провели совещание и приговорили его к смерти за глупость.

Минуты... Часы... Прошло уже полдня.

Глупо было думать, что он коснется во сне ра-

зума Леди. Глупо было надеяться перенестись по воздуху во Внутренний Храм и добиться ее помощи. Глупо думать, что он вновь вернется на Замковую Гору. Во всем мире не было ничего, кроме глупости, и сейчас, горько подумал он, его ждет расплата за свою самонадеянность.

И тут послышался знакомый слабый воющий звук. Однако открылось не отверстие для подачи пищи, открылась вся дверь.

Двое беловолосых иерархов вошли в камеру, глядя на него мрачно и угрюмо.

- Вы принесли мне завтрак? - спросил Валентин.

- Мы пришли,- сказал более высокий из них,- чтобы проводить вас во Внутренний Храм.

11

Он настоял, чтобы сначала его покормили, и это было мудрое решение, потому что путешествие оказалось долгим. Весь остаток дня маунты быстро тащили парящую платформу. Иерархи окружали его со всех сторон, храня холодное молчание, а когда он задавал вопросы - например о названии террасы, которую они проезжали,- отвечали как можно более кратко.

На Третьей Скале было много террас - Валентин сбился со счета после седьмой,- и они располагались друг к другу ближе, чем на внешних скалах, отделенные друг от друга узкими полосами леса. Эта центральная часть Острова выглядела довольно деловым и густонаселенным местом.

В сумерках они прибыли на Террасу Поклонения, район безмятежных садов и низких зданий из белого камня. Как и все другие террасы, эта имела форму круга, но была гораздо меньше остальных: здесь, во внутренней части Острова, ее можно было обойти по периметру за час-два, тогда как для обхода террас Первой Скалы потребовались бы месяцы. Древние искривленные деревья с овальными листьями росли через рав-

ные промежутки вдоль всего периметра. Беседки из цветущих лоз возвышались между зданиями, повсюду были маленькие дворы, украшенные роскошными колоннами полированного черного камня и цветущими кустами. Слуги Леди парами или тройками спокойно ходили по этим мирным местам. Валентина проводили в комнату с широкой ванной, гостеприимной постелью, окнами, выходящими в сад, и корзиной фруктов на столе. Иерархи оставили его здесь.

Он искупался, куснул один из плодов и стал ждать следующих событий. Через час или больше в дверь постучали, мягкий голос спросил, не желает ли он обедать, и в комнату вкатилась тележка, нагруженная самой лучшей едой, какую он видел с момента прихода на Остров: жареное мясо, голубые тыквы, фаршированные мелко искрошенной рыбой, и кубок чего-то, что можно было назвать почти вином. Валентин жадно набросился на еду, а потом долго стоял у окна, глядя в темноту. Он не увидел ничего, да и не услышал тоже. Тогда попробовал дверь: закрыто. Значит, он по-прежнему оставался пленником, хотя и в гораздо лучших условиях, чем до этого.

Наконец он погрузился в сон без сновидений и проснулся, когда комнату осветили золотые лучи

солнца. Он выкупался, и тот же самый деликатный слуга принес завтрак, состоявший из сосисок и тушеных розовых фруктов. Вскоре после этого появились двое мрачных иерархов и сказали:

- Леди вызывает вас сегодня к себе.

Они провели его через сад удивительной красоты и через роскошный мост из чистого белого камня, изящной аркой перекинутый над темным бассейном, в котором плавали золотые рыбы. Впереди лежала поразительная зеленая лужайка, в центре которой стояло большое одноэтажное здание необычайно изящной формы с длинными узкими крыльями, отходящими от него в виде звездных лучей, расходящихся из одного центра.

Это мог быть только Внутренний Храм.

И тут Валентин задрожал. Долгие месяцы он стремился к этому месту, к порогу таинственной женщины, чье королевство было здесь, а что, если все это была только глупость, фантазия или ужасная ошибка, что, если он обычный желтоволосый бездельник из Цимроеля, лишенный памяти какой-нибудь глупой случайностью и подобравший себе спутников с бессмысленными амбициями? Эта мысль была невыносима. Если Леди отвергнет его, откажется от него...

Он вошел в храм.

Иерархи по-прежнему были по обе его стороны. Бесконечно долго они шли по удивительно длинному коридору, через каждые двадцать футов которого стояли суровые воины с мрачными лицами, пока не добрались до внутренней комнаты восьмиугольной формы, со стенами из прекрасного белого камня и восьмиугольным бассейном в самом центре. Утренний свет вливался через открытые восьмиугольные окна. В каждом углу комнаты стояла строгая фигура в мантии иерарха. Слегка ошеломленный, Валентин переводил взгляд с одного лица на другое и видел на них только недоброжелательно поджатые губы.

В комнате звучала одна музыкальная нота, а когда она стихла, Леди Острова была перед ним.

Она оказалась очень похожей на фигуру, которую Валентин так часто видел в своих снах: женщина средних лет, обычного роста, со смуглой кожей, блестящими черными волосами, теплыми глазами, полными губами, постоянно готовыми улыбнуться, серебряной лентой, пересекавшей ее лоб, и, конечно, цветком за ухом со многими зелеными лепестками. Казалось, вокруг нее есть что-то вроде нимба, сияния силы, власти и могущества, к которому он не был готов, ожидая увидеть просто женщину и забыв, что

она была королевой, жрицей, почти богиней. Он стоял перед ней, безмолвный, и довольно долго она изучала его с дальней стороны бассейна, ее взгляд был легким, но проницательным. Затем она резко взмахнула рукой, несомненно сделав знак удалиться. Однако не ему, а иерархам. Их ледяное спокойствие тут же исчезло, и они переглянулись, явно сконфуженные. Леди повторила жест, что-то властное сверкнуло в ее глазах, их взгляд обрел почти пугающую силу. Трое или четверо иерархов покинули комнату, остальные остались на месте, как будто не веря, что Леди предложила им выйти, желая остаться наедине с пленником. На мгновение показалось, что нужен будет третий жест, когда старейший и наиболее внушительный иерарх протянул к ней свои дрожащие руки в жесте явного протеста. Однако суровый взгляд Леди заставил его руки опуститься, и последний из иерархов вышел из комнаты.

Валентину захотелось припасть к ее коленям, и он сказал едва слышным голосом:

- Я не знаю, как мог бы выразить вам свое почтение, Леди, и как обращаться к вам, чтобы не обидеть.

Очень спокойно она ответила:

- Будет вполне достаточно, Валентин, если ты

будешь звать меня матерью.

Эти тихие слова потрясли его. Запинаясь, он сделал к ней несколько шагов и остановился.

- Значит так? - шепотом спросил он.

- Не может быть никаких сомнений.

Валентин чувствовал, что щеки его горят. Он стоял беспомощный, оцепенев от того, что узнал. Она поманила его легким движением кончиков пальцев, и он вздрогнул.

- Подойди ближе,- сказала она.- Или ты боишься? Иди ко мне, Валентин!

Он пересек комнату, обогнул бассейн и оказался рядом с ней. Она взяла его за руки, и он тут же почувствовал заряд энергии, реальный и ощутимый, что-то вроде того, что чувствовал, когда Делиамбр касался его своими щупальцами, но гораздо более сильное и пугающее. При первом же проявлении этой силы он хотел отбросить ее руки, но она удержала его, ее глаза приблизились, и ему показалось, что она смотрит сквозь него, постигая все его тайны.

- Да,- сказала она наконец.- Твое тело, Валентин, странно изменилось, но душа осталась прежней. Ох, Валентин, Валентин, что они сделали с тобой! Что они сделали с Маджипуром! - Она потянула его за руки, и вот он оказался в ее объятиях и

почувствовал, что она дрожит - вовсе не богиня, а просто женщина, мать, держащая своего вновь обретенного сына. В ее объятиях он чувствовал себя так хорошо, как никогда не чувствовал после пробуждения в Пидруиде, и прильнул к ней, моля небо никогда не разлучать их.

А потом она отступила назад и, улыбаясь, оглядела его.

- По крайней мере тебе дали красивое тело. Совершенно не похожее на прежнее, но приятное для глаз, сильное и здоровое. Они могли сделать и гораздо хуже, могли дать что-нибудь уродливое и тошнотворное, но полагаю, им не хватило смелости, ведь они знают, что за эти преступления придется платить десятикратно.

- Кто они, мать?

Его вопрос, казалось, удивил ее.

- Конечно, Барьязид и его выводок!

- Мать,- сказал Валентин,- я не знаю ничего, кроме того, что приходило ко мне во снах, и даже это было довольно запутано.

- И что же ты знаешь?

- Что мое тело у меня забрали, что с помощью каких-то чар Короля Снов меня отправили в Пидруид в таком вот виде, и кто-то другой, я думаю, Доминин Барьязид, правит сейчас на Замковой

Горе. Однако источник моих знаний очень ненадежен.

- Все это правда,- сказала Леди.

- И когда все это случилось?

- В начале лета,- сказала она.- Когда ты совершал объезд Цимроеля. Не знаю, как это было сделано, но однажды ночью, когда я спала, я почувствовала приступ страха, как будто разорвалось сердце планеты, и проснулась, зная, что случилось что-то чудовищное. Я отправила свой разум к тебе, но достичь тебя оказалось невозможно. В том месте, где вы находились, было только молчание. Правда, оно отличалось от молчания, поразившего меня, когда погиб Вориакс, я еще чувствовала твое присутствие, но за пределами досягаемости, как будто за толстым листом стекла. Я сразу же запросила сведения о Коронале, и мои люди ответили, что он в Тил-омоне. Все ли хорошо с ним? - спросила я. Да, сказали они, с ним все хорошо, и он плывет сегодня в Пидруид. Но я никак не могла установить контакта. Впервые за годы я посылала свой разум вперед, в каждую часть мира, но тебя нигде не было. Я была испугана и смущена, Валентин, но могла только искать и ждать, а новости, доходившие до меня, говорили, что Лорд Валентин достиг Пидруида, что он гость

в доме мэра города, я видела его через все это расстояние, и его лицо было лицом моего сына. Но разум его был другим, и он был закрыт для меня. Я пыталась отправить послание, но не смогла этого сделать. И наконец я начала понимать.

- Вы знали, где я был?

- Сначала нет. Они почти целиком изменили твой разум. Ночь за ночью посылала я свою душу к Цимроеля пытаясь найти тебя, пренебрегая своими делами здесь, но подмена Коронала дело сложное, и мне казалось, что я чувствую проблески твоей настоящей индивидуальности. Через какое-то время я установила, что ты жив и находишься в северо-западном Цимроеле, но еще не могла достигнуть тебя. Пришлось ждать, пока ты побольше придешь в себя, пока их чары немного ослабнут и твой истинный разум вернется хотя бы частично.

- Он еще далеко не полон, мать.

- Я знаю, но надеюсь, что это можно вылечить.

- Когда вы наконец достигли меня?

Она на мгновение задумалась.

- Это было возле города хайрогов, Дулорна. Тогда я впервые увидела тебя через разум других, которым приснилась правда о тебе. Я коснулась их разумов, очистила и прояснила то, что было

в них, и увидела, что твоя душа наложила на них отпечаток, и что они лучше тебя знают, что случилось. Так я кружила вокруг, пока не смогла войти в твой разум. С этого момента к тебе начали возвращаться воспоминания, через тысячи миль я лечила тебя и влекла к себе. Однако это было нелегко. Мир снов, Валентин, это меняющееся место даже для меня, и пытаться контролировать его - все равно, что писать книгу на песке у океана: вода возвращается и стирает почти все, и приходится писать снова и снова. Но наконец-то ты здесь.

- Значит, вы знали, когда я достиг Острова?

- Да, я знала это, чувствовала твою близость.

- И все же позволили мне месяцами перебираться с террасы на террасу!

Она рассмеялась.

- На внешних террасах миллионы паломников. Чувствовать - это одно, а определить положение - другое, гораздо более сложное дело. Кроме того, ты не был готов идти ко мне, а я - принять тебя. Я испытывала тебя, Валентин, наблюдая за тобой издалека, изучая, сколько от твоей души осталось в тебе и есть ли там что-нибудь от Коронала. Прежде чем призвать тебя, я хотела знать все эти вещи.

- И что же осталось во мне от Лорда Валентина?

- Очень много. Гораздо больше, чем могли предполагать твои враги. Их схема была ошибочной, они думали, что зачеркнули тебя, тогда как только расстроили разум.

- Но разве не разумнее для них было просто убить меня, чем пересаживать мою душу в какое-то другое тело?

- Да, разумнее,- ответила Леди,- но они не осмелились. Все-таки ты выбран официально, Валентин, а Барьязиды - суеверные бестии: они рискнут свергнуть Коронала, но не посмеют уничтожить его совсем, боясь, что его дух будет мстить. И это их трусливое колебание разрушит сейчас всю схему.

- Вы думаете, я снова смогу занять свое место? - мягко спросил Валентин.

- А ты сомневаешься в этом?

- Барьязид носит лицо Лорда Валентина, люди принимают его как Коронала, и он контролирует мощь Замковой Горы. У меня же всего дюжина последователей, и никто меня не знает. Если я объявлю себя истинным Короналом, кто поверит мне? И что может помешать Доминину Барьязиду сделать со мной то, что он уже однажды сделал

в Тил-омоне?

- У тебя есть поддержка Леди, твоей матери.

- И у вас есть армия?

Леди мягко улыбнулась.

- Нет, у меня нет армии. Но я - Владыка Маджипура, а это уже немало. У меня есть сила справедливости и любви, Валентин, и у меня есть вот это.

Она коснулась серебряного обруча, пересекающего ее лоб.

- С помощью этого вы отправляете свои послания? - спросил Валентин.

- Да. С помощью этого я могу достичь любого разума Маджипура. Мне, правда, не хватает возможностей Барьязида к контролю направления, на что способны их устройства, но я могу передавать, я могу вести, я могу влиять. Ты получишь один из этих обручей перед тем, как покинешь Остров.

- И пойду через Алханроель, отправляя послания любви, пока Доминин Барьязид не спустится с Горы и не уступит мне трон?

Глаза Леди сверкнули гневом, который Валентин уже видел у нее, когда она удаляла из комнаты иерархов.

- Какой толк говорить об этом? - сердито ска-

зала она.

- Мать...

- О, они изменили тебя! Валентин, я родилась и возвысилась, не думая о поражении.

- Нет таких мыслей и у меня. Но все это кажется таким огромным, а я так устал... И потом, начинать войну против граждан Маджипура... даже против узурпатора... Мать, на Маджипуре уже очень давно не было войн, и я буду тем, кто нарушит этот мир?

Ее глаза смотрели безжалостно.

- Мир уже нарушен, Валентин, и мы должны восстановить порядок в королевстве. Фальшивый Коронал царствует почти год. Каждый день появляются жестокие и глупые законы, невинные несут наказания, а виновные процветают. Равновесие, установленное тысячи лет назад, нарушено. Когда наши предки пришли сюда со Старой Земли четырнадцать тысяч лет назад, было допущено много ошибок, прежде чем нашли верный путь к управлению, но со времен первого Понтифекса мы жили без особых изменений, а со времен Лорда Стиамота в этом мире царит мир. Сейчас этот мир разорван, и на наши плечи ложится его восстановление.

- А если я согласен с тем, что сделал Доминин

Барьязид? Если я откажусь втягивать Маджипур в гражданскую войну? Какими будут последствия?

- Ты уже знаешь ответы на эти вопросы.

- Я должен услышать их от вас, прежде чем принять решение.

- Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

- Мать, в этом путешествии я пережил странные вещи, и они отняли много сил. Неужели я не могу просто устать?

- Вы - король, Валентин.

- Возможно, я был им и буду снова, но большая часть моего королевского величия украдена у меня в Тил-омоне, и сейчас я самый обычный человек. Кроме того, даже король не защищен от усталости.

Более мягко, чем говорила с ним до сих пор, Леди сказала:

- Барьязид еще не стал абсолютным тираном, ибо это может настроить людей против него, и будет чувствовать себя в опасности, пока ты жив. Но он правит для себя и своей семьи, а не для Маджипура. Ему не хватает чувства правды, и он делает только то, что считает полезным и целесообразным. Однако, по мере роста уверенности, его преступления будут множиться, и скоро Маджипур застонет под кнутом чудовища.

Валентин кивнул.

- Когда я не такой уставший, я сам вижу это.

- Подумай и о том, что случится, когда умрет Понтифекс Тиверас, а это будет раньше или позже и даже скорее раньше, чем позже.

- Тогда Барьязид переберется в Лабиринт и станет бессильным затворником. Это вы имели в виду?

- Понтифекс не бессилен, и ему вовсе не обязательно быть затворником. На твоей памяти им был только Тиверас, который, старея, становится все более странным. Но Понтифекс в расцвете сил - это совсем другое дело. Что если Барьязид станет Понтифексом через пять лет? Ты думаешь, ему понравится сидеть в этой подземной дыре, как делает сейчас Тиверас? Он будет править с силой, Валентин.- Она взглянула на него.- А кто, по-вашему, станет Короналом?

Валентин пожал плечами.

- У Короля Снов три сына,- сказала Леди,- Минакс, как самый старший, получит трон Суврaеля, Доминин сейчас Коронал и будет Понтифексом, если ты позволишь ему это. Кто же будет выбран новым Короналом, если не его младший брат, Кристоф?

- Но ведь это против всех правил, чтобы Понти-

фекс передавал Замковую Гору своему брату!

- А разве то, что сын Короля Снов сверг настоящего Коронала, не против всех правил? - спросила Леди. Ее глаза вновь сверкнули.- Подумай еще и вот над чем: когда меняются Короналы, меняются и Леди Острова! Я отправлюсь доживать свои дни во дворец для ушедших Леди на Террасе Теней, а кто придет во Внутренний Храм? Мать Барьязидов! Как видишь, Валентин, они окажутся везде и будут контролировать весь Маджипур!

- Этого не должно случиться,- сказал Валентин.

- И этого не будет.

- Что я должен делать?

- Со своими людьми и теми, кого я тебе дам, ты отправишься на Алханроель, высадишься в Стоензаре и направишься в Лабиринт, к благословенному Тиверасу.

- Но если Тиверас безумен...

- Он не полностью безумен. Он живет в бесконечном сне и вообще странный человек, но я касалась его разума и знаю, что старый Тиверас еще существует где-то внутри него. Он был Понтифексом сорок лет, а до этого был Короналом и знает способы управления нашим королевством. Если ты сможешь достичь его и доказать, что ты и есть настоящий Коронал, он поможет тебе. А

за тем ты должен идти к Замковой Горе. Тебя не пугает эта задача?

- Меня пугает только хаос, который я принесу Маджипуру.

- Хаос уже здесь, а ты принесешь закон и порядок.- Она подошла к нему ближе, так что стала видна вся пугающая сила ее личности, коснулась его руки и сказала низким, страстным голосом: - Я родила двух сыновей и стоило кому-нибудь взглянуть на них, лежащих в колыбелях, как становилось ясно, что они будут королями. Первым был Вориакс - ты помнишь его? Думаю, что пока нет, а он был роскошный мужчина, герой, полубог, и даже в детстве о нем говорили: это тот, кто будет Короналом, когда Лорд Малибор станет Понтифексом. Вориакс был чудом, но был еще и второй сын, Валентин, такой же крепкий и красивый, как Вориакс, уделявший не так много времени спорту и подвигам, но с более теплой душой и более мудрый. Он без подсказок понимал, что хорошо, а что плохо, никогда не был жесток и всегда держал себя в руках, так что все любили его и уважали. О Валентине говорили, что он может быть даже лучшим королем, чем Вориакс, но Вориакс был старше, и выбрать должны были его, а Валентин мог стать только первым мини-

стром. Однако Малибор не стал Понтифексом, а погиб во время охоты на драконов, а эмиссары Тивераса пришли к Вориаксу и сказали: «Вы Коронал Маджипура». Первым опустился перед ним на колени и сделал знак звездного огня его брат Валентин. Так Лорд Вориакс стал править на Замковой Горе, и правил хорошо, а я пришла на Остров Сна, как это и должно было случиться, и восемь лет все было хорошо на Маджипуре. Но того, что случилось потом, не мог предсказать никто. Лорд Вориакс погиб так же безвременно, как и Лорд Малибор, охотясь в лесу и получив в спину случайную стрелу из арбалета... Однако оставался еще Валентин и, хотя редко бывало, чтобы брат становился Короналом после брата, споров было мало, и все признали его высокое предназначение. Так Лорд Валентин пришел в Замок, а я, которая была матерью двух королей, осталась во Внутреннем Храме, довольная сыновьями, которых дала Маджипуру, и уверенная, что правление Лорда Валентина будет славой Маджипура. Ты думаешь, я могу позволить Барьязидам сидеть там, где когда-то сидели мои сыновья? Могу стерпеть, что лицо Лорда Валентина скрывает подлую душу Барьязида? О, Валентин, Валентин, ты только половина то-

го, кем был когда-то, меньше половины, но ты станешь снова собой, Замковая Гора снова будет твоей, и судьба Маджипура не будут меняться в худшую сторону. И не нужно сжиматься при мысли о хаосе, который ты несешь Маджипуру. Хаос уже опустился на нас, и тебе суждено стать освободителем. Ты понял?

- Я понял, мать.

- Тогда иди со мной, и я вновь сделаю тебя целым.

12

Она повела его из восьмиугольной комнаты в один из лучей Внутреннего Храма, мимо суровых охранников и групп хмурых, недоумевающих иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную сверкающими цветами разных оттенков. Там стоял письменный стол с плитой сияющего гарбелиона, низкое ложе и еще кое-что из мебели: это был кабинет Леди. Она предложила Валентину сесть и взяла со стола две маленькие разукрашенные бутылочки.

- Выпей это вино залпом,- сказала она, передавая ему одну из бутылок.

- Вино? На Острове?

- Мы с тобой не паломники. Выпей это.

Он откупорил бутылку и приложил ее к губам. Острый и свежий вкус был знаком ему, но прошло некоторое время, прежде чем он определил его: вино, используемое толкователями снов и содержащее наркотик, открывающий разум для разума. Леди выпила содержимое второй бутылки

- Значит, у нас будет сонный разговор? - спросил Валентин.

- Нет. Это должно быть сделано в полном сознании, и я долго думала, как этого достичь.- Она взяла со своего стола мерцающий серебряный обруч, такой же, как у нее, и подала его Валентину.- Надень на лоб,- сказала она,- и с этого момента до подъема на Замковую Гору носи его постоянно, ибо он будет центром твоей силы.

Валентин осторожно надел обруч на голову. Тот слегка сжал его виски, вызвав странное ощущение, не очень понравившееся ему, хотя металлическая лента и была очень красива. Леди подошла к нему и пригладила его густые волосы поверх обруча.

- Золотые волосы,- мягко сказала она.- Вот не думала я иметь сына с золотыми волосами! Что ты чувствуешь, надев обруч?

- Его плотность.

- И ничего больше?

- Ничего больше, мать.

- Плотность скоро перестанет замечаться, и ты сможешь пользоваться им. Ты уже чувствуешь наркотик?

- Только легкую дымку на сознании. Думаю, что засну, если позволю себе это.

- Сон скоро станет последним, о чем ты сможешь просить,- сказала Леди. Она простерла к

нему обе руки и неожиданно спросила: - Ты хороший жонглер, сын мой?

Он усмехнулся:

- Так говорят.

- Хорошо. Завтра ты покажешь мне свое умение. Это будет очень интересно. А сейчас дай мне руки. Обе.

На мгновение она задержала свои тонкие крепкие руки поверх его, затем быстрым, решительным жестом сплела свои пальцы с его.

Обруч сжался, Валентин почувствовал что-то вроде удара и пошатнулся от шока. Он едва не упал, и Леди поддержала его и помогла выпрямиться. У него было такое чувство, словно острие шипа кольнуло его в основание черепа. Все завертелось вокруг него, он не мог контролировать свои глаза, не мог сфокусировать их и видел только фрагменты туманных картин: лицо своей матери, сверкающую поверхность стола, сияющие цветы. Все это пульсировало, трепетало и кружилось.

Его сердце заколотилось быстрее, в горле пересохло, легкие опустели. Это было более страшно, чем попасть в водоворот и погрузиться глубоко под воду. Ноги его совершенно отказались служить, и, не в силах больше стоять, он осел на пол,

опустившись на колени, успев заметить, что Леди опустилась рядом с ним. Ее лицо приблизилось к нему, пальцы все еще сплетались с его пальцами, и пугающий контакт их душ продолжался.

А потом на него обрушились воспоминания.

Он увидел великолепие Замковой Горы и чудовищное пятно Замка Коронала на вершине. Его мысль с быстротой молнии пронеслась по комнатам с золочеными стенами и парящими арочными потолками, через банкетный зал и зал совета, через коридоры, широкие как площади. Яркие огни ослепляли его, и он чувствовал рядом с собой мужчину, высокого, могучего, державшего одну из его рук, и женщину, такую же крепкую и уверенную в себе, державшую вторую. Он знал, что это его отец и мать, видел впереди мальчика, который был его братом Вориаксом.

- Что это за комната, отец?

- Ее называют Тронным Залом Конфалума.

- А что это за мужчина с длинными красными волосами сидит на большом стуле?

- Это Коронал Лорд Малибор.

- А что это значит?

- Глупый Валентин! Он не знает, что такое Коронал!

- Тихо, Вориакс. Коронал - это король, Валентин,

один из двух королей, более младший. Другой - это Понтифекс, который когда-то сам был Короналом.

- А где он сейчас?

- Вон тот высокий и худой человек с очень темной бородой.

- Его зовут Понтифекс?

- Его зовут Тиверас. Понтифекс - это его титул, вроде короля. Он живет возле Стоензара, но сегодня здесь, потому что Лорд Малибор, Коронал, женится.

- А дети Лорда Малибора тоже будут Короналами?

- Нет, Валентин.

- Тогда кто будет следующим Короналом?

- Этого пока никто не знает, сынок.

- Может, я? Или Вориакс?

- Это может случиться, если вы вырастете мудрыми и крепкими.

- О, я буду, мать, я буду им!

Комната растаяла, и Валентин увидел себя в другой комнате, тоже величественной, но не такой большой. Сейчас он был старше, уже не мальчик, а юноша, и, кроме того, там был Вориакс с короной звездного огня на голове.

- Вориакс! Лорд Вориакс!

Валентин опустился на колени и поднял свои руки, широко разведя пальцы. Вориакс улыбнулся и кивнул ему.

- Встань, брат, встань. Не годится тебе ползать передо мной.

- Вы будете самым великим Короналом в истории Маджипура, Лорд Вориакс.

- Зови меня братом, Валентин. Я Коронал, но я еще и твой брат.

- Долгой жизни тебе, брат! Долгой жизни Короналу!

И другие подхватили вслед за ним:

- Долгой жизни Короналу! Долгой жизни Короналу!

Потом что-то изменилось, и, хотя комната осталась прежней, Лорда Вориакса нигде не было видно, странную корону носил теперь Валентин, а остальные приветствовали его, опускались перед ним на колени и махали в воздухе пальцами, крича его имя. Он удивленно посмотрел на них.

- Долгой жизни Лорду Валентину!

- Спасибо, друзья мои! Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

- Долгой жизни Лорду Валентину!

- Долгой жизни Лорду Валентину,- мягко сказала Леди.

Валентин моргнул и широко открыл глаза. Какое-то время он никак не мог понять, почему он стоит на коленях, что это за комната и кто эта женщина, чье лицо так близко от него. Затем память его очистилась.

Он поднялся на ноги, чувствуя себя совершенно изменившимся. Через его память прошли многочисленные воспоминания: годы на Замковой Горе, учеба, вся эта сухая история, последовательность Короналов, список Понтифексов, тома конституционных преданий, экономические обозрения провинций Маджипура, долгие беседы с преподавателями, постоянные проверки отца и матери, другие, менее важные моменты: игры, прогулки по реке, турниры, его друзья Элидат, Стасилейн и Тунигорн, огненное вино, охоты, хорошие времена с Вориаксом, когда на них обращены все взоры. И страшный момент смерти в море Лорда Малибора, испуганный и радостный взгляд Вориакса, когда его назвали Короналом, а потом, спустя восемь лет, делегация сановников, пришедших к Валентину и принесших ему корону брата...

Он вспомнил.

Он вспомнил все до ночи в Тил-омоне, воспоминания о которой пропали. После этого он знал

только солнечный Пидруид, камни, катящиеся мимо него, и Шанамира, стоящего над ним со своими маунтами. Он мысленно взглянул на себя, и ему показалось, что он отбрасывает двойную тень, светлую и темную, и смотрит через нематериальный лабиринт фальшивых воспоминаний, вложенных ему в Тил-омоне, в темноту времен, когда он был Короналом. Теперь его память была полна.

И снова Леди сказала:

- Долгой жизни Лорду Валентину.

- Да,- сказал он.- Да, я Лорд Валентин и буду им снова. Мать, дайте мне корабли. Барьязид уже слишком долго сидит на троне.

- Корабли вместе с преданными мне людьми ждут в Нуминоре.

- Хорошо. Но здесь есть люди, которых нужно собрать. Я не знаю, на каких они террасах, но их нужно быстро найти. Вроон, несколько скандаров, хьорт, голубокожий чужак с другого мира и несколько людей. Я скажу их имена.

- Мы найдем их,- сказала Леди.

- И спасибо вам, мать, что вернули мне меня,- продолжал Валентин.

- Спасибо? За что? Я дала тебе тебя, а это не требует благодарности. Сейчас ты снова пойдешь

вперед, Валентин, и, если понадобится, я сделаю это в третий раз. Но лучше, чтобы не понадобилось. Твоя судьба теперь на верном пути.- Ее глаза вспыхнули весельем.- Так я увижу сегодня вечером твое жонглирование, Валентин? Сколько мячей ты можешь одновременно держать в воздухе?

- Двенадцать,- ответил он.

- Да, а блавы могут танцевать. Говори правду!

- Меньше двенадцати,- признался он.- Но больше двух! Я устрою вам представление, когда мы поужинаем. И... Мать...

- Да?

- Когда я вернусь на Замковую Гору, то устрою великий фестиваль. Вы приедете с Острова и снова увидите мое жонглирование на ступенях Трона Конфалума. Я обещаю вам это: на ступенях трона.

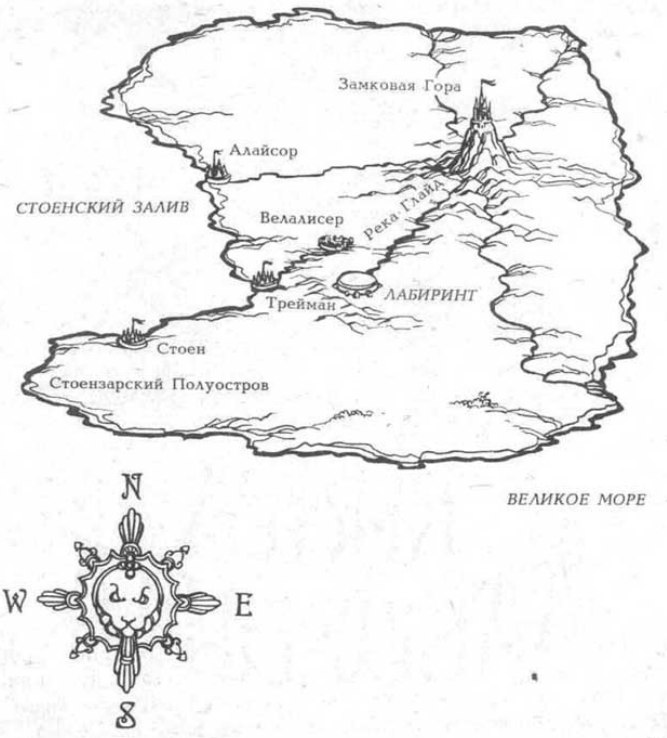
Книга Лабиринта

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ЛАБИРИНТА

1

АЛХАНРОЕЛЬ


Замковая Гора
Алайсор
СТОЕНСКИЙ ЗАЛИВ
Велалисер
Река Глайд
ЛАБИРИНТ
Трейман
Стоен
Стоензарский Полуостров
ВЕЛИКОЕ МОРЕ
N
W
E
S

Семь кораблей Леди под командой хьорта Асенхарта вышли из порта Нуминора. Пассажирами на них были: Лорд Валентин, Коронал, его верховный министр вроон Аутифон Делиамбр, его адъютанты - Карабелла из Тил-омона и Слит из Нарабала, его военный советник Лизамон Хултин, его министры - скандар Залзан Кавол и Шанамир из Фалкинкипа и многие другие. Эскадра направлялась в Стоен, расположенный на вершине Стоензарского Полуострова, по ту сторону Внутреннего Моря. Корабли были в море уже неделю, несясь вперед, подгоняемые западным ветром, дующим в этих водах весной.

Валентину нравилось это долгое путешествие. Его вовсе не пугала предстоящая задача, и в то же время он не торопился приступать к ее решению. Ему нужно было время изучить свою заново вернувшуюся память, чтобы понять, кем он был и кем надеялся стать. А где можно было сделать это лучше, чем на могучей груди океана, где день за днем не менялось ничего, кроме облаков на небе? Потому-то он часами стоял у поручней своего флагмана - «Леди Тиин» - вдали от друзей, наедине с самим собой.

Персона, которой он стал, нравилась ему: более высокий и с более сильным характером, чем у

Валентина-жонглера, и в то же время не с черной душой, какая порой встречалась у Владык. Валентин в своем прежнем «я» видел себя мужчиной серьезным, но не без игривости, умеренным, рассудительным и спокойным, понимающим природу ответственности и обязательств. Он был хорошо воспитан, как тот, кого всю жизнь готовили к высокой должности, с огромными знаниями по истории, праву, экономике, меньшими знаниями в области литературы и философии и, насколько мог судить Валентин, лишь поверхностное знание математики и физики, которые были не в почете на Маджипуре.

Возвращение его прежнего «я» было похоже на обнаружение сокровищ. Валентин еще не совсем свыкся с ним и старался думать о «нем» или «мне», вместо того, чтобы ощущать себя единым целым, однако эта трещина с каждым днем становилась все меньше. Память Коронала была сильно повреждена свержением в Тил-омоне, и этот раскол, отделявший Лорда Валентина от Валентина-жонглера, несмотря на помощь Леди, мог навсегда оставить шрам. Однако Валентин мог по желанию пересечь место разрыва, мог заглянуть в любую точку своей прежней жизни: в детство, юность или недолгий период своего

правления и везде, куда бы он ни взглянул, было такое богатство знаний, опыта зрелости, которых он не мог даже надеяться достичь в дни своих скитаний. Порой он обращался к этим воспоминаниям, как к энциклопедии или библиотеке, и был уверен, что со временем два его «я» полностью соединятся.

На девятую неделю путешествия на горизонте появилась тонкая зеленая линия земли.

- Стоензар,- сказал адмирал Асенхарт.- Видите там в стороне темное пятно? Это гавань Стоен.

Своим двойным зрением Валентин изучил берег приближающегося континента. Как Валентин, он не знал об Алханроеле ничего, за исключением того, что это крупнейший из континентов Маджипура и первый, заселенный людьми, место огромной плотности населения, удивительных природных чудес, местонахождение правительства планеты и дом Коронала и Понтифекса. Воспоминания Лорда Валентина были гораздо обширнее. Для него Алханроель означал Замковую Гору, на обширных склонах которой можно было провести всю жизнь среди ее Пятидесяти Городов и не увидеть всех чудес.

Сейчас Валентин мысленно видел Замок, охвативший вершину Горы подобно многорукому

существу, нависшему над скалами, пиками и альпийскими лугами и спускающемуся вниз к долинам и полям. Это было единое сооружение из такого количества комнат, что их невозможно было сосчитать, строение, казалось, жившее своей собственной жизнью и добавлявшее по своему периметру все новые постройки. Кроме того, Алханроель был огромным горбом, насыпанным над Лабиринтом Понтифекса, являвшимся перевернутым двойником Острова Леди. Как Леди жила во Внутреннем Храме, окруженном ярусами открытых террас, так Понтифекс, подобно кроту, прятался глубоко под землей, в самом низком месте королевства, окруженный кольцами своего Лабиринта. Валентин был в Лабиринте только однажды, с поручением от Лорда Вориакса, но воспоминания об этой расширяющейся пещере еще мрачно горели в его памяти.

Также Алханроель означал Шесть Рек, которые стекали со склонов Замковой Горы, и существа-растения Стоензара, которые он должен скоро увидеть снова, и деревья-дома Треймона, и каменные руины Равнины Велалисера, которые, как утверждали, были там еще до прихода людей на Маджипур. Глядя на восток, на эту слабую линию, едва заметно поднимавшуюся вверх, Валентин

ощутил всю широту Алханроеля, развертывающуюся перед ним, подобно титаническому свитку, и спокойствие долгого путешествия растаяло как дым. Теперь ему не терпелось ступить на берег и начать свой поход к Лабиринту.

Повернувшись к Асенхарту, он спросил:

- Когда мы достигнем суши?

- Завтра вечером, мой лорд.

- Значит, сегодня ночью мы устроим пиршество и игры. Открыть лучшие вина и раздать всем. А потом будет представление на палубе.

Асенхарт серьезно взглянул на него. Адмирал был аристократом среди хьортов, более гибким, чем большинство из его рода, хотя и с грубой кожей, так характерной для них, имел странную трезвость манер. Леди дарила его величайшим уважением.

- Представление, мой лорд?

- Немного жонглирования,- сказал Валентин.- Мои друзья испытывают ностальгическую потребность снова попрактиковаться в своем искусстве, и нет лучше момента для этого, чем окончание нашего долгого путешествия.

- Конечно,- сказал Асенхарт, покорно кивнув. Однако адмирал явно не одобрял таких поступков на борту своего флагмана.

Залзан Кавол поддержал это предложение. Скандару явно было скучно на борту корабля, и его часто можно было видеть ритмично двигающим своими четырьмя руками - как бы жонглирующим, хотя никаких предметов в них не было. Он лучше, чем кто-либо, приспосабливался к обстоятельствам этого путешествия по землям Маджипура. Год назад Залзан Кавол был принцем в своей профессии, мастером среди мастеров искусства жонглирования, переезжающим из города в город в своем чудесном фургоне. Сейчас все это было позади. Фургон сгорел где-то в лесах Пьюрифайна, двое из пяти братьев лежали мертвые там же, а третий покоился на дне моря. Он больше не отдавал приказов своим служащим, а вынужден был сам повиноваться, и вместо ночных представлений перед восторженно аплодирующей аудиторией, заполнявшей его кошель кронами, блуждал теперь по разным местам с Валентином, выполняя вспомогательную роль. Нерастраченные силы накапливались в Залзане Каволе, что было видно по его лицу и поведению, ведь в прежние дни его характер был груб, он легко давал выход своему гневу, но сейчас он казался подавленным, почти кротким, и Валентин знал, что это признак огромного

внутреннего горя. Посланцы Леди нашли Залзана Кавола на террасе Аттестации, на внешнем краю Острова, выполняющим свои лакейские обязанности и блуждающим как лунатик, как будто он смирился с неизбежностью провести остаток жизни, выдергивая сорняки и возводя каменную кладку.

- Можете вы показать номер с факелами и ножами? - спросил его Валентин.

Залзан Кавол мгновенно оживился.

- Конечно. Видите эти кегли? - Он показал на огромные деревянные булавы почти четырех футов длины, стоявшие на стеллаже возле мачты.- Прошлой ночью Эрфон и я практиковались с ними, когда все спали. Если у адмирала не будет возражений, мы используем их сегодня ночью.

- Эти? Как можно жонглировать чем-то таким большим?

- Мой лорд, дайте мне разрешение адмирала, и я покажу вам это!

Всю вторую половину дня труппа репетировала в большом пустом помещении трюма. Они занимались этим впервые после Иллиривойна, однако, используя импровизированный реквизит, который собрали скандары, они быстро вошли в ритм.

Валентин наблюдал за ними, чувствуя, что на душе у него становится все теплее... Слит и Карабелла неистово бросали булавы взад-вперед, Залзан Кавол, Роворн и Эрфон придумали новый сложный обмен предметами, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся после смерти трех их братьев. Временами все это напоминало старые добрые времена в Фалкинкипе или Дулорне, когда важно было только участие в фестивале или цирковом представлении, и только требования жизни заставляли их вновь и вновь тренироваться. Эти дни уже не вернуть. Сейчас, когда они ввязались в интригу, связанную с Владыками, никто из них не мог остаться таким, каким был когда-то. Пять обедов с Леди в одной квартире с Короналом увлекли их вперед, к свиданию с Понтифексом, и они уже стали частью истории, даже если кампания Валентина ни к чему не приведет. И все же сейчас они снова жонглировали, словно это было для них всем в жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать его людей вместе во Внутреннем Храме. Валентин воображал, что Леди или ее иерархам достаточно закрыть глаза и они уже могут достичь любого разума Маджипура, на все было не так-то просто: связь была неточная и ограниченная. Первыми

они обнаружили скандаров на внешней террасе. Шанамир достиг Второй Скалы и в своем юношеском простодушии быстро продвигался вперед; Слит, хоть не молодой и не простодушный, тоже ухитрился попасть на Вторую Скалу вместе с Виноркисом, Карабелла следовала сразу за ним, но по ошибке ее сначала искали в другом месте. Найти Куна и Лизамон оказалось не слишком сложно, поскольку они сильно отличались от всех паломников, но трое членов прежней команды Горзвала - Панделон, Кордеин и Тесм - исчезли среди населения Острова, как будто стали невидимками, так что Валентин вынужден был отказаться от них, если они не вернутся в последний момент. Однако труднее всего было найти Аутифона Делиамбра. На Острове было много вроонов, некоторые из них такие же крохотные, как маленький колдун, и все усилия обнаружить его приводили к ошибкам. Когда флот уже был готов к отплытию, Делиамбра еще не нашли, и накануне отправления, когда Валентин буквально разрывался между необходимостью двигаться вперед и нежеланием бросать своего лучшего советника, вроон появился в Нуминоре, не давая никаких объяснений ни где он был, ни как пересек Остров незамеченным. Итак, все пережившие

долгую дорогу из Пидруида были в сборе.

Валентин знал, что на Замковой Горе у Лорда Валентина был свой круг близких людей, чьи лица и имена вернулись теперь к нему, принцы, придворные и чиновники, близкие ему с детства. Сейчас, хотя он по-прежнему был предан этим людям, они были ужасно далеки от него, а этот случайный набор компаньонов, найденных за время путешествия, стал для него очень дорог. Он не знал, что будет по возвращении на Замковую Гору и как примирить одну группу с другой.

Но, по крайней мере, в одном вновь обретенная память успокоила его. В Замке его не ждала ни жена, ни любовница, ни невеста, которая могла поспорить с Карабеллой за место рядом с ним. Как принц и молодой Коронал он, слава Дивин, жил беззаботно и без привязанностей. Будет довольно трудно сообщить двору, что возлюбленная Коронала - самая заурядная женщина из равнинного города, бродячий жонглер.

- Валентин! - окликнула его Карабелла, и ее голос вырвал его из задумчивости. Он взглянул на нее, а она хихикнула и бросила ему булаву. Валентин поймал ее, а мгновением позже - вторая булава от Слита, а затем и третья - от Карабеллы. Он рассмеялся и закрутил булавы над головой

в старый знакомый узор, а Карабелла хлопнула в ладоши и послала ему еще одну. Было просто здорово жонглировать снова. Лорд Валентин - прекрасный атлет и отличный игрок во многие игры, хотя ему и мешала хромота, полученная во время давней прогулки верхом - жонглировать не мог. Жонглирование было искусством просто Валентина. На борту этого корабля, окруженный ореолом власти, пришедшей к нему после того, как мать вылечила его разум, Валентин чувствовал поддержку своих друзей, которые старались относиться к нему как к старому Валентину из дней, проведенных в Цимроеле. Поэтому ему доставляла особое удовольствие Карабелла, так непочтительно бросившая ему булаву. Ему доставляло удовольствие даже просто перебрасываться булавами, даже когда он ронял их и, остановившись из-за этого, получал удар по голове еще одной, вызывая презрительное фырканье Залзана Кавола.

- Сделайте это сегодня ночью,- сказал скандар,- и вам придется забыть о вине на неделю!

- Не бойтесь,- возразил Валентин.- Я роняю сейчас эти булавы только для практики, и сегодня вечером вы не увидите таких грубых ошибок.

И их действительно не было. Вся корабель-

ная команда собрались на закате на палубе для представления. Асенхарт и его офицеры заняли платформу, откуда открывался отличный вид, но когда адмирал позвал Валентина, предлагая ему почетное место, тот с улыбкой отказался. Это удивило Асенхарта, но выражение его лица при этом не шло ни в какое сравнение с тем, каким оно стало несколькими секундами позже, когда Шанамир, Виноркис и Лизамон Хултин начали колотить в барабаны и трубить в изогнутые трубы и жонглеры принялись весело выскакивать из люка. После начала представления среди них появилась фигура Лорда Валентина, весело швыряющего булавы, тарелки и куски фруктов, как какой-то вульгарный циркач.

2

Если бы адмиралу Асенхарту дали волю, в Стоене по случаю прибытия Валентина состоялось бы грандиозное празднество, по крайней мере, такое же роскошное, как фестиваль в Пидруиде во время визита туда фальшивого Коронала. Однако Валентин, узнав о плане Асенхарта, запретил делать это. Он еще не был готов требовать трон и выдвигать публичные обвинения против того, кто называл себя Лордом Валентином, и не хотел проявления почтения со стороны свободных граждан.

- Пока я не получу поддержку Понтифекса,- строго объяснил Валентин Асенхарту,- я буду жить тихо и собирать силы, не привлекая к себе внимания. Поэтому никаких фестивалей в мою честь.

Вот так получилось, что «Леди Тиин» вошла в этот крупный порт юго-запада Алханроеля относительно незаметно. Семь кораблей эскадры - а корабли Леди были довольно обычны в гавани Стоена, хотя и не в таком большом количестве - вошли в порт без особой помпы и без развевающихся флагов. Портовые чиновники задали всего

несколько вопросов: обычно корабли прибывали по делам Леди Острова, которые были вне компетенции клерков.

Чтобы еще усилить это впечатление, Асенхарт в первый же день послал своих людей в район верфей, закупая множество клея, парусины, пряностей, инструментов и тому подобного. Под прикрытием этого Валентин и его друзья сняли жилье в скромном доходном доме.

Стоен был приморским городом, деятельность его жителей и предприятий определялась расположением и наличием великолепной гавани. Город с четырнадцатью миллионами жителей растянулся на сотни миль вдоль края огромного мыса, который отделял Залив Стоен от главной части Внутреннего Моря. Это был не самый близкий к Острову порт материка - им являлся Алайсор, лежащий в тысячах миль к северу, но в это время преобладали такие ветры и течения, что быстрее можно было достичь Стоена, чем пытаться плыть к более близкому Алайсору.

Валентин нашел Стоен удивительно красивым. Весь полуостров был практически плоским - едва двадцать футов над уровнем моря в своей самой высокой точке, но жители города придумали удивительные устройства в виде платформ из белого

камня, создающие иллюзию холмов. Не было двух платформ одинаковой высоты: одни поднимались вверх не более, чем на дюжину футов, другие взимались на сотни футов, а все в целом составляло огромный пьедестал в несколько дюжин футов высотой и более квадратной мили площадью. Некоторые величественные здания имели собственные платформы и возвышались как на ходулях над своим окружением; чередование высоких и низких платформ создавало удивительные аллеи поразительных очертаний.

Эти механические причуды и капризы смягчались цветущими тропическими насаждениями, не имеющими аналогов в памяти Валентина. В основании каждой платформы росли плотные заросли ширококронных деревьев, ветви которых переплетались, образуя непроницаемый плащ. По стенам платформ каскадами спускались покрытые листьями лозы, а широкие уклоны, ведущие от уровня улиц к верхним частям платформы, окаймлялись множеством бетонных кадок, в которых росли кусты, чьи узкие, суживающиеся к концу листья поражали удивительным разнообразием цветов: бордовый, синий, ярко-красный, пурпурный, индиговый, сапфировый, янтарный и зеленый оттенки сме-

шались вместе в немыслимом узоре. В крупных общественных местах города располагались самые удивительные чудеса: сады знаменитых одушевленных растений, которые в диком виде росли в нескольких сотнях миль к югу, на жарком берегу, обращенном к далекому пустынному континенту Сувраелю. Эти растения - а они были растениями, поскольку питались с помощью фотосинтеза и проводили всю жизнь, укоренившись на одном месте,- имели мясистые тела с руками, которые двигались, изгибаясь и хватая, глаза, которые смотрели, трубчатые тела, которые извивались и раскачивались, и, хотя получали пропитание из солнечного света и воды, но вполне могли поглощать и переваривать мелких существ, оказавшихся в пределах их досягаемости. Элегантные группы их, окруженные низкими каменными стенами, которые служили и предохранением и украшением, росли в Стоене повсюду. Некоторые были высотой с небольшие деревья, другие - низкими и шарообразными, третьи - угловатыми и пушистыми. Все они были в постоянном движении, реагируя на ветер, запахи, внезапные крики, голоса своих хранителей и другие раздражители. Валентину они показались зловещими, но очаровательными, и он захотел

узнать, нельзя ли собрать коллекцию этих растений на Замковой Горе.

- Почему бы и нет? - сказала Карабелла.- Я видела их живыми на выставках в Пидруиде, и, значит, должен быть способ содержать их на Замковой Горе.

Валентин кивнул.

- Мы наймем в Стоене персонал хранителей, узнаем, что они едят, и будем доставлять это на Гору.

Слит содрогнулся.

- Эти существа внушают мне отвращение, мой лорд. А вы находите их прелестными?

- Не прелестными,- сказал Валентин,- а интересными.

- Так же, как хищные деревья?

- Да, так же, как хищные деревья! - воскликнул Валентин.- Мы и их тоже перенесем в Замок!

Слит застонал.

Валентин не обратил на это внимания. Лицо его раскраснелось от внезапной идеи. Взяв Слита и Карабеллу за руки, он сказал:

- Каждый Коронал добавляет что-то к Замку: обсерваторию, библиотеку, парапет, зубчатую стену из щитов и призм, арсенал, пиршественный зал или комнату трофеев. С каждым царствованием

Замок растет, становится богаче. За свое недолгое правление у меня не было возможности даже подумать о том, что могу сделать для него я. Но послушайте: какой Коронал видел Маджипур так, как видел его я? Кто забирался так далеко и в такие опасные места? Чтобы напомнить о своих приключениях, я соберу странности, которые видел: хищные деревья и эти одушевленные растения, пузырчатые деревья и огромные двикка, рощу огненных пальм, чувственников и поющие папоротники - все чудеса своего путешествия. Сейчас в Замке нет ничего подобного, только маленькая стеклянная теплица, которую построил Лорд Конфалум. Я сделаю это превосходно! Сад Лорда Валентина! Как вам это нравится?

- Я в восторге, мой лорд,- сказала Карабелла.

- А я,- угрюмо заметил Слит,- не решусь прогуляться среди хищных деревьев Сада Лорда Валентина даже за три герцогства и доходы от Ни-мойи и Пилиплока.

- Мы избавим вас от экскурсии по саду,- рассмеялся Валентин.

Однако ни экскурсии по саду, ни самого сада не будет до тех пор, пока он снова не поселится в Замке Лорда Валентина. Бесконечную неделю, пока Асенхарт пополнял запасы кораблей,

Валентин бездельничал в Стоене. Три корабля должны были вернуться на Остров, везя купленные товары, остальные четыре продолжат тайно сопровождать Валентина. Леди выделила ему более чем сотню своих телохранителей под командой грозной Лоривайд, не воинов в буквальном значении этого слова, ибо на Острове не было насилия со времени последнего вторжения метаморфов тысячелетия назад, но умелых и бесстрашных мужчин и женщин, преданных Леди и готовых отдать свои жизни, если это потребуется для восстановления гармонии в королевстве. Они были ядром частной армии, насколько было известно Валентину, первой подобной силой, организованной на Маджипуре с древнейших времен.

Наконец флот был готов к отплытию. Корабли, возвращавшиеся на Остров, вышли первыми в теплое утро тудей и направились на северо-запад. Остальные дождались второй половины дня сидей и последовали тем же курсом, но когда стемнело, повернули на восток, к Заливу Стоен.

Длинный и узкий Стоензарский Полуостров выступал из массы Алханроеля, подобно колоссальному большому пальцу. С южной, или океанской, стороны он был невыносимо горяч,

и там было всего лишь несколько поселений. Большая часть населения Полуострова была сосредоточена вдоль берега Залива, где крупные города располагались через каждые сто или около того миль, а между ними тянулась фактически непрерывная линия рыбацких деревень, фермерских районов и курортных городков. Сейчас было начало лета, и тяжелая дымка жары лежала над теплыми, почти неподвижными водами Залива. Эскадра остановилась на день для дальнейшей дозаправки в Кирсидане, где берег начинал загибаться к северу, а затем направилась к Треймону.

Валентин много времени проводил в одиночестве в своей каюте, практикуясь в использовании обруча Леди. Через неделю он овладел искусством входить в легкий дремотный транс, из которого в любой момент можно было скользнуть в сон или перейти к активным действиям. В таком состоянии он мог без особых усилий устанавливать контакт с другими разумами спящих людей, которые гораздо больше подходили для контакта, чем бодрствующие. Он мог легко коснуться разумов Карабеллы, Слита и Шанамира и передать им свои воображаемые картины или сердечные послания. Достигнуть менее знакомого разума,

скажем плотника Панделон или иерарха Лоривайд, было для него еще слишком трудно и получались только короткие фрагментарные вспышки, и уж совсем невозможно было войти в нечеловеческий разум даже тех, кого он знал хорошо, как, например, Залзана Кавола, Куна или Делиамбра. Однако он еще только учился. Валентин чувствовал, что умение его растет день ото дня, так же как было, когда он впервые взялся жонглировать. Да это и было своего рода жонглирование, ведь с помощью обруча он занимал положение в самом центре своей души, отметая не относящиеся к делу мысли и координируя все аспекты своего существа, чтобы подготовиться к мгновенному контакту. К тому времени, когда «Леди Тиин» оказалась на подходе к Треймону, Валентин достиг умения внушать сны с событиями, происшествиями и картинами. Шанамиру он послал сон о Фалкинкипе, маунтах, пасущихся на поле, и огромной птице гихорне, летающей высоко в небе и спускающейся, хлопая могучими крыльями. На следующее утро за столом мальчик описал сон во всех деталях, за исключением того, что птица была милуфтой, пожирателем падали, с ярким оранжевым клювом и безобразными голубыми когтями.

- Что же может значить эта милуфта, устремившаяся вниз? - спросил Шанамир, и Валентин сказал:

- Может, ты плохо запомнил сон и видел другую птицу - скажем гихорну? Ведь это добрый знак.

Однако Шанамир со всей своей прямотой только покачал головой и сказал:

- Мой лорд, если я не могу отличить гихорну от милуфты даже во сне, то должен вернуться в Фалкинкип чистить конюшни.

Валентин отвел взгляд, пряча улыбку, и решил более старательно создавать свои послания-сны.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными кубками, наполненными золотым вином, и она аккуратно пересказала его, включая форму бокалов, сужающихся книзу. Слиту он послал сон о Саде Лорда Валентина, чудесном месте белых кустов со сверкающими перистыми листьями, сферических колючих растений на длинных стеблях и маленьких растений с тремя ответвлениями и моргающими глазами на их концах. Все они были выдуманы, и хищных деревьев среди них не было. Слит описывал этот выдуманный сад с восторгом, сказав, что, если на Замковой Горе будет такой же, ему будет приятно прогуляться по нему.

Сны приходили и к самому Валентину. Почти каждую ночь Леди, его мать, касалась издалека его разума. Ее спокойное присутствие наполняло его сны, подобно прохладному лунному свету, успокаивая его самого. Ему снились прежние времена на Замковой Горе, вспоминались дни детства, турниры, состязания в скорости и игры, его друзья Тунигорн, Элидат и Стасилейн, брат Вориакс, учащий его владеть мечом и луком, Лорд Малибор, путешествующий по городам Горы, подобно сияющему полубогу, и многое другое, поднимавшееся из глубин его памяти.

Однако не все сны были приятны. В ночь перед тем, как «Леди Тиин» достигла материка, он увидел себя идущим по берегу, пустынному и продуваемому ветрами, поросшему низким искривленным кустарником мрачного вида. Потом он пошел в глубь суши к Замковой Горе, поднимаясь к далеким, зазубренным и островершинным шпилям. Однако на пути его оказалась стена, более высокая, чем скалы Острова Сна, и эта стена была целиком из железа, в ней металла было больше, чем на всем Маджипуре. Темный и ужасный железный пояс, казалось, пересекал мир от полюса до полюса, и Валентин был по одну его сторону, а Замковая Гора - по другую. Подойдя

ближе, он понял, что стена потрескивает, как будто под напряжением, и от нее идет низкий жужжащий звук, а взглянув на нее вблизи, увидел свое отражение на сверкающем металле, и лицо, которое смотрело на него с этой пугающей стены, было лицом сына Короля Снов.

3

Треймон был городом прославленных деревьев-домов, известных по всему Маджипуру. На второй день после прибытия Валентин отправился взглянуть на них в прибрежный район, к югу от устья Реки Трей.

Нигде, кроме аллювиальной долины Трея, деревья-дома не росли. Они имели короткие крепкие стволы, немного похожие на двикка, хотя и не такие толстые, а их кора имела красивый бледно-зеленый цвет. Из их бочкообразных стволов поднимались крепкие ветви, которые извивались в разных направлениях, подобно пальцам двух рук, сведенных вместе, и веточки перебрасывались с ветки на ветку, прилипая к ним во многих местах и создавая уютную чашеобразную ограду.

Древесный народ Треймона изменял свои жилища по желанию, сдвигая гибкие ветви в виде комнат и коридоров и связывая их, пока естественная прилипчивость коры не делала соединение постоянным. Деревья давали нижние и мягкие листья для салатов, душистые кремовые цветы, пыльца которых вызывала легкую

эйфорию, терпкие голубоватые плоды, которые использовались многими способами, и сладкий светлый сок, легко перегоняемый в вино. Каждое дерево жило тысячу или более лет, и хозяева ревниво следили за ними. В долине реки росло десять тысяч деревьев, все они были взрослыми и обитаемыми, и только на самой границе района Валентин заметил несколько тоненьких молодых деревьев.

- Эти,- объяснили ему,- посажены недавно, чтобы заменить погибшие.

- А что делают семьи, когда их дерево гибнет?

- Идут в город,- ответил гид,- в дома, которые мы называем траурными, и живут там, пока не вырастет новое дерево, а этого приходится ждать до двадцати лет. Нас пугает эта перспектива, но такое случается только в одном поколении из десяти.

- А можно ли вырастить эти деревья где-нибудь еще?

- Ни на дюйм за пределами этой территории. Они могут процветать только в нашем климате и только на почве, на которой вы стоите, достигают зрелости. В других местах они живут год или два маленькими уродливыми деревцами.

Повернувшись к Карабелле, Валентин тихо

сказал:

- Мы все-таки проведем эксперимент. Меня интересует, нельзя ли сберечь немного этой драгоценной почвы для Сада Лорда Валентина.

Она улыбнулась.

- Маленькое дерево-дом - это место, куда вы можете уйти, когда заботы об управлении станут слишком тяжелы, и сидеть, спрятавшись в его листья, вдыхая запах цветов и срывая плоды... конечно, если сможете сделать такое.

- Однажды так и будет,- сказал Валентин.- И ты будешь сидеть рядом со мной.

Карабелла удивленно взглянула на него:

- Я, мой лорд?

- А если не ты, то кто? Доминин Барьязид? - Он легонько коснулся ее руки.- Неужели ты думаешь, что наше совместное путешествие кончится, когда мы достигнем Замковой Горы?

- Не нужно говорить мне сейчас таких вещей,- сказала она и, обращаясь к гиду, произнесла: - А эти молодые деревья... Как вы ухаживаете за ними? Часто ли их нужно поливать?

От Лабиринта, расположенного в центральной части южного Алханроеля, Треймон отделяли несколько недель на быстроходной парящей платформе. Местность здесь была, в основном,

низменной, с жирной красной почвой в долинах рек и тощей серой за их пределами. Поселения встречались здесь довольно редко. Время от времени шли дожди, но вода тут же впитывалась пористой почвой. Погода была теплой, а порой даже гнетуще жаркой. День за днем проходили в мягком монотонном движении. Валентину этот вид путешествия, совершенно лишенного магии таинственного, напоминал месяцы, проведенные в фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день содержал в себе неведомый риск, таившийся за каждым поворотом, возбуждение представлений, остановки в странных городах. А сейчас все делали для него адъютанты. Он снова становился принцем, правда, принцем с весьма скромным имуществом, с сотней последователей, в которых вовсе не был уверен.

На вторую неделю пейзаж вдруг изменился, став грубым и разрушенным, с черными плосковершинными холмами, поднимавшимися из сухой, глубоко изрезанной поверхности. Единственными растениями, которые росли здесь, были маленькие кусты с тонкими извивающимися ветвями с крошечными высокими листьями, а на более высоких склонах - колючие, похожие на канделябры лунные кактусы, призрачно белые,

высотой в два человеческих роста. Маленькие длинноногие животные с красным мехом и пухлыми желтыми хвостами быстро шныряли вокруг, исчезая в норах каждый раз, когда платформы подходили слишком близко.

- Это начало Пустыни Лабиринта,- сказал Делиамбр.- Скоро мы увидим каменные города древних.

В своей прежней жизни Валентин приближался к Лабиринту с другой стороны - с северо-запада. Там тоже была пустыня и огромный, разрушенный город призраков Велалисер, но Валентин спускался с Замковой Горы на лодке, минуя все мертвые земли, окружавшие Лабиринт, и строение этой пустынной и запретной зоны было для него новым. Сначала она казалась ему захватывающе странной, особенно на закате, когда безоблачное небо перечеркивали гротескные полосы фиолетового цвета, а опаленная почва приобретала жуткий металлический оттенок. Но через несколько дней простота пейзажа перестала доставлять ему удовольствие и стала беспокоящей и угрожающей. Возможно, что-то в этом пустынном воздухе неблагоприятно действовало на его чувства. Он никогда прежде не видел пустынь, потому что на Цимроеле их не

было, да и на богатом водой Алханроеле это было единственное сухое место. Пустыня ассоциировалась у него с Суврaелем, который он довольно часто посещал в своих снах, и он не мог избавиться от странного и непонятного впечатления, что движется вперед на свидание с Королем Снов.

Через некоторое время Делиамбр сказал:

- Вот и руины.

С первого взгляда их было трудно отличить от камней пустыни. Все, что Валентин видел, это темные монолиты, как будто презрительно раскиданные огромной рукой через милю или две. Но постепенно он начал различать их формы: тут был кусок стены, там основание какого-то циклопического дворца, здесь, возможно, алтарь. Все имело огромные размеры, хотя отдельные группы руин, наполовину засыпанные движущимися песками, были невыразительными изолированными грудами камней.

Валентин остановил караван у одной особенно широкой развалины и повел к этому месту исследовательский отряд. Он осторожно коснулся камней, боясь совершить какое- нибудь святотатство. Камень был прохладным, гладким на ощупь, местами покрытым кожистой пленкой желтых лишайников.

- И это работа метаморфов? - спросил Валентин.

Делиамбр пожал плечами.

- Так мы считаем, но никто не знает этого наверняка.

- Я слышал,- вставил адмирал Асенхарт,- что первые поселенцы-люди построили эти города вскоре после Приземления и забросили их в гражданской войне еще до того, как Понтифекс Дворн учредил правительство.

- Конечно, ведь некоторые документы тех времен уцелели,- сказал Делиамбр.

Асенхарт искоса взглянул на вроона.

- Значит, вы другого мнения?

- Я? У меня вообще нет своего мнения о событиях, происшедших четырнадцать тысяч лет назад. Я не так стар, как вы думаете, адмирал.

Иерарх Лоривайд сухо заметила:

- Мне кажется невероятным, что первые, поселенцы стали строить так далеко от моря и возить сюда такие огромные каменные блоки.

- То есть вы тоже думаете, что это города метаморфов? - спросил Валентин.

- Метаморфы - это грубые дикари, которые живут в джунглях и танцуют, чтобы вызвать дождь,- сказал Асенхарт.

Лоривайд, раздраженная вмешательством адмирала, уточнила:

- Думаю, что это вполне вероятно,- а потом добавила, обращаясь к Асенхарту: - Не дикари, адмирал, а скорее беженцы, спустившиеся с высот, которых когда-то достигли.

- Скорее сброшенные с них,- сказала Карабелла.

- Правительство должно организовать изучение этих руин,- сказал Валентин.- Мы должны больше знать о дочеловеческих цивилизациях Маджипура, и, если это город метаморфов, нужно организовать что-нибудь вроде охраны его. Мы...

- Руинам не нужны охранники, кроме тех, что здесь уже есть,- сказал вдруг новый голос.

Валентин удивленно повернулся. Странная фигура появилась из-за монолита - худой, почти бесплотный мужчина шестидесяти или семидесяти лет с горящими, глубоко сидящими глазами и широким, почти беззубым ртом, искривленным в насмешливой улыбке. Он был вооружен длинным узким мечом и одет в странную одежду, целиком сделанную из красного меха пустынных животных. На голове у него была шапка из желтого меха, которую он снял и махнул ею, отвесив глубокий поклон. Когда он выпрямился, его рука

легла на головку эфеса меча.

Валентин вежливо сказал:

- И мы перед одним из этих охранников?

- Более, чем одним,- ответил мужчина, и из-за камня неслышно появились восемь или десять мужчин таких же фантастических, угловатых и костистых, как первый, подобно ему одетые в такие же нелепые меховые куртки, шапки и грязные мокасины. У всех были мечи, и все, казалось, были готовы употребить их в дело. Затем появилась вторая группа, материализовавшись как будто из воздуха, а за ней и третья - всего тридцать или сорок человек.

В отряде Валентина было всего одиннадцать, в основном безоружных, а остальные остались на платформах в двухстах ярдах отсюда на главном шоссе. Пока они стояли здесь, обсуждая проблемы древней истории, их окружили.

Вождь сказал:

- По какому праву вы вошли сюда?

Валентин услышал слабое ворчание Лизамон Хултин, заметил воинственную позу Асенхарта и сделал им знак успокоиться.

- Нельзя ли узнать, кто говорит со мной?- спросил он.

- Я - герцог Насцимонте из Ворнек Крег, пра-

витель Западного Пограничья. А вокруг меня вы видите главных дворян моего королевства, присягнувших мне на верность во всех делах.

Валентин не помнил о провинции Западного Пограничья и ни о каком герцоге Насцимонте. Вероятно, он забыл некоторые детали географии, когда в его память вмешались, хотя и не подозревал об этом. Впрочем, это были пустяки.

Очень серьезно он сказал:

- Мы не собирались вторгаться в чужие владения, ваша милость, а просто пересекали ваши земли. Мы путешественники, направляющиеся в Лабиринт с делами к Понтифексу, а это самая короткая дорога между Треймоном и Лабиринтом.

- Да, это так, но вы сделали бы лучше, отправившись к Понтифексу менее короткой дорогой.

Лизамон Хултин вдруг громко заревела:

- Не вздумайте мешать нам! Вы хоть представляете, кто этот человек?

Раздосадованный Валентин схватил великаншу за руку, чтобы заставить ее замолчать.

Насцимонте вкрадчиво сказал:

- Действительно, не представляем. Но он может быть самим Лордом Валентином и не иметь права проходить здесь. Точнее, у Лорда Валентина их меньше, чем у кого- либо.

- Значит, у вас личная ссора с Лордом Валентином?- спросил Валентин.

Бандит хрипло расхохотался.

- Коронал - мой заклятый враг.

- Значит, вы поднимаете руку на всю цивилизацию, на верность Короналу и должны поддерживать его врагов. Можете ли вы быть настоящим герцогом и не признавать власть Коронала?

- Не ЭТОГО Коронала,- ответил Насцимонте. По- прежнему держа руку на своем мече, он пересек открытое пространство, отделявшее его от Валентина, и в упор уставился на него.

- У вас прекрасная одежда и от вас разит городским комфортом. Вы, должно быть, богаты и живете в большом доме где-нибудь высоко на Горе, и имеете слуг, выполняющих все ваши прихоти. Что вы скажете, если однажды все это у вас отнимут? Если по капризу кого-то другого вы будете ввергнуты в нищету?

- Я уже испытал это,- ровно ответил Валентин.

- Вы? Вы, путешествующий с этой кавалькадой платформ и со своей свитой? Кто вы, в таком случае?

- Лорд Валентин, Коронал,- без колебания ответил Валентин.

Глаза Насцимонте вспыхнули от гнева. На

мгновение показалось, что он хочет вытащить свой меч, затем, как будто оценив шутку, он расслабился и сказал:

- Да, вы Коронал, такой же, как я герцог. Хорошо, Лорд Валентин, в своей доброте вы вернете мне прежние потери. Плата за пересечение зоны руин составляет сейчас тысячу роялов.

- У нас нет такой суммы,- мягко сказал Валентин.

- Тогда вы останетесь с нами, пока ваши лакеи не доставят их.- Он сделал знак мужчинам.- Взять их и связать. Одного, скажем вроона, оставьте, он будет посланцем.- Потом произнес, обращаясь к Делиамбру:- Вроон, передай тем, что сидят на платформах, что мы задерживаем этих людей здесь до получения тысячи роялов. Срок доставки - месяц. Если же вы вернетесь с охраной вместо денег, то знайте, что нам отлично известны эти холмы, и служители закона ничего не добьются. А вы никогда больше не увидите этих людей живыми.

- Подождите,- сказал Валентин, видя, что люди Насцимонте шагнули вперед.- Расскажите мне о своей ссоре с Короналом.

Насцимонте нахмурился.

- Он был в этой части Алханроеля в прошлом

году, возвращаясь с Цимроеля, где устраивал грандиозное шествие. Я жил тогда у подножия горы Эберсинул, у озера Айвори, где выращивал рикку, туол и милайли, и мои плантации были лучшими в этой провинции, ведь моя семья занималась этим делом шестнадцать поколений. Коронал и его свита должны были разместиться у меня, и в самый разгар уборки туола он пришел вместе с сотнями своих прихлебателей, лакеев, мириадами придворных, достаточными, чтобы опустошить половину континента. В течение недели они осушили мои погреба, устроили празднество на полях и загубили урожай, в пьяных играх подожгли поместье, разрушили плотину и затопили мои поля, короче, разорили меня вконец, а затем ушли, не потрудившись узнать, чего это мне стоило. Теперь все это у ростовщиков, я по милости Лорда Валентина и его друзей живу в камнях Ворнек Крег - а где же закон? Уйти из этих древних руин будет стоить вам тысячу роялов, пришелец, и, хотя у меня нет на вас злобы, если денег не будет, я перережу вам горло так же хладнокровно, как люди Лорда Валентина открыли мою плотину, и с таким же равнодушием.- Он отвернулся и повторил приказ:- Связать их.

Валентин глубоко втянул воздух в легкие, закрыл глаза и, как учила его Леди, позволил себе скользнуть в сознательный сон, в транс, который пробуждал его обруч к жизни. Затем он послал свой разум вперед, к темной и озлобленной душе правителя Западного Пограничья и захлестнул ее своей любовью.

Это усилие потребовало всех его сил. Он покачнулся, сдвинул ноги и прислонился к Карабелле, ухватившись рукой за ее плечо, извлекая жизненную энергию и направляя ее к Насцимонте. Теперь он понял, какую цену платит Слит за жонглирование вслепую, насколько оно иссушало его. И все же он продолжал свое дело.

Насцимонте замер, пораженный, и, стоя вполоборота, взглянул на Валентина. Тот продолжал безжалостно сжимать его душу и промывать ее состраданием до тех пор, пока обиды Насцимонте не смягчились и расслабились, а затем скользнул внутрь, как в раковину, и излил в ставшую вдруг податливой душу мужчины все то, что случилось с ним, начиная с подмены в Тил-омоне, сосредоточив все в одной ослепительно яркой вспышке.

Затем он прервал контакт и, покачнувшись, вновь ухватился за Карабеллу, которая, не дрогнув, поддержала его.

Насцимонте смотрел на Валентина, как человек, которого коснулась Дивин. Затем он опустился на колени и сделал знак звездного огня.

- Мой лорд...- с трудом проговорил он.- Мой лорд... простите меня... простите...

4

То, что в этой пустыне могут быть бандиты, удивило и встревожило Валентина, ибо подобных случаев было немного в истории законопослушного Маджипура. Еще больше встревожило его то, что разбойники были зажиточными фермерами, доведенными до нищеты бездушием нынешнего Коронала. Это было необычно для Маджипура, чтобы правящий класс поступал так неосторожно, и, если Доминин Барьязид считал, что добьется этим поддержки своего трона, то он был не злодей, а дурак.

- Вы хотите свергнуть узурпатора?- спросил Насцимонте.

- Со временем,- ответил Валентин.- Но прежде, чем придет этот день, нужно многое сделать.

- Я к вашим услугам, если моя помощь может пригодиться.

- А есть еще разбойники между этим местом и входом в Лабиринт?

Насцимонте кивнул.

- И много. В нашей провинции стало правилом уходить в холмы от произвола властей.

- Вы можете влиять на них или ваш титул гер-

цога просто шутка?

- Они подчиняются мне.

- Хорошо,- сказал Валентин.- Тогда я прошу вас проводить нас через эти земли до Лабиринта и защитить от ваших друзей, которые могли бы задержать нас.

- Я сделаю это, мой лорд.

- Но никому ни слова о том, что я показал вам. Ведите себя со мной, как с простым чиновником Леди, посланным к Понтифексу.

В глазах Насцимонте мелькнуло подозрение, и он спросил:

- Я не должен провозглашать вас как настоящего Коронала? Но почему?

Валентин улыбнулся.

- Вся моя армия здесь, на этих нескольких платформах. Я не могу объявить войну узурпатору, пока мои силы не возрастут. Отсюда эта скрытность и мой визит в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку Понтифекса, тем скорее начнется настоящая кампания. А теперь скажите, сколько вам нужно времени, чтобы подготовиться к выступлению?

- Около часа, мой лорд.

Насцимонте и несколько его людей поехали вместе с Валентином на передовой платформе.

Пейзаж постепенно становился все более бесплодным: сейчас это была коричневая и почти безжизненная пустыня, где от порывов горячего ветра поднимались пыльные смерчи. Время от времени вдали от главной дороги появлялись группы мужчин в грубых одеждах, которые разглядывали путешественников, но инцидентов не было. На третий день Насцимонте предложил пойти коротким путем, сберегавшим несколько дней. Валентин не колеблясь согласился, и караван повернул на северо-восток к огромному сухому озеру, а затем через крутые овраги и плосковершинные эрозионные холмы, мимо края сглаженных гор из красного песчаника и наконец в обширную продуваемую ветрами плоскую местность безо всяких характерных черт, на всем протяжении покрытую гравием и гальками. Валентин видел, как Зализан Кавол и Слит обменялись беспокойными взглядами, когда платформы вошли в это мрачное безжизненное место, и подозревал, что они переговариваются о предательстве и измене, но его собственная вера в Насцимонте была нерушима. С помощью обруча Леди он касался разума главаря разбойников и то, что увидел там, не могло быть душой предателя.

День, другой, третий шли они по этому пути в

никуда, и вот уже начала хмуриться Карабелла, иерарх Лоривайд выглядела более мрачной, чем обычно, а Лизамон Хултин отозвала Валентина в сторону и сказала так тихо, как только могла:

- А что если этот Насцимонте - наемник фальшивого Коронала, которому заплатили, чтобы он увел вас в такое место, где вас никто никогда не найдет?

- Значит, мы исчезнем и наши кости будут лежать неизвестно где,- сказал Валентин.- Но я не принимаю этих опасений всерьез.

Все эти разговоры вызывали у него раздражение. Валентин продолжал верить в преданность Насцимонте; казалось невероятным, чтобы агент Доминина Барьязида мог выбрать такой унылый и долгий способ избавиться от него, когда вполне хватило бы одного удара мечом в спину в городе метаморфов. Воды вокруг не было, и даже маунты, способные превратить в пищу любое органическое вещество, все более худели и становились вялыми на скудных сорных травах, которые составляли сейчас весь их корм. Войдя по ошибке в эти места, надежды на спасение не было. Однако пробным камнем для Валентина был Аутифон Делиамбр: колдун, бывший экспертом по самосохранению, вовсе не казался

встревоженным возможным предательством.

Наконец, Насцимонте остановил караван в месте, где две линии крутых голых холмов сходились, образуя узкий каньон с высокими стенами, и обратился к Валентину:

- Вы думаете, мы сбились с пути, мой лорд? Пойдемте, я кое-что покажу вам.

Валентин вместе с другими пошел за ним в конец ущелья, лежавший в пятидесяти шагах. Насцимонте вытянул руку вперед, к огромной долине, начинавшейся там, где кончался каньон.

- Смотрите,- сказал он.

Долина была пустынным, веерообразным пространством бледно-рыжего песка, вытянутым к северу и югу, по крайней мере, на сотни миль, и точно в ее центре Валентин увидел темный круг колоссальных размеров, поднимавшийся над уровнем плоской поверхности долины. Он узнал его почти сразу, хотя видел только с другой стороны: это была огромная насыпь коричневой земли, прикрывавшая Лабиринт Понтифекса.

- Мы будем у Входа Клинков послезавтра,- сказал Насцимонте.

Валентин вспомнил, что всего было семь входов, равномерно расположенных по периметру огромной структуры. Когда он приходил с по-

сольством от Вориакса, то входил через Вход Воды с противоположной стороны, там, где Река Глайд пересекает плодородные северо-восточные провинции. Это был общепринятый путь, используемый высшими чиновниками, когда они по делам являлись к министрам Понтифекса. Со всех других сторон Лабиринт окружали гораздо менее приятные земли, и самой худшей из всех была пустыня, через которую двигался сейчас Валентин. Единственное, что утешало его, это то, что войдя через эту безжизненную землю, он покинет Лабиринт с его наиболее удобной стороны.

Площадь, занимаемая Лабиринтом, была огромной, а поскольку он имел много уровней, спиралью уходивших вниз, в недра планеты, сосчитать его нынешнее население было невозможно.

Сам Понтифекс занимал только внутренний сектор, в который вряд ли мог войти кто-нибудь другой. Зона, окружавшая его, была владением правительственных чиновников, множества таинственных посвященных, которые проводили все свои жизни, выполняя под землей задачи, превосходившие понимание Валентина: ведя летописи, подсчитывая налоги или проводя

переписи. Вокруг правительственной зоны за тысячи лет образовалась внешняя защитная оболочка Лабиринта, путаница круговых проходов, населенных миллионами странных фигур: чиновников и купцов, нищих и клерков, грабителей и бог знает кого еще, целый особый мир, куда никогда не заглядывали теплые лучи солнца, куда не мог проникнуть прохладный лунный свет, где все красоты, чудеса и наслаждения Маджипура подменяло сомнительное удовольствие жизни под землей.

Наконец платформы пересекли линию внешней насыпи и подъехали ко Входу Клинков. Это было окруженное балками отверстие, открывавшее доступ в туннель, ведший в глубь земли. Линия древних ржавых мечей была вделана в бетон перед входом, образуя скорее символический, чем действительный барьер, поскольку они далеко отстояли друг от друга. Интересно, подумал Валентин, сколько нужно времени, чтобы мечи заржавели в этом сухом климате пустыни?

У входа ждали охранники Лабиринта.

Их было семеро - два хьорта, хайрог, скандар, лиимен и двое людей - и все были замаскированы общим для служителей Понтифекса способом. Маскировка тоже была, в основном, символи-

ческой: просто полоска блестящего желтого материала, закрывавшего глаза и переносицу у людей и подобные места у всех остальных, но она создавала вокруг охранников ореол причудливости.

Охранники флегматично стояли перед Валентином и его отрядом и молчали. Делиамбр тихо сказал ему:

- Они потребуют плату за вход, такая здесь традиция. Подойдите к ним и изложите свое дело.

Обращаясь к охранникам, Валентин сказал:

- Я - Валентин, брат Лорда Вориакса, сын Леди Острова, и я хочу войти, чтобы получить аудиенцию у Понтифекса.

Даже такое странное и провоцирующее заявление не вызвало особой реакции у замаскированной охраны. Только хайрог сказал:

- Понтифекс не принимает никого лично.

- Тогда мне нужна встреча с его высшими министрами, которые могут отнести ему мое послание.

- Они встречаются не с каждым,- ответил один из хьортов.

- В таком случае,- сказал Валентин,- я обращу свою просьбу к министрам министров. Все, что я прошу от вас, это позволить мне с товарищами

войти в Лабиринт.

Охранники торжественно посовещались между собой, говоря заунывными голосами и, вероятно, выполняя какой-то обряд, потому что, казалось, совсем не слушали друг друга. Когда их бормотанье стихло, хайрог повернулся к Валентину и сказал:

- Каким будет ваше пожертвование?

- Пожертвование?

- Плата за вход.

- Назовите ее, и я заплачу.- Валентин сделал знак Шанамиру, и тот принес кошель с монетами. Однако охранники недовольно закачали головами, а некоторые даже отвернулись, когда Шанамир вынул несколько полуройловых монет.

- Не деньги,- презрительно сказал Хайрог.- ПОЖЕРТВОВАНИЕ.

Валентин не мог ничего понять. Смущенно он посмотрел на Делиамбра, который ритмично двигал своими щупальцами вверх и вниз. Валентин нахмурился, потом понял. Жонглирование?

- Слит... Залзан Кавол...

С одной из платформ принесли булавы и мячи. Слит Карабелла и Залзан Кавол встали перед охранниками и, по сигналу скандара, начали

жонглировать. Неподвижные как статуи семеро в масках молча смотрели. Процедура входа казалась Валентину такой абсурдной, что он с трудом сохранял серьезность и несколько раз даже сдавленно хихикал. Однако трое жонглеров выполняли свой номер строго, со всем возможным достоинством, как будто это был какой-то религиозный ритуал. Они провели три полных обмена и, одновременно остановившись, поклонились охранникам. Хайрог почти незаметно кивнул - единственная благодарность за выступление - и сказал:

- Вы можете войти.

5

Платформы прошли между клинками и оказались в чем-то вроде вестибюля, темного и затхлого, который перешел в широкую наклонную дорогу. Немного спустившись по ней, они пересекли изгибающийся туннель - первый из кругов Лабиринта.

Он был высок, ярко освещен и вполне мог быть ярмарочной улицей любого города, с ларьками и магазинами, пешеходами и повозками всех форм и размеров, плывущими вдоль него. Однако минуты внимательного наблюдения хватило, чтобы поняты это не Пидруид, Пилиплок или Ни-мойя. Люди на улицах были неестественно бледны и выглядели призраками, ведь они проводили свои жизни вдали от солнечных лучей. Их одежда была до смешного древней по стилю, причем преобладали мрачные, темные тона. Среди людей было много замаскированных личностей - служителей Понтифекса - ничем не примечательных в обстановке Лабиринта и движущихся в толпе, не привлекая к себе внимания. Все они, подумал Валентин, и замаскированные, и нет, кажутся странно напряженными. Снаружи, в мире

свежего воздуха, под теплым и ярким солнцем, люди Маджипура улыбались свободно и легко не только губами, но и глазами, всем своим лицом, всей душой. Здесь же, в этих катакомбах, души были иного сорта.

Валентин повернулся к Делиамбру.

- Вам известна дорога к нужному нам месту?

- Нет. Но найти гида будет очень просто.

- Как?

- Остановите платформу, выйдите, станьте посреди дороги и беспомощно оглянитесь,- ответил вроон.- Через минуту гидов будет в избытке.

Это заняло даже меньше минуты. Валентин, Слит и Карабелла сошли с платформы, и тут же мальчик лет десяти, пробегавший по улице со своими друзьями, повернулся к ним и спросил:

- Показать вам Лабиринт? Одна крона за весь день!

- У тебя есть старший брат?- спросил Слит.

Мальчик уставился на него.

- Вы думаете, я слишком молод? Тогда идите ищите дорогу сами! Вы заблудитесь через пять минут!

Валентин засмеялся.

- Как тебя зовут?

- Хиссуне.

- Скажи, Хиссуне, сколько уровней нужно пройти, чтобы достичь правительственного сектора?

- Вы хотите идти ТУДА?

- Почему бы и нет?

- Они там все спятили,- сказал мальчик усмехаясь.- Работа, работа, весь день перекладывание бумаг в надежде, что сможешь продвинуться еще глубже вниз. Заговорите с ними, и они даже не ответят вам. От обилия работы они могут только бормотать... Это на семь уровней ниже. Сначала Двор Колонн, потом Зал Ветров, Дворец Масок, Двор Пирамид, Двор Шаров, Арена и только потом Дом Записей. Я проведу вас туда, но не за одну крону.

- А за сколько?

- За полрояла.

Валентин присвистнул.

- Зачем тебе столько денег?

- Купить матери плащ, зажечь пять свечей для Леди и достать для моей сестры лекарства, которые ей нужны.- Мальчик подмигнул.- И, может быть, раз или два угостить себя самого.

За время этого разговора вокруг собралась большая толпа - по крайней мере пятнадцать или двадцать детей не старше Хиссуне, несколько юношей и взрослых. Все они стояли плотным

полукругом, глядя, как Хиссуне делает свое дело. Никто из них не говорил ни слова, но краем глаза Валентин видел их напряженное внимание, видел, что они привстают на цыпочки, стараясь выглядеть знающими и заслуживающими доверия. Откажись он от предложения мальчика, и тут же нашлись бы пятьдесят других, поднялся бы страшный шум, и в воздух взметнулся лес рук. Однако Хиссуне, казалось, знал свое дело, а его холодный, циничный подход к нему привлекал внимание.

- Хорошо,- сказал Валентин.- Веди нас к Дому Записей.

- Все эти платформы ваши?

- Да, мои.

Хиссуне присвистнул.

- Вы такой важный? Откуда вы?

- С Замковой Горы.

- Так я и думал,- протянул мальчик.- Но если вы пришли с Замковой Горы, что вы делаете у Входа Клинков?

Мальчик был умен. Валентин сказал:

- Мы путешествовали и только что прибыли с Острова.

- Ах!- Глаза Хиссуне на мгновение расширились - первая брешь в его развязной уличной

холодности. Несомненно, Остров был для него мифическим местом, таким же далеким, как звезды, и, несмотря на все старания, он показал, что ему страшно быть в обществе человека, недавно побывавшего там. Облизнув губы, он сказал после паузы:

- Как мне называть вас?

- Валентин.

- Валентин,- повторил мальчик.- Валентин с Замковой Горы. Очень хорошее имя.- Он вскарабкался на первую платформу и, когда Валентин сел рядом, спросил:- Правда, Валентин?

- Правда.

- Очень хорошее имя,- снова сказал он.- Дайте мне полрояла, Валентин, и я покажу вам Лабиринт.

Валентин знал, что полрояла было платой за несколько дней работы умелого ремесленника, но не стал возражать, человеку его положения казалось несолидным торговаться с мальчиком из-за нескольких монет. Вполне возможно, что Хиссуне и рассчитывал на это. Во всяком случае, его услуги стоили этих денег, ибо он вел их по изгибам Лабиринта удивительно быстро, показывая все более внутренние круги.

По мере того, как они спускались вниз, Лаби-

ринт становился темнее и запутаннее. Только самый внешний уровень был хорошо освещен, а круги внутри него были темными и зловещими, с мрачными коридорами, расходящимися от главного в непонятных направлениях, с намеками на странные статуи и архитектурные орнаменты, смутно видневшиеся в затхлых и мрачных углах. На Валентина это место произвело гнетущее впечатление. Оно пахло плесенью и историей, а вокруг была холодная влажность невообразимой древности. Это была огромная пещера без солнца, свежего воздуха и шуток, по которой двигались хмурые угрюмые фигуры.

Вниз... вниз... вниз...

Мальчик тем временем не переставая болтал. Он был удивительно живым и веселым, совсем не подходящим для этого болезненного места. Он рассказал о туристах из Ни-мойи, которые месяц блуждали между Залом Ветров и Дворцом Масок, живя подачками обитателей нижних уровней - слишком гордые, чтобы спросить, сами они не могли найти дорогу наверх. Рассказал он и об архитекторе из Двора Шаров, который разместил каждую сферу в этом тщательно сделанном помещении по какой-то своей монументальной системе, однако рабочие потеряли ключ к его

схеме и разместили все по-своему. Обнаружив это, он решил за свой счет перестроить все как надо, но в конце концов пришел к выводу, что его расчеты ошибочны и узор невозможен.

- Они похоронили его прямо там, где он упал,- закончил Хиссуне эту историю.

Рассказал, он и о Понтифексе Арионе, который, когда освободилось место Леди, объявил себя женщиной, назначил себя на Остров и отрекся от трона. Босой, в широкой развевающейся мантии, рассказывал Хиссуне, Ариок поднялся из глубин Лабиринта, сопровождаемый группой высших министров, которые изо всех сил пытались отговорить его от такого поступка.

- На этом месте,- показывал Хиссуне,- он собрал людей, сказал, что будет их новой Леди, и приказал везти себя на колеснице в Стоен. И министры ничего не смогли сделать. Ничего! Хотел бы я видеть их лица.

Вниз...

Караван спускался весь день. Они прошли через Двор Колонн, где тысячи огромных серых столбов тянулись вверх подобно гигантским поганкам, а маслянистая черная жидкость покрывала пол на три или четыре фута. Они пересекли Зал Ветров, ужасное место, где холодные порывы

ветра вырывались из прекрасно высеченных каменных решеток в стенах. Они увидели Дворец Масок - извилистый коридор, в котором на мраморных цоколях стояли огромные бестелесные лица с пустыми глазницами. Увидели они и Двор Пирамид - лес совершенно белых многогранных фигур, стоявших так близко друг к другу, что между ними невозможно было идти, остроконечный лабиринт монолитов, часть из которых была четырехгранной, но большинство чудовищно вытянуты, веретенообразны и зловещи. Уровнем ниже они попали в знаменитый Двор Шаров, еще более сложную структуру в полторы мили длиной, где сферические объекты - некоторые размером с кулак, другие с большого морского дракона - висели на невидимых нитях, освещенные снизу. Хиссуне показал им могилу архитектора - чистую плиту из черного камня под самым крупным из шаров.

Вниз... вниз...

В свой первый визит сюда Валентин ничего этого не видел. Из Входа Воды он быстро спустился по проходам, используемым только Короналом и Понтифексом, в имперское логово в сердце Лабиринта.

Однажды, подумал Валентин, если я снова

стану Короналом, может случиться так, что я должен буду занять место Тивераса. Когда этот день придет, я сообщу людям, что не хочу жить в Лабиринте и построю для себя дворец в каком-нибудь более веселом месте.

Он улыбнулся. Интересно, сколько Короналов до него, видя отвратительную гнусность Лабиринта, давали ту же клятву? И однако все они раньше или позже уходили из мира и поселялись здесь. Сейчас, когда он молод и полон энергии, было вполне естественно принимать такое решение, даже решение вообще убрать Понтификат с Алханроеля в какое-нибудь более подходящее место на другом континенте, в Ни-мойю, скажем, или Дулорн, и жить среди красоты и восторга. Ему было трудно представить себя добровольно поселяющимся в таком отталкивающем месте, как Лабиринт. Хотя все они думали то же самое - Деккерет, Конфалум, Престимион, Стиамот, Кинникен и другие, чье время приходило - и все же уходили с Замковой Горы в эту темную нору. Может, она не так плоха, как кажется? Может, когда побудешь Короналом достаточно долго, бываешь рад уйти с высот Замковой Горы? Я еще подумаю об этом, сказал себе Валентин, когда у меня будет время.

Наконец караван парящих платформ сделал резкий поворот и оказался на более низком уровне.

- Арена,- серьезно объявил Хиссуне.

Валентин взглянул и увидел пустое пространство, такое огромное в длину и ширину, что стен не было видно, а только далекий мерцающий свет. Не было видно и никаких подпорок для потолка. Было очень странно думать о гигантском весе внешних уровней, этих миллионах людей, бесконечных улицах и переулках, этих зданиях, статуях, машинах и всем остальном, давящем на крышу Арены, и этом обширном ничто, сопротивляющемся колоссальному давлению.

- Слушайте,- сказал Хиссуне. Он спустился с машины, приложил руки ко рту и испустил пронзительный крик. Эхо вернулось, резкий звук отразился от стен, и первая несколько усилила его, а остальные ослабляли, пока он не стал щебечущим чириканьем дроле. Он снова крикнул, одновременно крутнувшись на каблуке, и звуки отражались от стен не меньше минуты. Потом с довольной ухмылкой мальчик вернулся к платформе.

- Для чего служит это место?- спросил Валентин.

- Ни для чего.

- Ни для чего? Вообще?

- Это просто пустота. Понтифекс Дизимаул хотел иметь здесь большое пустое место. И здесь ничего не происходит. Никому не разрешается строить тут, да никто и не хочет этого. А здесь хорошее эхо, верно? Это единственное применение Арены. Идемте, Валентин, попробуйте сами.

Валентин улыбнулся и покачал головой.

- В другой раз,- сказал он.

Пересечение Арены заняло, казалось, целый день. Они ехали все дальше, но нигде не было видно ни стен, ни колонн, это было похоже на путешествие по открытой равнине, если бы не смутно видимый далеко вверху потолок. Валентин не смог уловить момент, когда они начали покидать Арену, и только через некоторое время заметил, что пол идет под уклон и они незаметно переходят на более низкий уровень, возвращаясь к знакомой клаустрофобической духоте кругов Лабиринта. По мере того как они двигались вниз по новому полукруглому коридору, освещение постепенно становилось ярче, пока не достигло той же степени, как на уровне у входа, на котором находились магазины. Впереди, поднимаясь на недосягаемую высоту, виднелось что-то вроде

перегородок, на которых выделялись сверкающие надписи.

- Мы подошли к Дому Записей,- сказал Хиссуне.- Дальше я не могу идти с вами.

И действительно, дорога кончалась на пятиугольной площади у какой-то огромной перегородки, которая, как теперь видел Валентин, была чем-то вроде хроники Маджипура. По левую сторону были имена Короналов: список такой длины, что верхние позиции едва можно было прочесть. Справа был список Понтифексов. Рядом с каждым именем имелись даты правления.

Валентин внимательно изучил списки. Сотни имен были в них, некоторые знакомые, всем известные имена из истории планеты: Стиамот, Тимин, Конфалум, Деккерет, Престимион, а другие - просто ничего не значащие надписи. Еще мальчиком Валентин был вынужден проводить дождливые дни за чтением списков Владык, но для него это были просто звуки: Пранкипин и Хунзимар, Мейк и Струин, Скаул и Спурифор, люди, которые правили на Замковой Горе, а потом в Лабиринте тысячу лет назад, три тысячи, пять, которые были центром всех разговоров, объектом всеобщего поклонения, которые танцевали на имперской сцене, показывая свое

представление, а потом исчезали во мраке истории. Лорд Спурифон, подумал он. Лорд Скаул. Кем они были? Какого цвета были их волосы, в какие игры они играли, какие законы издали, насколько спокойно и храбро встретили свою смерть? Оказывали они влияние на миллиарды жизней Маджипура или же нет? Некоторые, как видел теперь Валентин, правили Короналами всего несколько лет, быстро перебирались в Лабиринт и умирали Понтифексами. Зато другие занимали вершину Замковой Горы на целые поколения. Скажем, Лорд Мейк был Короналом тридцать лет, а Понтифексом - Валентин бегло просмотрел головокружительный список - еще двадцать. Пятьдесят лет высшей власти, а кто знает сегодня о Коронале или Понтифексе Мейке?

Он взглянул вниз списков, где зияла пустота. Лорд Тиверас - Лорд Малибор - Лорд Вориакс - Лорд Валентин...

На этом ленивый список кончался. Лорд Валентин правил три года, и правление его еще не было закончено...

По крайней мере, Лорда Валентина запомнят. Забвение не для него, и будущему поколению Маджипура будут рассказывать о молодом темноволосом Коронале, предательством, переса-

женном в светловолосое тело и уступившем трон сыну Короля Снов. Интересно, что могут сказать о нем? Что он был простодушный дурак, такая же комическая фигура, как Ариок, сделавший себя Леди Острова? Что он был слабовольным человеком, который не смог защитить себя от зла? Что сначала он потерпел поражение, но потом доблестно вернул свое место? Как будут рассказывать историю Лорда Валентина тысячу лет спустя? Одного хотел он, стоя перед огромным списком Дома Записей: чтобы не говорили, что Лорд Валентин вернул свой трон с великим героизмом, а потом слабо и беспомощно правил пятьдесят лет. Лучше оставить Замок Барьязиду, чем прославиться этим...

Хиссуне дернул его за руку.

- Валентин?

Тот удивленно посмотрел вниз.

- Я оставляю вас здесь,- сказал мальчик.- Люди Понтифекса скоро придут за вами.

- Спасибо, Хиссуне, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

Хиссуне подмигнул.

- Это не будет прогулкой пешком, обещаю вам.- Он торжественно посмотрел на него, потом сказал:- Валентин?

- Да?

- Вы думаете получить черные волосы и бороду?

Валентин рассмеялся.

- Ты думаешь, я - Коронал?

- О, я знаю, что это вы! Это написано на вашем лице. Только... только ваше лицо плохое.

- Нет, это не плохое лицо,- мягко сказал Валентин.- Немного более доброе, чем мое старое, и, может, более красивое. Я думаю, что сохраню его для себя.

Глаза мальчика расширились.

- Значит, вы скрываетесь?

- Можно сказать и так.

- Так я и думал.- Он положил свою маленькую руку на руку Валентина.- Что ж, удачи вам, Валентин. Если вы когда-нибудь вернетесь в Лабиринт и снова попросите меня быть гидом, я сделаю это даром. Запомните мое имя: Хиссуне.

- До свидания. Хиссуне.

Мальчик снова подмигнул и исчез.

Валентин еще раз взглянул на огромный экран истории.

Лорд Тиверас - Лорд Малибор - Лорд Вориакс - Лорд Валентин...

И может, когда-нибудь, подумал он, Лорд Хис-

суне. А почему бы и нет? Мальчик выглядит таким же подготовленным, как многие из тех, кто правил страной, и, возможно, не даст Доминину Барьязиду опоить себя вином с наркотиком. Я должен запомнить его, сказал он себе, я должен запомнить его.

6

Из ворот на дальней стороне площади Дома Записей вышли три фигуры - хьорт и двое людей в масках чиновников Лабиринта - и неторопливо направились к месту, где стояли Валентин, Делиамбр, Слит и несколько других.

Хьорт испытующе посмотрел на Валентина. Он вовсе не казался испуганным.

- У вас здесь дело? - спросил он.

- Я прошу аудиенции у Понтифекса.

- Аудиенции у Понтифекса,- повторил хьорт так удивленно, будто Валентин сказал: «Прошу пару крыльев» или «Прошу разрешения выпить океан досуха».- Аудиенции у Понтифекса! - Он засмеялся.- Понтифекс не устраивает аудиенций.

- А вы глава его министров?

Смех стал громче.

- Это Дом Записей, а не Тронный Двор. Министров здесь нет.

Трое чиновников повернулись и направились обратно к воротам.

- Подождите! - крикнул Валентин.

Он скользнул в сонный транс и послал им видение. В нем не было ничего особенного, только

чувство того, что стабильность положения находится в опасности, что чиновники сами под угрозой и только они могут противостоять силам хаоса. Они продолжали идти, и Валентин усиливал интенсивность послания до тех пор, пока не покрылся потом и не зашатался от усталости. Трое остановились, и хьорт оглянулся.

- Что вам нужно здесь? - спросил он.

- Пропустите нас к министрам Понтифекса.

Чиновники начали шепотом совещаться.

- Что нам делать? - спросил Валентин у Делиамбра.- Жонглировать для них?

- Набраться терпения,- буркнул вроон.

Это было трудно, но Валентин сдерживался, и через несколько минут чиновники повернулись и сказали, что он может войти вместе с пятью своими спутниками. Остальные должны поселиться на внешнем уровне. Валентин нахмурился, но начинать спор с замаскированными явно не стоило. Он выбрал Делиамбра, Карабеллу, Слита, Асенхарта и Залзана Кавола.

- А как остальные найдут себе жилье? - спросил он.

Хьорт пожал плечами. Это было не его дело.

И тут из тени слева от Валентина донесся высокий чистый голос:

- Кому-то нужен проводник до внешнего уровня?

Валентин хмыкнул:

- Хиссуне, ты еще здесь?

- Я думал, что могу понадобиться.

- Верно. Найди приличное место, чтобы мои люди, могли остановиться во внешнем круге, возле Входа Воды, где они могут ждать меня, пока я не закончу свои дела здесь.

Хиссуне кивнул:

- Я прошу только три кроны.

- Что?! Тебе же самому нужно подниматься наверх! И пять минут назад ты говорил, что в следующий раз, когда будешь моим гидом, ты не попросишь ничего!

- Так это в следующий раз,- ответил Хиссуне.- А сейчас еще этот. Вы хотите лишить бедного мальчика средств к существованию?

Махнув рукой, Валентин сказал Залзану Каволу:

- Дайте ему три кроны.

Мальчик запрыгнул на первую платформу, караван развернулся и вскоре исчез. А Валентин и пятеро его спутников прошли через ворота Дома Записей.

Коридоры тянулись во всех направлениях. В

тускло освещенных каморках сидели клерки, низко склоняясь над грудами документов. Валентин понял, что это было административное сердце Маджипура, место, где вершились дела по реальному управлению двадцатью миллиардами жизней. Сознание, что эти суетящиеся гномы, эти спрятавшиеся в землю кроты обладают реальной властью, потрясло его.

Он всегда думал, что реальной властью обладает Коронал, а Понтифекс всего лишь марионетка, поскольку именно Коронал отдает своим силам приказ отправиться туда, где угрожает хаос, тогда как Понтифекс остается заточенным глубоко внизу и появляется из Лабиринта только в исключительных случаях.

Однако теперь он уже не был уверен в этом.

Сам по себе Понтифекс мог быть просто сумасшедшим стариком, но его фавориты, эти сотни тысяч чиновников в их странных маленьких масках, могли сообща владеть большей властью над Маджипуром, чем Коронал и все его помощники. Здесь, внизу, определялись размеры налогов, здесь приводился в порядок баланс торговли между провинциями, здесь готовились штаты для обслуживания дорог и парков, и вообще координировались все прочие функции

провинциального контроля. Валентин вовсе не был убежден, что единое правительство было возможно на таком большом мире, как Маджипур, но, по крайней мере, основные формы его существовали и, двигаясь через внутреннюю путаницу, он видел, что правительство Маджипура было занято не только торжественными шествиями и сонными посланиями. Могучее, скрытое чиновничество выполняло основную работу.

Он и сам был вовлечен в этот труд. Несколькими уровнями ниже Дома Знаний были квартиры для провинциальных чиновников, которые прибывали в Лабиринт по правительственным делам, и там он получил несколько скромных комнат, в которых оставался незамечаемым несколько следующих дней. Казалось, не было способа сдвинуться с этой точки. Как Коронал, он, конечно, имел право немедленного доступа к Понтифексу, но он не был Короналом в буквальном смысле, и утверждение этого могло вообще сделать невозможным дальнейшее продвижение.

После нескольких прощупываний памяти он узнал имена высших министров Понтифекса. Если с тех пор ничего не изменилось, у Тивераса было пятеро приближенных к нему чиновников.

Хорнкаст - его главный представитель, Дилифон - личный секретарь, хайрог Шинаам - министр внешних дел, Сепултров - министр науки и личный врач и Наррамер - толковательница снов; которая, как утверждали слухи, была могущественнее всех, и именно она выбрала Короналом сначала Вориакса, а затем Валентина.

Однако добраться до любого из этих пятерых оказалось так же трудно, как до самого Понтифекса. Подобно Тиверасу, они были упрятаны в глубинах, уединенные и недосягаемые. Умения Валентина в обращении с обручем его матери еще не хватало, чтобы связаться с неизвестным разумом на расстоянии.

Он быстро понял, что два меньших, но также важных чиновника выполняют роль охранников центральных уровней Лабиринта. Это были имперские мажордомы: су-сухерис Дондак-Саджамир и женщина Гитаморн Суул.

- Но эти двое,- сказал Слит, поговорив с содержателем общежития,- будут тянуть не меньше года. Они стараются как можно меньше иметь дела друг с другом, а чтобы увидеть верховных министров, вам нужно получить разрешение обоих.

Карабелла раздраженно фыркнула.

- Мы проведем остаток своих жизней, собирая

здесь пыль! Валентин, зачем вы вообще связались с Лабиринтом? Почему бы не отправиться прямо на Замковую Гору?

- Я думаю точно так же,- поддержал ее Слит.

Валентин покачал головой.

- Поддержка Понтифекса - это главное. Так сказала мне Леди, и я согласен с нею.

- Главное, для чего? - не унимался Слит.- Понтифекс спит глубоко под землей и ни о чем не знает. Может, у него есть армия, которую он даст вам взаймы? И вообще, существует ли он?

- У Понтифекса есть армия мелких клерков и чиновников,- мягко заметил Делиамбр,- и они могут быть полезны нам. Они, а не воины поддерживают равновесие сил в нашем мире.

Слита это не убедило.

- Я предлагаю поднять знамя звездного огня, трубить в трубы, бить в барабаны и идти через Алханроель, объявляя вас Короналом и извещая весь мир о поступке Доминина Барьязида. В каждом городе на своем пути вы встретитесь с людьми и своей искренностью, ну, может, с небольшой помощью обруча Леди, завоюете их поддержку. Когда вы подойдете к Замковой Горе, за вами будут маршировать десять миллионов человек, а Барьязид сдастся без боя!

- Заманчивая картина,- сказал Валентин,- но, думаю, следует заручиться поддержкой Понтифекса прежде, чем бросать открытый вызов. Я попробую встретиться с двумя этими мажордомами.

После обеда его проводили в штаб Дондак-Саджамира - неожиданно мрачную маленькую контору, упрятанную глубоко среди клетушек клерков. Более часа Валентин ждал в тесном вестибюле, пока его допустят к мажордому.

Валентин вовсе не был уверен, что знает су-сухерисов. Была ли одна голова Дондаком, а вторая - Саджамиром? Обращаться ли к обоим сразу или разговаривать только с той, которая говорит с ним? Нужно ли было переключать свое внимание с одной головы на другую во время разговора?

Дондак-Саджамир смотрел на Валентина, как будто с большой высоты. В напряженном молчании конторы четыре холодных зеленых глаза чужака бесстрастно изучали посетителя. Су-сухерис был стройным, высоким существом, безволосым и гладкокожим, без плеч, с палкообразной шеей, которая, как пьедестал, поднималась вверх на десять или двенадцать дюймов и разветвлялась, поддерживая две узкие, веретенообразные головы. Он держался с таким превосходством, что

можно было подумать, будто должность мажордома была гораздо важнее самого Понтифекса. Однако Валентин знал, что это просто-напросто особенность расы мажордома: су-сухерисы всегда казались высокомерными и презрительными.

Наконец левая голова Дондак-Саджамира сказала:

- Зачем вы пришли сюда?

- Чтобы получить аудиенцию у верховных министров Понтифекса.

- Это мало о чем говорит. С каким делом вы пришли к ним?

- Вопрос огромной важности, касающийся государства.

- Да?

- Вы, конечно, понимаете, что я не могу обсуждать его с кем попало.

Дондак-Саджамир бесконечно долго обдумывал этот вопрос, а когда заговорил, то сказал правой головой голосом, более глубоким, чем первый:

- Если я отниму время у верховных министров, мне придется плохо.

- Если препятствия, которые вы создаете для меня, помешают моему делу, вам будет не менее плохо.

- Угроза?

- Вовсе нет. Я могу только сказать, что последствия отказа от информации, которую я несу, будут очень серьезны для всех нас, и, конечно, министров будет мучить мысль, что вы были тем, кто задержал эту информацию.

- Не я один,- сказал су-сухерис.- Есть и второй мажордом, и, выдавая разрешения такого типа, мы должны действовать вместе. Вы еще не говорили с моим коллегой?

- Нет.

- Она безумна. Уже долгие месяцы она обдуманно сторонится сотрудничества со мной.- Сейчас Дондак-Саджамир говорил обеими головами одновременно, и эффект был отвратительный.- Даже если я дам свое согласие, она откажет. Вы никогда не сможете увидеть верховных министров.

- Но это невозможно! Нельзя ли как-то обойти ее?

- Это было бы противозаконно.

- Если она блокирует все законные дела, то...

Су-сухерис казался невозмутимым.

- Это будет на ее ответственности.

- Ну, нет! - сказал Валентин.- Вы разделите ее пополам! Вы не можете просто сказать, что нельзя идти вперед из-за ее нежелания сотрудничать.

На карту поставлено само существование правительства!

- Вы так думаете? - спросил Дондак-Саджамир.

Вопрос этот поставил Валентина в тупик. Касался ли он идеи угрозы королевству или же просто равной ответственности за задержку Валентина?

Помолчав, Валентин сказал:

- Что же вы предлагаете мне делать?

- Вернуться домой,- сказал мажордом,- и жить плодотворной жизнью, оставив проблемы правительства тем из нас, кому суждено бороться с ними.

7

Не лучше прошел разговор и с Гитаморн Суул. Второй мажордом был менее высокомерен, чем су-сухерис, но едва ли более него стремился к сотрудничеству.

Это была женщина лет на десять-двенадцать старше Валентина, высокая, темноволосая, и вокруг нее распространялась деловая атмосфера. Она вовсе не казалась безумной. На ее столе в конторе, гораздо более веселой и привлекательной, хотя едва ли большей, чем у Дондак-Саджамира, лежала папка, содержавшая просьбу Валентина. Она постучала по ней пальцами и сказала:

- Знаете, вы не сможете увидеть их.

- А можно узнать почему?

- Потому что их никто не видит.

- Никто?

- Никто снаружи. И ничего нельзя сделать.

- Из-за ваших трений с Дондак-Саджамиром?

Губы Гитаморн Суул презрительно скривились.

- Этот идиот! Но нет... даже если он сделает все, как надо, это еще не значит, что вы дойдете до министров. Они не хотят, чтобы их тревожили. У

них и так много дел. Вам известно, что Понтифекс стар и уделяет мало времени правительственным делам, а потому эта ноша ложится на их плечи? Вы понимаете?

- Я ДОЛЖЕН увидеть их,- сказал Валентин.

- Я не могу помочь вам. Их нельзя тревожить даже по самым важным причинам.

- Допустим,- медленно сказал Валентин,- что Коронал был свергнут и его место на Замковой Горе занял узурпатор.

Она сдернула маску и изумленно уставилась на него.

- И об этом вы хотите говорить с ними? Я аннулирую вашу просьбу.- Поднявшись, она сделала рукой быстрый изгоняющий жест.- У нас в Лабиринте уже достаточно сумасшедших, чтобы принимать здесь новых...

- Подождите,- сказал Валентин.

Он вошел в состояние транса, призвал всю силу обруча, отчаянно потянулся к ней своей душой, коснулся ее и захлестнул. В его планы не входило раскрывать себя перед этими чиновниками, но, казалось, не было другого способа заставить ее действовать. Он поддерживал контакт, пока не почувствовал головокружение и усталость, а затем разорвал его и торопливо вернулся к

полному сознанию. Она удивленно смотрела на него, ее щеки горели, глаза были дикими, грудь вздымалась от возбуждения. Прошло некоторое время, прежде чем она смогла говорить.

Наконец она сказала:

- Что это был за трюк?

- Это не трюк. Я - сын Леди, и она лично научила меня искусству посланий.

- Лорд Валентин - темноволосый мужчина.

- Он был им, но теперь нет.

- Вы хотите, чтобы я поверила...

- Пожалуйста,- сказал он, вкладывая в это слово всю силу своей души.- Пожалуйста, поверьте мне. Все зависит от моего рассказа о происшедшем Понтифексу.

Но ее подозрительность укоренилась глубоко. Гитаморн Суул не упала на колени и не выразила своего почтения знаком звездного огня, она просто недоумевала, склонная считать его поразительную историю правдой, но в то же время желая, чтобы он рассказывал ее какому-нибудь Другому чиновнику.

- Су-сухерис наложит запрет на все, что я предложу,- сказала она.

- Даже если я покажу ему то, что показал вам?

Она пожала плечами.

- Его упрямство легендарно. Даже ради спасения жизни Понтифекса он не примет ни одного моего совета.

- Но это же безумие!

- Именно так. Вы говорили с ним?

- Да,- сказал Валентин.- Он показался мне недружелюбным и надутым от гордости. Но не сумасшедшим.

- Пообщайтесь с ним побольше,- посоветовала Гитаморн Суул,- прежде чем составить о нем окончательное мнение.

- А что, если мы подделаем его согласие и я войду без его ведома?

Это ее шокировало.

- Вы хотите, чтобы я совершила преступление?

Валентин с трудом взял себя в руки.

- Преступление уже совершено,- сказал он низким ровным голосом.- Я - Коронал Маджипура, свергнутый изменниками, и ваша помощь жизненно важна для моей реставрации. Почему бы не отбросить все эти пустяковые правила? У меня есть власть простить вас за такое нарушение.- Он наклонился к ней.- Время уходит, на Замковой Горе живет узурпатор, а я мечусь взад-вперед между подчиненными Понтифекса вместо того, чтобы вести через Алханроель освободительную

армию. Дайте мне свое согласие и позвольте идти своим путем, а когда все станет на свои места, вы будете вознаграждены.

Ее глаза смотрели холодно и упрямо.

- Ваша история во многом зависит от моей веры. Что если все это ложь? Что если вы куплены Дондак-Саджамиром?

Валентин застонал.

- Я умоляю вас...

- Это вполне возможно. Что если это ловушка? Вы, ваша фантастическая история, что-то вроде гипноза - все для того, чтобы уничтожить меня, оставив су-сухериса одного, дав ему высшую власть, о которой он так давно мечтает...

- Я клянусь своей матерью Леди, что не лгу вам.

- Настоящий преступник может поклясться чьей угодно матерью. И что с того?

Валентин заколебался, потом дерзко устремился вперед, схватил Гитаморн Суул за руку и заглянул ей в глаза.

То, что он делал, было неприятно ему, но таким же неприятным было все, что делали с ним эти бюрократы. Пришло время для небольшого бесстыдства, или он никогда не выберется отсюда.

Глядя на нее в упор, он сказал:

- Даже если я куплен Дондак-Саджамиром, я никогда не предам такую красивую женщину, как вы.

Она презрительно посмотрела на него, но румянец снова заиграл на ее щеках.

А Валентин продолжал:

- Поверьте мне. Я - Лорд Валентин, и после моего возвращения вы станете героем. Я знаю, чего вы хотите больше всего на свете, и вы получите это, когда я вновь обрету Замок.

- Вы знаете это?

- Да,- мягко прошептал он, поглаживая ее руки, которые теперь безвольно лежали в его ладонях.- Иметь полную власть над внутренним Лабиринтом, разве не так? Быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как будто во сне.

- Это будет сделано,- сказал он.- Объединитесь со мной, и Дондак-Саджамир будет лишен своего поста за то, что создавал препятствия для меня. Вы сделаете это? Поможете мне добраться до верховных министров?

- Это будет... трудно...

- Но это можно сделать! Все можно сделать! И когда я снова стану Короналом, су-сухерис потеряет свой пост! Я обещаю вам это!

- Поклянитесь!

- Клянусь,- страстно сказал Валентин, чувствуя себя грязным и развратным.- Я клянусь именем своей матери, всем, что есть святого. Вы согласны?

- Согласна,- сказала она, еще слегка колеблясь.- Но как это будет сделано? Вам нужны две подписи на пропуске, и если на нем будет моя, он откажется поставить свою.

- Выпишите для меня пропуск и подпишите его. Я пойду с ним к су-сухерису и постараюсь убедить его поставить вторую подпись.

- Этого он не сделает.

- Позвольте мне попробовать. Я могу хорошо убеждать. Если я получу его подпись, то смогу войти во внутренний Лабиринт и добиться своего. Когда я выйду обратно, у меня будет власть Коронала, и, обещаю вам, Дондак-Саджамир будет снят со своего поста.

- Но как вы получите его подпись? Он откладывает подписание документов на месяцы!

- Предоставьте это мне,- сказал Валентин.

Она взяла со стола темно-зеленый кубик из гладкого блестящего материала и ненадолго сунула его в машину, которая выбросила его уже ярко-желтым, как будто раскаленным. Когда она

повернула его, поверхность кубика засверкала ярче.

- Вот, это ваш пропуск. Но предупреждаю, что без второй подписи он ничего не стоит.

- Я получу ее,- сказал Валентин и вернулся к Дондак-Саджамиру. Су-сухерис был недоволен, увидев его снова, но Валентин был настойчив.

- Я понял теперь вашу ненависть к Гитаморн Суул,- сказал он.

Дондак-Саджамир холодно улыбнулся.

- Разве она не ненавистна? Полагаю, она отказала в вашей просьбе?

- О, нет,- ответил Валентин, вынимая из-под плаща кубик и ставя его перед мажордомом.- Она дала его мне, зная, что вы откажете и ее разрешение не будет ничего стоить. Но был другой отказ, который глубоко задел меня.

- И что же это было?

Валентин спокойно сказал:

- Может, для вас это покажется глупо или даже отвратительно, но я был совершенно покорен ее красотой. Нужно сказать вам, что для человеческого глаза эта женщина чрезвычайно привлекательна и имеет эротическую силу, которая... впрочем это неважно. Я чувствовал себя перед ней странно смущенным, был полностью

открыт и уязвим. А она грубо высмеяла меня. Она обошлась со мной презрительно, и это было подобно клинку, поразившему меня. Можете ли вы представить, что она может быть такой безжалостной, такой презрительной по отношению к страннику, который только почувствовал к ней более теплые и глубокие чувства?

- Ее красота ускользнула от меня,- сказал Дондак-Саджамир.- Но я достаточно хорошо знаю ее холодность и высокомерие.

- Теперь я разделяю вашу ненависть к ней,- сказал Валентин.- Если хотите, я к вашим услугам, и мы можем работать вместе, чтобы уничтожить ее.

Дондак-Саджамир задумчиво сказал:

- Да, это было бы приятно, устроить ее падение. Но как?

Валентин постучал по кубику, лежавшему на столе мажордома.

- Добавьте к этому пропуску вашу подпись, и я смогу войти во внутренний Лабиринт. Когда я окажусь там, вы обратитесь с официальным запросом об обстоятельствах, при которых я туда попал, поскольку вы не давали мне такого разрешения. Когда я вернусь от Понтифекса, вы призовете меня в свидетели, и я скажу, что вы

отклонили мою просьбу, и я получил пропуск уже полностью готовый от Гитаморн Суул, не подозревая, что он может быть подделан кем-то, желающим, чтобы ваша злость обрушилась на меня. Вашего обвинения в подлоге вместе с моим свидетельством, что вы отклонили мою просьбу, будет достаточно, чтобы свалить ее. Ну как?

- Великолепный план,- ответил Дондак-Саджамир.- Я сам не придумал бы ничего лучше!

Су-сухерис сунул кубик в машину, которая придала ему яркий розовый цвет, наложившийся на желтый цвет Гитаморн Суул. Теперь пропуск был действителен. Все эти интриги, подумал Валентин, требуют такого же напряжения, как путешествие по самому Лабиринту. Однако все было сделано и сделано успешно. Сейчас пусть эти двое плетут заговоры друг против друга, как хотели, пока он беспрепятственно доберется до министров Понтифекса. Они будут разочарованы тем, как он исполнит свои обещания, ведь он собирался, если сможет, устранить от власти обоих ссорящихся соперников. Он не собирался разыгрывать святого с теми, чьей главной обязанностью в правительстве было мешать другим.

Валентин взял кубик у Дондак-Саджамира и склонил голову, благодаря.

- Возможно, вы получите всю власть и уважение, которого заслуживаете,- елейно сказал он и вышел.

8

Охранники внутреннего Лабиринта были удивлены тем, что кто-то снаружи сумел проникнуть в их владения. Но поскольку они подчинялись кубику-пропуску, то, внимательно изучив его, неохотно поверили, что все законно, и пропустили Валентина и его спутников вперед.

Узкая машина с задранным носом бесшумно и быстро повезла их вниз по проходу, во внутреннее пространство. Замаскированные чиновники, сопровождавшие их, казалось, вовсе не управляли ей, да это и было нелегкой задачей, поскольку на этих уровнях Лабиринт разветвлялся и петлял, извивался и поворачивал из стороны в сторону. Любой пришелец быстро оказался бы в беспомощном состоянии среди этих тысяч поворотов, изгибов и углов. Впрочем, машина двигалась над закрытой ведущей дорожкой, которая контролировала ее движение, спускаясь все глубже и глубже в недра земли.

На каждом контрольном пункте Валентина допрашивали недоверчивые служащие, неспособные воспринять факт, что человек снаружи пришел поговорить с министрами Понтифекса.

Их бесконечные вопросы были утомительны, но тщетны. Валентин размахивал перед ними своим пропуском-кубиком так, словно это была волшебная палочка.

- Я иду с делом величайшей важности,- говорил он снова и снова,- и буду разговаривать только с высшими членами двора Понтифекса.

Вооружившись всем своим достоинством и благородством, Валентин отметал любые возражения и попытки уклониться.

- Вам будет плохо,- предупреждал он,- если вы не пустите меня дальше.

Наконец - ему казалось, что прошли сотни лет с тех пор, как он попал в Лабиринт через Вход Клинков - он оказался перед Шинаамом, Дилифоном и Наррамер, тремя из пяти верховных министров Понтифекса. Они приняли его в мрачной, холодной и сырой комнате, сделанной из огромных блоков черного камня, с высоким сводчатым потолком. Это было тяжелое, гнетущее место, более подходящее для темницы, чем для комнаты совета. Войдя в нее, Валентин почувствовал всю тяжесть Лабиринта, давящего на него. Где-то далеко вверху было сияющее солнце, воздух был свеж и прохладен, а с юга дул легкий ветерок, принося аромат алабандинов, элдиро-

нов и танигалов. А он был здесь, погребенный под гигантской земляной насыпью и милями извилистых проходов, в королевстве вечной ночи. Путешествие вниз и внутрь Лабиринта сделало его возбужденным, как будто он не спал неделями.

Он коснулся рукой Делиамбра, и вроон передал ему трепетный заряд энергии, чтобы поддержать его слабеющие силы. Он взглянул на Карабеллу, и та улыбнулась и послала ему поцелуй; посмотрел на Слита, который кивнул и мрачно усмехнулся; перевел взгляд на Залзана Кавола, который, чтобы поддержать его, сделал быстрое движение, будто жонглировал всеми четырьмя руками. Его спутники, его друзья, его оплот в этом долгом и удивительном путешествии.

Потом Валентин посмотрел на министров.

Без масок, они сидели бок о бок на стульях настолько величественных, что могли бы быть тронами. В центре сидел Шинаам, министр внешних дел, хайрог, похожий на рептилию, с холодными безвекими глазами, деловито выскакивающим красным раздвоенным языком и грубыми извивающимися волосами. Справа от него был Дилифон, личный серетарь Тивераса, хрупкая и разноцветная фигура с волосами бе-

лыми, как у Слита, кожей опаленной и увядшей, глазами, сверкающими, как агаты на этом древнем лице. По другую сторону от хайрога была Наррамер, имперская толковательница снов, стройная и элегантная женщина едва ли древнего возраста, хотя ее сотрудничество с Тиверасом продолжалось еще с тех пор, как тот был Короналом. Казалось, что она всего лишь средних лет. Ее кожа была гладкой и без морщин, каштановые волосы - блестящими и густыми. Только слабое загадочное выражение ее глаз давало Валентину намек на мудрость, опыт и объединенную силу многих десятилетий, таившихся в ней. Какое-то колдовство, решил он.

- Мы прочли вашу петицию,- сказал Шинаам. Его голос был глубоким и раскатистым, с едва заметным шипением.- История, которую вы принесли, превосходит нашу доверчивость.

- Вы говорили с Леди, моей матерью?

- Да, мы говорили с Леди,- холодно ответил хайрог.- Она признала вас своим сыном.

- Она призвала нас сотрудничать с вами,- сказал Делифон резким, скрипучим голосом.

- В посланиях она предстала перед нами,- сказала музыкальным голосом Наррамер,- и просила оказать вам помощь, какая вам требуется.

- Так в чем же дело? - спросил Валентин.

- Есть предположение, что Леди была обманута,- сказала Наррамер.

- Вы думаете, что я самозванец?

- Вы просите нас поверить,- сказал хайрог,- что Коронал Маджипура в бессознательном состоянии был захвачен сыном Короля Снов и выселен из своего собственного тела, что он был лишен своих воспоминаний и помещен в другое тело, которое оказалось под рукой, что узурпатор был успешно переселен в пустую оболочку Коронала и навязал ей свое сознание. Мы считаем, что поверить в это довольно трудно.

- Существует возможность пересадки тел из одного разума в другой,- сказал Валентин.- И это был прецедент.

- Прецедента не было,- сказал Дилифон,- поскольку Коронала не перемещали подобным образом.

- И все же это произошло,- ответил Валентин.- Я, Лорд Валентин, восстановил свою память с помощью Леди и хочу обратиться к Понтифексу с просьбой вернуть мне обязанности, возложенные на меня после смерти брата.

- Да,- сказал Шинаам,- если вы тот, кем себя называете, то должны вернуться на Замковую

Гору. Но откуда мы можем знать это? Это очень серьезный вопрос, предвещающий гражданскую войну. Можем ли мы советовать Понтифексу погрузить мир в агонию на основании утверждения некоего молодого странника, который...

- Я уже доказал свою подлинность своей матери,- напомнил Валентин.- Мой разум открылся перед ней на Острове, и она увидела, кто я такой.- Он коснулся серебряного обруча на своем лбу.- Как по-вашему, где я взял это? Она собственноручно вручила его мне, когда мы стояли во Внутреннем Храме.

Шинаам тихо сказал:

- То, что Леди признала вас сыном и поддерживает, несомненно.

- Вы оспариваете ее мнение?

- Нам нужно более глубокое подтверждение ваших слов,- сказала Наррамер.

- Тогда позвольте мне здесь и сейчас отправить послание, чтобы я мог доказать, что говорю правду.

- Как вам угодно,- сказал Дилифон.

Валентин закрыл глаза и позволил состоянию транса овладеть собой, а затем от него со страстью и убедительностью пошел поток энергии, так же как тогда, когда в мрачной пустыне за Треймо-

ном нужно было завоевать доверие Насцимонте, когда он поколебал невозмутимость трех чиновников у входа в Дом Записей и когда раскрыл себя перед мажордомом Гитаморн Суул. Сейчас он делал то же, что когда-то проделал с ними.

Однако сейчас он чувствовал, что не может преодолеть непроницаемый скептицизм министров Понтифекса.

Разум хайрога был вообще темен для него и походил на недосягаемую стену, возвышавшуюся, как белые скалы Острова Сна. Валентин почувствовал только туманное ускользающее сознание, защищенное хайрогом, но не смог пробиться к нему, хотя пытался изо всех сил. Разум старого съеженного Дилифона был таким же слабым, но не потому, что он защищал его, а потому, что казался пористым, как пчелиные соты, и нисколько не сопротивлялся. Валентин прошел сквозь него, как воздух проходит сквозь воздух, не встретив ничего осязаемого. И только с разумом Наррамер Валентин почувствовал контакт, но он тоже был плохим. Она, казалось, пила из его души, поглощая все, что он давал, и это терялось в бездонных пещерах ее бытия, так что он мог посылать и посылать и никогда не дойти до центра ее сознания.

Наконец он перестал отдавать и с неистовой силой швырнул вперед всю полноту своей души, провозглашая себя Лордом Валентином с Замковой Горы и пытаясь доказать это им. Он устремился в глубины своей памяти, вспомнил свою мать, своего брата-короля, полученное воспитание, похищение в Тил-омоне и путешествие по Цимроелю - все, что можно было облечь в какую-то форму. Он раскрылся перед ними целиком, без остатка, пока не почувствовал, что больше не может, пока не закачался от истощения и беспомощно повис между Слитом и Карабеллой.

Затем он вышел из состояния транса, боясь, что так ничего и не достиг.

Он весь дрожал от усталости, и пот покрывал его тело. Взгляд его был туманным, а виски раскалывались от боли. Закрыв глаза и глубоко втягивая воздух в легкие, Валентин постарался собраться с силами. Затем взглянул на трех министров.

Их лица были мрачны и угрюмы, глаза холодны и неподвижны, а чувства презрительны и даже враждебны. Валентин испугался. Может, эти трое сотрудничали с самим Доминином Барьязидом и он умолял своих врагов?

Но нет, это невозможно, это просто разыгрался его истощенный разум, в отчаянии сказал он себе. Он не мог поверить, что заговор против него дошел даже до Лабиринта.

Хриплым голосом он сказал:

- Ну, что вы скажете теперь?

- Я не почувствовал ничего,- сказал Шинаам.

- Меня это не убедило,- сказал Дилифон.- Любой колдун может отправить послания такого типа. Ваша искренность и страстность могут быть притворными.

- Верно,- сказала Наррамер.- С посланиями может прийти и ложь, и правда.

- Нет! - крикнул Валентин.- Я полностью открылся перед вами, и вы не могли не увидеть...

- И все же не до конца,- сказала Нарример.

- Чего же вы хотите?

- Давайте проведем сонный разговор - вы и я. Здесь, сейчас, в этой комнате, перед этими людьми. Пусть наши разумы станут одним. А потом я оценю правдоподобие вашей истории. Согласны? Выпьете вы со мной вина с наркотиком?

Валентин встревоженно взглянул на своих спутников и увидел тревогу, отразившуюся на лицах у всех, кроме Делиамбра, выражение которого было таким же вежливым и нейтральным,

как будто он находился где-то в другом месте. Рискнуть на испытание? Наркотик повергнет его в беспамятство, сделает кристально прозрачным и уязвимым. Если эти трое в союзе с Барьязидом и хотят воспользоваться его беспомощностью, лучшего случая не найти. Это был не какой-нибудь деревенский толкователь, предложивший войти в его разум, это был толкователь самого Понтифекса, женщина, по крайней мере, столетнего возраста, коварная и могущественная, наверняка настоящий мастер Лабиринта, контролирующая всех, включая самого Тивераса. Делиамбр изо всех сил старался не дать ему ключ к разгадке. Решение полностью зависело от него самого.

- Хорошо,- сказал он, глядя прямо на нее.- Если другого выхода нет, пусть будет разговор. Здесь. Сейчас.

9

Они, похоже, подготовились к этому. По сигналу помощники принесли все нужное для разговора: толстый ковер яркой расцветки, темно-золотистый по краям, а в центре зеленый с пурпурным, высокий тонкий графин из полированного белого камня и две изящные фарфоровые чашки. Наррамер спустилась вниз со своего высокого стула и лично налила сонного вина, предложив Валентину первую чашку.

Он на мгновение задержался, прежде чем выпить ее. В Тил-омоне он принял вино из рук Доминина Барьязида, и все изменилось с одним-единственным глотком. Мог ли он сейчас выпить это вино, не опасаясь последствий? Кто знал, какие новые чары подготовлены для него? Где он придет в себя и в насколько измененном виде?

Наррамер молча ждала. Глаза толковательницы снов были непроницаемы и таинственны, а взгляд пронзал насквозь. Она двусмысленно улыбнулась: Валентин не мог сказать - было ли это ободрением или поддержкой. Он поднял чашку в коротком салюте и приложил ее к губам.

Действие вина было мгновенным и неожи-

данно сильным. Валентин покачнулся. Паутина тумана закрыла его разум. Вино было гораздо сильнее того, что давала ему Тисана в Фалкинкипе - может быть, особый сонный напиток Наррамер? Или он просто был более впечатлителен сейчас и устал, как всегда после пользования обручем? Глаза его, которые было уже невозможно сфокусировать, видели Наррамер, допивающую свое вино, передающую пустую чашку помощнику и быстро выскальзывающую из своей мантии. Ее нагое тело было гибким, гладким, юношеским - плоский живот, стройные бедра, высокие округлые груди. Колдовство, подумал он. Да, колдовство. Ее кожа была глубокого коричневого цвета, а почти черные соски смотрели на него как невидящие глаза.

Валентин был уже слишком отуманен наркотиком, чтобы раздеться самому. Руки его друзей расстегнули застежки одежды, он почувствовал холодный воздух вокруг себя и понял, что тоже обнажен.

Наррамер поманила его к сонному ковру.

На подгибающихся ногах Валентин подошел к ней, и она увлекла его вниз. Он закрыл глаза, представляя, что рядом с ним Карабелла, но Наррамер ни в чем не была похожа на нее. Ее объятия

были сухи и холодны, ее плоть - твердая и совсем не упругая. В ней не было ни тепла, ни трепета, а юношеский вид был всего лишь хитрой поддел-кой. Лежать в ее объятиях было все равно, что лежать на кровати из гладкого холодного камня.

Всепоглощающая волна темноты поднялась над Валентином, затягивая его все глубже в густую и теплую маслянистую жидкость, и он почувствовал, что погружается в нее; и ему было приятно чувствовать ее вокруг своих ног, рук, всего тела.

Это было очень похоже на то, что произошло после того, как морской дракон разнес корабль Горзвала. Валентина словно затягивал какой-то водоворот, и поддаться ему было гораздо проще, чем бороться. Прекратить сопротивление, рас-слабиться, принять все, что должно случиться, и позволить утащить себя было очень соблазни-тельно. Он очень долго боролся, устал и сейчас мог отдохнуть и позволить черному приливу захлестнуть его. Позволить другим доблестно сра-жаться за честь, власть и шумные приветствия. Пусть другие...

Но нет. Это было то, чего они хотели: поймать его в ловушку его собственной усталости. Он был слишком доверчив и простодушен, он выпил с

врагом, не зная об этом, был уничтожен и будет уничтожен снова, если сейчас не будет бороться. Сейчас было не время ускользать в теплый темный омут.

И тогда он поплыл. Поначалу это было трудно, омут был глубок, и темная жидкость, вязкая и тяжелая, хватала его за руки. Однако после нескольких взмахов Валентин нашел способ сделать свое тело более угловатым, чтобы оно лезвием рассекало темноту. Он двигался все быстрее и быстрее, руки и ноги его ходили согласованно, как поршни. Омут, который недавно искушал его забвением, теперь помогал ему, быстро неся к далекому берегу. Солнце - яркий и огромный пурпурно-желтый шар - посылало ослепительные лучи, прокладывая по морю огненную дорожку.

- Валентин! - Голос был глубокий, грохочущий, как гром, и незнакомый.

- Валентин, зачем вы плывете так упорно?

- Чтобы достичь берега.

- Но зачем делать это?

Валентин пожал плечами и продолжал плыть. Он видел остров, широкий белый берег, лес высоких стройных деревьев за ним и лианы, соединявшие их кроны в плотный и густой навес. Однако, сколько бы он ни плыл, берег не при-

ближался.

- Видите? - сказал громовой голос.- Нет смысла бороться!

- Кто вы? - спросил Валентин.

- Я - Лорд Спурифон,- донесся величественный ответ.

- Кто?

- Лорд Спурифон, Коронал, преемник Лорда Скаула, нынешнего Понтифекса, и я говорю вам оставить это глупое занятие. Куда вы надеетесь попасть?

- На Замковую Гору,- ответил Валентин, продолжая плыть.

- Но Коронал - Я!

- Никогда... не слышал... о вас...

Лорд Спурифон издал пронзительный скрипучий звук. Гладкая маслянистая поверхность моря покрылась рябью, затем ее прорезали морщины, как будто миллион игл вонзились в нее снизу. Валентин рванулся вперед, не пытаясь больше быть угловатым, а скорее превратившись во что-то тупое и упрямое, в бревно с руками, пробивавшееся сквозь завихрения.

Теперь берег был совсем рядом. Он опустил свои ноги и почувствовал внизу песок, горячий, корчащийся, извивающийся песок, который убе-

гал от него каждый раз, как он касался его, бредя к берегу, но все же он сумел достичь суши. Выбравшись на берег, он на мгновение опустился на колени, а когда поднял голову, на него изучающе смотрели встревоженные голубые глаза высокого бледного мужчины.

- Я - Лорд Хунзимер,- мягко сказал он.- Коронал из Короналов, которого никогда не забудут. А это мои бессмертные соратники.- Он махнул рукой, и берег заполнили люди, похожие на него: незначительные, неуверенные в себе, никакие.- Это - Лорд Стручн,- объявил Лорд Хунзимер,- а это - Лорд Пранкипин, Лорд Мейк, Лорд Скаул и Лорд Спурифон - Короналы великие и могущественные. На колени перед ними!!

Валентин рассмеялся.

- Все вы совершенно забыты!

- Нет! Нет!

- Как вы пищите! - Он указал на последнего в ряду.- Вы - Спурифон! Никто не помнит вас.

- ЛОРД Спурифон, если не трудно.

- А вы - Лорд Скаул. Три тысячи лет совершенно затерли вашу славу.

- Тут вы ошиблись. Мое имя начертано в списке Владык.

Валентин пожал плечами.

- Пусть так, но какое это имеет значение? Лорд Пранкипин, Лорд Мейк, Лорд Хунзимер, Лорд Струин... ничего, кроме имен... ничего... кроме... имен...

- Ничего... кроме... имен...- отозвались они высокими плачущими голосами и начали уменьшаться, пронзительно вереща при этом, пока не стали высотой с дроле - маленькие, суетящиеся фигурки, жалко бегавшие вокруг, крича свои имена. Потом они исчезли и на их месте остались маленькие белые сферы, не больше, чем мячи для жонглирования, а когда Валентин нагнулся, чтобы осмотреть их, то понял, что это черепа. Собрав, он весело подбросил их в воздух, поймал, когда они стали падать, и подбросил снова, устроив из них сверкающий каскад. Их челюсти щелкали и болтались, пока они взлетали и падали. Валентин усмехнулся. Сколькими он может жонглировать одновременно? Спурифон, Струин, Хунзимер, Мейк, Пранкипин, Скаул - это всего лишь шесть, а Короналов были сотни, один на каждые десять, одиннадцать или двенадцать лет за прошедшие одиннадцать тысячелетий или около того. Он должен жонглировать ими всеми. Прямо из воздуха он начал извлекать других, более великих - Конфалума, Престимиона, Стиамота, Деккерета,

Пинитора, дюжины, сотни - заполнив ими воздух, бросая и ловя, бросая и ловя. Никогда со времени первых поселений не было на Маджипуре такого жонглерского искусства! Впрочем, он недолго подбрасывал черепа: они стали сверкающими многогранными диадемами, шарами, тысячами шаров, отбрасывающими мерцающий свет во всех направлениях. Он жонглировал ими безукоризненно, зная каждого Владыку, которого они представляли, и держа их на высоте, и растягивая в воздухе так, что они образовали огромную перевернутую пирамиду светловолосому улыбающемуся мужчине, который стоял, прочно упершись ногами в теплый песок этого золотого берега. Вся история мира была у него в руках, и он запускал ее в полет.

Потом ослепительные диадемы образовали вверху символ звездного огня.

Продолжая жонглировать, Валентин направился в глубь суши, поднимаясь по дюнам к плотной стене леса. Деревья расступились при его приближении, отклоняясь влево и вправо, освобождая мощенную ярко-красным дорогу, ведущую в неизвестные просторы острова. Он посмотрел вперед и увидел перед собой предгорья, низкие серые холмы, которые медленно поднимались,

становясь крутыми гранитными стенами, за которыми виднелись зазубренные пики, грозные остроконечные вершины, тянувшиеся к сердцу континента. И на самом высоком пике, вершине такой высокой, что воздух вокруг нее мерцал бледным сиянием, какое бывает только в снах, раскинулись стены Замка. Валентин шел к нему, продолжая жонглировать, а навстречу ему попадались улыбающиеся, кланяющиеся, машущие руками фигуры. Там был Лорд Вориакс, его мать, Леди, и высокая торжественная фигура Понтифекса Тивераса, все сердечно приветствующие его, и Валентин возвращал им приветствия, не роняя диадем и не нарушая узора своего жонглирования. Сейчас он был уже в предгорьях и безо всяких усилий двигался вперед с растущей вокруг него толпой. Там были Карабелла и Слит, держащиеся за руки, Залзан Кавол и вся группа жонглирующих скандаров, великанша Лизамон Хултин и Кун с Кианимота, Шанамир, Виноркис, Горзвал, Лоривайд, Асенхарт и сотни других - хьорты, хайроги, лиимены и врооны, торговцы, фермеры, рыбаки, акробаты, музыканты, орда танцующих метаморфов, фаланга капитанов кораблей-драконов, весело размахивающих гарпунами, группа лесных братьев, прыгающих с

дерева на дерево вдоль лесной тропы - все веселые, смеющиеся, прыгающие и идущие за ним к Замку. Замку Лорда Малибора, Замку Лорда Спурифона, Замку Лорда Конфалума, Замку Лорда Стиамота, Замку Лорда Валентина...

- Замок Лорда Валентина...

Он был уже почти рядом с ним. Горная дорога вела прямо к нему, и, хотя густой туман как шерсть висел низко над дорогой, Валентин шел вперед все быстрее, продолжая жонглировать сотнями сверкающих безделушек. Потом прямо перед собой он увидел три огромных столба огня, которые, когда он подошел ближе, обрели лица: поперек дороги стояли Шинаам, Дилифон и Наррамер.

В один голос они спросили:

- Куда вы идете?

- В Замок.

- Чей Замок?

- Замок Лорда Валентина.

- А кто вы такой?

- Спросите у них,- сказал Валентин, указывая на танцующих за ним.- Пусть они назовут вам мое имя!

- Лорд Валентин! - крикнул Шанамир, первым узнавший его.

- Это Лорд Валентин! - закричали Слит, Карабелла и Залзан Кавол.

- Лорд Валентин, Коронал! - крикнули метаморфы, капитаны кораблей-драконов и лесные братья.

- Это правда? - спросили министры Понтифекса.

- Я - Лорд Валентин,- мягко сказал Валентин и подбросил тысячи диадем высоко вверх. Они поднимались, пока не исчезли из виду в темноте между мирами, а потом стали медленно возвращаться из этой темноты, мерцая и поблескивая, подобно снежинкам на склонах северных гор, и когда они коснулись фигур Шинаама, Дилифона и Наррамер, трое министров исчезли, оставив вместо себя серебряное сияние, а ворота Замка открылись.

10

Валентин проснулся.

Обнаженной кожей он чувствовал шерсть ковра и видел арки мрачного каменного потолка высоко вверху. На мгновение мир снов ярко вспыхнул в его памяти, и он захотел вернуться в него, не желая находиться в этом месте с затхлым воздухом и темными углами. Затем он сел и осмотрелся, прогоняя туман из своей головы.

Валентин увидел своих спутников: Слита, Карабеллу, Делиамбра, Залзана Кавола и Асенхарта, напряженно и боязливо толпившихся у дальней стены.

Тогда он повернулся в другую сторону, ожидая увидеть трех министров Понтифекса, сидящих на тронах. И действительно, они были там, но теперь в комнату внесли еще два величественных стула и перед ним были уже пять сидящих фигур. Наррамер, уже в мантии, сидела слева, рядом с ней был Дилифон. В центре группы находился круглолицый мужчина с тупым широким носом и темными торжественными глазами, которого Валентин после минутного размышления определил как Хорнкаста, главного представителя

Понтифекса. За ним сидел Шинаам, а на самом правом стуле находился неизвестный Валентину человек: странный, тонкогубый и серокожий мужчина. Все пятеро сурово смотрели на него, как будто были судьями тайного двора, собравшимися, чтобы вынести вердикт о запоздалом возмездии.

Валентин встал, не делая попыток вернуть себе одежду. То, что он стоял нагим перед этим трибуналом, казалось ему каким-то предназначением.

- Ваш разум чист? - спросила Наррамер.

- Думаю, да.

- Вы спали больше часа после окончания нашего сна, и мы ждали вас.- Она указала на серокожего мужчину на дальней стороне группы и сказала: - Это Сепултров, врач Понтифекса.

- Так я и думал,- сказал Валентин.

- А этого мужчину,- она указала на фигуру в центре,- я думаю, вы уже знаете.

Валентин кивнул.

- Да, это Хорнкаст. Мы встречались.- И тут значение слов Наррамер дошло до него. Он широко улыбнулся и сказал: - Мы встречались, но тогда я был в другом теле. Вы признали мое требование?

- Да, мы признали его, Лорд Валентин,- мелодично сказал Хорнкаст.- Странные вещи творятся

в этом мире, но они случились, и от этого никуда не денешься. Вот ваша одежда. Вряд ли пристало идти к Понтифексу обнаженным.

Хорнкаст возглавил процессию в имперский тронный зал. Наррамер и Дилифон шли за ним, Валентин между ними, а Сепултров и Шинаам замыкали шествие. Спутникам Валентина войти не разрешили.

Они шли по узкому, с высоким сводчатым потолком туннелю из мерцающего зеленоватого стеклянистого вещества, в глубине которого мелькали и вспыхивали искаженные отражения. Туннель шел по кругу, извиваясь спиралью и постепенно опускаясь вниз. Через каждые пятьдесят шагов находились бронзовые двери, перегораживавшие туннель, и у каждой Харнкаст касался пальцем скрытой панели, после чего дверь бесшумно ускользала в сторону, пропуская их в следующий сегмент коридора. Наконец они дошли до двери, богато украшенной символами Лабиринта, гравированными на золоте, и монограммами Тивераса, наложенными на них. Валентин понял, что находится в самом сердце Лабиринта, его глубочайшей и центральной точке. Когда эта последняя дверь скользнула в сторону после прикосновения Хорнкаста, откры-

лась огромная светлая комната сферической формы со стенами из стекла, в которой на троне сидел Понтифекс Маджипура.

Валентин видел Понтифекса Тивераса пять раз. Впервые это было, когда Валентин был ребенком, а Понтифекс приехал на Замковую Гору, чтобы присутствовать на свадьбе Лорда Малибора, затем годы спустя на коронации Лорда Вориакса, еще через несколько лет - на его свадьбе, в четвертый раз - когда Валентин посетил Лабиринт как посол своего брата, а последняя встреча была, когда Тиверас присутствовал на коронации самого Валентина. Понтифекс был стар уже во время первой встречи - очень высокий, огромный, страшновато выглядевший мужчина с резкими угловатыми чертами, с бородой, черной как ночь, и глубоко сидящими печальными глазами, а когда Валентин подрос, эти черты стали еще более заметны, так что старик выглядел ужасно - чопорный, медленно двигающийся старый высохший мужчина. Но все-таки он был постоянно настороже, довольно энергичен и окружен ореолом власти и величия. Но сейчас...

Сейчас...

Трон, на котором сидел Тиверас, был тем же, который он занимал во время первого визита

Валентина в Лабиринт - роскошное золотое сиденье с высокой спинкой, к которому вели три низкие широкие ступени - но сейчас он был целиком заключен в сферу из слегка подкрашенного голубого стекла, в которую входили многочисленные жизнеобеспечивающие трубки, образующие сложный, почти сплошной кокон. Эти прозрачные трубопроводы с пузырящимися разноцветными жидкостями, эти счетчики и циферблаты, эта масса датчиков, размещенных на щеках и лбу Понтифекса, эти провода и узлы, соединения и зажимы создавали жуткое и пугающее зрелище, поскольку ясно говорили, что жизнь Понтифекса таится не в нем, а в машинах, окружающих его.

- Как долго он находится в этом? - спросил Валентин.

- Система создавалась двадцать лет,- с явной гордостью сказал врач Сепултров,- но только последние два года мы постоянно держим его в ней.

- Он в сознании?

- О да, определенно в сознании! - ответил Сепултров.- Подойдите ближе и взгляните на него.

Валентин пошел вперед, пока не оказался у подножия трона, глядя на страшного старика

внутри стеклянного пузыря. Да, он видел огонь, еще горящий в глазах Тивераса, видел решительно сомкнутые губы. Кожа на черепе Понтифекса была сейчас похожа на пергамент, а длинная борода, хотя по-прежнему странно черная, стала редкой и узкой.

Валентин взглянул на Хорнкаста.

- Он узнает людей? Может он говорить?

- Конечно. Подождите минутку.

Взгляд Валентина встретился со взглядом Тивераса. Воцарилось молчание. Старик нахмурился, слегка пошевелился и быстро провел языком по губам.

Затем все услышали неразборчивый дрожащий звук, что-то вроде скулящего стона, медленного и странного.

- Понтифекс приветствует своего возлюбленного сына Лорда Валентина, Коронала,- сказал Хорнкаст.

Валентин подавил содрогание.

- Скажите его величеству... скажите ему, что его сын Лорд Валентин, Коронал, пришел к нему с любовью и уважением, как всегда.

Таков был обычай: никто не мог обращаться прямо к Понтифексу, и все, что говорилось, должен был повторять его главный представитель,

хотя, как правило, он этого не делал.

Понтифекс заговорил снова, так же непонятно, как раньше.

- Понтифекс выражает свой интерес к беспорядкам, происходящим в королевстве. Он спрашивает, что планирует Лорд Валентин, Коронал, для возвращения прежнего порядка вещей?

- Скажите Понтифексу,- сказал Валентин,- что я собираюсь отправиться к Замковой Горе, призывая всех граждан выразить мне свою верность. Я прошу его издать директиву, клеймящую Доминина Барьязида как узурпатора, и разоблачающую всех, кто поддерживает его.

На этот раз от Понтифекса пришел более живой звук - острый, высокий и энергичный.

- Понтифекс хочет гарантий, что вы будете избегать сражений и уничтожения жизней, насколько это возможно,- перевел Хорнкаст.

- Скажите ему, что я хочу вернуться на Замковую Гору безо всяких потерь с какой бы то ни было стороны. Но я не знаю, достижимо ли это.

Странный, булькающий звук. Хорнкаст удивленно пожал плечами. Он стоял, вытянув голову вперед и напряженно вслушиваясь.

- Что он сказал? - прошептал Валентин.

Главный представитель покачал головой.

- Не все из того, что говорит его величество, можно перевести. Порой он блуждает в сферах, слишком далеких от нашего понимания.

Валентин кивнул, с жалостью и даже любовью глядя на гротескного старика, заключенного в стеклянный шар, который поддерживал его жизнь, и способного разговаривать только этими стонущими звуками. Более чем столетний верховный правитель мира теперь нес чепуху и лепетал как ребенок, и все же где-то внутри этого разлагающегося мозга еще жил разум Тивераса, заключенный в разрушающуюся плоть. Только увидев его сейчас, можно было понять неизбежную бессмысленность высшего ранга королевства: Коронал жил в мире действий и моральной ответственности только для того, чтобы унаследовать Понтификат, исчезнуть в Лабиринте и сойти с ума от старости. Валентин задумался, как часто Понтифекс становился пленником своего представителя, своего врача и своего толкователя снов. Теперь он понимал, почему система разделяла исполнителей и лидеров, почему Понтифекс в конце концов прятал себя от всего мира в Лабиринте. Его собственное время еще должно прийти, но дай Дивин, чтобы это было не скоро.

- Передайте Понтифексу,- сказал он,- что Лорд Валентин, Коронал и уважающий его сын, залечит разрыв в ткани общества. Передайте Понтифексу, что Лорд Валентин рассчитывает на поддержку его величества, без которой не может быть быстрой реставрации.

На троне сначала молчали, а потом оттуда хлынули болезненные, непонятные, суматошно свистящие, булькающие звуки, которые то поднимались вверх, то опускались вниз, подобно жутким мелодиям хайрогов. Хорнкаст напряженно пытался уловить хотя бы признак смысла. Наконец Понтифекс кончил говорить, а Хорнкаст все еще беспокойно шевелил челюстью и жевал губы.

- Что все это значило? - спросил Валентин.

- Он думает, что вы Лорд Малибор,- удрученно ответил Хорнкаст,- и предостерегает вас от рискованной охоты на драконов.

- Мудрый совет,- сказал Валентин,- но пришел слишком поздно.

- Он говорит, что Коронал слишком ценен, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

- Скажите, что я согласен с этим и, если вернусь на Замковую Гору, то вплотную займусь своими делами, избегая подобных развлечений.

Тут вперед вышел Сепултров и мягко сказал:

- Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется кончать.

- Еще минутку,- сказал Валентин.

Сепултров нахмурился, но Валентин, улыбаясь, снова поднялся к подножию трона, встал там на колени, простер руки к древнему существу в стеклянном пузыре и, скользнув в состояние транса, послал свой дух к Тиверасу, неся импульсы почтения и любви. Пытался ли кто-нибудь прежде выразить свою любовь к грозному Тиверасу? Вполне вероятно, что нет. Однако этот мужчина десятилетиями был центром и душой Маджипура, и сейчас, сидя здесь в этом бесконечном сне руководства, он заслуживал такую любовь, какую мог подарить ему его приемный сын и возможный преемник, и Валентин дал ее со всей силой, на которую был способен обруч.

Тиверас, казалось, стал сильнее, его глаза осветились, на щеках появился румянец. Была ли улыбка на этих ссохшихся губах? Поднялась ли слегка левая рука Понтифекса в жесте благословия? Да, да, да. Несомненно, Понтифекс почувствовал теплоту, идущую от Валентина, приветствовал ее и отозвался.

Он коротко и почти понятно сказал что-то.

- Он говорит, что даст вам всю свою помощь, Лорд Валентин,- сказал Хорнкаст.

Долгой жизни, старик, подумал Валентин, поднимаясь на ноги и кланяясь. Вероятно, скоро ты уснешь навсегда, но я должен желать тебе жизни более долгой, чем ты уже прожил, ибо меня ждет работа на Замковой Горе.

Он повернулся и сказал пяти министрам:

- Мы можем идти. Я получил то, что хотел.

Они вышли из тронного зала и, когда дверь за ними закрылась, Валентин взглянул на Сепултрова и спросил:

- Сколько он может жить в таком виде?

Врач пожал плечами.

- Неопределенно долго. Система действует отлично. Мы можем продержать его так с небольшими «ремонтами» тут и там еще сотню лет.

- Это ни к чему. Но он должен быть с нами еще лет двенадцать или пятнадцать. Можете вы сделать это?

- Рассчитывайте на нас,- сказал Сепултров.

- Хорошо.- Валентин посмотрел на сверкающий расширяющийся коридор, поднимавшийся перед ним. Он уже достаточно долго пробыл в Лабиринте. Пришло время вернуться в мир солнца и решить вопрос с Доминином Барьязидом.

Повернувшись к Хорнкасту, он сказал: - Верните меня к моим людям и подготовьте наш выход во внешний мир. Но прежде, чем мы уйдем, я хочу, чтобы вы предоставили в мое распоряжение хорошо обученные войска и обслуживающий их персонал.

- Конечно, мой лорд,- сказал верховный представитель.

МОЙ ЛОРД. Это был первый признак покорности, полученный от министров Понтифекса. Главное сражение было еще впереди, но слыша два этих маленьких слова, Валентин чувствовал себя так, словно уже обладал Замковой Горой.

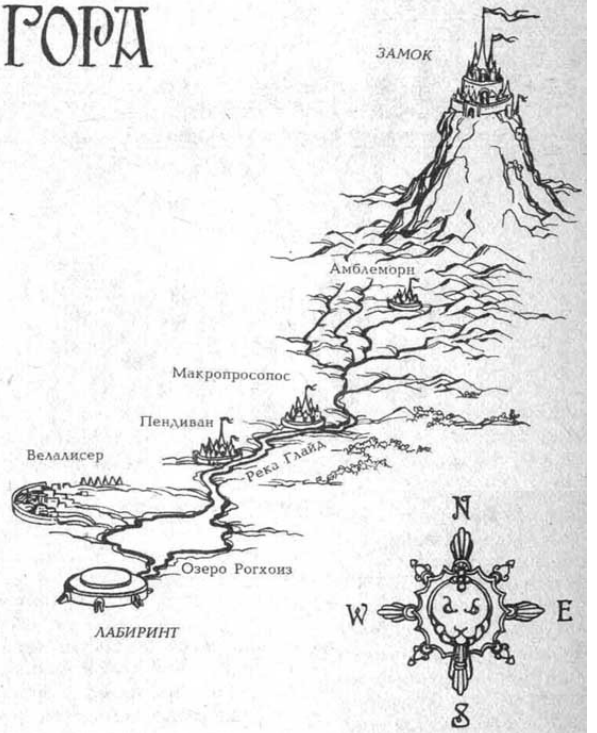
Книга Замка

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КНИГА ЗАМКА

1

ДОЛИНА ГЛАЙДА И ЗАМКОВАЯ ГОРА



Подъем из глубин Лабиринта был гораздо быстрее, чем спуск: на бесконечных спиралях, ведущих вниз, Валентин был никому не известным искателем приключений, пробирающимся через препятствия вялых бюрократов, а на обратном пути он был одним из Владык королевства.

Теперь не для него были извилистые подъемы с уровня на уровень, с круга на круг, через всю путаницу логова Понтифекса: Дом Записей и Арену, Дворец Масок, Зал Ветров и все остальное. Сейчас он и его последователи поднимались быстро и без помех, используя пути, хранимые только для Владык.

Вот потому всего за несколько часов он достиг внешнего круга - этого ярко освещенного и густонаселенного Уровня на краю подземного города. При всей скорости подъема, новости о его появлении здесь оказались быстрее. По Лабиринту разошелся слух, что здесь Коронал, таинственно измененный, но все-таки несомненно Коронал собственной персоной, и, по мере его подъема, огромные толпы собирались повсюду, глазея на него, как на существо с девятью головами или тридцатью ногами.

Это были молчаливые толпы. Кое-кто делал символ звездного огня, некоторые произносили

его имя, но большинство просто глазели. Что ни говори, Лабиринт был сферой Понтифекса, и Валентин знал, что услышать лесть в адрес Коронала можно было в любом месте Маджипура, кроме этого. Страх - да, уважение - да, но прежде всего - любопытство. Это и к лучшему, подумал Валентин. Он был еще неопытен как объект поклонения, да и не хотел учиться этому. Ему было достаточно - более чем достаточно - что они принимают его как персону, которой он себя объявлял.

- Неужели все будет так просто? - спросил он у Делиамбра.- Просто проехать через Алханроель, объявляя себя настоящим Лордом Валентином, и все припадут к моим ногам?

- Сомневаюсь. Барьязид еще носит обличье Лорда Валентина и держит в руках власть. Здесь, внизу, если министры Понтифекса скажут, что вы Коронал, граждане будут приветствовать вас как Коронала. Если им скажут, что вы - Леди Острова, они, вероятно, примут и это. Однако снаружи все будет гораздо сложнее.

- Я не хочу кровопролития, Делиамбр.

- Никто этого не хочет. Но кровь прольется, прежде чем вы достигнете Трона. Этого не избежать, Валентин.

Валентин мрачно заметил:

- Я почти готов отдать власть Барьязиду, лишь бы не ввергать этот мир в судорогу насилия. Мир, вот что я люблю, Делиамбр.

- И мир будет,- сказал маленький клоун.- Но дорога к миру не всегда бывает мирной. Смотрите, ваша армия уже собрана, Валентин!

Недалеко от себя Валентин увидел группу людей, знакомых и незнакомых ему. Здесь были все, кто вошел с ним в Лабиринт, те, кого он собрал в своем путешествии через мир: скандары, Лизамон Хултин, Виноркис, Кун, Шанамир, Лоривайд, телохранители Леди и все остальные. Были здесь и несколько сотен в цветах Понтифекса, первая часть - чего? Не войск, ибо у Понтифекса не было войск. Тогда, может, ополчение? В любом случае, это была армия Лорда Валентина.

- Моя армия,- сказал Валентин. Слово это имело горьковатый привкус.- Армия - это нечто такое, чего не было со времен Лорда Стиамота, Делиамбр. Сколько тысяч лет прошло с последней войны на Маджипуре?

- Долго все было тихо,- сказал вроон,- но все же существовали небольшие армии. Телохранители Леди, слуги Понтифекса... А кто такие, по-вашему, рыцари Коронала? Как вы назовете их, если

не армией? Они носят оружие, тренируются на полях Замковой Горы - так кто же они, Валентин? Лорды и леди, развлекающие себя играми?

- Так я думал, когда был одним из них.

- Пришло время думать иначе, мой лорд. Рыцари Коронала образуют ядро вооруженных сил, и только наивный человек может думать иначе. Вы поймете это, Валентин, когда подойдете поближе к Замковой Горе.

- Может ли Доминин Барьязид двинуть моих собственных рыцарей в битву против меня? - с тревогой спросил Валентин.

Вроон холодно взглянул на него.

- Человек, которого вы называете Доминином Барьязидом, в настоящий момент - Лорд Валентин, Коронал, с которым рыцари Замковой Горы связаны присягой. Или вы забыли об этом? С помощью какой-нибудь хитрости вы можете убедить их, что клятву они давали духу Лорда Валентина, а не его лицу и бороде, но кое-кто все равно останется предан человеку, которого они считают Короналом, и во имя его поднимут мечи против нас.

Это была отвратительная мысль. С момента восстановления своей памяти Валентин не раз думал о своих спутниках по прежней жизни, тех

знатных мужчинах и женщинах, с которыми он рос, с которыми учился в счастливые дни детства и юности, чья любовь и дружба были центром его жизни до того дня, когда самозванец разрушил эту жизнь. Смелый охотник Элидат из Морвола, светловолосый и проворный Стасилейн, Тунигорн, такой быстрый и ловкий в обращении с луком, и многие другие... Теперь ему остались только имена, тени из далекого прошлого. И все же в один прекрасный момент эти тени могли обрести жизнь, цвет и силу. Может, они идут сейчас войной против него? Его друзья, его возлюбленные компаньоны прежних дней... Если ему придется дать им бой ради Маджипура, так он и сделает, но сама перспектива тревожила его.

Валентин покачал головой.

- Может, мы еще избежим этого. Идем, пора уходить из этого места.

Возле ворот, известных как Вход Воды, Валентин наконец соединился со своими сторонниками и встретил чиновников, которых выделили ему министры Понтифекса. Они казались способными людьми, заметно возбужденными перспективой покинуть страшные глубины Лабиринта. Их предводителем был невысокий, крепко сложенный мужчина по имени Эрманар,

с густыми красноватыми волосами и короткой остроконечной бородой, которого по росту, движениям и прямоте можно было бы счесть братом Слита. Валентину он сразу понравился. Эрманар быстро и небрежно сделал знак звездного огня, тепло улыбнулся и сказал:

- Мой лорд, я к вашим услугам, пока Замок снова не станет вашим.

- Может, поход на север будет и нетруден,- сказал Валентин.

- Вы уже выбрали маршрут?

- Самое быстрое, это на кораблях вверх по Глайду, верно?

Эрманар кивнул.

- В любое время года - да, но идут осенние дожди,- он протянул Валентину небольшую карту центрального Алханроеля, показывающую район от Лабиринта до Замковой Горы.- Смотрите, мой лорд, Глайд спускается с Замковой Горы и впадает в озеро Рогхоиз, а его остатки доходят до Входа Воды. Сейчас река разлилась и очень опасна от Пендивана до озера, на протяжении сотен миль. Я предлагаю сухопутный маршрут до Пендивана. Там мы сможем нанять для себя корабли, которые довезут нас до истоков Глайда.

- Звучит довольно мудро. Вы знаете эту дорогу?

- Достаточно хорошо, мой лорд.- Он ткнул пальцем в карту.- Многое зависит от того, действительно ли долина Глайда затоплена так, как сообщают. Я бы предпочел двигаться через нее вот так, просто идя вдоль северного края озера Рогхоиз и не очень удаляясь от реки.

- А если долина затоплена?

- Тогда есть более северные пути, которые мы можем использовать. Но земля там сухая, неприятная, почти пустыня. У нас будут трудности с продовольствием, и мы можем оказаться слишком близко к этому месту.

Он указал на карте точку северо-западнее озера.

- Велалисер? - сказал Валентин.- Это руины? Что вас так пугает в них, Эрманар?

- Это нездоровое место, мой лорд. Там бродят духи, а в воздухе висят неотомщенные преступления. Истории, которые рассказывают о Велалисере, вовсе не нравятся мне.

- Значит, с одной стороны, наводнение, а с другой - страшные руины, да? - Валентин улыбнулся.- Почему бы тогда не пойти к югу от реки?

- К югу? Нет, мой лорд. Вы помните пустыню, через которую пришли сюда из Треймона? Так вот, там хуже, гораздо хуже: ни капли воды, ни

крошки еды, а только камни и песок. Я скорее пойду прямо через середину Велалисера, чем попытаюсь пересечь южную пустыню.

- Значит, у нас нет выбора? Остается только долина Глайда и надежда, что наводнение не очень велико. Когда мы выходим?

- А когда бы вы хотели выйти? - спросил Эрманар.

- Через два часа,- ответил Валентин.

2

Вскоре после полудня силы Лорда Валентина вышли из Лабиринта через Вход Воды. Эти ворота были широкими и роскошно разукрашенными, как и полагается главному входу в город Понтифекса, через который по традиции входили Владыки. Толпы жителей Лабиринта собрались посмотреть на это событие.

Было просто здорово увидеть солнце, вдохнуть полной грудью свежий воздух, и не сухой и жесткий воздух пустыни, а мягкий сладковатый воздух низов долины Глайда. Валентин ехал во главе длинной процессии парящих платформ, приказав широко открыть окна.

- Как молодое вино! - воскликнул он, глубоко вдыхая.- Эрманар, как вы можете жить в Лабиринте, зная, что снаружи такая красота?

- Я родился в Лабиринте! - тихо ответил офицер.- Мои люди служат Понтифексу пятьдесят поколений и привыкли к этим условиям.

- Значит, свежий воздух вам неприятен?

- Неприятен? - Эрманар удивленно посмотрел на него.- Едва ли его можно назвать неприятным! Я ценю его качества, мой лорд, но для меня он...

как бы это сказать?., для меня он НЕ НУЖЕН.

- А для меня нужен,- сказал, смеясь, Валентин.- Смотрите, какое зеленое все вокруг, какое свежее и новое!

- Осенние дожди,- сказал Эрманар.- Они принесли жизнь в эту долину.

- По-моему, в этом году слишком много жизни,- сказала Карабелла.- Вы уже знаете, как обстоят дела с наводнением?

- Я послал вперед разведчиков,- ответил Эрманар,- и скоро мы будем знать об этом.

Караван двигался вперед через мирные и безмятежные земли к северу от реки. Глайд не кажется здесь особенно непокорным, подумал Валентин, это тихий, извивающийся поток, серебристый в поздних солнечных лучах. Но, конечно, это была не сама река, а что-то вроде канала, построенного тысячи лет назад, чтобы соединить озеро Рогхоиз и Лабиринт. Собственно Глайд, насколько он помнил, был гораздо более стремительным и широким, хотя и выглядел просто речушкой по сравнению с титаническим Цимром. В свой первый визит в Лабиринт Валентин плыл по Глайду летом, к тому же сухим летом, и река казалась вполне спокойной, но сейчас было другое время, и Валентину совсем не хотелось попробовать

реку в половодье: его воспоминания о ревущем Стейше были еще слишком сильны. Если они зайдут немного на север, все будет хорошо, и даже если идти придется через руины Велалисера, это будет не так плохо, хотя суеверному Эрманару будет не по себе.

В эту ночь Валентин почувствовал первый контрудар самозванца. Когда он лег спать, к нему пришло послание от Короля, гибельное и цепенящее.

Сначала он почувствовал тепло в своем мозгу, быстро усиливающуюся жару, вскоре превратившуюся в большой пожар, с бешеной силой колотящийся в стенки его черепа. Он чувствовал иглы ослепительного света, зондирующие его душу, и удары агонизирующей пульсации, от которой раскалывалась голова. Вслед за этими ощущениями пришло что-то еще более болезненное: усиливающееся чувство вины и стыда проникло в его душу вместе с сознанием поражения и обвинениями в предательстве и обмане людей, поставленных управлять.

Валентин принимал послание пока мог, но в конце концов закричал и проснулся, обливаясь потом и весь дрожа.

- Мой лорд? - прошептала Карабелла.

Он сел и закрыл лицо руками. Какое-то время он не мог говорить, и Карабелла принялась баюкать его, поглаживая по голове.

- Послание,- сумел наконец сказать он.- От Короля.

- Оно ушло, любимый, все уже кончилось.- Она раскачивалась взад-вперед, обнимая его, и постепенно ужас и паника Валентина ослабели. Он осмотрелся.

- Плохо,- сказал он.- Хуже, чем в Пидруиде, в нашу первую ночь.

- Я что-нибудь могу сделать для вас?

- Думаю, что нет.- Валентин покачал головой и прошептал: - Они нашли меня. Король дотянулся до меня и уже не отпустит живым.

- Это был просто ночной кошмар, Валентин.

- Нет, нет, это послание от Короля. Первое из многих.

- Я позову Делиамбра,- сказала она.- Он наверняка знает, что делать.

- Останься здесь, Карабелла... не покидай меня.

- Все уже хорошо. Вы не можете получить послание, пока не спите.

- Не покидай меня,- пробормотал он.

Однако она сумела утешить его и уговорить лечь снова, а сама отправилась за колдуном, кото-

рый очень встревожился и коснулся Валентина, погрузив его в сон без сновидений.

На следующую ночь он уже боялся засыпать, но, в конце концов, сон пришел, а вместе с ним новое послание, еще более пугающее, чем первое. Образы танцевали в его голове - пузыри света с отвратительными лицами, разноцветные шарики, которые насмехались, глумились и обвиняли его, и острые лучи горячего излучения, наносившие предательские удары. Затем появились метаморфы, текучие, жуткие, кружащиеся вокруг него, тыча в него длинными тонкими пальцами, пронзительно смеясь, называя его трусом, слабовольным, глупцом и ребенком. Потом отвратительные голоса вразнобой запели детскую песенку:

Старый Король Снов
Имеет сердце из камня.
Он никогда не спит
И не бывает один.

Почти на пределе слышимости звучала хохочущая нестройная музыка... длинными рядами танцевали скелеты... мертвые братья-скандары, страшные и искаженные, звали его по имени...

Валентин заставил себя проснуться и часами ходил утомленный и измученный до предела.

На следующую ночь пришло третье послание, которое было страшнее двух первых.

- Неужели я никогда больше не засну? - спрашивал он себя.

Когда он сидел так, изможденный и бледный, к нему пришли Делиамбр и Лоривайд.

- Я слышала о ваших неприятностях,- сказала Лоривайд.- Разве Леди не показала вам, как защищать себя с помощью обруча?

Валентин непонимающе взглянул на нее.

- Что вы имеете в виду?

- Ни один Владыка не может напасть на другого.- Она коснулась серебряной ленты у него на лбу.- Если пользоваться им умело, он отводит все попытки причинить вред.

- А как это делать?

- Когда вы готовитесь ко сну,- сказала она,- создайте вокруг себя силовую стену и заполните воздух своим духом. И тогда никакое послание не сможет причинить вам вреда.

- Вы научите меня?

- Постараюсь, мой лорд.

В своем истощенном состоянии все, что он мог создать, было только тенью силы, и потому,

хотя Лоривайд несколько часов тренировала его в пользовании обручем, четвертое послание пришло к нему в эту ночь. Однако оно было слабее остальных и спокойствие наконец пришло к Валентину. Днем он чувствовал себя почти нормально и продолжал часами заниматься с обручем.

В следующие ночи были другие послания, слабые, зондирующие, пытающиеся найти брешь в его защите, и Валентин отметал их с растущей уверенностью. Он постоянно был в состоянии напряженной бдительности, и это утомляло, а потом пришли несколько ночей, когда он совсем не чувствовал прикосновений Короля Снов, но все же продолжал защищать себя.

Еще пять дней они шли на север вдоль низовьев Глайда, а на шестой вернулись разведчики Эрманара с новостями о территории впереди.

- Наводнение не так велико, как мы слышали,- сказал Эрманар.

Валентин кивнул.

- Отлично. Значит, мы продолжаем двигаться к озеру и там наймем корабль?

- Между нами и озером стоят вражеские силы.

- Коронала?

- Он один мог собрать такие, мой лорд. Разведчи-

ки говорят, что поднялись на Гребень Луманзара, господствующий над озером и окружающей равниной, и видели войска, стоящие там лагерем, и значительные силы моллиторов.

- Наконец-то война! - воскликнула Лизамон Хултин, и в голосе ее звучало удовольствие.

- Нет,- мрачно сказал Валентин.- Еще слишком рано. Мы в тысячах миль от Замковой Горы, и едва ли стоит сражаться за далекий юг. Кроме того, я надеюсь вообще избежать войны или, по крайней мере, делать это, пока возможно.

- Что же мы будем делать, мой лорд?

- Двигаться к северу через Глайд-Велли, как делали это, не свернем на северо-запад, если заметим движение к нам вражеской армии. Я хочу обойти их, если смогу, и проплыть по реке за их спинами, оставив их сидеть у Рогхоиза и ждать нашего появления.

Эрманар уставился на него.

- ОБОЙТИ?

- Если я не ошибаюсь, Барьязид поставил их здесь, чтобы защитить подход к озеру, и они не пойдут за нами в глубь суши.

- Но там...

- Да, я знаю.- Валентин положил руку на плечо Эрманара и мягко сказал со всей теплотой и

симпатией, на которую был способен: - Простите меня, дружище, но, думаю, нам придется сделать крюк от реки до Велалисера.

- Эти руины пугают, мой лорд, и не только меня.

- Но в нашей компании есть могучий колдун и много храбрых людей. Что может сделать один или два призрака против Лизамон Хултин, Куна с Кианимота, Слита или Карабеллы? А Залзан Кавол? Стоит скандару зареветь, и все они убегут до самого Стоена!

- Мой лорд, ваше слово - закон для меня, но еще мальчиком я слышал мрачные рассказы о Велалисере.

- А вы бывали там?

- Конечно, нет.

- А знаете кого-нибудь, кто бывал?

- Нет, мой лорд.

- Тогда можете ли вы с уверенностью говорить об опасностях этого места?

Эрманар повертел в руках завиток своей бороды.

- Нет, мой лорд.

- А перед нами стоит армия врага и орда безобразных моллиторов, верно? Мы понятия не имеем, чем могут навредить нам призраки, но

совершенно уверены в неприятностях, которые несет с собой война. Я приказываю отойти в сторону и померяться силами с призраками.

- Я бы выбрал другую дорогу,- сказал Эрманар, силясь улыбнуться.- Но я с вами, мой лорд, даже если вы прикажете мне пройти через Велалисер пешком в безлунную ночь.

- Хорошо,- сказал Валентин.- Мы уйдем из Велалисера, не понеся урона от его фантомов, Эрманар, можете рассчитывать на это.

Они продолжали двигаться, имея Глайд справа от себя. По мере движения на север земля постепенно поднималась. Валентин знал, что это еще не волна предгорий Замковой Горы, а дальние подступы к ней, самые ранние признаки мощного воздымания оболочки планеты. Скоро река лежала уже в долине, в ста футах под ними - узкая,яркая нить, окруженная густыми кустами - а дорога поднималась к вершине поднятого блока, который Эрманар называл Гребень Луманзара и с которого можно бы видеть очень далеко.

Вместе с Делиамбром, Слитом и Эрманаром Валентин подошел к краю гребня, чтобы оценить ситуацию. Внизу местность уходила вдаль естественными террасами, уровень за уровнем спускаясь к широкой равнине, центральное ме-

сто на которой занимало озеро Рогхоиз.

Озеро казалось огромным, почти океаном. Теперь Валентин понял, почему города вокруг озера построены на сваях, поскольку сейчас они были не на краю, а далеко в пределах озера и вода плескалась у нижних этажей зданий.

- Оно очень сильно разлилось,- сказал он Эрманару.

- Да,- ответил тот,- почти в два раза. А слухи еще больше увеличат его.

- Так бывает всегда,- сказал Валентин.- А где армия, которую видели ваши разведчики?

Эрманар долго изучал горизонт через подзорную трубу, и Валентин подумал, что, может, они собрались и ушли обратно на Гору, или это просто ошибка разведчиков и армии здесь больше не было или...

- Вот они, мой лорд,- сказал Эрманар.

Валентин взял трубу и взглянул вниз. Сначала он увидел только деревья, луга и отдельные языки наводнения, но Эрманар направил трубу, и Валентин наконец увидел. Невооруженным глазом солдаты казались сборищем муравьев возле края озера.

Но это были не муравьи.

У озера стояли лагерем тысяча, может, пол-

торы тысячи солдат - армия не гигантская, но вполне достаточная для мира, где понятие войны было забыто почти всеми. Они превышали силы Валентина в несколько раз. Рядом паслись восемьдесят или сто моллиторов - массивных бронированных существ, созданных искусственно в далеком прошлом. В рыцарских играх на Замковой Горе моллиторов часто использовали для имитации боя. На своих коротких толстых ногах они двигались с удивительной быстротой и могли произвести большие разрушения, действуя тяжелыми головами с черными челюстями, которые хватали, давили и рвали. Валентину приходилось видеть, как со своими кривыми когтями они носились по полю взад-вперед, сталкиваясь друг с другом и бодаясь головами в тупом, бессмысленном гневе. Дюжина этих существ, блокирующих дорогу, могла быть таким же эффективным барьером, как стена.

- Мы можем захватить их врасплох,- сказал Слит.- Пошлем вниз один отряд, чтобы напугать моллиторов, а сами обойдем их с другой стороны и...

- Нет,- сказал Валентин.- Сражение будет ошибкой.

- Если вы думаете,- настаивал Слит,- что смо-

жете вернуться на Замковую Гору без чьего-либо страдания, пусть даже от порезанного пальца, то вы, мой лорд...

- Я понимаю, что кровопролитие будет,- холодно сказал Валентин,- но хочу свести его к минимуму. Эти войска внизу - войска Коронала; помните это и помните, кто такой настоящий Коронал. Они не враги мне, единственный мой враг - Доминин Барьязид. Мы будем сражаться только когда нас вынудят, Слит.

- Значит, меняем маршрут, как планировали? - угрюмо спросил Эрманар.

- Да. Мы идем на северо-запад, к Велалисеру. Затем огибаем озеро вдоль дальней стороны и - вверх по долине к Пендивану, если не встретим больше войск, поджидающих нас. У вас есть карты?

- Только долины и дороги до Велалисера. Остальное это пустыня, мой лорд, и карты показывают очень мало.

- Значит, будем обходиться без карт,- сказал Валентин.

Пока колонна двигалась вниз с Гребня Луманзара к месту, где нужно было повернуть от озера, Валентин вызвал к себе герцога разбойников Насцимонте.

- Мы идем к Велалисеру,- сказал он,- и, если понадобится, прямо через него. Вам знакомы эти места?

- Я был там однажды, мой лорд, еще в юности.

- Посмотреть на призраков?

- Посмотреть на сокровища древних и украсить ими свое поместье. Но нашел я очень мало. Это место было уже основательно разграблено.

- Значит, вы не боялись грабить в городе призраков?

Насцимонте пожал плечами.

- Я знал легенды, но был молод и не слишком робок.

- Поговорите с Эрманаром,- сказал Валентин,- и представьтесь как человек, побывавший в Велалисере и оставшийся в живых. Вы можете провести нас через город?

- Мой лорд, мои воспоминания об этом месте сорокалетней давности, но я сделаю, что смогу.

Изучая пятнистые, неполные карты, запасенные Эрманаром, Валентин пришел к выводу, что единственная дорога, идущая мимо армии, ждущей у озера, приведет к окраинам разрушенного города, если не прямо в него. Однако он не жалел об этом. Руины Велалисера, хотя и пугали доверчивых, были все же великолепным зрелищем, и,

кроме того, Доминин Барьязид не мог разместить там ожидающие его войска. Обход мог принести пользу, если бы фальшивый Коронал считал, что Валентин выберет легко предсказуемую дорогу вверх по Глайду: если путешествие по пустыне окажется не слишком тяжелым, они смогут держаться вдали от реки большую часть пути на север и получить некоторую выгоду, когда наконец повернут к Замковой Горе.

Пусть Велалисер производит своих призраков, подумал Валентин. Лучше позавтракать с фантомами, чем идти с Гребня Луманзара прямо в челюсти моллиторов Барьязида.

3

Дорога от озера вела через более сухие земли. Жирная темная аллювиальная почва затопленной равнины сменилась легкой, песчаной и кирпично-красной, которая поддерживала скудную растительность, состоящую из сучковатых и колючих кустов. Дорога здесь была грубее, она была уже не мощеной, а только изредка посыпанной гравием и постепенно поднималась к низким холмам, которые отделяли район озера от пустыни Равнины Велалисера.

Эрманар послал вперед разведчиков, чтобы найти проходимую дорогу от озера к холмам и этим избежать захода в разрушенный город. Однако не оказалось ничего, кроме нескольких охотничьих троп, пересекавших местность слишком извилисто для экипажей. Значит, оставалось идти к холмам, а потом спускаться в страшный район за ними.

Ближе к вечеру они начали спуск на ту сторону. На небе собрались тяжелые тучи, и солнечные лучи превратили западное небо в огромное кровавое пятно. Уже перед темнотой в сплошном покрове появился разрыв, и слабый луч тем-

но-красного света вырвался из него, освещая равнину и раскинувшиеся впереди руины Велалисера.

Огромные блоки голубого камня были разбросаны вокруг. Могучие стены из двух, а в некоторых местах трех рядов монолитов тянулись более чем на милю вдоль западного края города, внезапно обрываясь грудой развалленных каменных кубов. Подойдя ближе, можно было различить контуры больших разрушенных зданий, целые форумы дворцов, базилик и храмов, наполовину засыпанных движущимися песками пустыни. К востоку тянулся ряд из шести колоссальных остроугольных пирамид с узкими основаниями и остатки седьмой, разрушенной, по-видимому, с неистовой энергией, поскольку фрагменты ее лежали вокруг широким кругом. Прямо впереди, там, где дорога входила в город, виднелись две широкие каменные платформы, возвышавшиеся на восемь или десять футов над поверхностью равнины и достаточно широкие для маневров целой армии. Вдалеке Валентин заметил огромный овал, который мог быть ареной, окруженной высокими стенами со множеством окон. С одной стороны в стене был большой зазубренный пролом. Масштаб всего был огромен. Это место

делало безымянные руины, где они встретили герцога Насцимонте, совершенно незначительными.

Разрыв в облаках закрылся, последние солнечные лучи погасли, и разрушенный город стал местом бесформенной путаницы и хаотически разбросанных среди пустыни горбов.

- Дорога, мой лорд, лежит между этими двумя платформами,- сказал Насцимонте,- через группу зданий за ними и вокруг шести пирамид. В темноте, даже при лунном свете, идти по ней будет трудно.

- А мы не будем и пытаться сделать это в темноте. Разобьем здесь лагерь и двинемся утром. Я хочу сегодня ночью осмотреть руины.

Это замечание вызвало сдавленное восклицание Эрманара. Валентин мельком взглянул на маленького чиновника, чье лицо было мрачным и угрюмым.

- Смелость...- буркнул он.- Думаю, призраки не тронут нас этим вечером.

- Мой лорд, для меня в этом нет ничего веселого.

- А я и не собираюсь смеяться, Эрманар.

- Вы пойдете в руины один?

- Один? Думаю, что нет. Делиамбр, вы составите

мне компанию? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? А вы, Насцимонте? Вы уже были здесь однажды и боитесь руин меньше любого из нас. Что вы скажете?

Главарь бандитов улыбнулся.

- Я к вашим услугам, Лорд Валентин.

- Хорошо. А вы, Лизамон?

- Конечно, мой лорд.

- Значит, мы идем всемером. Выходим после обеда.

- Ввосьмером, мой лорд,- тихо сказал Эрманар.

Валентин нахмурился.

- Вряд ли есть необходимость...

- Мой лорд, я поклялся быть рядом с вами, пока Замок снова не станет вашим. Если вы идете в мертвый город, я иду туда вместе с вами. Если опасности мнимые, бояться нечего, если они настоящие - мое место рядом с вами. Пожалуйста, мой лорд...

Эрманар казался искренним. Его лицо было напряжено, но скорее, подумал Валентин, от сознания, что его могут исключить из экспедиции, чем от страха перед тем, что может таиться в руинах.

- Очень хорошо,- сказал Валентин.- Значит, нас будет восемь.

В этот вечер луна была почти полной, и ее холодные сверкающие лучи освещали город во всех деталях, безжалостно обнажая результаты тысячелетнего забвения. У входа почти неразборчивая надпись объявляла Велалисер королевским историческим заповедником, учрежденным Лордом Симинавом и Понтифексом Калинтаном. Но они правили почти пять тысяч лет назад и непохоже было, что после них кто-то уделял этому месту внимание. Камни двух огромных платформ, ограничивающих дорогу, были потрескавшиеся и неровные, а в промежутках между ними росли маленькие растения с липкими стволами, которые с невозмутимым терпением раздвигали огромные блоки в стороны. В некоторых местах между блоками уже появились свободные пространства, достаточно широкие для крупных кустов, пустивших там корни. Вероятно, через сто или двести лет здесь поднимется целый лес и могучие квадратные блоки совершенно скроются из виду.

- Все это должно быть снова очищено,- сказал Валентин.- Руины нужно вернуть к тому виду, который они имели, пока не началось это разрастание побегов. Как можно было допустить такую небрежность?

- Никто не заботится об этом месте,- сказал Эрманар,- и не хочет ради него даже пальцем шевельнуть.

- Из-за призраков? - спросил Валентин.

- Из-за метаморфов,- ответил Насцимонте.- Это делает их дважды проклятыми.

- Дважды?

- Вы не знаете эту историю, мой лорд?

Расскажите мне ее.

- Я был воспитан на этой легенде,- сказал Насцимонте.- Когда метаморфы правили Маджипуром, Велалисер был их столицей двадцать, двадцать пять тысяч лет назад. Это был величайший город планеты. Здесь жили два или три миллиона, и со всего Алханроеля, из дальних племен, приходил народ, принося дань. На этих платформах Изменяющие Форму устраивали фестивали, а каждую тысячу лет проводили специальный суперфестиваль, в честь которого строили пирамиду, так что этому городу было, по крайней мере, семь тысяч лет. Но потом здесь возникло зло. Я не знаю, какие именно вещи метаморфы считали злом, но что бы это ни было, их делали здесь. Это была столица, город всех пороков, и у метаморфов из провинции росло отвращение к нему. Наконец оно достигло таких размеров

и силы, что они отправились сюда, разорили храмы, обрушили большую часть городских стен и разрушили места, где производилось зло, а жителей города отправили в изгнание или в рабство. Нам известно, что их не уничтожили, потому что здесь было множество искателей сокровищ - как вам известно, я сам приложил к этому руки - и будь здесь несколько миллионов скелетов, их обязательно нашли бы. Вот так город был разрушен и заброшен задолго до того, как сюда пришли первые люди и проклятье легло на него. Реки, которые давали ему воду, запрудили и отвели в сторону, и вся равнина превратилась в пустыню. Пятнадцать тысяч лет никто не жил здесь, за исключением призраков тех, кто умер, когда уничтожали город.

- Рассказывайте уж до конца,- сказал Эрманар.

Насцимонте пожал плечами.

- Это все, что я знаю, приятель.

- Эти призраки,- сказал Эрманар,- те, которые являются сюда... Вы знаете, до каких пор они обречены бродить по руинам? Пока метаморфы не станут снова хозяевами Маджипура. Пока планета снова не вернется к ним, а каждый из нас не превратится в раба. Тогда Велалисер будет отстроен в прежних размерах, даже величествен-

нее, чем был прежде, и будет переосвящен заново, как столица Изменяющих Форму, а духи мертвых наконец-то освободятся из камней, которые держат их здесь.

- Значит, камни будут держать их еще долго,- сказал Слит.- Нас двадцать миллиардов, а их всего горстка, живущих в джунглях. Чем они могут угрожать нам?

- Они ждут уже восемь тысяч лет с тех пор, пока Лорд Стиамот сокрушил их, и, если потребуется, будут ждать еще столько же. Но в снах они видят Велалисер возрожденным и не гонят прочь эти сны. Иногда в своих снах я слышу их, планирующих день, когда башни Велалисера поднимутся вновь, и это пугает меня. Я чувствую, что они следят за этим местом, чувствую их ненависть вокруг нас, подобную чему-то разлитому в воздухе, невидимому, но все же реальному...

- Потому-то этот город проклят ими и одновременно свят для них,- сказала Карабелла.

Валентин двинулся вниз по тропе. Этот город пугал его. Он попытался представить, каким он был - что- нибудь вроде доисторической Ни-мойи, величественный и богатый. А сейчас? Ящерицы, блестя бусинками глаз, перебегали с камня на камень, а широкие церемониальные бульвары

густо поросли сорняками. Двадцать тысяч лет! Будет ли Ни-мойя выглядеть так через двадцать тысяч лет? А Пидруид, Пилиплок или пятьдесят больших городов на склонах Замковой Горы? Построила ли их цивилизация, которая будет существовать вечно, подобно цивилизации старой Матери-Земли? Или же пораженные туристы будут когда-нибудь бродить по руинам Замка, Лабиринта или Острова, пытаясь представить, какое значение имели они для древних? Мы долго жили достаточно хорошо,- сказал себе Валентин, возвращаясь мысленно к тысячам лет мира и стабильности, но сейчас это разрушено. Привычный порядок вещей разорван, и не стоит говорить о том, что может случиться. Метаморфы, побежденные и выселенные метаморфы, чьим несчастьем было обладание миром, нужным другому, более сильному народу, могли еще посмеяться последними.

Внезапно Валентин остановился. Что это за звук впереди? Чьи-то шаги? И мелькнувшая по камням тень? Валентин напряженно вгляделся в темноту перед собой. Какое-то животное, подумал он. Какое-то ночное животное, скользящее вокруг в поисках пищи. У призраков не бывает теней, разве не так? Здесь нет призраков, поду-

мал Валентин. Призраков вообще нигде нет.

Но тогда что это?..

Осторожно он сделал несколько шагов вперед. Здесь слишком темно и слишком много улиц с полуразрушенными строениями тянутся во все стороны. Он смеялся над Эрманаром, но страх того все-таки пустил корни в его воображении. Ему представились суровые, таинственные метаморфы, скользящие между разрушенными зданиями за пределами его поля зрения - фантомы, такие же старые, как время, формы без тел и без содержания...

И тут снова сзади донесся звук шагов, несомненный звук шагов.

Валентин повернулся. За ним бежал Эрманар, только-то и всего.

- Подождите, мой лорд!

Валентин позволил ему догнать себя и постарался расслабиться, хотя пальцы его дрожали. Он спрятал руки за спину.

- Вам нельзя ходить одному,- сказал Эрманар.- Я знаю, что вы легко относитесь к опасностям, изображенным мною, но они все же могут существовать. Ради нас всех, вы обязаны больше заботиться о своей безопасности, мой лорд.

Остальные поддержали его, и они пошли даль-

ше, медленно и тихо, сквозь освещенные луной руины. Валентин не сказал ничего о том, что, как ему показалось, увидел и услышал. Наверняка это было какое-то животное. И вскоре животные действительно появились: что-то вроде маленьких обезьян, которые гнездились в разрушенных зданиях и несколько раз испуганно убегали, пока исследователи карабкались через камни. Кроме того, были ночные млекопитающие, вроде минтунов и дроле, быстро удиравших в тень. Но могут ли обезьяны или дроле производить звуки, похожие на поступь человека?

Еще более часа восьмерка углублялась в руины. Валентин заглядывал в ниши и пещеры, изучая темноту.

Когда они проходили мимо разрушенной базилики, Слит, отошедший немного в сторону, вернулся и сказал Валентину:

- Я слышал что-то странное в той стороне.

- Призраки?

- Возможно. Или просто бандит.

- Или каменная обезьяна,- мягко сказал Валентин.- Я слышал самые разные звуки.

- Мой лорд...

- Вы переняли страхи Эрманара?

- Я думаю, мы слишком долго бродим здесь,

мой лорд,- сказал Слит низким, напряженным голосом.

Валентин покачал головой.

- Мы еще заглянем в некоторые темные углы. Здесь есть на что посмотреть.

- Я бы предпочел повернуть обратно, мой лорд.

- Смелее, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел, а Валентин вгляделся в темноту. Он не сомневался в остроте слуха Слита, который жонглировал вслепую, полагаясь только на звуки, но бежать из этого места чудес только потому, что услышал вдали странный шелестящий звук и чью-то поступь... нет, не так скоро и не так поспешно.

Не делясь своими опасениями с другими, он продолжал двигаться, но более осторожно. Признаков Эрманара могло и не быть, и все-таки было неразумно торопиться в этом странном городе.

И вот. когда они осматривали одно из наиболее украшенных зданий на центральной площади дворцов и храмов, Залзан Кавол, шедший впереди, резко остановился, когда каменная плита, сорвавшись откуда-то сверху, рухнула у самых его ног. Выругавшись, он проворчал:

- Эти вонючие обезьяны...

- Нет, думаю, не обезьяны,- тихо сказал Делиамбр.- Там что-то покрупнее их.

Эрманар посветил на выступ примыкающего строения, и на мгновение все увидели силуэт, который вполне мог принадлежать человеку. Затем он исчез. Не колеблясь Лизамон Хултин побежала к дальней стороне здания, за ней бросился Залзан Кавол, размахивая своим излучателем. Слит и Карабелла направились в другую сторону. Валентин хотел пойти с ними, но Эрманар схватил его за руку и остановил с неожиданной силой, сказав извиняющимся тоном:

- Я не могу позволить вам рисковать, мой лорд, ведь мы не знаем...

- Стой! - донесся из темноты могучий голос Лизамон Хултин.

Издалека послышались звуки борьбы, а затем кто-то вскарабкался по разрушенной кирпичной кладке. Валентин хотел узнать, что происходит, но Эрманар был прав: бежать за неизвестным врагом в темноте незнакомого города не входило в привилегии Коронала Маджипура.

Он слышал рычание и крики, а затем болезненный стон. Мгновением позже вернулась Лизамон Хултин, таща человека, носившего на плече эмблему звездного огня Коронала. Руки ее были

сомкнуты вокруг его груди, и ноги пленника висели в шести дюймах от земли.

- Шпионы,- сказала она.- Шныряли вокруг, следя за нами. По-моему, их было двое.

- Где второй? - спросил Валентин.

- Может быть, удрал,- ответила великанша.- Залзан Кавол побежал за ним.

Она бросила пленника перед Валентином и придавила его к земле, поставив ногу ему на пояс.

- Дайте ему встать,- сказал Валентин.

Человек поднялся. Он казался испуганным. Эрманар и Насцимонте быстро обыскали его, но оружия не нашли.

- Кто вы? - спросил Валентин.- Что вы делаете здесь?

Тишина.

- Вы можете говорить, мы не причиним вам вреда. На вашей руке звездный огонь, значит, вы из армии Коронала?

Кивок.

- Вас послали сюда выслеживать нас?

Снова кивок.

- Вы знаете, кто я?

Мужчина молча таращился на Валентина.

- Вы умеете говорить? - спросил Валентин.- Есть

у вас голос? Скажите что-нибудь, что угодно.

- Я... если я...

- Хорошо. Значит, вы умеете говорить. Спрашиваю снова: вы знаете, кто я?

Тонким шепотом пленник ответил:

- Говорят, что вы хотите украсть трон у Коронала.

- Нет,- сказал Валентин.- Вас обманули, приятель. Вор как раз тот, кто сидит сейчас на Замковой Горе, а я - Лорд Валентин. И требую от вас преданности.

Человек недоверчиво посмотрел на него.

- Сколько вас было здесь?- спросил Валентин.

- Пожалуйста, сэр...

- Сколько?

Угрюмое молчание.

- Дайте мне немного покрутить его руку,- попросила Лизамон Хултин.

- В этом нет необходимости.- Валентин подошел ближе к испуганному мужчине и мягко сказал:- Вы ничего не поняли из этого, но со временем все станет ясно. Я настоящий Коронал, и именем присяги, которой вы клялись служить мне, прошу вас ответить. Сколько вас было здесь?

Сомнение отражалось на лице мужчины. Медленно, с неохотой, он сказал:

- Двое, сэр.

- Могу ли я верить этому?

- Клянусь Леди, сэр!

- Значит, двое. Хорошо. Долго вы следили за нами?

- После... после Луманзара.

- Каков был приказ?

И снова колебание.

- Следить за вашим движением и утром доложить обо всем.

Эрманар нахмурился.

- Это значит, что второй уже, вероятно, на полпути к озеру.

- Вы так думаете?- спросил грубый, резкий голос Залзана Кавола.

Широко шагая, скандар подошел к ним и, как мешок с овощами, бросил перед Валентином тело с эмблемой звездного огня на рукаве. Труп был прожжен насквозь выстрелом из излучателя.

- Я гнался за ним почти полмили, мой лорд. Это был быстрый дьявол! Он легче меня перебирался через груды камня и уже почти скрылся, когда я приказал ему остановиться. Он продолжал бежать, и тогда я...

- Похороните его где-нибудь у дороги,- резко сказал Валентин.

- Мой лорд, я сделал плохо, убив его?

- У вас не было выбора,- сказал Валентин более мягко.- Я хотел, чтобы вы схватили его, но вы не смогли, и выбора у вас не было. Все правильно, Залзан Кавол.

Валентин отвернулся. Убийство потрясло его, и он не сумел этого скрыть. Этот человек умер только потому, что был предан Короналу, или тому, кого он считал Короналом.

Гражданская война принесла первую жертву. Кровопролитие началось здесь, в этом городе мертвых.

4

Нечего было и думать продолжать прогулку, и -А- путники вместе с пленником вернулись в лагерь. Утром Валентин отдал приказ двигаться через Велалисер и поворачивать на северо-восток.

Днем руины города казались не такими магическими, хотя и не стали менее волнующими. Трудно было понять, как такой слабый и не знающий механизмов народ, как метаморфы, мог поднимать эти гигантские каменные блоки. Вероятно, двадцать тысяч лет назад они не были такими беспомощными. Мрачные Изменяющие Форму из лесов Пьюрифайна, этот народ плетеных хижин и грязных улиц был всего лишь остатком расы, которая когда-то правила Маджипуром.

Валентин дал себе обет вернуться сюда, когда решит вопрос с Доминином Барьязидом, и детально изучить древнюю столицу, убрав подлесок, раскопав и реконструировав ее. Если возможно, думал он, я приглашу вождей метаморфов принять участие в этой работе, хотя сомневаюсь, что они захотят сотрудничать. Каким-то образом

нужно восстановить связи между двумя обществами, живущими на планете.

- Если я снова буду Короналом,- сказал он Карабелле, пока кавалькада ехала мимо пирамид и покидала Велалисер,- я намерен...

- КОГДА вы снова будете Короналом,- поправила она.

Валентин улыбнулся.

- Да, когда я снова буду Короналом, я намерен изучить проблему метаморфов и, если возможно, вернуть их в основное русло жизни Маджипура. Даже дать им место в правительстве.

- Если они примут его.

- Я хочу преодолеть этот гнев к ним,- сказал Валентин,- и посвящу этому свое правление. Все наше общество, наше удивительное, гармоническое и любимое королевство основано на грабеже и несправедливости, и мы продолжаем учить себя не замечать этого.

Слит искоса взглянул на него.

- Все равно Изменяющие Форму не могли полностью использовать эту планету. Когда сюда пришли наши предки, на всю ее огромную площадь их было всего двадцать миллионов.

- Но она была их!- воскликнула Карабелла.- По какому праву...

- Легче, легче,- сказал Валентин.- Здесь не было сражений, кроме тех, что вели первые поселенцы. Что сделано, то сделано, и мы должны жить с этим. Но в наших силах изменить это, и, если я снова буду Короналом, я...

- КОГДА,- сказала Карабелла.

- Когда,- как эхо повторил Валентин.

- Может быть, нынешние проблемы королевства пришли как возмездие за подавление метаморфов,- мягко сказал Делиамбр.

Валентин уставился на него.

- Что вы имеете в виду?

- Только то, что здесь, на Маджипуре, мы идем по длинному пути, ничего не платя за грехи завоевателей. А как известно, счет накапливается, и сейчас эта узурпация, это зло от нового Коронала, поставившего нас лицом к войне, смерти, разрушению и хаосу, может быть просто расплатой за прошлое.

- Но Валентин ничего не сделал для угнетения метаморфов,- запротестовала Карабелла.- Почему именно он должен страдать? Почему именно его лишили власти, а не какого-нибудь длиннорукого Коронала далекого прошлого?

Делиамбр пожал плечами.

- Это никогда не распределяется по заслугам.

Может, вы думаете, что наказывают только виновных?

- Но Дивин...

- А почему вы решили, что Дивин справедлива? На длинных дистанциях все неприятности сглаживаются, а каждый минус уравновешивается плюсом. Но это на длинной дистанции. Мы же живем недолго, и тут бывает много несправедливости. Компенсирующие силы вселенной делают все, чтобы расчет состоялся, но как бы хорошо они ни трудились, это происходит не сразу.

- Может быть,- сказал вдруг Валентин,- я был выбран инструментом этих компенсирующих сил, и было необходимо пострадать, чтобы порядок стал более эффективным.

- Как это?

- Если бы со мной не случилось ничего необычного, я правил бы подобно всем своим предшественникам, принимая вещи такими, как они есть, потому что с места, на котором я сидел, в них не видно несправедливости. Но эти приключения дали мне взгляд на мир, которого я никогда не получил бы, сидя в уютном Замке. И, возможно, сейчас я готов играть роль, которую необходимо играть, тогда как в противном случае...- Тут Валентин вдруг оборвал себя и после паузы ска-

зал:- Все это только слова. Первое, что нужно сделать, это вернуться в Замок, а уже потом можно будет обсуждать природу компенсирующих сил вселенной и тактику Дивин.

Он посмотрел назад, на разрушенный Велализер, проклятый город древних, хаотически, но еще величественно раскинувшийся на покинутой пустынной равнине, потом повернулся и сел, задумчиво глядя на меняющуюся местность вокруг.

Дорога резко повернула к северо-востоку, идя через холмы, которые они пересекли на юге, и спускаясь в плодородную долину Глайда, рядом с самым северным ответвлением озера Рогхоиз. Они были в сотнях миль к северу от места, где стояла лагерем армия Коронала.

Эрманар, обеспокоенный присутствием в Велализере двух шпионов, отправил разведчиков удостовериться, что эта армия не движется на север навстречу им. Валентин решил, что есть смысл идти дальше, но перед этим провел собственную разведку с помощью Делиамбра.

- У вас есть заклинание,- спросил он у колдуна,- которое подсказало бы мне, где нас ждут вражеские армии? Можете вы сделать это?

Огромные золотистые глаза вроона отразили

его удивление.

- Могу ли я сделать это? А может ли маунт есть траву? Может ли морской дракон плавать?

- Тогда сделайте это,- сказал Валентин.

Делиамбр отошел и забормотал что-то, размахивая своими щупальцами, изгибая и переплетая их в каком-то запутанном узоре. Валентин подозревал, что подобное колдовство Делиамбра рассчитано только на зрителей, а настоящее дело не содержит ни размахивания щупальцами, ни бормотания формул, а включает только посылку вперед проницательности Делиамбра и чувств, воспринимающих вибрации далеких событий. Но тут все было правильно: пусть вроон показывает свое маленькое представление. Валентин знал, что расчет на внешнюю сторону был неотъемлемой частью не только колдовства и жонглирования, но и того, чем занимались Коронал, Понтифекс, Леди, Король Снов, толкователи снов и учителя священных тайн, а может, даже чиновники на провинциальных границах и продавцы колбасы в уличных киосках.

- Войска Коронала,- сказал Делиамбр,- остаются там, где были размещены.

Валентин кивнул.

- Хорошо. Они могут стоять там долго, ожидая

нашего возвращения из экскурсии в Велалисер. А можете вы определить другие армии к северу страны?

- Но не на большом расстоянии,- ответил Делиамбр.- Я чувствую присутствие рыцарских сил, собравшихся на Замковой Горе, но они находятся там всегда. Чувствую я и небольшие отряды тут и там в Пятидесяти Городах. Кроме этого, ничего необычного. У Коронала еще много времени. Он просто сидит в Замке и ждет вашего приближения, а затем объявит большую мобилизацию. Что вы будете делать, Валентин, когда миллион воинов двинется на вас с Замковой Горы?

- Вы полагаете, что я не думал об этом?

- Я знаю, что немного вы думали, но однажды об этом придется задуматься - наши сотни против их миллионов.

- Миллион это слишком много для армии,- сказал Валентин.- Гораздо проще жонглировать булавами, чем стволами двикки. Вас пугает то, что ждет впереди, Делиамбр?

- Вовсе нет.

- А меня - да,- сказал Валентин.

Но, конечно, он знал, что это показная бравада. Был ли он испуган? Пожалуй, нет: смерть приходит ко всем, раньше или позже, и бояться этого

глупо. Валентин знал, что не боится смерти, ибо стоял с ней лицом к лицу в лесу возле Авендройна, в стремительных порогах Стейша, в брюхе морского дракона и когда дрался с Форсалом на Острове. Ни в одном из этих случаев он не испытывал ничего, что можно было бы назвать страхом. Если армия, ждущая на Замковой Горе, отбросит его небольшие силы обратно, это будет прискорбно, как была бы прискорбной смерть на камнях Стейша, но перспектива эта не пугала его. То, что он чувствовал, было гораздо важнее, чем страх за собственную жизнь. Это был страх за Маджипур. Если он потерпит неудачу из-за колебания, глупости или несоответствия требованиям силы, Замок останется в руках Барьязида, пути истории навсегда изменятся и будут страдать миллиарды невинных. Предотвратить это было его долгом, и он чувствовал его тяжесть. Если он умрет, доблестно пытаясь очистить Замковую Гору, его собственные лишения на этом кончатся, но агония Маджипура только начнется.

5

Теперь они шли через мирный сельские районы, окружавшие Замковую Гору и снабжавшие продуктами Пятьдесят Городов. Валентин все время выбирал главные дороги. Время таиться прошло: такую заметную колонну едва ли можно было скрыть и пора было дать понять миру, что борьба за обладание Замком Лорда Валентина началась.

Впрочем, мир в любом случае начинал понимать это. Разведчики Эрманара, вернувшиеся из Пендивана, расположенного выше по Глайду, принесли новости о первых контрмерах узурпатора.

- Между ними и Пендиваном нет никаких армий,- доложил Эрманар.- Но плакаты, расклеенные в городе, клеймят вас мятежником, разрушителем и врагом общества. Похоже, покровительственный декрет Понтифекса еще не дошел сюда. Граждан Пендивана убеждают объединяться в отряды ополчения, чтобы защитить истинного Коронала и существующий порядок вещей от вашего посягательства. Кроме того, широко распространились послания.

Валентин нахмурился.

- Какие послания?

- От Короля. Похоже, никто не может заснуть ночью без того, чтобы Король не вошел в сон, нашептывая о преданности и предупреждая об ужасных последствиях, если Коронал будет свергнут.

- Разумеется,- буркнул Валентин.- Король трудится с полной отдачей. Они должны отправлять послания с Субраеля и днем, и ночью. Но мы повернем это против них, верно? - Он взглянул на Делиамбра.- Король Снов втолковывает людям, насколько страшно свержение Коронала. Хорошо. Пусть они поверят в это, пусть осознают, что эта ужасная вещь УЖЕ СЛУЧИЛАСЬ НА МАДЖИПУРЕ, и что от них зависит восстановление закона и порядка.

- К тому же, Король Снов не посторонний наблюдатель в этой войне,- сказал Делиамбр.- Мы должны убедить народ в том, что он поддерживает предательство своего сына.

- И мы сделаем это,- страстно сказала иерарх Лоривайд.- С Острова сейчас с удвоенной силой идут послания от Леди, противодействующие ядовитым снам Короля. Прошлой ночью, когда я спала, она явилась ко мне и показала, какого рода

послания собирается использовать. Это сцена отравления в Тил-омоне и подмены Коронала. Она будет показывать всем ваше новое лицо, Лорд Валентин, окружая его сиянием Коронала и звездного огня власти, а также портрет фальшивого Коронала - изменника с подлой и темной душой.

- Когда это начнется? - спросил Валентин.

- Она ждет вашего одобрения.

- Тогда откройте для нее свой разум сегодня ночью и скажите, что можно начинать.

Кун с Кианимота тихо заметил:

- Как странно все это кажется для меня! Война снов! Если даже я сомневался, что нахожусь в чужом мире, то это убедило меня.

Валентин улыбнулся.

- Дружище, лучше сражаться снами, чем мечами или излучателями.

- Война снов,- задумчиво повторил Кун.- Мы на Кианимоте действуем по-другому. Но кто скажет, какой путь более успешен? Впрочем, я думаю, без сражений обойтись не удастся.

Валентин угрюмо взглянул на голубокожего чужака и сказал:

- Боюсь, что вы правы.

Через пять дней они добрались до дальних

окраин Пендивана. Новость об их приближении уже облетела всю округу: фермеры прекращали работу на полях, чтобы взглянуть на кавалькаду парящих платформ, в более густонаселенных местах вдоль дороги собирались толпы.

Валентин считал, что все это хорошо. До сих пор ни одна рука не поднялась против него. Его принимали как явление любопытное, но вовсе не угрожающее, а большего он и не просил.

Однако, когда они оказались в дне пути от Пендивана, высланные отряды вернулись с известием, что для встречи их собраны силы у западных ворот города.

- Солдаты? - спросил Валентин.

- Народное ополчение,- ответил Эрманар.- На первый взгляд, поспешно собранное. У них нет формы, а только повязки на руках с эмблемой звездного огня на них.

- Отлично. Звездный огонь освящен моим покровительством. Я пойду к ним и потребую от них верности.

- Что вы наденете, мой лорд? - спросил Винорккис.

Озадаченный Валентин указал на простую одежду, в которой путешествовал после Острова Сна - белую подпоясанную тунику и легкую блузу

поверх нее.

- Думаю, что это,- сказал он.

Хьорт покачал головой.

- Вы должны одеться нарядно и, мне кажется, быть с короной. Думаю, это очень важно.

- Я бы не хотел появиться чересчур торжественно. Если они увидят человека в короне, чье лицо не будет лицом известного им Лорда Валентина, первое, что придет им в голову - узурпатор. Разве не так?

- Я думаю иначе,- ответил Виноркис.- Вы придете к ним и скажете: «Я ваш настоящий король». Простой костюм и легкие манеры могут завоевать вам друзей в тихой беседе, но не тогда, когда соберется большая толпа.

- С самого Пидруида я надеялся только на свою простоту и искренность,- сказал Валентин.

- Простота и искренность много значат,- сказал Виноркис,- но должна быть и корона.

- Карабелла, Делиамбр, что вы посоветуете мне?

- Немного показухи не повредит,- сказал вроон.

- Это будет ваше первое появление в роли претендента на Замок,- сказала Карабелла,- и немного пышности может хорошо помочь вам.

Валентин рассмеялся.

- Боюсь, что за время путешествия я отвык от такого наряда. Мысль о короне кажется мне сейчас просто смешной. Вещица из гнутого металла, надетая на мою голову, немного драгоценностей...- Тут он замолчал, заметив, что все смотрят на него, а потом продолжал менее беззаботным тоном: - Корона - это только внешнее украшение, безделушка, орнамент. Детей еще можно поразить такой игрушкой, но взрослый гражданин, который...- Он снова замолчал.

- Мой лорд,- сказал Делиамбр,- можете вы вспомнить, что испытали, когда звездный огонь впервые возложили на ваш лоб?

- Признаться, у меня мурашки побежали по спине.

- Верно. Корона действительно может быть детским украшением и глупой безделушкой, но это символ власти, который ставит Коронала в стороне от всех остальных и превращает просто Валентина в ЛОРДА Валентина, наследника Лорда Престимиона, Лорда Конфалума, Лорда Стиамота и Лорда Деккерета. Мы живем такими символами. Мой лорд, ваша мать Леди многое сделала для того, чтобы превратить вас в того, кем вы были до Тил-омона, но в вас осталось многое от жонглера Валентина. Думаю, сейчас потребуется больше

выразительности и меньше простоты.

Валентин помолчал, обдумывая слова Делиамбра и вспоминая свои собственные мысли о необходимости театральности для достижения нужной цели. Да, они были правы, а он заблуждался.

- Хорошо,- сказал он,- я надену корону, если кто-нибудь сумеет сделать ее ко времени.

Один из людей Эрманара быстро принес несколько кусков от испорченного мотора, единственный металл, оказавшийся под рукой. Учитывая срочность работы, подумал Валентин, корона сделана достаточно хорошо - не слишком грубые соединения, спицы звездного огня размещены через равные промежутки, внутренние кольца изгибаются ровно и гладко. Конечно, она была ничем в сравнении с подлинной короной с ее инкрустациями и гравировкой по семи различным драгоценным металлам, ее лучами из редких камней, ее трем сверкающим диниабам, венчающим лобное кольцо. Но эта корона - сделанная в правление великого Лорда Конфалума, который уделял большое внимание всем внешним атрибутам имперской власти - была сейчас в другом месте. Валентин долго держал в руках творение своих мастеров. Несмотря на презре-

ние, которое он выражал накануне, теперь он испытывал страх.

- Ополчение Пендивана ждет, мой лорд,- мягко сказал Делиамбр.

Валентин кивнул. Он был одет в позаимствованные у других наряды: зеленую куртку одного из друзей Эрманара, желтый плащ Асенхарта, тяжелую золотую цепь, принадлежавшую иерарху Лоривайд, и высокие блестящие ботинки с оторочкой из белого меха северного ститмоя, взятые у Насцимонте. Со злополучного банкета в Тил-омоне он не одевался так безвкусно. Было странно чувствовать себя одетым так претенциозно. Ему не хватало только короны.

Валентин хотел надеть ее и вдруг остановился, поняв, что переживает исторический момент, независимо от того, нравится ему эта идея или нет: он впервые надевал звездный огонь в своем втором воплощении. Совершенно неожиданно это событие перестало казаться ему маскарадом и стало больше похоже на коронацию. Валентин смущенно огляделся.

- Я не могу надеть этого сам,- сказал он.- Делиамбр, вы мой главный министр. Сделайте это.

- Мой лорд, я недостаточно высок.

- Я могу встать на колени.

- Это никуда не годится,- немного резко сказал вроон.

Ясно было, что Делиамбр не хочет делать этого. Валентин перевел взгляд на Карабеллу, но та испуганно замахала руками и прошептала:

- Я же простолюдинка, мой лорд!

Валентин покачал головой. Это уже начинало его раздражать. Они находили слишком много причин, чтобы отказаться. Поглядев вокруг, он заметил иерарха Лоривайд, эту величавую женщину с холодным взглядом, и сказал:

- В этой группе вы представляете Леди, мою мать. Могу ли я попросить вас...

Однако Лоривайд серьезно сказала:

- Корона, мой лорд, возлагается на Коронала по велению Понтифекса, и потому более разумно сделать это Эрманару, как высшему чиновнику Понтифекса среди нас.

Валентин кашлянул и повернулся к Эрманару.

- Думаю, это правильно. А что скажете вы?

- Это большая честь для меня, мой лорд.

Валентин передал корону Эрманару и сдвинул серебряный обруч своей матери так низко, как только мог. Эрманар, который был невысокого роста, взял корону двумя руками и потянулся вперед. Очень осторожно он опустил корону на

голову Валентина, и та легко скользнула на свое место.

- Ну вот,- сказал Валентин.- Я рад, что...

- Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует Лорд Валентин! Долгой жизни Лорду Валентину!

Все опустились на колени, делая знак звездного огня и крича его имя, все и даже - неожиданно - чужак Кун с Кианимота.

Валентин протестующе замахал руками, смущенный всем этим, желая сказать, что это не настоящая церемония, что это сделано только ради убеждения граждан Пендивана. Но ни слова не вышло из его горла, потому что он знал, что это импровизированное событие было фактически его второй коронацией. И он вновь почувствовал, как мурашки побежали у него по спине.

Простерши вперед руки, он стоял, принимая их знаки внимания, потом сказал:

- Идемте. Пешком и все вместе. Пендиван ждет нас.

Разведчики доложили, что ополченцы и высшие чины города уже несколько дней стоят лагерем у западных ворот Пендивана, ожидая их прибытия. Валентину было очень интересно, в каком состоянии нервы у жителей после такого долгого и неуверенного ожидания и какой прием

они собираются устроить ему.

Сейчас они были всего в часе езды от Пендивана и быстро двигались через район лесов и широких, приглаженных дождем лугов, которые вскоре сменились жилыми районами - маленькими каменными зданиями с коническими крышами, крытыми красной черепицей. Город, лежавший перед ними, был столицей провинции с населением в двенадцать или тринадцать миллионов. Это был, главным образом, торговый пункт, через который сельскохозяйственная продукция низов Глайд-Велли доставлялась к Пятидесяти Городам.

У ворот ждали, по крайней мере, десять тысяч ополченцев. Они заполняли дорогу и все проходы торгового ; рынка, размещенного у внешней стены Пендивана. Меньшая их часть была вооружена излучателями, а остальные - более простым оружием, и стоявшие в передовой линии были в постоянном напряжении, пытаясь казаться бравыми солдатами. Валентин приказал остановить платформы в нескольких сотнях ярдов от ближайшего из них, так что получилось широкое свободное пространство, своего рода буферная зона.

В мантии, плаще и короне он вышел вперед.

Иерарх Лоривайд шла справа от него, одетая в пылающее облачение высшего министра Леди, и слева шел Эрманар, неся на груди сверкающую эмблему Понтифекса. За Валентином двигались Залзан Кавол и его грозные братья, затем Лизамон Хултин в полном боевом наряде, по сторонам которой шли Слит и Карабелла. Аутифон Делиамбр ехал на руке великанши.

Медленно и величественно Валентин вышел на открытое место. Граждане Пендивана зашевелились, обмениваясь тревожными взглядами, облизывая свои губы, переступая с ноги на ногу и потирая руки. Воцарилось зловещее молчание.

Остановившись в двадцати ярдах от линии ополченцев, Валентин сказал:

- Добрые граждане Пендивана, я подлинный Коронал Маджипура и прошу вашей помощи в возвращении мне того, что я получил по воле Дивин и декрету Понтифекса Тивераса.

Тысячи широко раскрытых глаз смотрели на него. Валентин чувствовал себя совершенно спокойно.

- Я прошу выйти вперед герцога Холмсторга из Глайда и Редварда Халигорна, мэра Пендивана.

В толпе возникло движение, потом она расступилась и из середины вышел полный мужчина

в щеголеватой голубой с оранжевым тунике, чье лицо казалось серым от страха и напряжения. Черный шарф свисал на его широкую грудь. Он сделал несколько шагов к Валентину, заколебался, яростно замахал рукой кому-то невидимому, и через минуту пять или шесть муниципальных чиновников, выглядевших такими же смущенными, как дети, которых заставляют петь на школьном собрании, осторожно последовали за ним.

Полный мужчина сказал:

- Я - Редвард Халигорн, а герцог Холмсторг вызван в Замок Лорда Валентина.

- Мы встречались раньше, мэр Халигорн,- любезно сказал Валентин.- Вы помните? Это было несколько лет назад, когда мой брат Вориакс был Короналом и я ездил в Лабиринт его послом. Я остановился в Пендиване, и вы устроили банкет в высоком дворце на берегу реки. Вы помните, мэр Халигорн? Было лето, год засушливый, и река сильно обмелела, совсем не так, как сегодня.

Халигорн провел языком по губам и потянул себя за челюсть.

Потом хрипло сказал:

- Действительно, тот, кто стал Лордом Валентином, был здесь в сухой год. Но это был мужчина с

темными волосами и бородой.

- Верно, и тут кроется страшная измена, мэр Халигорн. Сейчас на Замковой Горе сидит узурпатор. Но я - Лорд Валентин и именем звездного огня, который вы носите на своих рукавах, требую признать меня Короналом.

Халигорн смущенно смотрел на него. Он явно предпочел бы оказаться в этот момент где угодно, даже в извилистых коридорах Лабиринта или жгучих пустынях Суврaеля.

Валентин продолжал:

- Рядом со мной иерарх Лоривайд с Острова Сна, ближайшая из спутников моей матери Леди. Вы думаете, она обманывает вас?

Иерарх холодно сказала:

- Это настоящий Коронал, и Леди лишит своей любви тех, кто выступит против него.

- А это Эрманар, один из слуг Понтифекса Тивераса.

Со всей присущей ему прямотой Эрманар сказал:

- Вы все слышали декрет Понтифекса, согласно которому светловолосого мужчину следует принимать как Лорда Валентина, Коронала. Кто-то из вас хочет выступить против Понтифекса?

Лицо Халигорна отразило весь его ужас. С гер-

цогом Холмсторгом Валентину пришлось бы труднее, ибо тот был очень надменен и не дал бы так легко запугать себя тому, кто носил самодельную корону и возглавлял небольшой отряд последователей. Но Редварду Халигорну, недавно выбранному чиновнику, не имевшему дела ни с чем, кроме банкетов и дебатов о налогах на предупреждение наводнений, было далеко до его глубины.

С трудом выговаривая слова, он произнес:

- Из Замка Лорда Валентина нам приказали связать вас, когда вы появитесь, и доставить на суд.

- В последнее время из Замка Лорда Валентина приходит много приказов,- сказал Валентин,- но есть ли среди них мудрые, справедливые и своевременные, мэр Халигорн? Это приказы узурпатора, и потому они не имеют цены. Вы слышали голоса Леди и Понтифекса и принимали послания, призывающие быть верными и преданными мне, верно?

- Но были и другие послания,- слабо сопротивлялся Халигорн.

- Да, от Короля Снов! - Валентин рассмеялся.- А кто такой, по-вашему, узурпатор? Кто он, укравший трон у Коронала? Это Доминин Барьязид, сын Короля Снов! Теперь вам понятны эти послания

с Суврaеля? Теперь вы видите, что происходит на Маджипуре?

Валентин позволил трансу овладеть собой и обрушился на несчастного Халигорна всей силой своей души.

Мэр зашатался. Лицо его покраснело и, ища поддержки, он ухватился за своих товарищей, но те тоже приняли послание Валентина и вряд ли были способны оказать поддержку.

Валентин сказал:

- Окажите мне помощь, друзья,- откройте для меня ваш город. Я начну отсюда завоевание Замковой Горы, и велика будет слава Пендивана - первого города Маджипура, выступившего против узурпатора!

6

Итак, Пендиван пал без единого удара или выстрела. Редвард Халигорн, чувствуя себя как человек, проглотивший стоензарскую устрицу, которая извивается в его пищеводе, опустился на колени и сделал знак звездного огня. Потом то же самое сделали двое его вице-мэров, а затем, как цепная реакция, это перекинулось на тысячи других людей, принявшихся выражать свое почтение сначала без особого убеждения, затем более стройно, по мере того, как проникались этой идеей:

- Валентин! Лорд Валентин! Долгой жизни Короналу!

Ворота Пендивана открылись.

- Слишком просто,- буркнул Валентин Карабелле.- Может, так будет продолжаться до самой Замковой Горы? Запугать одного или двух мэров, и трон снова вернется ко мне?

- Хорошо если бы все было так,- сказала она.- Но Барьязид ждет со своими телохранителями, и чтобы запугать их, нужно кое-что большее, чем слова и драматические эффекты. Там будут сражения, Валентин.

- Тогда пусть их будет не больше одного. Я не хочу, чтобы люди погибли, исправляя содеянное Доминином Барьязидом.

- Любовь моя, я никогда не думала, что короли бывают такими мягкими,- сказала Карабелла.

- Карабелла...

- Вы выглядите сейчас таким печальным!

- Меня пугает будущее.

- В будущем,- сказала она,- будет борьба, радостный триумф и восстановление порядка. И если вы, мой лорд, хотите быть настоящим королем, машите рукой своим людям, улыбайтесь и гоните с вашего лица это печальное выражение. Хорошо?

Валентин кивнул.

- Вы правы,- сказал он, взял ее руки и на мгновение прижал к своим губам. Потом повернулся к толпе, выкрикивавшей его имя, и поднял руки, принимая их приветствия.

Оказавшись в королевских апартаментах дворца мэра, Валентин вызвал Халигорна, который до сих пор не пришел в себя, и сказал:

- Мне нужны корабли, которые доставят нас к истокам Глайда. Плату получите из имперской казны после восстановления.

- Да, мой лорд.

- И еще - сколько войск вы можете предоставить в мое распоряжение?

- Войск?

- Войск, ополчения, воинов, носящих оружие. Вы меня понимаете, мэр Халигорн!

Мэр казался испуганным.

- Жители Пендивана не знают военного искусства, мой лорд.

Валентин улыбнулся.

- Никто на Маджипуре не знает его, но мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает всем нам. Неужели вы еще не почувствовали тяжести его новых налогов и декретов?

- Конечно, но...

- Но что? - резко спросил Валентин.

- Мы принимали это как действия Коронала, чувствующего свою власть.

- И хотели позволить угнетать вас тому, чье единственное назначение прислуживать вам?

- Мой лорд...

- И не думайте. Неужели вы не понимаете, как много можете получить, когда я восстановлю закон и порядок? Дайте мне армию, мэр Халигорн, и через тысячи лет храбрость жителей Пендивана будет воспеваться в балладах.

- Мой лорд, я отвечаю за жизни своих людей. Я

не хочу, чтобы их убили или...

- Это Я отвечаю за жизни ваших людей, как и за жизни двадцати миллиардов других,- быстро сказал Валентин.- И если пять капель чьей-нибудь крови прольется, когда я двинусь к Замковой Горе, это будет на шесть капель больше, чем устраивает меня. Но без армии я буду слишком уязвим. Вы понимаете, Халигорн? Соберите людей и вызовите добровольцев.

- Да, мой лорд,- дрожа, сказал Халигорн.

- И смотрите, чтобы добровольцы были действительно добровольцами!

- Будет сделано, мой лорд,- пробормотал мэр.

Сборы армии прошли быстрее, чем ожидал Валентин - всего несколько дней. Халигорн старался изо всех сил - видимо, ему не терпелось скорей избавиться от присутствия Валентина.

Народное ополчение, собранное для защиты Пендивана, стало теперь ядром поспешно созданной армии - около двадцати тысяч мужчин и женщин. Город с населением в тринадцать миллионов вполне мог выставить и большие силы, но Валентин не стремился к этому. Он не забыл свои собственные слова о том, что жонглировать булавами проще, чем стволами двикки. Двадцать тысяч войск выглядели достаточно воинственно,

а стратегия Валентина заключалась в том, чтобы набирать сторонников постепенно.

Они двинулись вверх по Глайду. Все суда в радиусе пятидесяти миль от Пендивана были пущены на перевозку войск. Огромная флотилия двинулась на север, и зеленые с золотом флаги Коронала трепетали на ветру.

Валентин стоял на носу своего флагмана, рядом с ним были Карабелла, Делиамбр и адмирал Асенхарт с Острова. Очищенный дождем воздух был чистым и сладким - хороший свежий воздух Алханроеля. Было здорово чувствовать, что наконец-то он плывет домой.

- Река здесь очень быстра,- заметил Асенхарт.

- Так и должно быть,- сказал Валентин и указал на едва видимую на севере вершину, которая уходила в небо.- Она течет со склонов Горы, и вся масса ее воды будет мешать нам двигаться к истокам.

Хьорт улыбнулся.

- По сравнению с этим плавание по океану кажется детской игрой. Реки всегда были удивительны для меня - такие узкие и быстрые... Дайте мне открытое море, драконов и все остальное, и я буду счастлив.

Первым крупным городом вверх по реке по-

сле Пендивана был Макропросопос, известный своими ткачами и артистами. Когда корабль Валентина приблизился к нему, все увидели, что берег Макропросопоса украшен гигантскими эмблемами Коронала.

- Интересно,- задумчиво сказал Слит,- означают эти флаги преданность настоящему Короналу или предупреждают о верности Барьязиду?

- Несомненно, они приветствуют вас, мой лорд,- сказала Карабелла.- Они знают, что вы прибываете по реке, и потому вывесили эти флаги в вашу честь!

Валентин покачал головой.

- Я думаю, население этого города весьма осторожно. Если мои дела на Замковой Горе пойдут плохо, они всегда смогут сказать, что выражали преданность другому. Если же проиграет он, они могут сказать, что были вторым после Пендивана городом, признавшим меня. Думаю, что нельзя позволить им роскошь такой двусмысленности. Асенхарт!

- Да, мой лорд?

- Мы идем в гавань Макропросопоса.

В этом был некоторый риск. Реальной необходимости высаживаться здесь не было, и меньше всего Валентину хотелось сражаться за какой-то

второстепенный город далеко от Горы. Однако важно было испытать эффективность своей стратегии.

Это испытание состоялось почти немедленно. Еще находясь далеко от берега, он услышал:

- Долгой жизни Лорду Валентину! Долгой жизни Короналу!

Мэр Макропросопоса выскочил на пирс, чтобы приветствовать его, а за ним несли подарки - большие тюки лучших тканей города. Он долго кланялся и выразил готовность выставить восемь тысяч своих граждан для армии реставрации.

- Что происходит? - тихо спросила Карабелла.- Они готовы признать Короналом любого, кто достаточно громко требует себе трон, размахивая при этом несколькими излучателями?

Валентин пожал плечами.

- Это миролюбивый и робкий народ, привыкший, к спокойной и удобной жизни. Тысячи лет они знали только процветание и не хотят ничего, кроме новых тысяч лет такой же жизни. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда им, потому они и покорились так быстро.

- Большинство «за»,- сказал Слит,- и если через неделю сюда придет Барьязид, они точно так же покорятся ему.

- Возможно. Но я воспользуюсь этим моментом. Когда часть города присоединится ко мне, другие побоятся поступить иначе. Это будет как стампеде[1], верно?

Слит нахмурился.

- То, что мы делаем сейчас, в следующий раз может сделать кто-нибудь другой, и это мне не нравится. Что если через год появится рыжеволосый Лорд Валентин и скажет, что он настоящий Коронал? Тогда наш мир погрузится в безумие.

- Есть только один помазанный Коронал,- спокойно сказал Валентин,- и население этих городов - независимо от своих мотивов - просто преклоняется перед волей Дивин. Когда я вернусь на Замковую Гору, не будет больше ни узурпаторов, ни других претендентов. Обещаю вам это!

В душе Валентин был согласен со словами Слита. Как хрупок, подумал он, договор, который держит наше правительство вместе! Добрая воля - вот единственное, что поддерживает его. Сейчас Доминин Барьязид показал, что предательством можно нарушить добрую волю, а Валентин обнаружил, что запугиванием можно противостоять предательству. Но, интересно, станет ли Маджи-

---

[1] Примечания: 1
Паническое бегство.

пур снова тем же самым, когда все конфликты подойдут к концу?

7

После Макропросопоса были Апокрун и Стангарл Фалле, Нумиван и Трейц, Южный Гайл и Митропонд. Все эти города с общим населением около пятидесяти миллионов признали власть светловолосого Лорда Валентина.

Все было, как и ожидал Валентин. Эти речные жители не стремились к войне, и ни один город не попытался дать бой ради того, чтобы решить, кто из соперников настоящий Коронал. После того как сдались Пендиван и Макропросопос, остальные нетерпеливо ждали своей очереди. Но эти победы были тривиальны, и Валентин знал, что речные города легко изменят ему, если увидят, что фортуна повернулась к темноволосому правителю. Законность, помазанность, воля Дивин - все это значило в реальном мире гораздо меньше, чем во дворах Замковой Горы.

И все же лучше было получить номинальную поддержку речных городов, чем слушать, как они смеются над его требованиями. В каждом из них Валентин объявлял набор войск, правда небольшой - всего по тысяче с города. Ему очень хотелось знать, что думает о событиях вдоль

Глайда Доминин Барьязид. Может, укрылся в Замке, боясь, что все миллиарды Маджипура гневно идут на него? Или же выжидает время, готовя внутреннюю линию обороны и собираясь повергнуть в хаос все королевство?

Путешествие по реке продолжалось.

Местность постепенно повышалась. Они были на окраине большого плато, где планетная кора выступала вверх мощными складками, и были дни, когда казалось, что Глайд поднимается перед ними, как вертикальная стена воды.

Сейчас вокруг были земли, знакомые Валентину, ведь в юности он часто посещал истоки всех Шести Рек, охотясь и ловя рыбу с Вориаксом и Элидатом или просто отдыхая от сложностей своего воспитания. Его воспоминания почти полностью вернулись к нему, и вид этих хорошо знакомых мест вызывал в памяти новые картины прошлого, которое Доминин Барьязид пытался у него отнять. В городе Джеррике в верховьях Глайда Валентин всю ночь играл со старым врооном, очень похожим на Аутифона Делиамбра, хотя и не таким маленьким, и в этой бесконечной игре в кости потерял все деньги, меч, маунта, дворянство и все земли, за исключением маленького клочка болот, а затем, прежде чем рассвело,

вернул все обратно. Правда, он всегда подозревал, что его компаньон сознательно проиграл ему, но в любом случае это был полезный урок. А в Хизелдорне, где жители жили в палатках из черного войлока, он и Вориакс провели ночь удовольствий с темноволосой ведьмой примерно тридцати лет, которая под утро, бросая семена пирглы, предсказала, что обоим им суждено быть королями. Вориакс был весьма обеспокоен этим пророчеством, вспомнил Валентин, ибо решил, что они будут совместно править как Короналы, так же, как вместе обнимали ведьму, и это было неслыханно в истории Маджипура. Но, оказалось, она имела в виду, что Валентин будет преемником Вориакса. В Амблеморне, самом юго-западном из Пятидесяти Городов, молодой Валентин, состязаясь в скорости с Элидатом из Морволы в лесу деревьев-пигмеев, тяжело упал и сломал большую кость своей левой ноги, так что зазубренный конец пробил кожу, и Элидат, сам еле живой от шока, вправил ему перелом, прежде чем отправиться за помощью. После этого у него осталась легкая хромота, но и нога, и хромота, с каким-то странным восторгом подумал Валентин, сейчас принадлежат Доминину Барьязиду, а тело, которое ему дали, было целым и здоровым.

Все эти города и еще многие другие сдавались Валентину, едва он приближался к ним. Сейчас, на краю Замковой Горы, под его знаменами двигалось почти пятидесятитысячное войско.

Амблеморн был последним пунктом, куда армия могла добраться по воде. Река здесь становилась путаницей притоков, узких каналов, и невозможно было понять, куда следует плыть. Валентин отправил вперед Эрманара с десятью тысячами воинов, чтобы тот подготовил сухопутные экипажи. Такую мощь имели сейчас силы, собранные Валентином, что Эрманар сумел безо всякого сопротивления реквизировать все платформы в трех провинциях.

Командовать в одиночку такой большой армией было невыполнимой задачей. Приказы Валентина шли вниз через Эрманара и полевых маршалов - пять высших офицеров, каждому из которых подчинялась дивизия: Карабеллу, Слита, Залзана Кавола, Лизамон Хултин и Асенхарта. Делиамбр постоянно находился рядом, готовый дать совет, а Шанамир, значительно выросший с тех пор, как пас маунтов в Фалкинкипе, стал главным офицером связи.

Для полной мобилизации потребовалось три дня.

- Мы готовы начать движение, мой лорд,- доложил Шанамир.- Могу ли я передать приказ?

Валентин кивнул.

- Пусть первая колонна выступает. Если мы выйдем сейчас, то в полдень будем в Бимбаке.

- Да, сэр.

- И еще... Шанамир...

- Сэр?

- Я знаю, что это война, но не будь все время таким серьезным. Хорошо?

- Я слишком серьезен, мой лорд? - Шанамир покраснел.- Но ведь это серьезное дело! Под нашими ногами Замковая Гора! - Похоже, это пугало его, сына фермера из далекого Фалкинкипа.

Улыбнувшись, Валентин сказал:

- Скажи мне, Шанамир, прав ли я? Сто вейтов составляют крону, десять крон - роял, а цена этой колбасы...

Шанамир изумленно смотрел на него, потом натянуто улыбнулся, пытаясь рассмеяться, и, наконец, это ему удалось.

- Мой лорд! - воскликнул он со слезами на глазах.

- Помнишь Пидруид? Когда я хотел заплатить за колбасу пятидесятирояловой монетой? Помнишь, как ты думал, что я простак? Впрочем, я и

был им в те первые дни в Пидруиде.

- Это было так давно, мой лорд!

- Действительно. Может, я по-прежнему остался им, если карабкаюсь на Замковую Гору, чтобы вернуть себе эту угнетающую и тяжелую работу по управлению государством. А может, и нет. Надеюсь, что нет, Шанамир. И помни, нужно улыбаться почаще. А теперь передай, чтобы первая колонна выступала.

Мальчик убежал. Валентин долго смотрел ему вслед. Они были так далеко от Пидруида, так далеко во времени и пространстве - в миллионах миль и миллионах лет. А ведь только год и несколько месяцев назад он сидел на гребне из белого камня, глядя вниз, на Пидруид, и думая, что делать дальше. Шанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол! Месяцы жонглирования на провинциальных аренах и ночевки на соломенных матрацах в кишащих блохами сельских гостиницах! Что за чудесное время, подумал Валентин, какая свободная и легкая жизнь. Ничего более важного, чем найти работу в следующем городе и стараться не уронить булаву. Он уже никогда не будет счастливее. Как хорошо, что Залзан Кавол взял его к себе в труппу, как хорошо, что Слит и Карабелла научили его своему искусству. Кто из

них мог представить, что через некоторое время они из жонглеров превратятся в генералов, ведущих освободительную армию на Замковую Гору?

Первая колонна уже выступила. Парящие платформы двигались над дорогой, направляясь к бесконечному подъему, отделявшему Амблеморн от Замка.

Пятьдесят Городов Замковой Горы были распределены как изюмины в пудинге, окружая концентрическими кругами пик Замка. В самом внешнем круге их было двенадцать - Амблеморн, Перимор, Морвол, Канзилайн, Восточный и Западный Бимбаки, Фурибл, Дипенхау Вал, Норморк, Казказ, Стипул и Дундилмир. Эти так называемые Склоновые Города были центрами производства и коммерции, и самый маленький из них - Дипенхау Вал - насчитывал семь миллионов жителей. Склоновые Города возникли от десяти до двенадцати тысяч лет назад и были возведены по древним проектам. Каждый из них отличался особой, только ему присущей красотой и славился во всем мире. Валентин бывал не во всех из них - для этого ему не хватало времени - но все же большинство повидал. Восточный и Западный Бимбаки с башнями-близнецами в милю высотой, сложенными из блестящих

кристаллических кирпичей, Фурибл с его знаменитыми садами каменных птиц, Канзилайн с говорящими статуями, Дундилмир и Фьери-Вэлли. Между городами располагались королевские парки, заповедники флоры и фауны, охотничьи зоны и священные рощи, все широкое и просторное, в тысячи квадратных миль. Это было место, достаточное для спокойного и неторопливого развития цивилизации.

В сотне миль выше по Горе располагался круг из девяти Свободных Городов - Сиккал, Хун, Бибирун, Сти, Верхний и Нижний Санбреки, Кестлторн, Гимкандал и Вугель. Ученые до сих пор спорили о происхождении термина «Свободные Города», поскольку ни один город на Маджипуре не был свободен больше или меньше, чем любой другой. Большинство сходилось к тому, что в царствование Лорда Стиамота эти девять городов были освобождены от налогов, возлагаемых на других, взамен за особые услуги, оказанные Короналу. С тех пор Свободные Города периодически требовали такого освобождения и часто успешно. Крупнейшим из Свободных Городов был Сти с тридцатью миллионами жителей, стоявший на реке того же названия. Это был город размером с Ни-мойю и, если верить слухам, даже более

величественный. Валентин считал, что трудно представить место, сравнимое по своему великолепию с Ни-мойей, но за годы своей жизни на Замковой Горе так и не сумел посетить Сти, да и сейчас вынужден был пройти мимо, ибо тот был с другой стороны.

Еще выше располагались одиннадцать Охранных Городов - Стеринмор, Ковани, Гриб, Минимул, Страв, Хрикмар, Эртсуд Гранд, Ренноск, Фа и Верхняя и Нижняя Сигла. Все они насчитывали от семи до тринадцати миллионов жителей. Поскольку окружность Горы на этой высоте была не так велика, Охранные Города размещались ближе друг к другу, чем более нижние города, и легко можно было представить, что через несколько столетий они образуют непрерывный промышленный пояс, окружавший Гору на середине высоты.

За этим поясом лежали девять Внутренних Городов - Габелл, Си, Хаплиор, Кресм, Барглексод, Бомбифал, Гаунд, Перитол и Тентаг - и девять Высших Городов - Мулдемар, Гуин, Госсиф, Тидиас, Нижний и Верхний Морпин, Сипермит, Франгиор и Галанс. Это были метрополии, хорошо известные Валентину по его юности. Галанс, город знати, был местом его рождения, в Сипермите, поскольку тот был близок к Замку, он жил

во время правления Вориакса, Верхний Морпин был его любимым местом отдыха, где он часто катался на зеркальных катках и ездил на колесницах. Как давно это было! Как давно... Сейчас, по мере того как платформы поднимались все выше, Валентин вглядывался вдаль, в скрытые облаками высоты, надеясь хоть на мгновение увидеть Сипермит, Галанс и Верхний Морпин, лежавшие где-то далеко впереди.

Однако было еще слишком рано ожидать этого. Из Амблеморна дорога вела между Восточным и Западным Бимбаками, а затем огибала невероятно крутой и зазубренный Гребень Норморка, подходя к самому Норморку, знаменитая каменная стена которого, согласно легенде, повторяла стену Велалисера. Восточный Бимбак приветствовал Валентина как законного монарха и освободителя, прием же в Западном Бимбаке был гораздо менее радушным, хотя сопротивления оказано не было. Эти люди до сих пор не поняли, как выгоднее вести себя в странной борьбе, разворачивающейся на склонах Горы. А в Норморке огромные Ворота Деккерета были закрыты, возможно, впервые со времен постройки. Это был недружественный поступок, но Валентин предпочел расценить его, как выражение ней-

тралитета, и миновал Норморк, не делая попыток войти в него. Меньше всего ему сейчас хотелось отвлекаться на осаду неприступного города. Гораздо проще, решил он, просто не считать его своим врагом.

За Норморком дорога пересекала Толингарский Барьер, который был вовсе не барьером, а огромным парком - сорок миль наманикюренной элегантности для развлечения жителей Казказа, Стипула и Дундилмира. Здесь все было так, будто каждое дерево и каждый куст подстригли, чтобы придать им самую стройную из форм. Здесь не было торчащих ветвей, нарушающих общие пропорции. Даже если бы все жители Замковой Горы работали садовниками в Толингарском Барьере, они не смогли бы добиться такой точности в выполнении своей задачи. Валентин знал, что этого достигли программой контроля разведения, начатой более четырех тысяч лет назад, в правление Лорда Хавилбова, и продолженной тремя его преемниками: эти растения сами следили за своей формой, сами сбрасывали лишние ветви, непрерывно совершенствуя симметрию форм. Сейчас секрет такого садового волшебства был потерян.

Наконец, армия реставрации вступила на уро-

вень Свободных Городов.

Вид, открывшийся отсюда, с вершины Толингарского Барьера, был невообразимо величествен. Чудесный парк Лорда Хавилбова изгибался внизу, как огромный зеленый язык, уходящий к востоку, а за ним, как едва видимые серые точки, лежали Дундилмир и Стипул. Еще дальше угадывались стены Норморка, а затем склон спускался к Амблеморну и истокам Глайда. На самом горизонте, закрытом дымкой, можно было с трудом различить реку с ее кишащими людьми городами: Нумиваном, Митропондом, Трейцом. От Макропросопоса и Пендивана не было даже намека, хотя Валентин видел уроженцев этих городов, которые долго всматривались вдаль, а потом неистово убеждали друг друга, что вот этот пригорок или холмик и есть их дом.

Стоя возле Валентина, Шанамир сказал:

- Я думал, что с Замковой Горы можно увидеть все, вплоть до Пидруида, а мы не видим даже Лабиринта! Может, нужно подняться выше?

- Нет,- сказал Валентин.- Облака закрывают все, что лежит ниже Охранных Городов. Порой здесь можно забыть о том, что существует остальной Маджипур.

- Там очень холодно? - спросил мальчик.

- Холодно? Там климат такой же мягкий, как здесь. Даже еще мягче. Там вечная весна, воздух чист и свеж и всегда цветут цветы.

- Но ведь Гора уходит в небо так далеко! Горы Кинторского Пограничья гораздо ниже, и все же я слышал, что на вершинах их лежит снег, который иногда остается на все лето. В Замке должно быть темно, как ночью, и холодно, смертельно холодно!

- Нет,- ответил Валентин.- Машины древних поддерживают там не кончающуюся весну. Они уходят глубоко в Гору, берут из нее энергию - понятия не имею как - и превращают в тепло, свет и свежий воздух. Я видел эти машины в глубинах Замка, огромные сооружения из металла - там его хватит, чтобы построить город - огромные насосы, гигантские медные трубы и...

- Когда мы придем туда, Валентин? Мы уже близко?

Валентин покачал головой.

- Еще даже не на полпути.

8

Самая прямая дорога вверх лежала между Бибируном и Верхним Санбреком. Это было широкое, постепенно поднимающееся ответвление Горы. Когда они подошли к Бибируну, Валентин, поговорив с Горзвалом, который был квартирмейстером, узнал, что армия плохо снабжается свежими овощами и мясом. Разумнее было запастись всем на этом уровне, прежде чем двигаться к Охранным Городам.

Бибирун был городом с двенадцатью миллионами жителей, эффектно раскинувшимся на стомильном гребне, казалось, свисающем с лица Горы. Был только один способ достичь его - со стороны Верхнего Санбрека, через ущелье, такое крутое и узкое, что сотня воинов могла защищать его от миллиона. Поэтому, подойдя сюда, Валентин не удивился, что ущелье занято и к тому же более чем сотней воинов.

Эрманар и Делиамбр отправились на переговоры, но вскоре вернулись с сообщением, что герцог Хейтлуг из Чорга, командующий войсками в ущелье, хочет говорить с Лордом Валентином.

- Кто такой этот Хейтлуг? - спросила Карабел-

ла.- Вы его знаете?

Валентин кивнул.

- Немного. Он принадлежит к семье Тивераса. Надеюсь, у него нет зла против меня.

- Он может заслужить милость Доминина Барьязида, если не пропустит вас через этот проход,- мрачно сказал Слит.

- И потом будет страдать каждый раз, как ляжет спать? - смеясь, ответил Валентин.- Он, может, и пьяница, но не убийца, Слит. Это дворянин.

- Как и Доминин Барьязид, мой лорд.

- Барьязид тоже не решился убить меня, когда имел возможность. Так нужно ли бояться убийц, отправляясь на переговоры? Идемте, мы только зря теряем время.

Валентин поднялся ко входу в ущелье, сопровождаемый Эрманаром, Асенхартом и Делиамбром. Герцог с тремя людьми уже ждал их.

Хейтлуг был широкоплечим мощным мужчиной с густыми, слабо вьющимися белыми волосами и румяным мясистым лицом. Он тут же уставился на Валентина, как бы изучая особенности этого светловолосого пришельца в поисках намека на присутствие души настоящего Коронала. Валентин приветствовал его, как Коронал провинциального герцога, и это поставило Хейт-

луга в затруднительное положение: он не знал, как вести себя. Наконец он произнес:

- Говорят, что вы Лорд Валентин, измененный колдовством. Если это так, то я приветствую вас, мой лорд.

- Можете не сомневаться, это так.

- Об этом говорили и послания. Правда, были и другие...

Валентин улыбнулся.

- Цену имеют только послания Леди. Чего стоят послания Короля, вы можете решить сами, зная, что сделал его сын. Вы получили инструкции из Лабиринта.

- Да, по ним мы должны признать вас. Но сейчас странные времена, и если не верить тому, что говорят в Замке, то как доверять приказам, идущим из Лабиринта? Все они могут быть подложными.

- Рядом со мной Эрманар, один из высших служителей вашего великого дяди - Понтифекса, и он здесь не как пленник,- сказал Валентин.- Он может показать вам печати, дающие власть.

Герцог пожал плечами. Его глаза продолжали изучать Валентина.

- Очень странно, что Коронала могли изменить таким образом. Если это правда, то правдой может быть что угодно. Что вам нужно в Бибируне,

мой лорд?

- Нам нужны овощи и мясо. Идти еще сотни миль, а голодные солдаты не лучший народ.

Дернув щекой, Хейтлуг сказал:

- Вы знаете, что находитесь в Свободном Городе?

- Я знаю это. И что из того?

- Есть древняя традиция, возможно, забытая другими. Но мы в Свободных Городах не привыкли снабжать товарами правительство, конечно, за исключением обычных налогов. Плата за продовольствие для такой армии, как у вас...

- ...полностью истощит имперскую казну,- живо закончил Валентин.- Мы не просим от Бибируна ничего, что может нанести ему убыток хотя бы в десять вейтов.

- И имперская казна едет с вами?

Валентин позволил, чтобы его гнев прорвался наружу.

- Имперская казна находится на Замковой Горе, как заведено еще при Лорде Стиамоте, и когда я достигну ее и сброшу вниз узурпатора, то расплачусь за все, что куплю здесь. Или, может, у Коронала больше нет кредита в Бибируне?

- Кредит у Коронала есть,- осторожно ответил Хейтлуг,- но у меня есть сомнения, мой лорд. Мы

бережливые люди и нам будет очень стыдно, если выяснится, что мы предоставили кредит тому... тому, кто не имел на него права.

Валентин постарался взять себя в руки.

- Вы обращаетесь ко мне «мой лорд», а потом говорите о каких-то сомнениях.

- Я еще не уверен и признаю это.

- Хейтлуг, отойдем на минутку в сторону.

- Что?

- Отойдем на десять шагов! Или вы думаете, что я перережу вам горло, едва вы удалитесь от своих телохранителей? Просто я хочу сказать вам такое, что не предназначено для ушей других людей.

Герцог неохотно кивнул и пошел за Валентином. Понизив голос, Валентин сказал:

- Когда вы прибыли на мою коронацию, Хейтлуг, то сидели за столом семьи Понтифекса и выпили четыре или пять бутылок мулдемарского вина, помните это? Уже вдребезги пьяный, вы пошли танцевать, споткнулись о ногу своего кузена Элзандира, упали и едва не подрались с ним. Хорошо, что я оттащил вас в сторону. Откуда, по-вашему, я могу знать это, если я выскочка с Цимроеля, пытающийся захватить Замок Лорда Валентина?

Лицо Хейтлуга побагровело.

- Мой лорд...

- Вот сейчас вы сказали это как надо! - Валентин тепло хлопнул герцога по плечу.- Хорошо, Хейтлуг. Помогите мне, и когда вы явитесь в Замок на торжество по поводу моего восстановления, то получите еще пять бутылок хорошего мулдемарского. И, надеюсь, вы будете более умеренны, чем в прошлый раз.

- Мой лорд, чем я могу помочь вам?

- Я уже сказал, что мне нужны овощи и свежее мясо, а расчет - когда я снова стану Короналом.

- Хорошо. Но будете ли вы Короналом?

- Что вы имеете в виду?

- Армия, которая ждет наверху, не маленькая армия, мой лорд. Лорд Валентин... тот, кто называет себя Лордом Валентином... требует сотни тысяч граждан для защиты Замка.

Валентин нахмурился.

- И где собирается эта армия?

- Между Эртсуд Гранд и Бомбифалом. Он тянет людей из всех Охранных Городов и тех, что лежат выше. Реки крови потекут с Горы, мой лорд.

Валентин отвернулся и на мгновение прикрыл глаза. Боль и страх захлестнули его душу. Это было неизбежно, и он ждал этого с самого начала. Доминин Барьязид позволит ему спокойно

пройти нижние склоны, а затем начнет ожесточенную борьбу за верхние, используя против него его собственных королевских телохранителей, высокорожденных рыцарей, с которыми он воспитывался. В первых рядах будут Стасилейн, Тунигорн, его кузен Миригант, Элидат и сын его брата Диввис...

На мгновение решимость Валентина была поколеблена. Стоило ли поднимать весь этот шум и проливать кровь своих людей, чтобы во второй раз сделать себя Короналом? Может, в том, что его свергли, проявилась воля Дивин? Если он восстанет против этой воли, это может вызвать страшный катаклизм и оставить шрамы в душах всех людей, которые по ночам будут являться ему в снах и вечно проклинать его имя.

Он может повернуть сейчас обратно, может отказаться от столкновения с силами Барьязида, может принять приговор судьбы и...

Но нет. Не первый раз он ведет с собой эту борьбу и побеждает. Должен победить и сейчас. Фальшивый Коронал занял высочайшее место на Маджипуре и правит безрассудно и незаконно. Нельзя позволить, чтобы все осталось как есть.

- Мой лорд? - спросил Хейтлуг.

Валентин снова посмотрел на герцога.

- Мысль о войне причиняет мне боль, Хейтлуг.

- Она не радует никого, мой лорд.

- И все же приходит время, когда должна начаться война, чтобы не произошли более худшие вещи. Думаю, это время пришло.

- Похоже на то.

- Вы признаете меня Короналом, Хейтлуг?

- Думаю, никакой самозванец не мог знать о моем пьянстве на коронации.

- И будете сражаться со мной под Эртсуд Грандом?

- Конечно, мой лорд. Сколько войск вы потребуете от Бибируна?

- Скажем, пять тысяч. Мне не нужна огромная армия, главное, чтобы она была преданной и храброй.

- Пять тысяч воинов ваши, мой лорд, и будет больше, если вы попросите.

- Пяти тысяч хватит, Хейтлуг. Спасибо за ваше доверие ко мне. А сейчас готовьте свежие овощи и мясо.

9

Остановка в Бибируне была короткой, но достаточной, чтобы Хейтлуг собрал силы и снабдил Валентина необходимыми продуктами. Потом движение вверх продолжалось. Валентин ехал в авангарде со своими друзьями по Пидруиду. Ему нравилось видеть страх и восхищение в их глазах, видеть горящее от возбуждения лицо Шанамира, слышать восторженные вздохи Карабеллы и замечать, как даже грубоватый Залзан Кавол изумленно бормочет что-то по мере того, как великолепие Замковой Горы открывалось перед ним.

Да и сам он... как он радовался при мысли, что возвращается домой!

Чем выше они поднимались, тем слаще и чище становился воздух, поскольку войско приближалось к огромным машинам, поддерживающим на Горе вечную весну. Вскоре вдали показались окраины Охранных Городов.

- Какой величественный вид...- пробормотал Шанамир.

Здесь Гора была огромным серым щитом из гранита, который мягко, но непреклонно под-

нимался к небесам, скрываясь в белых волнах облаков, покрывавших верхние части склонов. Небо было удивительного голубого цвета, гораздо более глубокого оттенка, чем на равнинах Маджипура. Валентин помнил это небо, помнил, как он любил его и не хотел спускаться вниз, в мир обычных цветов. Сейчас грудь его сжималась при виде всего этого. Каждый холм или гребень казались окруженными сверкающими ореолами таинственного света. Даже пыль, лежащая по сторонам дороги, казалась сверкающей. Города-спутники и мягкие поселения уходили во все стороны, мерцая, как места пугающей магии, а высоко вверху уже виднелись несколько главных промышленных центров. Эртсуд Гранд лежал прямо впереди, его огромные черные башни уже вырисовывались на горизонте, на востоке виднелось темное пятно, которое, вероятно, было городом Минимулом, а на западном краю пейзажа едва угадывался Хоикмар, известный своими спокойными каналами и дорогами.

Валентин заморгал, чтобы скрыть слезы, навернувшиеся на глазах, постучал по арфе Карабеллы и сказал:

- Спой для меня.

Она улыбнулась и подняла маленький инстру-

мент.

- Мы пели это в Тил-омоне, когда Замковая Гора была еще местом из романтического сна...

Эта земля далеко на востоке,
Мы никогда не увидим ее.
На недоступных горных вершинах
За облаками лежат города.
На Замковой Горе, где Владыки живут,
И герои весь день...

Тут она замолчала, в последний раз ударила по струнам, опустила арфу и отвернулась от Валентина.

- Что с тобой, любимая?- спросил он.

Карабелла покачала головой.

- Ничего. Я забыла слова.

- Карабелла?

- Я же сказала, ничего!

- Пожалуйста...

Закусив губу, она взглянула на него. Глаза ее были полны слез.

- Здесь так чудесно, Валентин,- прошептала она.- И так странно... так пугающе...

- Чудесно - да, но пугающе?..

- Это даже больше, чем я могла вообразить: все

эти города, эти горы, являющиеся частью большой горы, все это чудесно. Но... но...

- Скажи мне, в чем дело?

- Вы идете домой, Валентин! К своим друзьям, к своей семье, к своим... своим любовницам... Когда вы выиграете войну, они будут вокруг вас, они уведут вас на банкеты и торжества, и...- Она помолчала.- Мне не следует говорить об этом.

- Говори, говори!

- Мой лорд...

- Не так официально, Карабелла.- Он взял ее за руку, заметив при этом, что Шанамир и Залзан Кавол перешли на другой конец платформы и сели там, спиной к ним.

Она заговорила, торопливо выбрасывая из себя слова:

- Мой лорд, что будет с маленькой девушкой-жонглером из Тил-омона, когда вы снова окажетесь среди принцев и леди Замковой Горы?

- Разве я давал повод думать, что брошу тебя?

- Нет, мой лорд. Но...

- Зови меня Валентин. Но что?

Ее щеки покраснели. Вырвав руку из его ладоней, она провела ею по своим темным глянцевитым волосам.

- Вчера ваш герцог Хейтлуг увидел нас вместе,

увидел, как вы обнимали меня... Валентин, вы не заметили его улыбки? Как будто я ваша любимая игрушка, которую можно выбросить, когда придет время!

- Думаю, ты слишком много прочла в улыбке Хейтлуга,- медленно сказал Валентин, хотя тоже заметил ее, и она его обеспокоила. Он знал, что для Хейтлуга и других, подобных ему, Карабелла была только выскочкой-наложницей из невообразимо низкого класса, заслуживавшей, в лучшем случае, презрения. В его прежней жизни на Замковой Горе такие различия классов были неоспоримым проявлением природы вещей, однако он долго был вдали от Горы и многое узнал. Страхи Карабеллы были вполне реальны. Но проблему ее можно было решить, только когда придет подходящий момент, а сейчас на очереди были другие задачи. Он мягко сказал:

- Хейтлуг слишком любит вино, и душа его груба. Не обращай на него внимания. Для тебя найдется место среди высших обитателей Замка, и никто не посмеет третировать тебя, когда я снова стану Короналом. А сейчас закончи свою песню.

- Вы любите меня, Валентин?

- Да, я люблю тебя. Но ты нравишься мне мень-

ше, когда у тебя красные заплаканные глаза.

Она фыркнула.

- Так говорят только с ребенком! Вы считаете меня девочкой?

Пожав плечами, Валентин ответил:

- Я считаю тебя женщиной, к тому же любимой женщиной. Что же прикажешь отвечать, когда ты спрашиваешь, люблю ли я тебя?

- Что вы любите меня, и ничего больше.

- Тогда прошу прощения. Я буду подходить к этим вещам более осторожно. Так ты споешь мне?

- Если хотите,- сказала она и взяла арфу.

Все утро они двигались вверх, на открытые пространства за Свободными Городами. Валентин выбрал Пиниторское Шоссе, извивавшееся между Эртсуд Грандом и Хоикмаром через пустое каменистое плато, которое оживляли редкие рощицы хазан-деревьев с крепкими стволами пепельного цвета и искривленными ветвями деревьев, которые живут десять тысяч лет и издают тихие кашляющие звуки, когда приходит их время. Это была оцепеневшая и молчаливая земля, где Валентин и его армия могли собраться с силами перед тем, что ждало их впереди.

Подъему их никто не мешал.

- Они не будут пытаться остановить нас,- сказал Хейтлуг,- пока мы не минуем Охранные Города. Мир здесь сужается, почва покрыта морщинами и складками. Здесь можно устроить ловушку.

- Ничего, места хватит,- сказал Валентин.

В голой долине, окаймленной зубчатыми скалами, за которыми в двадцати милях к востоку лежал Эртсуд Гранд, он остановил свою армию и посовещался с командирами. Разведчики, посланные вперед, вернулись с новостями, придавившими Валентина, как свинцовый плащ: огромная армия заполняла плоскую равнину в сотни квадратных миль под Внутренним Городом Бомбифалом. Большую часть войска составляла пехота, но были и парящие платформы, полк кавалерии на маунтах и корпус огромных моллиторов, по крайней мере, в десять раз больших, чем массивные танкоподобные боевые животные, ждавшие их на берегах Глайда. Однако Валентин не подал виду, что это беспокоит его.

- Они превосходят нас раз в двадцать,- сказал он.- Но армия такого размера достаточно неуклюжа, чтобы сделать нашу жизнь легкой.- Он постучал по карте, лежавшей между ними.- Они стоят здесь, на Бомбифал-Плейн, и, конечно, увидят, если мы пойдем по равнине прямо на них.

Они ждут, что мы попытаемся подняться через Перитолский Проход к западу от равнины, и поставят там крупные силы. И мы действительно пойдем туда.

Хейтлуг испуганно ахнул, а Эрманар удивленно взглянул на него. Нисколько не смущенный, Валентин продолжал:

- Когда мы пойдем туда, они отправят подкрепления в этом направлении, и, как только движение начнется, им будет тяжело перестроиться, а мы повернем обратно к равнине, прямо в центр их лагеря, и пройдем через него. Выше Бомбифала находится дорога Верхнего Морпина, которая беспрепятственно приведет нас к Замку. Есть вопросы?

- Что если у них есть вторая армия, ждущая нас между Бомбифалом и Верхним Морпином?- сказал Эрманар.

- Спросите меня об этом еще раз,- ответил Валентин,- когда мы будем за Бомбифалом. Есть еще вопросы?

Он посмотрел вокруг, но все молчали.

- Очень хорошо. Итак, вперед!

На другой день, когда они вошли в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города, земли вокруг стали более плодородными. Теперь

они были в зоне облаков, холодной и сырой, откуда солнце виднелось только смутно сквозь извивающиеся пряди тумана, который никогда не поднимался. В этих влажных местах растения, которые внизу едва доходили до колен, вырастали до гигантских размеров, с листьями, как тарелки, и стеблями, как стволы деревьев. И на всем этом сверкали капли воды.

Местность здесь была крайне изрезанной, с крутыми горными грядами, поднимавшимися по сторонам глубоких горных долин, и дорога серпантином извивалась вокруг высоких пиков. Выбирать дорогу становилось все труднее: к западу были Банглекодские Вершины - почти неизученный район непроходимых, похожих на клыки гор, к востоку раскинулась широкая Бомбифал-Плейн, а прямо впереди, ограниченная с двух сторон отвесными каменными стенами, тянулась серия гигантских естественных каменных ступеней, известная как Перитолский Проход, где - если догадка Валентина была верна - их ждали лучшие войска узурпатора.

Валентин неторопливо вел свои войска к Проходу. Четыре часа движения, остановка на два часа, еще пять часов подъема, остановка на ночь и выступление утром. В живительном возду-

хе Замковой Горы можно было идти гораздо быстрее, но враги несомненно следили за их подъемом, и Валентин хотел дать им время, чтобы принять необходимые контрмеры.

На следующий день движение еще более замедлилось, поскольку первая из огромных ступеней уже виднелась впереди. Делиамбр, колдовством пославший свой разум вперед, сообщил, что Проход действительно занят войсками, а с Бомбифал-Плейн идет на подмогу еще одна армия.

Валентин улыбнулся.

- Теперь уже скоро. Они упадут прямо нам в руки.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить лагерь на прекрасном лугу, возле холодной чистой реки. Фургоны установили в защитный боевой порядок, фуражеры отправились собирать дрова для костров, квартирмейстеры начали раздавать обед, а когда опустилась ночь, из уст в уста передали приказ, что нужно вновь двигаться вперед, оставив костры горящими и сохранив боевой порядок для фургонов.

Валентин чувствовал, что его охватывает все большее возбуждение. Он видел блестящие глаза Карабеллы и старый шрам на лице Слита, ставший более заметным, когда сердце того забилось

сильнее. А был еще и Шанамир, справлявшийся со многими мелкими обязанностями с таким мрачным видом, что выглядел одновременно и смешно, и воинственно. Это были незабываемые часы в ожидании важных событий, которые вот-вот должны были начаться.

- В своей прежней жизни на Горе,- сказала Карабелла,- вы, наверное, глубоко изучили военное искусство, если смогли придумать такой маневр.

Валентин со смехом ответил:

- Военное искусство? Все военное искусство, известное на Маджипуре, было забыто в первые сто лет после смерти Лорда Стиамота. Я ничего не знал о войне, Карабелла.

- Но как...

- Догадки и Удача. Что-то вроде гигантского жонглирования.- Он подмигнул.- Только не говори этого другим. Пусть думают, что их генерал - гений.

На затянутом облаками небе не было ни одной звезды, и только луна виднелась туманным красноватым диском. Армия Валентина двигалась к Бомбифал-Плейн по дороге, освещенной светящимися шарами, и Делиамбр сидел рядом с Валентином и Эрманаром, погрузившись в глубокий транс, выискивая впереди барьеры и

препятствия. Валентин молчал, чувствуя странное спокойствие.

За час до рассвета, когда они достигли места, где дорога поворачивала к выходу на равнину, Валентин снова собрал командиров.

- Только три вещи,- сказал он им.- Соблюдать плотный боевой порядок, не убивать без необходимости и двигаться вперед.- Улыбаясь, он пожал каждому из них руку.- Ленч у нас сегодня будет в Бомбифале,- сказал он,- а ужин завтра ночью - в Замке Лорда Валентина. Обещаю вам это!

10

Итак, пришло время, о котором Валентин со страхом думал последние месяцы. Он должен вести одних граждан Маджипура в бой против других, должен поставить кровь своих товарищей по путешествию против крови своих друзей детства.

В сером свете рассвета наступающая армия пересекла край равнины, и Валентин впервые увидел легионы, противостоящие ему. Равнина казалась полна черными палатками. Везде были солдаты, повозки, маунты, моллиторы - перепутанная и хаотическая масса.

Армия Валентина выстроилась в виде клина, в головных фургонах которого двигались храбрейшие и самые решительные воины, войска герцога Хейтлуга формировали его центральную часть, а тысячи необученных ополченцев из Пендивана, Макропросопоса и других городов Глайда замыкали построение, более рассчитывая на свою численность, чем на доблесть. Все расы Маджипура были представлены в этих силах освобождения - взвод скандаров, расчет вроонов, орды лииименов с горящими глазами, большое ко-

личество хьортов и хайрогов и даже небольшая обособленная группа су-сухерисов. Сам Валентин ехал в одной из трех вершин клина, правда, не в центральной: там двигался Эрманар, готовый принять на себя основную тяжесть боя с войсками узурпатора. Машина Валентина была на правом крыле, Асенхарта - на левом, а следом за ними двигались колонны, ведомые Слитом, Карабеллой, Залзаном Каволом и Лизамон Хултин.

- Пошли!- крикнул Валентин, и сражение началось.

Машина Эрманара рванулась вперед, заревели горны, вспыхнули огни. Мгновением позже Валентин последовал за ним, а взглянув на другую сторону поля боя, увидел движущегося параллельно Асенхарта. Плотным строем они вырвались на равнину, и тут же огромные массы защитников пришли в замешательство. Передовая линия войск узурпатора разрушилась с удивительной внезапностью, как будто об этом договорились заранее. Тут и там бегали испуганные солдаты, сталкиваясь, путаясь, борясь за оружие или стремясь убраться подальше. Огромное пространство равнины превратилось в океан отчаянно мечущихся фигур, которыми никто не командовал. И сквозь эту толпу двига-

лась фаланга наступающих. Обмена выстрелами почти не было, и лишь случайные разряды излучателей сверкали над равниной. Противник казался слишком изумленным, чтобы защищаться, и атакующий клин шел вперед, не встречая сопротивления.

Делиамбр тихо заметил Валентину:

- Они растянули свои войска по огромному фронту - на сотню миль или даже больше, и им потребуется время, чтобы собрать силы. Но после первого замешательства они перестроятся, и дело примет более серьезный оборот.

И действительно, это уже происходило.

Неопытное гражданское ополчение, которое Доминин Барьязид набрал в Охранных Городах, можно было привести в замешательство, но ядро защищающейся армии состояло из рыцарей Замковой Горы, обученных если не в самой войне, то в военных играх, и они-то сейчас собрались с силами и начали со всех сторон приближаться к маленьким клиньям атакующих, глубоко вонзившимся в оборону. Взвод моллиторов вышел во фланг Асенхарту, щелкая челюстями и размахивая когтями, с другой стороны эскадрон кавалерии добрался до своих маунтов и сейчас строился в боевой порядок, а Эрманар нарвался

на плотный заградительный огонь излучателей.

- Держите строй!- крикнул Валентин.- И идите вперед!

Они еще двигались, но скорость движения заметно снизилась. Если сначала силы Валентина резали вражескую оборону, как горячий нож масло, то теперь это больше походило на движение через стену густого ила. Многие из экипажей были окружены, а некоторые совсем остановились. Валентин мельком заметил Лизамон Хултин, широко шагавшую через толпу защитников, расшвыривая их налево и направо. Трое гигантов-скандаров - это могли быть только Залзан Кавол и его братья - неся в каждой из четырех рук какое-нибудь оружие, устроили вокруг себя ужасную резню.

Машину самого Валентина едва не захватили, но водитель успел вовремя развернуться, расшвыривая вражеских солдат в стороны.

Всюду лежали тела павших. Теперь Валентин понимал, насколько глупой была его надежда захватить Замковую Гору без кровопролития. Уже сейчас сотни погибли, а тысячи были ранены. Сощурившись, он прицелился из своего излучателя в высокого темнолицего мужчину, карабкавшегося на машину, и свалил его на землю. Когда

воздух вокруг затрещал от разряда, Валентин моргнул, а потом выстрелил еще и еще раз.

- Валентин! Лорд Валентин!

Крик был всеобщим, хотя шел из глоток воинов обеих сторон, каждая из которых имела в виду своего Лорда Валентина.

Наконец движение вперед почти полностью прекратилось, и защитники бросились в контратаку. Похоже, они не были готовы к первому натиску армии Валентина и позволили ей продвинуться вглубь, но сейчас они перегруппировались, собрали силы и ударили.

- Мой лорд,- доложил Эрманар,- кажется, у них появился новый вождь. Генерал, который ведет их сейчас, контролирует положение и яростно толкает их вперед.

Контрудар возглавила линия моллиторов, за которой следовали другие войска. Однако этих тупоумных неуправляемых животных было очень трудно заставить изменить курс, и уклониться от их огромных горбатых тел было довольно просто. Многие из офицеров Валентина были сейчас ссажены со своих машин: он снова заметил Лизамон Хултин, потом Слита и яростно сражавшуюся Карабеллу. Валентин и сам хотел покинуть фургон, но Делиамбр приказал ему остаться на месте.

- Ваша персона священна и совершенно необходима нам,- резко сказал вроон.- Эту рукопашную воины проведут и без вас.

- Но...

- Спорить бесполезно.

Валентин нахмурился. Он видел логику в словах Делиамбра, но презирал ее. И все же остался.

- Вперед!- яростно крикнул он в темный раструб своего полевого коммуникатора.

Однако идти вперед было невозможно. Тучи защитников равнины напирали со всех сторон, тесня войска Валентина назад. Новый центр обороны был недалеко от Валентина, на небольшом возвышении, и от него расходилось во все стороны почти видимое сияние силы. Да, это новый генерал, подумал Валентин, какой-то могучий командир, собравший все свое вдохновение и силу и сплотивший войска, уже приведенные в беспорядок. Все, что я могу сделать, это идти к своим воинам. Все, что я могу сделать...

- Мой лорд,- донесся до него голос Эрманара,- вы видите этот холмик справа? За ним вражеский командный пост... их генерал там, в центре битвы.

- Я хочу взглянуть на него,- сказал Валентин, делая водителю знак поднять платформу повыше.

- Мой лорд,- продолжал Эрманар,- мы должны

направить атаку туда и устранить его, прежде чем он получит преимущество.

- Безусловно,- рассеянно отозвался Валентин и, сощурившись, вгляделся вдаль. Поначалу он не мог разобраться в общей путанице, но постепенно начал различать отдельные детали. Да, это должен быть он. Высокий мужчина, выше Валентина, со строгим широкоротым лицом, пронизывающим взглядом темных глаз и тяжелой гривой блестящих темных волос, заплетенных сзади. Он выглядел странно знакомым... кем-то, кого Валентин знал в своей прежней жизни на Замковой Горе, и знал хорошо, но память его была так затуманена хаосом битвы, что на мгновение ему показалось невозможным достичь нужных воспоминаний и опознать...

Ну, конечно же!

Элидат из Морвала.

Как он мог хоть на мгновение, даже стоя среди всего этого безумия, забыть друга юности Элидата, порой более близкого ему, чем даже брат Вориакс! Элидат, самый близкий из всех его Друзей, участник многих его самых смелых подвигов, ближайший к нему по способности и темпераменту, Элидат, которого все, включая самого Валентина, считали очередным кандидатом

в Короналы...

Элидат, ведущий вражескую армию. Элидат, этот опаснейший генерал, который должен быть устранен...

- Мой лорд,- сказал Эрманар,- мы ждем ваших инструкций.

Валентин все еще колебался.

- Окружить его,- сказал он наконец,- и нейтрализовать. Если можно, взять в плен.

- Мы можем сосредоточить наш огонь...

- Он должен быть невредим,- грубо оборвал его Валентин.

- Мой лорд...

- Я сказал, НЕВРЕДИМ!

- Да, мой лорд.- Однако в словах Эрманара не было убежденности. Валентин знал, что для Эрманара враг был врагом, и этого генерала следовало быстрее убить, чтобы он не причинял вреда. Но Элидат!..

Валентин напряженно следил, как Эрманар повернул свои силы и повел их на лагерь Элидата. Приказать, чтобы Элидат остался невредим, было довольно просто, но как добиться этого в пылу битвы? Больше всего Валентина пугало, что кто-то из его друзей будет командовать вражескими силами. Теперь он знал, что это Элидат, что он в

большой опасности и должен пасть, чтобы силы освобождения могли идти вперед. Что это была за мука!

Валентин встал. Делиамбр тут же сказал:

- Вы не должны...

- Нет, я должен,- ответил он и выпрыгнул из фургона, прежде чем вроон успел применить к нему свое колдовство.

Здесь, в центре событий, все было непонятно: фигуры, двигавшиеся взад и вперед, враги, неотличимые от друзей, все шумят, суетятся, кричат, вокруг пыль и безумие. Картина битвы, которую Валентин видел сверху, из фургона, здесь была неразличима; и он подумал о войсках Эрманара, пробивающихся к лагерю Элидата.

- Мой лорд,- окликнул его Шанамир.- Вам нельзя появляться на равнине! Вы...

Валентин отмахнулся от него и пошел туда, где шла яростная схватка.

После атаки Эрманара положение снова изменилось. Нападающие вновь повергли защитников в замешательство. И рыцари, и ополченцы откатились назад, пытаясь бежать от атакующих, хотя далеко впереди группа защитников, собравшихся вокруг Элидата, стояла, как скала среди бушующего потока.

Господи, пусть Элидат уцелеет, взмолился Валентин. Пусть его схватят и схватят быстро, но пусть он будет жив!

Он рвался вперед, ничего не замечая вокруг. Победа вновь казалась близка, но цена будет слишком высока, если Элидат погибнет.

Прямо перед собой Валентин видел Лизамон Хултин и Куна с Кианимота. бок о бок прокладывающих дорогу, по которой за ними шли другие. Кун смеялся, как будто всю жизнь ждал этого момента яростной битвы.

И вдруг разряд энергии поразил голубокожего чужака в грудь. Кун зашатался и повернулся вокруг своей оси. Лизамон Хултин заметила, что он падает, подхватила его и мягко опустила на землю.

- КУН! - крикнул Валентин и бросился к нему.

Даже с расстояния в двадцать ярдов он видел, что чужак ранен смертельно. Кун задыхался, его худое, заострившееся лицо было почти серым, глаза смотрели, ничего не видя. При виде Валентина он немного посветлел и попытался сесть.

- Мой лорд,- сказала великанша,- здесь не место для вас.

Валентин не обратил на нее внимания и склонился над чужаком.

- Кун?- прошептал он.- Кун?..

- Все хорошо, мой лорд. Я знал... что есть причина... по которой я пришел в ваш мир...

- Кун!

- Как плохо... что я пропущу победный банкет...

Валентин схватил чужака за плечи, но жизнь Куна уже улетела прочь. Его долгое странное путешествие закончилось, он наконец нашел свою цель, а вместе с ней и мир.

Валентин поднялся и посмотрел вокруг на безумие битвы, происходящей как будто во сне. Кордон из преданных людей окружал его и кто-то - кажется, Слит - тащил его за собой, пытаясь увести в безопасное место.

- Нет,- пробормотал Валентин.- Дайте мне сражаться...

- Не здесь, мой лорд. Вы хотите разделить судьбу Куна? Что будет с нами всеми, если вы погибните? Из Перитолского Прохода идут к нам вражеские войска, и скоро сражение станет еще более жестоким. Вас не должно быть на поле.

Валентин и сам понимал это. Доминина Барьязида не было поблизости, да и не могло быть. Но как он мог удобно сидеть в фургоне, когда другие умирают за него, когда Кун, который даже не был существом этого мира, уже отдал свою жизнь,

когда его другу Элидату угрожала опасность от собственных войск Валентина. Он стоял в нерешительности. Слит отпустил его, но только для того, чтобы позвать Залзана Кавола: огромный скандар, махавший тремя мечами, а в четвертой руке державший излучатель, был неподалеку. Слит посовещался с ним, и Залзан Кавол, не подпускавший к себе врагов, начал пробиваться к Валентину. На мгновение Валентину показалось, что скандар схватит его, Владыка он или нет, и утащит с поля боя.

- Подождите,- сказал Валентин.- Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю вам следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол удивились, услышав этот незнакомый титул.

- Предполагаемый наследник?- повторил Слит.- А кто...

- Идите за мной,- сказал Валентин,- Это приказ.

Залзан Кавол громыхнул:

- Ваша безопасность, мой лорд...

- ...не единственная важная вещь. Слит идет слева! Залзан Кавол - справа!

Они были слишком изумлены, чтобы возражать. Валентин подозвал еще Лизамон Хултин и, охраняемый своими друзьями, быстро пошел к

передней линии врага.

- Элидат!- крикнул он изо всех своих сил.

Его голос разнесся на полмили вокруг и заставил всех на мгновение замереть. Вдоль шеренги неподвижных воинов Валентин взглянул в сторону Элидата и, когда их глаза встретились, увидел темноволосого мужчину, который отвел взгляд, нахмурился и пожал плечами.

Обращаясь к Залзану Каволу и Слиту, Валентин крикнул:

- Схватите этого человека и приведите ко мне... невредимого!

В ту же секунду равновесие нарушилось, и битва возобновилась с удвоенной энергией. Армия Валентина снова бросилась вперед на сдающихся врагов, а вдали Элидат, окруженный кольцом из своих людей, яростно защищался. Затем все смешалось. Кто-то дергал Валентина - Слит? Карабелла?- пытаясь увести в безопасное место, но он рывком освободился.

- Элидат из Морвола!- позвал он снова.- Элидат, выйди на переговоры!

- Кто произнес мое имя?- ответил мужской голос.

Окружающая толпа расступилась между ним и Элидатом. Валентин вытянул к другу руки и

начал было спрашивать, но тут же понял, что слова будут слишком медленны и неуклюжи. Он скользнул в состояние транса, собрал всю силу воли и с помощью серебряного обруча своей матери послал ее через пространство, отделявшее его от Элидата из Морвола, превратив в последовательный ряд картин:

... двое юношей, почти мальчиков, едут на маунтах через лес чахлых карликовых деревьев...

... толстый извилистый корень, как змея, торчит из земли поперек тропы, маунт спотыкается, и мальчик летит вперед.

... ужасный хруст, и белый кусок зазубренной кости торчит из разорванной кожи...

... второй мальчик поворачивает обратно, удивленно присвистывает, а потом пугается, когда видит размер несчастья...

Продолжать Валентин был не в силах. Мгновение контакта кончилось. Уставший и до предела выжатый, он вновь вернулся в реальность.

Элидат изумленно смотрел на него. Казалось, на всем поле боя были только они двое, и все происходившее вокруг не имело значения.

- Да,- сказал Валентин,- ты знал меня, Элидат. Но тогда я носил не это лицо.

- Валентин?

- Он самый.

Они пошли друг другу навстречу. Круг войск обеих армий окружал их, молчаливый, недоумевающий. Когда между ними осталось несколько футов, они остановились, как будто готовясь начать дуэль. Ошеломленный Элидат внимательно разглядывал Валентина.

- Возможно ли это?- сказал он наконец.- Такое колдовство?

- Мы ехали вместе по карликовому лесу под Амблеморном,- сказал Валентин.- Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день. Помнишь, как, ставя кости на место, ты кричал будто это была твоя нога?

- Откуда ты знаешь такие детали?

- А потом я месяцами сидел дома и сердился, когда ты, Стасилейн и Тунигорн бродили по Горе без меня. А хромота осталась у меня, даже когда я выздоровел.- Валентин рассмеялся.- Доминин Барьязид украл эту хромоту, когда забрал у меня мое тело! Кто бы мог ожидать от него такого доброго дела!

Элидат казался человеком, бредущим сквозь сон. Он тряхнул головой, как будто освобождаясь от паутины.

- Это колдовство,- сказал он.

- Да. И я - Валентин.

- Валентин сейчас в Замке. Я видел его только вчера, он пожелал мне удачи и говорил о странных временах и совместных удовольствиях...

- Это украденные воспоминания, Элидат. Он роется в моем мозгу и находит старые сцены, запечатленные в нем. Ты не заметил в нем ничего странного за последний год?- Глаза Валентина испытующе взглянули на него, и Элидат отступил, как будто испугавшись колдовства.- Тебе не кажется, что твой Валентин стал странно уклончив и задумчив в последнее время?

- Да, но я думал, что таким его делают государственные заботы.

- Значит, ты заметил отличие? Изменение?

- Да, небольшое. Какая-то холодность, отстраненность...

- И ты еще не веришь мне?

Элидат пристально взглянул на него.

- Валентин? - пробормотал он, еще не веря.- Это действительно ты, в этом странном облике?

- И никто другой. Тот, кто сидит в Замке, обманывает тебя, а вместе с тобой и весь мир.

- Это так странно...

- Иди же, обними меня и кончай это бормотание, Элидат!- Широко улыбаясь, Валентин

схватил его, привлек к себе и обнял, как друг обнимает друга. Элидат оцепенел, тело его напряглось и стало твердым, как дерево. После секундного колебания он оттолкнул Валентина и, дрожа, отступил назад.

- Тебе нечего бояться меня, Элидат.

- Ты просишь слишком многого. Поверить в такое...

- Поверь смело.

- Я уже верю, по крайней мере, наполовину. Тепло твоих глаз... улыбка... твои воспоминания...

- Поверь и второй половиной,- страстно убеждал Валентин.- Моя мать Леди посылает тебе свою любовь, Элидат. Ты снова увидишь ее в Замке, в день, когда мы устроим фестиваль по случаю моего восстановления. Поверни свои войска обратно и идем с нами на Гору.

Лицо Элидата отражало его внутреннюю борьбу. Его губы шевелились, а мускулы щек нервно подергивались. Молча стоял он перед Валентином.

Наконец он сказал:

- Может, это и безумие, но я принимаю тебя как Валентина.

- Элидат!

- Я присоединяюсь к вам, но пусть Дивин про-

клянет тебя, если меня ввели в заблуждение!

- Обещаю, что ты не пожалеешь об этом.

Элидат кивнул.

- Я направил гонца к Тунигорну...

- А где он?

- Защищает Перитолский Проход. Стасилейн тоже там. Я был зол, когда меня отправили командовать войсками на равнине, ибо думал, что все пройдет мимо меня. Ох, Валентин, неужели это действительно ты? С золотыми волосами и этим невинным лицом?

- Да, я настоящий Валентин. Помнишь, когда нам было по десять лет, мы с тобой сбежали в Верхний Морпин на колеснице Вориакса и ехали весь день и полночи, а потом были наказаны и...

-...и три дня ели только сухие корки хлеба из стаджи...

-...а Стасилейн тайком принес нам блюдо мяса, был пойман и следующие несколько дней сидел вместе с нами...

- Это я забыл. А ты помнишь, как Вориакс заставлял нас полировать все грязные части своей колесницы?

- Элидат!

- Валентин!

Они рассмеялись и принялись весело тыкать

друг друга кулаками. Потом Элидат помрачнел и сказал:

- Но где ты был? Что происходило с тобой весь этот год? Ты очень страдал, Валентин?

- Это долгая история,- серьезно ответил Валентин,- и сейчас не время рассказывать ее. Нужно остановить эту битву, Элидат. Ни в чем не повинные граждане умирают ради Доминина Барьязида, и мы не можем позволить, чтобы это продолжалось. Собирай свои войска и поворачивай их.

- В этом сумасшедшем доме это будет нелегко.

- Отдай приказы и пошли гонцов к другим командирам. Убийства нужно прекратить. А затем едем с нами, Элидат, к Бомбифалу, а потом мимо Верхнего Морпина к Замку.

11

Валентин вернулся к своей машине, а Элидат исчез в перепутанной передовой линии защитников. За время переговоров люди Эрманара, держась плотной группой, продвинулись далеко вперед и углубились в оборону противника, приведя огромную, но бесформенную армию фальшивого Коронала в почти полное замешательство. Сейчас этот неумолимый клин продолжал катиться вперед, сквозь беспомощные войска, не имевшие ни воли, ни желания отбросить их обратно. Защитники Горы были дезорганизованы и упали духом, царившая среди них паника делала почти невозможным прекращение бессмысленной битвы. Сотни и тысячи воинов беспорядочными потоками двигались по Бомбифал-Плейн, а когда весть об атаке Валентина дошла до Прохода, на подмогу бросились новые тысячи, и не было никакой возможности управлять этими массами. Валентин видел, как огненно-звездное знамя Элидата плывет в центре этого безумия, и знал, что тот пытается установить связь с офицерами и приказать закончить сражение. Однако армия вышла из-под контро-

ля, и солдаты умирали безо всякой надобности. Каждая новая жертва болью отзывалась в сердце Валентина. Он ничего не мог сделать и потому дал знак Эрманару двигаться вперед.

Только час спустя на поле боя начались изменения. Клин войск Валентина почти без сопротивления шел вперед, и параллельно ему двигалась вторая фаланга, которую вел Элидат. Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были разделены, перемешаны и сейчас сражались друг с другом, разбившись на маленькие группы, которые защищали крошечные участки равнины и били любого, кто приближался к ним.

Вскоре эти орды остались далеко позади, и двойная колонна наступающих вышла на верхнюю часть равнины, где почва начинала подниматься к гребню, на котором стоял Бомбифал, старейший и красивейший из Внутренних Городов. Только что миновал полдень, и, по мере подъема по склону, небо становилось более чистым и ярким, а воздух теплел, ибо они покидали окружающий Гору пояс облаков и приближались к нижней границе летней зоны, вечно купавшейся в ярких солнечных лучах.

И вот показался Бомбифал, поднимавшийся перед ними, как великолепная древняя карти-

на: высокие зубчатые стены из огненно-рыжего песчаника были украшены огромными плитами голубого камня, привезенными с берегов Великого Моря во времена Лорда Пинитора; острые как иглы, стройные и грациозные башни поднимались между зубцами через равные промежутки, отбрасывая на равнину длинные тени.

Валентин затрепетал от радости и восхищения. Сейчас Замок был менее чем в дне пути, а армия, которая должна была помешать подъему освободителей, осталась позади, совершенно деморализованная. Хотя по ночам он еще чувствовал далекие угрожающие послания Короля Снов, они были теперь всего лишь слабой щекоткой. Его лучший друг Элидат поднимался на Гору вместе с ним, а Стасилейн и Тунигорн спешили присоединиться к ним.

Как хорошо было смотреть на шпили Бомбифала и знать, что находится за ними! Эти холмы, этот город башен впереди, темная густая трава лугов, красные камни горной дороги от Бомбифала до Верхнего Морпина, усыпанные цветами поля, соединявшие Верхний Морпин с южным крылом Замка - он знал эти места лучше, чем сильное, но все еще не до конца знакомое тело, которое носил сейчас. Он был почти дома.

Но что делать дальше?

Да, нужно разделаться с узурпатором и восстановить порядок, но задача эта была так пугающе огромна, что он едва представлял как за нее взяться. Он не был на Замковой Горе почти два года и еще дольше был лишен власти. Законы, изданные Доминином Барьязидом, нужно будет изучить и, вполне вероятно, отменить. А были еще проблемы, о которых он почти не думал до этого момента. Нужно было найти посты для Делиамбра, Слита, Залзана Кавола и всех остальных, но ведь их уже занимали Элидат и другие люди, и вряд ли нужно было смещать их только потому, что он вернулся из ссылки с новыми фаворитами. Это сбивало с толку, но он надеялся, что найдет способ не обидеть никого.

Делиамбр вдруг сказал:

- Боюсь, что близятся новые неприятности. И немалые.

- Что вы имеете в виду?

- Видите, как изменилось небо?

- Да,- сказал Валентин.- Оно становится ярче и голубее по мере того, как мы выходим из зоны облаков.

- Смотрите лучше,- сказал Делиамбр.

Валентин уставился вверх. Действительно, он

поторопился со своим заключением, ибо посветлевшее было небо странно изменилось: впереди появился какой-то темный оттенок, как будто приближался шторм. Не было видно ни облачка, но странный и зловещий серый оттенок все сильнее проступал сквозь голубизну. И знамена, поднятые на парящих платформах и развеваемые влажным западным ветром, теперь указывали на юг, трепеща от сильного ветра, пришедшего с вершины.

- Погода изменилась,- сказал Валентин.- Наверно, будет дождь. Но почему это вас заинтересовало?

- Можете вы вспомнить резкие изменения погоды на этой высоте Замковой Горы?

Валентин нахмурился.

- Вообще-то, нет.

- Потому что их не было,- сказал Делиамбр.- Мой лорд, почему климат в этом районе такой мягкий?

- Потому что его контролируют из Замка с помощью древних машин, которые...

Он замолчал, испуганно глядя на Делиамбра.

- Вот именно,- сказал Делиамбр.

- Нет! Это немыслимо!

- Подумайте, мой лорд,- сказал Делиамбр.- Вер-

шина Горы уходит в холодную ночь космоса. В Замке над нами прячется испуганный мужчина, изменой получивший трон и только что узнавший, что лучшие его генералы перешли на сторону врага. Сейчас непобедимая армия неумолимо приближается к вершине. Как он может остановить ее? Почему бы не остановить машины погоды и позволить этому свежему воздуху замерзнуть в наших легких, обрушить ночь и темноту космоса на своих врагов и вновь превратить Гору в безжизненный каменный зуб, каким она была десять тысяч лет назад? Взгляните на небо, Валентин, и на эти флаги!

- Но ведь на Горе живет миллиард людей!- воскликнул Валентин.- Если он остановит машины погоды, то уничтожит вместе с нами и их! Да и себя тоже, если не нашли способа защитить Замок от холода.

- Вы думаете, сейчас его заботит своя жизнь? В любом случае он обречен, а этим способом он может забрать с собой и вас, и всех тех, кто живет на Замковой Горе. Взгляните на небо, Валентин! Видите, как оно темнеет?

Валентин содрогнулся, но не от страха, а от гнева, что Доминин Барьязид решится уничтожить все города Горы в чудовищном последнем

катаклизме, убить детей и матерей, фермеров на полях и купцов в лавках, миллионы и миллионы невинных, не принимавших участия в борьбе за Замок. И для чего вся эта бойня? Чтобы отомстить за потерю того, что никогда не принадлежало ему по праву! Валентин взглянул на небо, надеясь, что все это было только естественным явлением природы. Но напрасно он надеялся. Делиамбр был прав: на Замковой Горе погода никогда не была естественным явлением.

Валентин с горечью заметил:

- Мы еще далеко от Замка. Сколько пройдет времени, пока начнется похолодание?

Делиамбр пожал плечами.

- Мой лорд, когда впервые были созданы машины погоды, прошло много месяцев, прежде чем воздух стал достаточно плотным, чтобы поддерживать жизнь на этой высоте. Машины работали день и ночь, и все-таки это заняло месяцы. Уничтожение этого, вероятно, произойдет быстрее, чем создание, но все же не будет мгновенным.

- Можем мы достичь Замка вовремя, чтобы остановить его?

- Это должно быть сделано обязательно, мой лорд,- сказал вроон.

Помрачневший Валентин приказал остано-

вить машину и вызвал офицеров. Он видел, что экипаж Элидата уже ехал к нему через равнину - видимо, Элидат тоже заметил что-то неладное. Выйдя из машины, Валентин вздрогнул, вдохнув воздух - правда, это была дрожь скорее опасения, чем холода, ибо не чувствовалось даже малейшего намека на похолодание. Однако положение было действительно зловещим.

Элидат подошел к нему, лицо его было мрачно. Он указал на темнеющее небо и сказал:

- Мой лорд, безумец решился на худшее!

- Я знаю. Мы тоже заметили начало изменений.

- Тунигорн сейчас поднимается к нам, а Стасилейн идет со стороны Банглекода. Нужно идти к Замку как можно быстрее.

- Вы думаете, у нас есть время?- спросил Валентин.

Элидат холодно усмехнулся.

- Думаю, что мало. И потому это должно быть очень быстрое путешествие.

Слит, Карабелла, Лизамон Хултин, Асенхарт и Эрманар уже собрались и, казалось, ничего не понимали. Они, вероятно, тоже заметили изменения в погоде, но не сделали из этого вывода, который сделал Элидат. Обеспокоенные, испу-

ганные, они посматривали то на Валентина, то на Элидата, видя их тревогу, но не понимая ее причины.

Валентин коротко объяснил. Их взгляды выражали недоверие, потрясение, гнев и ужас.

- Остановки в Бомбифале не будет,- сказал Валентин.- Мы идем прямо в Замок через Верхний Морпин и не остановимся, пока не достигнем его.- Он взглянул на Эрманара.- Полагаю, есть возможность паники среди наших людей, а этого не должно произойти. Объясните людям, что мы будем в безопасности, только если вовремя достигнем Замка, что паника фатальна и единственная надежда - на скорость движения. Поняли? Миллиард жизней зависит от того, как быстро мы будем идти. Миллиард жизней... и наши собственные тоже.

12

Это был не веселый подъем на Гору, как представлял себе Валентин. Он воображал себе спокойное путешествие к Внутренним Городам, триумфальный банкет в Бомбифале и наконец вход в Замок, поимка узурпатора и провозглашение настоящего Коронала. Но сейчас эта приятная фантазия рухнула. В отчаянной спешке они поднимались вверх, а небо все более темнело, ветер, дувший с вершины, усиливался, воздух становился холоднее и разреженнее. Что могли думать об этих изменениях в Бомбифале, Перитоле, Банглекоде и выше - в Галансе, Морпинах и самом Замке? Конечно, жители понимали, что творится нечто отвратительное, что все благословенные земли Замковой Горы замерли от непонятного взрыва холода, и ароматный полдень сменился таинственной ночью. Но сознавали ли они, что за рок обрушился на них? Чем занимался народ Замка - бешено пытался добраться до машин погоды, которые остановил их безумный Коронал, или помогал узурпатору строить баррикады и защищать их?

Бомбифал был совсем рядом. Валентину было

жаль проходить мимо, ибо его люди долго и упорно сражались и очень устали, но если они сейчас остановятся в Бомбифале, то могут остаться там навсегда.

Потому-то они и шли вперед и вперед, но как бы ни был скор подъем, Валентину он казался слишком медленным. Он представлял себе испуганные толпы, собирающиеся на главных площадях городов - огромные, неуправляемые орды перепуганных, плачущих, смотрящих на небо и кричащих: «Лорд Валентин, спаси нас!» людей. И никто не знал, что темноволосый мужчина, которому они адресовали свои молитвы, был орудием их уничтожения. Мысленно Валентин видел людей Замковой Горы, миллионами бредущих по дорогам в паническом бегстве на нижние уровни - безнадежная, обреченная, бессмысленная попытка обогнать смерть. Валентин представлял, как массы пронизывающего морозного воздуха текут вниз по склонам, поражая безупречные растения Толингарского Барьера, замораживая каменных птиц Фурибла, уничтожая великолепные сады Сти и Манимула и подергивая каналы Хоикмара коркой льда. Восемь тысяч лет создавалось чудо Замковой Горы, и теперь оно должно погибнуть из-за глупости

одной холодной и подлой души.

Валентину казалось, что протяни он руку в сторону и коснется Бомбифала. Его стены и башни, безупречные и невероятно прекрасные даже в этом странном слабеющем свете, манили его. Однако он продолжал подъем, торопясь по крутой горной дороге, выложенной древними блоками красного камня. Слева от него двигалась машина Элидата, справа Карабеллы, а следом ехали Слит, Залзан Кавол, Эрманар, Лизамон Хултин и все войска, собранные им за долгое путешествие. Все спешили за своим лордом, не понимая рока, обрушившегося на мир, но сознавая, что близок момент апокалипсиса, когда всеобщее зло восторжествует, и только храбрость и скорость могут не допустить этого.

Валентин крепко сжимал кулаки, пытаясь силой воли заставить машину двигаться быстрее. Делиамбр, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться и быть терпеливым. Но как? Как быть терпеливым, если весь воздух Замковой Горы, молекула за молекулой, ускользает и темнота ночи опускается на землю?

- Видите эти деревья у края дороги?- сказал Валентин.- С красно-золотыми цветами? Это халатинги, посаженные четыре тысячи лет на-

зад. Когда они зацветают, в Верхнем Морпине устраивают фестиваль и тысячи людей танцуют на дороге под ними. Вы видите? Листья уже съеживаются и чернеют по краям. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод только начинается. Что будет с ними через восемь часов? И что ждет людей, которые любили танцевать под ними? Делиамбр, если от прохлады вянут листья, что будет, когда придут настоящие морозы и ляжет снег? Снег на Замковой Горе! Выпадет снег, весь воздух уйдет, и только звезды будут смотреть на голую землю...

- Еще не все потеряно, мой лорд. Что это за город над нами?

Валентин вгляделся в густеющие тени.

- Верхний Морпин - город удовольствий и игр.

- Мой лорд, подумайте об играх, которые будут здесь в следующем месяце, на торжестве вашего восстановления.

Валентин кивнул.

- Да,- сказал он без тени иронии.- Да, я буду думать об играх следующего месяца, смехе, вине, цветах на деревьях и песнях птиц. Но нельзя ли ускорить все это, Делиамбр?

- Наши экипажи не могут летать,- сказал вроон.- Будьте терпеливы. Замок рядом.

- Еще несколько часов,- угрюмо отозвался Валентин.

Он попытался вернуть равновесие души: напомнил себе о Валентине-жонглере, этом молодом мужчине, стоящем на стадионе Пидруида и силой воли превращающем себя в руки с глазами, чтобы показать всем номер, который только что разучил. Достичь центра своей души, помнить, что жизнь всего лишь игра, путешествие, короткое развлечение, что Коронала может проглотить морской дракон, его могут бросить в реку, а где-то в страшном лесу над ним насмехаются метаморфы. Ну и что с того? Сейчас это было слабым утешением. Дело было не в несчастьях одного человека, кстати, довольно тривиальных, хотя человек этот был королем. Здесь под угрозой был миллиард жизней и сама Гора, это истинное произведение искусства, возможно, единственное во всем космосе. Валентин взглянул на темнеющее небо, где скоро должны были засиять звезды. Было ли на этом множестве миров что-то сравнимое с Замковой Горой и Пятьюдесятью Городами? Неужели все это должно погибнуть?

- Верхний Морпин,- сказал Валентин.- Я надеялся, что мое возвращение в него будет счастливым.

- Сегодня,- заметил Делиамбр,- мы пройдем мимо, а потом вы вернетесь сюда с радостью.

Да. Сияющая воздушная паутина Верхнего Морпина, этого фантастического города игр, поднималась справа от них. В детстве, когда Валентин смотрел на эти чудесные здания, ему казалось, что они сотканы из золотой проволоки. Сейчас он мельком взглянул на него и отвернулся. От Верхнего Морпина до периметра Замка было десять миль - всего ничего.

- У этой дороги есть имя?- спросил Делиамбр.

- Великое Калинтанское Шоссе,- ответил Валентин.- Тысячи раз ездил я по нему в город удовольствий. Поля вокруг него засеяны так, что в любой день года на них есть цветы, а посмотрите сейчас, как они поникли на своих стеблях...

- Если холод уничтожит их, мы можем посадить их снова,- сказал Делиамбр.- Но время еще есть. Может, эти растения не такие нежные, как вы думаете.

- Я чувствую, как им холодно, будто это моя собственная кожа.

Сейчас они были в высочайших частях Замковой Горы, так далеко от равнин Алханроеля, как будто достигли другого мира или какой-то луны, неподвижно висевшей в небе Маджипу-

ра. Местность вокруг казалась фантастическим ежиком остроконечных пиков и скал. Вершина целила в звезды, подобно сотне копий, и в центре этих изящных каменных шпилей возвышался странный округлый горб, самое высокое место, где восемь тысяч лет назад в ознаменование победы над метаморфами Лорд Стиамот рискнул разместить свою королевскую резиденцию.

Стало уже темно, и холодное, безжалостное великолепие звезд все отчетливей проступало на небе.

- Воздух уходит,- пробормотал, Валентин.- Скоро придет смерть, разве не так?

- Это настоящая ночь, а не бедствие,- ответил Делиамбр.- Мы шли весь день без остановки, и вы потеряли чувство времени. Уже поздно, Валентин.

- А воздух?

- Становится холоднее и разреженнее, но еще не ушел.

- Значит, время еще есть?

- Да, есть.

Они шли по последней части Калинтанского Шоссе. Валентин хорошо помнил, что дорога здесь резко поворачивает за гору и перед изумленными путешественниками появляется Замок.

Никогда прежде не видел он Делиамбра таким потрясенным.

В напряженной тишине колдун спросил:

- Что это за здание, Валентин?

- Замок,- ответил он.

Да, это был Замок. Ниоткуда нельзя было увидеть его целиком или хотя бы большую часть, но отсюда, по крайней мере, был виден большой сегмент, огромная груда кирпичной кладки, поднимающейся уровень за уровнем, извивающейся спиралью и как бы танцующей вокруг пика в невероятном узоре, сверкающем миллионами огней.

Страх Валентина исчез, его болезненное уныние тоже. У Замка Лорда Валентина Лорд Валентин не мог испытывать печали. Он пришел домой, и какая бы рана ни была нанесена миру, скоро она будет залечена.

Калинтанское Шоссе кончалось на Дизимаульской Площади, лежавшей перед южным крылом Замка, огромном открытом пространстве, вымощенном глыбами зеленого фарфора с золотым звездным огнем в центре каждой. Здесь Валентин остановился, сошел с платформы и собрал своих офицеров.

Холодный пронизывающий ветер не унимал-

ся.

- Там есть ворота?- спросила Карабелла.- Мы начнем осаду?

Валентин улыбнулся и покачал головой:

- Ворот нет. Кто может вторгнуться в Замок Коронала? Мы просто въедем в него вон там, через Арку Дизимаула. Но внутри мы снова окажемся лицом к лицу с врагом.

- Охрана Замка подчиняется мне,- сказал Элидат.- Я займусь ими.

- Хорошо. Продолжать движение. Утром мы отпразднуем нашу победу, клянусь вам!

- Долгой жизни Лорду Валентину!- крикнул Слит.

- Долгой жизни! Долгой жизни!

Валентин поднял руки в знак признательности, и шум утих.

- Мы будет праздновать завтра,- сказал он,- а ночью дадим бой и, может быть, последний!

13

Как странно было пройти наконец под Аркой Дизимаула и увидеть перед собой потрясающую роскошь Замка!

Еще мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, теряясь в чудесах бесконечно перепутанных проходов и коридоров, в страхе глядя на мощные стены и башни, ограды и своды. Юношей, служа своему брату Лорду Вориаксу, он жил в Замке, вон там, на Дворе Пинитора, где размещались резиденции высших чиновников, и много раз бродил вдоль балюстрады Лорда Оссьера, с которой открывался изумительный вид на Морпин и Верхние Города. Уже Короналом он занимал самые внутренние зоны Замка, с восторгом касался древних, изъеденных временем камней Башни Стиамота, прогуливался по гулкому тронному залу Конфалума, изучал созвездия из Обсерватории Лорда Кинникена и обдумывал, что он сам добавит к этому. Сейчас, вернувшись обратно, он понял, как сильно любил это место, и не потому, что оно было символом власти и имперского величия, а потому, что оно было живой и дышащей тканью истории.

- Замок наш! - торжествующе крикнул Элидат, когда армия Валентина вошла в неохраняемые ворота.

Но что в этом хорошего, подумал Валентин, если через несколько часов Гора и все ее население погибнет? Прошло уже слишком много времени с того момента, как началось разрежение атмосферы. Валентину очень хотелось зацепить ускользающий воздух и вернуть его обратно.

Усиливающийся холод, тяжелым грузом лежавший сейчас на Замковой Горе, сильнее всего был в самом Замке, и люди внутри него, уже изумленные и сконфуженные событиями гражданской войны, стояли подобно восковым фигурам, немигающие и оцепенелые, дрожа и не двигаясь с места, пока отряды пришельцев двигались вперед. Те, у кого ум был более острым, догадывались крикнуть: «Долгой жизни Лорду Валентину!», когда мимо проезжала незнакомая золотоволосая фигура. Но большинство вели себя так, будто их разум уже начал замерзать.

Толпы атакующих хлынули внутрь, стремясь быстро и точно выполнить свои задачи. Герцог Хейтлуг и его воины из Бибируна должны были атаковать охрану периметра Замка и нейтрализовать любые вражеские силы. Асенхарт и шесть

отрядов людей из долины заняли все множество ворот Замка, так что никто из сторонников узурпатора не мог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими людьми отправились наверх к королевским залам внутреннего сектора, чтобы захватить правительство. Сам Валентин вместе с Элидатом и Эрманаром по спиральной мостовой отправился в подвалы, где размещались машины погоды. Остальные под командой Насцимонте, Залзана Кавола, Шанамира, Лизамон Хултин и Горзвала разошлись по Замку в поисках Доминина Барьязида, который мог прятаться в любой из тысяч его комнат.

Валентин ехал вниз, пока в темных глубинах булыжных проходов могли пройти парящие платформы, затем пошел пешком. Холод чувствительно пощипывал нос, губы и уши. Сердце неистово колотилось, легкие усиленно работали в разреженном воздухе. Эти подвалы были почти неизвестны ему, он бывал здесь всего один или два раза. Хорошо, что Элидат знал дорогу.

Сначала они шли по коридорам, потом вниз по бесконечным каменным ступеням в аркаду с высоким потолком, освещенную мерцающими лампами далеко вверху, а воздух становился все более холодным, и неестественная ночь все

жестче сжимала Гору...

Наконец дорогу преградила огромная деревянная дверь, украшенная металлическими инкрустациями.

- Взломать,- приказал Валентин.- Если понадобится, поджечь!

- Подождите, мой лорд,- сказал слабый дрожащий голос.

Валентин повернулся. Из калитки в стене вышел древний хайрог с пепельной кожей и безвольно повисшими от холода змееподобными волосами. Волоча ноги, он неуверенно сделал несколько шагов.

- Хранитель машин погоды,- пробормотал Элидат.

Хайрог казался полумертвым. Он изумленно переводил взгляд с Элидата на Эрманара, а затем на Валентина, пока наконец не рухнул на землю перед Валентином, касаясь ботинок Коронала.

- Мой лорд... Лорд Валентин...- Он с трудом взглянул вверх.- Спаси нас, Лорд Валентин! Машины... он остановил машины...

- Ты можешь открыть ворота?

- Да, мой лорд. Пульт управления в этой аллее. Но они захватили подвалы... и выгнали меня оттуда... Какой вред могут они нанести, мой лорд!

И что станет с нами?

Валентин поднял дрожащего хайрога на ноги.

- Открой ворота,- сказал он.

- Да, мой лорд. Одну минуту...

Скорее, вечность, подумал Валентин. Однако послышался звук работы подъемных механизмов, и крепкий деревянный барьер, скрипя и постанывая, начал медленно уходить в стену.

Валентин хотел первым броситься в открывавшийся проход, но Элидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентин хлопнул по руке, державшей его, будто это было какое-то надоедливое животное из джунглей, но Элидат держал крепко.

- Нет, мой лорд,- сказал он.

- Дай пройти, Элидат.

- Только через мой труп, Валентин. Я не позволю тебе войти туда. Стой здесь.

- Элидат!

Валентин быстро взглянул на Эрманара, но не нашел у него поддержки.

- Гора замерзает, мой лорд, пока вы задерживаете нас,- сказал Эрманар.

- Я не позволю...

- Стой здесь! - приказал Элидат.

- Я - Коронал, Элидат.

- А я отвечаю за твою безопасность. Ты можешь управлять наступлением снаружи. Там сидят вражеские солдаты, отчаянные люди, защищающие последнее место, контролируемое узурпатором. Достаточно одному снайперу увидеть тебя, и все наши усилия пойдут прахом. Так ты останешься, Валентин, или мне придется применить силу?

Валентин сердито согласился и гневно смотрел, как Элидат и отряд вооруженных пиками воинов скользнул мимо него во внутренние подвалы. Почти сразу оттуда донеслись звуки сражения: крики, разряды излучателей, стоны. Охраняемый людьми Эрманара, он несколько раз готов был оттолкнуть их в стороны и броситься в подвалы, но все-таки удержался. А затем от Элидата пришел посланец, сообщивший, что сопротивление сломлено и они идут вглубь, что там были баррикады, ловушки и бункеры с вражескими солдатами через каждые несколько сот ярдов. Валентин стиснул кулаки. Невероятно трудно быть особой слишком священной, чтобы рисковать своей шкурой, и стоять в передней, пока внутри идет яростный бой. Наконец он решил войти, и пусть Элидат бушует сколько угодно.

- Мой лорд? - Запыхавшийся гонец с другого направления подбежал к нему.

Стараясь держаться поближе ко входу в подвалы, Валентин рявкнул:

- В чем дело?

- Мой лорд, меня послал герцог Насцимонте. Мы нашли Доминина Барьязида, забаррикадировавшегося в Обсерватории Лорда Кинникена, и герцог просит, чтобы вы прибыли руководить поимкой.

Валентин кивнул. Это лучше, чем стоять здесь, бездельничая.

- Передай Элидату, что я ушел обратно,- сказал он одному из адъютантов.- Он должен любым путем добраться до машин погоды.

Однако не успел Валентин сделать несколько шагов, как появился адъютант Горзвала, сообщивший, что узурпатор вроде бы во Дворе Пинитора, а еще через несколько минут пришло донесение от Лизамон Хултин, что она преследует изменника по спиральной мостовой, ведущей к бассейну для размышлений Лорда Симинава.

Валентин нашел Делиамбра, зачарованно следившего за сражением, пересказал ему противоречивые доклады и спросил:

- Может ли он быть сразу в трех местах?

- Едва ли это возможно,- ответил колдун.- Конечно, если он не един в трех лицах, в чем я

сомневаюсь, хотя и чувствую его присутствие в этом месте.

- В каком-то особом месте?

- Трудно сказать. Жизненность вашего врага такова, что он излучает себя из каждого камня Замка, и эхо сбивает меня. Но, думаю, это не продлится долго.

- Лорд Валентин?

Новый посланец... Знакомое лицо, густые брови, сросшиеся в центре, выступающий вперед подбородок, легкая уверенная улыбка. Еще одна частица исчезнувшего прошлого встала на свое место, ибо этот мужчина был Тунигорн, второй из ближайших друзей детства Валентина, а сейчас один из высших министров королевства. Он испытующе смотрел на стоящего перед ним чужака, как будто пытаясь обнаружить за этой странностью Валентина. Вместе с ним прибыл Шанамир.

- Тунигорн! - воскликнул Валентин.

- Мой лорд! Элидат говорил, что ты изменился, но я и думать не смел...

- Я слишком странен для тебя с этим лицом?

Тунигорн улыбнулся.

- Это пройдет, мой лорд, нужно только время. Я принес тебе хорошие новости.

- Видеть тебя снова - уже достаточно хорошая новость.

- Но я принес еще лучше. Изменник найден.

- За полчаса я получил уже три донесения об этом из трех разных мест.

- Я ничего не знаю об этих донесениях. Мы нашли его.

- Где?

- Забаррикадировался во внутренних помещениях. Последним его видел старый слуга, Канзимар, преданный до конца, но наконец понявший, что перед ним не Коронал. Он запер все покои от тронного зала до гардероба и теперь сидит там один.

- Действительно хорошие новости! - Повернувшись к Делиамбру, Валентин сказал: - Ваше колдовство подтверждает это?

Делиамбр шевельнул щупальцами.

- Я чувствую угрюмое, враждебное присутствие в этом высоком здании.

- Королевские комнаты,- сказал Валентин.- Хорошо.- Он повернулся к Шанамиру и произнес: - Вызови Слита, Карабеллу, Залзана Кавола и Лизамон Хултин. Я хочу, чтобы они пошли со мной.

- Да, мой лорд! - Глаза мальчика горели от возбуждения.

- Кто эти люди, которых ты назвал? - спросил Тунигорн.

- Товарищи моего путешествия, старые друзья. За время изгнания они стали очень дороги для меня.

- Значит, они будут дороги и для меня, мой лорд. Кто бы ни были те, кого любишь ты, я буду любить их тоже.- Тунигорн плотнее запахнул свой плащ.- А что с холодом? Когда он начнет уменьшаться? Я слышал от Элидата, что машины погоды...

- Да.

- А их можно исправить?

- Элидат занимается этим. Кто знает, какой вред нанес им Барьязид. Но я верю в Элидата.- Валентин взглянул на внутренний дворец, возвышавшийся перед ним, и прищурился, будто мог таким образом заглянуть за мощные каменные стены, скрывающие испуганное, бесстыдное существо.

- Этот холод доставляет мне огромное горе, Тунигорн,- мрачно сказал он.- Но исправление положения в руках Дивин... и Элидата. Идем посмотрим, можно ли вытащить это насекомое из его гнезда.

14

Близилась минута окончательного расчета с Доминином Барьязидом. Валентин двигался быстро, вперед и вверх, через знакомые места.

Это сводчатое здание было архивом Лорда Престимиона, где этот великий Коронал собирал музей истории Маджипура. Валентин улыбнулся при мысли, что его жонглерскую булаву положат рядом с мечом Лорда Стиамота и расшитой драгоценностями накидкой Лорда Конфалума. Вон там устремилась ввысь стройная и, на первый взгляд, хрупкая караульная башня, построенная Лордом Ариоком, довольно странная конструкция, возможно, предвещавшая странности, совершенные Ариоком, когда он стал Понтифексом. Этот двойной атриум с приподнятым бассейном в центре был часовней Лорда Кинникена, примыкавшей к прелестному, выложенному белым кафелем залу, являвшемуся резиденцией Леди, когда она приходила навестить своего сына. А та покатая стеклянная крыша, сверкавшая в свете звезд, была домом- садом Лорда Конфалума, заветным личным местом этого обожавшего помпезность монарха, местом, где собирались растения со всех

концов Маджипура. Валентин молил небо, чтобы они выжили в эту морозную ночь, ибо страстно желал добавить к ним чудеса, встреченные в лесах Цимроеля и на берегах Стоензара.

Все выше и выше шли они по лабиринту залов, лестниц, галерей, туннелей и пристроек. Вперед и вперед...

- Мы умрем не от холода, а от старости, прежде чем доберемся до Барьязида! - проворчал Валентин.

- Уже недолго, мой лорд,- сказал Шанамир.

- Но недостаточно скоро, чтобы угодить мне.

- Как вы накажете его, мой лорд?

Валентин быстро взглянул на мальчика.

- Накажу? Как можно наказать за то, что он сделал? Выпороть? Три дня кормить корками стаджи? Точно так же можно наказать Стейм за то, что он бросил нас на камни.

Шанамир удивился.

- Значит, никакого наказания?

- В твоем понимании наказания - нет.

- Лишить его возможности творить зло?

- И не это,- сказал Валентин.- Сначала нужно схватить его, а уж потом говорить о том, что с ним делать.

Еще через полчаса, которые показались веч-

ностью, Валентин стоял перед центром Замка - королевскими покоями,- хоть и не самыми старыми, зато самыми священными его постройками... У первых Короналов здесь были правительственные залы, но каждому из них хотелось сделать что-нибудь, чтобы превзойти великих правителей прошедших тысячелетий, и сейчас это было величественное строение, стоявшее особняком от прочих строений Замка. В этих роскошных Залах с высокими сводами проходили высшие государственные церемонии, но сейчас за массивными древними дверями, закрытыми на тяжелые засовы огромных размеров, скрывался один-единственный жалкий человечек.

- Ядовитый газ,- сказала Лизамон Хултин.- Закачать через стену один баллон газа, и он достанет его, где бы он ни был.

Залзан Кавол согласно кивнул.

- Да, да! Смотрите, в эту трещину пройдет тонкая трубка, а газ можно взять тот, каким пользуются в Пилиплоке, чтобы убить рыбу.

- Нет,- сказал Валентин.- Мы должны взять его живым.

- А можно ли это сделать, мой лорд? - спросила Карабелла.

- Мы можем выломать дверь,- громыхнул Залзан Кавол.

- Ломать дверь, которую делали тридцать лет, чтобы извлечь одного спрятавшегося мерзавца? - сказал Тунигорн.- Мой лорд, этот разговор о ядовитом газе не так глуп. Мы можем не теряя времени...

- Не нужно уподобляться варварам,- сказал Валентин. Он взял Слита и Карабеллу за руки и поднял их.- Вы - жонглеры с ловкими пальцами. Не пытались ли вы использовать их для других целей?

- Вскрывать замки, мой лорд? - спросил Слит.

- И для этого тоже. Есть много входов в эти помещения и, возможно, не все закрыты на засовы. Идите попробуйте найти путь через эту преграду. А я пока поищу другой путь.

Он подошел к огромной золоченой двери, которая была в два раза выше самого высокого из скандаров и от подножия до вершины покрыта барельефами из правления Лорда Престимиона и его знаменитого предшественника Лорда Конфалума, положил ладонь на тяжелую бронзовую ручку, как будто намеревался открыть дверь простым усилием воли.

Довольно долго Валентин стоял так, отбросив

все мысли о происходящем вокруг. Он пытался достичь тихого места в центре своей души, но мешала вдруг возникшая помеха: разум его внезапно захлестнула волна ненависти к Доминину Барьязиду.

За этой огромной дверью находился человек, сбросивший его с трона, пославший бродяжить по планете и безрассудно и незаконно правивший от его имени. Но хуже всего - чудовищно и непростительно - было то, что он решил уничтожить миллиард невинных и ничего не подозревающих людей.

За это Валентин ненавидел и хотел уничтожить Доминина Барьязида.

Пока он стоял так, цепляясь за ручку двери, перед его мысленным взором возникали страшные картины. Он видел Доминина Барьязида, с которого живьем сдирали кожу, покрытого коркой засохшей крови и кричащего так, что было слышно даже в Пидруиде. Он видел Доминина Барьязида, пригвожденного стрелами к дереву. Он видел Доминина Барьязида, побиваемого градом камней. Он видел...

Валентин содрогнулся от силы своего гнева.

Однако в цивилизованном обществе никто не должен живьем сдирать со своего врага кожу,

даже если этот враг - Доминин Барьязид. Как, подумал Валентин, могу я требовать права управлять миром, если не могу справиться со своими эмоциями? Он знал, что до тех пор, пока гнев туманит его разум, он так же неспособен управлять страной, как и Доминин Барьязид. Нужно побороть это чувство. Этот шум в висках, этот бег крови, это дикое желание мести - все нужно изгнать прочь, прежде чем идти к Доминину Барьязиду.

И Валентин боролся с собой. Он приказал напрягшимся мышцам спины и плеч расслабиться, наполнил легкие чистым холодным воздухом и постепенно изгонял напряжение из своего тела. Дотянувшись до своей души, так внезапно вспыхнувшей ослепительным пламенем мести, он очистил ее от зла, а затем двинулся к ее центру, пока не почувствовал, что он один во всем Замке, если не считать Доминина Барьязида где-то по ту сторону двери. Только они двое и преграда между ними. Валентин знал, что справиться с собой - это меньше полдела, главное было еще впереди.

Поддавшись воле серебряного обруча своей матери, Леди, он погрузился в состояние транса и всей силой разума устремился к своему врагу.

Однако то, что он послал ему, не было сном о

мести и наказании. Это было бы слишком очевидно, слишком дешево, слишком легко. Он послал мягкий сон, сон любви, дружбы и печали о том, что произошло. Доминина Барьязида такое послание могло только изумить. Валентин показал ему блестящий город удовольствий - Верхний Морпин - и их двоих, идущих рядом по Улице Облаков, любезно беседующих, улыбающихся, обсуждающих то, что разделяло их, и пытающихся разрешить все вопросы. Это был рискованный способ начинать переговоры, ибо он мог вызвать смех и презрение, если Доминин Барьязид не поймет мотивы Валентина. Это был сон, поглощавший душевные силы, ибо наивно было думать, что Доминин Барьязид поддастся уговорам. Валентин не знал, найдет ли он в себе любовь к этому человеку, причинившему так много зла, но все же попытался.

Когда все было сделано, он ухватился за ручку двери, чтобы собраться с силами, и стал ждать какого-нибудь знака изнутри.

Совершенно неожиданно оттуда пришло послание: мощный взрыв жизненной энергии, поразительный и всепоглощающий, вырвавшийся из королевских покоев, подобно бешеному ветру Суврaеля. Валентин почувствовал иссуша-

ющую вспышку насмешливого отказа Доминина Барьязида. Он не хотел любви и дружбы и посылал неповиновение, ненависть, гнев, презрение и объявление вечной войны.

Удар был мощный. Валентин никак не мог понять, как получилось, что Барьязид способен отправлять послания. Несомненно, это была какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов. Этого и следовало ожидать.

Когда послание кончилось, он отправил другой сон, настолько же легкий и доверчивый, насколько враждебен был сон Доминина Барьязида. Это был сон всеобщего прощения. Он показал ему гавань, флот кораблей с Суврaеля, ожидающий возвращения своего господина, и даже торжественное шествие. Валентин и Барьязид ехали вместе на колеснице, приближаясь к берегу для церемонии отплытия, а затем вместе стояли на набережной и, улыбаясь, прощались друг с другом,- два врага, воевавших между собой, а сейчас мило беседующих.

От Доминина Барьязида пришел ответный сон о смерти и разрушении, о ненависти, отвращении и презрении.

Валентин потряс головой, пытаясь очистить ее от этой ядовитой мерзости, в третий раз собрался

с силами и отправил еще одно послание своему врагу. Он по-прежнему не мог опуститься до уровня Барьязида, по-прежнему надеялся пронять его своим теплом и добротой, хотя любой другой сказал бы, что глупо было даже пытаться. Опустив голову, Валентин сосредоточился на серебряном обруче.

- Мой лорд? - Женский голос нарушил его сосредоточенность, когда он уже почти погрузился в транс.

Помеха была раздражающей и болезненной. Валентин резко повернулся в таком неожиданном для него гневе, что не сразу узнал Карабеллу, а та испуганно отпрянула назад.

- Мой лорд,- сказала она тонким голосом,- я не знала...

Он наконец взял себя в руки.

- В чем дело?

- Мы... мы нашли способ открыть дверь.

Валентин закрыл глаза, чувствуя, как его напряженное тело расслабляется. Улыбнувшись, он привлек ее к себе, а потом сказал:

- Веди меня туда!

Карабелла повела его по коридорам, завешанным древними портьерами и толстыми коврами. Она двигалась с уверенностью, неожиданной для

человека, никогда прежде не бывавшего в этих залах. Наконец они пришли в часть королевских покоев, которой Валентин не помнил, использовавшуюся как проход где-то за тронным залом. Стоя на плечах Залзана Кавола, Слит копался в каком-то глубоком отверстии, производя осторожные манипуляции с внутренней стороны двери.

- Мы открыли так три двери,- сказала Карабелла,- и сейчас Слит открывает четвертую. Еще немного...

Слит вытащил голову наружу и огляделся - весь в пыли, мрачный, но довольный собой.

- Открыто, мой лорд.

- Отлично сработано!

- Мы войдем туда и схватим его, мой лорд,- проревел Залзан Кавол.- Разорвать его на три куска или на пять?

- Нет,- сказал Валентин.- Туда пойду я. Один.

- Вы, мой лорд? - недоверчиво спросил Залзан Кавол.

- Один? - переспросила Карабелла, а Слит яростно воскликнул:

- Мой лорд, я запрещаю вам...- и тут же умолк, пораженный кощунством своих слов.

- Не бойтесь за меня,- мягко сказал Валентин.-

Это я должен сделать сам, без чьей-либо помощи. Слит - шаг в сторону, Залзан Кавол, Карабелла - отойдите назад. Я приказываю вам не входить, пока вас не позовут.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала что-то говорить, но заколебалась и замолчала. Шрам Слита горел и пульсировал, а Залзан Кавол издал какой-то странный звук и бессильно развел своими четырьмя руками.

Валентин открыл дверь, вошел внутрь и оказался в каком-то вестибюле, вероятно, проходе на кухню, где не было ничего знакомого для Коронала. Он осторожно пересек его и вошел в завешанный парчой зал, который после секундного замешательства определил как зал облачения. За ним была Часовня Деккерета, а оттуда можно было пройти в судебный зал Лорда Престимиона, огромное сводчатое помещение с высокими окнами и величественными люстрами, сделанными лучшими мастерами Ни-мойи. Дальше располагался тронный зал с Троном Конфалума, превосходившими все другие своей роскошью. Где-то в этих помещениях должен находиться Доминин Барьязид.

Валентин направился в зал облачения. Он был пуст и выглядел так, словно никто месяцами не

пользовался им. Каменная арка Часовни Деккерета не была закрыта занавесом; Валентин заглянул туда, никого не увидел и пошел дальше по короткому изгибающемуся проходу, украшенному сверкающим мозаичным узором, который вел в судебный зал.

Затаив дыхание он положил руки на дверь зала и толчком открыл ее.

В первый момент ему показалось, что это широкое пространство тоже пусто. Горела только одна из больших люстр в самом дальнем конце. Валентин поглядел вправо и влево, на ряды полированных деревянных скамей, прошел занавешенные альковы, в которых герцогам и принцам было разрешено ждать, пока суд вынесет им приговор, направился к месту Коронала...

...и увидел фигуру в королевской мантии, стоящую в тени стола совета.

15

Из всех странностей периода его изгнания эта была самой удивительной: стоять менее чем в ста футах от того, кто носил лицо, когда-то бывшее его собственным. До этого Валентин видел фальшивого Коронала только в день фестиваля в Пидруиде, и каждый раз, глядя на него, чувствовал себя испачканным и обессиленным, хотя и не знал почему. Но это было до того, как к нему вернулись воспоминания. Сейчас в полумраке он видел высокого крепкого мужчину с горящими глазами, черной бородой и царственным поведением, который вовсе не казался испуганным и смотрел на него с холодной спокойной угрозой. «Неужели я так выглядел? - подумал Валентин.- Таким мрачным, холодным, страшным?» Он подозревал, что за месяцы, пока Доминин Барьязид владел его телом, чернота души узурпатора изменила лицо Коронала и придала ему это болезненное ненавидящее выражение. Валентин уже привык пользоваться своим новым лицом и сейчас, глядя на то, которое носил многие годы, чувствовал, что вовсе не хочет получить его обратно.

- Я сделал тебя хорошеньким, верно? - сказал Доминин Барьязид.

- А себя нет,- вежливо отозвался Валентин.- Почему ты хмуришься, Доминин? Это лицо лучше смотрится с улыбкой.

- Ты улыбался слишком часто, Валентин. Ты был слишком прост, слишком мягок и светел душой, чтобы править государством.

- Значит, таким ты видел меня?

- Я и многие другие. Я слышал, что ты был странствующим жонглером.

Валентин кивнул.

- Мне нужна была новая профессия после того, как ты забрал мою прежнюю. Жонглирование подошло для меня.

- Этого и следовало ожидать,- сказал Барьязид. Голос его эхом разносился по длинному пустому залу.- Ты всегда предпочитал развлекать других. Я прошу тебя вернуться к жонглированию, Валентин. Печати власти у меня.

- Печати да, но не сама власть. Иди, стань собой, Доминин, и мы вернем тебя на земли твоего отца.

- А что с машинами погоды, Валентин!?

- Они пущены снова.

- Ложь! Глупая ложь! - Барьязид повернул-

ся и открыл одно из высоких арочных окон. Порыв холодного воздуха ворвался в комнату так стремительно, что Валентин, хотя и стоял в другом конце, почти сразу же почувствовал это.- Машины охраняют люди, которым я верю во всем,- сказал Барьязид.- Не твои люди, а мои, которых я привез с Суврaеля. Они будут держать их выключенными, пока от меня не придет приказ запустить их снова, и, если для этого вся Замковая Гора должна погибнуть, так оно и будет, Валентин. Так и будет! Ты допустишь, чтобы это произошло?

- Этого не будет.

- Будет,- сказал Барьязид,- если ты останешься в Замке. Иди. Я гарантирую тебе безопасный спуск с Горы и свободный проход до Цимроеля. Жонглируй в западных городах, как делал это год назад, и забудь о глупых претензиях на трон. Я - Лорд Валентин, Коронал.

- Доминин...

- Мое имя Лорд Валентин! А ты бродячий жонглер Валентин с Цимроеля! Иди и занимайся своим делом!

- Это большой соблазн, Доминин,- сказал Валентин.- Мне нравится выступать, может, даже больше, чем все, что я делал в своей жизни. И все

же судьба доверила мне нести ношу правления, не считаясь с моими личными желаниями. А сейчас идем,- он сделал шаг к Барьязиду, потом второй, третий.- Идем со мной, выйдем в переднюю и покажем рыцарям Замка, что мятеж закончился и мир вернулся к порядку и спокойствию.

- Стой на месте!

- Я не собираюсь причинять тебе вреда, Доминин. Я благодарен тебе, ибо многое из пережитого мной никогда не случилось бы...

- Назад! Ни шагу больше!

Валентин продолжал идти.

- Я благодарен и за то, что ты избавил меня от этой досадной хромоты, так мешавшей в...

- Ни - шагу - больше!

Теперь их разделяло не более дюжины футов. Рядом с Доминином Барьязидом был стол, заставленный принадлежностями судебного зала: три тяжелых медных подсвечника, королевская держава и скипетр. Издав какой-то странный гневный возглас, Барьязид схватил обеими руками подсвечник и яростно швырнул в голову Валентина. Однако тот ловко отступил в сторону и изящным движением руки поймал тяжелый металлический предмет. Барьязид швырнул вто-

рой, Валентин поймал и его.

- Еще один,- сказал он,- и я покажу тебе, как это делают!

Лицо Барьязида потемнело от ярости, он задыхался, шипел и фыркал. Третий подсвечник полетел в Валентина, который уже держал первые два в движении. Для него не составило труда поймать подсвечник и включить его в последовательность, образовав сверкающий каскад в воздухе перед собой. Он жонглировал весело, со смехом, бросая их все выше. Как это было здорово пользоваться своим искусством после долгого перерыва.

- Видишь? - сказал он.- Вот так. Мы можем научить тебя, Доминин, нужно только научиться расслабляться. А сейчас брось мне скипетр и державу. Я могу жонглировать пятью и, может, даже и большим числом предметов. Правда, зрителей мало, но...

Продолжая жонглировать, он двинулся к Барьязиду, который отступал назад. Глаза Доминина вылезли из орбит, по подбородку текла слюна.

И вдруг Валентин содрогнулся от послания, ударившего его с силой дубины. Потрясенный, он остановился, и подсвечники с резким металлическим звуком упали на деревянный пол.

Последовал второй удар, вызвавший у него головокружение, затем третий. Валентин изо всех сил старался удержаться на ногах. Игра, в которую он играл с Барьязидом, кончилась и начиналась какая-то новая схватка, которой Валентин не понимал.

Он бросился вперед, собираясь схватить своего противника прежде, чем эта сила ударит снова.

Барьязид отступал, закрывая лицо дрожащими руками. Пришла ли эта яростная атака от него или в комнате прятался его союзник? Валентин отпрянул, когда эта безжалостная, невидимая сила нанесла новый, еще более сильный удар. Он был потрясен и, прижав руки к вискам, пытался собраться с мыслями. Схвати Барьязида, сказал он себе, брось его на пол, сядь на него и зови на помощь...

Он прыгнул, сделал выпад и схватил фальшивого Коронала за руку. Барьязид закричал и рывком освободился. Продолжая наступать, Валентин старался загнать его в угол и почти добился своего, но вдруг с диким пронзительным криком страха Барьязид проскочил мимо и помчался через комнату. Добежав до одного из занавешенных альковов, он нырнул туда, крича:

- Помогите! Отец, помоги мне!

Валентин последовал за ним, сорвал занавес и... остановился в изумлении. В алькове скрывался крепко сложенный, полный старик, носивший на лбу сверкающий золотой обруч и державший в одной руке какое-то устройство из слоновой кости и золота, какую-то вещь с ремнями, застежками и рычагами. Это был Симонан Барьязид, Король Снов, ужасный старый затворник с Суврaеля, скрывавшийся в судебном зале Коронала! Именно он посылал леденящие разум сны-приказы, которые почти повалили Валентина, и сейчас пытался послать очередной, но ему мешало безумие его собственного сына, который истерично уцепился за него, моля о помощи.

Валентин понял, что одному ему не справиться.

- Слит! - позвал он.- Карабелла! Залзан Кавол!

Доминин Барьязид всхлипывал и стонал, и Король Снов пнул его, как какую-то надоедливую собаку. Валентин осторожно вошел в альков, надеясь выхватить из рук Симонана Барьязида его страшную машину, прежде чем тот сумеет еще раз пустить ее в ход, но едва он потянулся за ней, как произошло нечто еще более странное. Контуры лица Симонана Барьязида заколебались, стали расползаться...

...изменяться...

...и превратились в нечто чудовищное, угловатое и гибкое, с глазами, ушедшими вглубь, носом, ставшим едва заметным бугорком, губами, которые с трудом можно было различить...

Метаморф!

Это был вовсе не Король Снов, а подделка под него, Изменяющий Форму, пьюривар, метаморф...

Доминин Барьязид в ужасе заорал, отпрянул от причудливой фигуры и, дрожа и хныкая, прижался к стене. Метаморф с нескрываемой ненавистью взглянул на Валентина и швырнул в него свой прибор. Валентин едва успел защититься; прибор попал ему в грудь, отскочил в сторону, и в этот момент метаморф проскочил мимо него, направляясь в дальний конец зала, перепрыгнул через подоконник окна, которое открыл Доминин Барьязид, и исчез в ночи.

16

Бледный, трясущийся Валентин повернулся и увидел, что комната полна народу: Слит, Залзан Кавол, Делиамбр, Карабелла, Тунигорн и многие другие набились в нее через узкий вестибюль. Он указал на Доминина Барьязида, лежавшего в шоке, и сказал:

- Тунигорн, займись им. Забери его в безопасное место и смотри, чтобы с ним ничего не случилось.

- Самое лучшее, мой лорд, это Двор Пинитора. Я поставлю охранять его дюжину человек, вооруженных пиками.

Валентин кивнул.

- Хорошо. Я не хочу оставлять его одного. И приведи к нему доктора, он страшно перепугался и, думаю, повредился в уме.- Он взглянул на Слита.- Дружище, у вас нет фляжки вина? Я здесь пережил несколько странных минут.- Слит протянул ему фляжку, но руки Валентина тряслись, и он едва не разлил вино, прежде чем поднес его к губам.

Немного успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф. Где-то далеко

внизу горели фонари. Туда было не менее ста футов, и во дворе он заметил фигуры, столпившиеся вокруг чего-то, прикрытого плащом. Валентин отвернулся.

- Метаморф,- озадаченно сказал он.- Или это был сон? Я видел Короля Снов, стоявшего здесь... потом он стал метаморфом... а потом бросился к окну...

Карабелла коснулась его руки.

- Мой лорд, вы отдохнете сейчас? Замок взят.

- Метаморф,- снова сказал Валентин с удивлением в голосе.- Как это могло...

- В зале машин погоды тоже были метаморфы,- сказал Тунигорн.

- Что?! - уставился на него Валентин.- Что ты сказал?

- Мой лорд, Элидат вернулся из подвала и рассказал странную историю.- Тунигорн махнул рукой, и из толпы выступил сам Элидат. Плащ его был в пятнах крови, куртка разорвана.

- Мой лорд?

- Машины погоды?

- Они невредимы, и воздух и тепло возвращаются, мой лорд.

Валентин облегченно вздохнул.

- Отлично сделано! Так ты говоришь, там были

Изменяющие Форму?

- Зал охраняли войска в форме личной гвардии Коронала,- сказал Элидат.- Мы предложили им сдаться, но они отказались, даже мне. Тогда мы напали на них и... убили их, мой лорд...

- Другого выхода не было?

- Никакого, - сказал Элидат.- Мы убили их, и когда они умерли, то..., изменились...

- Все?

- Да, все оказались метаморфами.

Валентин содрогнулся. Странность за странностью в этой кошмарной революции! Он чувствовал, как на него наваливается усталость. Машины жизни снова работали, Замок был захвачен, а фальшивый Коронал в плену, мир был спасен, порядок восстановлен, угроза тирании ликвидирована. И все же... все же появилась новая тайна, а он так ужасно устал...

- Мой лорд,- сказала Карабелла,- идемте со мной.

- Да,- опустошенно сказал он.- Да, я немного отдохну сейчас.- Он слабо улыбнулся.- Проводи меня до кушетки в зале облачения, любимая. Нужно отдохнуть часок-другой. Ты помнишь, когда я спал в последний раз?

Карабелла скользнула под его руку.

- Кажется, несколько дней назад.

- Дни, недели, месяцы... Всего час... не позволяй мне спать больше часа...

- Конечно, мой лорд.

Он опустился на кушетку. Карабелла накинула на него одеяло и погасила свет. Валентин попытался расслабиться. Однако перед его внутренним взором проплывали яркие картины: Доминин Барьязид, цепляющийся за колени старого человека, Король Снов, гневно пытающийся оттолкнуть его, а затем изменяющийся, превращаясь в жуткого пьюривара... испуганно кричащий Доминин Барьязид... метаморф, кидающийся к открытому окну... снова и снова эти сцены прокручивались перед измученным Валентином...

А потом он наконец погрузился в сон, скользнул в него, все еще борясь с демонами судебного зала.

Он спал не час, как просил, а гораздо больше, ибо, когда открыл глаза, комнату ярко освещали лучи утреннего солнца. Он сел и потянулся. Все тело болело. Это был сон, подумал он, удивительный и дикий сон... хотя нет, не сон. НЕ СОН!

- Мой лорд, вы отдохнули?

Карабелла, Слит, Делиамбр. Смотрят на него.

Стоят, охраняя его сон. _

Валентин улыбнулся.

- Да, я отдохнул. И ночь прошла. Что случилось?

- Довольно мало,- сказала Карабелла,- если исключить то, что воздух и тепло возвращаются. Замок радуется, а вниз ушла весть, что мир изменился.

- Метаморф, прыгнувший в окно, разбился?

- Да, мой лорд,- сказал Слит.

- Он носил мантию и регалии Короля Снов и один из его приборов. Как это могло случиться?

- Я могу высказать предположение, мой лорд,- сказал Делиамбр.- Я говорил с Доминином Барьязидом,- кстати, он помешался и будет долго выздоравливать - и он рассказал мне кое-что. Его отец, Король Снов, тяжело заболел и был близок к смерти. Это было, когда вы еще сидели на троне.

- Я ничего не помню об этом.

- Ну,- сказал вроон,- они не стремились афишировать этого. Однако состояние больного было тяжелым, и тогда на Сувраель прибыл новый врач, выходец с Цимроеля, прославившийся своим искусством. И действительно, Король Снов очень быстро выздоровел, как будто восстал от смерти, а потом подсказал своему сыну идею

заманить вас в Тил-омон и сбросить с трона.

Валентин задохнулся от удивления.

- Врач... метаморф?

- Да,- ответил Делиамбр.- Принявший облик человека вашей расы. Затем он замаскировался под Симонана Барьязида, и только ярость и замешательство в судебном зале раскрыли его, заставив изменения ослабеть, а потом исчезнуть.

- А Доминин? Он тоже?..

- Нет, мой лорд, это настоящий Доминин, и вид существа, изображавшего его отца, разрушил его разум. Как видите, на преступление его толкнул метаморф и, надо полагать, со временем другой метаморф заменил бы Доминина, уже как Коронала.

- А метаморфы, охранявшие машины погоды и подчинявшиеся не Доминину, а фальшивому Королю Снов! Тайная революция, а, Делиамбр? Не захват власти семьей Барьязидов, а начало восстания Изменяющих Форму?

- Боюсь, что да, мой лорд.

Валентин уставился в пустоту.

- Многое теперь ясно, но еще больше запуталось.

- Мой лорд,- сказал Слит,- мы должны уничтожить всех метаморфов, скрывающихся среди нас,

и загнать остальных в Пьюрифайн, где они не смогут навредить нам!

- Полегче, дружище,- сказал Валентин.- Ваша ненависть к метаморфам еще не прошла?

- И тому есть причины!

- Да, пожалуй, есть. Хорошо, мы выявим их и не оставим ни одного метаморфа, претендующего на роль Понтифекса, Леди или хотя бы сторожа при конюшне. Но я думаю также, что мы должны обратиться к людям и, если можно, излечить их от этой ненависти, иначе Маджипур будет ввергнут в бесконечную войну.- Он поднялся, застегнул плащ и поднял руки вверх.- Друзья, боюсь, что нас ждет работа, и немалая, но прежде всего - торжество! Слит, я назначаю вас канцлером фестиваля моей реставрации. Подготовьте банкет, договоритесь о представлении и пригласите гостей. Пусть Маджипур узнает, что все хорошо или почти хорошо, а Валентин снова сидит на троне!

17

Тронный зал Конфалума был самым большим и величественным помещением Замка, со сверкающими золочеными балками, прекрасными гобеленами и полом из гладкого дерева гурна с вершин Кинтора. Это был зал роскоши и величия, в котором проходили самые значительные королевские церемонии. Но такого спектакля, который разыгрывался здесь сейчас, тронный зал еще не видел.

На вершине огромного многоступенчатого Трона Конфалума сидел Лорд Валентин, Коронал, а на троне слева от него, почти таком же высоком, сидела Леди, его мать, великолепная в своей белой мантии. Справа, на троне такой же высоты, как у Леди, сидел Хорнкаст, верховный представитель Понтифекса, ибо Тиверас послал свои извинения и Хорнкаста вместо себя. Перед ними, заполняя комнату, находились герцоги, принцы и рыцари королевства, общество, которого не было со времен самого Лорда Конфалума - правители с далекого Цимроеля, из Пидруида, Тил-омона и Нарабала, герцог хайрогов из Дулорна, вельможи из Пилиплока, Ни-мойи и пятидесяти других горо-

дов Цимроеля и сотни сановников с Алханроеля. Но в толпе, собравшейся здесь, были не только герцоги и принцы, а и простые люди: скандар Горзвал с обрубком руки, Кордеин, бывшая его парусным мастером, и Панделон, его плотник, хьорт Виноркис, торговец шкурами хайгусов, мальчик Хиссуне из Лабиринта, старая толковательница снов Тисана из Фалкинкипа и многие другие, испуганно стоявшие среди вельмож.

Лорд Валентин поднялся, отсалютовал своей матери и Хорнкасту и поклонился, когда раздались крики: «Долгой жизни Короналу!» Когда воцарилась тишина, он негромко сказал:

- Сегодня мы устраиваем фестиваль, торжество по случаю реставрации государства и восстановления порядка вещей, и приготовили для вас представление.

Он хлопнул в ладоши, и, наигрывая быструю и веселую мелодию, в зал вошла дюжина музыкантов, ведомых Шанамиром. За ними шли жонглеры в удивительно красивых костюмах, достойных принцев. Первой была Карабелла, сразу за ней шел беловолосый Слит, а за ним следовали грубоватый Залзан Кавол и два его брата. Они несли разнообразные предметы для жонглирования: мечи, ножи и серпы, факелы,

яйца, тарелки, весело раскрашенные булавы и множество других вещей. Достигнув центра зала, они стали в позицию лицом друг к другу, в вершинах воображаемой звезды, и стояли, гордо выпрямившись.

- Подождите,- сказал Лорд Валентин.- Там есть место еще для одного!

Шаг за шагом спускался он с Трона Конфалума, пока до пола не осталось три ступени. Улыбнувшись Леди, он подмигнул юному Хиссуне и сделал знак Карабелле, которая бросила ему клинок. Валентин ловко поймал его, она бросила второй и третий, и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал сделать это еще на Острове Сна.

Это было сигналом, и представление началось. Множество странных предметов летало по воздуху друг за другом. Валентин не сомневался, что подобного не было нигде в известной вселенной. Некоторое время он стоял на троне, затем спустился к остальной группе, смеясь и обмениваясь серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

- Как в добрые старые дни! - сказал Залзан Кавол.- Но вы, мой лорд, стали еще искуснее!

- Публика вдохновляет меня,- ответил Лорд.

- А можете вы жонглировать, как это делают скандары? - спросил Залзан Кавол.- Смотрите, мой лорд! Ловите! Ловите! Ловите!

Казалось, Залзан Кавол извлекает из воздуха яйца, тарелки и булавы, четыре его руки, не останавливаясь, плели паутину движений, и каждую пойманную вещь он отправлял Лорду Валентину, который безошибочно принимал, жонглировал ими и, под овации зрителей, отправлял Слиту или Карабелле. Да, вот это была жизнь! Как в добрые старые дни и даже еще лучше! Он рассмеялся, поймал сверкающий меч и бросил его вверх. Элидат и Тунигорн считали, что Короналу не пристало жонглировать перед высшими сановниками королевства, но Валентин терпеливо объяснил им, что не все делается для протокола. И сейчас он видел, как, изумленно раскрыв рты, они смотрят с мест, пораженные его искусством.

А потом пришло время покинуть площадку перед троном. Он постепенно освободил руки от всех предметов и начал пятиться назад, а дойдя до подножия трона, остановился и поманил Карабеллу.

- Идем,- сказал он.- Теперь мы зрители.

Щеки ее покраснели, но она не колеблясь оставила булавы, ножи и яйца и направились к трону.

Лорд Валентин взял ее за руку, и они начали подниматься.

- Мой лорд...- шепнула она.

- Тссс. Это очень серьезное дело. Не споткнись на ступеньке.

- Споткнусь? Я?! Жонглер?!

- Прости меня, Карабелла!

- Я прощаю тебя, Валентин.

- ЛОРД Валентин.

- И так будет всегда, мой лорд?

- Не думаю,- сказал он.- Не тогда, когда мы вдвоем.

Они достигли верхней ступеньки. Двойное сиденье, блестевшее зеленым и золотым бархатом, ждало их. Лорд Валентин стоял некоторое время, глядя на толпу герцогов, принцев и простого люда.

- А где Делиамбр? Я не вижу его!

- Ему не по вкусу это событие,- сказала Карабелла,- и он уехал на Цимроель, думаю, на каникулы. Колдунам скучно на таких фестивалях. Ты же знаешь, вроону никогда не нравилось жонглирование.

- Он должен был быть здесь,- проворчал Валентин.

- Когда ты будешь нуждаться в нем, он вер-

нется.

- Надеюсь. А теперь давай сядем.

Они заняли свои места на троне. Внизу жонглеры продолжали показывать свои самые головокружительные трюки, которые казались удивительными даже для Лорда Валентина. Глядя на них, он испытывал странную грусть, ибо теперь, отделив себя от компании жонглеров и поднявшись на трон, он совершил серьезное изменение в своей жизни. Он не сомневался, что жизнь бродячего жонглера, свободное и радостное время, кончилась, и обязанности, которых он не искал, но от которых не мог отказаться, вновь лягут на него всей своей тяжестью. И это было печально. Повернувшись к Карабелле, он сказал:

- Может, как-нибудь... когда двор будет смотреть в другую сторону... мы соберемся и побросаем булавы?

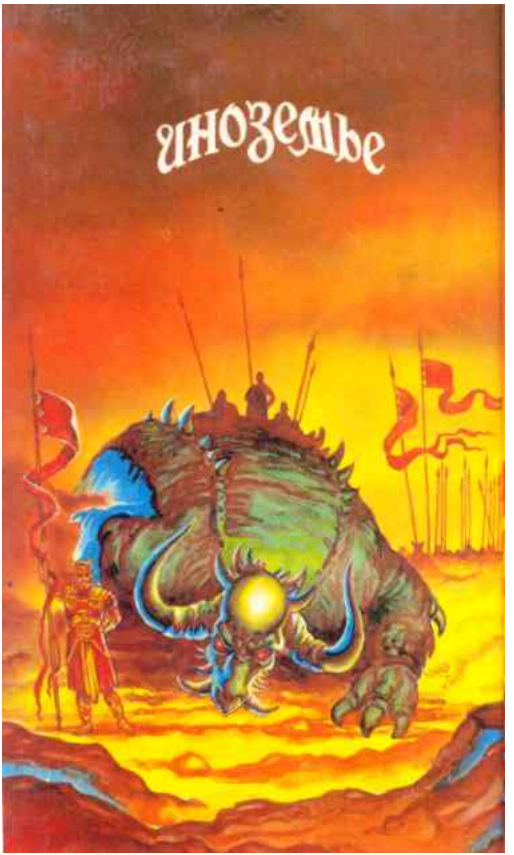
- Я думаю, да, мой лорд. Мне нравится эта идея.

- Мы можем представить, что находимся где-то между Фалкинкипом и Дулорном, гадая, наймет ли нас Бесконечный Цирк, найдем ли мы гостиницу и...

- Мой лорд, смотри, что делают эти скандары! Вот это ловкость! Так много рук, и каждая занята!

Лорд Валентин улыбнулся.

- Я попрошу Залзана Кавола рассказать, как они это делают. Как-нибудь скоро. Когда будет время...


иноземье

МАДЖИПУР
ВЕЛИКОЕ МОРЕ
ОСТРОВ СНА
ЦИМРОДЕЛЬ
АЛХАНРОДЕЛЬ
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
СУВРАДЕЛЬ
ВЕЛИКОЕ МОРЕ
N
W
E
S